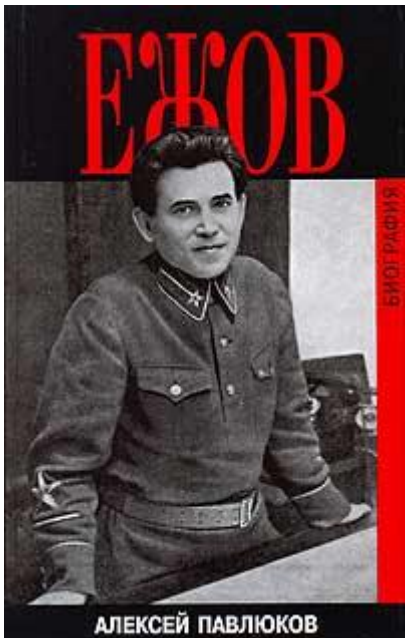
Алексей Павлюков

ЕЖОВ. Биография



СОДЕРЖАНИЕ

От автора

I. В НАЧАЛЕ ПУТИ

Глава **1. Юные годы Николая Ежова**
Глава **2. Солдат царской армии**
Глава **3. Ежов становится большевиком**
Глава **4. Военный комиссар**

II. ВВЕРХ ПО СТУПЕНЯМ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Глава **5. Посланец центра**
Глава **6. Хозяин Семипалатинской губернии**
Глава **7. В гуще межгрупповой борьбы**
Глава **8. Заместитель заведующего**
Глава **9. Будни коллективизации**
Глава **10. Снова в аппарате ЦК**
Глава **11. По заслугам и честь**

III. У ИСТОКОВ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Глава **12. Декабрь 1934 г. Ленинград**
Глава **13. Падение Енукидзе**
Глава **14. В борьбе за чистоту партийных рядов**
Глава **15. Надзиратель от партии**
Глава **16. Телеграмма Сталина**

IV. КАРАЮЩИЙ МЕЧ СТАЛИНА

Глава **17. В коридорах Лубянки**
Глава **18. Атака с ходу**
Глава **19. Дело «параллельного антисоветского троцкистского центра»**
Глава **20. Февральско-мартовский пленум**
Глава **21. Смена караула**
Глава **22. Огонь по штабам**
Глава **23. Искусство выживания**
Глава **24. Приказ № 00447**
Глава **25. Судьба «национальных контингентов»**
Глава **26. Кандидат в члены Политбюро**
Глава **27. Не останавливаясь на достигнутом**
Глава **28. Смерть Слуцкого**
Глава **29. Террор на экспорт**
Глава **30. Процесс «Антисоветского правотроцкистского блока»**

V. ФИНАЛЬНЫЕ АКТЫ ДРАМЫ

Глава **31. Неожиданное назначение**
Глава **32. Бегство Люшкова**
Глава **33. Проблемы с кадрами**
Глава **34. Явление Берии**
Глава **35. Мавр сделал свое дело…**
Глава **36. Беда не приходит одна**
Глава **37. Петля затягивается**
Глава **38. В застенках Сухановки**
Глава **39. «Прошу расстрелять меня спокойно, без мучений»**
Глава **40. Вместо эпилога**

Примечания

От автора

Массовые репрессии **1937-1938** годов навсегда останутся в истории страны как своеобразный символ того общественного строя, который установился в России в результате победы большевистской революции. «Большому террору», а также его вдохновителю и организатору И.В. Сталину посвящено огромное количество книг и статей. Гораздо меньше написано о человеке, руками которого этот террор осуществлялся, — о народном комиссаре внутренних дел СССР Николае Ивановиче Ежове.

В советский период никакие исследования, посвященные ему, были невозможны — большую часть времени его имя вообще находилось под запретом. В годы горбачевской перестройки и в постсоветский период некоторые сведения, касающиеся Ежова, стали достоянием гласности, однако, ввиду закрытости до последнего времени многих архивных фондов, предложенная публике информация неизбежно носила отрывочный характер, а в ряде случаев была просто недостоверной. Фактически история жизни и деятельности человека, обогатившего русский язык таким понятием, как «ежовщина», до сих пор остается неизвестной, широкой общественности, что явно несправедливо, учитывая ту роль, которую он сыграл в истории нашего государства.

Основная сложность работы над монографией заключалась в том, что значительная часть документов, касающихся деятельности Ежова на посту наркома внутренних дел СССР, по-прежнему остается не рассекреченной. В этих условиях некоторые важные события хотя и были отражены в книге, но не так всесторонне, как они того заслуживают, и можно лишь надеяться, что в дальнейшем, по мере облегчения доступа исследователей к закрытым для них сейчас источникам информации, удастся прояснить также и те вопросы, которые пока еще остаются без ответа.

Автор выражает благодарность Наталье Михайловне Перемышленниковой и Виктору Дмитриевичу Козлову за помощь в работе над данной книгой.

Часть I.
В НАЧАЛЕ ПУТИ

1. Юные годы Николая Ежова
2. Солдат царской армии
3. Ежов становится большевиком
4. Военный комиссар

1. Юные годы Николая Ежова

О детстве и юности Николая Ивановича Ежова известно немногое, и это обстоятельство способствовало возникновению разного рода слухов и домыслов. Утверждалось, например, что, рано осиротев, он воспитывался в семье известного революционера А.Г. Шляпникова[1] или что его отец работал дворником у одного из петербургских домовладельцев, а юный Коля Ежов был известным на всю округу хулиганом («Любимым занятием его было истязать животных и гоняться за малолетними детишками, чтобы причинить им какой-либо вред. Дети, и маленькие, и постарше, бросались врассыпную при его появлении»[2]).

Однако наибольший вклад в искажение собственных биографических данных внес сам Ежов, в результате чего многие факты, относящиеся к раннему периоду его жизни, изменились до неузнаваемости.

В своих анкетах и автобиографиях Ежов утверждал, что родился в **1895** году в Петербурге в семье рабочего-литейщика. При новой власти, установившейся в стране в **1917** году, факт рождения в «городе трех революции» (как называли тогда Петербург-Петроград), к тому же в пролетарской семье, открывал дополнительные возможности для служебного роста. Поэтому неудивительно, что свою биографию Ежов решил подправить именно в этой части.

На самом же деле, хотя родился он, действительно, в **1895** году, однако вовсе не в Петербурге (туда он переехал позднее) и не в семье рабочего. Его отец Иван Ежов, уроженец села Волхонщино Тульской губернии, проходил военную службу в музыкантской команде **111**-го пехотного полка, стоявшего в литовском городе Ковно. Отслужив положенный срок, он остался там же на сверхсрочную и женился на прислуге капельмейстера, литовке по

национальности. После выхода в отставку переехал с соседнюю Сувалкскую губернию и устроился на работу в земскую стражу — так в польских землях, входивших в состав Российской империи, называлась полиция.

Из четырех родившихся в семье детей выжили, помимо самого Ежова, еще двое: его старшая сестра Евдокия и младший брат Иван.

На момент рождения Николая Ежова семья, судя по всему, проживала в селе Вейверы Мариампольского уезда, а три года спустя, когда Ежов-старший получил повышение и был назначен земским стражником Мариампольского городского участка, — переехала в Мариамполь.

Это был небольшой уездный городок с населением немногим более четырех тысяч человек. К числу местных достопримечательностей относились мужская классическая гимназия, два кожевенных завода и две фабрики: папиросных гильз и шипучих вод. Громкие названия «завод», «фабрика» не должны вводить в заблуждение: на каждом таком предприятии работало всего по несколько человек.

Получивший свое название от расположенного здесь монастыря Марианского ордена, город до **1795** года входил в состав Польши, затем, после ее раздела, достался Пруссии и, наконец, в **1815** году отошел к России. Исторические реалии, а также близость к Литве и расположение в черте оседлости определили весьма пестрый национальный состав горожан, среди которых половину составляли евреи, затем шли в порядке убывания литовцы, поляки, немцы, русские и др. В этой тихой провинции и прошли ранние годы жизни Николая Ежова.

Ребенком он рос довольно хилым, что, впрочем, неудивительно: мать была женщиной болезненной, нервной, страдала малокровием; отец много пил — при такой на«следственности на хорошее здоровье рассчитывать не приходилось.

Когда подошел срок, родители отдали сына в школу. В Мариамполе было три городских начальных училища, из них только одно предназначалось для православных, в нем Ежов, по-видимому, и учился. Продолжительность обучения составляла три года, но Ежов, по его словам, закончил лишь один класс.

> «Лично меня, — утверждал он в одной из автобиографий, — школьная учеба тяготила, и я всеми способами от нее увиливал»[3].

В **1923** г., когда писались эти строки, такое признание не только не компрометировало их автора, но, напротив, свидетельствовало в его пользу, ведь, в отличие от какого-нибудь «гнилого интеллигента», настоящий большевик и должен был познавать окружающую действительность не по учебникам, забивающим голову разным ненужным хламом, а в гуще самой жизни.

Однако на самом деле Ежов, похоже, проучился все положенные три года. О том, что он окончил школу, упоминал впоследствии его брат, кроме того, Ежов по части грамотности выгодно отличался от многих своих сверстников, что вряд ли было возможно, отучись он всего один год.

Если это предположение верно, то процесс образования должен был завершиться либо в **1905**-м, либо в **1906**-м, и как раз именно тогда в жизни Ежова происходят важные перемены.

К этому времени его отцу пришлось, скорее всего по причине чрезмерного пристрастия к крепким напиткам, оставить службу в земской страже. Какое-то время он работал у местного жителя, занимавшегося убоем скота для армии, а затем открыл чайную в деревне Дегуце в полутора километрах от Мариамполя. Незадолго до этого в Мариамполь из Ковно был переведен его родной **111**-й полк, некоторые подразделения которого как раз и разместились в Дегуце, так что основными посетителями чайной стали отпущенные в увольнение солдаты.

Особых доходов чайная не приносила, поэтому вскоре Ежов-старший разорился и на последующие десять лет вынужден был переквалифицироваться в маляра. Но еще работая в чайной, он познакомился и подружился с солдатом **111**-го полка Николаем Бабулиным, который посватался к сестре Ежова, а впоследствии и женился на ней. Родом он был из Петербурга, и, когда в **1906** г. его служба подошла к концу, вместе с ним в Петербург отправился и одиннадцатилетний Коля Ежов. Брат Бабулина Степан имел в Петербурге небольшую портняжную мастерскую, и было решено, что Ежов поступит к нему в ученье.

О годах жизни в Петербурге Ежов в своей автобиографии, написанной в **1923** г., рассказывал так: «С **11** лет отдан был в ученье к портному, родственнику. Через два года (или даже меньше — не помню) по личному настоянию, при содействии отца ушел от портного и поступил в ученье в слесарно-механическую мастерскую. До **1914** года работал на многих заводах Петрограда, в том числе и Путиловском»[4].

В своем очерке «*Николай Иванович Ежов — сын нужды и борьбы*», написанном в начале **1938** г., но так никогда и не опубликованном, известный советский писатель А.А. Фадеев рассказал о том, как проходило становление характера будущего видного деятеля большевистской партии, а тогда четырнадцатилетнего паренька Николая Ежова:

> «Это был маленький чернявый подросток с лицом открытым и упрямым, с внезапной мальчишеской улыбкой и точными движениями маленьких рук. По условиям тогдашнего заводского обучения, мастер как-то, осердясь, не то толкнул, не то ударил Николая Ежова. Николай схватил клещи, и по мгновенно изменившемуся выражению его лица мастер понял, что надо бежать. Распустив фалды пиджака, вобрав голову в плечи, мастер бежал по цеху, а за ним с клещами в руках, гневно подрагивая тонкими ноздрями, бежал маленький Николай Ежов. За такие дела полагалось бы уволить ученика с завода. Но мастер был человек широких воззрений, дрался не со зла, а больше по привычке. Характер ученика ему понравился. Кроме того, ученик был способным в усвоении материала. И Ежова помиловали»[5].

В своей автобиографии Ежов не случайно упомянул Путиловский завод. Его рабочие сыграли важную роль во всех трех русских революциях. Само слово «путиловец» стало синонимом революционера, и после захвата власти большевиками в **1917** г. работа на таком прославленном предприятии была, конечно, очень выигрышным эпизодом в биографии любого партийного или советского функционера.

Однако на самом деле никаких достоверных свидетельств того, что Ежов действительно работал на Путиловском иликаком-либо другом заводе Петербурга, не существует, а в воспоминаниях брата и племянника о его юношеских годах фигурирует лишь одна освоенная им профессия — портной. По их рассказам выходит, что первые примерно пять лет пребывания в Петербурге Ежов обучался у Степана Бабулина искусству кройки и шитья, а заодно нянчил его маленького сына и выполнял, как это было тогда принято, роль домашней прислуги. Затем в течение некоторого времени работал портным у него же в мастерской, а возможно, и в каких-то других портняжных мастерских. Так что рассказ А.А. Фадеева о четырнадцатилетнем Ежове, гоняющемся с клещами в руках за мастером заводского обучения, можно, судя по всему, отнести к жанру художественной, а не документальной литературы.

Из анкет, которые Ежов заполнял в разное время, следует, что в Петербурге он пробыл до **1913**-го или до **1914** года, а затем уехал из города. Так, отвечая на вопрос, какие местности России он хорошо знает и сколько лет там прожил, Ежов указывал: «Петроград — с детства до **1913** г., после был наездами»[6]. В другом месте он уточняет: «В **1913** г. за забастовку арестован у резиновой мануфактуры «Треугольник». Выслан из Петербурга»[7]. И, наконец, в автобиографии читаем: «Во время забастовок, связанных с отравлениями в Питере, арестован был на заводе «Треугольник» и выслан из Питера»[8].

История, о которой идет речь, началась **12** марта **1914** года, когда около двухсот работниц российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» получили отравление при работе с новым клеем. В последующие дни число пострадавших увеличилось в несколько раз, после чего фабрику пришлось временно закрыть.

18 марта по инициативе большевистской фракции ситуация на предприятии обсуждалась в Государственной Думе. В эти же дни, в знак протеста против отравления работниц на «Треугольнике» и в связи со второй годовщиной расстрела на Ленских золотых приисках, на многих фабриках и заводах Петербурга, в том числе и на Путиловском, прошли забастовки, в которых приняли участие свыше **70** тысяч человек. Попытки забастовщиков организовать демонстрации с пением революционных песен пресекались полицией, несколько десятков человек было при этом арестовано. Однако напрасно было бы искать в списке задержанных, составленном Департаментом полиции, фамилию Ежова. Но если его не задерживали, значит, не за что было и высылать, тем более что события вокруг «Треугольника» происходили в марте **1914**-го, тогда как Ежов чаще всего датирует свой отъезд из Петербурга **1913** годом.

Напрашивается предположение, что отъезд Ежова не имел отношения к истории с отравлением, о которой он, видимо, узнал из газет и легко запомнил, ведь фабрика «Треугольник» была ему хорошо знакома, поскольку находилась на той же самой Лейхтенбергской улице, на которой жил в Петербурге он сам. Так как его отъезд из столицы и события вокруг «Треугольника» происходили почти в одно и то же время, трудно, видимо, было впоследствии преодолеть соблазн объединить их причинно-следственной связью. Для молодого и перспективного партийного работника, каким был Ежов в начале **20**-х годов, когда заполнял процитированные выше автобиографические документы, его анкета, если писать о ней все, как есть, выглядела бы довольно скромно, и, конечно, упоминание об

административной высылке в связи с событием, прогремевшим на всю Россию, делало ее намного солидней.

Подлинные причины отъезда Ежова из столицы установить уже невозможно, но судя по всему, никакой политической подоплеки за этим не стояло. Учитывая предрасположенность Ежова к туберкулезу, от которого он пытался излечиться в последующие годы, можно предположить, что петербургский климат был не очень подходящим для его здоровья, и он просто решил вернуться на родину.

Погостив у родителей, Ежов отправился на поиски работы, в ходе которых побывал даже за границей. В Сувалкской губернии многие жители уходили в отхожие промыслы за пределы губернии, в том числе и по краткосрочным легитимационным билетам в соседнюю Восточную Пруссию. Ежов также, по-видимому, воспользовался этой возможностью и побывал в восточно-прусском городе Тильзите (о чем он упоминает в одной из анкет), неясно, правда, с какими результатами в смысле трудоустройства.

В других же городах он, по его словам, работал у кустарей, а в Ковно — еще и на металлообрабатывающем заводе братьев Тильманс, что, впрочем, вызывает большие сомнения.

Возможно, Ежов и дальше оставался бы в родных краях, если бы не начавшаяся война. Территория, на которой он пытался найти применение своим способностям, в одночасье оказалась прифронтовой зоной, и задерживаться здесь стало небезопасно.

> «Во время войны, — пишет Ежов в автобиографии, — возвратился я обратно в Питер и поступил на работу на Путиловский завод, но через некоторое время (через какое, не помню) попал в число «неблагонадежных», был снят с учета [то есть лишен брони, предоставляемой рабочим оборонных предприятий] и отправлен в армию»[9].

2. Солдат царской армии

В вышедшей в **1937** г. небольшой книжечке «Великая социалистическая революция в СССР» будущий корифей советской исторической науки И.И. Минц, рассказывая о революционном прошлом членов тогдашнего Политбюро ЦК ВКП(б), посвятил несколько строк и Ежову, в частности периоду его службы в царской армии. Минц писал:

> «Уволенный с завода в числе нескольких сот путиловцев за борьбу против империалистической войны, Ежов был направлен в запасной батальон. Путиловцы в батальоне организовали забастовку — не вышли на занятия и уговорили остальных солдат остаться в казарме. Батальон немедленно расформировали, а зачинщиков забастовки бросили в военно-каторжную тюрьму, в штрафной батальон.
>
> Боясь отправки на фронт революционно настроенных солдат, офицеры перевели их в нестроевую команду. Среди переведенных оказалось человек 30 путиловских рабочих. Они организовали выступление солдат против командиров, которое чуть не окончилось убийством начальника команды. В 1916 году в команду приехал начальник артиллерийских мастерских. Ему нужны были токаря и слесаря. Вместе с другими рабочими взяли и Ежова»[10].

Стараниями И.И. Минца перед читателем представал образ убежденного противника царского режима, одного из тех, кто в нелегкой борьбе с самодержавием готовил грядущую победу пролетарской революции. Приходится, однако, констатировать, что из всего рассказанного историком действительности соответствуют лишь названия некоторых воинских частей, в которых Ежов и в самом деле служил.

Прежде всего следует отметить, что призывался Ежов не из Петербурга, как следует из его автобиографии и из повествования И.И. Минца, а из села Волхонщино Крапивенского уезда Тульской губернии[11]. Здесь, как уже упоминалось, родился и жил до ухода на военную службу его отец, и сюда же, к родственникам по отцовской линии, Ежов переехал после того, как вынужден был в связи с началом войны прервать свои странствия по прибалтийским землям. А это означает, что никакой компании сослуживцев с Путиловского завода, переходящей с ним из одной части в другую и устраивающей там забастовки и подстрекательства к убийству командиров, в солдатской биографии Ежова не было. К тому же «несколько сот путиловцев», о которых упоминает Минц, оказались уволенными и попали в армию только в феврале **1916** г., когда завод из-за забастовок был закрыт, и свыше двух тысяч рабочих призваны на военную службу, причем часть из них, действительно, была отправлена в дисциплинарный батальон. Но Ежов к тому времени давно уже тянул солдатскую лямку.

Миф о Ежове — борце против империалистической войны — призван был скрыть

подлинные обстоятельства его военной биографии, мало соответствующие тому образу революционно настроенного рабочего, который он создавал в своих анкетах и автобиографиях. Несмотря на то, что Ежов тщательно оберегал свой маленький секрет, Минц, из оказавшихся в его распоряжении документов, знал, как обстояло дело в действительности. Однако, будучи опытным советским историком, он правильно понимал свою задачу и писал не о том, что было, а о том, что должно было быть.

Дело в том, что, в отличие от своих сверстников, попавших в армию одновременно с ним, Ежов не был мобилизован, а отправился служить добровольцем (или, как тогда еще говорили, охотником). Из приказа по 76-му запасному пехотному батальону (г. Тула) от 16 июня 1915 г.:

> «Прибывшего от Крапивенского уездного воинского начальника охотника Николая Ежова... зачислить в списки батальона в 11 роту и на все виды довольствия с 15 сего июня»[12].

И везде, в тех частях, где Ежов проходил службу, против его фамилии в списках личного состава всегда указывалось — доброволец.

Добровольцем (охотником), согласно тогдашнему Уставу о воинской повинности, можно было стать, либо изъявив желание послужить отечеству раньше положенного срока (к Ежову это не относилось), либо отказавшись от тех или иных льгот, предусматривающих отсрочку или даже освобождение от призыва. Не вполне ясно, какой из льгот Ежов мог воспользоваться, и уж совсем непонятно, что заставило его отказаться от этого подарка судьбы и самому надеть на себя армейский хомут, тем более что все это происходило, напомним, не в мирное, а в военное время. В той среде, к которой он принадлежал, сколько-нибудь заметных патриотических настроений не наблюдалось, и добровольцы среди солдат практически не встречались — на весь Крапивенский уезд таких в тот призыв оказалось, вместе с Ежовым, всего трое. Но так или иначе летом 1915 г. он очутился в запасном батальоне и в течение последующих шести недель осваивал азы солдатской науки: учил уставы, занимался строевой подготовкой, отрабатывал приемы штыкового боя, изучал оружие и участвовал в боевых стрельбах. Наконец, время, отведенное для превращения новобранца в солдата, закончилось, и в конце июля 1915 г. Ежов с маршевой ротой отправился на русско-германский фронт.

Прибывшее пополнение было использовано для укомплектования 172-го Лидского пехотного полка, входившего в состав 43-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса 10-й армии Северо-Западного фронта и располагавшегося в тот момент на боевых позициях в районе литовского поселка Людвинов. По иронии судьбы, отсюда до родного Ежову Мариамполя было всего несколько километров.

Первые дни пребывания на передовой прошли относительно спокойно, однако затем ситуация изменилась. Взятие немцами в начале августа 1915 г. крепости Ковно, расположенной на правом берегу Немана, значительно осложнило положение русских войск на участке фронта, входящем в зону ответственности 10-й армии. В этих условиях командование армии вынуждено было начать отвод к Неману частей и соединений, держащих оборону южнее Ковно.

В ночь на 6 августа, получив приказ на отход, 172-й полк скрытно снялся с занимаемых позиций и после ночного двадцати километрового перехода закрепился на новом рубеже. Однако уже к вечеру передовые отряды немцев подошли вплотную к его позициям и начали окапываться в нескольких сотнях метров от них. В течение последующих трех дней полк подвергался периодическому обстрелу немецкой артиллерии и время от времени отбивал попытки пехоты противника нащупать слабое место в его обороне.

Утром 10 августа полк переводится в корпусной резерв. Не участвуя непосредственно в боевых действиях, он перебрасывается из одного опасного района в другой, готовый в любой момент прийти на выручку отступающим частям 2-го корпуса.

Вечером 13 августа был получен приказ выдвинуться на позиции в семи километрах восточнее поселка Олита и оказать боевое содействие одному из полков 26-й дивизии, на участке которого обозначилось стремление немцев крупными силами прорвать оборону русских войск.

И в этот опасный момент Ежову сильно повезло. Почти две недели, проведенные на передовой, жизнь в окопах, ночные марш-броски, обстрелы и прочие тяготы фронтовой жизни весьма неблагоприятно отразились на его здоровье... и он заболел. Приказом по полку от 14 августа вместе с несколькими другими заболевшими солдатами его отправляют в госпиталь. И очень вовремя, поскольку в ходе начавшихся 14 августа тяжелых боев,

продолжавшихся четыре дня, полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше тысячи человек, в том числе 16-я рота, куда был зачислен Ежов, — 50 человек.

Не исключено, правда, что немного досталось и Ежову. Поскольку его отправка в госпиталь происходила в день начала боев, возможно, при артобстреле позиций русских войск Ежов, не успевший еще эвакуироваться в тыл, был легко ранен. Во всяком случае, в одной из анкет он упоминает о ранении, полученном под Олитой[13], хотя в официальных списках раненных за эти дни его фамилия не значится. Если, однако, Ежов действительно был ранен, то можно предположить, что ясно различимый на всех не-отретушированных фотографиях неровный шрам на его правой щеке как раз и является результатом этого ранения.

После 14 августа 1915 года следы Ежова на некоторое время теряются. До конца сентября он из госпиталя не вернулся, а за последующий период штабные документы 172-го полка в архиве не сохранились. Возможно, после госпиталя Ежов был направлен в какую-то другую часть, во всяком случае, летом 1916 года он обнаруживается уже в нестроевой команде при штабе Двинского военного округа в Витебске. Нестроевая команда представляла собой своего рода распределительный пункт для тех солдат, которых врачебные комиссии признали непригодными к строевой службе. Отсюда их отправляли во временные командировки или на постоянную работу в тыловые части и подразделения округа (госпитали, хлебопекарни, склады, мастерские и т.д.).

Дошла очередь и до Ежова, и в начале июня 1916 года его в составе группы из 135 человек направляют в находящуюся здесь же в Витебске 5-ю подвижную починочную мастерскую.

5-я мастерская, занимавшаяся ремонтом артиллерийского вооружения и изготовлением запасных частей к нему, была сформирована летом 1914 года и первое время действительно использовалась в подвижном варианте. После нескольких месяцев работы в Витебске она в начале 1915 года передислоцировалась в Вильно, затем в августе того же года была направлена в Бобруйск, но с полпути переадресована снова в Витебск, где с тех пор и находилась. В сентябре 1916 г. ее переименовали в 5-ю тыловую артиллерийскую мастерскую Северного фронта.

В мастерской Ежова ни к какой серьезной работе не приставили, а определили в группу, называвшуюся «рядовые для хозяйственных надобностей». Первые полгода он исполнял эти надобности главным образом в нарядах, заступая чуть ли не через день то дневальным, то в караул. Но наконец ему нашли более подходящее применение.

В отличие от большинства своих сослуживцев, Ежов считался грамотным (это специально отмечалось в документах части), и, когда в конце 1916 года в канцелярии мастерской освободилось место писаря, взяли его. Прошло немного времени, и 1 апреля 1917-го Ежову, в числе других солдат, исполнявших в канцелярии обязанности писарей, литографов и переплетчиков, «за отлично-усердную службу при хорошем поведении» было присвоено звание младшего мастерового[14].

Четыре месяца спустя — новое повышение. 27 июля 1917 г. с той же, что и прежде, формулировкой ему присваивается звание старшего писаря среднего оклада[15]. (Позднее, стесняясь этой своей писарской должности, малоподходящей для большевика с пролетарским прошлым, Ежов укажет в анкете, что работал в 5-й мастерской сначала мастеровым, а затем старшим мастеровым[16].)

Не следует, однако, думать, что круг интересов Ежова ограничивался в это время лишь прилежным исполнением служебных обязанностей. За воротами казармы происходили события, к которым трудно было остаться равнодушным.

3. Ежов становится большевиком

Падение самодержавия встречено было в Витебске, как и во всей стране, с воодушевлением. В ночь на 5 марта 1917 года власть в городе перешла в руки общественного комитета, куда вошли представители от всех основных социальных групп населения. Были приняты решения о разоружении полиции, аресте некоторых должностных лиц прежней администрации, о создании народной милиции и т.д. За сравнительно короткое время официально оформились и развернули бурную деятельность всевозможные партии и движения.

18 марта в газетах было помещено объявление организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), извещавшее о предстоящем собрании, на

которое приглашались рабочие, солдаты и все прочие граждане. «Товарищи рабочие! — говорилось в обращении. — Ваша старая партия, стоявшая всегда на страже ваших интересов, приглашает вас встать в ее ряды. После долгой борьбы наше красное знамя было наконец выкинуто и в нашем городе, стать под это знамя зовет вас организационный комитет»[17].

Самостоятельной социал-демократической организации в Витебске к моменту Февральской революции не существовало, имелись лишь отдельные члены партии и группы сочувствующих, не связанные между собой. В то время левое и правое течения российской социал-демократии — большевики и меньшевики — еще окончательно не размежевались, поэтому организация создавалась как их совместное детище, тем более что в Витебске меньшевики были в основном представлены своим левым крылом — так называемыми меньшевиками-интернационалистами, занимавшими по многим вопросам позиции, сходные с большевистскими.

Как и все города России, Витебск стал в то время ареной жарких споров о путях дальнейшего развития страны. На многочисленных митингах и собраниях большевики выступали со страстными зажигательными речами, в которых разоблачали представителей остальных партий как соглашателей и болтунов, неспособных на решительные действия в интересах трудящихся. После пяти или шести таких выступлении за ними укрепилась устойчивая репутация провокаторов и экстремистов, и на собраниях им даже перестали предоставлять слово, так что выступать часто приходилось под прикрытием сочувствующих организаций.

Знакомство Ежова с местными большевиками произошло, судя по всему, в начале апреля 1917 года. 3 апреля в помещении городского театра состоялся один из первых общегородских митингов, на котором, в частности, выступил вернувшийся из сибирской ссылки большевик Б.Д. Пинсон — бывший витебский рабочий-печатник. После выступления его окружили на улице человек пятнадцать молодых рабочих и солдат. Они предложили собраться и поподробнее поговорить на интересующие их темы.

> «Помнится, что среди этих товарищей были... и солдаты починочной мастерской Баранов, Рабкин, Ежов», — вспоминал впоследствии Б.Д. Пинсон[18].

Простые и ясные лозунги большевиков пришлись Ежову по душе, и некоторое время спустя, утвердившись в правильности своего выбора, он принимает решение вступить в созданную ими организацию.

В большевистской иерархии ценностей время вступления в партию занимало одно из первых мест. Наибольшим уважением пользовались те, кто сделал это еще до Февральской революции 1917 г., то есть когда такой поступок был сопряжен с риском оказаться в тюрьме или ссылке. Важную роль играл также и год вступления — чем ближе ко времени основания партии (1898 г.), тем почетнее. Менее престижным было стать членом партии в период между Февральской и Октябрьской революциями, в этом случае значение имел уже месяц вступления, и тоже, чем раньше, тем лучше.

Как следует из анкет, заполненных Ежовым в начале 20-х гг., в партию его приняли 5 мая 1917 г.[19] Это означало, что уже через два месяца после свержения самодержавия он сумел сориентироваться во всем многообразии политических течений и выбрать единственно правильное из них. С другой стороны, можно было, вроде бы, и не тратить время на раздумья, тем более что в своей автобиографии Ежов упоминал не только о знакомстве с большевиками еще с 1912 г., но и о посильном участии в той работе, которую они проводили на Путиловском заводе.

Осознав впоследствии, что передовому рабочему ни к чему было тратить на раздумья даже и два месяца, Ежов с 1927 г. начинает в документах датой своего вступления в партию называть уже не май, а март 1917 года.

В действительности же ни в мае, ни тем более в марте 1917 г. вступать Ежову в Витебске было просто некуда. Первое организационное собрание большевиков и меньшевиков-интернационалистов удалось провести только 20 июня 1917 г., а второе, на котором и была наконец образована городская организация, названная в уступку меньшевикам-интернационалистам «РСДРП (интернационалистов)», — лишь 2 июля того же года. (В сентябре 1917 г., когда витебская организация уже окончательно перешла на большевистские рельсы, слово «интернационалистов» в ее названии заменили на общепринятое «большевиков», сокращенно РСДРП(б). 1 октября 1917 г. была создана уже и губернская организация РСДРП(б).)

Но если обе сообщаемые Ежовым даты вступления в партию не верны, то когда же на самом деле произошло это событие? Как следует из документов витебской организации РСДРП (интернационалистов), в ее ряды Николай Ежов вступил 3 августа 1917 г., став девяносто шестым ее членом[20].

Молодой партиец с энтузиазмом включился в работу, которую вели местные большевики. Их главная задача в этот период заключалась в расширении своего влияния на население и, в первую очередь, на солдат гарнизона. С этой целью были созданы агитационные группы, которые занимались распространением большевистских газет и листовок, в большом количестве поступающих из Петрограда, Москвы и Минска. На предприятиях и в частях устраивались митинги и собрания, создавались партийные ячейки. Ежов принимал непосредственное участие во всех этих мероприятиях, действуя как молодой большевик под началом более опытных товарищей по партии.

И трудились они не напрасно. Авторитет большевиков, особенно среди солдат, неуклонно возрастал, и в ходе выборов в городскую Думу, состоявшихся в августе 1917 г., они получили в ней довольно много мест.

Другим важным участком работы была помощь солдатам-большевикам, содержавшимся в местной тюрьме за агитацию против Временного правительства. Они были арестованы в так называемые «июльские дни», когда по всей стране большевики подверглись гонениям после разгона спровоцированной ими вооруженной демонстрации в Петрограде 4 июля 1917 года. Ежов участвовал в налаживании связи с заключенными, помогал собирать деньги для них.

За служебными заботами и партийными поручениями незаметно пролетели август и сентябрь 1917 г., наступил октябрь, и в один из его последних дней партия, к которой принадлежал Ежов, из оппозиционной внезапно превратилась в правящую.

После того, как стало известно о событиях в Петрограде, во все части гарнизона были направлены представители агитационной секции губернского комитета партии (губкома) с задачей организовать митинги в поддержку переворота. На состоявшемся 26 октября экстренном заседании губкома был организован Военно-революционный комитет (ВРК), большевистский по своему составу. Опираясь на солдат гарнизона, среди которых большевики имели значительное число своих сторонников, ВРК взял под свой контроль почту, телеграф, железнодорожную станцию, штаб Двинского военного округа, другие объекты, и к 28 октября город был уже полностью в его руках.

Поскольку в Витебске значительная часть населения поддерживала меньшевиков и эсеров, действия большевиков были расценены многими как узурпация власти, и даже среди рабочих отношение к перевороту в городе и стране было далеко не однозначным. Один из витебских большевиков вспоминал впоследствии:

> «Приходилось тогда слышать от лучших рабочих... речи, в духе всего тогдашнего букета истерических выкриков... вроде следующих: «Вы жандармы, вы арестовываете социалистов, вы авантюристы, вы не считаетесь с волеизъявлением народа, вы создаете почву для реакции, для прихода Романовых» и т.д.»[21].
>
> «Нужно было развернуть колоссальную энергию, дабы отбить все атаки меньшевиков, — писал другой очевидец событий. — Большевики изнемогали под этой работой, на каждого большевика имелись десятки весьма зубастых меньшевиков и эсеров, нужно было поспеть на каждое собрание, на каждый митинг и везде столкнуться с более опытным оратором»[22].

Тем не менее большевики, выставив в качестве главного аргумента войска местного гарнизона, сумели «убедить» всех недовольных. Город был объявлен на осадном положении. Во все важные государственные учреждения были направлены политические комиссары. Такие же комиссары были назначены в войсковых частях с поручением следить за поведением командиров и обо всем подозрительном сообщать Военно-революционному комитету. Была создана специальная группа для осуществления цензуры печати и закрыта газета «Известия», издаваемая городским Советом рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором принадлежало эсерам и меньшевикам. Среди чиновников госучреждений и офицеров гарнизона, саботирующих указания большевиков, были произведены аресты.

Однако обстановка в войсках не позволяла рассчитывать на то, что этот безотказный пока инструмент будет так же надежно действовать и впредь. Накопившаяся за годы войны усталость, непрерывные разговоры о мире с немцами и роспуске армии, а также атмосфера всеобщей анархии быстро разлагали гарнизон. Демобилизационные настроения вскоре приобрели форму самовольного ухода из частей, и их численность непрерывно сокращалась.

Для городской парторганизации вопросом жизни и смерти стало создание собственных военных сил. Опыт такой в стране был. После Февральской революции во многих городах России появились вооруженные отряды из добровольцев — Красная гвардия. Теперь то же самое нужно было сделать и в Витебске.

Первыми красногвардейцами записались все члены Военно-революционного комитета и десятка два рядовых коммунистов. Затем добавились человек пятьдесят молодежи из числа рабочих-железнодорожников и около трехсот солдат. Среди них был, возможно, и Ежов, но возглавлял Красную гвардию не он, хотя впоследствии подобные утверждения иногда появлялись в печати.

Так, **14** июня **1938** года в газете «Советская Белоруссия» были помещены воспоминания некоего В.С. Романовского как раз об этом периоде жизни Ежова. Вот что он написал, точнее — что было напечатано в газете:

> «Прослышал я, что есть в Витебске такой слесарь-большевик Ежов, который организует красногвардейские отряды для того, чтобы раз и навсегда прогнать капиталистов. Я туда и записался. Однажды пошел я на сбор отряда, а начальник мне и говорит:
>
> — Хочешь, Романовский, Ежова послушать?
>
> — Хочу, — говорю, — товарищ начальник.
>
> — Ну так иди вот с этими тремя товарищами в пятые артиллерийские мастерские. Там Ежов и выступает.
>
> В мастерской мы застали множество народа. «Вот и Ежов», — показали мне на человека небольшого роста. Первое мгновение я даже не поверил. На бочке стоял человек нашего выгляду [так в тексте], в простой потертой одежде и запросто беседовал с рабочими. По тому, как Ежов говорил, понял я нутром, сердцем, что меньшевики — это та погань, которую надо вышвыривать нам, рабочим, из своих рядов.
>
> Впечатление на меня митинг произвел огромное. Я не мог молчать и часу. Пришел к себе на линию, собрал рабочих-путейцев и давай им рассказывать о митинге, о товарище Ежове. После этого многие путейцы записались в красногвардейцы».

Чтобы у читателя не сложилось после этих слов преувеличенного представления об ораторских способностях Ежова, приведем отрывок из еще одних воспоминаний. Их, примерно в то же время, подготовил для журнала «Партийное строительство» витебский коммунист А.А. Дризул, работавший вместе с Ежовым в **5**-й артиллерийской мастерской.

> «Ежов, — пишет он, — мало выступал. Он два-три слова скажет... Он не любил выступать»[23].

В отредактированном, но все равно так и не опубликованном варианте воспоминаний эта особенность Ежова была уже не только упомянута, но и обоснована:

> «Принимая активнейшее участие в организации огромной политической работы в массах, сам Ежов редко когда выступал на больших митингах. Его характерной чертой было «меньше слов — больше дела»[24].

Руководящую роль в создании витебской Красной гвардии приписывал Ежову и уже упоминавшийся советский историк И.И. Минц.

> «Ежов, — утверждал он, — создавал Красную гвардию, сам подбирал участников, сам обучал их, доставал оружие»[25].

На самом же деле, если Ежов и был в Красной гвардии, то, скорее всего, в качестве рядового красногвардейца, да и то лишь в свободное от исполнения своих солдатских обязанностей время. Будь иначе, он не забыл бы упомянуть об этом в анкете или автобиографии.

Никаких особо героических дел витебская Красная гвардия за сравнительно недолгий период своего существования совершить не успела. Что касается Ежова, то он вскоре заболел, попал в госпиталь, но полностью поправить там здоровье не смог и по возвращении в часть был **6** января **1918** г. уволен в отпуск по болезни сроком на шесть месяцев. Больше, однако, в Витебск он уже не вернулся, да и некуда было возвращаться, даже если и захотеть. Через несколько недель после его отъезда вместе с окончательно развалившейся русской армией прекратила свое существование и **5**-я артиллерийская мастерская.

Завершая рассказ о витебском периоде жизни Ежова, стоит привести отрывок из письма, которое он несколько лет спустя прислал своему партийному наставнику Б.Д. Пинсону. Вспоминая об участии в деятельности витебской парторганизации, Ежов писал:

> «... Ты помнишь, верно, нашу совместную работу в Витебске в 1917 году?.. Я припоминаю свою работу в пятой артиллерийской мастерской, припоминаю технику распространения «Правды», сбор денежных средств и т.д. Каждое большевистское слово воспринималось тогда как нечто

незыблемое, святое... Вспоминаю, как ко мне подошел член комитета тов. Шифрес* и сказал: «Нам необходимо, товарищ Ежов, организовать во всех частях ячейки, вы будете работать со мной». Шел я тогда в казарму и ног под собой не чувствовал — мне поручили серьезную работу!

Затем вспоминается время военного сбора и другие яркие боевые моменты Октября. Как-то ты ко мне подошел и от имени комитета похвалил мою деятельность — в тот момент я был на «десятом небе». С удовольствием припоминаю, как по поручению комитета я наладил связь с заключенными нашими товарищами...

Но больше всего мне запомнился Великий Октябрьский переворот и наша встреча в первом штабе. Ты, заметив меня, быстро подошел и, пожав мне руку, несколько раз крепко поцеловал. Этого мгновения, великого и счастливого, я никогда не забуду»[26].

* Шифрес А.Л. - член первого витебского городского комитета РСДРП (интернационалистов)

Приведенный фрагмент письма содержит, на наш взгляд, важные детали, позволяющие понять особенности психологического склада его автора. По-видимому, Ежов не особенно высоко оценивал свои способности и возможности. Наверное, и маленький рост (**157** см) тоже не прибавлял ему уверенности в себе. Поэтому привлечение к участию в каком-нибудь важном и ответственном деле воспринималось им как огромное доверие, которое нужно оправдать во что бы то ни стало. Такое отношение к порученному делу способствовало постепенному развитию у Ежова своего рода исполнительского фанатизма, о чем свидетельствует характеристика, которую много лет спустя дал ему один из его непосредственных руководителей, И.М. Москвин.

«Я не знаю, — говорил он, — более идеального работника, чем Ежов. Вернее не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным — он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный недостаток: он не умеет останавливаться. Иногда существуют такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов — не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить...»[27]

Похоже, что фанатичная исполнительность Ежова и объясняет во многом, почему именно на нем и остановился сталинский выбор, когда диктатору потребовался человек, готовый безоговорочно выполнять любые его поручения. И Ежов в очередной и последний раз сумел тогда оправдать оказанное ему «доверие».

* * *

В **1914** году, спасаясь от начавшейся войны, родители Ежова переселились в Вышневолоцкий уезд Тверской губернии. Теперь, получив отпуск по болезни, сюда направился и Ежов. Восстановив здоровье и отдохнув, он принялся за поиски работы, в результате чего оказался в расположенном в десяти километрах от Вышнего Волочка селении Ключино, на стекольном заводе Болотина, точнее бывшем заводе Болотина, поскольку после Октябрьской революции предприятие было у владельца отобрано.

Завод, как и вся стекольная промышленность России, переживал тогда не лучшие времена. Не связанная с военными заказами отрасль, постоянно сталкивающаяся с нехваткой сырья, рабочих рук, транспортными проблемами и т.д., постепенно деградировала, следствием чего явилось резкое сокращение стекольного производства. Уже к концу **1916** году на заводе Болотина из четырех стекловаренных печей действовала лишь одна. За **1917-1918** гг. ситуация, естественно, не улучшилась, так как в результате социально-экономической политики новых властей хозяйственная жизнь и страны в целом и отдельного предприятия в частности была окончательно дезорганизована. В единственной из работающих печей рабочие время от времени, заготовив всем коллективом дрова, варили оконное стекло, которое затем обменивали в деревнях на хлеб и картофель.

На заводе Ежов, по словам его брата, работал охранником. Правда, сам Ежов позднее в анкетах указывал, что выполнял на предприятии обязанности председателя и секретаря заводского комитета профсоюза, а по партийной линии — заведующего партийным клубом[28]. Учитывая, однако, его любовь к приукрашиванию своей биографии, можно предположить, что и эти утверждения, скорее всего, являются очередными фантазиями на биографические темы.

Но кем бы Ежов на заводе Болотина ни трудился, закончилось все это в апреле **1919** г., когда партия призвала его стать на защиту социалистического отечества, которое в тот момент подвергалось очередному испытанию на прочность на фронтах длящейся уже больше года Гражданской войны.

В результате начавшегося в марте **1919** г. наступления войск адмирала Колчака на

Восточном фронте, обстановка здесь значительно осложнилась, и уже к середине апреля был утерян контроль над территорией в **300** тысяч квадратных километров, на которой проживало свыше пяти миллионов человек.

В этих условиях было принято решение о проведении общепартийной мобилизации и направлении в армию не менее **10-20%** коммунистов. Одновременно профсоюзным организациям было рекомендовано провести проверочную регистрацию своих членов и отправить на фронт тех, без кого можно обойтись на производстве.

Сочетание всех этих обстоятельств и привело к тому, что пробывший на «гражданке» чуть больше года Ежов снова оказался под ружьем. В **1937** году в многотиражке стекольного завода, называвшегося тогда уже «Красный май», появилось идиллическое описание сцены прощания Ежова с товарищами по работе.

> «Когда над всей Россией нависла темная туча белогвардейщины и интервентов, — вспоминала одна из работниц, — Николай Иванович по зову партии первым пошел с завода на защиту нашей великой страны. Я никогда не забуду последние прощальные слова товарища Ежова. Когда мы, молодежь, собрались вместе, он встал и тепло сказал: «До свидания, товарищи! Меня зовет партия. Я уезжаю защищать ваше счастливое будущее»[29].

С этими, а может быть, с какими-то другими словами, которые уже никогда не станут известны, Ежов покинул стекольный завод и отправился на войну с Колчаком.

4. Военный комиссар

Шел класс против класса. Земля полыхала.
И родина кровью в те дни истекала.
Сжимали враги нас зловещим кольцом —
Железом и сталью, огнем и свинцом.
Я прошлое помню. В закатах багровых
Я вижу сквозь дым комиссара Ежова.
Сверкая булатом, он смело ведет
В атаки одетый в шинели народ.

Джамбул. «Нарком Ежов» (1937 г.)

В официальной биографии Ежова его деятельность в первые годы Советской власти описывается так: «Принимал активное участие в Октябрьской революции и Гражданской войне... был военным комиссаром ряда красноармейских частей»[30].

Александр Фадеев, работая над уже упоминавшимся очерком «*Николай Иванович Ежов — сын нужды и борьбы*», такими скупыми сведениями довольствоваться, конечно, не мог и взялся дополнить их описанием ратных подвигов Ежова на Восточном фронте. Для начала писатель решил дать портретно-психологическую характеристику своего героя:

> «Очень еще юный чернявый парень с густыми черными бровями: мечтательное выражение глаз при сильной складке губ, лицо одухотворенное, волевое... В бою не проявлял никаких черт показного героизма. Героизм его был так же прост и естественен, как он сам»[31].

Красноармейская часть, куда Ежова назначили комиссаром, входила, по словам Фадеева, в состав Южной группы войск, которой командовал прославленный полководец Гражданской войны М.В. Фрунзе. И вот однажды...

> «Дивизия, в которой он служил комиссаром, штурмовала важный стратегический пункт — деревню Иващенково. Противник сосредоточил в ней отборные части. Много раз деревня переходила из рук в руки. Ежов несколько дней не выходил из боев. В последней решающей атаке под сильным пулеметным и артиллерийским огнем противника Ежов был ранен тремя осколками, один из которых пробил ему челюсть. Деревня была взята красными.
> Тяжелое ранение надолго вывело Ежова из строя. На всю жизнь у него сохранился шрам правее подбородка. Но этот человек не мог долго жить в бездействии...»[32]

Выше уже приводился рассказ И.И. Минца о службе Ежова в царской армии и отмечалось, что действительности в нем соответствовали лишь названия некоторых воинских частей, в которых Ежов и в самом деле служил. Фадеев пошел дальше. В его очерке действительности соответствует, до какой-то степени, только описание внешнего вида Ежова в ту пору. Все остальное — плод богатого воображения то ли автора, то ли самого Ежова, поскольку боевые эпизоды у деревни Иващенково пересказаны, судя по всему, с его слов. Нечто похожее Ежов примерно в это же время рассказывал и своим сослуживцам. Один из них вспоминал

позднее, как в **1937** г. на банкете, устроенном по случаю награждения группы работников НКВД, подвыпивший Ежов поведал присутствующим о своем героическом прошлом периода Гражданской войны. Речь, в частности, шла о ранении в лицо, полученном в одном из боев, а также о том, как за выполнение ответственного боевого задания он был награжден орденом Красного Знамени. Примечательной была концовка этого рассказа. Когда лежащему в госпитале Ежову принесли для вручения орден, он, узнав, что приказ о награждении подписан председателем Реввоенсовета республики Л.Д. Троцким, отказался получать награду и даже бросил орден на пол[33]. Уже тогда — должны были сделать вывод слушатели — он, Ежов, понимал, что Троцкий — это враг партии.

В реальной жизни, однако, все было намного проще, поскольку в Красной Армии Ежов служил исключительно в тыловых частях и ни в каких боях участия никогда не принимал.

Военная служба складывалась у него таким образом. Выехав из Вышнего Волочка, Ежов и мобилизованные одновременно с ним партийные и профсоюзные активисты, прежде чем попасть на Восточный фронт, сделали остановку в г. Зубцове той же Тверской губернии, где их должны были распределить по отдельным частям в соответствии с присланными заявками. Помимо прочего, пришел заказ на пополнение для Красного запасного электротехнического батальона, дислоцированного в Саратове. Затребованное количество людей почти уже набрали, нужен был еще один человек. Предложили Ежову. Он согласился.

Перед отъездом из Зубцова Ежов зашел на местный базар прикупить продуктов, благо сослуживцы, провожая, собрали ему в дорогу немного денег. Попутчики же Ежова оказались без копейки, но, как вспоминал впоследствии один из них, Ежов не стал жадничать и разделил купленное на всех[34]. По тем временам и тем обстоятельствам (у Ежова начиналась цинга, и свежие продукты были ему крайне необходимы) это был, конечно, поступок.

Без особых сложностей добрались до Саратова, и **28** апреля **1919** г. Ежов был зачислен в состав Красного запасного электротехнического батальона, в команду слухачей, в которой обучали радиоделу будущих радистов.

Батальон, сформированный в **1915** г., первоначально размещался в Петрограде, затем был переведен в Саратов. В его задачу входила подготовка разнообразных специалистов военно-технического профиля: радистов, мотористов, минеров, прожектористов и т.д. К весне **1919** г. в батальоне насчитывалось около полутора тысяч человек, из них около ста человек командного, а остальные — переменного состава.

10 мая **1919** г. на очередном общем партийном собрании Ежов был включен в состав батальонной парторганизации. На этом же собрании было рассмотрено предложение военного комиссара Приволжского военного округа об учреждении в ротах и командах должности политических руководителей (политруков). Предполагалось, в частности, что они будут ежедневно по одному часу заниматься политграмотой с красноармейцами своего подразделения. Из двадцати кандидатур выбрали одиннадцать политруков, одним из которых стал Ежов. По-видимому, были приняты во внимание его работа на знаменитом своими революционными традициями Путиловском заводе, о чем он наверняка сообщил новым товарищам по партии, и дореволюционный партстаж. Кроме Ежова, еще один избранный политрук оказался из команды слухачей, поэтому по взаимной договоренности Ежов был переведен в другое подразделение — в команду по формированию полевых радиостанций.

Прошло немного времени, и выяснилось, что собственная политическая подготовка политруков оставляет желать лучшего. В связи с этим было принято решение самостоятельных докладов не читать, а воспитывать красноармейские массы методом собеседований, выбирая такие темы, которые представляли бы интерес для слушателей. Впрочем, особых иллюзий по поводу заинтересованности солдат в такого рода разговорах никто не питал, поэтому рекомендовалось «в случае надобности употреблять некоторое понуждение для привлечения их на собеседования»[35].

Однако принуждение оказалось не самым удачным способом для приобщения красноармейцев к разговорам «по душам». В результате все в конце концов свелось к чтению газет и традиционным докладам о текущем моменте. Такими же докладами коммунисты батальона регулярно просвещали на Партсобраниях друг друга. Дошла очередь и до Ежова. Как отмечалось в протоколе партийного собрания от **24** мая **1919** г., «т. Ежов в своем докладе обрисовал все важнейшие социалистические партии: социал-революционеров, анархистов и социал-демократов, их строение, на кого они опираются и какие цели преследуют»[36].

С момента появления Ежова в батальоне прошло не так уж много времени, но он уже

успел завоевать авторитет в парторганизации, и, когда в начале мая **1919** г. проводились довыборы президиума партийной ячейки взамен убывших коммунистов, кандидатура Ежова получила наибольшее число голосов — **36** из **48**. На состоявшемся на следующий день заседании президиума он был избран его председателем.

Между тем, оставаясь еще де-факто в составе электротехнического батальона, и сам Ежов, и значительная часть его сослуживцев де-юре числились уже в списках другой части. Именовалась она **2**-й базой радиотелеграфных формирований, и в ее составе Ежову предстояло провести два года — весь оставшийся срок его военной службы.

Создание радиобаз началось в конце **1918** года. В наследство от старой армии Красная Армия получила некоторое количество действующих радиостанций, еще часть радиостанций нуждалась в ремонте. Одновременно ощущалась острая нехватка кадров квалифицированных радистов, масштабы подготовки которых не соответствовали возрастающим потребностям, в особенности в свете запланированного резкого увеличения численности армии. Поэтому приказом Реввоенсовета республики от **22** ноября **1918** г. для скорейшего формирования радиотелеграфных частей и более рационального использования радиотелеграфного имущества, оставшегося после войны, было предписано приступить к созданию баз радиотелеграфных формирований. В состав каждой радиобазы должны были входить дивизион формирований, радиотелеграфная школа, лаборатория с учебно-опытной радиостанцией, а также склад-мастерская для ремонта и сборки радиостанций всех типов.

Дивизион формирований, получая радиостанции со склада и подготовленных специалистов из радиошколы, должен был в течение года формировать и отправлять в действующую армию порядка **80** радиостанций различных типов, полностью укомплектованных личным составом.

1-я радиобаза была создана во Владимире зимой **1919** года. **2**-я база начала создаваться в мае в Саратове на основе тех подразделений Красного запасного электротехнического батальона, в которых готовили специалистов радиотехнического профиля, так что в начале июня **1919** г. команда формирования полевых радиостанций, где служил Ежов, была зачислена в штат радиобазы в качестве **1**-й роты дивизиона формирований.

А тем временем обстановка на театрах военных действий оставалась сложной и противоречивой. На Восточном фронте Красная Армия, громя Колчака, стремительно продвигалась к Уралу, на Южном — сама отступала под ударами Деникина. Расположенная на правом крыле деникинских войск Кавказская армия генерала Врангеля **30** июня **1919** г. овладела Царицыном, обеспечив себе плацдарм для дальнейшего наступления на Саратов.

3 июля Саратовская губерния была объявлена на осадном положении. Некоторые из размещенных здесь тыловых частей получили распоряжение подготовиться к эвакуации, в их числе оказалась и **2**-я радиобаза, которой было приказано передислоцироваться в Арзамас. Предполагалось личный состав и имущество перевезти по Волге в Нижний Новгород, а оттуда доставить к месту назначения железнодорожным путем.

31 июля **1919** г., погрузившись на пароход и две баржи, радиобаза отправилась в путь. Однако в это время посланные в Арзамас квартирьеры установили, что в городе, переполненном частями и подразделениями Восточного фронта, в распоряжение радиобазы могли быть выделены лишь несколько помещений казарменного типа. Лицам командного состава и семейным военнослужащим жить было негде — снять в городе частную квартиру было практически невозможно.

Срочно оповестили руководство в Москве, и приказ радиобазе был изменен. Конечным пунктом маршрута была теперь определена Казань, к которой небольшой караван из трех судов в это время как раз и приближался.

Сразу же по прибытии в Казань Ежов получил новую должность — стал переписчиком при комиссаре управления базы. Однако на этом посту, не совсем подходящем для коммуниста с дореволюционным партстажем, он пробыл недолго, и уже два месяца спустя, **18** октября **1919** г., его назначают военным комиссаром радиотелеграфной школы, входившей в состав радиобазы.

Институт военных комиссаров, или, сокращенно, военкомов, был введен весной **1918** г. в качестве меры, позволяющей партии осуществлять политический контроль над армией в целом и над военными специалистами (военспецами), доставшимися от старой армии, в особенности. Учитывая важность задачи, комиссары должны были отбираться из числа «безупречных революционеров, способных в самые критические минуты и в самых трудных обстоятельствах оставаться воплощением революционного долга»[37].

Сначала военкомы назначались, главным образом, в центральный военный аппарат, а также фронтовые и армейские органы управления, но к **1919** г. они уже действовали во всех соединениях и частях Красной Армии. В связи с этим расширились и их функции. Комиссары должны были заниматься политико-моральным воспитанием личного состава, насаждать и укреплять дисциплину, вникать во все стороны административной и хозяйственной деятельности воинских частей, жизни и быта военнослужащих. Утвержденная в январе **1919** г. инструкция парторганизациям армии и флота закрепила за военкомами также и функции руководителей партийных ячеек.

В документах **2**-й базы радиотелеграфных формирований, хранящихся в Российском государственном военном архиве, нет никаких материалов, позволяющих судить о деятельности Ежова в качестве военного комиссара радиошколы базы. Можно предположить, что его работа не очень отличалась от того, чем занимались в это время комиссары во всех остальных частях Красной Армии. Правда, контроль за военспецами, в данном случае преподавателями школы, затруднялся тем, что из-за отсутствия специальных знаний Ежов не мог квалифицированно разбираться в правильности тех или иных решений, касающихся учебного процесса. Поэтому в эти вопросы он старался особенно не вмешиваться, проводя большую часть рабочего времени в мастерской радиобазы, а свободного — в библиотеке за чтением специальной или общеобразовательной литературы.

Неожиданно в начале **1920** года спокойная жизнь радиошколы оказалась нарушена. Ежову и начальнику радиошколы, бывшему подпоручику царской армии А.Я. Магнушевскому, Особым отделом Запасной армии были предъявлены обвинения в нарушении установленного порядка приема в школу, в результате чего среди обучающихся оказалось несколько человек, дезертировавших ранее из Красной Армии. Учитывая, что ни Магнушевский, ни Ежов не преследовали личных корыстных целей, а руководствовались лишь желанием укомплектовать школу, военный трибунал Запасной армии, рассматривавший этот вопрос на своем заседании **5** февраля **1920** г., ограничился сравнительно мягкими мерами воздействия. МагнушевскиЙ был приговорен к двум годам условно, а Ежову был объявлен строгий выговор с предупреждением, при этом, в отличие от Магнушевского, ему удалось сохранить занимаемую должность[38].

Исполняя обязанности комиссара школы, Ежов сначала эпизодически, а затем и постоянно замещал комиссара базы, когда тот был болен или находился в командировке. В этом качестве ему время от времени приходилось представлять коллектив радиобазы на различных районных или городских собраниях, выполнять отдельные поручения районного комитета партии, например выступать с политическими докладами на том или ином предприятии города. Однако до начала **1921** г. его участие в деятельности городской, а тем более областной парторганизации было, в общем, малозаметным.

Ситуация изменилась в феврале **1921** года. **6** февраля в местной газете были в дискуссионном порядке напечатаны от имени шести коммунистов тезисы о партийном строительстве (так называемые «тезисы шести»). Одним из тех, кто подписал документ, был Ежов, другим — его непосредственный начальник, комиссар **2**-й радиобазы Я.Г. Савцов. В тезисах излагались взгляды авторов на принципы взаимодействия всех звеньев партийной организации — от первичной ячейки до областного комитета (обкома) — на основе четкого разграничения функций и полномочий каждого звена. Высказывались также критические замечания в адрес обкома. В частности, указывалось на оторванность высших партийных органов от низших, на перегруженность руководящих партработников другими ответственными должностями, что мешает им сосредоточиться на партийной работе и служит предметом всевозможных нареканий на оторванность «верхов» от масс. В связи с этим было высказано мнение о необходимости освобождения членов бюро областного комитета партии от любых других обязанностей.

Таким образом, «тезисы шести» как бы переносили на местную почву ту дискуссию о партийном строительстве, которая за несколько месяцев до этого, в сентябре **1920** г., состоялась на **IX** конференции РКП(б)*.

* В РКП(б), то есть в Российскую коммунистическую партию (большевиков) РСДРП (б) была переименована в **1918** г.

После опубликования тезисов началось их триумфальное шествие по партийным организациям Казани. К ним присоединялись и отдельные ячейки, и целые районные комитеты. На прошедшей **20** февраля **1921** г. казанской общегородской партийной конференции после заслушивания доклада о партийном строительстве, сделанного представителем обкома, слово для содоклада было предоставлено одному из авторов «тезисов шести», начальнику политуправления Запасной армии и по совместительству

заведующему агитационно-пропагандистским отделом обкома С.З. Слуцкому. В своем выступлении он заявил, что после **IX** партконференции не было принято никаких мер по оздоровлению партии и что нужны не только хорошие программы работы, но и гарантии того, что они будут выполняться. К числу таких гарантий относятся: выдвижение коммунистов в состав руководящих партийных структур в зависимости от способности к партийной работе, а не занимаемого высокого поста в советских органах, как это часто бывает; предоставление общим партийным собраниям их полных прав, из-за отсутствия которых эти собрания превращены теперь в фикцию; отчеты районных комитетов перед ячейками и вынесение последними по этому поводу тех или иных решений, направляемых затем в областной комитет; ежемесячная оценка ячейками деятельности прикрепленных к ним руководящих работников, чтобы те не игнорировали своей обязанности работать в массах и т.д.

Конференция приняла решение взять «тезисы шести» за основу и с учетом платформы обкома выработать единую позицию. Неделю спустя состоялась **2**-я татарская областная партконференция. В принятых на ней решениях по организационному вопросу все основные предложения, содержащиеся в «тезисах шести», были учтены.

Прошедшая в феврале **1921** г. трехнедельная дискуссия сыграла важную роль в дальнейшей судьбе Ежова. Его подпись под получившими такую популярность «тезисами шести» не осталась незамеченной, и в ходе состоявшихся на заключительном этапе областной партконференции выборов руководящих органов Ежов получил свою первую, хотя и самую низшую в областной иерархии, партийную должность — был избран кандидатом в члены ревизионной комиссии.

Два месяца спустя, **21** апреля **1921** г., он избирается членом Кремлевского районного комитета партии г. Казани, а на следующий день на первом организационном собрании райкома, оставаясь военным комиссаром радиошколы, назначается по совместительству заведующим агитпропотделом райкома.

13 мая **1921** г., в связи с отбытием комиссара **2**-й радиобазы к новому месту службы, Ежов был назначен на освободившуюся должность. Его авторитет продолжает расти. В местной газете публикуются заметки, в которых работа партийной организации радиобазы рассматривается в качестве примера для подражания. И как закономерный итог — **24** июня на **3**-й областной партконференции Ежова избирают членом бюро Татарского областного комитета РКП(б). При распределении обязанностей между членами бюро ему было поручено возглавить агитпропотдел обкома.

Не оставался Ежов в стороне и от советской работы. В начале июня того же года он в очередной раз избирается в казанский городской Совет, а в конце того же месяца на **2**-м Всетатарском съезде Советов становится членом президиума Всетатарского Центрального исполнительного комитета (ЦИК).

Активно участвуя в проводившихся в тот период избирательных кампаниях, Ежов, как и положено политическому борцу партии, проводит разъяснительную работу среди личного состава радиобазы, активно разоблачает «чуждые» взгляды и «обывательские» суждения. Вот характерная зарисовка с натуры, относящаяся к периоду выборов в Казанский горсовет:

> «Клуб радиобазы полон красноармейцев. Оживленный говор, шум, — чувствуется необычный день. Представитель избирательной комиссии открывает собрание... По докладу т. Ежова выступило несколько ораторов. Особенно интересным было выступление гражданина Фотиева. Он, видите ли, вполне политически грамотный человек, но «никак не может разобраться в партиях» и думает, что «можно работать и не вступая в партии». Так пытался заговорить зубы товарищам из радиобазы «беспартийный» (так он себя называет) Фотиев.
>
> Настоящий его облик разоблачил затем т. Ежов. Фотиев, оказывается, меньшевик. Собранию больше никаких объяснений от Фотиева не нужно было. Все было ясно. И с твердой революционной решимостью радиобазники выбрали в Совет Ежова Николая — бывшего рабочего Путиловского завода, коммуниста, военкома базы...»[39], а также еще нескольких вполне благонадежных своих сослуживцев.

Пока Ежов политически просвещал личный состав вверенной ему радиошколы, а затем и радиобазы, Гражданская война успела закончиться, и для Красной Армии наступил один из наиболее сложных периодов ее существования — этап демобилизации и реорганизации.

В соответствии с изданной тогда инструкцией, члены партии могли быть демобилизованы при наличии соответствующего запроса со стороны губернских или областных парторганизаций и отсутствии возражений по месту службы коммуниста. **30** июня **1921** г. такое ходатайство по поводу Ежова, сделавшего уже к этому времени свой выбор и решившего целиком посвятить себя партийной работе, было направлено Татарским обкомом

партии в адрес ЦК РКП(б). На следующий день и сам Ежов выехал в Москву «для выяснения очередных задач, возлагаемых на базу, и вопроса о ее реорганизации», а заодно, чтобы ускорить принятие решения, касающегося его собственной судьбы.

5 июля 1921 года Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б) направил ходатайство Татарского обкома в Политуправление Реввоенсовета Республики с просьбой дать свое заключение. В тот же день находящийся в Москве Ежов подал рапорт на имя помощника начальника Управления связи Красной Армии (УСКА) по политической части А.Ф. Боярского, в котором, во избежание волокиты, связанной с прохождением ходатайства о демобилизации по всем инстанциям, просил сообщить ему напрямую, имеются ли какие-либо обстоятельства, препятствующие его откомандированию в распоряжение Татарского обкома.

> «Прошу, — писал Ежов, — принять во внимание следующее: в настоящее время я занимаю около восьми советских и партийных должностей, так, например: член президиума Татарского ЦИК, член горисполкома, член бюро областного комитета РКП(б) и член его секретариата, член бюро районного комитета РКП(б), зав. агитпропотделом областного комитета РКП(б), редактор «Известий» областкома РКП(б), зав. секцией Истпарта* по изучению истории Гражданской войны и Красной Армии — и, таким образом, уделять все внимание радиобазе при всем желании не могу и особой ценности в данном случае не представляю как работник УСКА»[40].

* Истпарт — комиссия по изучению истории партии.

Несмотря на отрицательную резолюцию комиссара радиотелеграфного отдела УСКА П.Н. Новобранова («Я, конечно, не согласен отпустить специалиста радио, т.к. и сейчас уже военный радио распыляет массу коммунистов по другой и партработе, и, наконец, мы можем оставить военный радио совершенно без коммунистов»[41], Ежова пришлось отпустить. 15 июля 1921 года он перестал быть военным комиссаром, превратившись с этого момента в профессионального партийного функционера.

Вернувшись в Казань, Ежов энергично принялся за дело. Уже 2 августа на бюро обкома был заслушан его доклад о работе агитпропотдела и планах на ближайший период. Как выяснилось из доклада, отдела как такового фактически не существовало. Из обследованных к этому времени четырех районных комитетов в трех дела обстояли неудовлетворительно. Работа секций национальных меньшинств замерла: «мне даже не удалось собрать секретарей», — сообщил Ежов. Обрисовав ситуацию, он предложил вниманию присутствующих обширный план организационных мероприятий, призванных исправить положение. Предложения Ежова коллеги поддержали, представленный им план утвердили, и можно было, казалось бы, приступить к его реализации. Однако этого не произошло.

Ежов и прежде не отличался крепким здоровьем, тем более не пошли ему на пользу последние годы. В разоренной Гражданской войной стране, охваченной эпидемиями и голодом, трудно было не растерять даже те небольшие запасы жизненных сил, которые достались ему от природы. Приобретя за это время целый букет болезней, он сейчас остро нуждался в том, чтобы хорошенько отдохнуть и подлечиться. Еще в марте Ежов обратился к командованию с просьбой о предоставлении отпуска. «Отпуском совершенно не пользовался с Февральской революции, все время работая на советской, партийной и профессиональной работе»[42], — писал он. Разрешение на трехнедельный отпуск было тогда получено, однако воспользоваться им не удалось.

Теперь такая возможность появилась. 20 августа 1921 г. бюро Татарского обкома РКП(б), рассмотрев заявление Ежова об отпуске и выдаче пособия, постановило:

> «Дать отпуск на один месяц с правом выезда в Москву на предмет поступления в одну из санаторий г. Москвы и выдать пособие в размере 300 000 руб.»[43].

Узнав о предстоящем отъезде Ежова из Казани и словно догадываясь, что больше увидеться уже не придется, коммунисты радиобазы передали ему напутственное письмо.

> «Мы, коммунисты 2-й базы радиотелеграфных формирований, — говорилось в нем, — провожая в лице твоем одного из старых товарищей, основателя нашего коллектива, несем тебе глубокую благодарность за понесенные труды по воспитанию в нас коммунистического духа. Мы не забудем наших общих собраний, где под твоим руководством путем бесед, дискуссий, рефератов мы получили, благодаря твоему умению передать понятным рабочему словом, ясное представление по вопросам о «верхах» и «низах», «профсоюзах», «продналоге» [темы внутрипартийных дискуссий] и пр.
>
> Мы, рабочие нашего коллектива, не забудем нашего дорогого путиловца Кольку-книжника, благодаря которому наша ячейка по работе стояла первой по Кремлевскому району казанской (партийной] организации, и, расставаясь, надеемся, что многим из нас еще придется встретиться с тобой на поле борьбы за светлое будущее коммунизма»[44].

Завершив текущие дела, Ежов выехал в Москву. По прибытии он был сначала направлен на отдых и лечение в один из санаториев, а затем, в январе **1922** г., с диагнозом «колит, малокровие и катар легких» помещен в Кремлевскую больницу. **13** февраля срок лечения подошел к концу, но в сопроводительном удостоверении ординатор Кремлевской больницы указал, что по состоянию здоровья Ежов нуждается в дополнительном месячном отпуске.

Больше, однако, отдыхать уже не пришлось.

Часть II.
ВВЕРХ ПО СТУПЕНЯМ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Глава 5. Посланец центра
Глава 6. Хозяин Семипалатинской губернии
Глава 7. В гуще межгрупповой борьбы
Глава 8. Заместитель заведующего
Глава 9. Будни коллективизации
Глава 10. Снова в аппарате ЦК
Глава 11. По заслугам и честь

5. Посланец Центра

В то время как Ежов поправлял свое пошатнувшееся здоровье, в соседней с Татарией Марийской автономной области происходили события, последствия которых сказались на его судьбе самым непосредственным образом.

Марийская автономная область (МАО) была образована в ноябре **1920** года из территорий, входивших в состав Казанской, Вятской и Нижегородской губерний. Проживающие здесь марийцы в процессе своего исторического развития разделились на две группы: на луговых (**80%** от общего числа) и горных (**20%**), между которыми существовали определенные языковые, культурные и бытовые различия. Представители обеих групп активно участвовали в установлении советской власти в этих краях, и в тот период особых расхождений между ними не возникало. Разногласия начались позже, когда в повестку дня встал вопрос о создании Марийской автономной области.

Горные марийцы, проживавшие на территории Козьмодемьянского уезда Нижегородской губернии, предлагали центром будущей автономии сделать Козьмодемьянск, тогда как луговых марийцев устраивал только г. Краснококшайск (ныне Йошкар-Ола) — центр одноименного уезда Вятской губернии.

Конечно, Козьмодемьянск лучше мог выполнять роль автономного центра, здесь проживало семь тысяч человек, а в Краснококшайске — лишь около двух тысяч, но луговых марийцев было больше, и их мнение победило.

Напряженность в отношениях между партийными и советскими работниками обеих национальных групп продолжала в дальнейшем усиливаться в связи с тем, что аппарат органов управления МАО был сформирован в основном из луговых марийцев и русских. Противоречия и взаимная неприязнь постепенно накапливались, и наконец произошло то, что вошло в историю марийской парторганизации под названием «Козьмодемьянский конфликт».

Летом **1921** г. в Поволжье засуха уничтожила почти все посевы. Начался голод. Распределением продуктов, поступающих в Марийскую область из государственных фондов, занимался областной продовольственный комитет (обл-продком), который пересылал на места распоряжения центра и наряды на отпуск хлеба. В октябре, в связи с нехваткой продовольствия, облпродком распорядился сократить число потребителей, обеспечиваемых питанием за счет государства. Однако то ли это указание было в Козьмодемьянском кантоне* проигнорировано, то ли вовремя туда не дошло (регулярной связи с областным центром тогда еще не было), но так или иначе кантонный продовольственный комитет (кантпродком) продолжал обеспечивать местное население по старым нормам, в результате чего произошел перерасход продуктов питания.

* После образования МАО уезды были переименованы в кантоны.

Этой ситуацией было, по-видимому, решено воспользоваться для того, чтобы проучить строптивых козьмодемьянцев. Для выяснения всех обстоятельств незаконного расходования

Козьмодемьянским кантпродкомом продовольственных ресурсов была создана специальная комиссия, и **24** декабря, обсудив ее доклад, бюро Марийского обкома РКП(б) постановило распустить Козьмодемьянскую парторганизацию, предать партийному суду ее руководителей и арестовать некоторых из них.

Однако руководство кантонного комитета партии отказалось подчиниться этим распоряжениям и даже попыталось организовать вооруженное сопротивление. Кроме того, оно направило в адрес ЦК РКП(б), ВЦИК и ВЧК телеграмму, в которой потребовало принять меры к прекращению арестов местных партработников и немедленно прислать комиссию из центра.

В Марийскую область был направлен представитель ЦК РКП(б) Н.А. Кубяк. Ознакомившись с ситуацией, он отменил решение о роспуске Козьмодемьянского канткома, как не имеющее достаточных оснований. Вместе с тем на состоявшемся **18-20** января **1922** г. расширенном заседании областного комитета партии Кубяк подверг критике и ошибки, допущенные Козьмодемьянскими руководителями.

10 февраля **1922** г. доклад Н.А. Кубяка о положении в марийской парторганизации был заслушан на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). В принятом постановлении в числе других мер, направленных на нормализацию обстановки, было указание Учетно-распределительному отделу ЦК подыскать нового секретаря для Марийского областного комитета партии.

Поиски были непродолжительными. По-видимому, кандидатура бывшего заведующего агитпроп отделом Татарского обкома, которому пора уже было излечиться и приступить к работе, всплыла почти сразу. В пользу этого выбора говорило, вероятно, и то, что Ежов около двух лет проработал в Поволжье и хорошо был знаком с местной спецификой, в том числе и национальной.

15 февраля **1922** года Секретариат ЦК РКП(б) постановил командировать Ежова в Марийскую область, рекомендуя его в качестве секретаря местного обкома партии. Вероятно, предполагалось, что он успеет туда приехать еще до завершения **3**-й областной партконференции, открытие которой было намечено на **17** февраля. Это позволило бы ему занять предназначенную для него должность наиболее естественным путем в ходе выборов на первом после окончания конференции организационном пленуме обкома.

Известие о новом назначении вряд ли доставило только что выписавшемуся из больницы Ежову большую радость. Вероятно, он предпочел бы не возвращаться в охваченное голодом Поволжье, но раз партия считала это необходимым... Сразу, однако, Ежов выехать не смог, так что ответственным секретарем Марийского комитета остался занимавший эту должность и до конференции Н.Ф. Бутенин. Информация о его повторном избрании была сразу же направлена в Москву, сопровождаемая просьбой об утверждении этого решения.

Далее события развивались так. **6** марта **1922** года Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос об утверждении Бутенина ответственным секретарем Марийского обкома и по непонятным причинам, вопреки своему прежнему решению, постановило: не возражать. Однако предыдущее постановление отменено почему-то не было, и, таким образом, по одному и тому же вопросу было принято два взаимоисключающих решения, первое из которых (о направлении в МАО Ежова) находилось уже в стадии исполнения. В результате, когда ничего не подозревающий Ежов прибыл наконец в Краснококшайск, выяснилось, что его здесь никто не ждет.

15 марта ситуация с двумя кандидатами на один пост была рассмотрена на заседании бюро Марийского обкома РКП(б), проходившем с участием Ежова. Из пяти членов бюро на заседании присутствовало четверо. Обсуждение проходило бурно. Суть разногласий сводилась к тому, что Ежов был «назначенец» и русский, а Бутенин — свой и мариец. Договориться не удалось, и вопрос был поставлен на голосование. Сам Н.Ф. Бутенин, по-видимому, из этических соображений, участия в нем не принимал, а голоса остальных разделились следующим образом: за Ежова — два (оба русские), за Бутенина — один (председатель исполкома областного Совета И.П. Петров, мариец). Ввиду таких расхождений, было решено послать телеграмму в ЦК РКП(б) с мотивированными заявлениями обеих сторон для того, чтобы окончательное решение приняла Москва. Однако на очередном заседании бюро, состоявшемся **20** марта, И.И. Петров, понимая, видимо, что ЦК не станет отзывать прибывшего уже к месту назначения Ежова, тем более получившего при голосовании «большинство» голосов, снял свои возражения и присоединился к мнению остальных членов бюро. С этого момента Ежов официально вступил в должность ответственного секретаря Марийского областного комитета РКП(б).

Хотя внешне все окончилось благополучно, этот эпизод имел далеко идущие

последствия, положив начало конфронтации между двумя наиболее влиятельными фигурами областного масштаба — секретарем партийного комитета и председателем исполкома областного Совета, что привело в дальнейшем к расколу всего марийского руководства на две противоборствующие группировки.

Марийская парторганизация была намного меньше татарской, в ней к моменту приезда Ежова насчитывалось лишь около шестисот членов и кандидатов в члены партии, причем половину их составляла молодежь до 18 лет. Выше уже говорилось о сложных взаимоотношениях между горными и луговыми марийцами, однако достаточно непростыми были и отношения между руководящими партработниками марийцами и русскими.

Как отмечалось в сообщении Организационного отдела ЦК РКП(б) за сентябрь и октябрь 1921 г., «в Марийской области на последней областной конференции [август 1921 г.] в обком вошли одни марийцы, почему русские стремятся бросить работу, говоря о национальном засилье»[45].

К моменту приезда Ежова ситуация несколько изменилась, и соотношение русских и марийцев в руководстве областной парторганизации стало более пропорциональным. Но проблема не исчезла. Правда, марийская организация не была здесь каким-то исключением, аналогичные или подобного рода конфликты имели место в этот период почти во всех национальных парторганизациях страны.

Приезд Ежова, как уже говорилось, положил начало и новому для области конфликту — между партийными и советскими структурами. В МАО, так же как и во многих других местах в то время, основные рычаги власти принадлежали исполнительному комитету областного Совета. Партийный комитет немногочисленной областной организации, не имевший устоявшейся структуры и возглавляемый не особенно известными деятелями, не мог составить конкуренции исполкому, который держал в руках все нити хозяйственного управления на подведомственной территории и председатель которого, И.П. Петров, являлся наиболее известным руководителем в области. Поэтому областной партийный комитет фактически представлял собой придаток исполкома, действующий в интересах и под руководством последнего. Этого нетрудно было добиться еще и потому, что руководящие работники исполкома обязательно входили в бюро областного комитета партии. В описываемый период, кроме И.П. Петрова, членом бюро являлся областной продовольственный комиссар И.А. Шигаев (мариец по национальности) — тот самый пятый член бюро, из-за случайного отсутствия которого при голосовании по кандидатуре Ежова Петров оказался в меньшинстве.

С приездом Ежова отлаженная система взаимоотношений обкома партии и исполкома пришла в полное расстройство. Не исключено, что, если бы Ежов встретил иное к себе отношение, он не стал бы так круто менять сложившиеся до него порядки, и хотя вряд ли бы согласился быть на вторых ролях, но, возможно, постарался бы не доводить дело до открытого конфликта. Однако об этом можно теперь лишь гадать, поскольку, получив в первые же дни пребывания в МАО ощутимый удар по своему самолюбию, «изи Миклай» («маленький Николай»), как прозвали его марийские товарищи по партии, принял вызов и, как показали дальнейшие события, в долгу не остался.

Свою борьбу с оппозицией, центром которой являлся исполком, Ежов повел по двум основным направлениям. Прежде всего он стал добиваться, и добился, превращения областного комитета партии в реальный орган власти, без санкции которого не могло быть принято ни одно важное решение, касающееся местных проблем. Это было не так уж трудно сделать, поскольку, с формальной точки зрения, именно обком как полномочный представитель правящей партии и должен был осуществлять общее политическое руководство, направляя и контролируя деятельность всех остальных организаций и органов власти.

Кроме того, Ежов энергично занялся решением кадровых вопросов, стремясь расставить на ключевых постах преданных ему людей и отстранить тех, кто не вызывал у него доверия или находился в открытой оппозиции. С этой целью был предпринят поиск порочащих материалов на руководящих работников исполкома, и по мере обнаружения соответствующих фактов каждый из них становился предметом обстоятельного и нелицеприятного разбирательства на бюро обкома. После этого следовали подчеркнуто принципиальные и суровые оргвыводы.

А обнаруживать было что. Многие руководящие марийские работники, не обладая необходимыми профессиональными знаниями и не имея достаточного опыта управленческой деятельности, далеко не лучшим образом справлялись со своими служебными

обязанностями. Сквозь пальцы посматривали они иногда и на не совсем законные действия своих подчиненных. Все это создавало благоприятную возможность для того, чтобы скомпрометировать часть марийского руководства и внести тем самым раскол и сумятицу в его ряды.

В этой своей борьбе Ежов мог рассчитывать на русскую часть областной парторганизации, на Козьмодемьянских коммунистов, недовольных засильем в областном центре луговых марийцев, а также на партийную молодежь из луговых марийцев, заинтересованную в том, чтобы оттеснить засидевшихся на своих постах руководителей и занять их место. Кроме того, уже с самого начала он мог опереться на такие возглавляемые русскими областные организации, как милиция, рабоче-крестьянская инспекция (РКИ), ревтрибунал и областная контрольная комиссия.

Первый удар Ежов нанес месяц спустя после своего утверждения в должности секретаря обкома. 21 апреля 1922 года областная РКИ совместно с Марревтрибуналом внезапно начала ревизию областного продовольственного комитета, а его председатель, член президиума облисполкома И.А. Шигаев, был вызван в ревтрибунал для допроса.

На следующий день обеспокоенный И.П. Петров направил в рабоче-крестьянскую инспекцию и ревтрибунал официальные запросы с требованием объяснить случившееся. В своем ответе, выдержанном в спокойных тонах, управляющий РКИ разъяснил, что, поскольку некоторые работники продовольственного комитета уличены в злоупотреблениях и поскольку вообще продком как экономическая организация не может не обращать на себя внимания РКИ, то ничего необычного в предпринятой ревизии нет.

Ответ ревтрибунала, напротив, был дерзким по форме, и из него можно было бы сделать безошибочный вывод о том, что спокойная жизнь для облисполкома закончилась. Указав на то, что исполком может только просить информацию, но не требовать ее, председатель ревтрибунала сообщил, что участие его организации в проверке вполне оправдано и что все результаты ревизии будут представлены в областной комитет партии.

Однако в облисполкоме, похоже, не поняли, что вызывающий ответ ревтрибунала не ошибка и не случайность, а официальное объявление об открытии военных действий. Председателю ревтрибунала «за его нетактичные действия, направленные в сторону умаления и дискредитации облисполкома» был вынесен строгий выговор с предупреждением, что повторение подобной нетактичности повлечет за собой отстранение от должности.

Ответ не заставил себя долго ждать. На состоявшемся в тот же день заседании бюро обкома партии был заслушан доклад другого члена исполкома — председателя областного совета народного хозяйства (совнархоза) С.А. Чернякова. По предложению Ежова бюро, констатировав «полную неработоспособность облсовнархоза в настоящем составе», постановило ходатайствовать перед центром о командировании в Марийскую область коммунистов-хозяйственников, и в первую очередь на должность председателя совнархоза. Спустя два дня коллегия ревтрибунала вынесла постановление о привлечении С.А. Чернякова к уголовной ответственности за развал работы совнархоза и взяла с него подписку о невыезде.

Прошло несколько дней, и очередь дошла еще до одного члена исполкома — областного военного комиссара М.М. Товашова, в отношении которого было возбуждено дело по обвинению в халатном исполнении служебных обязанностей. В связи с этим коллегия ревтрибунала внесла предложение освободить его от занимаемой должности.

Было бы, однако, неправильным сделать вывод, что борьба с местными руководящими кадрами являлась основным занятием Ежова на посту секретаря областного комитета партии. Гораздо больше времени уходило на решение разного рода хозяйственных и социальных проблем (борьбу с последствиями голода и лесных пожаров, организацию медицинской помощи населению и т.д.), тем более что Ежов, не доверяя исполкому, значительную часть относящихся к его компетенции вопросов взял под свой контроль. Приходилось также участвовать в мероприятиях, проводимых центральной властью, и иногда, кстати, это позволяло Ежову продемонстрировать свои качества политического бойца, не боящегося принимать самостоятельные решения в сложных ситуациях. Одна из таких возможностей представилась, например, в начале апреля 1922 г., когда на бюро обкома обсуждался вопрос об изъятии церковных ценностей. Выступая с докладом на эту тему, Ежов сообщил, что телеграмма ЦК РКП(б) о порядке изъятия до сих пор не расшифрована, из-за чего задерживается вся работа, и предложил изъятие ценностей начать немедленно, взяв всю ответственность на себя, о чем и сообщить в ЦК[46]. Бюро инициативу Ежова поддержало. В

короткий срок удалось собрать почти 700 кг золота, серебра и драгоценных камней.

Но все эти и другие текущие вопросы приходилось решать в условиях обостряющегося конфликта с руководством исполкома, что значительно осложняло работу. В информационном письме, отправленном в ЦК РКП(б) в начале июля 1922 г., Ежов писал: «Расхождения между активными парттоварищами становятся ясно видными. Настроение напряженное, в скором времени должен быть определенный взрыв»[47]. Так оно и случилось.

Еще будучи в Казани, Ежов женился. Его избранница, Антонина Титова, в то время работала заведующей бюро производственной пропаганды Татарского совета профсоюзов. Уехав из Казани, Ежов с ней вынужденно расстался, но теперь, прочно обосновавшись в Марийской области, решил вызвать к себе. В июне 1922 г., будучи в командировке в Москве, он договорился в Учетно-распределительном отделе ЦК РКП(б) о переводе Титовой (в то время она тоже находилась в Москве, перейдя на работу в Центральный совет профсоюзов) в Марийскую область и назначении ее на должность заведующей организационным отделом обкома партии. На таком важном посту ему, конечно, хотелось видеть своего человека, и Титова как нельзя лучше подходила для этой роли. Вместе с женой Ежов вернулся в Краснококшайск, и на состоявшемся 9 июля заседании бюро обкома Титову утвердили заворготделом.

Однако простота, с которой удалось провести это решение, оказалась обманчивой. Возможно, первоначально марийские оппозиционеры не разобрались в характере отношений Ежова и прибывшего по направлению ЦК нового заворга, возможно, просто растерялись от неожиданности, но, как бы там ни было, выяснив, что Ежов разводит заурядную «семейственность», они пришли, видимо, к выводу, что это подходящая возможность поставить зарвавшегося секретаря обкома на место. Еще одним поводом для выступления против Ежова стала деятельность созданного им в соответствии с указаниями ЦК марксистского кружка, куда вошло полтора десятка молодых партработников. На заседании кружка рассматривались не только теоретические вопросы, поэтому сразу же поползли слухи о создании в парторганизации «ежовской группировки».

На это можно было бы, наверное, и не обращать внимания, но шумок, поднятый вокруг назначения Титовой, оставлять без ответа не следовало, это был вопрос принципа, и Ежов решил идти ва-банк. На очередном заседании бюро обкома, состоявшемся 14 июля, он выступил с предложением об откомандировании его в распоряжение ЦК РКП(б), поскольку, как выяснилось в процессе работы и как можно судить по распускаемым слухам, он доверием всех членов областного комитета партии не пользуется.

В ходе разгоревшейся дискуссии противники Ежова попытались максимально ослабить его позиции. Приглашенный на заседание Н.С. Паткиевич, уступивший накануне свое место Титовой, принялся оспаривать свое освобождение от должности заведующего орготделом. И.И. Петров предложил провести в парторганизации дискуссию по национальному вопросу. Было также высказано предложение не препятствовать откомандированию Ежова в распоряжение ЦК.

В то же время оппозиция понимала, что согласиться с предложением Ежова — значило бы оказаться в роли людей, выживших из области посланца ЦК, и, следовательно, заслуживающих лишь того, чтобы им прислали еще более свирепую «московскую няньку». Другое дело, если бы центр, учитывая возникший конфликт, сам бы принял решение отозвать Ежова, и тогда его место, возможно, удалось бы снова занять кому-то из местных старожилов.

Принятое по итогам заседания постановление бюро обкома носило компромиссный характер. Ходатайство Ежова было отклонено, прежнее решение об освобождении Паткиевича от должности заворга и назначении на его место Титовой оставлено в силе, но в то же время принято предложение Петрова о проведении дискуссии по национальному вопросу и партийной этике.

Такие итоги полностью устроить Ежова не могли, необходимо было нанести оппонентам более серьезное поражение, и сделать это можно было на предстоящем пленуме обкома партии, тем более что на нем предполагалось обсудить предварительное заключение по делу членов коллегии областного продовольственного комитета, пользовавшихся покровительством И.П. Петрова.

Начатое в конце апреля расследование выявило различные злоупотребления и хищения в системе облпродкома, и на состоявшемся 27 июля 1922 года пленуме речь зашла, в частности, о том, чтобы по завершении следствия передать дело в суд.

«Подлежит ли суду коллегия [областного продовольственного комитета]? —

задавал Ежов риторический вопрос. И отвечал: — Да, подлежит. Ревтрибуналу необходимо дело скорее кончить. В отношении подсудимых партийных- выяснить вопрос о виновности и ввиду громадного общественного значения процесса быть беспощадными. Процесс должен вывести из спячки все советские органы, всех работников»[48].

Эта точка зрения нашла поддержку в выступлениях и других участников заседания. В принятом постановлении пленума указывалось на необходимость закончить расследование по делу областного продовольственного комитета в ускоренном порядке. Было решено исключить областного продкомиссара И.А. Шигаева и его заместителя из партии. Кроме того, в связи с заявлением И.П. Петрова о пристрастном ведении следствия предлагалось возбудить ходатайство перед Верховным трибуналом ВЦИК о присылке своих представителей для участия в предварительном и судебном расследовании.

Другим важным вопросом, рассмотренным на пленуме, было положение в областной парторганизации. В своем выступлении Ежов обрисовал сложившуюся ситуацию и вновь поставил вопрос об откомандировании его обратно в ЦК. Поскольку трения с Петровым, заявил он, будут, видимо, продолжаться и дальше, то кому-то одному надо уезжать. Если уедет Петров, то такого же опытного работника из марийцев найти будет сложно, поэтому лучше уехать ему, и тогда разногласия, возможно, изживутся.

Расчет оказался правильным — обеспокоенный такой перспективой пленум принял довольно жесткую резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Констатируя определенные разногласия, существующие в бюро обкома и в значительной степени мешающие работе, пленум настаивает на изжитии этих разногласий самым решительным образом, принимая репрессивные меры, вплоть до исключения из партии, к уклоняющимся от общей принципиальной линии партстроительства членам обкома»[49].

Через несколько дней после окончания пленума Ежов уехал на XII Всероссийскую конференцию РКП(б). Находясь в Москве, он побывал в Организационно-инструкторском отделе ЦК, где рассказал о положении дел в марийской парторганизации. В своей докладной записке информатор Оргинструкторского отдела Г.А. Губанская, упоминая о состоявшемся разговоре, в частности, писала:

«Тов. Ежов физически измучен... Создалась такая обстановка, что двоим, Ежову и Петрову, работать в одном обкоме невозможно. Отозвать же Ежова невозможно уже по одному тому, что за него крепко держится здоровая часть организации. Как видно из письма товарища к Ежову, несколько партийных работников самым решительным образом собираются бросить Маробласть в случае ухода тов. Ежова. Но оставаться дальше без сильной поддержки тов. Ежову больше не под силу. Необходимо во что бы то ни стало дать Маробкому трех крепких работников, засидевшегося тов. Петрова — отозвать.

Новых товарищей необходимо поставить: предисполкома, вместо Петрова, во главе облпродкома и земотдела. Присылку туда работников необходимо приурочить к созываемой 23 августа областной партконференции, которую необходимо использовать в целях изжития ненормальных явлений и оздоровления организации. Тов. Ежов убежден, что при помощи трех новых выдержанных работников, поставленных во главе облисполкома и главных хозяйственных органов, удастся довести до конца и закрепить уже наполовину проделанную работу по оздоровлению организации и налаживанию партийно-советской работы»[50].

И помощь людьми была оказана. Правда, Петрова отзывать не стали, но прислали человека на должность его заместителя, еще одного — для занятия должности областного продкомиссара, и, самое главное, для работы в обкоме прибыл старый знакомый Ежова Б.С. Лурье.

Они познакомились еще в Витебске в 1917 г. — солдат Ежов и молодой рабочий-кожевенник Лурье. Вместе вступали в витебскую парторганизацию, вместе участвовали в ее деятельности. Затем их пути разошлись. Лурье после Октябрьской революции почти сразу стал партийным работником и к моменту перевода в Марийскую область занимал должность заведующего агитпропотделом Астраханского губкома.

Вряд ли перевод Лурье в МАО был случайностью, наверное, Ежов просил об этом, и теперь его позиции значительно усиливались, тем более что Лурье приехал не один, а с женой, тоже партийным работником, которая, как и он, была прислана для укрепления аппарата обкома.

4-я областная партконференция, о которой упоминала в своей докладной записке Г.А. Губанская, открылась 26 августа 1922 г. В качестве наблюдателя от Москвы на ней присутствовал ответственный инструктор ЦК РКП (б) А.Д. Авдеев, в своем отчете о пребывании в МАО так охарактеризовавший сложившуюся там обстановку:

«Атмосфера, в которой велась подготовка к конференции, была сложная, доходившая до личных счетов включительно. Центром разногласий явились две фигуры: предоблисполкома Петров, мариец, и вокруг него небольшая группа исключительно марийцев, и с другой — секретарь обкома Ежов, вокруг которого — подавляющее большинство организаций и часть мари-коммунистов, исключительно молодняка. Для того, чтобы разрядить атмосферу на конференции, перед открытием мною было созвано заседание пленума обкома с двумя представителями от каждой делегации, где и дали всем высказаться по душам. Абсолютное большинство требовало отвода Петрова не только из кандидатов в президиум конференции, куда я выдвинул его, не видя серьезных обвинений, но и немедленного снятия его с должности предисполкома. Причины тому — мелкобуржуазный национализм, но тут же все соглашаются, что с деловой стороны Петров незаменим и в беспартийных крестьянских массах пользуется авторитетом. После двухчасового обсуждения кандидатуры Петрова в президиум [конференции] голоса раскололись пополам, и вопрос остался открытым. После заседания открылась снова дискуссия, и противная сторона согласилась, что Петрова надо попробовать ввести в обком, если он даст слово, что бросит перегибать палку в сторону «национализма».

И на конференции, — писал далее Авдеев, — кандидатура Петрова прошла единогласно, это положило начало к единству на конференции, правда, по докладу обкома пытались заварить дебош, но твердое руководство не давало возможности разгораться страстям...

При [обсуждении вопроса о] составе будущего обкома также возникли бурные прения, но не на конференции, а на совещаниях по делегациям, где мной было предложено, чтобы они назвали кандидата на пост предисполкома и в конкретной форме дали мне те обвинения, которые предъявляются Петрову. Ни того ни другого сделано не было, и после ряда совещаний Петров единогласно введен в состав бюро обкома. Надо отметить, что недостатки за Петровым были и прочистить его было дело нелишнее, но со стороны тов. Ежова палка перегнута в другую сторону, он чересчур восстановил организацию против не только как личности Петрова, но и как марийца, и на конференции ему же, Ежову, стоило больших усилий сдерживать своих сторонников, настроенных великодержавно.

Остальные вопросы прошли без особых трений и единодушно, а Петров и Ежов оба вместе дали слово, что в будущем такой недоговоренности у них не будет, и они всю организацию в этом направлении будут призывать...

Тов. Ежов среди большинства организации пользуется авторитетом, есть наклонности к единоличному ведению работы, но как секретарь в Маробкоме вполне пригоден...

Петров, оттого что не обком им руководил, а он — обкомом, нормальные условия работы принимает за «великорусский шовинизм», упуская из виду, что беспартийные дельцы часто берут его в сети, в чем он сам сознался и после острастки, которую получил на конференции, обещал исправиться, а потому был с этим условием взят в обком нового состава»[51].

Среди одиннадцати человек, вошедших в состав обкома, большинство было за сторонниками Ежова. На руководящие посты в аппарате обкома также были расставлены свои люди: Б.С. Лурье был назначен заведующим орготделом (и, кроме того, введен в бюро обкома), его жена, М.Б. Смоленская, стала заведующей общим отделом, жена Ежова, А.А. Титова, возглавила агитпропотдел.

Результатами конференции Ежов мог быть доволен. В записке, направленной в начале сентября **1922** г. А.Д. Авдееву, он писал: «Работаю вовсю. Нужно сказать, что работа нового бюро идет дружно и, само собой разумеется, продуктивно. То, что сделал в эту неделю, не сделал бы раньше и за месяц»[52].

Теперь, когда работа наконец наладилась, можно было подумать и о здоровье. **13** октября Ежов обратился в бюро обкома с просьбой о предоставлении отпуска и денежного пособия для лечения. «С Февральской революции не пользовался отпуском, — писал он, запамятовав, видимо, что уже отдыхал осенью прошлого года. — В феврале месяце с.г. прямо из больницы направлен в Маробласть. Измотан вконец. В настоящее время болею чуть ли не **7** видами болезней»[53].

Рассмотрев заявление Ежова, бюро обкома постановило предоставить ему месячный отпуск, выдать денежное пособие и просить ЦК РКП(б) обеспечить возможность лечения на одном из курортов республики.

Перед тем, как отправиться в Москву, Ежов решил заглянуть в соседнюю Татарию, навестить старых друзей, с. которыми не виделся уже целый год. Встреча была очень теплой. Ежова даже хотели тут же ввести в состав бюро Татарского обкома, благо как раз в эти дни проходила областная партконференция, и должны были состояться выборы нового бюро. От этой затеи Ежову удалось отбиться. В принципе он был не против того, чтобы вернуться в Казань, но беспокоило то, что без него конфликт в марийской парторганизации может

вспыхнуть с новой силой. Кроме того, обстановка в Татарии была в этот период тоже непростой. Поэтому, погостив несколько дней в Казани, Ежов направился, как и собирался, в столицу.

1 ноября **1922** года он пишет одному из своих друзей в Марийской области:

«Уже 4 дня, как я живу в Москве... Всё доклады да дела, бегаю вовсю, сегодня иду в Наркомпрод*, говорить насчет оставления у нас части продналога. В ЦК почти все вопросы разрешены, прокурора, наверное, скоро пришлют, не знаю только кого.

Ну, теперь насчет себя, вот что так и быть тебе только и скажу, смотри, пока никому не говори. Меня убрать отсюда согласны... С Сырцовым** уже сговорились окончательно по этому вопросу, с Куйбышевым*** тоже. Дело обстоит так. Сейчас я еду на месяц отдохнуть, за это время мне подбирают парня в секретари обкома Марландии [так Ежов в шутку называет Марийскую область], а меня перебросят. Предлагают Орел, Брянск, Северодвинск, Урал, Юго-Восток — выбирай любое, но об этом пока еще не думал, по приезде с отдыха уж будет толк. Между прочим, тянут ребята в Витебск...

ЦК предложил, не хочу ли перейти на какую-либо другую работу, вроде руководящей советской или хозяйственной. Пока отказался, ну ее к черту»[54].

* Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия.
** Сырцов С.И. — заведующий Учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б).
*** Куйбышев **В.В.** — секретарь ЦК РКП(б).

6 ноября Ежов отбыл, наконец в один из кисловодских санаториев. Отдохнув и подлечившись, он вернулся в Москву и здесь узнал, что его собираются послать в раздираемый склоками Пензенский губком партии. Затем в качестве дополнительных вариантов появились Астрахань, Псков, а также Семипалатинск. Именно туда Ежов в конце концов и отправился.

6. Хозяин Семипалатинской губернии

Когда над степями поднялся восход,
И плечи расправил казахский народ,
Когда чабаны против баев восстали,
Прислали Ежова нам Ленин и Сталин.
Приехал Ежов и, развеяв туман,
На битву за счастье поднял Казахстан.
Аулы сплотил под знамена Советов,
Дал силу и мудрость кремлевских декретов.
Ведя за собой казахстанский народ,
На баев и беков возглавил поход.*
Народ за Ежовым пошел в наступленье.
Сбылись наяву золотые виденья.
Ежов мироедов прогнал за хребты,
Отбил табуны, их стада и гурты.
Расстались навеки мы с байским обманом,
Весна расцвела по степям Казахстана.

Джамбул. «Нарком Ежов» (1937 г.)

Пока Ежов восстанавливал свои силы, а затем ожидал нового назначения, ответственный инструктор ЦК РКП(б) А.Д. Авдеев, продолжая инспектировать региональные партийные организации, прибыл в конце **1922** г. в Семипалатинскую губернию, входившую в состав Киргизской автономной республики (так в то время назывался Казахстан). Знакомство с деятельностью местных партработников произвело на него удручающее впечатление. В своем отчете в ЦК Авдеев писал:

«Сколько в губернии волкомов** и ячеек, сведений в губернии нет, за исключением трех уездов, материалы которых взяты непосредственно мной. Президиум губкома я застал в лице двух товарищей — отв. секретарь губкома Егоров, который отдался полностью работе по продналогу и советской работе и в аппарате губкома бывал случайно и работы не вел. Второй член губкома, он же зав. губоно***, бывает в губкоме только на заседаниях, и фактически президиума губкома как такового не было. Инструкторов в губкоме не имелось. Учет какой бы то ни было отсутствовал. Вся организация была отдана в распоряжение продинспекторов и беспартийных профработников»[55].

* Баи, беки (казах.) — крупные и средние земельные собственники, богачи.
** Волком — волостной комитет партии.

*** Губоно — губернский отдел народного образования.

28 января 1923 года доклад Авдеева был заслушан на пленуме Киргизского областного комитета партии (Киробкома)*. Пленум постановил освободить ответственного секретаря Семипалатинского губкома Я.Г. Егорова от занимаемой должности и просить ЦК РКП(б) прислать вместо него другого работника.

* В описанный период партийная организация Киргизской республики имела еще статус областной, и, соответственно, ее руководящим органом являлся областной (а не республиканский) комитет партии, сокращенно Киробком.

16 февраля вернувшийся в Москву Авдеев выступил с сообщением о своей поездке на заседании Секретариата ЦК РКП(б). Просьбу киргизских товарищей решено было удовлетворить, и Учетно-распределительный отдел ЦК получил задание в недельный срок подыскать соответствующую замену.

Вот тут-то Авдеев, вероятно, и вспомнил об энергичном секретаре Марийского обкома, с которым познакомился летом на областной партконференции в Краснококшайске, а вспомнив — порекомендовал его кандидатуру на должность руководителя семипалатинской организации. Она была в несколько раз крупнее марийской и самой крупной среди губернских парторганизаций Киргизии, так что новое назначение было бы для Ежова несомненным повышением.

1 марта 1923 г. Секретариат ЦК постановил направить Ежова в Семипалатинск, рекомендуя его на должность секретаря местного губкома партии.

Заехав ненадолго в Краснококшайск для сдачи дел своему преемнику, Ежов в конце марта прибыл в Семипалатинск и 2 апреля 1923 г. постановлением президиума губкома партии был утвержден его ответственным секретарем. Приехавшая с мужем А.А. Титова также была трудоустроена — возглавила подотдел печати агитпропотдела. Правда, проработала она на этом посту недолго, так как осенью 1923-го уехала в Москву учиться в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Первым делом Ежов занялся партийным аппаратом. До его приезда работа губкома и его отделов не носила планового характера и велась в основном в русле исполнения директив, спускаемых вышестоящими инстанциями. Теперь же отделы губкома получили указание составить перспективные планы своей работы. На бюро губкома партии стали регулярно заслушивать руководителей подразделений исполкома губернского Совета. Им указывалось на ошибки, имеющиеся в работе, после чего намечались пути исправления выявленных недостатков.

К концу лета 1923 года Ежов более или менее разобрался в местных проблемах и на состоявшейся 7 августа 1923 семипалатинской городской конференции РКП(б) мог уже выступить перед партийным активом с изложением своих взглядов на перспективы развития губернии.

> «Чрезвычайно интересный доклад, — писала газета «Степная правда», — начался оговоркой докладчика, что он излагает не мнение губкома, а личное мнение по затронутым вопросам. Может быть, поэтому докладчик, чувствуя себя совершенно свободным, высказал конференции много необыкновенно оригинальных мыслей»[56].

Какие же именно оригинальные мысли высказал Ежов? Подробно остановившись на местных географических, климатических и почвенных условиях и продемонстрировав соответствующие карты и диаграммы, развешанные в зале, он поделился со слушателями выводом о том, что в условиях засушливого климата земледелие в губернии никогда не станет основным занятием населения, и наоборот, богатейшие запасы полезных ископаемых (золота, железа, меди, угля и т.д.) ясно указывают на благоприятные перспективы промышленного развития региона. «Нужно не ковырять золото, — заявил он, — а копать поглубже, чтобы добыть зарытый в ней клад — вот задача и лозунг развития губернии». Ну а основой сельского хозяйства, учитывая обилие лугов, должно оставаться скотоводство, сырье которого (кожа, шерсть, жиры) станет источником развития обрабатывающей промышленности. В ближайшее время, — сообщил Ежов, — предполагается обратиться в вышестоящие инстанции с ходатайством о переводе в Семипалатинскую губернию лучших кожевенных заводов. Это удешевило бы производство и дало толчок к общему экономическому подъему губернии.

Конечно, такие мысли трудно назвать «необыкновенно оригинальными», поскольку условия хозяйствования в здешних краях секретом ни для кого не являлись. Сельское хозяйство всегда ориентировалось тут на скотоводство, известно было и о больших запасах полезных ископаемых, но их эксплуатация сдерживалась удаленностью месторождений, слабым развитием дорожной сети, недостаточной заселенностью губернии вообще и районов

месторождений в особенности. Поэтому выступление Ежова можно, видимо, рассматривать лишь как свидетельство того, что к этому времени он уже сориентировался в обстановке и готов был со знанием дела выполнять свою руководящую роль.

Пленум губернского комитета партии, проходивший **11-12** сентября **1923** г., узаконил избрание Ежова ответственным секретарем местной парторганизации. Орган губкома журнал «Коммунист» так описывал выступление Ежова на пленуме:

> «Докладчиком тов. Ежовым было отступлено от обычного, принятого у нас построения отчетных докладов, которое, к сожалению, господствует на губернских съездах и конференциях. Вместо традиционных цифр, что бюро имело такое-то количество заседаний, на которых было разрешено столько-то вопросов, разделяющихся по своему характеру на такие-то и такие-то, что канцелярией было пропущено столько-то входящих и исходящих, вместо обычных ссылок в слабых местах на «тяжелые объективные условия», доклад дал картину политического и экономического состояния губернии, беспристрастную оценку стоящих перед ней задач и также беспристрастно показал, насколько бюро губкома проявило чуткость обстановки, насколько правильно оно в ней ориентировалось и применяло к ней свои практические мероприятия»[57].

Пленум поддержал те изменения в деятельности местной парторганизации, которые начались здесь с приходом Ежова. В принятой резолюции, в частности, отмечалось:

> «Пленум... всецело одобряя политическую линию бюро губкома, с особым удовлетворением отмечает рост сплоченности организации, решительное изживание имеющихся в недавнем прошлом в организации партизанских уклонов, общее оживление как партийной, так и советской работы, а также переход организации к плановой работе, давшие в совокупности максимальные результаты работы...»[58]

В Семипалатинске Ежов, похоже, пришелся ко двору. Работа у него ладилась, и после напряженных и изматывающих марийских конфликтов здесь можно было немного отдохнуть душой, расслабиться. И все бы хорошо, но росло понимание, что для занимаемых им достаточно уже высоких постов имеющегося багажа знаний становится явно недостаточно. Хотя в одной из анкет того времени в графе «По каким темам можете читать лекции?» Ежов и написал: «По истории РКП и революционного движения, политэкономии, философии»[59], — но в глубине души он не мог не сознавать, что с его подготовкой работать дальше будет все сложнее и сложнее.

В январе **1924** г., будучи делегатом **XIII** партийной конференции, Ежов встретился в Москве с секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым и попросил предоставить ему возможность продолжить образование. Как раз незадолго до этого при Коммунистической академии открылись курсы марксизма, на которых повышали свою квалификацию руководящие партработники, и Ежов чувствовал, что это именно то, что ему нужно.

Однако планам его не суждено было сбыться. Прошло всего несколько дней после окончания конференции, и партию постигла тяжелая утрата — умер В.И. Ленин. Сознавая всю серьезность и ответственность момента, Ежов пишет Молотову:

> «Во время последней конференции в разговоре с Вами мною был задет вопрос о возможности моей переброски и о моем желании поучиться. Хотя этот вопрос мною не ставился официально в обычном порядке, а в порядке обычных товарищеских разговоров, тем не менее считаю необходимым в том же порядке сказать следующее:
>
> В настоящий момент в связи с общим положением в партии и, главным образом, смертью Владимира Ильича, я думаю, не может быть никаких разговоров о личных желаниях в моей переброске и тем более на учебу. Если же принять во внимание вообще затруднения для ЦК в подборке работников для окраин, то, мне кажется, вопрос станет вполне ясным. Я хочу сказать, тов. Молотов, что в настоящее время должно каждому партийцу оставаться на слабо защищенных позициях РКП (а я все же считаю Киргизию слабо защищенной позицией), и тем самым, я думаю, Вы наш разговор не будете принимать во внимание»[60].

Успешная деятельность Ежова в самой крупной в Киргизии губернской парторганизации не осталась незамеченной. В Киробкоме ему оказывают поддержку, и постепенно складывается мнение о целесообразности его перемещения с губернской на общекиргизскую партийную работу. Об этом свидетельствует, например, письмо, которое **14** сентября **1923** г. направил в ЦК РКП(б) тогдашний исполняющий обязанности ответственного секретаря Киробкома Г.М. Дунаев. Рассказывая о ситуации, сложившейся в отдельных регионах, он, в частности, писал:

> «Безусловно, на своем месте стоит тов. Ежов — секретарь Семипалатинского губкома, сумевший сплотить вокруг себя все здоровые силы организации, совершенно разложенной политикой старого секретаря тов. Егорова. В целях

окончательного оздоровления организации и постановки работы тов. Ежов во всяком случае должен быть удержан в Семипалатинской губернии до весны 1924 г., причем весной, на очередной партконференции, будет уместно выдвинуть его в состав обкома»[61].

Помимо прочего, руководству Киробкома нравилось, по-видимому, и умение Ежова работать с кадрами. Партийные организации Киргизии были в тот период расколоты на всевозможные группировки, враждующие между собой, но Ежов в своей кадровой политике старался не давать преимуществ ни одной из них. Выдвигая, например, кандидатов на руководящие посты в уездах, он стремился, чтобы должности председателя исполкома уездного Совета и секретаря партийного комитета достались представителям разных группировок. Занятые борьбой между собой, местные руководители не только не могли объединиться против губернского начальства, но, напротив, вынуждены были постоянно искать у него защиты от происков соперников.

Такие организаторские способности были не лишними и на республиканском уровне, где потребность в работниках, владеющих методом «разделяй и властвуй», ощущалась не менее остро.

11—16 мая **1924** г. в Оренбурге (тогдашней столице республики) проходила **IV** общекиргизская партийная конференция. На состоявшемся **16** мая первом пленуме обкома нового состава Ежов был избран членом его президиума, и при распределении обязанностей ему было поручено возглавить организационный отдел.

В Семипалатинске это известие было встречено в штыки. Президиум губкома на своем заседании **27** мая постановил: «Ввиду избрания тов. Ежова в рабочий аппарат Киробкома на должность заведующего орготделом и неизбежности его отзыва, просить ЦК об оставлении тов. Ежова для работы в качестве секретаря Семгубкома»[62].

Однако ничего уже сделать было нельзя. Хотя Ежов еще какое-то время оставался в Семипалатинске, завершая некоторые из начатых им дел, было ясно, что Центральным комитетом просьба местных товарищей удовлетворена не будет. Поэтому семипалатинцам ничего не оставалось, как смириться с неизбежным расставанием и на прощание предоставить своему бывшему руководителю месячный отпуск с правом лечения на одном из курортов Крыма.

Провожали его тепло. В благодарность за помощь и поддержку, оказываемую органам печати, губернское бюро корреспондентов постановило зачислить Ежова почетным корреспондентом газеты «Степная правда» и вручить ему почетный корреспондентский билет. На собрании рабочих и служащих губернского отдела местного хозяйства было решено за большой вклад в развитие экономики региона в период пребывания в Семипалатинске присвоить имя Ежова городской электростанции. Были и другие проявления симпатии к уезжающему секретарю, всего лишь год назад возглавившему здешнюю парторганизацию.

В августе **1924** года Ежов отправился в отпуск. Вернувшись из него в начале сентября, он приступил наконец к работе в Киробкоме и сразу же оказался в самом центре той борьбы, которую в это время вели между собой различные группировки республиканской парторганизации.

7. В гуще межгрупповой борьбы

В процессе исторического развития территория Казахстана (так с апреля **1925** г. станет называться Киргизия)* оказалась разделена на три более или менее обособленных региона (жуза) — Младший (западная территория Казахстана), Средний (центральные и восточные районы) и Старший (южные и юго-восточные земли). Старший жуз являлся центром складывавшейся на протяжении многих веков казахской нации. Относящиеся к нему территории (Сырдарьинская и Джетысуйская губернии) входили в состав Туркестанской АССР, однако вопрос об их присоединении к Киргизии активно обсуждался на протяжении всего **1924** года, в связи с намеченным национально-территориальным размежеванием в этом регионе.

* В Российской империи казахи именовались киргизами-кайсаками, и когда после революции на данной территории была образована автономная республика в составе Российской Федерации, она получила название Киргизия. Историческое название коренного народа — казахи — было восстановлено в **1925** г., и тогда же республика была переименована в Казахскую АССР. Прежнее ее название — Киргизская АССР (также в составе Российской Федерации) было присвоено в **1926** г. части территории упраздненной Туркестанской АССР, населенной преимущественно киргизами. В дальнейшем и Казахстан, и Киргизия получили статус союзных республик и вошли в состав СССР.

Существовавшее в прошлом соперничество между феодальными группировками разных

жузов трансформировалось после революции в такое же противостояние по территориальному признаку, но уже внутри новой власти. Выходцы из различных регионов Казахстана, занявшие те или иные руководящие должности в партийных и советских структурах, старались подбирать себе окружение главным образом из числа земляков, в результате чего местная парторганизация оказалась расколота на несколько противоборствующих группировок. К моменту перехода Ежова в аппарат Киробкома (лето 1924 г.) основная борьба шла между двумя такими группировками — западной, объединявшей выходцев из западных губерний Казахстана, и восточной. Первую из них возглавлял председатель Центрального исполнительного комитета республиканского съезда Советов С. Мендешев. За годы своего нахождения у власти он растерял уже многих своих сторонников, недовольных как его деятельностью, так и образом жизни — «пьянством и пиршествами, часто с участием беспартийных, даже чуждых элементов», как отмечалось в одном из писем, направленных в ЦК РКП(б)[63]. В этих условиях Мендешев вынужден был постоянно искать поддержку у представителей русской или, как тогда говорили, «европейской» части парторганизации, которых он стремился убедить в своем интернационализме и готовности вести решительную борьбу с «буржуазно-националистическими элементами». И хотя возглавлявшее обком русское руководство не особенно доверяло идейности и лояльности Мендешева, оно тем не менее старалось, по возможности, защищать его от нападок противоборствующей группировки, возглавляемой в тот период тогдашним председателем республиканского Совета народных комиссаров С. Сейфуллиным.

В отличие от Мендешева, Сейфуллин и его сторонники, представлявшие более развитые в экономическом отношении восточные губернии Казахстана, где заметное влияние на общественную жизнь оказывала национальная интеллигенция, старались в большей степени учитывать особенности и традиции коренного населения. Они выступали против искусственного разжигания классовых противоречий, а также против засилья «европейцев» в руководящих партийных органах республики. В силу этих причин восточная группировка, в отличие от группировки Мендешева, не могла рассчитывать на благосклонность русского руководства Киробкома, и это не давало ей возможности использовать свое численное превосходство для достижения решающей победы над соперниками.

В мае 1924 года 20 видных представителей восточной группировки, недовольных создавшимся положением, направили в ЦК РКП(б) письмо с просьбой отозвать из Казахстана Мендешева и пятерку русских руководителей обкома, поддерживающих его, или же, в случае невозможности удовлетворить это пожелание, отозвать из республики их самих.

13 июня 1924 года данный вопрос был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). В принятом постановлении отмечалось, что коммунисты, подписавшие обращение в ЦК, вместо того чтобы усиливать работу в партийных и беспартийных массах, направляют свое внимание на межгрупповую борьбу, что лишь затрудняет работу партийной организации республики. Киробкому было поручено принять меры по изживанию имеющихся внутрипартийных группировок, в частности предлагалось послать ряд руководящих казахских работников из республиканского центра на периферию (прежде всего в рабочие районы) и выдвинуть новых работников с мест.

Получив указание Оргбюро, в Киробкоме составили план переброски ведущих деятелей восточной группировки на второстепенные участки работы. Однако в этот момент в руководстве обкома произошли важные перемены. Во-первых, был отозван прежний ответственный секретарь обкома Г.А. Коростелев, а сменивший его В.И. Нанейшвили, работавший до этого в Перми, как человек посторонний и не имевший каких-либо предпочтений, ознакомившись с ситуацией, посчитал необходимым вести борьбу с обеими группировками сразу.

Во-вторых, в сентябре 1924 г., в связи с присоединением к Казахстану Сырдарьинской и Джетысуйской областей Туркестанской АССР, казахская парторганизация увеличилась более чем на треть, и три представителя новых областей были введены в состав президиума обкома, что сразу же изменило расстановку сил в нем.

Присоединенные южные области являлись, как уже говорилось, историческим ядром Казахстана. Признанным лидером здешних коммунистов был С. Ходжанов, работавший до последнего времени наркомом земледелия Туркестанской республики. Возглавляемая им южная группировка сразу же превратилась в одну из наиболее влиятельных в казахской партийной организации, тем более что намеченная борьба с группировками на нее не распространялась и только должна была ослабить ее потенциальных конкурентов.

Несколько месяцев спустя первый секретарь Киробкома В.И. Нанейшвили так писал о Ходжанове:

> «Взаимоотношения этих двух группировок [западной и восточной] осложняются появлением тов. Ходжанова. Он среди киргиз, пожалуй, один из самых способных, но зато самый беззастенчивый, самый циничный, он не побрезгует никакими средствами для своих целей... У него ярче всего выражен национальный уклон, он считает, что Сырдарьинская и Джетысуйская области есть ядро Киргизии, вокруг этих областей и должна оформляться, по его мнению, Кирреспублика»[64].

Вот в такой обстановке Ежов, вернувшийся в начале сентября из отпуска и тогда же введенный в состав секретариата обкома, приступил к работе. **16** сентября была создана комиссия под его председательством, которая стала готовить новый план реализации июньского постановления Оргбюро ЦК РКП(б), который бы учитывал необходимость ослабления не только восточной, как это предполагалось ранее, но также западной группировки.

4 ноября **1924** г. Ежов представил подготовленный комиссией план переброски казахских руководящих работников из центра на периферию и списки региональных работников, намеченных для замещения освободившихся должностей. Предложения комиссии были одобрены, а ее деятельность рекомендовано было продолжить.

Работа закипела. Как жаловался позднее Мендешев, план Нанейшвили и Ежова претворялся в жизнь «с такой головокружительной быстротой, что многие застали проводимую пертурбацию в отпусках и командировках и были поставлены перед свершившимся фактом... Работники, имеющие опыт и навыки, — писал он, — сняты с работы и выброшены за борт общественной жизни, которых [так в тексте] как безработных ныне рассовывают в первые попавшие места, дабы убрать с поля своего зрения, без всякого учета целесообразности и даже годности к предстоящей работе»[65].

По мере ослабления западной и восточной группировок южная группировка во главе с Ходжановым все более укреплялась, и это стало вызывать растущую обеспокоенность руководства крайкома*, тем более что Ходжанов и не пытался скрывать своих притязаний на роль «первого киргиза республики». Ежов, отвечавший за кадровые вопросы, старался не допустить чрезмерного усиления южной группировки, и, хотя в конце марта **1925** года Ходжанову удалось добиться своего назначения вторым секретарем Киркрайкома (Ежов тогда же был назначен третьим секретарем), дальнейшая экспансия южной группировки была приостановлена.

* В феврале **1925** г. республиканская парторганизация получила статус краевой и, соответственно, обком стал именоваться крайкомом.

Раздосадованный Ходжанов в начале апреля жаловался в письме к Сталину:

> «Тов. Нанейшвили, несмотря на то, что он старый член партии, имеет нетерпимую в его положении умственную ограниченность, он никем и ничем управлять не способен, а им управляет тов. Ежов. Следовало бы самого тов. Ежова и назначить первым секретарем крайкома, чтобы он не только делал, но и отвечал непосредственно сам»[66].

Сходные мысли высказывал в письме, направленном в адрес ЦК РКП(б), и другой обиженный — С. Мендешев. «Нанейшвили, — писал он, — оказался совершенно не в состоянии руководить аппаратом, а тов. Ежов повел явно неправильную линию, направленную к разжиганию борьбы между киргизскими работниками, носящую характер демагогии... Остальные члены бюро из русских просто механически следовали за ним»[67]. Из сказанного Мендешев делал вывод о необходимости отозвать из республики как Нанейшвили, так и Ежова.

Однако иронические рекомендации Ходжанова относительно Ежова, так же как и вполне серьезные пожелания Мендешева, в ЦК РКП(б) оставили без внимания. Делать Ежова первым секретарем крайкома было в любом случае рановато (эта номенклатурная ступенька предназначалась для более заслуженных и авторитетных партийцев), не было никакой необходимости и убирать его из Казахстана. А вот местному партийному лидеру Нанейшвили и в самом деле стоило, видимо, подыскать другую работу, и **31** июля **1925** года Секретариат ЦК РКП(б) принимает решение отозвать его из республики, а в качестве замены направить в Казахстан тогдашнего секретаря Самарского губкома Ф.И. Голощекина, видного партийного работника, члена РСДРП с **1903** г., известного, помимо прочего, и своей причастностью к расстрелу в **1918** г. царской семьи.

Для Ежова, оказавшегося в начале августа **1925** г. в Москве и тогда же, вероятно, узнавшего о намеченных кадровых изменениях, наступил момент принятия.решения.

Возможно, он рассчитывал стать преемником Нанейшвили и был теперь разочарован сделанным в ЦК выбором или просто понял, что при Голощекине неизбежно окажется на вторых ролях, но так или иначе **9** августа **1925**-го он подает заявление с просьбой зачислить его на курсы марксизма при Коммунистической академии.

В январе **1924** г. он, напомним, уже обращался с аналогичной просьбой к В.М. Молотову, но в связи со смертью Ленина посчитал необходимым отказаться тогда от этой идеи. Теперь же ничто не препятствовало ее осуществлению.

Вернувшись в Казахстан и ожидая приезда Голощекина, Ежов подготовил для Молотова письмо с анализом обстановки в республиканской парторганизации. Коснувшись предполагаемого отъезда из Казахстана С. Ходжанова, он предложил не торопиться с этим решением, так как поспешность в данном вопросе могла бы только осложнить ситуацию. Поскольку группировка Мендешева к этому времени практически уже распалась, а в случае отъезда Ходжанова и его группировка тоже неизбежно утратит свои позиции, руководству крайкома пришлось бы в этом случае опираться в своей работе на единственную остающуюся более или менее дееспособной восточную группировку, хотя она ничем не отличается в лучшую сторону от двух других. Кроме того, ставка на одну лишь восточную группировку привела бы к появлению накануне предстоящей республиканской партийной конференции мощного оппозиционного крыла, объединяющего представителей обеих отвергнутых группировок. При нынешнем же положении Ходжанову, лишенному уже к этому времени реальных полномочий, но формально остающемуся секретарем крайкома, приходится сохранять хотя бы и вынужденную лояльность и удерживать своих людей в узде.

На случай, если ЦК все же сочтет необходимым отозвать Ходжанова еще до конференции, Ежов предложил ряд мер, которые могли бы ослабить последствия такого решения.

В конце письма Ежов остановился и на своих личных проблемах.

> «Последний вопрос о себе, В[ячеслав] М[ихайлович], — писал он. — В Киргизии я работаю уже два с половиной года в архитяжелых условиях окраинной национальной обстановки. Если учесть то, что я до этого времени работал два года в Тат[арской] республике и год в Марийской области, то, мне думается, я имею некоторое моральное право на изменение обстановки. С приездом тов. Голощекина этот вопрос, по-моему, разрешить очень не трудно.
>
> Перед отъездом из Москвы я подал заявление о командировании меня в Комакадемию. У меня величайшая просьба, В.М., не препятствовать этому, а помочь мне немного хоть поучиться. Чувствую я себя недостаточно подготовленным, заниматься систематически марксистской учебой на работе нет никаких возможностей, и я думаю (приложу все силы), что мне удастся оправдать надежды ЦК на подготовку работников в академии.
>
> В том случае, если по каким-либо причинам ЦК не найдет возможным командировать меня в академию, мне бы очень хотелось хотя бы год поработать в Москве, в иной обстановке, где бы я смог немного себя поднакачать, лучше всего это в аппарате ЦК на какой-либо орграспредовской работе*...»[68]

* Под орграспредовской работой имеется в виду работа в аппарате Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б).

Препятствовать стремлению Ежова повысить свой теоретический уровень Молотов не стал, и на состоявшемся в конце октября **1925** г. заседании приемной комиссии ЦК Ежов был зачислен на курсы марксизма. Среди его будущих сокурсников оказались жена Молотова П.С. Жемчужина, помощник Сталина Л.З. Мехлис и ряд других уже известных в партии людей или ставших известными впоследствии.

Занятия начинались в середине января следующего года, а пока Ежов оставался в Казахстане, помогая прибывшему Голощекину разбираться в непростой кадровой обстановке. В начале декабря **1925** г. была проведена республиканская партконференция, а в конце того же месяца состоялся **XIV** съезд партии, на который Ежов был избран делегатом. Вернувшись со съезда, он заканчивает самые неотложные дела и **25** января **1926** г. отправляется на учебу в Москву, в город, где ему предстояло провести все оставшиеся четырнадцать лет жизни.

8. Заместитель заведующего

Курсы марксизма при Коммунистической академии были созданы в **1921** г. с целью «дать партийцам-рабочим, несшим на себе со времени Октябрьской революции ответственную практическую работу, возможность систематизировать накопленный опыт и подвести под него теоретическую базу»[69].

В момент поступления Ежова продолжительность обучения на курсах была определена в полтора года, однако, пока он учился, этот срок был увеличен до двух лет.

Учитывая уровень подготовки слушателей (79% из принятых в тот год имели лишь низшее образование), учебный план включал и общеобразовательные предметы: русский язык, математику (действия с дробями, вычисление пропорций, процентов и т.д.), а также основы природоведения. Но главными были, конечно, специальные дисциплины. На первом году обучения — политэкономия, история капитализма и классовой борьбы в России, история партии, на втором — диалектический материализм, основы ленинизма, мировое хозяйство, основы советской экономики и основные проблемы социалистического строительства. Кроме того, слушателям читали лекции по истории мирового революционного движения, общей теории статистики и некоторые другие.

Никаких заслуживающих доверия сведений о том, насколько Ежов преуспел в изучении марксистских наук, обнаружить не удалось. Правда, А.А. Фадеев в своей рукописи «Николай Иванович Ежов — сын нужды и борьбы», рассказывая об этом периоде жизни своего героя, упоминает, что «и в теоретических занятиях он проявил то же качество, что и в практической работе: любой вопрос изучал всесторонне, до дна. Товарищи, учившиеся вместе с ним, — продолжает Фадеев, — рассказывают о его работе над докладом по теории стоимости Маркса. Доклад был выдающимся по глубине овладения темой и по эрудиции»[70].

Оставив это утверждение без комментариев, отметим, что, судя по некоторым данным, Ежов умел не только напряженно учиться, но и не менее интенсивно отдыхать в свободное от занятий время. Как вспоминал в конце 50-х годов бывший комендант Коммунистической академии А.Л. Дорогов, Колька (так он называл Ежова) был известен тем, что довольно регулярно «закладывал за воротник» и частенько отсыпался после этого у него, Дорогова, в караулке[71]. Конечно, полностью доверять таким свидетельствам, может быть, и не стоит, но что-то похожее, наверное, и в самом деле могло иметь место. Во всяком случае, это первое по времени упоминание о симпатиях Ежова к крепким напиткам, и надо сразу сказать, что данной своей привязанности он не изменял до конца жизни. Возможно, тут сказалась и наследственность — отец его, как уже говорилось, тоже был весьма неравнодушен к алкоголю.

Перебравшись из Казахстана в Москву, Ежов, помимо того что воссоединился со своей женой, продолжавшей учиться в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, забрал также к себе мать (отец умер в 1919 г.) и двух племянников — детей сестры Евдокии — пятнадцатилетнюю Людмилу и тринадцатилетнего Анатолия*. Они по-прежнему проживали в Вышневолоцком уезде Тверской губернии и уже много лет не имели никаких вестей от Ежова. Мать, думая, что он погиб в Гражданскую войну, даже выхлопотала себе пенсию за него как за погибшего красноармейца. Теперь все недоразумения благополучно разрешились, и после двадцатилетнего перерыва мать и сын снова стали жить под одной крышей.

* Позднее сестра Ежова с остальными своими детьми также переехала в Москву.

В летние месяцы слушатели курсов марксизма, как и все учащиеся, отдыхали. В 1926 г. Ежов, по совету врачей, провел каникулы на бальнеологическом курорте в Железноводске, а в 1927 г. отправился в Башкирию в известный кумысолечебный санаторий Шафраново, специализирующийся на лечении больных туберкулезом легких. Однако полностью выполнить предписанный курс лечения в этот раз не удалось.

Организационно-распределительный отдел ЦК (Оргаспред), присматривающий за слушателями курсов марксизма и подбирающий им места будущей работы, к этому времени, вероятно, уже наметил забрать Ежова после окончания учебы к себе, тем более что он и сам высказывал в свое время такое пожелание. Но неожиданно обнаружилось, что отдел — не единственный претендент на данную кандидатуру. Устав от межгрупповой борьбы и связанных с ней склок, первый секретарь Татарского обкома партии М.М. Хатаевич обратился в Секретариат ЦК ВКП(б)* с просьбой подобрать ему замену, указав при этом, что сам он в качестве преемника хотел бы видеть именно Ежова. Его, судя по всему, еще помнили в татарской парторганизации, несмотря на шестилетнюю разлуку, и, наверное, кто-то убедил Хатаевича, никогда с Ежовым по работе не пересекавшегося, что это именно тот человек, который сумеет помочь татарским коммунистам справиться с их трудностями.

* В конце 1925 г. название партии было в очередной раз изменено, и из Российской она превратилась во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), сокращенно ВКП(б).

Узнав, вероятно, о замыслах Хатаевича и не дожидаясь, пока его идея получит поддержку у руководства, в Оргаспреде решили досрочно отозвать Ежова с курсов марксизма и

принять на работу в отдел. 5 июля 1927 г. заместитель заведующего Орграспредотделом Н.А. Богомолов направил Ежову в Шафраново телеграмму с просьбой сообщить о времени возвращения в Москву и о согласии на назначение помощником заведующего Орграспредом. Не получив ответа (Ежов в это время находился в больнице в Уфе), Богомолов неделю спустя посылает новую телеграмму с просьбой срочно подтвердить согласие на предложенное назначение. 13 июля вернувшийся в санаторий Ежов известил Богомолова о своем выезде в Москву. Б тот же день опросом секретарей ЦК вопрос об утверждении Ежова в должности помощника заведующего Орграспредом был решен положительно, и 15 июля это решение было оформлено соответствующим постановлением Секретариата ЦК. Так что, когда два дня спустя Ежов прибыл, наконец, в Москву, он был уже полноправным работником одного из самых могущественных отделов Центрального комитета партии.

Организационно-распределительный отдел, являвшийся составной частью Секретариата ЦК ВКП(б), состоял из двух основных подотделов: организационного и учетного. В задачу первого из них входила разработка циркуляров, положений и инструкций по вопросам организационной работы партии, инспектирование и инструктирование местных парторганизаций, изучение и обобщение их опыта и т.д. Учетный или, как его еще называли, распределительный подотдел занимался учетом, подбором, распределением или перемещением партработников, входящих в номенклатуру ЦК; осуществлял общее руководство аналогичными подразделениями местных парторганизаций и центральных государственных учреждений; выполнял конкретные задания Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б) по всем вопросам распределительной и учетной работы.

Именно в учетный подотдел Ежов и был зачислен, и первое время ему было поручено руководить «наиболее путанным», по его словам, сектором, курирующим издательства, учреждения культуры, добровольные общества, кооперативные организации и т.д. Основная трудность работы здесь заключалась в том, что многие из этих организаций и учреждений не имели своих учетно-распределительных отделов, и поэтому сектору приходилось заниматься подбором и расстановкой кадров не только высшего, но и среднего звена или же мириться с тем, что их распределение будет пущено на самотек.

Для того, чтобы успешно противостоять встретившимся трудностям, Ежов, наряду с глубоким изучением партийных директив по вопросам распределения кадров, решил обратиться к «первоисточнику» и сделал выписки из работ Ленина, в которых рассматривался данный вопрос. А надо отметить, что к этому времени Ежов прочел все или почти все 20 томов изданного в 1920-1926 гг. первого многотомного собрания сочинений Ленина, причем сделал это не столько по обязанности, сколько по душе.

Такое усердие начинающего орграспредовца не осталось незамеченным, и на одном из совещаний заведующий отделом И.М. Москвин поставил его всем в пример.

Отношения с Москвиным у Ежова сложились вполне товарищеские, хотя на первых порах он, видимо, чувствовал себя в новой среде не вполне уверенно. Во всяком случае, таким он выглядит в описании Л.Э. Разгона, встречавшегося с ним в гостях у Москвина:

> «Ежов... был маленьким, худеньким человеком, всегда одетым в мятый дешевый костюм и синюю сатиновую косоворотку. Сидел он за столом тихий, немногословный, слегка застенчивый, мало пил, не влезал в разговор, а только вслушивался, слегка наклонив голову. Я теперь понимаю, что такой — тихий, молчаливый и с застенчивой улыбкой — он и должен был понравиться Москвину. Был Ежов когда-то туберкулезником, и Софью Андреевну [жену Москвина] очень беспокоило его здоровье. Она его опекала, хлопотала вокруг него, приговаривая:
>
> — Воробушек, ешьте вот это. Вам надо больше есть, воробушек»[72].

Приход Ежова в Орграспред совпал по времени с решением о его реорганизации. Практика показала, что в прежнем виде отдел во многих случаях оказывался не в состоянии выполнять возложенные на него обязанности. Несмотря на свое могущество, Орграспред являлся лишь одним из подразделений Секретариата ЦК, а его руководитель И.М. Москвин, хотя и был известным в партии человеком, но по номенклатурной лестнице продвинулся не очень высоко, являясь всего-навсего кандидатом в члены ЦК ВКП(б). (В декабре 1927 г. его, правда, введут в состав ЦК, изберут членом Оргбюро и кандидатом в члены Секретариата ЦК.) В то же время многие ведомства, контролировать которые должен был Орграспред, возглавлялись членами и кандидатами в члены высшего партийного органа — Политбюро ЦК ВКП(б), и когда вставал вопрос о необходимости проверить работу таких ведомств, заслушать отчет их руководства, запросить в Рабоче-крестьянской инспекции или Центральной контрольной комиссии материалы на сотрудников этих организаций и т.д., сделать это было очень и очень непросто. В то же время Секретариат ЦК, в состав которого

входили, в частности, Сталин и Молотов, мог легко разобраться с любым строптивым руководителем, что и приходилось делать, когда с этой задачей не справлялся Оргаспред. В конце концов было признано целесообразным, чтобы Секретариат ЦК не от случая к случаю, а постоянно занимался теми вопросами, которые решает Оргаспред. Последний получил в связи с этим возможность выходить со своими предложениями не только на курирующего отдел секретаря ЦК С.В. Косиора, но и на других секретарей, в зависимости от характера рассматриваемых вопросов. Решено было также упростить схему подготовки решений, принятую в Оргаспреде. Прежде, например, кадровые вопросы прорабатывались сначала помощниками заведующего отделом (то есть Ежовым и его коллегами), затем согласовывались ими с заместителями заведующего, те — с заведующим, заведующий — с С.В. Косиором, Косиор — с секретарем ЦК, отвечающим за конкретный участок работы. Затем согласованные вопросы возвращались назад и готовились для рассмотрения на Оргбюро и Секретариате ЦК. На весь этот круговорот уходило очень много времени, и такую технологию решения вопросов нельзя, конечно, было признать оптимальной. Теперь всех помощников заведующего Оргаспредом решено было сделать его заместителями с правом выхода непосредственно на секретарей ЦК, курирующих те или иные ведомства.

К середине ноября **1927** года намеченная реорганизация была проведена, и Ежов из помощника превратился в заместителя заведующего Оргаспредом. Одновременно со структурной перестройкой в отделе были произведены и некоторые кадровые замены, в результате чего Ежов возглавил теперь сектор, контролирующий местные партийные комитеты, профсоюзные органы, Верховный суд, Прокуратуру, ОГПУ, военное ведомство, наркоматы труда, юстиции и некоторые другие организации. Нужно было готовить постановления ЦК по кадровым вопросам, касающимся этих ведомств, обеспечивать их исполнение, налаживать работу учетно-распределительных отделов там, где они еще только создавались, контролировать выполнение директив ЦК об усилении партийной и рабочей прослойки и т.д. и т.п. Дело осложнялось тем, что, по стечению обстоятельств, сотрудники в отдел подобрались не очень квалифицированные, и первое время Ежову приходилось весь воз работы тянуть чуть ли не в одиночку. И тем не менее кое-каких результатов удалось добиться уже в первые месяцы. Об этом Ежов упомянул, выступая на одном из совещаний в Оргаспреде в начале **1928** г. «Мы имеем, — отметил он, — ряд наркоматов, которые еще этими вопросами [учетнораспределительными] туго занимаются, за исключением НКЮ*, где удалось поставить работу, где удалось вовлечь всех членов коллегии... За десять лет революции впервые на коллегии НКЮ стоял вопрос о кадрах работников НКЮ, и вынесли соответствующую резолюцию. Даже, если бы мы стали принимать, мы бы жестче не приняли. Они сами себя бичевали, указывали, что вот здесь мы проглядели, здесь и т.д.»[73]

* НКЮ — наркомат юстиции.

В дальнейшем Ежов сумел добиться того, что и в других ведомствах, подконтрольных его сектору, учетно-распределительная работа была поставлена на должную высоту.

В середине **1928** г. Оргаспред получил нового куратора. Им стал восходящая звезда советской политической сцены Л.М. Каганович. На состоявшемся **4-12** июля пленуме ЦК ВКП(б) он был избран секретарем ЦК, членом Оргбюро ЦК и освобожден от обязанностей генерального секретаря ЦК компартии Украины. Ставший вакантным пост в Харькове занял прежний опекун Оргаспреда С.В. Косиор.

В **1924-1925** гг. Каганович уже занимал должность секретаря ЦК ВКП(б). Затем он был направлен Сталиным на Украину для укрепления местной парторганизации, которая недостаточно энергично, по мнению вождя, боролась с оппозиционными группировками. С поставленной задачей Каганович успешно справился, восстановив, правда, против себя большинство украинских коммунистов, недовольных практиковавшимися им методами голого администрирования.

Теперь Каганович снова понадобился в Москве. Вынашиваемые Сталиным идеи форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства встретили энергичное сопротивление части партийного актива. Противники Сталина, которых он окрестил «правыми уклонистами», имелись и в Политбюро (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский), и на местах, причем особую оппозиционность демонстрировала столичная парторганизация. В этих условиях на посту секретаря ЦК, занимающегося организационно-партийной работой, учетом, подбором и расстановкой кадров, Сталину нужен был не только стопроцентно надежный человек, но также жесткий администратор, каковым Каганович и являлся. Кстати, на том же июльском пленуме **1928** г., избравшем Кагановича секретарем ЦК ВКП(б), Сталин впервые познакомил партийную общественность с наметками своей печально знаменитой в будущем теории об обострении классовой борьбы по мере продвижения к

социализму, и Каганович был едва ли не первым, кто подхватил эту идею и начал активно ее пропагандировать.

Как секретарь ЦК, отвечающий за работу Оргаспреда, Каганович, приступив к работе, сразу же, конечно, познакомился с Ежовым, тем более что наблюдение за региональными парторганизациями, осуществляемое сектором Ежова, входило и в его, Кагановича, прямые обязанности. Особенно их отношения укрепились в процессе подготовки снятия одного из лидеров «правых», М.П. Томского, с поста председателя Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (май 1929 г.) и в последующие месяцы, когда Каганович стал по совместительству руководителем этого высшего профсоюзного органа.

Но все это в будущем, а пока Ежов продолжал заниматься обычной рутинной оргаспредовской работой: контролировал местные партийные комитеты, редактировал проекты докладов и резолюций профсоюзных форумов, готовил кандидатов на замещение вакантных должностей в государственных, партийных и профсоюзных организациях, составлял планы переподготовки руководящих кадров разных отраслей народного хозяйства и т.д. Какие-то из рассматриваемых вопросов были относительно простыми, не требующими больших затрат времени и сил, к другим приходилось возвращаться по несколько раз, прежде чем удавалось добиться выполнения тем или иным ведомством решений, принятых партийными инстанциями.

Вот, например, история с кадровой чисткой в Наркомате труда СССР. После Шахтинского процесса (18 мая — 5 июля 1928 г.), вскрывшего якобы существовавшую в Шахтинском районе Северо-Кавказского края контрреволюционную организацию, занимавшуюся вредительством в угледобывающей промышленности, во всех звеньях управленческого аппарата стали активно выискивать и увольнять специалистов, в отношении которых существовали сомнения относительно их политической благонадежности и преданности советской власти. Список подлежащих увольнению работников был подготовлен и в наркоматах труда СССР и РСФСР, опекаемых сектором Ежова. Кадровые службы обоих наркоматов при участии представителей ОГПУ в этих ведомствах, подобрав соответствующие материалы, направили их в Оргаспред. В начале декабря 1928 г. Ежов ознакомился с представленными документами, встретился с их составителями и убедился в обоснованности предлагаемых мер: несколько человек были в прошлом дворянами, белыми офицерами, другие — меньшевиками, эсерами или участниками внутрипартийной оппозиции, третьи — беспартийными, а занимали должности, на которых хотелось бы видеть членов партии и т.д.

7 января 1929 г. данный вопрос был заслушан на Оргбюро ЦК, и в принятом постановлении наркоматам труда СССР и РСФСР было предложено в месячный срок уволить из центрального аппарата обоих ведомств 32 человека в соответствии с утвержденным тогда же персональным списком увольняемых.

Что, казалось бы, должно делать ведомство, получив распоряжение одной из высших партийных инстанций? В кратчайший срок выполнить все предписанное и отчитаться о проделанной работе. Поначалу все так и выглядит:

«Оргаспред ЦК ВКП(б)
тов. Ежову

28 февраля 1929 г.

Народный комиссариат труда СССР сообщает, что решение Оргбюро от 7/1 с. г. в части снятия работников выполнено, несмотря на то что для замещения ряда должностей не имеется заместителей, что вредно отражается на работе отделов, и в особенности на работе Цусстраха*, где отсутствие юристов задерживает ряд законодательных актов и не дает возможности приступить к подготовительным работам к предстоящему Всесоюзному страховому съезду...

Зам. наркома труда СССР Толстопятов»[74].

* Цусстрах — Центральное управление социального страхования.

Хотя, судя по содержанию письма, ответственный руководитель Наркомата труда был не очень доволен результатом совместного творчества его кадровиков и прикрепленных к наркомату чекистов (отсюда и эти недостойные большевика жалобные интонации), но главным для Ежова было то, что дело сделано — постановление выполнено.

Однако, как оказалось, снимать данный вопрос с повестки дня было еще рано. 23 марта 1929 г. тот же И.А. Толстопятов направляет в адрес Ежова новое послание. Сообщив, что ряд вакансий по-прежнему не заполнен, он перечисляет фамилии специалистов из Института

красной профессуры и ЦК профсоюзов совторгслужащих и медработников, которых хотел бы заполучить в свое ведомство на место выбывших специалистов, а заодно запрашивает согласие на отсрочку увольнения двух сотрудников, ввиду якобы невозможности подыскать им равноценную замену.

Проходит еще полмесяца, и **9** апреля **1929** г. в докладной записке в Оргбюро ЦК ВКП(б) руководство Наркомата труда СССР выставляет ходатайство об оставлении на работе уже четырех человек из числа подлежащих увольнению и об отсрочке снятия еще одного сотрудника все под тем же предлогом отсутствия работников соответствующей квалификации.

Дело продолжало оставаться на контроле Оргаспреда и в июне **1929** г., и в августе, и вместо того чтобы спокойно заниматься другими, гораздо более важными вещами, Ежову приходилось снова и снова возвращаться к одному и тому же, казалось бы, давно уже решенному, вопросу. И таких случаев было не один и не два. Все это замедляло, загромождало работу, и нужно было трудиться не покладая рук, чтобы распутать весь этот клубок наслаивающихся одна на другую проблем.

Одним из пунктов утвержденного в этот период плана работы Оргбюро ЦК был вопрос «Проверка состава и меры укрепления кадров работников сельского хозяйства с точки зрения успешного выполнения пятилетнего плана в области сельского хозяйства». Для предварительной проработки этого вопроса была создана комиссия, которую возглавил заведующий Оргаспредом И.М. Москвин, а его заместителем был назначен Ежов.

В принципе, Ежов и раньше привлекался к изучению кадровых проблем на селе. В начале **1929** г., когда решался вопрос о направлении в Наркомат земледелия РСФСР группы коммунистов для усиления партийного влияния в центральных и региональных подразделениях наркомата, Ежов принимал участие в работе соответствующей комиссии, докладывал возглавлявшему ее Л.М. Кагановичу свои соображения по данному вопросу, в частности, в одной из записок он информировал Кагановича, что почти все крупные областные земельные управления возглавляют коммунисты с очень небольшим партийным стажем, большей частью состоявшие раньше в партии эсеров. В аппарате этих организаций тоже на важнейших участках находятся коммунисты из бывших эсеров либо беспартийные, ну а окружными земельными управлениями и вовсе руководят бывшие крестьяне, главным образом из кулаков. Все это, отмечал Ежов, не может не влиять на четкость классовой линии в политике земельных органов и приводит к массовому извращению этой самой линии, а в ряде случаев — и к прямому противодействию политике партии в деревне[75].

Еще одна комиссия, работа которой была рассчитана на несколько месяцев, проанализировала ситуацию с кадрами во всех отраслях сельского хозяйства, проверила положение дел в управленческих организациях, отвечающих за определенные участки сельскохозяйственного производства, группы экспертов выезжали на места и изучали кадровые вопросы в конкретных регионах. Не ограничиваясь констатацией существующих проблем, комиссия разрабатывала предложения по их преодолению, и Ежов принимал в этой работе самое активное участие.

Так, выступая на одном из заседаний комиссии, он призывал не замыкаться на традиционном подходе к кадровой политике, когда во главу угла ставилось увеличение среди руководящих работников процента коммунистов и выходцев из рабочей среды. В промышленности, например, указал Ежов, почти все руководители соответствуют данному критерию, что не помешало, как теперь выясняется, массовому распространению вредительства, поскольку не обладающие достаточными профессиональными знаниями директора предприятий и учреждений вынуждены были во всем полагаться на «буржуазных» специалистов, которые пользовались этим для достижения своих преступных замыслов. Сейчас уже недостаточно, чтобы руководитель был политически грамотным, подчеркивал Ежов, нужно, чтобы он соответствовал занимаемому посту также и по уровню своей специальной подготовки, культуры и т.д., «чтобы разбирался в деле, а не был бы только комиссаром»[76].

К концу **1929** г. Ежов стал уже большим специалистом по сельскохозяйственным кадрам. Возможно, именно это обстоятельство и предопределило новый, несколько неожиданный поворот в его карьере.

9. Будни коллективизации

1929 год вошел в историю страны как «год великого перелома». На состоявшемся в ноябре пленуме ЦК ВКП(б) было рассмотрено положение дел в деревне и принято решение

форсировать переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства.

На пленуме отмечалось, что удельный вес колхозов во всей товарной продукции сельского хозяйства вырос с **1,4%** в **1927/28** г. до **4,9%** в **1928/29** г. Эти скромные достижения, обусловленные начавшимся в конце **1928** года прямым и косвенным принуждением к вступлению в колхозы, были расценены как «небывалый темп коллективизации, превосходящий все оптимистические проектировки» и свидетельствующий о том, что «в движение пришли вслед за бедняцкими хозяйствами деревни подлинные массы середняцких хозяйств, убеждающихся на практике в преимуществе коллективных форм земледелия»[77].

> «Мы имеем столь бурный рост коллективизации, — утверждалось в резолюции пленума, — столь стремительную тягу бедняцко-середняцких хозяйств к социалистическим формам хозяйства, что колхозное движение уже начало на практике перерастать в сплошную коллективизацию целых районов»[78].

Это требовало изменения методов руководства сельскохозяйственным производством, и был сделан вывод, что одних республиканских наркоматов земледелия уже недостаточно и что необходимо создание объединенного Наркомата земледелия СССР. Он и был образован постановлением ЦИК СССР от **7** декабря **1929** г. Еще раньше Политбюро утвердило нового наркома земледелия, а **15** декабря и четырех его заместителей, одним из которых, с поручением «работать по кадрам», стал Ежов. По-видимому, это назначение рассматривалось как временное, поскольку пост заместителя наркома имел, конечно, более низкий номенклатурный статус, по сравнению с должностью заместителя заведующего Оргаспредотделом ЦК, а наказывать Ежова было вроде бы не за что. Вероятно, предполагалось/что после того, как он наведет в новом наркомате образцовый кадровый порядок, можно будет опять вернуть его на партийную работу.

Все эти соображения были Ежову, безусловно, известны, однако согласиться с ними он не мог и даже подал соответствующее заявление на имя Сталина. Когда же и это не возымело действия, Ежов решил прибегнуть к последнему средству.

> «Так как вопрос о моем назначении был решен против моего желания, — вспоминал он позднее, — то я пришел [в секретариат Сталина] и просил, чтобы Сталин меня принял. Мне в секретариате отказали. В это время вошел Сталин сам. Видя, что я ругаюсь в секретариате, он пригласил меня к себе в кабинет, где и состоялась беседа. Он меня пожурил за мое нехорошее поведение и сказал, чтобы я работал»[79].

После этого ничего уже не оставалось, как только подчиниться и надеяться на то, что ударным трудом удастся заслужить право скорейшего возвращения в аппарат ЦК.

В Наркомате земледелия Ежов возглавил сектор кадров, в задачу которого входили учет, подготовка и распределение специалистов сельскохозяйственного производства. Наиболее сложным элементом в этой триаде являлась подготовка, так как переход к сплошной коллективизации предполагал совершенно новый подход к воспроизводству сельскохозяйственных кадров. Прежде всего ставилась задача резко увеличить их численность, поскольку спешно создаваемые колхозы и органы управления ими нуждались в огромном количестве агрономов, инженеров, зоотехников, землеустроителей, финансово-счетных работников и т.д. Считалось также, что крупным общественным хозяйствам нужны будут уже не специалисты-универсалы, которых в прежние годы выпускали сельскохозяйственные вузы и техникумы, а узкие специалисты по отдельным отраслям производства — не просто, например, животноводы, а коневоды, овцеводы, свиноводы и т.д., а это означало, что необходимо коренным образом изменить структуру учебных заведений сельскохозяйственного профиля и систему преподавания в них.

Кроме того, остро ощущалась потребность в квалифицированных кадрах трактористов, комбайнеров, чабанов, скотников, приемщиков зерна, других низовых работников массовых профессий, и необходимо было срочно решать, где и каким образом можно их всех подготовить.

Вес эти и многие другие проблемы обрушились на Ежова сразу после его вступления в должность заместителя наркома. Вот лишь некоторые из вопросов, которыми ему пришлось заниматься в первые же недели работы: организация курсов руководящего состава Наркомата земледелия СССР, разработка новой структуры наркоматов земледелия союзных республик и областных земельных управлений, подготовка кадров массовой квалификации для колхозов через РККА, реорганизация сельскохозяйственных вузов и системы подготовки научно-исследовательских кадров для сельского хозяйства и т.д. и т.п.

А тем временем в стране назревал политический и экономический кризис, порожденный ударными темпами принудительной коллективизации. То в одном, то в другом месте

вспыхивали крестьянские восстания, массовый характер принял на селе убой скота.

Пришлось давать обратный ход. В опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 г. статье «Головокружение от успехов» Сталин обвинил местных работников в головотяпстве и указал, что «принцип добровольности является одной из серьезнейших предпосылок здорового колхозного движения».

Начался массовый выход из колхозов. К июню 1930 г. доля коллективизированных крестьянских хозяйств сократилась по сравнению с мартом с 56% до 23,6%[80]. Однако вышедших на волю крестьян ждало сильное разочарование. Поскольку колхозу предоставлялись в пользование ближайшие земли, располагающиеся вокруг него сплошным кольцом, то единоличникам либо не выделяли обратно землю, либо выделяли, но в непригодных или разных местах, небольшими кусками, часто без прогонов к пастбищу и воде. Не возвращали семена, не оплачивали уже выполненную в колхозе работу, угрожали конфискацией имущества и т.д.

В поисках защиты от притеснений тысячи крестьян устремились с жалобами в районные, областные и краевые центры, в столичные организации и учреждения. Многие из них добрались до Наркомата земледелия, и его руководящие работники вынуждены были встречаться с крестьянами и разбираться с их проблемами.

В одном из таких разбирательств участвовал и Ежов, встретившийся 1 июня 1930 г. с группой бывших колхозников из Армавирского и Донского округов Северо-Кавказского края. Пришедшие на встречу крестьяне жаловались на то, что в ходе коллективизации были в нарушение закона обобществлены засеянные ими осенью 1929 года площади под озимой пшеницей, и теперь, когда они вышли из колхоза, им эти земли обещают отдать только после того, когда силами колхоза будет произведена уборка урожая, которую им придется оплачивать, хотя они со своих участков урожай и сами легко соберут, лишь бы отдали побыстрее землю.

Выслушав крестьян, Ежов пообещал послать местным властям указание исправить допущенные нарушения и действовать строго в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели (регулирующим все основные правила колхозной жизни).

Однако крестьяне, прежде чем попасть к Ежову, уже успели кое в чем разобраться, и таким простым способом от них было трудно отделаться.

> «*Крестьяне*: Товарищ, есть Устав, но есть и разъяснение ОКРЗУ*... о том, что кто насильно втянут в колхоз и не желает там оставаться, то выделить ему имущество и посев лишь при конце отчетного года.
>
> *Ежов*: Устав целиком обеспечивает ваши интересы, и каждому понятно, что насильно в колхоз втягивать нельзя, и если не хотят оставаться в колхозе, то таких товарищей выделить.
>
> *Крестьяне*: Это так, но выделить в конце отчетного года, а мы просим нас выделить сейчас.
>
> *Ежов*: Устав защищает ваши интересы и, безусловно, также интересы колхозников.
>
> *Крестьяне*: Вы, товарищ, правильно говорите, но мы пришли с просьбой, чтобы по Уставу и по изданным законам нам посев был выделен не в конце отчетного года, а сейчас. Наши местные организации говорят, что наш посев будет выделен лишь после снятия урожая... Наши посевы засорены, и никто их не полет. Нужно отделить сейчас же, чтобы мы ухаживали за своей площадью, а то у нас никаких результатов работы не получится. Мы приехали добиться у высших органов, чтобы нам сейчас же, немедленно, выделили наши посевы»[81].

* ОКРЗУ — Окружное земельное управление.

Поняв, что с ходу избавиться от назойливых посетителей не удастся, Ежов предложил заслушать всех собравшихся, а потом уже принять общее решение.

После того, как все высказались, Ежов пообещал прислать представителей Наркомата земледелия для выяснения всех обстоятельств и принятия соответствующих мер. Однако отпускать крестьян в убеждении, что они оказались правы и что на местах проводят неверную политику, было нельзя. Хотя вожжи коллективизации пришлось несколько ослабить, было ясно, что это лишь временное отступление и что новая волна колхозного строительства не за горами. В этих условиях важно было внушить крестьянам мысль, что в своих бедах они сами в основном и виноваты.

> «Это только одна сторона дела, — пояснил Ежов, выслушав многочисленные жалобы. — Другая сторона — что и вы, товарищи, во многом не правы. Трудностей, действительно, много, а вы не хотите помочь их разрешению. Ваша неправота исходит из одного основного греха: что вы не прониклись сознанием, что в колхозе можно построить жизнь гораздо лучше, чем в

единоличном хозяйстве. Вы, если можно так выразиться, не доросли до колхоза, поэтому вы начинаете сомневаться, колебаться. Никто вас в колхозе насильно не имеет права держать. Мы думаем, что через год-два вы осознаете это и вернетесь в колхоз. Держать насильно тем более не надо, потому что притянутые за волосы люди не имеют желания работать и только портят колхоз, вместо того чтобы налаживать жизнь колхоза...

Много у вас жалоб на бесхозяйственность и другое, а, может быть, это зависит не только от колхоза, но и от всех вас. Возьмите, например, такой случай: вы говорите, что вас обманули, обещали, а посев не выделили, и поэтому мы не пойдем полоть, не хотим трудиться, пусть наши посевы остаются неполотыми. Это хорошо с точки зрения гордости, но, по-моему, это в корне неправильно. Кому это на пользу? Ни себе, ни колхозу. По-моему, здесь вам нужно было договориться, а вы этого сделать не сумели, часть бы поехала разрешать вопрос дальше, а часть бы стала работать и не нарушала общественную жизнь колхоза. Я повторяю, что вы недостаточно убедились, что колхоз — дело хорошее. Вы продолжаете друг друга кусать. Кусать и бить нужно, но только за дело, а вы, не пытаясь хорошо разрешить вопрос, как-нибудь уладить его, проявляете друг к другу большое недовольство»[82].

Впечатление крестьян от состоявшейся беседы подытожил один из них:

«Мы сначала ездили в край [т.е. в краевой центр], но так как там ничего не решили, то поехали в Москву, считая, что... вопрос разрешим и примемся за работу. Теперь же мы видим, что все-таки окончательного решения мы не имеем»[83].

На том и расстались. Тратить много времени на всякие частные вопросы, к тому же не относящиеся непосредственно к его компетенции, у Ежова не было ни возможности, ни желания. Он нес ответственность за кадровую политику, а здесь и своих проблем было более чем достаточно.

В соответствии с правительственными решениями по всей стране, ломая устоявшиеся организационные структуры, велась активная перестройка учебных заведений, готовящих кадры для сельского хозяйства. Универсальные многопрофильные вузы и техникумы расформировывались и на их месте создавались специализированные заведения, призванные обслуживать отдельные отрасли производства.

К середине **1930** г. вместо прежних **25** универсальных вузов было создано уже **84** специализированных института. Кроме того, ставилась задача резко, в два-три раза, увеличить в **1930** г. набор учащихся в вузы и техникумы, строго соблюдая при этом классовый подход — не менее **75%** первокурсников должны были быть рабочими и колхозниками (если не сами, то по происхождению).

Все эти вопросы постоянно находились в центре внимания Ежова, но даже его организаторских способностей оказалось недостаточно для того, чтобы поставленная задача была выполнена качественно и в срок.

Из-за отсутствия необходимых условий для занятий учебный год во многих институтах и техникумах начался не в сентябре, а в ноябре и даже в декабре. Сами занятия, в связи с нехваткой помещений, проходили в страшной тесноте, порой в неприспособленных помещениях, сараях и даже в палатках. Еще хуже было положение с общежитиями. В некоторых из них в каждую комнату набивалось по **60-70** человек, и учащимся приходилось спать на койках по двое.

Не хватало преподавателей, подбор их во многих случаях проводился бессистемно. Не было должным образом налажено питание учащихся — не хватало ни продуктов, ни столовых. Многие вузы и техникумы приступили к работе, не имея учебных программ, учебников и пособий.

Выкручивались, кто как мог. Например, студенты Института инженеров-механиков социалистического земледелия, случайно узнав, что в Москве находится представитель американской фирмы «Катерпиллер», обратились непосредственно к нему с просьбой прислать руководство по выпускаемому фирмой комбайну, поскольку полученных институтом описаний и схем было совершенно недостаточно. В других институтах приспособились изучать те или иные дисциплины по газетным и журнальным статьям.

Соответствующим было и качество обучения. Поэтому спустя два года правительству пришлось принимать специальное постановление об учебных программах и режиме работы институтов и техникумов. В этом постановлении чрезмерное дробление специальностей и однобокое увлечение ростом числа учебных заведений и численностью учащихся при недостаточном внимании к вопросам качества подготовки было охарактеризовано как извращение.

Однако не только в сфере подготовки сельскохозяйственных кадров, но и на других участках социалистического строительства дела обстояли далеко не блестяще. Некомпетентное руководство экономикой приводило к крупным диспропорциям в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Ударные темпы строительства народнохозяйственных объектов, пренебрежение техникой безопасности при их эксплуатации становились причиной многочисленных аварий на производстве, в том числе и сопряженных с человеческими жертвами.

Официальное объяснение происходящему было найдено еще в **1928** г., и на состоявшемся тогда так называемом «Шахтинском процессе» виновные были названы. Ими оказались «буржуазные специалисты» — инженеры и экономисты старой школы, работающие на советских предприятиях и в учреждениях и якобы занимающиеся вредительством по заданию своих прежних хозяев или по собственной инициативе.

В **1929** г. ОГПУ сфабриковало дело о контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности СССР, ряд дел на «военспецов», проходивших службу в Красной Армии.

В **1930** г. была арестована большая группа видных специалистов из центральных хозяйственных ведомств. Одним из них был Н.Д. Кондратьев — бывший директор Конъюнктурного института Наркомата финансов СССР и профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Он якобы возглавлял «Трудовую крестьянскую партию» — мифическую подпольную организацию, занимавшуюся, по версии чекистов, подготовкой крестьянских восстаний и вредительством в сельском хозяйстве.

К этому времени Ежов меньше года руководил кадрами в Наркомате земледелия и не мог нести ответственность за засоренность подведомственных учреждений чуждыми элементами. Тем не менее подстраховаться не мешало. Деятельность руководителя любого ранга все больше оценивалась по тому, насколько активно он борется с «вредителями» на вверенном ему участке работы, и, учитывая это, Ежов счел необходимым внести свой посильный вклад в разоблачение «классовых врагов», действующих в системе Наркомзема. Так появилась его статья «Кондратьевщина в борьбе за кадры», помещенная в октябрьском номере журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» за **1930** г.[84]

В начале статьи Ежов обрисовал тревожную ситуацию с кадрами, которая, по его мнению, сложилась в стране:

> «Одновременно с ростом внимания партии и всей широкой рабочей общественности к вопросу укомплектования пролетарскими кадрами наших государственных учреждений и хозорганизаций, к вопросу подготовки своих собственных кадров специалистов, со стороны враждебных нам слоев буржуазной интеллигенции, находящейся в аппарате, возрастало сопротивление, направленное против орабочивания этого аппарата. В то же время буржуазная профессура наших вузов развила бешеное наступление против подготовки пролетарских специалистов, всеми мерами стремясь направить ее (подготовку) по такому руслу, которое бы совершенно не отвечало задачам строительства СССР.
>
> Весь этот процесс борьбы за кадры, — продолжал Ежов, — совершенно понятен и выражает обостренную классовую борьбу, развивающуюся на всех участках социалистической стройки».

Проанализировав затем данные о социальном происхождении специалистов сельского хозяйства, работающих в земельных органах, в научно-исследовательских организациях и вузах, и выявив засоренность этих учреждений представителями непролетарских слоев населения, Ежов на конкретном примере показал, к чему это может привести:

> «В Нижней Волге, — писал он, — учащиеся лесного техникума в 1928 г. создали подпольную организацию «Черная роза», работавшую под лозунгом «долой большевиков и комсомольцев». Эта организация, существовавшая полулегально, не встретила достаточно твердого отпора даже со стороны комсомольцев, ряды которых в этом техникуме тоже были достаточно засорены чуждыми элементами. Характерно, что те же комсомольцы, против которых ополчилась «Черная роза», не один раз выставляли требования о ликвидации работы Осоавиахима*, работы кружка военных знаний, политического кружка, мотивируя это тем, что все это мешает учебе. Кроме того, они же выставляли требования об уравнении учащихся детей дворян и прочих с учащейся рабочей молодежью».

* Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

Поудивлявшись странному поведению нижневолжских комсомольцев, Ежов перешел затем к анализу собственно вредительской деятельности представителей старой интеллигенции.

Оказалось, что эта деятельность ведется в двух основных направлениях. Характерными признаками первого являются борьба за сохранение идеологически близких кадров старых специалистов и «бешеное сопротивление выдвиженчеству в аппарате, борьба против молодых специалистов и их затирание». «Если раньше, — замечает Ежов, — все эти факты казались разрозненными и ничем не связанными попытками со стороны представителей отдельных групп специалистов в отдельных учреждениях оказать то или иное сопротивление, то сейчас на фоне раскрытой вредительской организации кондратьевцев эта разрозненность исчезает, и отдельные попытки выливаются в единую целеустремленную систему».

Другим направлением деятельности так называемых вредителей стала их «бешеная борьба» против реформы высшей школы, и в частности, против создания узкоспециализированных учебных заведений. С этим направлением «вредительской деятельности» справиться было, видимо, не очень сложно, поскольку, как явствует из приводимых в статье фактов, «вредители» и не думали скрывать своих взглядов.

Например, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева А.Г. Дояренко («один из наиболее крупных вождей правой профессуры») совершенно открыто заявлял, что реорганизация сельскохозяйственного образования — это упразднение высшей школы и что узкая специализация сельскохозяйственных вузов дает не высокообразованных специалистов, а техников. Другой «вредитель» — профессор А.С. Саноцкий из Белорусской сельхозакадемии утверждал: «школа [высшая] должна дать широкое энциклопедическое образование. Специалист сам складывается в жизни. Крестьянское хозяйство — сложный организм, требующий проявления основательных общих знаний».

Или вот еще высказывание «классового врага»: «Основная масса работников, переходящая на протяжении хозяйственного года в силу сезонного характера с/х производства от одной производственной функции к другой, должна иметь производственную подготовку по нескольким отраслям сельского хозяйства».

> «Такова точка зрения вредителей на тип специалиста, — подытоживает Ежов приводимые им примеры и добавляет: — Кондратьев, Дояренко и др. арестованы, но корни кондратьевщины еще есть в наших земорганах, научных учреждениях и вузах. Перед нами стоят громадные задачи по окончательному выкорчевыванию этих корней кондратьевщины. Об этом, — пообещал он, — мы поговорим в следующей нашей статье».

Однако продолжить разговор не удалось. Ежова ждала новая, гораздо более ответственная работа, так что о каких именно «громадных задачах по выкорчевыванию вредителей» автор собирался им рассказать, читатели журнала так и не узнали.

10. Снова в аппарате ЦК

Конец **1930** г. ознаменовался серьезными перестановками в верхних эшелонах власти. Сложившаяся к этому времени ситуация позволяла нанести еще один, на этот раз окончательный, удар по так называемой правой оппозиции, завершив тем самым ее разгром, начатый в прошлом году. Тогда из состава Политбюро был выведен «застрельщик и руководитель правых уклонистов» Н.И. Бухарин, в июле **1930** г. на **XVI** съезде партии не был избран в состав Политбюро другой лидер «правых» — М.П. Томский, а теперь наконец появилась возможность избавиться и от последнего представителя правых в Политбюро — А.И. Рыкова.

Занимавший должность председателя правительства, называвшегося тогда Советом Народных Комиссаров (сокращенно Совнарком, или СНК), Рыков, хотя и не мог уже открыто противиться сталинскому курсу на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, однако и порывать публично со своими «ошибочными» взглядами тоже не спешил. Атмосфера скрытой оппозиционности царила и в подведомственных ему учреждениях Совнаркома, отвечающих за экономическую политику правительства.

Учитывая высокий авторитет Рыкова в партии и стране, его большой профессиональный опыт (в СНК он работал уже девять лет), Сталин терпеливо сносил его присутствие рядом с собой, ожидая, когда представится случай решить эту кадровую проблему.

Такая возможность обозначилась летом **1930** г. Как уже говорилось, ОГПУ арестовало в это время очередную группу «вредителей» из числа такназываемых буржуазных специалистов, которые на этот раз оказались работниками различных подразделений Совнаркома и научно-исследовательских учреждений, обслуживающих правительство. Уже упоминавшийся в предыдущей главе Н.Д. Кондратьев возглавлял Конъюнктурный институт, еще один арестованный, В.Г. Громан, был членом президиума Госплана СССР, П.А. Садырин

— членом правления Госбанка СССР и т.д. Не исключено, что все эти аресты были заказными с самого начала, поскольку Сталин, испытывавший в тот период острую нужду в материалах, компрометирующих руководство Совнаркома, вполне мог дать ОГПУ соответствующее поручение.

По распоряжению Сталина брошюру с выдержками из показаний арестованных разослали широкому кругу руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, и теперь можно было уже приступать к прямой атаке на Рыкова.

> «Я думаю, — писал отдыхающий в Сочи Сталин секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову в августе 1930 г., — что следствие по делу Кондратьева—Громана —Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное... Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь... между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский)»[85].

В письме тому же адресату от **13** сентября **1930** года Сталин переводит разговор уже в практическую плоскость:

> «Центральная советская верхушка больна смертельной болезнью. СТО [Совет Труда и Обороны, тоже возглавляемый Рыковым] из делового и боевого органа превратился в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова... Ясно, что так дальше продолжаться не может. Нужны конкретные меры, какие, — расскажу по приезде в Москву»[86].

Однако дожидаться возвращения в Москву Сталин не стал и в очередном письме к Молотову разъяснил свои намерения:

> «Надо... прогнать Рыкова и его компанию. Это теперь неизбежно. Нелвзя больше терпеть эту гниль на советско-хозяйственной верхушке. Но это пока между нами»[87].

И наконец, **22** сентября **1930** г. сталинский план обретает уже законченный вид:

> «Вячеслав!
>
> 1) Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке...
>
> а) Нужно освободить Рыкова и Шмидта [заместитель Рыкова] и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат.
>
> б) Тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО. Иначе — разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской, и партийной верхушек, что, несомненно, удвоит наши силы»[88].

Со второй половины октября **1930** г. на верхних этажах советской хозяйственной пирамиды начинаются крупные кадровые подвижки, в ходе которых члены команды Рыкова постепенно заменяются людьми, пользующимися доверием Сталина. Наконец доходит очередь и до самого Рыкова. **19** декабря **1930** г. пленум ЦК ВКП(б) освобождает его от обязанностей председателя Совнаркома СССР и члена Политбюро. Новым председателем правительства становится, как и было задумано, В.М. Молотов.

Происходившие наверху перемены повлекли за собой и некоторые перестановки в партийном аппарате. В соответствии с решением Политбюро от **14** ноября **1930** г. бывший руководитель Ежова по Оргаспреду И.М. Москвин, возглавлявший к этому времени Распределительный отдел ЦК*, был освобожден от своих обязанностей и переведен на сравнительно скромную должность начальника сектора кадров Высшего совета народного хозяйства. На его место, по рекомендации Л.М. Кагановича, был назначен Ежов.

***** Распределительный отдел ЦК ВКП(б) образовался в январе **1930** г. после того, как из Оргаспреда был выделен специальный Отдел распределения административно-хозяйственных и профсоюзных кадров (Распредотдел). Оставшаяся часть Оргаспреда была названа Организационно-инструкторским отделом, которому было поручено заниматься партийными кадрами.

Л.Э. Разгон, хорошо знавший Москвина, видел причину случившегося в его личных качествах. «Сталин, — писал Разгон, — делал все, чтобы Москвина приблизить. Звал на охоту, приглашал на свои грузинские пиры, приятельски приезжал к нему во время отдыха на юге. Но трудно было найти более неподходящего партнера для этих игрищ, нежели Москвин. Он был ригористом и непокладистым человеком. Иван Михайлович в своей жизни не выпил ни рюмки вина. Не выкурил ни одной папиросы. Не любил «соленых» анекдотов, грубоватых словечек. Не ценил вкусной еды, был равнодушен к зрелищам. И не желал менять своих привычек. Поэтому он отказывался от августейших приглашений на застолья, от участия в автомобильных налетах на курортные города, от ночных бдений за столом Сталина. Нет, он был совершенно неподходящим «соратником», и его падение было неизбежным»[89].

Сомнительно, однако, чтобы Сталин, всегда во главу угла ставивший принцип политической целесообразности, стал бы при принятии такого важного вопроса

руководствоваться столь несущественными мотивами. В условиях кардинальной чистки, которой решено было подвергнуть все контролировавшиеся Рыковым правительственные структуры, во главе отдела, занимающегося административно-хозяйственными кадрами, Сталину был нужен человек, готовый безоговорочно выполнять любые поставленные перед ним задачи. По-видимому, Каганович убедил его, что Ежов именно таким человеком и является, в то время как в отношении Москвина этой уверенности, вероятно, уже не было.

Итак, Ежов снова оказался в аппарате Центрального комитета партии и занялся все той же хорошо ему знакомой кадровой работой. На новом посту он пробыл с ноября **1930**-го по февраль **1934** г., и каждый день из этих трех лет был наполнен напряженным поиском оптимальных кадровых решений. Вот, например, перечень вопросов, в подготовке которых Ежов принимал участие в течение только одной произвольно взятой недели, с **16** по **22** мая **1932** г.:

— О квалифицированной рабочей силе для черной металлургии;
— О руководящих кадрах для Липецкого металлургического комбината;
— О составе правления банка долгосрочного кредитования промышленности;
— Об утверждении начальников штабов Сибирского и Северо-Кавказского военных округов, помощника командующего войсками Кавказской Краснознаменной армии, командира и военного комиссара 9-го стрелкового корпуса, помощника начальника Военной академии механизации и моторизации РККА по политической части;
— О командировании представителя Наркомата земледелия в Париж на очередную сессию международного эпизоотического бюро;
— Об утверждении комиссии по приему первой очереди завода «Фрезер» (Москва);
— Об утверждении члена Верховного Суда СССР;
— Об утверждении полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной области и Татарии[90].

И это лишь половина тех вопросов, которые Ежов в течение данной недели один или вместе с другими заинтересованными лицами докладывал на заседании Оргбюро ЦК или готовил для утверждения опросом*. Но кроме Оргбюро, Ежов готовил также материалы для рассмотрения на Секретариате ЦК и в Политбюро, а еще его периодически включали в состав различных комиссий, создаваемых Политбюро для решения тех или иных конкретных задач, поскольку почти всегда при этом затрагивались кадровые проблемы.

* В последнем случае членам Оргбюро рассылался предлагаемый проект решения, на котором они расписывались в подтверждение своего согласия.

Кому-то такая работа покажется скучной и неинтересной, однако профессиональному кадровику осознание возможности непосредственно влиять на судьбы людей, понимание, что именно от него зависит, как будет складываться карьера того или иного человека, давало ни с чем не сравнимое ощущение собственной значимости.

Работая в **1927-1929** гг. в Орграспреде, а теперь в Распредотделе, Ежов достаточно близко познакомился с руководящими административными и хозяйственными работниками, и это знание очень помогло ему в дальнейшем, когда он занял пост наркома внутренних дел. Весьма полезным для будущей деятельности оказалось и тесное знакомство с чекистской верхушкой, которая почти вся прошла за эти годы через его руки. Повышенный интерес Ежова к кадровому составу органов государственной безопасности стал особенно заметным после партийной чистки **1933** года, когда в качестве члена Центральной комиссии по чистке ему пришлось много времени уделять работе, связанной с проверкой ОГПУ. К этому времени Ежов уже довольно неплохо разбирался в проблемах главного охранного ведомства страны и при необходимости мог давать вполне квалифицированные (в политическом смысле) советы его работникам.

Так, отправляя в июле **1933** г. к месту дальнейшего прохождения службы нового полномочного представителя ОГПУ по Уральской области И.Ф. Решетова, Ежов рекомендовал ему учиться на ошибках своего предшественника Г.Я. Рапопорта, при котором уральские чекисты погрязли в мелочах, настоящей работой не занимались, превратившись в подсобный орган Уральского обкома партии. Вместо того, заявил Ежов, чтобы основные силы бросить на борьбу с вредительством, на предотвращение диверсий на производстве, они увлеклись разного рода гигантскими стройками [где использовался труд заключенных] или же выполняли те или иные поручения, связанные с текущими хозяйственными кампаниями.

«Это очень хорошо, — предостерегал Ежов Решетова, — что мирно живете с обкомом, помогаете обкому, может, вы почетными людьми будете. Вас будут выбирать [в партийные и советские органы], хвалить и т.д. Но с точки зрения чекистской работы — провалитесь»[91].

Наставляя подведомственные кадры, Ежов не забывал и о своих собственных

сотрудниках, стараясь и личным примером, и воспитательными беседами развивать в них чувство ответственности за порученное дело. Выступая, например, на состоявшемся 2 декабря 1933 г. партийном собрании, Ежов призвал подчиненных всячески оберегать авторитет Распредотдела в партии, не допуская тех ошибок, которые порой еще встречаются в работе.

Перед назначением любого человека, напоминал он, следует со всех сторон проверять и прошлое его, и настоящее, так как дальнейшая проверка на уровне Секретариата или Оргбюро ЦК является уже чисто формальной. Необходимо, указывал Ежов, занимать принципиальную партийную позицию, не поддаваясь нажиму со стороны отдельных наркомов, ходатайствующих за своих людей.

С другой стороны, не менее важно уметь сопротивляться требованиям самих распределяемых, добивающихся того или иного назначения. «А вместо этого люди начинают иногда крутить, боятся обидеть человека, хотят добренькими стать, а это, по существу, выражает гнилой либерализм, который недостоин нашего аппарата ЦК. Большевистская прямота в отношении к людям, которые приходят сюда, — это второе качество, которое вы должны соблюдать.

Третья черта, — продолжал Ежов, — это чуткость в отношении к человеку. Тут можно, знаете ли, в наших условиях, благодаря нечуткости, очень многого наворочать, так что может создаться впечатление об аппарате и о самом ЦК очень неблагоприятное. Чуткость в отношении к людям — большое качество»[92].

* * *

Конец 1933 года запомнился Ежову надолго. Как раз в те дни, когда он учил подчиненных чуткому отношению к людям, в Москву поступил очередной, 23-й, номер издающегося в Берлине эмигрантского журнала «Социалистический вестник» со статьей «Ближайшее окружение диктатора», написанной в форме письма из СССР. В ней упоминались некоторые лица из сталинского окружения, в том числе и Ежов, который впервые удостоился в эмигрантской прессе такого пристального внимания к своей персоне. Другим сталинским соратникам тоже досталось от анонимного автора, но то, что было написано о Ежове, явно выходило за рамки даже традиционно жесткой и нелицеприятной эмигрантской критики. Наверное, еще никогда в своей жизни Ежов не сталкивался со столь уничижительными оценками своей личности, как в данной статье, где ему были посвящены, в частности, такие строки:

> «Во главе этого отдела [Распредотдела] стоит некто Ежов. Бывший питерский рабочий-металлист, едва ли не с Путиловского завода, он принадлежит к тому типу рабочих, который хорошо знаком каждому, кто в былые годы вел пропаганду в рабочих кружках Петербурга. Маленький ростом, почти карлик, с тонкими кривыми ножками, с асимметрическими чертами лица, носящими явный след вырождения (отец — наследственный алкоголик), со злыми глазами, тонким пискливым голосом и острым язвительным языком... типичный представитель того слоя питерской «мастеровщины», определяющей чертой характера которых была озлобленность против всех, кто родился и вырос в лучших условиях, кому судьба дала возможность приобщиться к тем благам жизни, которых так страстно, но безнадежно желал он...
>
> Озлобленность против интеллигенции, и партийной в том числе, огромная: надо видеть, каким удовольствием сияют его глазки, когда он объявляет какому-нибудь из таких интеллигентов о командировке его на тяжелую работу в провинцию...»[93].

Тон статьи явно свидетельствовал о наличии у писавшего какого-то личного счета к Ежову. Впоследствии Ежов пришел к выводу (неясно, правда, насколько обоснованному), что автором ядовитых строк является заместитель наркома тяжелой промышленности СССР Ю.Л. Пятаков, побывавший в конце 1932 г. по служебным делам в Берлине и, возможно, тогда же передавший статью в местные эмигрантские круги.

В свое время они были с Пятаковым в приятельских отношениях и частенько свободное от работы время проводили в дружеских пирушках, сопровождавшихся не всегда умеренными возлияниями. Однако у Пятакова была одна очень неприятная черта. Подвыпив, он любил «пошутить» над окружающими и однажды во время очередного застолья пару раз кольнул Ежова булавкой. Ежов юмора не оценил и, обозлившись, ударил Пятакова по лицу, рассек ему губу. Трещина, возникшая после этого в их отношениях, не мешала им в дальнейшем общаться, но прежней близости уже не было.

Теперь Пятаков, если это действительно был он, сумел рассчитаться со своим обидчиком

за рукоприкладство. Эмигрантскую прессу, и в частности «Социалистический вестник», получала вся партийная верхушка, и Ежову было, конечно, крайне неприятно сознавать, что члены Политбюро и Оргбюро будут читать этот пасквиль и, может быть, даже поверят тому, что в нем написано.

Не зря, однако, говорят, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. А последним в этом дуэте предстояло смеяться как раз Ежову, хотя и выяснилось это только спустя три года.

11. По заслугам и честь

Наиболее ярким событием начала **1934** года стал для Ежова **XVII** съезд партии, проходивший в период с **26** января по **10** февраля. В подготовке его он принимал самое непосредственное участие. В начале января решением Политбюро были созданы две комиссии: организационная (для организационно-хозяйственного обслуживания делегатов съезда) и предварительная мандатная (выдача предварительных мандатов приезжающим делегатам), и Ежов был назначен председателем их обеих. Много дел было у него и на самом съезде, где его избрали в состав секретариата и председателем мандатной комиссии. Но главное событие произошло в конце работы съезда, когда при выборах руководящих органов партии Ежов был избран членом Центрального комитета ВКП(б), или сокращенно ЦК.

Семьдесят человек, составивших ему компанию, представляли собой цвет партийно-государственной номенклатуры, своего рода элитный клуб, оказаться в котором мечтал каждый функционер. Считалось, что в период между съездами партии именно эти люди, собираясь на свои заседания, именуемые пленумами, принимают судьбоносные для партии и страны решения. Когда-то так и было, но со временем пленумы ЦК стали проводиться все реже, вопросы на них обсуждались все менее значимые, а реальная власть сосредоточилась в Политическом бюро (Политбюро) — органе ЦК, созданном для того, чтобы руководить текущей партийной и государственной работой в промежутках между пленумами. Девять-десять членов Политбюро, избираемые из состава ЦК, принимали решения по наиболее важным вопросам, примерно дважды в год вынося некоторые из них на рассмотрение пленумов ЦК.

Правда, и Политбюро, располагавшееся, казалось бы, на самой верхней ступеньке иерархической лестницы, не являлось, тем не менее, вершиной власти. Внутри него существовала никем официально не утвержденная руководящая группа во главе со Сталиным, объединявшая ближайших соратников вождя. На момент описываемых событий в нее, кроме Сталина, входили В.М. Молотов, Л.М. Каганович и К.Е. Ворошилов. Именно они принимали наиболее важные решения, которые затем, после одобрения остальными членами Политбюро, оформлялись как решения или постановления этого высшего партийного органа.

Помимо Политбюро, еще одним органом ЦК, также неоднократно упоминавшимся на страницах данной книги, являлось Организационное бюро (Оргбюро). Оно в предварительном порядке рассматривало некоторые из вопросов, которые обсуждались затем на Политбюро, а кроме того, и само принимало решения по широкому кругу проблем, относящихся к компетенции Центрального комитета партии. На состоявшемся после окончания **XVII** съезда первом организационном пленуме ЦК Ежов был избран в состав этого авторитетного партийного органа, куда, помимо него, вошли Сталин, трое других членов Политбюро и еще пятеро хорошо известных в партии и стране людей.

Кроме того, Ежов на съезде был избран членом Комиссии партийного контроля (КПК), призванной следить за тем, как в парторганизациях страны выполняются решения Центрального комитета. Возглавил КПК Л.М. Каганович, а Ежов стал его заместителем.

Семнадцатым съездом заканчивается первый этап карьеры Ежова. Его заслуги были оценены по достоинству, и он не только де-факто (как руководитель одного из важнейших отделов аппарата ЦК), но и де-юре становится полноправным членом сообщества партийных небожителей.

Завершая разговор о **XVII** съезде, невозможно обойти молчанием сюжет, напрямую связанный с теми событиями, о которых будет идти речь в дальнейшем. В исторической литературе (особенно популярной) встречается мнение, что при выборах на съезде руководящих органов партии против избрания Сталина в новый состав ЦК проголосовала значительная часть делегатов, и это явилось причиной репрессий, обрушившихся три года спустя на них самих и на партию в целом. Поскольку причины репрессий **1937-1938** гг. относятся к числу вопросов, затрагиваемых в данной книге, представляется целесообразным сделать некоторое отступление и присмотреться к данной версии повнимательнее.

* * *

После **XX** съезда партии **(1956** г.**)**, положившего начало разоблачению сталинских преступлений, в ходе работы по реабилитации жертв политических репрессий решено было ознакомиться с материалами счетной комиссии **XVII** съезда. В ноябре **1960** года опечатанные **26** лет назад пакеты с документами были вскрыты, и обнаружилось, что вместо **1225** бюллетеней для голосования при выборах Центрального комитета партии **(**в соответствии с утвержденным мандатной комиссией числом делегатов с правом решающего голоса**)** их в наличии оказалось только **1059**, то есть на **166** меньше. Фамилия Сталина была вычеркнута в трех из имеющихся бюллетеней.

Опросили уцелевших членов счетной комиссии съезда. Один из них заявил, что против кандидатуры Сталина было подано не больше трех голосов, другой же, В.М. Верховых, назвал совершенно иную цифру. В своем заявлении в Комитет партийного контроля он писал:

> «В итоге голосования... наибольшее количество голосов «против» имели Сталин, Молотов, Каганович, каждый имел более 100 голосов «против»,точно теперь не помню... но, кажется, Сталин 125 или 123»[94].

Результаты изучения документов счетной комиссии съезда, так же как и пояснения уцелевших ее членов, не были в тот период преданы гласности — вся работа по изучению сталинского **«**наследия**»** проводилась в обстановке повышенной секретности и рассматривалась как чисто внутрипартийное дело.

Прошло больше десяти лет, и в изданной на Западе в начале **70-**х годов книге Р.А. Медведева **«**К суду истории**»** со ссылкой на упоминавшегося выше В.М. Верховых было сообщено, что против Сталина на **XVII** съезде проголосовало **270** человек, после чего по указанию секретаря ЦК Л.М. Кагановича, возглавлявшего организационную комиссию съезда*, три таких бюллетеня были оставлены, а остальные уничтожены, и именно эти подтасованные результаты были доложены делегатам**[95]**.

* В действительности Каганович был не председателем, а одним из членов этой комиссии.

К концу **70-**х годов эта версия подверглась уточнению, обросла дополнительными подробностями, и в **1980** году общественность познакомилась с ее окончательным вариантом. В изданной тогда в Нью-Йорке книге А.В. Антонова-Овсеенко **«**Портрет тирана**»** утверждалось, со ссылкой опять же на В.М. Верховых, что против Сталина проголосовало **292** человека, после чего произошло все то, о чем уже написал Р.А. Медведев, правда, с таким многозначительным дополнением: перед тем как отдать распоряжение об уничтожении **«**неправильных**»** бюллетеней, Каганович куда-то на несколько минут отлучался для консультаций**[96]**.

В конце **80-**х годов, в период горбачевской перестройки, в советской прессе появились первые публикации, излагающие опубликованную до этого на Западе версию о фальсификации результатов голосования на **XVII** съезде. Летом **1989** года журнал **«**Известия ЦК КПСС**»** в ответ на соответствующие вопросы читателей посвятил данной теме одну из своих статей, в которой было рассказано о результатах вскрытия в **1960** г. опечатанных документов счетной комиссии **XVII** съезда и приводился протокол, зафиксировавший факт отсутствия **166** бюллетеней, каковая цифра становится с этого момента как бы официальной**[97]**.

Прошел еще год, и в газетах появились статьи бывшего члена Комитета партийного контроля О.В. Шатуновской, под руководством которой в **1960** г. как раз и происходило изучение материалов счетной комиссии съезда. Сама пострадавшая от сталинских репрессий, Шатуновская к этому времени давно уже поддерживала версию о почти трех сотнях пропавших бюллетеней для голосования и теперь заявила, что опубликованный в журнале **«**Известия ЦК КПСС**»** за ее подписью акт вскрытия документов счетной комиссии **XVII** съезда является подложным, а на самом деле в **1960** г. была обнаружена нехватка не **166**, а **289** бюллетеней, что в сумме с тремя имеющимися голосами, поданными против Сталина, доводило общее число его противников до **292** человек **(**как и было написано в книге А.В. Антонова-Овсеенко**)**.

По мнению Шатуновской, после ее ухода в **1962** году из Комитета партийного контроля многие материалы, касающиеся **XVII** съезда **(**в том числе, надо понимать, и документы счетной комиссии съезда**)**, были подделаны другими сотрудниками КПК с целью сокрытия всей правды о Сталине**[98]**.

Никаких новых свидетельств или документов на эту тему обнародовано больше не было, и теперь историки, упоминающие о **XVII** съезде, ориентируются на те сведения, которые их больше устраивают. Одни говорят о почти трехстах делегатах, выступивших против Сталина, другие — о **169 (166** отсутствующих бюллетеней плюс три голоса против**)**, третьи отмечают, что история эта запутанная, но, как говорится, дыма без огня не бывает.

Однако, с нашей точки зрения, речь идет как раз о дыме без огня. Сначала о версии Шатуновской. Если в **1960** году недоставало, как она утверждает, **289** бюллетеней, а сейчас только **166 (**в чем каждый может убедиться, пересчитав их лично в Российском государственном архиве социально-политической истории**)**, значит, коллеги Шатуновской должны были после ее ухода из КПК изготовить **123** фальшивых бюллетеня по выборам ЦК и подложить их к имеющимся в наличии документам. При этом сам процесс изготовления поддельных бюллетеней не такой простой — они напечатаны на специальной бумаге, имеют особый шрифт и т.д. Кустарными методами их не сработаешь, а для типографского изготовления при тогдашних порядках, и учитывая специфику вопроса, потребовалось бы разрешение с самого верха, которое под такую сомнительную затею никто бы, конечно, не дал, даже если бы сочувствовал самой идее. Да и смысла во всей этой деятельности не было никакого. Во-первых, сколько бы ни проголосовало против Сталина — **292** или **169** — и то и другое много. А во-вторых, подправленные документы должны были бы вновь вернуться в тайники Центрального партийного архива, где к ним по-прежнему ни у кого не будет доступа **(**кто мог знать, что через двадцать с лишним лет произойдет перестройка и соответствующие материалы станут общедоступными**)**.

По версии Шатуновской, все эти действия предпринимались с целью скрыть **(**неизвестно от кого**)** правду о событиях на **XVII** съезде. Однако непонятно, как это можно сделать, изготовив не все недостающие бюллетени, а только меньшую их часть. И для чего вообще нужно было в начале **60-**х годов с таким рвением скрывать правду о результатах выборов на **XVII** съезде, если на фоне всего того, что уже было к этому времени рассказано о Сталине, любые его манипуляции с голосованием выглядят как невинные шалости.

Допустим, однако, что В.М. Верховых и О.Г. Шатуновская просто ошиблись, и против Сталина проголосовало не **292** человека, а **169**. Такие результаты тоже вряд ли могли его порадовать, а значит, были вроде бы основания обрушиться с репрессиями на делегатов съезда и на партию в целом.

Основной порок гипотез, построенных на количестве недостающих бюллетеней, заключается в предположении, что в голосовании принимали участие все **1225** зарегистрированных на съезде делегатов. Между тем, съехавшимся на несколько дней в Москву представителям региональных парторганизаций было чем заняться здесь и помимо участия в заседаниях съезда, где от их присутствия, как они прекрасно понимали, мало что зависело. При той централизации, которая существовала в Советском Союзе, практически любые местные вопросы и проблемы надо было решать в центральных партийных и правительственных учреждениях, и, скорее всего, именно в их коридорах и кабинетах можно было встретить в дни работы съезда **(**и даже во время голосования**)** многих делегатов, стремящихся с максимальной пользой для пославших их организаций использовать время, проведенное в столице.

И так, кстати, было не только на **XVII** съезде. К примеру, на предыдущем, **XVI** съезде **(1930** г.**)** при вскрытии урн для голосования недосчитались **136** бюллетеней[99], и даже на следующем **XVIII** съезде **(1939** г.**)**, когда после только что прошедшей кровавой чистки дисциплинированность делегатов заметно возросла, все равно не хватило **44** бюллетеней[100].

Подытоживая сказанное, можно сделать следующий вывод. Версии о большом числе делегатов съезда, проголосовавших против кандидатуры Сталина, и о подтасовке результатов этого голосования являются, судя по всему, типичной мистификацией. А это означает, что к причинам репрессий **1937-1938** гг. результаты голосования на **XVII** съезде никакого отношения не имеют. Его делегаты разделили судьбу всей тогдашней партийно-государственной номенклатуры, ставшей жертвой сталинского террора вне зависимости от участия или не участия в работе данного съезда.

* * *

Но вернемся к Ежову. После **XVII** съезда в соответствии с принятым на нем новым Уставом партии структура аппарата ЦК была изменена. Силами двух отделов — Организационно-инструкторского и Распределительного — контролировать разросшуюся

партийную, советскую и хозяйственную бюрократию становилось все сложнее. Кроме того, ситуация, когда разные отделы ЦК курировали (каждый по своей линии) одни и те же отрасли народного хозяйства и органы государственного управления, приводила к неоправданному распылению сил и способствовала возникновению всякого рода организационных проблем. Поэтому решено было создать в ЦК отраслевые отделы, которые отвечали бы за все, происходящее в своей сфере: организационно-партийную работу, распределение и подбор кадров, выполнение решений партийных инстанций и т.д. Таких отделов было создано шесть: Сельскохозяйственный, Промышленный, Транспортный, Планово-финансово-торговый, Политико-административный, Культуры и пропаганды ленинизма.

10 марта **1934** г. решением Политбюро были утверждены заведующие новыми отделами. Ежову достался Промышленный отдел, но, кроме того, поскольку заведующий Политико-административным отделом назначен не был, ему было поручено руководить по совместительству и этим отделом тоже, что он и делал вплоть до марта **1935** г.* Таким образом, и после изменения структуры аппарата ЦК в ведении Ежова остался (теперь уже по линии Политико-административного отдела) такой важный, с точки зрения его будущей деятельности, участок работы, как контроль за кадрами ОГПУ.

Само ОГПУ готовилось в этот период к реорганизации. В рамках своей политики косметической либерализации режима Сталин счел необходимым придать главному охранному ведомству страны несколько более цивилизованный вид. Выступая на заседании Политбюро **20** февраля **1934** г., он ознакомил присутствующих со своей идеей создания общесоюзного Наркомата внутренних дел (НКВД СССР)** с включением в его состав реорганизованного ОГПУ. До сих пор Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) существовало как автономная организация, формально подчиненная Совнаркому, а в действительности находящаяся под личным контролем Сталина. Становясь подразделением одного из наркоматов, чекистское ведомство приобретало тем самым черты обычного советского учреждения, и, чтобы еще больше усилить это сходство, Сталин предложил, вероятно, на том же заседании Политбюро, существенно ограничить имевшиеся у ОГПУ судебные функции.

* Наряду с Промышленным и Политико-административным отделами, Ежов в течение непродолжительного времени в **1934** г. руководил по совместительству еще и Планово-финансово-торговым отделом.
** В **20**-е годы в союзных республиках существовали республиканские наркоматы внутренних дел, но в **1930** г. они были упразднены, а их функции переданы другим ведомствам.

Соратники план вождя одобрили, и комиссии под руководством Л.М. Кагановича (в апреле **1934** г. в ее состав был включен и Ежов) было поручено разработать проект положения о НКВД. К началу июля **1934** г. основные вопросы, возникающие в связи с созданием нового учреждения, были решены, и **10** июля постановлением Политбюро (а официально — изданным в тот же день постановлением ЦИК СССР) Наркомат внутренних дел СССР был образован. ОГПУ было включено в его состав и стало с этого момента именоваться Главным управлением государственной безопасности, или, сокращенно, ГУГБ НКВД СССР. Председатель ОГПУ В.Р. Менжинский за два месяца до этого события скончался, и наркомом внутренних дел был назначен его первый заместитель, а фактически, в связи с длительной болезнью Менжинского, руководитель ОГПУ — Г.Г. Ягода.

Одновременно с образованием НКВД упразднялась судебная коллегия ОГПУ. Прежде чекистское ведомство не только расследовало дела о так называемых государственных преступлениях, но само же, в большинстве случаев, выносило и приговор по ним. Делалось это заочно — ни обвиняемые, ни свидетели на судебное заседание не приглашались, и никакие защитники тоже, разумеется, не предусматривались. Процедура сводилась к ознакомлению членов коллегии с заранее подготовленными протоколами, и в течение считанных часов выносилось несколько десятков приговоров.

Теперь дела о государственных преступлениях должны были после расследования передаваться в суды различных уровней, главным образом в Специальные судебные коллегии, создаваемые при Верховном Суде СССР, при верховных судах союзных и автономных республик, областных и краевых судах, а также в Военную коллегию Верховного Суда СССР и военные трибуналы военных округов. Комментируя эти новации, «Правда» в передовой статье от **11** июля **1934** года писала: «Революционный строгий порядок все прочней и прочней становится в Советском Союзе. Социалистическое правосознание овладевает умами десятков миллионов трудящихся... Усиление роли советского суда будет способствовать дальнейшему росту социалистического правосознания масс».

Правда, целиком освобождать НКВД от карательных функций Сталин не планировал, и

так называемому Особому совещанию при наркоме внутренних дел было предоставлено право применять к «общественно опасным лицам» высылку, ссылку и заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до **5** лет. Вероятно, предполагалось» что «возросшее правосознание масс» с такими относительно умеренными формами внесудебной расправы готово будет согласиться.

Свой новый курс на усиление законности и ограничение всевластия органов госбезопасности Сталин стремился продемонстрировать не только посредством таких общественно значимых акций, как образование НКВД, но, если представлялся случай, и при решении тех или иных частных вопросов. Характерной в этом смысле является история с жалобой А.Г. Ревиса.

В конце **1932** года органами ОГПУ была вскрыта очередная «шпионско-диверсионная организация», якобы действовавшая по заданию японского генерального штаба. В марте **1933** г. решением Коллегии ОГПУ часть арестованных была приговорена к расстрелу, остальные — к длительным срокам лишения свободы. Год спустя один из осужденных, А.Г. Ревис, отправил из лагеря письмо в Бюро жалоб Комиссии советского контроля, где утверждал, что вынужден был признаться в несовершенных преступлениях под воздействием незаконных, фактически провокационных методов ведения следствия. Возглавлявшая Бюро жалоб М.И. Ульянова (сестра Ленина) направила пришедшее письмо Сталину, и тот не только распорядился создать специальную комиссию Политбюро для проверки поступившего заявления, но и дал конкретные указания, что следует предпринять: «освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся, очистить ОГПУ от носителей специфических «следственных приемов» и наказать последних, невзирая на лица». «Дело, по-моему, серьезное, — указывал Сталин в записке, адресованной членам Оргбюро ЦК В.В. Куйбышеву и А.А. Жданову, — и нужно довести его до конца»[101].

Приступившая к работе комиссия достаточно быстро пришла к выводу, что незаконные методы ведения следствия применялись и в данном деле, и в ряде других. Были разработаны соответствующие рекомендации, составлен проект постановления Политбюро, но тут произошло убийство С.М. Кирова, интерес к проблеме усиления законности в работе органов безопасности у Сталина сразу же пропал, и дело было спущено на тормозах.

* * *

Летом **1934** года Ежов в очередной раз занялся укреплением своего здоровья. За прошедшие годы оно нисколько не улучшилось и, как и прежде, являлось источником постоянного беспокойства лечащих врачей. Еще **30** июня **1931** года начальник Лечебно-санитарного управления Кремля М.С. Металликов информировал секретарей ЦК Л.М. Кагановича и П.П. Постышева:

> «Товарищ Ежов страдает туберкулезным поражением обоих легких, бронхоаденитами и перибронхитами на туберкулезной почве, миастенией и упадком питания. Нуждается в немедленном освобождении от работы, помещении в санаторий при соответствующих климатических условиях и режиме сроком 2 месяца»[102].

15 ноября **1932** г. тот же М.С. Металликов вновь привлек внимание высокого партийного начальства к здоровью своего пациента:

> «Довожу до Вашего сведения, что тов. Ежов Н.И. в последнее время перенес ангину. Ввиду того, что он страдает часто повторяющимся ишиасом, туберкулезом легких, помимо того, общим переутомлением, необходимо в срочном порядке поместить его в Кремлевскую больницу для детального обследования и установления необходимого режима...»[103]

Тревожные записки врачей не оставались без внимания. Ежов регулярно проходил обследования в Кремлевской больнице, в **1931** и **1932** гг. он поправлял свое здоровье на высокогорном курорте Абастумани в Грузии, специализирующемся на лечений больных туберкулезом. Должен он был поехать туда и в **1933** г. В медицинском заключении Кремлевской поликлиники от **31** июля **1933** г. констатировалось:

> «Ежов Н.И. страдает хроническим бронхитом и частыми обострениями с уплотнением легочной ткани; чешуйчатым лишаем, послемалярийной интоксикацией [малярией Ежов переболел в 1921 г.], в высшей степени выраженным переутомлением с потерей веса. Нуждается в немедленном отпуске для общего укрепления и лечения в Абастумани в течение 6-8 недель»[104].

Однако в отпуске Ежову в тот раз побывать не удалось, и это, конечно, не пошло на пользу его здоровью.

В **1934** году решено было отправить его лечиться за границу. Высокопоставленным функционерам в соответствии с существовавшей тогда практикой дозволялось при необходимости пройти курс оздоровления в какой-нибудь зарубежной клинике, особенно если домашние методы лечения не приносили улучшения.

В середине июля **1934** г., оформив двухмесячный отпуск, Ежов отправился в Вену, в давно уже облюбованный советской верхушкой санаторий профессора Карла фон Ноордена. В разное время здесь избавлялись от болезней такие известные деятели, как заместитель председателя Совнаркома СССР В.Я. Чубарь, начальник Политуправления Красной Армии Я.Б. Гамарник, секретарь ВЦСПС Г.Д. Вейншток, начальник Лечебно-санитарного управления Кремля М.С. Металликов, и другие.

Пробыв полторы недели в Вене, Ежов был переведен для продолжения лечения на горный бальнеологический курорт Бадгастейн. Местные радоновые ванны подействовали на него благоприятно, однако на простую грубую пищу, рекомендованную в качестве лечебного питания, его желудок отреагировал симптомами, напоминающими приступ аппендицита. Срочно собравшийся в Москве консилиум на основе присланных данных пришел к выводу, что дело не в аппендиците, и запретил хирургическое вмешательство. Диета была изменена, и здоровье Ежова быстро пошло на поправку.

Но если сложностей со здоровьем становилось по мере лечения все меньше, то финансовые трудности, наоборот, нарастали. Выделенные деньги подходили к концу, и Ежов решил возвращаться домой, хотя курс лечения закончен еще не был. Пришлось Политбюро принимать **28** августа **1934** года специальное решение по этому вопросу, состоящее из двух пунктов:

> «а) Выдать Ежову Н.И. дополнительно 1000 рублей золотом для окончания лечения.
>
> б) Запретить тов. Ежову выезд в СССР до окончания отпуска»[105].

Получив финансовую поддержку, Ежов в соответствии с предписаниями врачей продолжил борьбу с болезнями на расположенном неподалеку от австрийской границы итальянском альпийском курорте Мерано, в санатории «Стефания», специализирующемся на диетическом питании. Здесь больных лечили виноградом, но и к этой пище желудок Ежова оказался неприспособлен, так что пришлось высокопоставленного пациента снова переводить на более щадящую диету.

В октябре **1934** года лечение было завершено, и в конце этого месяца Ежов возвратился в Москву. Однако не успел он еще разобраться с накопившимися за время его отпуска делами, как ситуация в стране резко изменилась, и обстоятельства потребовали его присутствия совсем в другом месте и в другом качестве.

Часть III.
У ИСТОКОВ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Глава 12. Декабрь 1934 г. Ленинград
Глава 13. Падение Енукидзе
Глава 14. В борьбе за чистоту партийных рядов
Глава 15. Надзиратель от партии
Глава 16. Телеграмма Сталина

12. Декабрь 1934 г. Ленинград

1 декабря **1934** г. в здании Ленсовета (б. Смольный институт) был убит член Политбюро, секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров. Пользовавшийся большим авторитетом в партии, Киров был к тому же одним из наиболее близких к Сталину людей. Руководителем Ленинграда он был поставлен в **1926** г. К моменту его приезда местная парторганизация находилась под сильным влиянием тогдашнего председателя Ленсовета Г.Е. Зиновьева. Соперник Сталина в борьбе за власть, Зиновьев превратил ленинградскую организацию ВКП(б) в оплот оппозиции, и Киров был направлен сюда с поручением навести в городе порядок, с каковой задачей он тогда успешно справился.

Весть об убийстве дошла до Москвы за несколько минут. Вечером в тот же день специальным поездом в Ленинград выехали Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Ежов, а также группа руководящих работников НКВД во главе с наркомом внутренних дел СССР Г.Г.

Ягодой.

Сталин пробыл в Ленинграде два дня и, уезжая, оставил в Ленинграде заместителя наркома внутренних дел Я.С. Агранова руководить дальнейшим расследованием, а Ежова и первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева — осуществлять партийный контроль за ходом этого расследования. Так Ежов впервые столкнулся напрямую с работой, которой он будет заниматься все последующие годы и благодаря которой его имя в скором времени прогремит на всю страну.

Убийца Кирова, тридцатилетний Леонид Николаев, член ВКП(б) с **1924** г., до апреля **1934** г. работал разъездным инструктором в Ленинградском Институте истории партии. **31** марта **1934** г. за отказ от перехода по партийной мобилизации на транспорт* был исключен из ВКП(б) и уволен с работы. Месяц спустя решение об исключении его из партии было отменено, но в прежней должности он восстановлен не был. С этого времени Николаев нигде больше не трудился и, считая, что с ним поступили несправедливо, добивался возвращения на прежнее место работы, а также строгого наказания руководителей института, из-за которых он, по его мнению, незаслуженно пострадал.

* Выезжать из Ленинграда Николаев отказался, ссылаясь на плохое состояние здоровья и семейные обстоятельства — двое малолетних детей и пожилая мать.

Восьмимесячное пребывание без работы могло и здорового человека вывести из равновесия, тем более не прошло оно бесследно для Николаева, психическое состояние которого еще задолго до убийства Кирова обращало на себя внимание окружающих. Сын алкоголика, Николаев с раннего детства болел рахитом. Два года он лежал в гипсе, до **11** лет не мог ходить, в двенадцатилетнем возрасте с ним случился припадок с потерей сознания. Нигде подолгу не задерживаясь, Николаев за тринадцать лет девять раз сменил место работы, и вызвано это было главным образом его неуживчивым, склочным характером.

Вопрос о неадекватном поведении Николаева затрагивался на партийном собрании института, рассматривавшем в начале апреля **1934** года его персональное дело. После выступления Николаева один из присутствующих прямо спросил: «Нормально ли психическое состояние Николаева?»[106] Впоследствии, на рассмотрении его апелляции на конфликтной комиссии, последняя отмечала в своем заключении: «Николаев груб, крайне невыдержан, истеричен»[107].

В июле **1934** г. Николаев пишет письмо Кирову, в августе — Сталину, в октябре — еще раз Кирову и в Политбюро ЦК ВКП(б), в ноябре — снова Кирову. В этих письмах он жалуется на тяжелое материальное положение, просит помочь в трудоустройстве. Но при этом речь идет только об ответственной должности — от предложений поступить рабочим на завод он категорически отказывается.

Всего им было написано и разослано несколько десятков заявлений в различные партийные и советские органы. Однако это ничего не дало. **26** октября Николаев делает запись в своем дневнике:

> «Всем написал; больше некому — писал К[ирову] — Сталину], Политбюро, КПК — но никто не обращает внимания...»[108]

Под влиянием сложившихся обстоятельств у Николаева появляются мысли о самоубийстве, которое, как он считал, должно было стать актом протеста против несправедливого отношения к простому человеку со стороны чиновников-бюрократов.

Застрелиться ему было из чего. Еще в **1918** г., во время Гражданской войны, он достал себе револьвер, в **1924** г. его зарегистрировал, а в **1930** г. в одном из ленинградских магазинов купил три десятка патронов к нему. Однако постепенно Николаев осознает, что одного лишь самоубийства будет недостаточно. Разочаровавшийся в существующем в стране режиме (хотя прежде был правоверным коммунистом), он приходит к мысли, что более надежный способ привлечь внимание к царящей в обществе несправедливости — это соединить самоубийство с убийством какого-нибудь высокопоставленного партийного функционера.

29 октября **1934** г. Николаев записывает в дневнике:

> «Прошло немало времени, 7 месяцев, сперва с убед. просьб, потом от косвен, до прямого предупреждения, но никто не помог. Настал момент действий»[109].

И еще одна запись того же времени:

> «Я на все теперь буду готов, а предупредить этого никто не в силах. Я веду подготовление подобно А. Желябову*... И готов быть на это ради человечества...»[110]

* Желябов А. Н. — организатор убийства императора Александра II в 1881 г.

Для задуманной акции наиболее подходящей кандидатурой был, конечно, Киров, он и был выбран в качестве жертвы. Составив план, предусматривающий различные варианты покушения, Николаев начинает, следить за ним, носить с собой оружие.

Вечером 1 декабря 1934 года Киров должен был выступать на собрании партактива во дворце им. Урицкого с докладом об итогах состоявшегося накануне пленума ЦК ВКП(б). Перед тем, как отправиться туда, он решил заехать в Смольный, где в этот день в обкоме партии обсуждался план мероприятий по отмене карточной системы. В это же время в Смольном оказался и Николаев, пытавшийся получить здесь пригласительный билет на вечернее собрание партактива. Бродя по коридорам, он вдруг увидел идущего навстречу Кирова, позади которого никого не было видно (Киров не любил, когда охранники находились слишком близко, и просил не попадаться на глаза). Пропустив Кирова, Николаев повернулся и пошел за ним, затем подбежал на несколько шагов и, выхватив на бегу револьвер, выстрелил ему в затылок. Увидев выскакивающих в коридор людей, он торопливо выстрелил в себя, но промахнулся и, потеряв сознание, свалился на пол рядом с телом убитого им Кирова.

* * *

Первоначально в Москве, по-видимому, решили, что убийство Кирова — дело рук заброшенных из-за границы белогвардейцев, время от времени проникавших в страну с диверсионными или террористическими целями. Вскоре после поступившего из Ленинграда сообщения туда позвонили сначала нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, а затем и сам Сталин, интересуясь, во что был одет убийца и не обнаружены ли при нем вещи иностранного происхождения[111].

Прибыв в Ленинград, Сталин принял личное участие в допросе Николаева, пообещав сохранить ему жизнь, если тот выдаст соучастников преступления. Разъяснения Николаева, что он действовал в одиночку, были отвергнуты сразу же. По представлениям того времени, активно насаждавшимся, в том числе и самим Сталиным, за всеми враждебными действиями против партии и государства обязательно должна была стоять какая-то организация, действующая либо по инициативе внутренних контрреволюционных сил, либо по указке из-за рубежа. В правительственном сообщении о смерти Кирова, опубликованном 2 декабря 1934 г., т.е. еще до начала какого-либо расследования, так прямо и говорилось: погиб «от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса». Кроме того, и по политическим соображениям признать, что убийство совершено коммунистом в знак протеста против бездушного отношения к нему со стороны партийного руководства, было совершенно невозможно. Поэтому с первых же часов расследования Сталин сориентировал своих подчиненных на поиск тех, кто стоял за спиной Николаева:

> «Убийство Кирова, — заявил он на второй день пребывания в Ленинграде, — это дело рук организации, но какой организации, сейчас сказать трудно» [112].

Еще до отъезда Сталина в Москву у следствия появилась зацепка, которая, казалось бы, могла привести к ответу на этот вопрос. 2 декабря 1934 года Ежову доложили о некой М.Н. Волковой, которая еще в августе-сентябре сообщала о существовании в Ленинграде подпольной контрреволюционной группы, готовящей свержение советской власти. В частности, один из членов этой организации будто бы заявил в ее присутствии, говоря о другом заговорщике, якобы находившемся в тот момент в гостях у Кирова: «Сейчас Киров его угощает, а потом он его угостит»[113]. По мнению Волковой, эти слова свидетельствовали о подготовке покушения на жизнь лидера ленинградских коммунистов.

Однако в ходе проведенной в сентябре 1934 года всесторонней проверки никакие из сообщенных Волковой «фактов» подтверждения не получили, и сама она вынуждена была в конце концов признаться, что оговорила указанных ею лиц. Было возбуждено уголовное дело по обвинению в подаче заведомо ложного заявления в органы следствия, однако, поскольку многое в поведении Волковой наводило на мысль о ее психическом нездоровье, решено было подвергнуть ее медицинскому освидетельствованию. Врачебная экспертиза признала Волкову страдающей «систематическим бредом преследования», и 28 октября 1934 г. она была помещена в психиатрическую больницу, где с тех пор и находилась.

Ежов доложил о Волковой Сталину, и тот пожелал встретиться с ней лично. Доставленную из больницы Волкову провели к вождю, и в ходе состоявшейся беседы ее сообщения были признаны достоверными. За их игнорирование были арестованы пять сотрудников ленинградского УНКВД, а также 26 человек, об антисоветской деятельности

которых она доносила (в дальнейшем их число выросло до **63** человек)*.

* И позднее Волкова в своих многочисленных обращениях в партийные и государственные органы постоянно кого-то обвиняла в контрреволюционных преступлениях, но поскольку сигналы при проверке не подтверждались, в **1940** г. ее обследовала еще одна комиссия экспертов, которая пришла к выводу о «параноидальном развитии личности». Однако вновь направить ее в психиатрическую больницу в тот раз никто уже не решился.

А тем временем Николаев продолжал рассказывать на допросах о том, как и почему он совершил убийство Кирова, но ничто в этих рассказах не давало выхода ни на какую контрреволюционную организацию, стоящую за его спиной. Николаев утверждал, что соучастников у него не было и никого в свой план он не посвящал, а рассматривал убийство Кирова как политический акт, имеющий целью обратить внимание партии на бездушно-бюрократическое отношение к простому человеку. Вспоминая об этих днях, Я.С. Агранов два месяца спустя рассказывал на совещании руководящего состава НКВД:

> «Николаев вначале был охвачен экстазом исполненной исторической миссии, сравнивал себя с Желябовым и Радищевым»[114].

В одной камере с Николаевым постоянно находились сотрудники НКВД, получившие указание фиксировать все его высказывания. **4** декабря один из них, А.И. Кацафа, сообщил в своем рапорте, что Николаев во сне якобы произнёс:

> «Если арестуют Котолынова, беспокоиться не надо, он человек волевой, а вот если арестуют Шатского — это мелюзга, он все выдаст...»[115]

В начале **20**-х годов Николаев некоторое время работал управделами Выборгского райкома комсомола в Ленинграде. И.И. Котолынов был в это время ответственным секретарем того же райкома, а Н.Н. Шатский — одним из его членов. За принадлежность к оппозиции оба они в дальнейшем исключались из партии, но Котолынов был позднее в ней восстановлен, а Шатский — нет. С Николаевым они с тех пор практически не виделись. Правда, в августе **1934** г. Николаев случайно встретил Шатского на улице, в разговоре тот жаловался на свое тяжелое материальное положение и оторванность от партии.

Неизвестно, что приснилось Николаеву и действительно ли он произнес во сне эти странные слова, но за них ухватились. И хотя допрошенный наутро Николаев отверг попытки следователей приписать Котолынову и Шатскому роль его сообщников, за эту ниточку решили потянуть. В тот же день руководивший следствием первый заместитель наркома внутренних дел СССР Я.С. Агранов телеграфировал Сталину:

> «Со слов Николаева Леонида выяснено, что его лучшими друзьями были троцкист Котолынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич, от которых он многому научился. Николаев говорит, что эти лица враждебно настроены к тов. Сталину. Котолынов известен Наркомвнуделу как бывший активный троцкист-подпольщик*. Он в свое время был исключен из партии и затем восстановлен. Шатский, бывший анархист, был исключен в 1927 году из рядов ВКП(б) за контрреволюционную троцкистскую деятельность. В партии не восстановлен. Мною отдано распоряжение об аресте Шатского и об установлении местопребывания и аресте Котолынова»[116].

* В действительности, Котолынов, исключенный в **1927** г. из ВКП(б) за принадлежность к троцкистской оппозиции, троцкистом никогда не был. Оппозиция **1927** г., именовавшаяся в партийных документах того периода «троцкистской», в действительности была троцкистско-зиновьевской, и Котолынов был как раз сторонником Зиновьева.

5 декабря Николаев все еще отбивался от попыток следователей навязать ему сообщников, заявляя, что «хотел быть по своим убеждениям единственным исполнителем террористического акта над Кировым»[117]. Однако в его показаниях появляются уже и новые нотки. В ответ на вопрос, участвовал ли Котолынов в подготовке теракта над Кировым, последовал вдруг такой ответ:

> «... Котолынов, как я считал, не согласится на убийство Кирова, а потребует взять повыше, то есть совершить теракт над тов. Сталиным, на что я бы не согласился»[118].

Нужно, конечно, учитывать, что приведенная цитата взята не из стенограммы, а из тщательно отредактированных и подправленных протоколов допросов, в которых иногда мало что оставалось от реальных показаний арестованных. Но, вероятно, что-то, хотя бы отдаленно напоминающее записанные в данном протоколе слова, Николаев и в самом деле произнес. Из этого можно сделать вывод, что к тому времени он практически уже готов был сделать «признания», необходимые чекистам для отработки версии заговора.

Так и случилось. На следующий день, **6** декабря, от него удается, наконец, получить показания, подтверждающие, что Котолынов и Шатский были его соучастниками. При этом Шатский якобы готовил покушение на Кирова в районе его квартиры на улице Красных Зорь, а кроме того, намеревался организовать покушение на Сталина в Москве. Что касается Котолынова, то при их последней встрече, якобы состоявшейся в начале ноября **1934** года,

он выражал намерение оказать содействие Шатскому в осуществлении его планов по поводу Кирова и, помимо этого, самостоятельно занимался подготовкой теракта над Сталиным.

Кроме того, Николаев назвал еще трех человек, будто бы причастных к совершенному им убийству: секретаря Выборгского райсовета В.В. Румянцева (в прошлом — активного деятеля зиновьевской оппозиции), слушателя военно-морской академии РККА Г.В. Соколова и студента второго курса Ленинградской промышленной академии И.Г. Юскина. Последние двое являлись личными знакомыми Николаева, в частности, Юскин был женат на подруге детства его сестры.

В этой группе наиболее ценным приобретением для следствия оказался Г.В. Соколов, от которого на первом же допросе удалось получить весьма перспективные сведения. В докладной записке Сталину от 7 декабря 1934 г. Я.С. Агранов сообщал, что Соколов назвал фамилии семерых бывших участников зиновьевской оппозиции, работавших вместе с ним и Николаевым в Выборгском районе Ленинграда.

> «Хотя эти лица, — пересказывал Агранов показания Соколова, — официально декларировали свой отказ от оппозиции, они до сих пор образуют определенную среду, противопоставляющую себя партии. Идейно и организационно Николаев был связан с этой средой, и антипартийные взгляды этой среды оказывали влияние на Николаева и в известной степени определили рост у него контрреволюционных намерений»[119].

В последующие дни все названные Соколовым лица были арестованы.

И в этот момент, когда основные трудности были, казалось, уже позади, все возводимое следствием здание внезапно начало рушиться. Терзаясь угрызениями совести из-за того, что ему пришлось оговорить невиновных людей, Николаев 7 декабря 1934 года отрекся от сделанных им «признаний», объявил голодовку, отказался идти на допрос (его пришлось доставлять туда силой) и попытался покончить жизнь самоубийством. 8 декабря он снова попытался покончить с собой и едва не выбросился из окна, но его успели остановить. В результате вся проделанная работа была поставлена под вопрос, поскольку без показаний главного обвиняемого доказать существование стоящей за ним контрреволюционной организации было практически невозможно.

Оставался, правда, еще один вариант, ранее рассматривавшийся как вспомогательный, но теперь, в новых условиях, выдвигающийся на первый план. В записной книжке Николаева были обнаружены телефоны латвийского и германского консульств в Ленинграде. Из его путаных объяснений по этому поводу рисовалась примерно такая картина. В сентябре 1934 г., обдумывая свое ухудшающееся по причине отсутствия работы материальное положение (семья из четырех человек уже полгода жила только на зарплату жены), Николаев разработал план, позволяющий, как ему казалось, решить, хотя бы на время, его финансовые проблемы. Попросив жену (латышку по национальности) достать у родственников паспорт ее деда, он с этим паспортом отправился в латвийское консульство. Будучи принят консулом, Николаев, стараясь казаться латышом и говоря на ломаном русском языке, сообщил, что несколько лет назад у него в Риге умер отец (чье латвийское гражданство должен был подтвердить принесенный паспорт), после которого осталось наследство. На его получение должно уйти какое-то время, а пока он хотел бы получить от консульства материальную помощь, которую сразу же вернет, как только вступит в права наследования.

Если же этот вариант не сработает, Николаев собирался предложить консулу для передачи за границу написанную с критических позиций статью о внутреннем положении в СССР и тоже попросить за нее денег.

История с наследством никакого желания заняться благотворительностью у консула не вызвала, а ко второй части своего плана Николаев приступить не смог, побоявшись говорить на такие скользкие темы в присутствии секретаря консула. Попросив принять его еще раз, и по возможности, перед обычным приемом, Николаев спустя несколько дней позвонил в консульство и договорился о новой встрече. Однако состояться ей было не суждено. Уже на подходе к зданию консульства Николаева насторожили сначала стоящая у подъезда военная автомашина, затем подозрительного вида человек у дверей, и, когда, вдобавок ко всему, поднимаясь по лестнице, он услышал какой-то шум за дверями, нервы его не выдержали, и он поспешил ретироваться.

Предположив, что консул сообщил в НКВД о его визите и что его уже поджидают «работники военного трибунала», Николаев решил больше с латышами дела не иметь, а попробовать наладить контакт с немцами. Через несколько дней, немного придя в себя, он нашел в городском справочнике телефон германского консульства, позвонил туда,

отрекомендовался украинским писателем, много путешествующим по стране и имеющим обширный и многообразный материал, и попросил связать его с иностранными журналистами. В ответ ему посоветовали обратиться с этим предложением в посольство в Москве, и Николаев понял, что и здесь у него ничего не выгорит. По инерции он начал обдумывать вариант обращения в английское консульство и в преддверии этого решил даже заняться изучением английского по словарю, но затем охладел к этой затее, тем более что идея совершить историческое жертвоприношение захватывала его все больше и больше.

Телефонные переговоры Николаева с немецким консульством чекистов не заинтересовали, а вот факт личного общения советского гражданина с представителем буржуазного государства давал широкий простор для всевозможных интерпретаций, и здесь было над чем поработать. Чтобы убедиться в правдивости слов Николаева, Ежов отдал распоряжение ленинградским чекистам достать фотографию латвийского консула Г. Бисенекса (в местном УНКВД ее не оказалось, и пришлось переснимать с одной из газет). **6** декабря среди других **17** фотографий ее предъявили Николаеву, и он подтвердил, что именно с этим человеком встречался в консульстве, о чем было сразу же доложено вождю.

8 декабря **1934** г. Ежов, Агранов и Косарев были вызваны в Москву для отчета о ходе расследования. В рабочем кабинете Сталина в Кремле в присутствии членов Политбюро, а также наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды и начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанова состоялось обсуждение сложившейся ситуации, которая выглядела далеко не блестяще. До окончания срока расследования, который в соответствии с принятым в день убийства Кирова постановлением ЦИК СССР определялся в десять дней, оставалось всего три дня, однако завершить в кратчайший срок начатое дело никакой возможности не было, и фактически следствие зашло в тупик.

Заявления полусумасшедшей Волковой вряд ли можно было принимать всерьез, и, хотя чекисты, выполняя указания вождя, вынуждены были ими заниматься, ясно было, что никакого результата это не даст. Среди знакомых и бывших сослуживцев Николаева, арестованных к этому времени, многие примыкали в прошлом к зиновьевской оппозиции, однако свидетельств их участия в убийстве Кирова обнаружить не удалось, а сами они категорически отрицали свою причастность к данному преступлению: Что же касается Николаева, то после того, как он отказался от своих признательных показаний и едва не покончил жизнь самоубийством, убедить его вернуться на путь сотрудничества со следствием было почти невозможно.

Оставался, правда, латышский след, и, по мнению чекистов, это было наиболее перспективное направление.

Однако у Сталина оказалось другое мнение. Работу над латвийским вариантом тоже, конечно, необходимо было продолжать, но основное внимание следовало сосредоточить на выявлении стоящей за спиной Николаева организации бывших зиновьсвских оппозиционеров — наверняка ведь не случайно, так много их оказалось среди его знакомых. Ну а мотив преступления вполне очевиден: в свое время Киров отобрал у Зиновьева власть в городе, и теперь зиновьевцы ему отомстили.

Конечно, в оставшееся время завершить следствие вряд ли удастся, поэтому необходимо будет продлить его еще на **10** дней.

Принятое Сталиным решение порождало две проблемы — техническую и политическую. Первая возникала в связи с неясностью, как за **12-13** дней уговорить Николаева дать показания на его знакомых и бывших сослуживцев и тем более как за то же время убедить их самих подтвердить эти пока еще не полученные показания.

Вторая проблема была связана с тем, что обвинение в политическом убийстве, предъявленное бывшим представителям одной из групп оппозиции, сразу же разрушало ту, пока еще хрупкую, атмосферу замирения, которая постепенно утверждалась в партии после **XVII** съезда ВКП(б) и за которую было заплачено долгими годами жесточайшей внутрипартийной борьбы, сотнями арестованных и сосланных коммунистов.

На первый вопрос ответ был простой. Для того партия и проявляет неустанную заботу об органах госбезопасности, чтобы они были в состоянии успешно решать любые задачи, которые ставит перед ними руководство страны. Тем же, кто не может или не хочет выполнять возложенные на него обязанности так, как того требуют обстоятельства, в НКВД делать нечего.

На второй вопрос тоже имелся ответ, но делиться им Сталин ни с кем не собирался. Да, действительно, накануне и особенно после **XVII** съезда ему пришлось несколько ослабить репрессивную политику, вернуть из ссылки некоторых влиятельных представителей

оппозиции, раскаявшихся в своих поступках и запросившихся обратно в партию. Приходилось закрывать глаза и на доходившие до него сведения о нелояльных по отношению к нему выходках тех или иных «товарищей по партии». В первую очередь, это касалось так называемых «старых большевиков», которые, считая себя чуть ли не ровней ему, Сталину, в приватных беседах иной раз позволяли себе такие оценки его деятельности, за которые любой беспартийный давно бы уже отправился на лесоповал. Однако допущенная им строго дозированная либерализация не являлась самоцелью, а была лишь средством укрепления власти в конкретных исторических условиях. Практика показала, что доступные в ту пору методы (увольнение с работы, исключение из партии, направление в политизолятор* или ссылку) полностью и окончательно подавить инакомыслие в партии не могли, а раз так, то лучше было сделать вид, что такая цель и не преследовалась и что, как только основные оппозиционные группировки оказались разгромлены, отпала и необходимость в излишней жесткости внутрипартийного режима. В противном случае рано или поздно недовольство постоянным закручиванием гаек могло прорваться наружу, и, кто знает, сколько бы усилий» пришлось тогда затратить, чтобы удержать власть.

* Политизоляторы — привилегированные тюрьмы с щадящим режимом для членов социально близких партий: меньшевиков, эсеров, анархистов или представителей внутрипартийной оппозиции. Ликвидированы в **1937** г.

Так было до **1** декабря **1934** года. Убийство Кирова кардинально изменило ситуацию, создав условия, позволяющие от единства партии, основанного на попустительстве идейным и личным противникам, перейти к подлинному единству, достигаемому путем беспощадного подавления любых проявлений нелояльности и оппозиционности. Теперь, когда в результате разоблачения преступной деятельности банды зиновьевских убийц, каждому станет ясно, чего можно ждать от бывших и нынешних оппозиционеров, любые методы борьбы с ними, а заодно и со всеми остальными инакомыслящими, будут поняты и одобрены. В этих условиях главная задача заключалась в том, чтобы как можно убедительнее продемонстрировать перед всеми, что оппозиция, прикрывавшаяся ранее заботой о внутрипартийной демократии и спекулировавшая на временных трудностях социалистического строительства, превратилась в обыкновенную шайку бандитов, которые, сознавая безнадежность своих попыток увлечь массы на борьбу против генеральной линии партии и руководствуясь чувством мести, не брезгуют никакими средствами, лишь бы добиться изменения той политики, которую, опираясь на широкую поддержку партии и народа, проводит нынешнее руководство страны. Так что многое, если не все, зависело теперь от органов НКВД, обязанных проявить в этом деле все свои способности и помочь партии очиститься от отщепенцев, проникших в ее ряды и превратившихся, по сути, в агентов классового врага.

Вот примерно с таким напутствием вождя Ежов и приехавшие вместе с ним Агранов и Косарев отправились обратно в Ленинград. Однако здесь привезенные ими сталинские указания были встречены без особого энтузиазма; Еще со времен Ленина в партии утвердилось негласное правило, в соответствии с которым в борьбе с оппозицией допустимыми считались любые средства, за исключением самых крайних. Так до сих пор и было. Выявленные органами ОГПУ-НКВД коммунисты, борцы со сталинским режимом, получали сравнительно небольшие сроки заключения, им на смену приходили новые недовольные, с которыми поступали так же, и постепенно чекисты привыкли, что какую-то часть их подопечных составляют бывшие товарищи по партии, которых, конечно, следовало наказывать за вольнодумство, но в этом случае, в отличие от «настоящих» врагов народа, вполне достаточно было ограничиться тремя-пятью годами политизолятора или ссылки.

Сейчас же, во имя неизвестно каких целей, бывших оппозиционеров впервые предлагалось подвести под расстрел, причем в условиях, когда их виновность представлялась весьма и весьма сомнительной; Кроме того, понятно было, к каким последствиям для партии приведет обвинение одного из оппозиционных в прошлом течений в преступлении такого рода. Возражений вслух, конечно, не последовало, но и особого рвения никто проявлять не спешил. Позднее, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в **1937** г., Ежов так вспоминал об этом:

> «... тов. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев». Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит...
>
> Не случайно, мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать, не хотели показывать, как это делается и вообще. Пришлось вмешаться в это дело тов. Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: "Смотрите, морду набьем"»[120].

Из этих слов Ежова может возникнуть представление, что именно он своими действиями помешал работникам НКВД скрыть от партийного контроля ход идущего расследования. В действительности же возмутителем спокойствия являлся А.В. Косарев, стремившийся лично участвовать в допросах основных фигурантов и постоянно жаловавшийся Ежову на нежелание чекистов идти ему навстречу, а также на излишнюю мягкость в обращении с арестованными[121].

Однако Ежов руководителям следственной бригады Я.С. Агранову и Л.Г. Миронову вполне доверял (с Аграновым у него вообще были приятельские отношения), поэтому чрезмерная активность Косарева поддержки у него, как правило, не находила. Ну а после разговора Сталина с Ягодой чекистам, вероятно, пришлось «исправляться», так что ситуация, скорее всего, разрешилась сама собой.

Поскольку при отсутствии показаний главного обвиняемого расколоть его «сообщников» было нереально, основной упор был сделан на то, чтобы как можно скорее сломить сопротивление Николаева. Ему создали привилегированные условия содержания: разнообразно кормили, давали вино, принесли художественную литературу, разрешили пользоваться ванной. Хотя жена его была арестована, следователи убедили Николаева, что она на свободе, и он даже смог «нелегально», а в действительности под контролем чекистов, переправить ей письмо и получить ответ. В ходе допросов его настойчиво убеждали в том, что он является лишь исполнителем воли заговорщиков-зиновьевцев, что все они арестованы и во всем сознались, что своим нежеланием сотрудничать со следствием он лишь обрекает себя на расстрел, тогда как при правильном поведении мог бы сохранить себе жизнь.

В конце концов, не выдержав такого давления, Николаев сдался. Возможно, он решил перехитрить следователей, рассчитывая потом в суде отказаться от всего сказанного, но так или иначе **13** декабря **1934** г. он снова начал давать признательные показания, и последующие дни окупили все затраченные чекистами усилия. Конечно, Николаев говорил как всегда сумбурно и невпопад, но следователи сумели придать этому словесному потоку необходимую ясность и стройность и убедили Николаева подписать соответствующим образом оформленные протоколы допросов. **13** декабря речь в основном шла об организационно-технических аспектах совершенного преступления, **14** декабря — о его политической составляющей, после чего Николаев более подробно рассказал о некоторых из своих «подельников».

Внутри организации бывших зиновьевцев, сообщил он, были якобы созданы две террористические группы. В одну, возглавляемую И.И. Котолыновым, входили, наряду с самим Николаевым, и четверо его «сообщников»: В.И. Звездов, Н.С. Антонов, Г.В. Соколов и И.Г. Юскин. Обязанности внутри группы распределялись так. Николаев был намечен в качестве исполнителя теракта. Котолынов осуществлял общее руководство и отрабатывал с ним технику покушения. Соколов выяснял возможность совершения теракта на маршруте обычных передвижений Кирова. Звездов и Антонов собирали необходимую информацию внутри Смольного, а Юскин прорабатывал вместе с ними конкретные варианты убийства Кирова в Смольном.

Члены организации, сообщил Николаев, стояли на позиции троцкистско-зиновьевского блока* и считали необходимым сменить существующее партийное руководство любыми возможными способами, поэтому через некоторое время после убийства Кирова предполагалось якобы совершить покушение также и на Сталина.

* В **1926-1927** гг. троцкисты и зиновьевцы объединились в один блок для совместной борьбы против сталинского курса.

Вторая террористическая группа, возглавляемая Н.Н. Шатским, действовала независимо от первой и готовила убийство Кирова по месту его проживания в районе улицы Красных Зорь. Помимо этого, в ее планы входила и организация покушения на Сталина, с использованием тех связей, которые имелись у членов группы в Москве.

Убийство Кирова, по словам Николаева, представляло собой акт возмездия человеку, возглавлявшему в свое время борьбу против троцкистско-зиновьевского блока в Ленинграде. Одновременно это была ликвидация серьезного политического противника и тем самым значительное ослабление существующего партийного руководства, что, вместе с предполагавшимся убийством Сталина, должно было облегчить возвращение к власти в партии и стране бывших лидеров оппозиции — Зиновьева и Каменева[122].

Показания Николаева являлись очень важным свидетельством, но все же недостаточным — нужно было, чтобы его «сообщники», пусть даже не все, подтвердили хотя бы что-то из

того, что он наговорил. А с этим по-прежнему были проблемы. Правда, убедив арестованных зиновьевцев, что Николаев, который ни к какой оппозиции никогда не принадлежал, в действительности являлся их единомышленником, чекисты смогли добиться от них признания своей моральной и политической ответственности за случившееся. Кроме Н.Н. Шатского, отказавшегося сотрудничать со следствием в любой форме, и И.Г. Юскина, которому почти не в чем было каяться и который попал в эту компанию почти случайно*, остальные арестованные, испытывая комплекс вины за свое зиновьевское прошлое, готовы были кое в чем следствию уступить.

* В конце октября **1934** г., рассказывая Юскину о том, что он уже в течение месяца не может попасть на прием к Кирову, Николаев вдруг произнес: «Киров как будто чувствует, что я намерен его убить». Решив, что это такая шутка, Юскин тоже пошутил в ответ: «Что Кирова — надо Сталина», после чего выругал Николаева за глупую болтовню. Когда Николаев рассказал об этой истории чекистам, Юскина арестовали, и ему пришлось подтвердить, что такой разговор действительно имел место. Больше ему признаваться было не в чем, да от него этого и не требовали — факт подстрекательства к убийству вождя был, по мнению следователей, налицо.

Чтобы показать, до чего может довести любая форма оппозиционности существующему в стране руководству, они соглашались пойти навстречу чекистам и «признать», что зиновьевская организация и ее руководящие структуры в Москве и Ленинграде продолжали существовать до самого последнего времени и что выстрел Николаева стал результатом деятельности этой организации и той ядовитой общественно-политической атмосферы, которую она вокруг себя создавала. Однако свое участие в убийстве Кирова все они категорически отрицали, и с этим ничего сделать так и не удалось. Технология допросов в НКВД в **1934** году была еще не столь изощренной, как три года спустя, да и времени было мало — за три недели сломать человека даже и в **1937** году удавалось далеко не всегда.

Дни шли, истекало и добавленное время, а следствие продолжало топтаться на месте. И вот, когда уже казалось, что так, с одними лишь показаниями Николаева, дело и придется передавать в суд, следствию удалось наконец добиться пусть и небольшого, но все же успеха.

Как уже говорилось, руководителем своей террористической группы (одной из двух якобы созданных) Николаев назвал И.И. Котолынова, а членами группы — И.Г. Юскина, Г.В. Соколова, Н.С. Антонова и В.И. Звездова. Двое последних учились вместе с Котолыновым в Ленинградском политехническом институте, регулярно с ним общались, и именно от них можно было надеяться получить хоть какие-нибудь показания, подтверждающие его руководящую роль в деле подготовки покушения на Кирова. О других все-таки легче говорить, чем о себе, и в конце концов Н.С. Антонова смогли убедить, что в целях окончательного разоблачения, а затем и разгрома бывшей зиновьевской оппозиции, фактически скатившейся уже в контрреволюционное болото, а также для подтверждения своего искреннего желания порвать с оппозиционным прошлым, он должен дать какие-то компрометирующие Котолынова сведения, подтверждающие его причастность к совершенному преступлению.

17 декабря **1934** года Антонов сделал следующее заявление (по крайней мере в таком виде оно было записано в протоколе допроса):

> «В конце октября 1934 г. член контрреволюционной организации И. Котолынов рассказал мне, что наша организация готовит решительный акт против одного из членов Политбюро ЦК ВКП(б). Объяснял он это необходимостью активизации контрреволюционной организации. Тогда же Котолынов сказал мне, что член зиновьевско-троцкистской контрреволюционной организации Николаев Леонид относится с большой ненавистью к тт. Сталину, Кагановичу и Кирову и что он, Котолынов, знает о террористических намерениях Николаева»[123].

В этот же день Антонову организовали очную ставку с В.И. Звездовым, и последний согласился признать, что со слов Антонова ему еще в начале ноября **1934** года стало известно о подготовке И.И. Котолыновым «решительного выступления против одного из членов Политбюро». Так же, без расшифровки, это «решительное выступление» перекочевало затем в признательные показания Г.В. Соколова, и с этими довольно скромными по более поздним меркам доказательствами следствие стало готовиться к выходу на суд.

В оставшееся время, чтобы хоть как-то подкрепить свои позиции, чекисты решили расширить и углубить так называемый «латвийский след». **20** декабря **1934** г. Николаев «признался», что его отношения с латвийским консулом зашли гораздо дальше того, что он показывал на предыдущих допросах, что в контакт с латышами он вступил по указанию И.И. Котолынова, что консулу было рассказано об их подпольной антисоветской организации, что на ее нужды он якобы выделил пять тысяч рублей и, кроме того, выразил готовность связать

заговорщиков с высланным в **1929** г. из СССР и проживающим в эмиграции во Франции главным врагом Сталина Л.Д. Троцким*.

* В судьбе консула Г. Бисенекса вся эта история сыграла роковую роль. **29** декабря **1934** г. ему было предложено покинуть пределы страны, однако после присоединения Латвии к СССР в **1940** г. он был арестован, обвинен в причастности к убийству С.М. Кирова и расстрелян.

На заключительной стадии предварительного следствия к работе с четырнадцатью обвиняемыми, отобранными для судебного процесса по делу «ленинградского центра», подключились прокурор СССР И.А. Акулов, его заместитель А.Я. Вышинский и следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Л.Р. Шейнин. Как вспоминал четверть века спустя Л. Р. Шейнин, когда он впервые увидел Николаева, у последнего пенилась слюна в углу рта и были какие-то странные глаза. Шейнин, по его словам, предложил подвергнуть Николаева судебно-психиатрической экспертизе, однако Ежов, к которому он обратился с данным предложением, осыпал его площадной бранью и очень зло высмеял, примерно так же отреагировал на эту идею и присутствовавший при разговоре А.В. Косарев[124].

* * *

Закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу об убийстве С.М. Кирова началось **28** декабря **1934** г. в **14** часов **20** минут, и, прежде всего, председательствующий В.В. Ульрих огласил порядок ведения процесса, оказавшийся весьма необычным. «Допрос подсудимого Николаева мы начнем в отсутствие других подсудимых, а потом постепенно будем вызывать и остальных подсудимых. В конце судебного заседания все подсудимые будут находиться вместе для совместных вопросов, очных ставок и т.д.»[125]

Попытку одного из обвиняемых, которые пока еще находились все вместе, что-то спросить насчет предложенного порядка допроса, Ульрих пресек самым решительным образом: «Какой вопрос? Никакого вопроса нет. Суд устанавливает порядок, и такой порядок будет проводиться. Регулирует судебный порядок председатель суда, а не подсудимый»[126].

Первым, как и было намечено, допросили Николаева. Существуют свидетельства, что в начале он попытался отказаться от своих показаний, данных на следствии, и заявил, что действовал в одиночку. В связи с этим председательствующий В.В. Ульрих будто бы звонил Сталину, прося разрешение отправить дело на доследование, но получил отказ[127].

Убедительных доказательств в пользу этой версии пока не представлено, но и сбрасывать со счетов ее тоже нельзя. Что же касается стенограммы процесса, то она, как ей и положено, отразила лишь официальную точку зрения и никаких отказов, естественно, не зафиксировала. Если судить по ней, то Николаев в общем и целом признал наличие у него сообщников, правда, признание это чаще всего выглядело довольно своеобразно. Так, в ответ на просьбу подтвердить данные на следствии показания о руководящей роли И.И. Котолынова в организации убийства Кирова или сообщить что-нибудь дополнительно, Николаев ответил:

> «Хочу добавить. На очной ставке Котолынов и Шатский отрицали участие в подготовке организации террористического акта над тов. Кировым, но я хочу признаться перед судом, а на следствии я этого не указал, о том, что подтверждением только может служить скрытый мною сундук, забитый обручем, в сарае у матери с документами, который находится в дровах»[128].

«Там целый архив, что ли?» — спросил озадаченный Ульрих. Николаев подтвердил.

Процесс грозил сорваться, не начавшись, но тут, ко всеобщему облегчению, выяснилось, что хранящиеся в сундуке бумаги относятся к периоду **1924-1932** гг. и, следовательно, никакого отношения к убийству Кирова не имеют.

Примерно в таком ключе разговор продолжался и дальше, и причины, по которым судьи пожелали общаться с Николаевым наедине, становились вполне очевидными. Услышав его отказ от ранее данных показаний (а такой вариант, видимо, не исключался), а также его нелепые заявления в ходе судебного заседания, остальные подсудимые могли понять, на каком зыбком фундаменте построено все обвинение, и отказаться даже от тех минимальных признаний, которые были сделаны ими на предварительном следствии.

В конце допроса Ульрих поинтересовался, не собирались ли члены террористической организации бежать за границу после того, как сделают свое черное дело. Николаеву было что сказать и по этому поводу:

> «На следствии этот момент как будто упустили, но при первом варианте обсуждения совершения террористического акта, на одном из углов Петроградской стороны имеется большое удобство — кусты и площадь. У нас

безусловно была мысль о том, чтобы выстрелить и спрятаться в кусты и дальше дать ход делу»[129].

Побеседовав с главным обвиняемым еще минут пять, Ульрих объявил перерыв, после чего в зал заседания начали поочередно вызывать и других подсудимых. Все они подтвердили свои показания на предварительном следствии, взяли на себя моральную и политическую ответственность за случившееся, но заявили, что никакого участия в подготовке убийства Кирова не принимали. При этом И.И. Котолынов указал, что об ответственности за совершенное преступление он заявил, приняв на веру слова следователей о том, что Николаев, с которым он практически не встречался на протяжении последних десяти лет, являлся членом зиновьевской организации: «Я писал потому, что мне заявили, что он состоял членом организации. Иначе мне следствие говорило, что «ты не разоружился», но так как я решил разоружиться до конца...»[130]

О том же говорили подсудимые А.И. Толмазов и С.О. Мандельштам. У последнего состоялся при этом такой диалог с председателем суда:

«*Председатель*: В вашем показании от 19 декабря имеется следующая мысль: «Вся работа нашей группы была направлена против Сталина и партийного руководства...» Вы это подтверждаете?

Мандельштам: Я не помню, чтобы я записывал свои показания именно в такой форме... Я... 19-го декабря был в таком состоянии, что мог это дело подписать, даже не вдумываясь и не вчитываясь в протокол.

Председатель: Николаев был членом организации. Подтверждаете вы это?

Мандельштам: На основе тех... материалов, которые мне были предъявлены, я должен был сделать этот вывод.

Председатель: Что значит — должны были сделать этот вывод? Он был членом вашей организации или не был?

Мандельштам: Я этого точно сам не знаю.

Председатель: Сегодня не знаете, а 19-го знали?

Мандельштам: Я знал на основе тех материалов следствия, и, если материалы правильны...

Председатель: О каких материалах идет речь?

Мандельштам: Мне было предъявлено несколько выдержек из показаний подсудимых, где было сказано... что Николаев являлся одним из бывших оппозиционеров, тесно связанных с Котолыновым. Несколько этих выдержек мне не позволили отрицать того факта, что он состоял членом нашей организации»[131].

После того, как все подсудимые были допрошены, им была предоставлена возможность произнести последние слова. Все они были написаны заранее, скорее всего при активном участии следователей, и представляли собой явный контраст с тем, что и как те же подсудимые только что говорили в ходе судебного заседания. Почти все они проклинали тот день, когда примкнули к оппозиции, просили дать им возможность искупить свою вину перед партией и рабочим классом («на самой тяжелой физической работе, в концлагерях по капельке отдать свою жизнь» — из последнего слова В.И. Звездова). С.О. Мандельштам, который только что в суде признавался, что даже не знает, был ли Николаев членом их организации или нет, предложил всем подсудимым подняться на позицию советской власти, на позицию пролетарского суда и сказать: «Никакой пощады, расстрелять всех до одного». «Справедливым ответом... пролетарского суда, ответом, которому будет аплодировать весь ленинградский пролетариат и те, кто найдут в себе мужество из подсудимых, хотя речь касается их лично, — единодушным ответом может быть расстрел всех без исключения». Для себя Мандельштам просил только одного: «Я старый боец, мне тяжело умирать как собаке, поэтому прошу вас, товарищи, разрешите мне принять этот выстрел в грудь, а не в затылок, как принимают обычно»[132].

Один только Н.Н. Шатский ни в чем виновным себя не признал, никого не проклинал, сказав лишь, что для него всегда главным было честное, серьезное отношение к труду и энергичная борьба на пользу рабочему классу, на пользу революции.

Выслушав все это, суд удалился на совещание и по возвращении объявил приговор — расстрел для всех четырнадцати обвиняемых. Соответствующие указания были получены от Сталина еще за три дня до начала судебного заседания.

Так Ежов впервые в своей жизни оказался причастен к убийству ни в чем не повинных людей, и следует признать, что это первое серьезное испытание на прочность он выдержал вполне успешно.

13. Падение Енукидзе

После завершения расследования убийства Кирова Ежов еще на некоторое время задержался в Ленинграде. Сюда привезли арестованных в Москве Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и группу их единомышленников, из которых, в соответствии с замыслом Сталина, нужно было сконструировать «московский центр» контрреволюционной организации, по поручению которого якобы и было осуществлено (силами ленинградского «филиала») убийство Кирова. После всех следственных ухищрений обвиняемым смогли вменить лишь политическую ответственность за совершенное преступление, и на состоявшемся **15-16** января **1935** г. заседании Военной коллегии Верховного Суда они были приговорены к различным срокам тюремного заключения (Каменев и Зиновьев — соответственно к пяти и десяти годам).

Хотя и не все получилось, как хотелось, но в целом работой Ежова в Ленинграде вождь остался доволен. Со своей новой ролью надзирателя за деятельностью органов госбезопасности он справился вполне удовлетворительно, и, обдумав ситуацию, Сталин решил поручить ему и дальше выполнять эту работу, но уже на постоянной основе.

1 февраля **1935** г., решением пленума ЦК, Ежов, оставаясь по-прежнему заведующим Промышленным отделом, назначается еще и секретарем ЦК, и ему передаются принадлежавшие ранее Л.М. Кагановичу функции наблюдения за работой чекистского ведомства. Конечно, основные вопросы, относящиеся к деятельности НКВД, оставались, как и прежде, в компетенции самого вождя, а Ежову предстояло заниматься разными текущими делами, а также кадровыми вопросами.

Уже несколько дней спустя Ежов дебютировал в новой для себя роли, выступив на проходившем в начале февраля **1935** года совещании руководящего состава НКВД. Значительную часть своего выступления он посвятил анализу недостатков в деятельности агентурной сети. Расследование обстоятельств убийства Кирова, заявил Ежов, показало, что работа с агентурой поставлена из рук вон плохо. В то время как на заводах и в учебных заведениях действуют сотни осведомителей, в научно-исследовательских институтах, в разного рода общественных организациях, в «десятистепенных учреждениях», то есть именно там, где в основном скопились и отсиживаются до лучших времен троцкисты, зиновьевцы «и всякая эта сволочь», агентуры фактически нет, а если и есть, то пользы от нее очень немного. Это подтвердили и последние события: те немногочисленные осведомители, которые находились поблизости от фигурантов двух только что закончившихся в Ленинграде процессов, ничего ценного в оперативном плане о своих подопечных не сообщали.

Вместо того, чтобы заботиться о качестве агентуры, отметил Ежов, чекисты погнались за количественными показателями. В осведомители вербуют кого попало, не воспитывают их в чекистском духе, некритически относятся к поставляемым ими материалам. Вместо индивидуальной, кропотливой работы с агентами, их иной раз собирают в каком-нибудь «красном уголке» и инструктируют всех скопом. В результате по тому же Ленинграду из состоящих на учете примерно **50** тысяч осведомителей лишь меньшая часть реально работает, а остальные только числятся таковыми на бумаге.

С подобным положением, подытожил Ежов, мириться больше нельзя, и всю работу с агентурой необходимо перестраивать самым решительным образом.

* * *

В начале **1935** года важным политическим мероприятием, в котором пришлось принять участие и Ежову, стало расследование так называемого «кремлевского дела» (или, как оно еще называлось в служебных документах НКВД, дело «Клубок»), связанного с фигурой одного из видных деятелей большевистской партии, члена ЦК ВКП(б) А.С. Енукидзе.

58-летний Авель Енукидзе, член партии с **1898** г. (первого года ее существования), в течение последних **13** лет исполнял обязанности секретаря Президиума Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР. Формально именно этот орган в перерывах между сессиями ЦИК СССР и съездами Советов осуществлял государственную власть в стране. Председателем ЦИК СССР и номинальным главой советского государства являлся М.И. Калинин, а Енукидзе был как бы его правой рукой.

На самом деле никакой высшей властью ни съезд Советов, ни ЦИК, ни его Президиум, естественно, не являлись, а служили лишь декорацией, прикрывающей власть настоящую. Соответственно и должность секретаря Президиума ЦИК СССР была не самой престижной в тогдашней номенклатурной иерархии. Однако у Енукидзе было одно достоинство, которое выгодно отличало его от других, — давняя дружба со Сталиным, вместе с которым он еще в

начале века работал в подпольных большевистских организациях Закавказья. Это давало Енукидзе возможность уверенно держаться на плаву и даже позволять себе некоторые вольности, которые другим вряд ли бы сошли с рук. Имеется, в частности, в виду его скандально известная слабость к представительницам прекрасного пола, оказывавшая заметное влияние на подбор кадров в подведомственных Енукидзе государственных учреждениях.

С этим простительным недостатком заслуженного ветерана партии и своего старого друга Сталин мирился и продолжал бы, наверное, мириться и дальше, если бы у Енукидзе не обнаружился другой, гораздо более серьезный, недостаток, свидетельствующий о его возможной политической нелояльности. Расследование этого вопроса привело в конечном итоге к раскрытию «заговора», якобы вызревавшего под крышей контролируемых Енукидзе правительственных организаций, отставке самого Енукидзе и аресту свыше **100** человек, из которых один умер в ходе следствия, двое были приговорены к расстрелу, а остальные — к различным срокам заключения и ссылки.

Началось все с того, что осенним днем **1934** года, незадолго до октябрьских праздников, в маленькой комнате на первом этаже здания ЦИК СССР в Кремле встретились за чашкой чая три уборщицы. После того, как был исчерпан обычный для таких случаев запас тем, зашел разговор о политике, в ходе которого одна из уборщиц не нашла ничего лучше, как поделиться с собеседницами своим мнением о товарище Сталине. Беседа после этого быстро увяла, уборщицы вернулись к оставленной работе, и две из них про разговор вскоре забыли, а третья не только не забыла, но, напротив, записала все запомнившиеся ей высказывания подруги. А все потому, что была она не просто уборщицей, а по совместительству еще и осведомителем Секретного отдела Управления коменданта Кремля.

> «Работающая в здании правительства уборщица Авдеева А.Е., — ложились на бумагу неровные строки, — в присутствии уборщицы Мишаковой говорила: «И.С. [Иосиф Сталин] убил свою жену*. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом. А за ним-то все ухаживают. Один дверь открывает, другой воды подает и т.д.»[133]

***** Жена Сталина Н.С. Аллилуева покончила с собой **8** ноября **1932** г. Эта смерть вызвала к жизни многочисленные слухи, в том числе и о причастности к ней самого Сталина.

Однако в тот момент полученный донос никого особенно не заинтересовал. Обслуживающий правительственные учреждения персонал, изо дня в день наблюдающий жизнь и нравы партийно-государственной верхушки, давно уже позволял себе так называемые антисоветские высказывания, и на них фактически перестали обращать внимание, тем более что и те, кто должны были по долгу службы принимать какие-то меры, сами иной раз позволяли себе нечто подобное.

Но после убийства Кирова ситуация изменилась. Волна бдительности и подозрительности захлестнула все предприятия и учреждения, и в этих условиях оставлять без внимания сравнительно свежий сигнал, свидетельствующий об антисоветских настроениях кремлевской обслуги, стало опасно.

16 декабря **1934** года комендант Кремля Р.А. Петерсонсообщил Енукидзе об имеющихся агентурных материалах (бдительная уборщица сообщала и о других своих коллегах). Однако вместо того, чтобы передать упоминаемых в доносах лиц в распоряжение НКВД, Енукидзе, ссылаясь на то, что очень часто пишут друг на друга, а потом ничего не подтверждается, предложил шума по этому поводу не поднимать, а перепроверить полученные сигналы через какого-нибудь другого осведомителя.

О беспринципной реакции Енукидзе на распространяемые в Кремле слухи стало известно в Оперативном отделе ГУГБ НКВД, который занимался, помимо прочего, также и охраной партийно-правительственных учреждений. По-видимому, чекисты сразу же поняли, что им представляется реальная возможность поквитаться с Енукидзе, который давно уже раздражал их своим поведением: узнав, что кто-то из его окружения является осведомителем НКВД, он тут же принимал меры, чтобы избавиться от этого человека.

В январе **1935** года докладная записка НКВД о непорядках в Кремле легла на стол Сталина. Как он относился к досужим разговорам о его причастности к смерти жены, представить нетрудно. А тут еще выясняется, что и старый товарищ вместо того, чтобы самым решительным образом пресекать подобную злопыхательскую болтовню, фактически поощрял ее своим попустительством. Такой человек не мог больше пользоваться его доверием, более того, на примере Енукидзе следовало показать всей партии, что любые проявления политической мягкотелости будут безжалостно искореняться, невзирая ни на какие заслуги в прошлом.

Что же касается персонала находящихся в Кремле правительственных учреждений, то его необходимо было подвергнуть кардинальной чистке, используя для этого все возможности, имеющиеся в распоряжении охранного ведомства.

Вечером **19** января в рабочем кабинете Сталина в Кремле собрались все заинтересованные лица. Сначала были вызваны нарком внутренних дел Г.Г. Ягода и начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД К.В. Паукер, затем к ним присоединились А.С. Енукидзе и комендант Кремля Р.А. Петерсон. Высказав мнение, что речь идет не просто об антисоветской болтовне, но что за ней, несомненно, кроется очень серьезная контрреволюционная работа, Сталин потребовал от присутствующих принять решительные меры по наведению порядка в Кремле и его очистке от враждебных элементов.

Операция началась на следующий день. Поговорив предварительно с осведомительницей и получив от нее подтверждение прежних сообщений, начальники Оперативного и Секретно-политического отделов ГУГБ НКВД К.В. Паукер и Г.А. Молчанов приступили к допросу уборщицы Авдеевой, имевшей неосторожность высказаться по поводу смерти жены Сталина. Авдеева все отрицала и даже после того, как ей было сказано, кто именно на нее донес, продолжала упорствовать, заявив, что приписываемые ей слова принадлежат самой доносчице. Однако, что могла противопоставить неграмотная деревенская девушка профессионалам политического сыска? После нескольких дней уговоров, запугиваний и оскорблений Авдеева призналась, наконец, что об убийстве Сталиным своей жены она слышала от знакомой телефонистки с кремлевского коммутатора.

Обратились к телефонистке, однако здесь чекистов ждало разочарование. То ли Авдеева назвала не ту фамилию, то ли **19**-летняя Мария Кочетова оказалась слишком крепким орешком, но только добиться от нее признательных показаний не удалось, как ни старались. **2** февраля **1935** г., докладывая Сталину о первых результатах проводимого расследования, заместитель наркома внутренних дел СССР Я.С. Агранов отмечал среди прочего: «Кочетова пока откровенных показаний не дает»[134]. Она их и не дала, но задержки не произошло, так как в распоряжении следователей находились и другие (помимо Авдеевой) уборщицы, об антисоветских разговорах которых сообщала их бдительная коллега.

Следы привели в правительственную библиотеку, одна из сотрудниц которой, как выяснилось, тоже рассказывала сослуживицам о неестественной смерти жены Сталина. Библиотекарша сообщила, что поучила эти сведения от своего брата А.И. Синелобова, работающего секретарем для поручений коменданта Кремля, тот сослался на помощника коменданта Кремля В.Г. Дорошина... Таким образом, уже через полторы недели после начала работы были выявлены два очага распространения антисоветских слухов: правительственная библиотека и комендатура Кремля. Эти две организации и стали основными объектами того расследования, которое на ближайшие три месяца превратилось в первоочередную задачу главного охранного ведомства страны.

«Серьезная контрреволюционная работа», скрывающаяся, по мнению Сталина, за болтовней кремлевской обслуги, по понятиям **1935** года подразумевала в первую очередь террористические намерения, которые следствию и предстояло теперь обнаружить. С учетом ленинградского опыта, никакие сроки расследования уже не устанавливались, и чекисты получили возможность работать в спокойной обстановке, без суеты.

Первые три-четыре недели ушли на то, чтобы в самом общем виде разобраться с ситуацией, произвести аресты тех работников кремлевских учреждений и связанных с ними лиц, на которых какие-то компрометирующие сведения уже имелись или были получены в ходе начавшихся допросов, выявить круг их общения, политические взгляды ближайших родственников и знакомых и наметить хотя бы в самом общем виде основные направления дальнейшего расследования.

Сначала все разговоры сводились к выяснению того, кто и от кого слышал об обстоятельствах смерти жены Сталина, кому сам в свою очередь передавал эту «контрреволюционную клевету», и какие вообще «антисоветские» разговоры велись между сотрудниками и их знакомыми. Долго довольствоваться такой вегетарианской пищей чекисты, конечно, не могли, и допросы, проведенные **8-9** февраля **1935** г., демонстрируют первые, попытки следствия заняться, наконец, серьезной работой.

Узнав, что после убийства С.М. Кирова сотрудницы библиотеки вели разговор о возможности аналогичного покушения в Кремле, начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанов и его заместитель Г.С. Люшков начинают активно разрабатывать эту тему. Из протокола допроса Е.Ю. Раевской от **8** февраля **1935** года.

«*Вопрос*: В связи с изменением системы охраны Кремля вы вели разговоры о

возможности осуществления террористического акта против членов правительства в Кремле. Расскажите, с кем и когда вы вели подобные разговоры.

Ответ: В связи со строгостью охраны Кремля я высказывалась, что затрудняется совершение террористического акта против членов правительства в Кремле. Сказала я это в связи с замечанием сотрудницы библиотеки Змеиной по поводу убийства тов. Кирова, что ленинградцы всегда хвастали, что в Смольный легче пройти, чем в Кремль...

Вопрос: С какой целью вы вели разговор о затрудненности совершения террористического акта в Кремле против членов правительства?

Ответ: Определенной цели у меня не было.

Вопрос: Как же это может быть, чтобы разговор о возможности совершения террористического акта против членов правительства велся без всякой цели. Дайте правдивое объяснение на поставленный вам вопрос.

Ответ: Повторяю, определенной цели у меня не было»[135].

На следующий день те же следователи общались со слушателем Военно-химической академии РККА В.И. Козыревым. Перед этим от арестованного помощника коменданта Кремля В.Г. Дорошина были получены показания о том, что об обстоятельствах смерти жены Сталина он рассказывал своему земляку В.И. Козыреву, «который враждебно настроен по отношению к политике советской власти и партии». Сам Козырев признался, что полученными от Дорошина сведениями он в свою очередь поделился со своим знакомым, работником Разведупра РККА М.К. Чернявским, и несколькими слушателями Военно-химической академии, после чего ему был задан вопрос, ставший с того времени одним из наиболее популярных в арсенале следствия:

«Признаете ли вы, что систематически распространяемая вами и вашими единомышленниками троцкистская клевета против руководителей ВКП(б) вызывала озлобление и порождала в среде ваших единомышленников террористические настроения в отношении руководителей ВКП(б)»?[136]

Козырев, как до этого и Раевская, следствию ничем помочь не захотел, но начало было положено, и в скором времени террористическая тематика начинает приобретать вполне конкретные очертания, вовлекая в свою орбиту самых разных людей.

Разбираясь с правительственной библиотекой и ее работниками, чекисты узнали, что полтора года назад одна из сотрудниц, Е.К. Муханова (кстати, «бывшая дворянка», то есть «социально-чуждый элемент»), уволилась в связи со слухами о ее якобы службе во время Гражданской войны в контрразведке чехословацкого корпуса, воевавшего на стороне белых. Муханову арестовали, и в ходе допросов выяснилось, что в **1933** году, во время отдыха на одном из курортов, она познакомилась с сотрудницей английского консульства Н.К. Бенгсон, русской по происхождению, вышедшей замуж за иностранца. Муханова сообщила, что рассказывала Бенгсон о своей работе в Кремле, и поначалу следователи, похоже, собирались поработать над версией о шпионаже в пользу англичан, но затем решили, видимо, не отвлекаться на второстепенные темы. За Муханову взялись всерьез, и **23** февраля **1935** года в распоряжении чекистов оказалось, наконец, первое за весь месяц следствия признание в терроризме.

Два года спустя, уже отбывая наказание, Муханова рассказывала одному из заключенных:

«Мне грозили расстрелом, арестом всей семьи, не давали спать, кричали и ругались отборной площадной бранью. В конце концов я не выдержала и сдалась... Я потеряла власть над собой и стала подписывать все, что велят»[137].

А подписывать ей пришлось, в частности, вот что:

«... Бенгсон высказывала злобные контрреволюционные настроения по всем вопросам политики советской власти... Она говорила мне, что во имя России надо быть готовым идти на все, вплоть до физического уничтожения врага... она считала наиболее действенным способом борьбы с советской властью — террор... Бенгсон говорила мне, что нужны смелые люди, которые могли бы пожертвовать собой, чтобы спасти Россию. Спасение России Бенгсон видела в убийстве Сталина.... Она меня распрашивала, вижу ли я Сталина в Кремле, где он бывает, куда ездит.... Я выяснила, что Сталин живет либо в Кремле, либо на даче, что секретариат его находится в Кремле, что помещение, в котором работает Сталин, изолировано от всех прочих учреждений Кремля... Бенгсон интересовалась, есть ли у меня знакомые среди военных, несущих охрану Кремля...»

«*Вопрос*: Таким образом вашими показаниями сегодня и вашими показаниями от 10 февраля устанавливается, что вы по заданию сотрудницы английского консульства Бенгсон вели активную контрреволюционную деятельность и участвовали в подготовке террористического акта над тов. Сталиным. Признаете ли вы себя в этом виновной?

Ответ: Признаю себя виновной в том, что дала согласие на ведение контрреволюционной работы против Советской власти сотруднице английского консульства в Москве белогвардейке Нине Конрадовне Бенгсон, с которой я познакомилась в октябре 1933 г. в доме отдыха ГАБТ СССР в Макопсе. Я участвовала в подготовке Бенгсон террористического акта над Сталиным и выполняла задания Бенгсон по выяснению возможности осуществления теракта. Для этого я сама и через своих знакомых по Кремлю добывала ряд секретных сведений, в частности, об охране Кремля и личной охране Сталина и передавала эти сведения Бенгсон»[138].

Тему подготовки покушения на Сталина по заданию английской разведки чекисты сохранят как резервную, но все же главных заговорщиков нужно было отыскать среди собственных граждан, ведь не по заданию же англичан по Кремлю распускались «контрреволюционные» слухи.

В ходе допросов Е.К. Мухановой следователи установили, что в период работы в правительственной библиотеке она была наиболее близка с библиотекаршей Ниной Розенфельд. Современному читателю это мало что говорит, а в те годы многим было известно, что Розенфельд — это настоящая фамилия одного из лидеров зиновьевской оппозиции Л.Б. Каменева. Нина Розенфельд была женой брата Каменева, точнее бывшей женой, поскольку супруги уже давно находились в разводе. Тем не менее с бывшим мужем она сохранила дружеские отношения, хорошо знакома была и с самим Л.Б. Каменевым. Фамилия же матери Нины Розенфельд — Бебутова — была для советского времени очень неблагозвучной, поскольку выдавала княжеское происхождение. Родственница репрессированного Каменева (который, напомним, только что был приговорен к пяти годам заключения по делу «Московского центра»), к тому же из рода князей Бебутовых — это была настоящая находка, и чекисты не упустили такой возможности.

27 февраля **1935**-го Е.К. Муханова даст новые «более правдивые» показания о своей подруге и бывшей сослуживице:

«Она [Розенфельд] всю свою вражду и злобу направляла по адресу Сталина. Она мне несколько раз говорила, что надо устранить Сталина... Бенгсон — законченная белогвардейка... Розенфельд — ярая приверженка Зиновьева и Каменева. Однако и та и другая одинаково обосновывали необходимость убийства Сталина... Мне известно, что сын Розенфельд, Борис, был связан с сыном Троцкого в Москве*. Борис Розенфельд настроен враждебно антисоветски, полностью разделял взгляды матери»[139].

* Имеется в виду проживавший в СССР второй сын Троцкого Сергей Седов.

Подтвердить террористические настроения Нины Розенфельд пришлось вслед за этим ее бывшему мужу и сыну, и под тяжестью всех этих «улик» она тоже «призналась» в приписываемых ей намерениях.

Работая с Е.К. Мухановой и Н.А. Розенфельд, чекисты не забывали и о других своих «подопечных», так что к началу апреля **1935** г. схема раскрытого «заговора» приобрела уже почти законченный вид и выглядела следующим образом.

Пять террористических групп занимались подготовкой убийства Сталина. Наиболее опасная из них сформировалась из работниц правительственной библиотеки — Н.А. Розенфельд, Е.К. Муханова и др. Н.А. Розенфельд, получая через своего бывшего мужа указания от Каменева о необходимости устранения Сталина, вместе со своей подругой Е.К. Мухановой, получавшей аналогичные рекомендации от своей знакомой, английской шпионки Н.К. Бенгсон, предпринимали активные попытки устроиться на работу в личную библиотеку Сталина, рассчитывая воспользоваться близостью к вождю для того, чтобы отравить его.

Еще одна группа заговорщиков, тесно связанная с первой, окопалась в комендатуре Кремля. Библиотекарши-убийцы, на случай, если их собственный план не сработает, рассчитывали на то, что один из работников комендатуры на каком-нибудь банкете с участием членов Политбюро сумеет подмешать им в пищу яд, и таким образом удастся избавиться не только от Сталина, но и от всей партийной верхушки.

От комендатуры Кремля ниточка тянулась еще к одной фуппе потенциальных террористов, возглавляемой работником Разведупра РККА М.К. Чернявским. В группу входили несколько сотрудников и слушателей одного из военных научно-исследовательских институтов, инженер-конструктор Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) и др. Террористические настроения, как «выяснило» следствие, сформировались у них и сами по себе, а также под воздействием Чернявского, познакомившегося за границей с одним из агентов Троцкого и получившего от него соответствующее задание.

По версии чекистов произошло это так. В **1931-33** гг. Чернявский по линии Разведупра находился в служебной командировке в США, изучая достижения американцев в области

взрывчатых веществ. В Бостоне, где он проживал и где для прикрытия своей разведывательной деятельности поступил в Массачусетский технологический институт, Чернявский познакомился с членом американской компартии, на поверку оказавшимся троцкистом, неким Ряскиным. Выяснив, что Чернявский тоже настроен протроцкистски, Ряскин поручил ему создать по возвращении в СССР боевую группу для организации убийства Сталина, что должно было помочь Троцкому вернуться к власти. Чернявский это задание выполнил, группу создал, и черезвои связи в комендатуре Кремля заговорщики рассчитывали подобраться поближе к вождю и, воспользовавшись каким-нибудь благоприятным моментом, убить его. На стадии разработки этого замысла чекисты их и арестовали.

Четвертая («молодежная») группа была якобы создана сыном Нины Розенфельд Борисом и объединяла нескольких его знакомых (в том числе сына Троцкого С.Л. Седова), которые во исполнение установок Л.Б. Каменева тоже собирались как-нибудь при случае убить Сталина.

Ну и, наконец, последняя, пятая, группа состояла из проживающих в Москве знакомых Е.К. Мухановой по самарскому периоду ее жизни. В руководители этой группы чекисты определили бывшего белого офицера Г.Б. Синани-Скалова. Во время Гражданской войны тот примкнул к красным, вступил в партию, сделал неплохую карьеру по военной линии, а затем и в исполкоме Коминтерна, где он руководил Латиноамериканским лендерсекретариатом, курировавшим компартии Латинской Америки. Вокруг Синани-Скалова якобы объединились несколько таких же, как он, бывших белогвардейцев и других так называемых «бывших людей», которые, по версии чекистов, тоже намеревались покуситься на жизнь вождя.

К началу мая **1935**-го следствие было завершено, и Ягода направил Сталину докладную записку с предложениями о мерах наказания, которые, в частности, предусматривали расстрел двадцати пяти человек, в том числе восьми женщин. Сталину такой вариант показался чересчур кровожадным, высшую меру он готов был ограничить одним только работником Разведупра РККА М.К. Чернявским, контактировавшим с зарубежными троцкистами. В конце концов после двух с половиной месяцев согласований сошлись на том, чтобы расстрелять двоих — Чернявского и секретаря для поручений коменданта Кремля А.И. Синелобова, которого террористически настроенные библиотекарши якобы собирались привлечь к осуществлению своих коварных замыслов. Л.Б. Каменеву решено было к его пяти годам заключения добавить еще пять, а остальных **107** человек осудить на срок от двух до десяти лет, что и было исполнено.

* * *

В проводимой зачистке Кремля у Ежова был свой собственный участок работы. Пока чекисты искали террористов в подконтрольных Енукидзе правительственных учреждениях и за их пределами, Ежов вел подкоп под самого Енукидзе. Непосредственную ответственность за обнаруженных в Кремле заговорщиков Енукидзе нести не мог: ловить контрреволюционеров — это была все-таки не его компетенция. Строгое наказание, которого он заслуживал за свою снисходительность к лицам, распространяющим клевету в адрес вождя, желательно было увязать с какими-то упущениями в его собственной работе, и отыскать эти упущения поручено было Ежову.

11 февраля **1935** года решением Политбюро была образована комиссия под председательством Ежова, которой предписывалось «проверить личный состав аппарата ЦИКа СССР и ВЦИКа РСФСР, имея в виду наличие элементов разложения в аппарате и обеспечение полной секретности всех документов ЦИКа и ВЦИКа»[140]. Но комиссия подошла к делу не так узко, как это было сформулировано в постановлении Политбюро, а принялась проверять деятельность контролируемых Енукидзе структур по всем направлениям, где можно было обнаружить какой-либо компромат.

29 марта Сталину была направлена докладная записка с результатами предварительной финансовой проверки ЦИК СССР за **1934** г. и начало **1935** г. В частности, изучая использование средств для покрытия различных секретных расходов правительства, авторы записки обнаружили картину «преступного расходования этих средств». Например, **421** тысяча рублей была истрачена на улучшение бытовых условий жизни сотрудников аппарата ЦИК, **262** тысячи — на расходы культурно-просветительного порядка и т.д., то есть на цели, которые во всех других учреждениях проходили по общей смете в пределах, установленных официальным бюджетом. «Ничем иным, — писали Ежов и заместитель председателя Комиссии советского контроля З.М. Беленький, — подобное положение объяснить нельзя, как только желанием прикрыть эти статьи расходов секретностью, чтобы расходовать средства бесконтрольно»[141].

550 тысяч рублей из секретного фонда с ведома Енукидзе было потрачено в **1934** году на выдачу пособий, которые выдавались в размерах, несопоставимых с расходами на эти цели других ведомств, причем эти пособия получали и арестованные ныне «террористки». Часть пособий высылалась людям, находящимся в ссылке по политическим мотивам, или их родственникам. Но особенно возмутил членов комиссии факт получения пособий лицами, уволенными в последнее время в ходе начавшейся чистки, причем выдавались пособия уже после увольнения. «Не чем иным, как протестом [Енукидзе] против мероприятий ЦК Партии, направленных к очищению аппарата ЦИК СССР, это назвать нельзя», — делали вывод авторы докладной записки.

Поскольку Енукидзе являлся членом ЦК, то наказание ему мог вынести только пленум ЦК. Очерёдной пленум состоялся **5-7** июня **1935** г., и в его повестку дня были включены два вопроса: **1)** об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов и **2)** о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и о тов. А: Енукидзе.

Разобравшись с тем, как и когда следует проводить прополку и уборку нового урожая сельскохозяйственных культур, участники пленума заслушали затем Ежова, выступившего с докладом по второму пункту повестки дня. Добросовестно изложив следственную версию о пяти террористических группах, готовивших убийство вождя, Ежов не стал ограничиваться одной лишь констатацией «фактов», а использовал их для построения политической концепции, положившей начало новой волне гонений на бывших троцкистов.

Прежде всего Ежов обратил внимание слушателей на ряд положений статьи Л.Д. Троцкого «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», опубликованной в одном из последних номеров издававшегося в Париже журнала «Бюллетень оппозиции». В этой статье Троцкий писал о «термидорианском» перерождении руководства партии и советского государства и заявлял, что сложившийся в СССР политический режим представляет прямую и непосредственную угрозу всем социальным завоеваниям пролетариата. Приведя несколько цитат, Ежов сделал из прочитанного вывод о том, что, говоря о необходимости отстранить от руководства партией и страной «бонапартистскую» верхушку, Троцкий на самом деле имеет в виду насильственное низвержение власти, то есть дает «совершенно законченную и развернутую программу террора», прикрываясь заботой об интересах отечественного и международного пролетариата. Из этого, по мнению Ежова, следовало, что теперь, то есть после ареста лидеров зиновьевской оппозиции, Троцкий превратился в главного вдохновителя и организатора террора против руководства партии и правительства.

Данный вывод подтверждался показаниями проходящего по «кремлевскому делу» М.К. Чернявского, рассказавшего о якобы полученном им от американского троцкиста Ряскина задании совершить по возвращении в СССР убийство Сталина, а также показаниями другого обвиняемого, М.И. Новожилова, о высказываниях самого Чернявского, будто бы заявлявшего, что лишь физическое уничтожение Сталина способно изменить в стране политический режим. Все это, по мнению Ежова, свидетельствовало о «прямой причастности заграничного центра троцкистов к организации террористической работы в СССР».

Начатая в **1935** году атака на проживающего в эмиграции Троцкого, получившая дальнейшее развитие в последующие годы, продемонстрировала, насколько болезненно воспринималась Сталиным деятельность его главного оппонента. И дело было не только во влиянии Троцкого на положение в СССР (здесь его возможности были весьма ограничены), но и в том разлагающем воздействии, какое Троцкий своими разоблачениями, а также деятельностью поддерживаемых им леворадикальных организаций оказывал на мировое коммунистическое движение, которое рассматривалось Москвой как важнейший инструмент своего влияния на ситуацию в отдельных государствах и в мире в целом. Отныне компрометация Троцкого внутри СССР и, особенно, за его пределами становится одной из важнейших задач органов государственной безопасности страны, а также действующей в тандеме с ними сталинской пропагандистской машины.

Поговорив о Троцком и его зловещих замыслах, Ежов плавно перешел к теме Енукидзе и обвинил последнего в создании режима наибольшего благоприятствования для злейших врагов советской власти:

> «Всю эту белогвардейскую мразь, которая засела в Кремле, вы изо дня в день поддерживали, всячески защищали, оказывали им материальную помощь, создавали обстановку, при которой эти отъявленные контрреволюционеры, террористы чувствовали себя в Кремле, как дома, чувствовали себя хозяевами положения»[142].

«Систематически получая агентурные данные НКВД об антисоветских настроениях и высказываниях отдельных сотрудников ЦИК СССР, — продолжал информировать своих

коллег Ежов, — Енукидзе на все эти заявления и сигналы отвечал: «работники работают в аппарате ЦИК много лет, люди проверенные, заменять их некем и незачем»[143].

Когда же за дело взялась созданная Политбюро комиссия, то выяснилось, что из 107 проверенных сотрудников ЦИК СССР лишь девять человек можно оставить на работе в Кремле, а остальные подлежат увольнению или переводу в некремлевские учреждения.

Назвав Енукидзе типичным представителем разлагающихся и благодушествующих коммунистов, разыгрывающих из себя за счет партии и государства «либеральных» бар, которые не только не видят классового врага, но фактически смыкаются с ним, становятся невольно его пособниками, открывая ворота врагу для его контрреволюционной деятельности, Ежов сообщил, что есть предложение вывести Енукидзе из состава ЦК ВКП(б). Пленум поддержал это предложение.

К этому времени Енукидзе уже расстался со своим руководящим постом в Москве, В начале марта 1935 г. его утвердили председателем ЦИК Закавказской Федерации, затем, по мере того как скандал вокруг него разрастался, он был переведен на должность уполномоченного ЦИК СССР по Минераловодским курортам, а финалом падения стало его назначение, уже после пленума, директором Харьковского областного автотранспортного треста.

С такой биографией, как у Енукидзе, пережить 1937 год было, конечно, невозможно — в феврале этого года он был арестован и восемь месяцев спустя расстрелян. Та же участь постигла и основных фигурантов так называемого «кремлевского дела». Летом 1937 года часть из них расстреляли, некоторым другим увеличили срок заключения, а затем все равно расстреляли, так что когда в середине 50-х годов, после смерти Сталина, пришла пора реабилитации — освобождать было практически уже некого.

14. В борьбе за чистоту партийных рядов

Установившаяся в стране после убийства Кирова атмосфера повышенной подозрительности по отношению к любым проявлениям политического инакомыслия создавала благоприятные возможности для более глубокой, чем раньше, чистки партии от разного рода сомнительных, с точки зрения Сталина, элементов. Собственно говоря, очередная, третья по счету, партийная чистка, начатая в 1933 году, в это время как раз и проходила. В первых десяти регионах ее, как и планировалось, завершили к XVII съезду, еще в десяти областных и краевых парторганизациях она заканчивалась, а в остальных — должна была быть проведена в 1935 году. Теперь всю эту работу нужно было как-то приостановить, а затем начать сначала и уже совсем по-другому.

Конечно, то, что в одной из организаций, прошедших чистку, а именно в ленинградской, была обнаружена группа заговорщиков-террористов из бывших оппозиционеров, давало в руки Сталина некоторые аргументы, но они были все же недостаточными для того, чтобы просто отменить под этим предлогом результаты чистки, проведенной уже в половине регионов страны. Надо было придумать что-то другое, и определенные условия для этого имелись.

Дело в том, что в организациях, закончивших чистку, с 15 декабря 1934-го должен был начаться обмен партбилетов образца 1926 года на новые, поскольку листки для отметки членских взносов в действующих билетах ограничивались 1934 годом. В принципе, это была чисто техническая процедура, но если подойти к делу творчески, то даже такому рутинному мероприятию можно было придать совершенно новый смысл. Надо было только отодвинуть сроки начала обмена, чтобы иметь возможность все как следует обдумать и подготовиться.

16 декабря 1934 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по инициативе Сталина принимается решение отложить до особого распоряжения намеченный обмен партбилетов и обсудить на Оргбюро практические меры, обеспечивающие «серьезное и вдумчивое» проведение такого обмена.

31 декабря решением Оргбюро создается специальная комиссия во главе с Ежовым, которой дается задание разработать и внести на утверждение Политбюро проект постановления о порядке обмена. Одновременно Отделу руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) поручается командировать десять своих работников в местные партийные организации (в Москву, Ленинград, Киев, Харьков и др.) для проверки условий хранения партийных билетов.

Как и следовало ожидать, посланные в регионы проверяющие обнаружили, что подлинно большевистского порядка в учетной работе нет, а есть много всякой неразберихи,

бесконтрольности и т.д. 27 марта 1935 г. ситуация была рассмотрена на заседании Оргбюро, проходившем при участии Сталина. В подготовленных к заседанию материалах отмечалось, что проведенное по заданию ЦК обследование партийных организаций обнаружило многочисленные факты безобразнейшей постановки учета и недопустимое отношение к хранению и выдаче партийных документов. Конечно, все это не было секретом и раньше, но именно теперь Сталин решил поднять данный вопрос на принципиальную высоту. Выступив на заседании, он заявил, что, пока в парторганизациях царит такой хаос, не может быть и речи об обмене партбилетов и тем более о приеме в партию новых членов, и предложил послать в адрес обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий специальное письмо, касающееся улучшения учета, хранения и выдачи партийных документов. Текст его было поручено подготовить комиссии под председательством Ежова.

Накануне, 10 марта 1935 года, Ежов был освобожден от обязанностей руководителя Промышленного отдела ЦК и назначен заведующим Отделом руководящих партийных органов (ОРПО). Именно ОРПО должен был стать движущей силой задуманной чистки, и во главе его Сталин, естественно, хотел видеть человека, которому он мог полностью доверять.

13 мая 1935 г. Ежов выступил на Политбюро с докладом «Об упорядочении учета, выдачи и хранения партийных билетов» и представил проект (тогда же и утвержденный) закрытого письма ЦК ВКП(б) по данному вопросу. В письме отмечалось, что в партийных организациях царит грубейший произвол в обращении с партийными билетами и совершенно нетерпимый хаос в учете коммунистов, что имеются многочисленные факты, когда враги партии и рабочего класса, пользуясь доступом к партийным документам, получали партбилеты и прикрывались ими в своей гнусной работе по подрыву дела партии и советского государства.

Всем парторганизациям было предложено в двухмесячный срок проверить наличие и подлинность партийных билетов и учетных карточек у всех коммунистов страны. Такой сравнительно небольшой срок должен был свидетельствовать, что речь идет об обычной технической процедуре, не являющейся разновидностью партийной чистки, поскольку, как уже отмечалось, такая чистка во многих парторганизациях только недавно прошла, а, кроме того, решение о ее проведении мог принимать, согласно Уставу партии, только пленум ЦК, но не Политбюро.

Однако, хотя времени на проверку выделили немного, объем работы, которую предстояло выполнить за эти два месяца, был достаточно большой. По каждому члену партии необходимо было сверить номер его партбилета со справочником аннулированных билетов и сопоставить записанные в билете сведения с данными учетной карточки, хранящейся в райкоме. При отсутствии у коммуниста партбилета или в случае обнаружения в нем каких-либо помарок, исправлений, расхождений в данных следовало тщательно проверить личность такого коммуниста, запросить сведения о нем в той парторганизации, где он принимался в партию и состоял на учете, а также предложить ему представить свидетелей, готовых подтвердить его партийную принадлежность. Ну и, конечно, необходимо было выяснить причины расхождений и помарок в документах — не скрывается ли за ними обман партии.

На местах пришедшие из Москвы указания были восприняты, как и любые распоряжения начальства, с одобрением. «Первое время, — отмечал позднее Ежов, выступая на одном из партактивов, — когда люди получили такое письмо, и пока шло его обсуждение на собраниях... все приветствовали это замечательное решение ЦК: «Вот это да! Вот это вынесли решение!» Писали хорошие резолюции, произносили приветственные речи. А потом, когда через три-четыре дня первый угар приветствия прошел и надо было взяться за работу, у людей началось такое состояние: «Как бы от этого дела увильнуть»[144].

И не удивительно. В соответствии с инструкциями ЦК в парторганизациях численностью до 500 человек проверку, предполагающую личную встречу с проверяемым, должны были проводить секретари райкомов партии, а в более крупных организациях им разрешалось привлекать себе в помощь нескольких членов бюро райкома. Разделив численность парторганизаций на число отведенных для проверки дней, местные партработники обнаружили, что если все делать по инструкции, то в ближайшие два месяца ни на что другое времени уже не останется, хотя спрашивать с них, как и прежде, будут, разумеется, за все.

Поскольку на обращения с просьбой расширить круг проверяющих или продлить отведенное для этой работы время руководство в Москве никак не реагировало, на местах пошли по самому простому пути и повели эту внезапно свалившуюся на них проверку форсированными темпами, стремясь отделаться от нее как можно быстрее. В Свердловске

райком Уралмашзавода за шесть дней проверил **1566** человек, уделяя каждому коммунисту, согласно плану, утвержденному бюро райкома, не более **5** минут. В Донецкой области первый секретарь Артемовского горкома в один из дней проверил **58** человек, а второй секретарь того же горкома — **78** человек. Фактически в большинстве районов все свелось к простой сверке партийных билетов с учетными карточками.

8 июня Ежов выступил на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) с сообщением о ходе проверки партийных документов. Тут-то и выяснилось, что все это время возглавляемый им Отдел руководящих партийных органов внимательно наблюдал за маленькими хитростями местных партийцев и брал на заметку особенно примечательные случаи. По итогам состоявшегося на Оргбюро обсуждения, комиссии во главе с Ежовым было поручено разработать конкретные предложения «в связи с выявившимися в парторганизациях извращениями в ходе реализации мероприятий, вытекающих из письма ЦК от **15** мая **1935** года».

Комиссия Ежова свои предложения представила, и **26** июня они были утверждены постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О проверке партийных документов». В нем на основе анализа ситуации в Западной и некоторых районах Воронежской и Харьковской областей делался вывод, что начавшаяся проверка проходит явно неудовлетворительно и сопровождается грубыми нарушениями правил, установленных Центральным комитетом.

> «Проверка партийных документов, — говорилось в постановлении, — осуществляется формально-бюрократически, партбилеты проверяются наспех, акты составляются безответственно, во многих парторганизациях лично секретари этим делом не занимаются, передоверяя его второстепенным работникам, в случае сомнений в подлинности партбилетов не выявляется по существу личность владельцев партбилетов, В результате этого... нет никакой гарантии, что чуждые элементы после проверки не останутся в рядах ВКП(б)»[145].

Еще более доходчиво имеющиеся у Сталина претензии к местным партработникам сформулировал Ежов, который накануне принятия постановления беседовал с представителями Западного обкома.

> «Вам надо, Западной области, учесть, — указывал Ежов, — что у вас особенно много всякой сволочи, шпионов и т.д. Если вы на 4 тысячи [проверенных коммунистов] отобрали только 150 билетов, то это значит, что вы ничего не сделали, никакой проверки у вас не было. По другим организациям мы имеем отобранных билетов 16-18%, а у вас на 4 тысячи только 150. Это чепуха»[146].

Решением Политбюро проверка в Западной области и ряде районов других областей была признана несостоявшейся, и ее предложено было провести повторно, а особо отличившийся секретарь Починковского района Западной области В.П. Степанов, проверявший по **80** человек в день, был исключен из партии. Постановление Политбюро обсуждалось во всех парторганизациях, почти везде были созваны повторные инструктивные совещания секретарей райкомов, и фактически с этого момента проверка началась по-новому, превратившись из технической процедуры, каковой она выглядела первоначально и каковой продолжала формально считаться, в самую настоящую партийную чистку, только гораздо более жесткую, чем раньше.

В прежние времена, когда чистку парторганизаций проводили специальные комиссии, присылаемые «сверху», особой активности от коммунистов ждать не приходилось, наоборот, был интерес прикрыть «своих», чтобы организация выглядела как можно лучше. Как выразился Ежов, «люди рассказывали свои вымышленные автобиографии и проходили чистку под аплодисменты»[147]. Теперь же все проверялись аппаратом собственных организаций, скрыть от которых те или иные моменты своей биографии было гораздо труднее, тем более в условиях, когда главным показателем результативности проверки стал процент исключенных из партии.

Таким образом, если раньше в лучшем положении ока зывались организации, в которых число не прошедших чистку коммунистов было относительно небольшим, то теперь, наоборот, каждый партийный коллектив был заинтересован в том, чтобы отправить за борт как можно больше своих членов, продемонстрировав тем самым подлинно большевистскую принципиальность и бдительность.

В соответствии с полученными из Москвы указаниями наиболее тщательной проверке подвергалось социальное происхождение (не является ли выходцем из классово-чуждой среды, скрывшим это от партии), деятельность в период Гражданской войны, членство в других партиях до вступления в ВКП(б), отношение к внутрипартийной оппозиции в **20**-е годы и так далее. При малейшем подозрении сообщаемые данные надо было подтверждать документально. В результате с началом второго этапа проверки на партийные архивы

обрушилась лавина запросов, касающихся уточнения анкетных данных проверяемых коммунистов и фактов их политической биографии. При подготовке ответов архивистам приходилось просматривать материалы партийных чисток **20**-х годов, протоколы и стенограммы съездов, конференций, совещаний, собраний, и, если в них обнаруживалось какое-нибудь выступление интересуемого лица с позиции, отличной от тогдашней «генеральной линии», соответствующий текст включался в справку-ответ в качестве вещественного доказательства антипартийных взглядов проверяемого.

Поток запросов все нарастал, и архивам пришлось увеличить рабочий день до **12-14** часов, затем отменить выходные, а когда и это не помогло, по разнарядке городских парторганизаций на вечернюю работу по составлению справок были мобилизованы студенты-коммунисты, затем к делу подключили коммунистов-пенсионеров. Некоторые райкомы, потеряв надежду получить ответы на свои запросы, присылали для работы в архивах специальные бригады. Однако дело было не только в нехватке людей — сами архивы находились в то время в весьма плачевном состоянии. Значительная часть имеющихся у них документов хранилась в неразобранном виде, и в конечном счете больше половины запросов так и осталось без ответа[148].

В течение июля, августа и сентября **1935** года Ежов проводил совещания с участием руководителей местных партийных организаций, на которых обсуждалось положение с проверкой партийных документов в различных регионах страны. Помимо рассмотрения чисто технических проблем, связанных с проверкой, на них затрагивались и более общие вопросы, что давало возможность приехавшим партийным функционерам быть в курсе самых последних установок вождя и правильно ориентироваться в новейшей политической ситуации. Выступая, например, **1** июля на совещании, обсуждавшем ход проверки партийных документов в Горьковском крае и Челябинской области, Ежов рассказал присутствующим, как следует теперь относиться к состоящим в партии иностранцам:

> «Первое, на что вы должны обратить самое серьезное внимание, это иностранцы. Иностранцев надо всячески проверять, причем я имею в виду разных иностранцев. Одни иностранцы такие, которые просто приехали из-за границы, как немцы, англичане, негры, индусы и прочие малые и великие народности, и которые переводились иногда здесь Центральным комитетом из братских компартий в нашу партию. Тут часто людей смущает то, что, раз Центральный комитет перевел, значит, человек проверен. Чепуха это. Не обращайте на это особого внимания. Вы думаете, что комиссия в ЦК не ошибалась? Конечно, ошибалась и приняла не одного шпиона. Сейчас одним из основных каналов всякой разведки являются иностранцы. Насадить свою сеть в коммунистической партии — это самый верный канал для разведки. Если, например, в компартию Финляндии или Германии послать своих людей, то польза от этого будет в двояком смысле: во-первых, их можно использовать там в качестве провокаторов, а во-вторых, их можно использовать и в СССР для разведывательной работы. Их перебрасывают сюда в качестве политэмигрантов, они переходят в ВКП(б), устраиваются на заводы, а с партбилетом у нас вход всюду обеспечен. И поэтому, естественно, что этим каналом иностранная разведка пользуется всячески. Вы сами понимаете, что это наиболее выгодный канал, лучшего канала и не придумаешь. Вместо того, чтобы насаждать подпольную сеть, что тоже не исключено, лучше иметь легальную сеть, легальные явки и т.д., как это и бывает...
>
> У нас много американцев. По обыкновению, к американцам у наших людей сложилось такое отношение, что это замечательные люди. С немцами у нас обострились отношения, за ними надо глядеть, с поляками тоже, за англичанами надо глядеть, а вот американцы уж больно хорошие люди, и к ним отношение самое демократическое, тем более что они и сами своим демократизмом швыряются. Имейте в виду, что американцы, как правило, почти все шпионы...
>
> Есть другая категория иностранцев, давно осевших здесь, осевших иногда даже в мирное время [т.е. до Первой мировой войны]. Таких людей мы считаем своими людьми. Это тоже неправильно, надо сугубо проверять всех этих иностранцев»[149].

В другой раз Ежов уточнил, что шпионами являются, конечно, не все коммунисты-иностранцы, а прежде всего те из них, кто впервые вступил в партию, оказавшись в Советском Союзе. «Эти люди, — заявил он, — почти на **90%**, можно с уверенностью сказать, шпионы»[150].

Но если с иностранцами все было более или менее просто, то при проверке собственных коммунистов надо было проявлять особую бдительность, так как здесь можно было столкнуться с весьма изощренными формами маскировки.

> «Должно быть обращено особое внимание, — указывал Ежов, — на не идущих на проверку. Кто не идет на проверку, надо посмотреть, почему не идет.

Несомненно, что часть тех, которые не идут на проверку, это просто балласт, которые говорят: «А ну вас к черту с вашей партией, втянули меня зря, вот вам ваш партбилет». А бывают такие случаи, когда люди не идут на проверку, просто скрываясь от партии»[151].

В этом случае, как и во многих других, не обойтись было без помощи «компетентных органов». Однако на первых порах работники НКВД не проявляли особого стремления к сотрудничеству.

Коммунисты бились над тем, чтобы вывести на чистую воду какого-нибудь подозрительного члена своей организации, а в это самое время в местном управлении или отделе НКВД могли без всякой пользы лежать компрометирующие его материалы, которыми чекисты и не думали делиться с товарищами по партии. И личным опытом, и историей своей организации работники НКВД были сориентированы на борьбу с классовым противником, и попытки вовлечь структуры госбезопасности в выискивание врагов среди членов партии должного понимания в их среде, как правило, не находили.

Д.И. Волкович, секретарь ЦК компартии Белоруссии, с возмущением рассказывал на одном из совещаний, что ни один из шпионов, разоблаченных в республике в ходе проверки партийных документов, не был изобличен благодаря помощи НКВД. «Некоторые работники [НКВД] даже обижаются, — заявил он, — что эти шпионы выявлены парторганизациями, и считают шпионов, выявленных парторганизациями, какими-то второстепенными»[152]. И бывало так, что, позвонив в местное отделение НКВД и рассказав о каком-нибудь подозрительном коммунисте, работники райкома или горкома слышали в ответ: «Вы отобрали партийный билет — и достаточно»[153].

Мириться с таким положением было нельзя, и Ежов, который со времени расследования обстоятельств убийства Кирова не питал особых иллюзий относительно желания и готовности чекистов бороться с врагами внутри партии, решил и в этот раз не идти у них на поводу. Для начала надо было придать уверенности местным партработникам, убедить их не бояться вступать в конфликт с органами госбезопасности.

«Вы у себя сами должны насесть на них, — заявил Ежов, выступая 27 июля на очередном совещании. — Мы нажмем, указания будут. Основное в том, что эти люди ничего в этом деле не понимают и пытаются увильнуть от этого дела. Вы, повторяю, должны взять их в работу. Видимо, вы сами их там на местах побаиваетесь. Чего бояться, бейте их, ломайте им хвосты... Что они, особая часть партии, что ли? Нажмите на них, заставьте их работать»[154].

Однако усилиями одних лишь местных партийцев ситуацию было не исправить. Требовалось, чтобы важностью задач, стоящих перед партийными организациями, прониклось также руководство НКВД в Москве, а расшевелить его мог только один человек — Сталин.

«При проверке партдокументов... — вспоминал позднее Ежов, — мы много выявили врагов и шпиков разных мастей и разведок. Об этом мы сообщали в ЧК [так, по старинке, Ежов называет НКВД], но там почему-то не производили арестов. Тогда я доложил Сталину, который, вызвав к себе Ягоду, приказал ему немедленно заняться этими делами. Ягода был этим очень недоволен, но был вынужден производить аресты лиц, на которых мы дали материалы»[155].

Результатом полученных от Сталина указаний стало совместное письмо Ягоды и Ежова всем начальникам республиканских, краевых и областных управлений НКВД, секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. О его содержании можно судить по обнаруженному в архиве проекту этого послания. В нем руководителям региональных управлений НКВД предписывалось оказывать всемерную помощь местным партийным комитетам в проведении проверки партийных документов. С этой целью вызывающие подозрение коммунисты должны были включаться в агентурную и следственную разработку, а при необходимости — подвергаться аресту с последующим тщательным расследованием деятельности и связей выявленных таким образом шпионов, бывших белогвардейцев и т.д.

Каждому управлению НКВД предлагалось выделить специальных сотрудников, которые осуществляли бы взаимодействие с представителями партийных комитетов, проводящих проверку. Данную работу следовало рассматривать как важнейшую задачу органов госбезопасности, и о всех проводимых в связи с этим мероприятиях предлагалось регулярно сообщать в Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД[156].

Нельзя сказать, что после этого все пошло совсем уж гладко и без помех, но прогресс был налицо. В своем письме, направленном в конце сентября отдыхающему в Сочи Сталину, Ежов так обрисовал сложившиеся к этому времени взаимоотношения партийных комитетов и

органов НКВД в деле разоблачения проникших в партию врагов народа:

«К сожалению, НКВД до последнего времени стоял в стороне от этого дела. Само собой разумеется, что аппаратом только наших организаций раскрыть до конца эту сволочь невозможно. Проверка дает только зацепку, а органы НКВД должны раскопать дело до конца. Только за последние месяцы мне удалось их оперативно втянуть в эту работу, и это уже начинает давать свои результаты. Люди, кажется, начинают понимать, что проверка дает им огромную возможность преодолевать недостатки в своей работе в части выявления врагов. Если бы Вы ничего не имели против, я хочу сговориться с Аграновым и собрать небольшое оперативное совещание по преимуществу центральных работников НКВД, разобрать все факты, [касающиеся] обнаруженных в партии шпионов, троцкистов и т.п., с тем чтобы соответствующим образом проинформировать людей и направить их на поиски троцкистских и шпионских образований. Думаю, что такое инструктивное совещание было бы во всех отношениях полезно»[157].

Проблемы, возникающие вокруг репрессирования коммунистов, поставили партийные комитеты перед необходимостью подключиться к существующей в стране карательной системе и взять на себя часть ее функций. Дело было новое, незнакомое, и Ежову приходилось подробно инструктировать местных работников по всему кругу возникающих вопросов.

Вот, например, фрагмент выступления Ежова на совещании заведующих отделами руководящих партийных органов и секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, состоявшемся **26** сентября **1935** г.:

«*Ежов*. Какое разделение труда и какие взаимоотношения должны нормально складываться [между партийными комитетами и органами НКВД во время проверки партийных документов]?... Вы натыкаетесь на жулика, на авантюриста, на мерзавца, шпиона и т.д. У вас есть некоторые основания подозревать. Вы это дело завершаете, а дальше надо передавать этого человека в органы Наркомвнудела.

Голос с места. А прокурор не всегда дает санкцию.

Ежов. Вы настоящий бюрократ, вы извините меня, но так, как в Восточной Сибири проверяете, проверка показывает, что у вас прокурор хозяин, а не вы. Может быть, прокурору поручим проводить проверку, так и, пожалуйста, скажите. Крайком не может добиться, чтобы прокурор дал санкцию — чепуху говорите. И, во-вторых, не прокурор дает санкцию на арест члена партии, а секретарь крайкома. Секретарь крайкома согласовывает с Наркомвнуделом, кого арестовать. Если вы боитесь ответственности, перепоручим прокурору. Если вы хотите, чтобы арестовали члена партии, неужели вы не добьетесь этого дела?

Вы разоблачили... и передаете органам Наркомвнудела, и ваше дело и, в особенности, органов Наркомвнудела доработать этого человека до конца. Сейчас что делаете: взяли исключили человека и считаете дело законченным, [а] я думаю, что дело далеко не закончено. Для нас интересно знать, как этот человек попал в партию, при каких обстоятельствах и что этот человек наделал, может быть, этот человек не один, а за ним целая организация — это дело органов Наркомвнудела. Вы должны свою работу построить таким образом с органами Наркомвнудела, чтобы был повседневный полный контакт, чтобы [когда] вы обнаружили такого человека — давайте прорабатывать: он представляет интерес, он даст много — тогда дело двинется по-настоящему вперед»[158].

Но вот исключили коммуниста из партии, арестовали его, что дальше? У Ежова был ответ и на этот вопрос:

«Какие меры пресечения должны быть... Есть такая категория людей, которых не станешь судить, например, троцкисты, бывшие эсеры, бывшие меньшевики, зиновьевцы. Я называю категорию политических наших противников. Их судить незачем...[их] нужно будет направлять в органы НКВД на Особое совещание, три-пять лет давать, высылать, то есть это будет действеннее и оперативнее и лучше. Надо решить прямо эти дела, без всяких судов. А то на Украине заседали суды, выносили прямо смехотворные вещи. Я прочитал ряд приговоров... Судили его за то, что он при вступлении в партию скрыл свое кулацкое происхождение, и дали ему пять лет. На кой черт нам это нужно? Считаете нужным высылать кулака, считаете, что это сволочь, — высылайте его...»[159].

К сентябрю **1935** года основные вопросы, связанные с проверкой партийных документов, были уже решены, и Сталин пришел к выводу, что в течение некоторого времени сможет обойтись без Ежова, который с таким усердием боролся с врагами, что, если не дать ему как следует отдохнуть, легко мог подорвать свое, и без того не слишком крепкое, здоровье. Дел впереди хватало, и здоровье нужно было расходовать экономно.

«Вам надо поскорее уходить в отпуск — в один из курортов СССР или за границу, как хотите или как скажут врачи, — убеждал Сталин Ежова в своем письме из Сочи от 10 сентября — Как можно скорее в отпуск, если не

хотите, чтобы я поднял большой шум»[160].

19 сентября Политбюро ЦК ВКП(б), приняв к сведению эти пожелания вождя, постановило представить Ежову двухмесячный отпуск и направить его для лечения за границу.

Так Ежов снова очутился в венской клинике профессора Ноордена. Оттуда он поехал на хорошо знакомый ему курорт Мерано в Итальянских Альпах, после чего его передвижения начинают приобретать черты трансъевропейского турне. Из Мерано Ежов отправился в Париж, затем на присланном за ним автомобиле Полномочного представительства СССР в Италии проехал в Рим, поездом вернулся в Вену и уже по дороге домой на один день остановился в Варшаве.

Трудно поверить, что все эти перемещения осуществлялись лишь в связи с рекомендациями врачей, а не преследовали какие-то иные, более общественно значимые, цели. Но, как бы там ни было, благодаря такому не совсем обычному путешествию по Европе, Ежов смог не только поправить здоровье, но и получить массу новых ярких впечатлений. В начале декабря **1935** года он вернулся наконец в Москву и со свежими силами принялся за подготовку к пленуму ЦК, на котором намечено было рассмотреть первые результаты продолжающейся уже полгода проверки партийных документов.

В повестку дня состоявшегося **21-25** декабря пленума ЦК ВКП(б) были включены два пункта: «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением» и «Итоги проверки партийных документов». Выступая с докладом по второму вопросу, Ежов сообщил, что на **1** декабря **1935** г. проверку прошли уже **1** млн. **916** тысяч коммунистов (**81,1%** от их общего числа), при этом исключено из партии было **175** тысяч человек, в том числе **1788** шпионов или имеющих связь со шпионами, **35 777** бывших белогвардейцев и кулаков, скрывших свое прошлое при вступлении в партию, **5507** бывших троцкистов, зиновьевцев и т.д.

> «Пришлось, — заявил Ежов, — применять и более жесткие меры в отношении части коммунистов, т.е. одновременно с разоблачением их применять и аресты»[161].

Разоблачить, по словам Ежова, удалось не только врагов-одиночек, но и более ста враждебных организаций и групп, а всего арестовано было свыше **15** тысяч бывших коммунистов. Показав на конкретных примерах, как в различных парторганизациях выявляли врагов партии и народа, Ежов в конце своего выступления сказал:

> «Мы живем в эпоху исключительных успехов. Жизнь стала веселее и радостнее — это верно, но в этих радостях, товарищи, не надо забывать о большевистской бдительности! Мы можем радоваться нашим успехам, можем веселиться, успехи наши совершенно исключительны, но, если мы потеряем большевистскую остроту и бдительность, эту радость будет омрачать нам своими мелкими пакостями классовый враг»[162].

Выступая в прениях, участники заседания дополнили приведенные Ежовым факты множеством примеров, иллюстрирующих проникновение в партию врагов народа и иностранных шпионов. Некоторые из выступающих, упоминая о работе возглавляемого Ежовым Отдела руководящих партийных органов, заявляли, что учились у своих московских коллег, как надо работать, или жалели, что не сумели полностью взять на вооружение стиль работы ОРПО, иначе дела пошли бы у них несравненно лучше

* * *

Проверкой партийных документов Ежов занимался не только как заведующий Отделом руководящих партийных органов, но и как председатель Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). На эту должность он был назначен **28** февраля **1935** г., после того как прежний руководитель КПК Л.М. Каганович был утвержден народным комиссаром путей сообщения.

Пост председателя КПК предоставлял дополнительные возможности для выявления «врагов», проникших в партию, в различные государственные предприятия и учреждения.

Представление об этой стороне деятельности Ежова дают фрагменты опубликованных дневниковых записей А.Г. Соловьева, в то время научного сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики, несколько раз встречавшегося с Ежовым по служебным делам:

> «*5 марта 1935 г.* Вызывался в ЦК к Бауману*... От него узнал, что закончившийся пленум ЦК... председателем КПК утвердил секретаря ЦК Ежова. На мой вопрос, что за причина такого быстрого выдвижения Ежова, ведь до недавнего времени совсем не было известно его имя, Бауман

улыбнулся, говорит, он показывает себя очень твердым человеком с огромным нюхом. За него горой Каганович. Очень доверяет и т. Сталин.

25 марта 1935 г. Вместе с Варгой** и Войтинским*** нас вызывали в ЦК к Бауману. Он провел к Жданову**** где был и Ежов, такой низкорослый, щуплый. Жданов задал вопрос, как мы оцениваем свой научный аппарат. Варга ответил, что аппарат очень квалифицированный. Большинство — это либо политэмигранты, либо работавшие в наших заграничных организациях. Мировое хозяйство в целом и по отдельным странам знают очень хорошо. Ежов насмешливо заметил, почему в таком квалифицированном аппарате свободно гнездились и, наверное, гнездятся враги народа. Он сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей. Но Войтинский резко прервал его. Выходит, ему, коммунисту с 1912 г. и по заданию ЦК много работавшему советником в борющейся компартии Китая, и Варге, честно выполняющему поручения ЦК, как политэмигранту тоже нет доверия? Это же грубое оскорбление. Но Жданов вмешался, удержал ссору, сказал, что произошло недоразумение. Однако события, связанные с убийством Кирова, заставляют партию повысить бдительность ко всем без исключения. Ежов опять добавил, что тов. Сталин учит: бдительность требует обязательного выявления антипартийных и враждебных элементов и очищает от них. Это надо твердо помнить. Мы ушли удрученные.

* Бауман К.Я. — заведующий Планово-финансово-торговым отделом ЦК ВКП(б), в дальнейшем — зав. Отделом науки.
** Варга Е.С. — директор Института мирового хозяйства и мировой политики.
*** Войтинский Г.Н. — секретарь партбюро того же института.
**** Жданов А.А. — секретарь ЦК ВКП(б).

25 июня 1935 г. Встретил Тер-Арутюнянца. Он работает в КПК... Очень неодобрительно отзывается о председателе КПК Ежове. Груб, упрям, поверхностный, подозрителен, мелочный. Хватает за всякое слово, используя для обвинения.

14 сентября 1935 г. Вместе с Варгой и Войтинским нас вызывал Ежов. Щуплый, несколько суетливый и неуравновешенный, он старался держаться начальственно. Он сказал, что мы должны помогать ему в раскрытии контрреволюционного подполья. Варга возразил, что мы научная организация, а не охранный орган. У нас нет ничего общего с охранными и следственными органами. Ежов нервно напомнил, что наш институт наполнен темными личностями, связанными с заграницей, значит, тесно связан с органами охраны, вылавливающими шпиков и заговорщиков. Варга возмутился, сказал, что институт никогда не будет разведывательным филиалом, просил не мешать заниматься научной работой. Ежов рассердился и потребовал представить секретные характеристики на каждого сотрудника с подробным указанием его деятельности и связей с заграницей. Мы ушли с угнетенным настроением.

20 марта 1936 г. Нас вызывали... в НКВД к начальнику отдела Грязнову. Он стал расспрашивать о сотрудниках. Варга возмутился, сказал, что нас мало интересуют биографии, мы оцениваем [сотрудников] по результатам научной работы. Грязнов ответил, что считает наш институт сильно засоренным чуждыми людьми и [что институт] нуждается в расчистке. Варга запротестовал. Грязнов предложил нам пойти к Ежову. Передал, что Варга считает НКВД помехой в работе и защищает аппарат. Ежов рассердился, сказал, что мы забываем призывы великого вождя и учителя гениального Сталина к высокой бдительности. Что мы не понимаем и недооцениваем таящейся в нашем институте контрреволюционной опасности. Среди сотрудников — эмигрантов и бывших за границей, наверное, имеются завербованные американской, английской, французской и др. контрразведками и [агенты] фашистского гестапо. Ежов приказал немедленно представить на каждого всестороннюю характеристику и особый список близко соприкасавшихся с Зиновьевым, Каменевым, Сафаровым, Радеком, Бухариным*. Мы ушли удрученные.

* Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.И. Сафаров, К.Б. Радек и Н.И. Бухарин являлись, помимо прочего, еще и научными сотрудниками Института мирового хозяйства и мировой политики. Первые трое к этому времени находились в заключении, а Радек и Бухарин оставались на своих постах и, скорее всего, даже не подозревали, что на лиц из их ближайшего окружения уже заводятся особые списки.

21 марта 1936 г. Варга вместе со мной и Войтинским ходили к Бауману с жалобой на Ежова — отвлекает от научной прямой работы. Бауман... повел к Жданову. Узнав суть жалобы, Жданов позвонил тов. Сталину. Мы перепугались и раскаивались, но было поздно. Скоро пришел тов. Сталин. Спросил Варгу, чем его обидел Ежов. Варга ответил: ничем, но требует не свойственной институту работы. Тов. Сталин нахмурился, но спокойно объяснил. Вероятно, Варга не представляет всей трудности работы Ежова, от этого — недоразумения. Он сказал, что Варга, несомненно, большой уважаемый ученый... его очень ценят, но он недостаточно ясно понимает всю сложность современной внутриполитической обстановки и чрезмерно доверчив. А от этого выигрывает враг. Мы ушли, поняв, что надо выполнять требования Ежова»[163].

К началу **1936** года работа по проверке партийных документов была практически завершена, и **4** февраля решением Политбюро Ежов, успешно выполнивший поставленную перед ним задачу, был освобожден от обязанностей заведующего Отделом руководящих

партийных органов. Новым начальником Отдела был назначен его заместитель Г.М. Маленков, под руководством которого проводилась последовавшая за проверкой партийных документов кампания по их обмену. Ей тоже была придана форма чистки, правда, в этот раз внимание обращалось, главным образом, на пассивных коммунистов — так называемый «балласт».

Ежова же ждала другая, не менее ответственная работа. 27 февраля 1936 года, по указанию Сталина, ему было поручено наблюдение за ходом следствия по делу арестованной органами НКВД группы бывших троцкистов, при этом он должен был не просто контролировать следственный процесс, но и непосредственно участвовать в допросах вместе с чекистами. Поручение Сталина свидетельствовало о том, какое значение он придавал данному расследованию, но одновременно — и о его неверии в способность (и желание) НКВД самостоятельно добиться необходимого результата. И надо сказать, что основания для такого рода сомнений у него, безусловно, были.

15. Надзиратель от партии

Версия о «прямой причастности заграничного центра троцкистов к организации террористической работы в СССР», озвученная Ежовым на июньском (1935 г.) пленуме ЦК ВКП(б), в последующие три месяца подверглась существенному уточнению. Выступая 25 сентября 1935 года на собрании регионального партактива с докладом о ходе проверки партийных документов, Ежов ознакомил слушателей со своими новыми мыслями на этот счет.

> «Мне кажется, — заявил он, — что троцкисты, несомненно, имеют у нас центр где-нибудь в СССР. Не может быть, чтобы заграничный центр троцкистов, сравнительно отдаленный от СССР, мало сведущий в нашей жизни, чтобы он мог настолько конкретно руководить троцкистскими организациями, которые, к нашему сожалению, сохранились у нас, которые мы считали разгромленными»[164].

Этими же соображениями Ежов тогда же поделился с отдыхающим в Сочи Сталиным. Упомянув в направленном ему письме о троцкистских группах, якобы вскрытых в ходе проверки партийных документов на Украине, в Казахстане, Иваново-Вознссенске, Красноярске и других местах, Ежов повторил свое предположение о существовании в стране законспирированного центра, осуществляющего руководство подпольными троцкистскими организациями. Подтверждением этого, с точки зрения Ежова, служило, поведение троцкистов при исключении из партии.

> «Многие из них по несколько раз исключаются из партии, не сдают партийных билетов, переезжают в другие парторганизации и там становятся на учет. Так как это применяется повсюду, совершенно очевидно, что троцкисты имеют на этот счет определенную директиву»[165].

Еще одно доказательство координации действий троцкистов из единого центра Ежов увидел в том, как замаскировавшиеся троцкисты-коммунисты протаскивают своих единомышленников в партию. Обработав какого-нибудь беспартийного рабочего в своем духе, троцкисты убеждали его в необходимости вступить в партию, обеспечивали его соответствующими рекомендациями или давали их сами.

> «Такие факты, — пишет Ежов, — обнаружены в Одессе, Иваново, на Урале и т.д. Совершенно очевидно, что здесь тоже троцкисты действовали по какой-то директиве»[166].

Получив от Сталина карт-бланш на все необходимые действия, вытекающие из его «открытия», Ежов встретился с одним из наиболее близких ему людей в руководстве НКВД, первым заместителем наркома внутренних дел СССР Я.С. Аграновым. Сообщив, что, по его мнению и по мнению Сталина, в стране существует не вскрытый до сих пор центр троцкистов, Ежов распорядился провести операцию по ликвидации троцкистского подполья в Москве, где скорее всего и должен был находиться искомый центр. О том, как события развивались дальше, Агранов рассказал в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году:

> «Я дал распоряжение о подготовке к проведению этой операции Молчанову [начальнику Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД] и довел об этом до сведения т. Ягоды. Под всевозможными предлогами и со ссылками на то, что подготовительные меры к этой операции еще не закончены, Молчанов к выполнению распоряжения не приступал. Я дал тогда указание Управлению НКВД по Московской области т. Реденсу представить справку о наличии троцкистских подпольных групп в Москве. Я получил от управления Наркомвнудела по Московской области обстоятельную справку, из которой было видно, что в Москве существует несколько десятков активных

законспирированных троцкистских групп... Ввиду того, что мое устное распоряжение не выполнялось... я отдал письменное приказание Молчанову немедленно представить мне план операции по ликвидации всех контрреволюционных троцкистских гнезд. Я этот вопрос... ставил и на оперативных совещаниях, где также присутствовали и Молчанов, и Ягода. Молчанов пытался доказать, что активно действующих троцкистов в Москве не так уж много. Я все же настойчиво предложил эту операцию провести... Молчанов после моего письменного приказания вызвал к себе ответственных оперативных работников УНКВД по Московской области и грубо выругал их за представленную мне справку, доказывая им, что никакого серьезного троцкистского подполья в Москве нет»[167].

Раздраженный позицией Молчанова, Сталин как-то в разговоре с Ягодой сравнил его с бывшим начальником ленинградского управления НКВД Ф.Д. Медведем, прозевавшим убийство Кирова. «Либо он тупица, либо подозрительный человек»[168], — заявил вождь. Однако дело было не только в Молчанове, и Сталин прекрасно понимал, что вести себя подобным образом тот мог, лишь опираясь на поддержку своего непосредственного начальника Ягоды, который, возглавляя НКВД, руководил также работой его основного подразделения — Главного управления государственной безопасности, куда входил и Секретно-политический отдел.

Не имея намерений окончательно рвать с Ягодой, которому как хорошему организатору непросто было бы подобрать замену, но желая все же продемонстрировать, к чему может привести его непослушание, Сталин в конце **1935** года поручил возглавить Главное управление госбезопасности Я.С. Агранову. Правда, это устное распоряжение не было подкреплено соответствующим решением Политбюро, поэтому после непродолжительного периода организационной неопределенности все осталось как есть, тем более, что Агранов вскоре серьезно заболел и вернулся к работе только в июне следующего года.

В конце концов, уступая давлению Сталина и Ежова, Ягода с Молчановым вынуждены были подключиться к поиску пресловутого троцкистского центра. Усилилось агентурное наблюдение за бывшими оппозиционерами, как находящимися на свободе, так и отбывающими наказание. Последних начинают активно и углубленно допрашивать, стремясь обнаружить неизвестные ранее организационные связи, а также контакты с заграницей.

В начале ноября **1935** года Секретно-политическим отделом ГУГБ НКВД от одного из бывших троцкистов, отбывающих наказание в Горьковской тюрьме, были получены сведения о якобы существующей в Горьковском пединституте крупной законспирированной троцкистской группе. Занимаясь проверкой этой информации, чекисты обнаружили среди преподавателей института одного очень интересного человека — приехавшего в СССР из Германии в июле **1935** г. по гондурасскому паспорту некоего В.П. Ольберга.

29-летний сын известного деятеля российского социал-демократического движения Пауля Ольберга (Шмушкевича) Валентин Ольберг с **1919**-го по **1927** год проживал в Риге, затем переехал в Берлин, где примкнул к местным левым организациям и вступил в компартию. Там же, в Германии, был завербован чекистами и получил задание внедриться в одну из действующих в стране троцкистских группировок и попытаться проникнуть в ближайшее окружение Л.Д. Троцкого, проживавшего в эмиграции в Турции.

Первую часть задания Ольберг выполнил, а вот вплотную приблизиться к Троцкому не сумел. После того, как он выразил желание стать секретарем Троцкого, его пригласили на собеседование, но проявленный им повышенный интерес к троцкистской оппозиции в СССР, к обстоятельствам жизни самого Троцкого показался подозрительным, и вопрос о его поездке к Троцкому отпал. Правда, с проживающим в Берлине сыном и правой рукой Троцкого Львом Седовым Ольберг контакт установил и периодически оказывал ему разные мелкие услуги: доставал нужные книги, газетные вырезки и т.д.

Весной **1931** года, в результате размежевания в среде немецких левых, группировка, в которую входил Ольберг, оказалась за бортом троцкистской организации, и его попытки снова вступить в нее успехом не увенчались.

После прихода к власти нацистов Ольбергу пришлось покинуть Германию и перебраться в СССР. Здесь он был направлен в Сталинобад (Таджикистан), где некоторое время трудился в качестве преподавателя истории в местном пединституте. Летом **1933** г. его направляют в Чехословакию, где нашли приют многие немецкие левые организации и где он был зарегистрирован как политэмигрант из Германии.

Сумев (на деньги родителей жены) добыть себе паспорт гражданина Республики Гондурас, Ольберг в дальнейшем при пересечении границы использовал именно данный паспорт. В марте **1935**-го он на несколько дней съездил по туристской визе в СССР, затем

поехал в Германию, но в июле снова отправился в СССР, где его устроили на работу преподавателем истории в Горьковский пединститут. Здесь же, в Горьком, в тресте «Союз-мука» уже некоторое время трудился его брат Павел.

Человек, всего несколько месяцев назад приехавший из-за границы, где имел контакты с троцкистами, был весьма перспективной кандидатурой на роль связника Троцкого с троцкистским подпольем в СССР. Конечно, Ольберг был «своим», но в условиях, когда задачу нахождения мифического троцкистского центра приходилось выполнять фактически уже любой ценой, им решено было пожертвовать.

5 января **1936** года Ольберг был арестован. Первое время он никак не мог понять, что произошло, хотя интуитивно уже чувствовал, что добром для него это не кончится. **27** января он пишет следователю, ведущему его дело:

> «После Вашего последнего допроса 25/1 меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, чтобы положить конец этим мукам. Но я явно не в силах возвести на себя поклеп и сказать заведомую ложь, т.е. что я троцкист, эмиссар Троцкого и т.д. Я приехал в Союз по собственной инициативе, теперь — в тюрьме уже — я понял, что это было сумасшествие, преступление. Горько раскаиваюсь в нем. Я сделал несчастными не только себя, но и жену мою, брата. Теперь я понял, до чего неправилен был мой шаг, т.е. приезд в СССР по неверным данным* и сокрытие моего троцкистского прошлого»[169].

* Имеется в виду его въезд в страну по гондурасскому паспорту.

На следующий день Ольберг пишет новое заявление: «Очень прошу вызвать меня сегодня к себе. Кроме других вопросов, я хочу назвать имена лиц, которые смогут подтвердить мою невиновность в инкриминируемом мне обвинении»[170].

Однако чекистам удалось убедить Ольберга, что единственным способом спасти себя и арестованных одновременно с ним жену и брата является сотрудничество со следствием, а не попытки доказать свою никого не интересующую невиновность...

Две недели спустя следователи уже могли занести в протокол:

> «Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым, который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным, я нелегально приехал в СССР... Седов мне сказал прямо, что нужно начинать реальную подготовку убийства Сталина, что совершение теракта изменит в корне ситуацию, и члены ЦК ВКП(б) при первых же трудностях внутри- и внешнеполитического порядка призовут к руководству страны Троцкого»[171].

Помимо Ольберга, на протяжении января-апреля **1936** года были арестованы и некоторые другие преподаватели Горьковского пединститута, как примыкавшие в прошлом к троцкистской оппозиции, так и не имевшие с ней ничего общего, а кроме того, директор института И.К. Федотов и несколько студентов. К концу апреля расследование «преступных замыслов» горьковских педагогов было практически завершено, и нарисованная под руководством чекистов картина выглядела так.

Получив от приехавшего В.П. Ольберга директиву Троцкого об организации покушения на Сталина, директор института И.К. Федотов, доцент того же института А.Х. Кантор и сам Ольберг выработали следующий план. В лаборатории института создаются метательные снаряды, начиненные взрывчаткой. Из протроцкистски настроенных преподавателей и студентов формируютс две боевые группы, которые под видом делегации студентов-отличников направляются в Москву для участия в демонстрации **1** мая **1936** года. Работающие в Москве в педагогическом институте им. А.С. Бубнова сообщники устраивают дело так, чтобы прибывшей делегации, как гостям, была предоставлена возможность пройти на правом фланге колонны демонстрантов поближе к Мавзолею В.И. Ленина и стоящим на нем руководителям партии. При прохождении Мавзолея заговорщики забрасывают его привезенными с собой бомбами, уничтожая не только Сталина, но заодно и остальных членов Политбюро, а вторая группа для отвлечения внимания устраивает в это время стрельбу на другом конце Красной площади, давая возможность бомбистам скрыться с места преступления.

В подтверждение этой версии имелись и «вещественные доказательства». Посланная Г.Г. Ягодой в Горький опергруппа ГУГБ НКВД обнаружила в шкафу лаборатории и в мастерской пединститута пять «толстостенных чугунного литья крупных оболочек, в кулак величиной, с входными нарезными отверстиями [использовались в качестве учебных пособий на занятиях

по физике], а также достаточное количество химикатов для изготовления взрывчатых веществ»[172]. Сообщая Ежову и Сталину об этих находках, Ягода указывал: «Экспертизой специалистов устанавливается, что при начинении оболочек взрывчатыми веществами бомбы представляют большую разрушительную силу»[173].

Наряду с горьковским вариантом, чекисты в начале 1936 г. активно разрабатывали еще одно перспективное направление. В феврале, в рамках проводимой облавы на бывших оппозиционеров, в Москве были арестованы уполномоченный Главлита при издательстве Всесоюзной сельхозакадемии А.И. Шемелев, сотрудник журнала «Советская торговля» И.И. Трусов и некоторые другие бывшие троцкисты. Докладывая об этом Сталину, заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев отметил, что у Трусова при обыске были обнаружены и изъяты некоторые документы Л.Д. Троцкого, относящиеся к 1927 году (несколько его рукописей, письма к нему его сторонников и т.д.). Разобраться с этим «архивом Троцкого» Сталин поручает Ежову, и ему же, как уже упоминалось, вменяется в обязанность вместе с чекистами участвовать в допросах арестованных.

Полученное Ежовым задание, на первый взгляд, подразумевало его участие лишь в допросах, имеющих отношение к найденному «архиву». Однако, в действительности, под контролем Ежова оказался весь ход дальнейшего масштабного расследования, вышедшего далеко за пределы первоначально обозначенных рамок, и в процессе этой работы ему удалось приобрести знания и навыки, весьма пригодившиеся на следующем этапе его карьеры.

Выясняя происхождение «архива», чекисты вышли на А.Н. Сафонову — бывшую жену одного из видных деятелей большевистской партии, а затем и троцкистской оппозиции И.Н. Смирнова. Сафонова и сама была известной троцкисткой, время от времени по этому поводу арестовывалась, и в 1932 году решила для лучшей сохранности передать имевшиеся у нее документы на хранение Трусову, где их и нашли.

Ее муж, И.Н. Смирнов, был тем человеком, которого вполне можно было представить в качестве руководителя «троцкистского центра в СССР». Правда, чекисты этой возможностью в свое время уже воспользовались, и по этой причине И.Н. Смирнов с апреля 1933 года находился в Суздальском политизоляторе, обвиненный в создании подпольной, широко разветвленной и глубоко законспирированной троцкистской организации, имеющей филиалы в различных городах страны, а также в Госплане, Наркомате тяжелой промышленности и других государственных учреждениях. Смирнов был приговорен тогда к пяти годам лишения свободы, остальные восемьдесят с лишним человек — к трем годам заключения или ссылки.

Но в конце концов, рассудили чекисты, ничто не мешает Смирнову руководить своими единомышленниками и из тюрьмы, особенно учитывая существующий в политизоляторах довольно либеральный режим содержания.

На то, чтобы добиться от арестованных троцкистов соответствующих показаний, ушло сравнительно немного времени, и к началу апреля 1936 года у чекистов уже имелись «признания» и о контактах за границей с сыном Троцкого, и о террористических намерениях в отношении Сталина, правда, сам Смирнов, в отличие от своих новых «сообщников», держался твердо и ни на какие серьезные уступки не шел. Кроме того, никак не удавалось совместить данное направление с горьковским (не было точек соприкосновения), и они продолжали существовать каждое само по себе, опровергая тем самым версию о едином центре.

Тем временем некоторые из арестованных, не вполне понимая, чего от них хотят, но желая угодить следователям (которые, впрочем, и сами не всегда понимали, чего от них хочет руководство), начали в своих показаниях упоминать о якобы существующем блоке между бывшими троцкистами и зиновьевцами, которые будто бы снова, как в 1927 г., объединились для совместной борьбы против лидеров партии. Руководящий центр этого мифического блока разными подследственными определялся по-разному, но чаще всего назывались фамилии: от зиновьевцев — Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.П. Бакаева, а от троцкистов — И.Н. Смирнова и С.В. Мрачковского. Это были отголоски тех разговоров, которые велись в 1932 г., когда, в результате начавшегося во многих регионах голода и связанных с ним антиправительственных выступлений, стали вполне очевидными последствия проводимого в стране политического курса, и появилась надежда, что, может быть, теперь, объединившись, удастся каким-нибудь образом избавиться от сталинской клики. Ничего конкретного в этом направлении сделано не было, тем более что в конце 1932-го — начале 1933 года Каменев и Зиновьев были отправлены в ссылку, а Смирнов и Мрачковский — в тюрьму. И вот теперь в следственных протоколах идея объединения

оппозиции четырехлетней давности начала обретать новую жизнь, на этот раз виртуальную.

По мере того, как в круговорот следствия вовлекались все новые и новые люди, расширялась и тематика показаний. В конце мая **1936** г. от арестованных Управлением НКВД по Ленинградской области сотрудников ленинградского отделения Академии наук были получены «сведения» об участии лидеров бывшей зиновьевской оппозиции в убийстве С.М. Кирова. Как уже говорилось, на состоявшихся в декабре **1934**-го — январе **1935** года процессах по делу «ленинградского» и «московского» центров доказать их причастность к убийству руководителя ленинградских коммунистов не удалось, но теперь ситуация стала, наконец, «проясняться».

Все началось с того, что в начале **1936** года ленинградские чекисты пришли к выводу о существовании среди местных ученых контрреволюционной организации, состоящей из бывших зиновьевцев. Запросили санкцию Москвы на проведение арестов, но там, похоже, сочли представленные доказательства недостаточно убедительными, кроме того, заниматься бывшими зиновьевцами в разгар охоты на троцкистов никому не хотелось, так что инициатива ленинградцев поддержки в центральном аппарате не получила. Однако те продолжали настаивать, и в конце концов Ягода пошел им навстречу. В последних числах марта и в апреле **1936** г. были арестованы заместитель директора Института антропологии А.А. Бусыгин, помощник академика-секретаря отделения Академии наук в Ленинграде С.Н. Седых, ученый секретарь Института истории науки и техники Я.М. Урановский и некоторые другие научные работники. В начале мая **1936** г. от А.А. Бусыгина удалось получить признательные показания, согласно которым он являлся членом контрреволюционной организации, созданной в свое время бывшим заместителем заведующего планово-организационным сектором Академии наук Н.А. Каревым. Последний в апреле **1933** года был осужден на **3** года по делу «антипартийной группы правых» («бухаринская школа»), после чего организацию будто бы возглавил заместитель председателя Монгольского и Тихоокеанского комитетов АН СССР М.Н. Яковлев. В декабре **1934**-го после убийства Кирова и он был арестован, но организация, как «выяснили» чекисты, не распалась, а продолжала существовать вплоть до последнего времени. В ходе последующих допросов Бусыгин назвал многих своих «сообщников» из числа работников академических учреждений Ленинграда и рассказал, что главной задачей организации было устранение методами террора партийного руководства страны. В частности, в **1934** году организация по поручению одного из лидеров бывшей зиновьевской оппозиции, И.П. Бакаева, тоже якобы готовила покушение на С.М. Кирова. Директивы тогдашнему руководителю организации М.Н. Яковлеву Бакаев давал будто бы от имени подпольного троцкистско-зиновьевекого центра, который готовил также и убийство Сталина, для чего в разных городах страны создавались боевые террористические группы.

Получив показания на М.Н. Яковлева еще от нескольких «членов организации», чекисты взяли в работу его самого, и на допросе **27** мая **1936** года им были сделаны «признания», существенно повлиявшие на ход всего дальнейшего расследования. Яковлев сообщил, что в июне **1934** г. он встречался с приезжавшим в Ленинград Л.Б. Каменевым и получил от него директивы относительно дальнейшей контрреволюционной работы.

> «Каменев передал мне решение центра об организации борьбы против руководителей ВКП(б) и правительства путем террора. Он спросил, как я отношусь к этому, и, получив мой положительный ответ, сделал прямое предложение о необходимости подготовки теракта над Кировым, сообщив одновременно, что в Москве организацией подготовляется покушение на Сталина»[174].

По словам Яковлева, Каменев будто бы сообщил ему, что подготовка убийства Кирова параллельно ведется также группой Румянцева-Котолынова (которая его якобы в конце концов и совершила) и группой, возглавляемой бывшим секретарем Зиновьева Н.М. Моториным. Сам Яковлев, в свою очередь, будто бы сообщил Каменеву об объединении своей группы с троцкистской группой, руководимой заместителем председателя ленинградского отделения Коммунистической академии Г.С. Зайделем, «на основе признания террора как единственного метода борьбы против руководства партии». «Каменев сказал, что объединение зиновьевской организации, возглавляемой мною, с троцкистской группой Зайделя полностью соответствует установкам московского центра зиновьевской организации. Тогда же Каменев сообщил мне, что в Москве на этой же основе террористической борьбы против партийного руководства зиновьевский центр давно уже объединился с троцкистской организацией Смирнова-Мрачковского. Каменев сказал, что в объединенный центр зиновьевско-троцкистской организации входят Зиновьев, он, Каменев, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский»[175].

Допрошенный на следующий день после Яковлева бывший директор Института антропологии и этнографии Н.М. Моторин подтвердил, что по поручению И.П. Бакаева его группа вела в **1934** году подготовку убийства Кирова (наряду с группами Румянцева-Котолынова и Яковлева) и что, со слов Бакаева, ему известно об объединении в Москве троцкистов и зиновьевцев в один блок для совместной борьбы методами террора с руководством ВКП(б).

Направляя **1** июня **1936** г. Сталину и Ежову протоколы допросов ленинградских научных работников, Ягода в сопроводительной записке указывал:

> «Этими допросами вскрыты новые, ранее не известные данные по делу об убийстве тов. Кирова, о роли т.н. московского контрреволюционного зиновьевского центра, и особенно Каменева, Зиновьева и Бакаева, в подготовке теракта над тов. Сталиным и организации убийства тов. Кирова» [176].

Хотя Ягода и переслал ленинградские протоколы Сталину и Ежову, сам он, судя по всему, в них не поверил и дальнейшее расследование пытался вести таким образом, будто бы этих протоколов и не существовало. Но этого ему сделать не позволили.

1-4 июня **1936** года проходил очередной пленум ЦК ВКП(б). Обсуждался проект новой конституции, а также вопросы уборки урожая и заготовки сельхозпродукции. Вечером **3** июня на закрытом заседании пленума его участники заслушали сообщение Ягоды о проводимом органами НКВД расследовании. Стенограмма заседания не велась, и судить о том, что происходило за закрытыми дверями, можно лишь по чрезвычайно скупым и отрывочным воспоминаниям некоторых участников. Из этих воспоминаний следует, что, докладывая об имеющихся на тот момент результатах следствия, Ягода будто бы сделал вывод, что непосредственной связи с Троцким представители троцкистского подполья в СССР не имели, то есть действовали автономно. Кроме того, в своем выступлении Ягода не упомянул о ленинградских протоколах, и это пришлось сделать Сталину, который, выступив вслед за ним, зачитал наиболее важные места из показаний ленинградских ученых. Сталин, в противоположность мнению Ягоды, высказался в том духе, что за действиями троцкистов внутри страны явно чувствуется рука Троцкого и что необходимо поймать его за эту самую руку[177].

Противостояние между Сталиным и Ягодой, если все происходило именно так, как описано выше, можно рассматривать как водораздел между прежним подходом к расследованию деятельности «троцкистского подполья в СССР» и новым, наметившимся после появления ленинградских протоколов. В отличие от Ягоды, рассматривавшего следственные материалы прежде всего с точки зрения их достоверности, Сталин подходил к делу с политическими мерками, а здесь все выглядело совершенно иначе. Впервые за прошедшие после убийства Кирова полтора года появилась реальная возможность возложить не морально-политическую, а прямую ответственность за это преступление на лидеров бывшей зиновьевской оппозиции. Кроме того, весьма перспективной в этих условиях становилась идея троцкистско-зиновьевского блока, рассматривавшаяся до сих пор в качестве вспомогательного варианта. Изобразив убийство Кирова как совместную акцию зиновьевцев и сблокировавшихся с ними троцкистов, можно было через троцкистов пристегнуть к этому громкому преступлению и самого Троцкого. Ну а для большего политического эффекта дело о преступлениях банды троцкистско-зиновьевских убийц имело смысл рассмотреть в открытом судебном заседании с привлечением советской и международной общественности, широким освещением в печати и т.д.

В отличие от Сталина, руководство НКВД к идее открытого процесса относилось примерно так, как плохо успевающий ученик относится к предстоящим экзаменам. Одно дело — провести обвиняемых через собственное Особое совещание при НКВД или через закрытое заседание Военной коллегии Верховного Суда, и совсем другое — доказывать их виновность на глазах у всего мира, когда каждая неточность, нестыковка или подтасовка сразу же обратят на себя внимание и будут использованы для компрометации всей проделанной работы.

Впрямую повлиять на позицию Сталина в отношении открытого судебного процесса чекисты, конечно, не могли, но, пока вождь окончательно не определился в своем намерении, надежда, что как-то исподволь его удастся все-таки переубедить, еще оставалась.

После июньского пленума разработка версии троцкистско-зиновьевского террористического блока активизировалась. **5** июня **1936** года начальник ленинградского УНКВД Л.М. ЗаковскиЙ и руководитель Секретно-политического отдела того же УНКВД Г.А

Лупекин допросили доставленного в Ленинград Н.А. Карева (по версии следствия — предшественника М.Н. Яковлева на посту руководителя ленинградской террористической организации). В ходе допроса Карев показал, что в августе 1932 г., находясь в Москве, он побывал на даче Каменева и Зиновьева в Ильинском и встречался там с Зиновьевым и другими видными деятелями бывшей зиновьевской оппозиции.

> «Зиновьев сообщил, что, на основе признания террора основным средством борьбы с существующим партийным руководством, центром установлен контакт с руководителями троцкистской организации в Союзе Иваном Никитичем Смирновым и Мрачковским и что есть решение объединенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде... Мне Зиновьев предложил... подбирать из руководимой мною в Академии наук в Ленинграде организации людей, способных осуществить террористический акт над Кировым»[178].

Далее Карев сообщил, что о созданной им в Ленинграде контрреволюционной организации знал также Н.И. Бухарин, который бывал на «сборищах участников организации при антипартийных и контрреволюционных разговорах»[179]. В свою очередь Каменев, продолжал Карев, «очень интересовался настроениями Бухарина и рекомендовал мне поддерживать с ним близкие отношения»[180].

Появление в протоколах имени Бухарина Ягоде очень не понравилось. И дело было не только в очевидной недостоверности этих сведений — остальные показания в этом смысле мало чем отличались в лучшую сторону. Но в свое время Ягода был близок к лидерам правой оппозиции (особенно к А.И. Рыкову), и дальнейшее развитие данной темы могло рано или поздно затронуть его самого. Ленинградским чекистам было рекомендовано сосредоточиться на главном направлении расследования, не отвлекаясь на второстепенные сюжеты, и на некоторое время вопрос о Бухарине был снят с повестки дня.

19 июня 1936 года Ягода предпринял попытку закрыть тему публичного процесса, пока эта идея не овладела Сталиным окончательно. В свое время, за три месяца до описываемых событий, докладывая вождю о ходе работы по ликвидации «троцкистского подполья», он внес предложение: через Особое совещание при НКВД отправить в дальние лагеря сроком на пять лет всех находящихся в ссылке троцкистов, «ведущих активную работу», и троцкистов, исключенных из партии в ходе последней проверки партийных документов. Тех же, кто обвиняется в подготовке террористических актов, — судить по закону от I декабря 1934 г. и расстрелять. Сталин вроде бы не возражал и поручил Ягоде с Вышинским по окончании следствия над троцкистами, уличенными в причастности к террору, представить ему на утверждение их список.

Начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанов такой список составил, Ягода его подписал, после чего документ был передан на согласование Ежову. Однако тот, считая, что следствие еще не закончено и точку ставить рано, визировать его не спешил. Предпринятая некоторое время спустя еще одна попытка Ягоды подвести черту также закончилась неудачей. И вот, наконец, 19 июня 1936 г. разросшийся до 82 фамилий список кандидатов на ликвидацию попал на стол к вождю. 46 человек, включая И.Н. Смирнова, а также московских и горьковских троцкистов, предлагалось судить Военной колегией Верховного Суда в Москве, а ленинградцев и украинцев (последние якобы готовили теракты в отношении руководящих деятелей Украины) — на выездных сессиях в Ленинграде и Киеве. Несмотря на то, что ленинградскую группу представляли в основном бывшие зиновьевцы, Ягода всех, включенных в список, именовал без разбора участниками контрреволюционной троцкистской организации.

Конечно, проигнорировать полученные к этому времени показания о Каменеве и Зиновьеве было невозможно, поэтому Ягода рекомендовал их тоже предать суду Военной коллегии.

Таким образом, не принимая во внимание уже имеющиеся к этому времени следственные материалы о якобы существующей объединенной троцкистско-зиновьевской террористической организации, Ягода предлагал судить руководителей зиновьевской организации отдельно от троцкистов и даже от рядовых зиновьевцев; самих троцкистов разделить на группы и судить в разных местах, их руководителем считать одного лишь И.Н. Смирнова, и, самое главное, все судебные процедуры, в соответствии с законом от 1 декабря 1934 г., провести в закрытом режиме.

Такой подход поддержки у вождя не нашел. Понимая, что с проведением открытого суда Ягода боится не справиться и что на его деятельную помощь в этом вопросе рассчитывать не приходится, Сталин дал поручение Ежову взять ход расследования под свой личный контроль и, в первую очередь, добиться получения конкретных данных о ведущей роли

Троцкого в подготовке терактов против руководителей партии и государства. Конечно, Ежов и до этого наблюдал за следственными мероприятиями в соответствии с решением Политбюро от **27** февраля, но теперь он получил возможность не только наблюдать, но и активно вмешиваться в процесс, чем и не замедлил воспользоваться.

Сначала Ежов решил, что будет давать указания чекистам на оперативных совещаниях, проводившихся Г.А. Молчановым, но тут как раз после длительной болезни вернулся и приступил к работе первый заместитель Ягоды Я.С. Агранов, и Ежов решил действовать через него.

К этому времени Управлению НКВД по Московской области, которое тоже было задействовано в расследовании, удалось получить от арестованных в конце мая **1936** г. видных троцкистов Е.А. Дрейцера и И.С. Эстермана важные показания, позволяющие придать следствию новый импульс. Дрейцер, являвшийся в **1927** г., в период активного противостояния оппозиции со Сталиным, начальником созданной троцкистами личной охраны Троцкого, в **1928** г. исключался из партии, затем был в ней восстановлен и работал на разных хозяйственных должностях (перед арестом — заместителем директора завода «Магнезит» в Челябинской области). На допросе **11** июня он «признался», что является руководителем созданной в **1929** г. по указанию И.Н. Смирнова нелегальной троцкистской организации, имеющей свои ячейки на многих предприятиях, в частности в Москве. В конце допроса Дрейцер пообещал в следующий раз рассказать о своих организационных связях с троцкистами в Сибири, на Урале и Украине.

На следующий день был допрошен И.С. Эстерман, являвшийся, по словам Дрейцера, его правой рукой в деле руководства подпольной организацией, и тот дополнил рассказ своего «руководителя» многими интересными деталями, например, такой: «Дрейцер меня информировал... о том, что троцкистский центр в СССР поддерживает тесную связь с заграничным троцкистским центром»[181]. Эстерман сообщил, что во время пребывания в служебной командировке в Берлине в **1931** году Дрейцер будто бы встречался там с сыном Троцкого Львом Седовым и что приезжавшая к Дрейцеру в **1934** году из Польши сестра, скорее всего, была связующим звеном между ним и Троцким.

> «После ее приезда Дрейцер мне говорил... что троцкистский заграничный центр активизирует работу на СССР, и с его слов было понятно, что он располагает последними, данными о Троцком и о его работе на СССР. Кроме того, Дрейцер мне передал последние установки Троцкого... Он мне говорил о том, что Троцкий в одном из своих документов ставит вопрос о физическом устранении руководства партии, в частности Сталина»[182].

Пригласив Я.С. Агранова к себе на дачу, подальше от посторонних глаз, Ежов объяснил ему ситуацию. Агранову предстояло выбрать, либо он берет сторону Ягоды и разделяет тогда с ним всю ответственность за возможные последствия, либо он принимает правильное решение, становится помощником Ежова и, преодолевая сопротивление Молчанова и Ягоды, помогает вывести следствие на финишную прямую. После того, как Агранов предпочел выбрать правильное решение, Ежов поручил ему отправиться в Московское управление НКВД, лично допросить Дрейцера и всех, кого будет необходимо, и добиться конкретных показаний, изобличающих Троцкого и руководителей так называемого троцкистско-зиновьевского блока.

23 июня **1936** года Агранов и взятые им в помощники заместитель начальника УНКВД по Московской области А.П. Радзивиловский, начальник Секретно-политического отдела областного управления Г.М. Якубович и его заместитель П.Ш. Симановский приступили к допросу Дрейцера, и полученные несколько часов спустя результаты оправдали все их ожидания.

Дрейцер показал, что в середине **1934** г. один из руководителей троцкистского подполья в СССР, С.В. Мрачковский, будто бы сообщил ему, что в соответствии с директивой, полученной от Троцкого, следует приступить к подготовке терактов против руководителей партии и правительства, для чего необходимо создать крепкие боевые группы из надежных людей. Одну из таких групп, с задачей организовать покушение на Сталина и наркома обороны СССР Ворошилова, Троцкий якобы поручил организовать самому Дрейцеру.

Поскольку чекистам, видимо, хотелось использовать и приезд к Дрейцеру в октябре **1934** г. его сестры из Польши, пришлось придумывать еще одну директиву Троцкого на ту же тему, полученную несколько месяцев спустя после первой. В изложении Дрейцера это выглядело так. Перед отъездом сестры из Варшавы к ней приехал связник от Льва Седова и попросил отвезти брату в СССР немецкий журнал. Дрейцер, знавший, что таким способом может быть передано секретное послание, написанное симпатическими чернилами, тщательно журнал

обработал и на последней странице якобы обнаружил написанное хорошо знакомым ему почерком послание Троцкого за подписью «Старик». Текст гласил:

> «Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства»[183].

Письмо будто бы заканчивалось указанием информировать его автора о ходе работ по выполнению этих установок.

Конечно, скептики могли бы сказать, что никакой войны в **1934** г. не предвиделось, ячейки в армии троцкисты могли создавать и не дожидаясь каких-то специальных указаний, а распоряжение о подготовке убийства Сталина и Ворошилова Троцкий, как следовало из предшествующих показаний Дрейцера, направил в СССР еще несколько месяцев назад, и всех, кого нужно, давно уже должны были оповестить. Но рассчитано было не на скептиков, а на Сталина, а у него никаких претензий не возникло, так что теперь в распоряжении следователей почти что был документ, написанный рукой Троцкого, призывающий к убийству руководителей СССР и к пораженчеству в военное время. Вернее не сам документ, а воспоминание о нем, поскольку С.В. Мрачковский, к которому письмо Троцкого было будто бы переправлено, как опытный конспиратор, его уничтожил. Но и несмотря на это, на фоне всех других чисто голословных признаний и обвинений, имевшихся в распоряжении следствия, письмо Троцкого, пусть даже не сохранившееся, выглядело как вполне солидное и почти объективное свидетельство его преступных замыслов. К тому же те, кто, по версии Дрейцера, читал и переправлял данное послание, в ходе последующих допросов всю эту историю, конечно же, подтвердили.

Выполняя дважды полученную им директиву Троцкого о необходимости убийства Сталина и Ворошилова, Дрейцер, по его словам, договорился с несколькими знакомыми ему троцкистами о создании боевых террористических групп. Покушение, поучал Дрейцер своих «сообщников», целесообразно совершить за городом во время поездок Сталина на дачу или при его проезде в Сочи и другие курортные места, для чего необходимо завербовать людей, близких к ЦК и Кремлю, которые могли бы установить время и маршруты поездок.

Не ограничиваясь контактами с московскими троцкистами, Дрейцер в мае **1935** г., находясь в служебной командировке в Киеве, встретился со своим хорошим знакомым Д.А. Шмидтом, командиром **8**-й мотомеханизированной бригады Киевского военного округа, и якобы получил от него принципиальное согласие на участие в деятельности заговорщицкой организации.

Дрейцер также сообщил следователям, что, для руководства всей контрреволюционной работой в Москве, был создан московский центр троцкистско-зиновьевского блока в составе его, Дрейцера (правда, в Москве он бывал лишь наездами, во время командировок), и двух видных зиновьсвцев — Р.В. Пикеля и И.И. Рейнгольда (руководитель центра).

Показания Дрейцера впервые давали выход на Троцкого (до этого все инструкции из-за границы обвиняемые будто бы получали от его сына Льва Седова), перспективными были также идея «московского центра» троцкистско-зиновьевского блока, которому можно было инкриминировать теперь какие-нибудь конкретные планы подготовки убийства Сталина, и контакты с Д.А. Шмидтом — выявление заговорщиков в военной среде во все времена рассматривалось как серьезный успех следствия

Воодушевленный полученным результатом, Агранов не стал останавливаться на достигнутом и в тот же день, по горячим следам, допросил находящегося в распоряжении московских чекистов «сообщника» Дрейцера по «московскому центру» Р.В. Пикеля. Тот показания Дрейцера подтвердил. Ссылаясь на информацию, будто бы переданную ему руководителем «московского центра» И.И. Рейнгольдом, он сообщил, что в **1933** г. «объединенный всесоюзный центр троцкистско-зиновьевского блока решил нанести ВКП(б) сокрушительный удар путем ряда террористических актов, задачей которых было обезглавить руководство и захватить власть в стране»[184].

Решение об этом было якобы принято Зиновьевым, Каменевым и Смирновым, и среди намеченных жертв, помимо Сталина, значились также Киров, Каганович и Ворошилов. Особое внимание уделялось подготовке убийства Кирова.

> «Его расценивали как молодого, талантливого, растущего руководителя, близкого человека к Сталину, организатора разгрома зиновьевцев в Ленинграде... Зиновьев и Каменев, — продолжал фантазировать Р.В. Пикель, — считали недостаточным организовать покушение против Сталина. Их дословное выражение: «Мало вырвать дуб, надо уничтожить все то молодое, что около этого дуба растет»[185].

* * *

После того как были получены изобличающие показания на основных фигурантов предстоящего процесса — Троцкого (заочный участник), Зиновьева, Каменева и других, — дальнейшие усилия чекистов и контролирующего их Ежова были направлены на получение аналогичных по содержанию показаний от возможно большего числа арестованных. Полной уверенности, что удастся сломить Зиновьева, Каменева и Смирнова и заставить их оговорить себя, не было, и массированные обвинения в их адрес со стороны бывших единомышленников и «сообщников» должны были убедить их в бессмысленности сопротивления (раз уж следствию и так «все известно») и, кроме того, стать той доказательной базой, которой будет достаточно для суда, в том числе и открытого.

В свое время была даже изобретена специальная теория, призванная придать голословным обвинениям, звучащим на всех проводимых в СССР политических процессах, статус полноценного доказательства. Ее сформулировал на Шахтинском процессе в **1928** г. будущий нарком юстиции СССР Н.В. Крыленко, представлявший тогда в суде сторону государственного обвинения. Крыленко заявил:

> «Здесь прошли перед нами в довольно большом количестве те факты, часто встречающиеся в судебной практике, которые именуются «оговорами» и которые имеют весьма условное доказательное значение... Сам по себе оговор, конечно, мало что значит, но если этот оговор будет повторяться неоднократно разными лицами, если эти оговоры будут совпадать в тех или иных своих мелочах или деталях, если эти оговоры будут даны различными лицами в различных местах или если оговаривающие были допрошены разными лицами и в различном разрезе следовательского предварительного расследования, — такие оговоры приобретают полное доказательное значение»[186].

Так что теперь нужно было всего лишь получить от «разных лиц, в различных местах и в различном разрезе следовательского предварительного расследования» побольше заявлений о преступных замыслах лидеров «троцкистско-зиновьевского блока» и их укрывшегося за границей сообщника Троцкого, а дальше пускай суровый, но справедливый советский суд определит, как следует поступать с этой, говоря словами Сталина, «безыдейной и беспринципной бандой вредителей, диверсантов, шпионов и убийц».

Еще раз допросили Е.А. Дрейцера. Он «вспомнил» конкретных лиц, намеченных, в соответствии с указаниями Троцкого, для подготовки теракта против Сталина. Его убийство якобы планировалось осуществить либо в р-не Можайского шоссе и Дорогомиловской улицы, по пути следования машины с вождем в Кремль или обратно, либо во время демонстрации на Красной площади, либо при посещении одного из московских театров. Дрейцер также уточнил, что командира **8**-й мотомеханизированной бригады Д.А. Шмидта он не просто вовлек в организацию, но и обсудил с ним различные варианты покушения на наркома обороны Ворошилова и что, кроме Шмидта, он еще завербовал с теми же целями своего давнего знакомого, начальника штаба **18**-й авиабригады майора Б.И. Кузьмичева.

Дошла очередь и до уже неоднократно упоминавшегося в следственных протоколах близкого друга И.Н. Смирнова и тоже видного троцкиста С.В. Мрачковского. К этому времени **53**-летний Мрачковский был уже сломлен как физически, так и морально. Сказывались и ранения, полученные в годы Гражданской войны, и та тяжелая психологическая обстановка, в которой он находился с момента ареста в начале **1935** года. В мае **1936**-го его жена, добившаяся разрешения на свидание с ним, писала секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, прося изменить режим содержания мужа в тюрьме:

> «Мрачковский — форменный инвалид, совершеннейший старик, едва передвигающий [больную] ногу». («Послать ее к черту», — наложил Ежов резолюцию на попавшую к нему просьбу[187].)

Сопротивляться следствию Мрачковский был уже не в состоянии, и начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцкий, которому поручено было им заниматься, сумел склонить его к сотрудничеству. Мрачковский подтвердил факт создания в **1932** году для борьбы с руководством ВКП(б) «всеми доступными средствами» блока между троцкистами и зиновьевцами во главе с Каменевым, Зиновьевым, Смирновым, им, Мрачковским, и некоторыми другими, упомянул о существовании московского центра организации, рассказал о якобы полученном и уничтоженном им секретном послании Троцкого Дрейцеру с призывом к убийству Сталина и Ворошилова.

Допрошенный в те же дни еще один «заговорщик», Э.С. Гольцман, поведал о своей встрече с Троцким в Копенгагене, куда тот приезжал в конце ноября **1932**-го из Турции по приглашению местной студенческой организации. Гольцман, работавший тогда в советском

торгпредстве в Германии, будто бы договорился с сыном Троцкого Л. Седовым, что они встретятся в Копенгагене в отеле «Бристоль» и отправятся вместе на встречу с Троцким. Во время состоявшегося свидания, узнав, что Гольцман скоро возвращается в Союз, Троцкий, якобы, попросил передать И.Н. Смирнову, что считает основной задачей троцкистской организации в СССР устранение Сталина и что единственным способом решить эту задачу является террор.

Удалось подтвердить и обвинения в адрес Зиновьева. Допрошенный ленинградскими чекистами его бывший секретарь Н.М. Моторин «признался», что в **1934** г. возглавлял одну из групп, занятых подготовкой убийства Кирова. Соответствующее задание было якобы получено им от И.П. Бакаева, а затем подтверждено при личной встрече с Г.Е. Зиновьевым осенью **1934** г.

> «Зиновьев мне сказал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Зиновьев упрекал меня в недостатке решительности и энергии. Он сказал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков... Он указал, что специфические условия настоящего момента, зажим партии... и неминуемая гибель зиновьевской группы, если она не станет на путь решительной борьбы, требуют устранения партийного руководства путем террора.
>
> Зиновьев сказал, что начало будет положено в Ленинграде и что в Москве также будут проведены террористические акты. Зиновьев мне сообщил, что положение требует объединения всех сил, враждебных Сталину, и поэтому зиновьевский центр вошел в соглашение с троцкистским центром»[188].

5 июля **1936** г., докладывая Сталину и Ежову о показаниях, полученных в последние дни, Ягода писал:

> «После того как Мрачковский, Дрейцер, Эстерман, Гольцман и Моторин признались в получении ими прямых личных указаний, устных и письменных, от Л. Троцкого, Г. Зиновьева и Л. Каменева об организации террора над руководством ВКП(б), считаю полностью доказанным:
>
> 1. Прямое личное руководство Л. Троцкого подготовкой террористических актов в отношении руководителей ВКП(б).
>
> 2. Личное участие Г. Зиновьева и Л. Каменева в организации убийства тов. Кирова»[189].

Запоздалое прозрение Ягоды ничего, кроме усмешки вызвать у Ежова, вероятно, не могло. Уже давно всем все было ясно и по поводу Троцкого, и по поводу Каменева с Зиновьевым, и только главный чекист страны никак не мог поверить очевидным фактам. Не мог или не хотел?

* * *

В оставшееся до начала процесса время общая концепция вскрытого «заговора» принципиальных изменений не претерпела. Уточнялись отдельные детали и даты, подключались некоторые дополнительные сюжеты и персоналии. Были «выявлены» конкретные боевые группы, которые в разное время и в разных местах готовились совершить покушение на Сталина. Некоторые из них были якобы созданы агентами Троцкого, направленными им в СССР под видом политэмигрантов (роль которых исполняли агенты ОГПУ, работавшие до **1933** г. в германской компартии и вернувшиеся затем в СССР), другие подчинялись руководству троцкистско-зиновьевского блока внутри СССР, но и тем и другим каждый раз что-то мешало совершить покушение. То охрана была слишком бдительной, то расстояние до Сталина далеким (бомбу — не добросишь, из револьвера — не попадешь), то вокруг было чересчур много народа.

Получила развитие и тема заговорщицкой деятельности в армии. К началу процесса в состав руководства «военного центра троцкистской организации», помимо уже упоминавшихся Д.А. Шмидта и Б.И. Кузьмичева, были записаны и, соответственно, арестованы заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В.М. Примаков, военный атташе СССР в Великобритании В.К. Путна, командир и военком **25**-й дивизии М.О. Зюк и ряд других военнослужащих.

После того, как было набрано достаточное количество необходимых показаний, дошла очередь и до Зиновьева с Каменевым, которые в конце концов вынуждены были вступить на путь сотрудничества со следствием. Вот, например, под какими «признаниями» чекистам удалось получить подпись Зиновьева в ходе допроса **28-29** июля **1936** года:

> «Объединенный троцкистско-зиновьевский центр с 1932 г. являлся в Советском Союзе «заменителем» и эсеров, и меньшевиков, и открытых белогвардейцев. Теперь мы подняли знамя террора против Сталина. С этого периода объединенный троцкистско-зиновьевский центр является штабом

русского фашизма в его троцкистско-зиновьевском издании...

Одной из первейших задач, входивших в план заговора, была задача открыть дорогу Троцкому для возможно более триумфального возвращения в СССР... Было бы неверно, если бы я не признал, что личная роль Троцкого во всех преступлениях троцкистско-зиновьевского центра была еще большей, чем моя, что директивы Троцкого из-за границы имели для объединенного центра решающее значение, что главнейшим из главных руководителей всех наших преступлений, всего заговора был Троцкий»[190].

Сохранить собственную жизнь Каменев и Зиновьев, возможно, уже и не надеялись, да и жизнью то, что с ними происходило, назвать было уже трудно, но, пойдя на сделку со Сталиным и согласившись подтвердить приписываемые им преступления, оба соратника Ленина, вероятно, рассчитывали хотя бы отвести удар от своих семей (у Зиновьева был сын, у Каменева — двое).

На заключительном этапе следствия в число потенциальных жертв попали практически все видные деятели партии, входившие в прошлом в те или иные оппозиционные Сталину группировки. «Выяснилось», в частности, что бывшие троцкисты Ю.Л. Пятаков, К.Б. Радек и Л.П. Серебряков вместе с бывшим зиновьевцем Г.Я. Сокольниковым, занимавшие до последнего времени ответственные посты в хозяйственной и партийной структурах, представляют собой строго законспирированный запасной центр троцкистско-зиновьевского блока, который должен вступить в действие в случае провала основного центра и ареста его участников.

Что же касается правых, с которыми заговорщики будто бы контактировали через М.П. Томского, то они, по словам некоторых подследственных, рассматривались лидерами троцкистско-зиновьевского блока как естественные союзники, которые, не примыкая формально к блоку, координировали с ним свои действия, поскольку тоже якобы планировали насильственное устранение существующего руководства и даже создали с этой целью собственные боевые группы.

Дело «Троцкистско-зиновьевского объединенного террористического центра» рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР **19-24** августа **1936** г. Октябрьский зал Дома Союзов в Москве вместил примерно полторы сотни советских граждан (главным образом, работников НКВД) и около **30** иностранных журналистов и дипломатов. Предъявленные обвинения признали почти все подсудимые, за исключением И.Н. Смирнова и Э.С. Гольцмана, которые, как и на предварительном следствии, продолжали отрицать какую-либо свою причастность к террористической деятельности, хотя и готовы были подтвердить участие в работе троцкистской организации, встречи за границей с сыном Троцкого Львом Седовым и самим Троцким (Гольцман). «Животная трусость» — так охарактеризовал такое их поведение выступавший на процессе в качестве государственного обвинителя А.Я. Вышинский.

20 августа **1936** г. в телеграмме, направленной отдыхающему в Сочи Сталину (туда он уехал за несколько дней до начала процесса), Ежов и Каганович сообщали, что все идет нормально, подсудимые признают себя виновными и что особое впечатление на иностранных корреспондентов, которые называют в своих телеграммах домой эти сведения сенсационными, произвели показания о существовании запасного центра организации в лице Радека, Сокольникова, Серебрякова и Пятакова, а также прозвучавшие упоминания о связи троцкистско-зиновьевского центра с правыми и о наличии у последних собственных террористических групп, о которых было известно Рыкову, Томскому и Бухарину.

23 августа продолжавшиеся пять дней судебные слушания завершились, и ранним утром **24** августа был объявлен приговор, в соответствии с которым все обвиняемые были приговорены к расстрелу.

В целом процесс прошел вполне успешно и достиг намеченных целей. Конечно, много было всяких мелких нестыковок, но на них мало кто обратил внимание, кроме, конечно же, Троцкого, который впоследствии подробно разобрал подтасовки и нелепости состоявшегося суда в своей статье «Московский процесс — процесс над Октябрем», помещенной в издаваемом им журнале «Бюллетень оппозиции».

«Десятки террористов, — писал Троцкий, — в течение многих месяцев разговаривали о терроре, ездили на террористические свидания, устраивали террористические совещания и т.д. и т.д. Они направо и налево рассказывали об этом, все их друзья и приятели знали, что они готовят убийство Кирова, не знало об этом... одно лишь ГПУ... Кажется, что дело происходит на Луне, а не в СССР, насквозь пронизанном сетью всесильного ГПУ»[191].

Еще одна нелепость, на которую, конечно же, обратил внимание Троцкий, это решение

«заговорщиков» убить сначала Кирова, а уж потом, если получится, Сталина, ведь избранная тактика не только не приближала их к власти, ради которой все, вроде бы, и делалось, но, напротив, сразу же приводила к разгрому всей «организации».

Впечатление от процесса также подпортила небольшая техническая накладка, обнаружившаяся через неделю после его окончания. Связана она была с показаниями Э.С. Гольцмана, который, выступая в суде, сообщил, что в ноябре **1932** г., приехав в Копенгаген, он, как было заранее условлено, встретился в гостинице «Бристоль» с Львом Седовым, после чего направился вместе с ним на свидание с Троцким, где получил указания о необходимости убийства Сталина (этот эпизод был одним из пунктов обвинения Троцкого). Однако **1** сентября **1936** года в датской газете «Сосиаль-демократен», органе правящей партии, появилось сообщение, перепечатанное потом многими европейскими газетами, согласно которому гостиница «Бристоль», где якобы договаривались встретиться и встретились перед поездкой к Троцкому Гольцман и Лев Седов, была снесена еще в **1917** году.

16. Телеграмма Сталина

19 августа **1936** г., в день открытия процесса по делу «троцкистско-зиновьевского объединенного террористического центра», в «Правде» под заголовком «Великий гнев великого народа» была помещена статья, в которой, в частности, говорилось:

> «... Почти всех главарей троцкистско-зиновьевской шайки выявили славные воспитанники Феликса Дзержинского, неутомимые стражи социалистической революции. Но еще не все троцкистские людишки обнаружены, не все нити их гнусной работы оборваны. Задача, стоящая сейчас перед всеми партийными организациями, перед каждым большевиком, перед каждым советским гражданином, — научиться распознавать троцкистско-зиновьевскую гадину, какое бы обличие она ни принимала, научиться вытаскивать на свет гадину, в какой бы глубокой норе она ни пряталась».

И действительно, как выяснилось в первые же дни процесса, кое в каких норах кое-какие гадины еще прятались, и, как только имена этих гадин были на суде оглашены, их тут же начали из нор извлекать. Вечером **21** августа прокурор СССР Вышинский объявил, что накануне им отдано распоряжение о начале расследования причастности Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова к контрреволюционной деятельности «троцкистско-зиновьевского блока» и о привлечении к уголовной ответственности Серебрякова и Сокольникова*.

* На самом деле последние двое были арестованы еще до начала процесса: Л.П. Серебряков — **17** августа, а Г.Я. Сокольников вообще в июле **1936** г.

22 августа, прочитав в «Правде» заявление Вышинского, на своей даче в подмосковном поселке Болшево застрелился М.П. Томский. В оставленном предсмертном письме на имя Сталина Томский заверял вождя в своей непричастности к преступлениям лидеров троцкистско-зиновьевского блока, каялся в допущенных им в прошлом политических ошибках, извинялся за резкие высказывания, которые позволил себе в одной из их бесед в **1928** г., а в конце сделал приписку: «Если ты захочешь узнать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае **1928** г., — спроси мою жену лично, только тогда она их назовет»[192].

Расследовавший самоубийство Томского начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанов попытался выяснить у жены Томского, о ком идет речь в его письме, но получил отказ. Оставшийся в Москве за Сталина Каганович поручил Ежову съездить в Болшево, разобраться в обстоятельствах смерти Томского, наметить порядок похорон, а заодно побеседовать с вдовой — возможно, она скажет, на кого намекал Томский в своем предсмертном послании.

Ежов с задачей справился. В результате продолжительной беседы ему удалось выяснить, что речь в письме шла о Ягоде. По словам Томского, которые он просил довести до сведения Сталина, в конце **20**-х гг. Ягода был очень близок к лидерам правой оппозиции, регулярно поставлял им материалы о положении в ЦК и всячески подталкивал на борьбу с руководством партии.

Наверное, какая-то доля истины во всем этом была, но, по-видимому, Томский намеренно сгустил краски, рассчитывая таким образом поквитаться с Ягодой, которого он, вероятно, считал виновным в предвзятом ведении следствия и получении от арестованных вымышленных показаний о нем и других руководителях бывшей правой оппозиции.

К такому же выводу пришел и Ежов, так прокомментировавший в письме к отдыхающему в Сочи Сталину обвинения в адрес Ягоды:

«Лично я думаю, что в свое время он, несомненно, по-дружески путался с некоторыми из правых. Когда увидел, куда идет дело, порвал с ними и вряд ли имел хотя бы отдаленную связь. Думаю, что Томский выбрал своеобразный метод отомстить, рассчитывая на его правдоподобность. Мертвые де не лгут»[193].

Хотя Томскому удалось избежать следствия, но оставались его единомышленники — Бухарин и Рыков. Своими соображениями о том, как следует поступить с ними, Ежов поделился со Сталиным в письме от **6** сентября **1936** г.:

«Лично я сомневаюсь в том, что правые заключили прямой организационный блок с троцкистами и зиновьевцами. Троцкисты и зиновьевцы политически были настолько дискредитированы, что правые должны были бояться такого блока с ними. Я думаю, что правые знали о существовании троцкистско-зиновьевского блока, знали о терроре, информировались у них и смотрели на это дело со стороны, рассчитывая, что, в результате успешной террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев, они смогут воспользоваться результатами как не дискредитированная политически организованная сила. Для этого они, несомненно, имели свою собственную организацию правых, которая тоже, очевидно, стояла на почве террора... Я просил сейчас чекистов собрать мне все материалы о правых... с тем чтобы еще раз посмотреть повнимательнее линию правых.

Вне зависимости от результатов работы в этом направлении правые настолько дискредитированы, что оставить безнаказанно всю их деятельность невозможно. Сейчас буквально все партийные организации обращаются в ЦК ВКП(б) и в печать с запросами о том, какие меры приняты к правым. Самым минимальным наказанием, совершенно обоснованным политически, является, по-моему, вывод их из состава членов ЦК* и высылка на работу в отдаленные места. Оставлять в таком положении далее — невозможно. Тут нужны Ваши твердые указания»[194].

* Н.И. Бухарин и А.И. Рыков являлись кандидатами в члены ЦК ВКП(б).

Однако таких указаний не последовало. Сталин, возможно, еще не решил, как ему следует поступить с лидерами бывшей правой оппозиции, и, видимо, ждал результатов проводимого расследования, чтобы уже тогда определиться окончательно.

Одним из элементов этого расследования стала очная ставка между Бухариным и Рыковым, с одной стороны, и находящимся под стражей Сокольниковым — с другой. На путь сотрудничества со следствием Сокольников вступил в конце августа **1936** г. В ходе трех последовательных допросов **(24-25** августа, **30** августа и **2** сентября **1936** г.**)** он подтвердил свое участие в запасном центре троцкистско-зиновьевского блока, созданного на случаи провала основного центра, а по поводу правых сообщил, что они не только были в курсе деятельности троцкистско-зиновьевских заговорщиков, но и непосредственно входили в запасной центр **(**в лице М.П. Томского**)** и участвовали в разработке всех мероприятий, направленных на захват власти. В частности, Сокольников показал, что на происходивших в феврале-марте **1936** г. встречах членов запасного центра было якобы решено увязать намеченные террористические акты против Сталина в Москве, Жданова в Ленинграде, Постышева и Косиора в Киеве с выступлением в этих городах воинских частей, руководимых офицерами-участниками заговора. **«**Весь этот план**...** был подтвержден специальной директивой Троцкого, в которой прямо предлагалось опираться при захвате власти на преданные кадры в Красной Армии**»,** — добавил Сокольников**[195]**.

При этом Томский вместе с наркомом связи Рыковым будто бы должны были в момент единовременного выступления в Москве, Ленинграде и Киеве обеспечить заговорщиков необходимыми средствами связи — радиостанциями и телеграфом. Эту часть плана Томский якобы брался осуществить при помощи группы единомышленников из числа правых, работающих в органах связи.

«Мы — я, Пятаков и Томский, — предполагали в случае благоприятного... развертывания событий объявить в виде временной меры военную диктатуру во главе с Пятаковым... Осуществление террористических актов над руководством партии и правительства мы намерены были выдать за посягательство белогвардейцев на жизнь руководителей и организаторов Октябрьской революции и, пользуясь возникшим смятением среди руководителей партии и правительства, призвать население страны сплотиться вокруг лозунга защиты Октябрьской революции. Главным требованием должно было быть требование расширить состав руководства партии и правительства с привлечением в него Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Пятакова, Рыкова, Томского. Мы считали, что привлечь Троцкого сразу после совершенного переворота по соображениям тактическим нельзя будет и что это станет возможным после укрепления положения блока.

На этих же встречах, — продолжал Сокольников, — мы намечали поручить Бухарину и Радеку составление проектов двух манифестов от имени

временного правительства для распространения их в случае успеха нашего заговора. Один документ предназначался для СССР, другой — для капиталистического мира»[196].

8 сентября **1936** г. Прокурор СССР А.Я. Вышинский в присутствии начальника Экономического отдела ГУГБ НКВД Д.М. Дмитриева и начальника одного из отделений Экономического отдела И.И. Чертока встретился с Сокольниковым, и в ходе их беседы тот подтвердил свои показания и заявил, что готов повторить их и на очных ставках. Вечером того же дня в кабинете Ежова в присутствии Кагановича и Вышинского состоялись очные ставки Сокольникова сначала с Рыковым, затем с Бухариным. Сокольников повторил все еще раз, после чего и Рыков, и Бухарин задали ему один и тот же вопрос: почему, неоднократно встречаясь с ними, он ни разу даже не намекнул о своем участии в деятельности троцкистско-зиновьевской организации, о ее замыслах и вообще не попытался хоть когда-нибудь поговорить с ними на соответствующие темы.

Сокольников объяснил это соображениями конспирации.

После проведения очной ставки Вышинский, Каганович и Ежов побеседовали отдельно с Рыковым и Бухариным. Те продолжали настаивать на своей невиновности, при этом Бухарин заплакал и заявил, что при таких обвинениях он готов пойти на крайние меры, так как не может жить под постоянным подозрением.

В конце концов, убедившись, что все утверждения Сокольникова об участии Бухарина и Рыкова в деятельности троцкистско-зиновьевского блока основываются на свидетельствах третьих лиц (покойного Томского, расстрелянного Каменева и др.), Ежов и Каганович поняли, что ничего серьезного инкриминировать бывшим лидерам правых пока невозможно, и поручили Вышинскому сделать соответствующее объявление в прессе. **10** августа **1936** г. в «Правде» было помещено заявление Прокуратуры СССР, в котором, в частности, говорилось:

«Следствие не установило юридических данных для привлечения Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова к судебной ответственности, в силу чего настоящее дело дальнейшим следственным производством прекращается».

Внешне все закончилось победой Бухарина и Рыкова, однако слова об отсутствии юридических данных, которые они были готовы рассматривать как отказ от подозрений в их адрес, на самом деле означали лишь признание недостаточности собранных улик.

Но если с лидерами правых было еще не все ясно, то по поводу таких видных в прошлом троцкистов, как Г.Л. Пятаков и К.Б. Радек, сомнений не возникало. Показаний об их «преступной» деятельности скопилось более чем достаточно, и пришло время как-то определиться с их дальнейшей судьбой. В письме к Сталину от **6** сентября **1936** г. Ежов писал:

«Сейчас я ни на минуту не сомневаюсь в том, что Радек и Пятаков, как и Сокольников, являются действительными руководителями контрреволюционной банды троцкистов и зиновьевцев после кировских событий*.

Мне понятны трудности, связанные с их арестом, с точки зрения общественного мнения за границей. Новый процесс затевать вряд ли целесообразно. Арест и наказание Радека и Пятакова вне суда несомненно просочатся в заграничную печать. Тем не менее на это идти надо. Все равно вся заграничная печать пишет и утверждает, что Радек и Пятаков давным-давно арестованы»[197].

* Имеется в виду убийство С.М. Кирова и последовавший вслед за тем арест основных «руководителей» мифического троцкистско-зиновьевского блока, после чего руководство заговором якобы перешло в руки Пятакова. Радека и Сокольникова.

Согласие вождя было получено, и в ночь с **11** на **12** сентября **1936** года Пятаков, находившийся в это время в служебной командировке под Нижним Тагилом, был арестован. Пять дней спустя арестовали и Радека. Однако, помимо лидеров бывшей троцкистской оппозиции, нужно было решить, что делать со всеми остальными троцкистами и зиковьевцами. Несколько сотен их арестовали в ходе подготовки к только что закончившемуся процессу, другие находились в изоляторах и ссылке, и было ясно, что в новых условиях этого наказания для них совершенно недостаточно.

Решение данного вопроса было возложено на комиссию в составе Ежова, Вышинского и Ягоды.

«Стрелять придется довольно внушительное количество, — писал Ежов Сталину 6 сентября 1936 г. — Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью. Понятно, что никаких процессов устраивать не надо. Все можно сделать в упрощенном порядке по закону от 1 декабря [1934 г.] и даже без формального заседания суда»[198].

Подработав эту идею, Ежов некоторое время спустя представил на утверждение вождя проект решения Политбюро поданному вопросу. В нем говорилось:

«1. До последнего времени ЦК рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят о том, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как шпионов, разведчиков, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

2. В связи с этим необходима расправа с троцкистскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова*, Пятакова, Белобородова** и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы.

3. В общей сложности расстрелять не менее тысячи человек. Остальных приговорить к 8-10 годам заключения, плюс столько же лет ссылки в северные районы Якутии»[199].

* Муралов Н.И. — якобы руководитель сибирского центра троцкистов.
** Белобородов А.Т. — якобы руководитель северо-кавказского центра троцкистов.

Третий пункт был Сталиным исключен, а первые два были утверждены решением Политбюро, принятым **29** сентября **1936** года. По-видимому, вождь решил, что не пристало высшему партийному органу регулировать, пусть даже сверхсекретными решениями, количество уничтожаемых политических противников. Все это нетрудно было сделать в рабочем порядке без излишней огласки, и уж сколько человек придется расстрелять, а сколько отправить в лагеря — подскажет сама жизнь.

* * *

Помимо участия в решении общеполитических вопросов, Ежов в сентябре **1936** года вплотную занимался и одной сугубо конкретной проблемой. Следствие по делу троцкистско-зиновьевского центра со всей очевидностью показало, что некоторые руководящие кадры НКВД уже не отвечают тем требованиям, которые предъявляет к ним руководство страны. Органам госбезопасности приходилось решать теперь гораздо более сложные, чем раньше, задачи, поскольку бороться приходилось уже не только с остатками враждебных классов или иностранной агентурой, но и с «заговорщиками» и «вредителями» внутри самой партии. Однако всерьез заниматься данной проблематикой многим чекистам, судя по всему, не хотелось, что наглядно продемонстрировало и расследование обстоятельств убийства С.М. Кирова и только что закончившийся процесс троцкистско-зиновьевского центра. В своем уже не раз упоминавшемся письме к Сталину от **6** сентября **1936** г. Ежов, помимо прочего, писал:

«Хочу Вас подробно проинформировать о внутренних делах ЧК. Там вскрылось так много недостатков, которые, по-моему, терпеть дальше никак нельзя. Я от этого воздерживался до тех пор, пока основной упор был на разоблачение троцкистов и зиновьевцев. Сейчас, мне кажется, надо приступить и к кое-каким выводам из всего этого дела для перестройки работы наркомвнудела.

Это тем более необходимо, что в среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства. Вместо того, чтобы сделать выводы из троцкистского дела и покритиковать свои собственные недостатки, исправить их, люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело. Трудно даже поверить, что люди не поняли, что в конечном счете это не заслуга ЧК, что через 5 лет после организации крупного заговора, о котором знали сотни людей, ЧК докопалось до истины»[200].

По мере того, как Ежов все глубже и глубже вникал в дела охранного ведомства, желание взять бразды правления в свои руки и показать, как нужно работать по-настоящему, овладевало им все сильнее. Однако Ягода весьма болезненно реагировал на попытки секретаря ЦК вмешиваться в оперативную деятельность наркомата, и их отношения становились все более напряженными, тем более что Ежов не упускал возможности проинформировать Сталина о тех или иных служебных упущениях своего то ли коллеги, то ли соперника. Впоследствии референт Ежова В.Е. Цесарский так описывал их взаимоотношения на протяжении **1936** года:

«В начале 1936 г. Ежов предложил Ягоде издать секретный приказ для всего оперативного состава, в котором [необходимо было] раскритиковать работу НКВД и развенчать ряд руководящих периферийных работников. Ягода составил проект такого приказа и прислал на утверждение Ежову, который, будучи не удовлетворен приказом, поручил мне его переделать, и сам затем принял участие в редактировании приказа, которым постарался дискредитировать все руководство НКВД, в особенности же Ягоду. Этот приказ впоследствии был издан Ягодой за своей подписью.

Весной 1936 г. Ежов предложил мне собрать необходимые материалы о плохой работе НКВД по искоренению шпионажа в СССР... Я собрал все

необходимые материалы в Исполкоме Коминтерна и МОПРе*, после чего Ежов созвал в ЦК ВКП(б) совещание руководящих работников НКВД: Фриновского, Прокофьева, Балицкого, Слуцкого с участием секретаря Исполкома Коминтерна Мануильского. После совещания Ежов предложил мне составить по этому вопросу докладную записку в ЦК ВКП(б), отредактировал ее и направил в соответствующие адреса, обвинив руководство НКВД в потворстве проникновению шпионов на территорию СССР.

* МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

В том же 1936-м Ежов поручил мне расследовать заявление сотрудника УНКВД Азово-Черноморского края Шевченко. Я съездил на родину Шевченко, собрал на месте необходимые материалы, а Ежов, сделав соответствующее обобщение, снова дискредитировал Ягоду.

Впоследствии Ежов, использовав заявление бывшего секретного агента НКВД Зафрана о сокрытии Ягодой и его сподвижниками материалов об антисоветском троцкистском подполье, добился окончательной компрометации Ягоды...»[201]

История, о которой упомянул В.Е. Цесарский в конце своего рассказа, началась в середине июля **1936** г., когда на имя Ежова поступило заявление от начальника Управления НКВД по Воронежской области С.С. Дукельского. Тот сообщал, что на протяжении **1933-1935** гг. неоднократно обращался к Ягоде с конкретными предложениями по перестройке работы НКВД, с тем чтобы наркомат мог более качественно выполнять возложенные на него обязанности. Речь шла о целесообразности отраслевого принципа построения органов госбезопасности (промышленный отдел, сельскохозяйственный отдел и т.д.), об упразднении районных отделений, создание которых привело к неоправданному распылению сил, об отказе от массовой осведомительской сети (**8-10** тысяч осведомителей на область), с тем чтобы создать меньшую по численности, но более эффективную агентурную сеть и т.д.

Ягода от всех этих предложений отмахивался, предлагая Дукельскому больше внимания уделять своим прямым служебным обязанностям, и тогда тот решил довести свои идеи до сведения Ежова.

Ознакомившись с докладной запиской Дукельского и побеседовав затем с ее автором, Ежов, по-видимому, попытался выяснить мнение Ягоды по поводу содержащихся в ней предложений. Возможно, только тогда Ягода и узнал, что один из подчиненных через его голову выходит на секретаря ЦК и обсуждает с ним вопросы, выходящие далеко за пределы своей компетенции.

11 сентября **1936** г. вызванный в Москву Дукельский получил нагоняй от Ягоды и предложение перейти «по собственному желанию» в одно из неоперативных подразделений НКВД: переселенческий отдел, пожарную охрану, Управление шоссейных дорог или другое по его выбору. Однако Дукельский отверг это предложение и заявил, что при таком к нему отношении он предпочел бы вообще уйти из НКВД и перейти в один из гражданских наркоматов. Закончилось все тем, что Ягода приказал ему вернуться в Воронеж и, не приступая к работе, ожидать решения своего вопроса.

В Воронеж Дукельский вернулся, но перед этим направил очередную записку на имя Ежова, в которой обрисовал все, с ним случившееся, и попросил принять его. В ходе состоявшегося разговора были затронуты также и общие вопросы деятельности НКВД, при этом Дукельский высказал мнение, что некоторые работники центрального аппарата искусственно тормозили изобличение «троцкистской банды». В подтверждение своих слов он сослался на известный ему случай с бывшим агентом Зафраном, который в свое время пытался разоблачить троцкистских заговорщиков, в частности расстрелянного недавно Е.А. Дрейцера, но дело это было тогда замято, а самого Зафрана отправили в лагерь как провокатора.

Л.Б. Зафран, о котором идет речь, в свои тридцать лет имел уже за плечами довольно богатую биографию. До **1926** года он проживал в Польше, затем перешел советскую границу, был арестован как польский перебежчик и после соответствующей проверки направлен на жительство в г. Ирбит Свердловской области. Здесь он примкнул к одной из подпольных троцкистских групп, снова был арестован, но после заявления о разрыве с оппозицией освобожден. В **1930** г. переехал в Нижний Тагил и устроился на работу заместителем директора местного молокоовощтреста. В том же году нижнетагильским окружным отделом ОГПУ был завербован как осведомитель, однако ссыльные троцкисты, деятельность которых он должен был освещать, довольно быстро его расшифровали.

Сменив еще пару мест работы, Зафран в конце **1933** г. был переведен в Москву и назначен заместителем начальника снабжения одного из подразделений Метростроя. По линии же своей негласной деятельности он был прикреплен к Полномочному

представительству ОГПУ по Московской области, и вскоре местные чекисты начали получать от нового агента очень интересные, хотя и неправдоподобные сведения о якобы выявленных им подпольных контрреволюционных организациях. В частности, речь шла о Е.А. Дрейцере, под началом которого Зафран в **1932-1933** гг. работал на строительстве Забайкальского металлургического комбината, и некоторых его «сообщниках», о существовании руководящего троцкистского центра, связанного с Троцким, о получении от Троцкого директив по террору, о причастности к деятельности троцкистского центра И.Н. Смирнова, К.Б. Радека и других известных в прошлом троцкистов.

Некоторых из упоминаемых Зафраном лиц чекисты арестовали, но затем об этой истории стало известно в Секретно-политическом отделе ОГПУ, где пришли к выводу, что Зафран все придумал. В июле **1934** г. Особым совещанием при НКВД СССР за предоставление заведомо ложных сведений органам следствия он был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

После убийства С.М. Кирова Зафран из лагеря бежал, явился в Управление НКВД по Московской области и потребовал своей реабилитации, поскольку теперь, как он считал, все должны были убедиться в правдивости его «сигналов». Возможно, если бы его доносы касались зиновьевцев, все бы так и вышло, но он докладывал о троцкистах, а их тогда в убийстве Кирова никто еще не обвинял. Поэтому заместитель начальника московского УНКВД А.П. Радзивиловский, к которому беглец обратился за содействием, решил, что до тех пор, пока все не прояснится, лучше будет ему посидеть в тюрьме. Из тюрьмы Зафран писал в Комиссию партийного контроля, прокуратуру и лично Сталину. В конце концов дело попало к заместителю Ежова по Комиссии партийного контроля М.Ф. Шкирятову, который распорядился доставить Зафрана к нему, и после состоявшейся беседы тот был освобожден и даже получил путевку в один из санаториев. Отдохнув, Зафран с новыми силами принялся за старое и через некоторое время был снова арестован по обвинению в создании в провокационных целях контрреволюционной троцкистской группы. Однако на дворе уже стоял **1936** год, борьба с «троцкистским подпольем» набирала обороты, так что вскоре он был освобожден, и на этот раз уже окончательно.

Всех подробностей дела Зафрана Дукельский, конечно, не знал, поэтому, отпустив его, Ежов позвонил А.П. Радзивидовскому (тому самому, который посадил бежавшего из лагеря Зафрана в тюрьму) и попросил подъехать к нему домой, поскольку время было позднее и рабочий день уже закончился. Расспросив Радзивиловского об известных ему обстоятельствах данного дела и о роли во всей этой истории тех работников центрального аппарата НКВД, которых Дукельский обвинил в игнорировании сообщений Зафрана и в последующих гонениях на него, Ежов, оставшись один, сел за письмо к вождю.

> «Дорогой товарищ Сталин, — писал Ежов. — Посылаю заслуживающее серьезного внимания заявление начальника УНКВД по Воронежской области Дукельского. Дукельского я принял. В разговоре со мной он дополнительно сообщил ряд чрезвычайно важных подробностей как по существу своего заявления, так и по другим делам. Он назвал мне несколько фамилий ответственных работников НКВД, которых прямо подозревает в замазывании троцкистских дел... Подробности сообщу при личном докладе. По-моему, дело требует серьезного расследования»[202].

То что Ягода и его ближайшие помощники уже не соответствуют тем задачам, которые сейчас приходится решать НКВД, а тем более предстоит решать в будущем, Сталин знал и сам. И дело было не только в прежней близости Ягоды к правым, с которыми предстояло серьезно разбираться в ближайшее время, но и в самом стиле его работы. Уже давно стало очевидно, что полностью положиться на него нельзя: до какого-то момента он проявляет полную лояльность, а затем начинаются колебания. Порученная работа так или иначе выполняется, но часто, особенно в последний период, приходится его подталкивать и следить за тем, чтобы дело было доведено до конца. А между тем наступало такое время, когда у руля НКВД должен был стоять не просто технический исполнитель идущих сверху указаний, а человек, способный к активным самостоятельным действиям, готовый и сам воодушевиться поставленной задачей и увлечь за собой коллектив единомышленников.

Присматриваясь к Ежову, Сталин видел в нем необходимые задатки, возможно, что и указание подключиться к работе следствия по делу подпольной троцкистской организации было дано ему в феврале **1936** г. с расчетом на перспективу. За прошедшие полгода, вникая во все тонкости чекистской работы, Ежов уже хорошо вошел в курс дела и теперь вполне мог заменить Ягоду на посту наркома внутренних дел.

В конце сентября **1936** г. Сталин вызвал Ежова в Сочи. Беседа с ним окончательно убедила вождя в правильности принятого решения, и вечером **25** сентября за подписью

Сталина и отдыхающего вместе с ним А.А. Жданова членам Политбюро, остающимся в Москве, была отправлена телеграмма следующего содержания:

«*Первое*. Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом вопросе на 4 года*. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

***** Имеется в виду возможность выявления «троцкистско-зиновьевского блока» еще в **1932** г., когда он якобы и был создан.

Второе. Считаем необходимым и срочным делом снять Рыкова с НК связи и назначить на пост НК связи Ягоду.

Третье...

Четвертое. Что касается Комиссии партконтроля, то Ежова можно оставить по совместительству председателем Комиссии партконтроля, с тем чтобы он девять десятых своего времени отдавал НКВД...

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Шестое. Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК»[203].

На следующий день назначение Ежова наркомом внутренних дел СССР было утверждено решением Политбюро и продублировано соответствующим постановлением Президиума ЦИК СССР. Начинался новый период в жизни страны, получивший в дальнейшем короткое, но емкое название — «ежовщина».

Часть IV.
КАРАЮЩИЙ МЕЧ СТАЛИНА

Глава 17. В коридорах Лубянки
Глава 18. Атака с ходу
Глава 19. Дело «параллельного антисоветского троцкистского центра»
Глава 20. Февральско-мартовский пленум
Глава 21. Смена караула
Глава 22. Огонь по штабам
Глава 23. Искусство выживания
Глава 24. Приказ № 00447
Глава 25. Судьба «национальных контингентов»
Глава 26. Кандидат в члены Политбюро
Глава 27. Не останавливаясь на достигнутом
Глава 28. Смерть Слуцкого
Глава 29. Террор на экспорт
Глава 30. Процесс «Антисоветского правотроцкистского блока»

17. В коридорах Лубянки

Несколько дней спустя после назначения Ежова наркомом внутренних дел Л.М. Каганович в письме к отдыхающему в Кисловодске другому члену Политбюро, Г.К. Орджоникидзе, так охарактеризовал это событие:

«Главная наша последняя новость — это назначение Ежова. Это замечательное, мудрое решение нашего родителя назрело и встретило прекрасное отношение в партии и стране. Ягода безусловно оказался слабым для такой роли: быть организатором строительства* — это одно, а быть политически зрелым и вскрывать своевременно врагов — это другое... У Ежова, наверняка, дела пойдут хорошо. По моим сведениям, и в среде чекистов, за небольшим исключением, встретили смену руководства хорошо»[204].

***** Имеется в виду проводившееся под руководством Ягоды силами заключенных строительство таких крупных хозяйственных объектов, как канал Москва-Волга и др.

Небольшое исключение, о котором упоминает Каганович, составляли, по-видимому, наиболее приближенные к Ягоде руководители управлений и отделов НКВД, понимавшие, что с приходом Ежова их положение становится весьма и весьма шатким. Ведь для всех советских учреждений практика кадровых перестановок после назначения нового

начальника была обычным явлением, в данном же случае ситуация усугублялась тем, что Ягода был смещен как не справившийся с работой, и его подчиненные должны были в той или иной степени разделить ответственность за допущенные им ошибки.

Но, как правильно написал Каганович, были среди чекистов и те, кто приветствовал назначение Ежова. За то время, что Ягода возглавлял НКВД, а до этого являлся, в связи с болезнью В.Р. Менжинского, фактическим руководителем ОГПУ, у чекистов накопилось к нему немало претензий. Прекрасный организатор и хороший хозяйственник, Ягода в обращении с подчиненными отличался грубым нравом, терпеть не мог возражений, часто бывал несправедлив и скор на расправу с неугодными ему лицами, которых он «ссылал» в какие-нибудь отдаленные регионы страны, а то и вовсе увольнял из органов. В то же время подхалимы и любимчики могли рассчитывать на его протекцию и помощь в продвижении по службе, даже если их профессиональные качества не вполне соответствовали занимаемой должности. Поэтому теперь, когда Ягоду убрали, многие чекисты, особенно среднего и низшего звена, встретили это известие с воодушевлением, тем более что неизбежная в такой ситуации перетряска кадров открывала неплохие перспективы для служебного роста.

Доставшееся Ежову хозяйство было весьма громоздким и трудно управляемым. Основу наркомата составляли семь мало чем связанных между собой главных управлений:

- государственной безопасности;
- пограничной и внутренней охраны;
- рабоче-крестьянской милиции;
- лагерей, трудовых поселений и мест заключения;
- пожарной охраны;
- шоссейных дорог;
- государственной съемки и картографии.

Кроме этого, в состав НКВД входило еще несколько самостоятельных управлений (коменданта Московского Кремля, административно-хозяйственное, особого строительства, мер и весов) и отделов (актов гражданского состояния, финансовый, инженерно-строительный, переселенческий, центральная картотека по учету агентуры).

Филиалами НКВД СССР в регионах являлись наркоматы внутренних дел союзных республик (НКВД Украины, Белоруссии и т.д.), а в Российской Федерации — управления НКВД областей, краев и автономных республик (УНКВД), Все они имели практически такую же структуру, как и головной наркомат, подчинялись ему в оперативном отношении, но в каких-то вопросах должны были согласовывать свою деятельность и с местными партийными органами.

Важнейшим подразделением общесоюзного Наркомата внутренних дел являлось, конечно, Главное управление государственной безопасности, сокращенно — ГУГБ НКВД СССР (бывшее ОГПУ). На момент описываемых событий в его состав входило восемь отделов, каждый из которых выполнял свою конкретную задачу в деле зашиты режима от внутренних и внешних врагов.

Секретно-политический отдел специализировался на борьбе с так называемыми антисоветскими политическими партиями (точнее с их бывшими членами, поскольку самих партий к этому времени давно уже не существовало), с оппозиционными группировками внутри ВКП(6), следил за творческой интеллигенцией, духовенством и так называемыми «бывшими людьми», осуществлял контроль за политической благонадежностью городского и сельского населения.

Особый отдел отслеживал антисоветские проявления в вооруженных силах, пограничных и внутренних войсках, а также выполнял контрразведывательные функции — вел борьбу с деятельностью иностранных разведок на территории страны.

В задачу *Оперативного отдела* входила охрана важнейших объектов, а также руководящих работников партийного и государственного аппарата, а кроме того — организация наружного наблюдения, проведение обысков, арестов, перлюстрация почты и т.д.

Экономический отдел должен был противодействовать попыткам классовых врагов с помощью вредительства нанести ущерб различным отраслям социалистической экономики, за исключением транспорта, ситуацию в котором контролировал специальный Транспортный отдел.

Иностранный отдел, как и следует из его названия, осуществлял свою деятельность за пределами СССР, добывая представляющую интерес для руководства страны политическую, экономическую, а если удавалось, и военную информацию (на чисто военной разведке специализировалось Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии).

Кроме того, в задачу Иностранного отдела входила борьба с действующими за границей партиями и организациями, враждебно настроенными по отношению к советскому режиму (белогвардейскими, троцкистскими и др.).

Специальный отдел отвечал за охрану государственных тайн, осуществлял контроль за хранением секретных документов в государственных учреждениях и партийных организациях, но главным его назначением было шифрование, дешифрирование и все, что с этим связано.

Ну и наконец, *Учетно-архивный отдел* занимался учетом лиц, попавших в поле зрения органов госбезопасности, а также статистикой, обработкой и хранением законченных следственных дел и других архивных материалов.

Отделы Главного управления государственной безопасности должны были опекать наиболее важные предприятия, учреждения,**4** учебные заведения, а также вести следствие по наиболее значимым делам, тогда как всеми остальными объектами и подследственными должны были заниматься аналогичные отделы региональных управлений госбезопасности, входящие в состав местных управлений или наркоматов внутренних дел.

Разноплановое и масштабное хозяйство НКВД нелегко было освоить любому новичку, в данном же случае дело осложнялось тем, что до прихода сюда Ежов никогда не руководил такими огромными коллективами, и теперь, кроме как на свои организаторские способности, рассчитывать ему было не на что.

Первым делом Ежов позаботился о том, чтобы избавить себя от необходимости заниматься разного рода частными, второстепенными проблемами, переложив их на плечи своих заместителей. Как уже говорилось ранее, в наследство от Ягоды Ежову достался в качестве первого заместителя Я.С. Агранов, в дополнение к нему Ежов в первые же недели пребывания в НКВД выхлопотал себе у Сталина еще трех заместителей, каковыми были назначены начальники Главного управления лагерей М.Д. Берман, Главного управления пограничной и внутренней охраны М.П. Фриновский и Главного управления рабоче-крестьянской милиции Л.Н. Бельский.

Кроме заместителей, являющихся его официальными помощниками, Ежову крайне необходим был и помощник неофициальный, который помогал бы ему знакомиться с «кухней» чекистской работы, рассказывал о людях, их взаимоотношениях, сильных и слабых сторонах, а кроме того, оказывал помощь в решении практических вопросов, пока он будет вживаться в новую для себя роль. Таким помощником стал для Ежова оперативный секретарь наркома внутренних дел Я.А. Дейч.

В органах госбезопасности Дейч работал с **1920** г. и первые одиннадцать лет прослужил на Северном Кавказе, пройдя путь от рядового следователя Особого отдела ВЧК Кавказского фронта до начальника Секретно-оперативного управления и заместителя полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. Затем в должности заместителя полномочного представителя ОГПУ работал в Московской области, а в **1935** году был назначен начальником калининского областного УНКВД. Однако на этом посту он пробыл недолго и в марте **1936** года после длительной болезни был направлен в распоряжение НКВД СССР, где назначен на специально для него созданную должность оперативного секретаря наркома внутренних дел. В этом качестве он и встретил приход в НКВД Ежова.

В течение короткого времени Дейч становится правой рукой Ежова*, и без предварительного обсуждения и совета с ним Ежов никаких принципиальных решений, в том числе и кадровых, старался не принимать. Дейч присутствовал при докладах начальников отделов ГУГБ, при приемах и докладах начальников региональных управлений НКВД, так что руководители многих подразделений, прежде чем идти на прием к Ежову, старались зайти сначала к Дейчу и обсудить свои вопросы с ним.

* В конце ноября **1936** г. Я.А. Дейч был назначен начальником Секретариата НКВД СССР.

Кроме большого опыта чекистской работы и знания всех «семейных» тайн НКВД, Дейч обладал также весьма ценным умением составлять гладкие отчеты наверх, и это качество также способствовало его превращению в незаменимого помощника.

Дейч часто бывал у Ежова на квартире, уезжал с ним с работы, и эта его особая роль при Ежове бросалась в глаза всем, кто работал в то время в НКВД. В чекистских кругах, где, кстати, многие были недовольны столь бурным возвышением Дейча (помимо того, что он считался ставленником Ягоды, многим были не по душе и чисто человеческие качества ежовского фаворита), его стали называть «генеральным советником наркома» и «некоронованным заместителем».

Кроме Дейча, Ежов на первых порах мог опереться в своей работе еще на трех человек, приведенных им с собой и пользовавшихся его полным доверием, — С.Б. Жуковского, работавшего под его началом в Комиссии партийного контроля, В.Е. Цесарского, занимавшегося в секретариате ЦК вопросами Оргбюро и подбором кадров, и, наконец, бывшего своего заместителя по Распределительному отделу ЦК М.И. Литвина, курировавшего в Распредотделе, помимо прочего, также и кадры ОГПУ. К моменту прихода Ежова в НКВД Литвин работал вторым секретарем Харьковского обкома партии. Ежов убедил Сталина назначить его начальником отдела кадров НКВД, и **14** октября **1936** года данное назначение было утверждено решением Политбюро.

Что касается С.Б. Жуковского и В.Е. Цесарского, то первого Ежов поставил во главе Административно-хозяйственного управления, а второй был назначен на специально для него созданную должность особоуполномоченного при наркоме внутренних дел.

Одним из важных организационных мероприятий, которые Ежов осуществил, придя в НКВД, стала перестройка структуры Главного управления госбезопасности, санкционированная решением Политбюро от **27** ноября **1936** г. В соответствии с предложениями Ежова для лучшей защиты руководящих партийных и государственных работников, которые, как «выяснилось» в ходе следствия по делу «троцкистско-зиновьевского блока», едва не стали объектами покушений со стороны заговорщиков, решено было из охранных подразделений Оперативного отдела создать самостоятельный *Отдел охраны*.

Другой новый отдел создавался для активизации борьбы с иностранными разведками, которые, как следовало из многочисленных показаний, добытых чекистами в последнее время, свои основные усилия сосредоточили (в сотрудничестве с внутренней контрреволюцией) на подрыве экономического и оборонного потенциала страны. Противодействие проискам вражеской агентуры силами двух отделов, Экономического и Особого, провоцировало ненужную конкуренцию, распыляло силы и приводило к дублированию функций. Поэтому на базе Экономического отдела и тех подразделений Особого отдела, которые специализировались на борьбе с иностранными разведками, решено было организовать самостоятельный *Контрразведывательный отдел*.

И наконец, «для создания режима, обеспечивающего должную изоляцию особо опасных лиц» из числа подследственных и осужденных за так называемые контрреволюционные преступления, в составе Главного управления государственной безопасности создавался свой собственный *Тюремный отдел* с подчинением ему тюрем особого назначения (так называемых политизоляторов), числящихся до этого за Административно-хозяйственным управлением, а также некоторых тюрем, входящих в систему ГУЛАГа.

Таким образом, в результате ежовских нововведений общее число отделов ГУГБ НКВД возросло с восьми до десяти, еще два отдела (*водного транспорта, шоссейных дорог и связи* и *оперативной техники*) добавились весной и летом **1937** г., и в таком виде данная структура просуществовала до середины **1938** года.

Начальником Главного управления государственной безопасности был наконец официально утвержден первый заместитель Ежова Я.С. Агранов, который еще с конца **1935** года, в соответствии с устным поручением Сталина, формально считался ответственным за работу данного управления. Но официально в этой должности он тогда утвержден не был, и фактически, пока наркомом был Ягода, он же и руководил ГУГБ. Теперь, когда власть в НКВД сменилась, Агранов был, конечно, наиболее подходящим кандидатом на этот ответственный пост. Однако у Сталина начали уже, видимо, появляться какие-то сомнения относительно его способности бороться с врагами режима по-настоящему, и Ежову пришлось затратить определенные усилия, чтобы переубедить вождя.

Как раз в это время В.Е. Цесарский, который, став особоуполномоченным при наркоме, продолжал некоторое время выполнять и функции референта Ежова в аппарате ЦК, проводил партийное расследование по делу агента Л.Б. Зафрана (о нем шла речь в предыдущей главе) и разбирался с заместителем начальника Управления НКВД по Московской области А.П. Радзивиловским, выясняя его роль во всей этой истории. Во время одной из бесед Цесарский предложил Радзивиловскому написать на имя Ежова заявление, в котором, с одной стороны, обвинить Г.Г. Ягоду и начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанова в торможении ряда дел по троцкистам, а с другой — напротив, всячески выпятить роль Агранова*. Возможно, речь должна была идти об участии последнего в расследовании троцкистско-зиновьевского «заговора», когда, благодаря Агранову и, кстати, помогавшему ему в тот момент Радзивиловскому, удалось добиться важных

признательных показаний от Е.А. Дрейцера, во многом определивших успех всего процесса.

* Радзивиловский являлся человеком Агранова. С конца **20**-х гг. он работал под его началом в Секретном (затем в Секретно-политическом) отделе ОГПУ, а потом — в Полномочном представительстве ОГПУ по Московской области.

С поставленной задачей Радзивиловский справился. Его заявление Ежов показал затем Сталину, и Агранова удалось отстоять, хотя, как потом оказалось, ненадолго.

* * *

Придя в НКВД, Ежов сразу же объявил своим новым подчиненным о намерении покончить со сложившимися при Ягоде традициями замкнутости и кастовости. Выступая на одном из первых совещаний руководящего состава наркомата, он обратился к присутствующим с таким примерно заявлением:

> «Если я в своей работе допущу что-нибудь неправильное, то вы, чекисты, вы, члены партии, можете пойти в ЦК, можете пойти в Политбюро. Нет у нас ничего другого, кроме нашей партии, и кто пойдет к нашей партии, честь тому и хвала»[205].

Проверять искренность этих слов никто, естественно, не стал, да и смысла в этом не было, поскольку Ежов постоянно утверждал, что именно волю ЦК, а точнее — самого Сталина, он как раз и выражает, что, кстати, полностью соответствовало действительности.

Если декларировавшиеся Ежовым идеи усиления партийности никакого практического влияния на деятельность чекистов не оказали, то начавшееся с его приходом поощрение так называемых активных методов допроса произвело настоящий переворот в работе органов НКВД. До Ежова следователи в основном использовали такие сравнительно мягкие методы воздействия на арестованных, как уговоры, угрозы, в том числе и в отношении родственников, ухудшение условий содержания, частичное ограничение сна и т.д. Такая тактика оправдывала себя, когда арестованных было относительно мало, и многих из них путем кропотливой индивидуальной работы удавалось довести до нужного состояния. Однако с приходом Ежова «врагов народа» становилось все больше, нагрузка на следователей росла, и в этих условиях многие из них, стремясь выполнить поставленные начальством задачи, начинают периодически прибегать к методам физического воздействия на арестованных. Это не только ускоряло процесс следствия, но и давало результаты, на которые в ином случае трудно было рассчитывать. В ходе допросов «с пристрастием» подследственные не только признавались в самых немыслимых преступлениях, но и называли большое количество «сообщников», среди которых встречались весьма известные люди.

Такие результаты получали высокую оценку руководства, добившиеся их сотрудники ставились в пример другим, и постепенно новые методы работы получали все более широкое распространение. Правда, поначалу их применяли осторожно, с оглядкой, и как только по кабинетам, где проводился допрос, проходил слух о приезде в следственную тюрьму Ежова, подвергшихся избиению арестантов быстро сдавали дежурному для возвращения обратно в камеру. Постепенно, однако, стало ясно, что никаких проблем приезды Ежова не создают и что на заявления арестованных о применении к ним незаконных методов воздействия он не только не реагирует, но, напротив, даже поощряет подобные способы получения признательных показаний.

Помощник начальника ивановского областного управления НКВД М.П. Шрейдер, оказавшийся в конце **1936** года по делам службы в Москве, вспоминал впоследствии о своем разговоре с бывшим сослуживцем В.Н. Ильиным, работавшим тогда в Секретно-политическом отделе ГУГБ НКВД:

> «На мой вопрос, что из себя представляет новый нарком, Виктор начал расхваливать его демократичность и простоту, рассказывая, что он ходит по кабинетам всех следователей, лично знакомясь с тем, как идет работа.
>
> — И у тебя был? — спросил я.
>
> — Конечно, был. Зашел, а у меня сидит подследственный. Спросил, признается ли, а когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии... И разъяснил: «Вот как их надо допрашивать!» — последние слова он произнес с восторженным энтузиазмом»[206].
>
> «Обескураженный, с тяжелым чувством расстался яс ним, — пишет М.П. Шрейдер. — Ведь в течение стольких лет при Феликсе Эдмундовиче [Дзержинском] от всех чекистов строго требовали даже голоса на арестованного не повышать, не то чтобы ударить, а теперь «сталинский нарком» сам учит, как бить арестованных. Помимо того, что это в принципе аморально, я не мог не протестовать мысленно и по чисто профессиональным причинам. Ведь если сведения «выбиты», как узнать, не самооговор ли это? Как узнать главное: враг перед тобой или ослабевший от побоев и

издевательств невинный человек?»[207]

Конечно, времена Ф.Э. Дзержинского остались далеко позади, но даже и сравнительно недавно, в **1931** г., в своем известном письме «Ко всем чекистам» тогдашний зампред ОГПУ, а фактически (в связи с болезнью В.Р. Менжинского) его руководитель Ягода, обращаясь к коллегам, заявлял, ссылаясь на жалобы подследственных:

«Партия и рабочий класс никогда нам не простят, если мы хоть в малейшей мере станем прибегать к приемам наших врагов. Издевательства над заключенными, избиения и применение других физических способов воздействия являются неотъемлемыми атрибутами всей белогвардейщины. ОГПУ всегда с омерзением отбрасывало эти приемы, как органически чуждые органам пролетарской власти. Чекист, допустивший хотя бы малейшее издевательство над арестованным, допустивший даже намек на вымогательство показаний, — это не чекист, а враг нашего дела»[208].

В конце **1936** года подобная щепетильность воспринималась уже как явный анахронизм, но все же открытое поощрение методов физического воздействия, тем более со стороны высшего руководства, выглядело весьма необычно.

Впоследствии чекисты начали получать от нового наркома уже и конкретные указания, предписывающие подвергнуть допросу «с пристрастием» того или иного подследственного. Центральному аппарату была выделена для этих целей Лефортовская тюрьма, а московскому управлению — Бутырская. Оказавшимся там заключенным соответствующая процедура как бы уже гарантировалась, и иногда следователю достаточно было просто пригрозить переводом в одну из этих тюрем, чтобы добиться необходимых показаний.

И все же в первые полгода пребывания Ежова в должности наркома внутренних дел методы физического воздействия применялись не так уж часто, в основном, когда требовалось получить быстрый результат и выход на важные для следствия фигуры. В центральном аппарате НКВД «активные методы» начали широко использоваться, судя по всему, с апреля **1937** года на основе устного распоряжения Ежова. Впоследствии избиения арестованных были узаконены и распространились повсеместно, причем и сам Ежов нередко прибегал к ним в ходе допросов, проводившихся с его участием.

Один из таких допросов — очную ставку между бывшими секретарями Куйбышевского и Воронежского обкомов партии А.А. Левиным и М.Е. Михайловым, которую Ежов и его заместитель Фриновский проводили в присутствии почти десятка руководящих работников НКВД, описал впоследствии Б.В. Родос:

«Обстановка проведения очной ставки была такова: за столом сидел Фриновский. У стола друг против друга в глубоких мягких креслах были усажены арестованные Левин и Михайлов. Ежов лежал на боку на диване, что меня тогда удивило. Остальные работники НКВД стояли, а возможно, что и сидели на стульях. Сам я стоял у входной двери.

Вопросы арестованным задавали Ежов и Фриновский. В ходе очной ставки Ежов встал с дивана, подошел быстро к Михайлову и несколько раз ударил его ладонью по лицу. Вслед за этим к Михайлову подскочил Фриновский и еще кто-то из присутствующих руководящих работников НКВД и стали избивать Михайлова руками. В кабинете началась сутолока, Михайлова, который встал с кресла, толкали из стороны в сторону, и в это время, опасаясь, чтобы меня самого в сутолоке не задели, я вышел в коридор»[209].

А вот свидетельство М.П. Фриновского о допросе Ежовым своего бывшего приятеля Л.Е. Марьясина, вместе с которым они в **1927-1928** гг. работали в Оргаспредотделе ЦК:

«К следствию по его делу Ежов проявлял исключительный интерес. Руководил следствием по делу лично сам, неоднократно бывал на его допросах. Марьясин содержался все время в Лефортовской тюрьме. Избивался он зверски и постоянно. Если других арестованных избивали только до момента их признания, то Марьясина избивали даже после того как кончилось следствие, и никаких показаний у него не брали. Однажды, обходя кабинеты допросов вместе с Ежовым (причем Ежов был выпивши), мы зашли на допрос Марьясина, и Ежов долго говорил Марьясину, что тот еще не все сказал и, в частности, сделал Марьясину намек на террор вообще и теракт против него, Ежова, и тут же заявил, что «будем бить, бить и бить»[210].

Конечно, такое поведение Ежова могло быть обусловлено обстоятельствами, о которых Фриновский не знал, но, Несомненно, определенные садистские наклонности Ежову были присущи, ведь он мог при желании перепоручить «грязную работу» кому-то другому, и то, что он не гнушался выполнять ее собственноручно, говорит само за себя.

18. Атака с ходу

После опубликования **10** сентября **1936** года постановления Прокуратуры СССР о

прекращении следствия в отношении Бухарина и Рыкова нападки на правых в печати прекратились, и могло сложиться впечатление, что их решили оставить в покое. Первым сигналом, свидетельствующим о том, что не все так благополучно, как кажется, и что в недрах государственной машины идет скрытая от посторонних глаз напряженная подготовка к очередной атаке на врагов режима, стало высказывание ближайшего соратника Сталина председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова на Чрезвычайном **8**-м съезде Советов **29** ноября **1936** г. В своем выступлении, посвященном проекту новой Конституции, Молотов, упомянув о врагах партии и народа — троцкистах, неожиданно заявил: «Известно, что у них есть подпевалы и пособники также из правых отщепенцев. Что же, мы знаем, как поступать с отбросами революции»[211].

И действительно, несмотря на принятое Прокуратурой СССР постановление, реабилитирующее Бухарина и Рыкова, поиск компромата на них не прекращался ни на один день.

Именно этим (не забывая, конечно, о других своих подопечных — троцкистах) Ежов и занимался всю осень **1936** года, сначала только по партийной линии, а затем и как нарком внутренних дел. Разбросанных по тюрьмам и ссылкам, куда они попали в **1932-1933** гг. по сфабрикованным обвинениям, бывших участников правой оппозиции свозят в Москву и здесь начинают выбивать из них показания об участии в контрреволюционной деятельности. Слово «выбивать» в данном случае использовано скорее в переносном смысле, поскольку методы следствия образца **1937** г. в этот период применялись лишь в виде исключения. Изо дня в день и из ночи в ночь от подследственных требовали сведений о контрреволюционной, и в первую очередь террористической, деятельности правых, не принимая во внимание никаких возражений. Такие показания, убеждали их, необходимы для того, чтобы способствовать окончательному разгрому правой оппозиции, поскольку, как показал процесс троцкистско-зиновьевского центра, любые оппозиционные группы рано или поздно скатываются к терроризму. Если вы продолжаете считать себя коммунистами, говорили арестованным, ваш долг — помочь ликвидировать остатки оппозиционных групп и тем самым обезопасить руководителей партии от возможных покушений на их жизнь, даже если для этого придется в интересах дела признаться в преступлениях, которых не было. Так как в действительности вы этих преступлений не совершали, заявляли следователи, то опасаться вам нечего — партия и пролетарский суд карают только настоящих врагов, вроде тех, что проходили недавно по процессу троцкистско-зиновьевского центра. Если же заключенный, чьи показания были важны для следствия, сомневался в том, что самооговор и оговоры других соответствуют интересам партии, Ежову как секретарю ЦК и председателю Комиссии партийного контроля приходилось делать необходимые заверения.

Конечно, таким способом можно было убедить далеко не всех. Но все и не нужны были. Из большого числа арестованных всегда можно было отобрать десяток-другой тех, чье сопротивление ломалось уже на данном этапе. И это были лучшие свидетели. Им труднее было потом отказаться от своих слов под предлогом, что их заставили дать ложные показания. А признаться, что его убедили солгать, не всякий мог. К тому же со временем человек в этой ситуации сам начинал искать оправдания своей лжи и уже не помышлял об отказе от нее.

Ну а к упорствующим можно было в случае необходимости применить и иные методы воздействия. Некоторые из них описывает в своем письме Сталину в конце октября **1936** г. Л.А. Шацкин, участник разгромленного в **1930** году так называемого «лево-правого блока»:

> «Главный мой следователь Гендин, — пишет Шацкин, — составил текст моего признания в терроре на четырех страницах. В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания Военной коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам: «пока не подпишешь». Причем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса ночью следователь командовал: «Встать, очки снять!» и, размахивая кулаками перед моим лицом: «Встать! Ручку взять! Подписать!» и т.д.»[212]
>
> «Мы вас заставим признаться в терроре, — говорили Шацкину, — а опровергать будете на том свете»[213].

В результате применения различных методов воздействия, к началу декабря **1936** года Ежову удалось получить показания, достаточные, с точки зрения Сталина, для того чтобы выносить вопрос о правых и их лидерах на суд товарищей по партии — пленум ЦК.

Пленум открылся **4** декабря **1936** года. Первым пунктом повестки дня значился вопрос:

«Рассмотрение окончательного текста Конституции СССР». Быстро управившись с ним, участники совещания в тот же день перешли ко второму вопросу, ради которого пленум в основном и созывался. С докладом «Об антисоветских троцкистских и правых организациях» выступил Ежов. Он сообщил, что за время, прошедшее после процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», подтвердились приведенные на нем сведения о существовании запасного центра троцкистско-зиновьевской организации, в который входили от троцкистов Ю.Л. Пятаков, К.Б. Радек и Л.П. Серебряков, а от зиновьевцев — Г.Я. Сокольников. Рассказав об основных направлениях их подрывной работы (об этом пойдет речь в следующей главе), Ежов во второй части своего доклада сообщил членам ЦК об антисоветской деятельности бывших правых оппозиционеров. Оказалось, что у них имелся свой собственный контрреволюционный центр во главе с Бухариным, Рыковым и Томским, которые не только знали о террористических приготовлениях троцкистско-зиновьевского блока, но и сами считали возможным использовать в борьбе с руководством партии методы индивидуального террора.

В подтверждение своих слов Ежов сослался, в частности, на показания Л.С. Сосновского — бывшего участника троцкистской оппозиции, работавшего в последнее время под началом Бухарина в газете «Известия» и уволенного оттуда после процесса «троцкистско-зиновьевского центра». «Кстати сказать, — заметил Ежов, — этой сволочи в «Известиях» было более чем достаточно, и даже при всем моем миролюбии я, кажется, человек десять их арестовал»[214].

Из дальнейших пояснений Ежова стало ясно, что бывшие лидеры правой оппозиции, не ограничиваясь чисто теоретическими симпатиями к террору, как к способу борьбы за власть, поощряли создание среди своих единомышленников боевых групп, занятых подготовкой покушений на жизнь руководителей партии.

Слушая Ежова, Бухарин, наверное, не раз поражался тому, насколько ошибочными были его представления об этом человеке. В прежние времена их отношения были вполне дружескими. Бухарин, вспоминала впоследствии его жена А.М. Ларина, считал, что, хотя Ежов, конечно, человек малоинтеллигентный и, как всякий аппаратчик, заискивает перед Сталиным, но сам по себе — человек честный, искренне преданный партии, с доброй душой и чистой совестью[215].

Пару раз Ларина была свидетелем личной встречи Бухарина и Ежова. «Оба раза, — пишет она, — я шла вместе с Бухариным по Кремлю. Заметив Бухарина еще издали, Ежов быстрыми шагами направлялся навстречу. Его серо-голубые глаза казались действительно добрыми, лицо расплывалось в широкой улыбке, обнажавшей ряд гниловатых зубов: «Здорово, тезка, как живешь?» — приветствовал он Бухарина, крепко пожимая его руку. Затем, перекинувшись несколькими фразами, мне не запомнившимися, оба Николая Ивановича... расходились в разные стороны»[216].

В феврале **1936** года Сталин направил Бухарина за границу для покупки архива Маркса и Энгельса. В начале апреля, соскучившись по жене, находившейся в это время на последнем месяце беременности, Бухарин позвонил из Парижа в Москву Ежову и попросил посодействовать ее приезду к нему. Ежов, являвшийся, помимо прочего, еще и председателем комиссии по заграничным командировкам, обещал это устроить. Вскоре он позвонил Лариной. «Пойди в Наркоминдел, — сказал он, — оформи визу для поездки в Париж, твой влюбленный муж соскучился, он жить без молодой жены не может»[217].

Вульгарность тона, вспоминает Ларина, неприятно удивила ее, он не вязался с теми отношениями, которые существовали между ними, однако в целом, как ей показалось, Ежов сообщил о разрешении ехать в Париж вполне доброжелательно.

Когда в конце сентября **1936** г. Ежова назначили наркомом внутренних дел вместо Ягоды, Бухарин встретил это известие с удовлетворением, сказав жене, что, по его мнению, Ежов не способен на фальсификацию.

Теперь перед Бухариным предстал Ежов, которого он еще не знал. Сообщаемые им сведения настолько потрясли Бухарина, что в один из моментов он, если верить Лариной, не выдержал и закричал: «Молчать!»[218]

Но остановить Ежова это, конечно, не могло.

После доклада Ежова в прениях выступили Л.М. Каганович и В.М. Молотов, которые развили обвинения Ежова, снабдив их дополнительными подробностями и собственными комментариями. Дали слово и Бухарину с Рыковым. Ошеломленные обрушившейся на них лавиной измышлений, не имея на руках никаких документов с показаниями в их адрес, они

попытались на запомнившихся примерах опровергнуть некоторые из предъявленных обвинений. Бухарин поклялся «последним вздохом Владимира Ильича», что во всем рассказанном Ежовым нет ни слова правды, и потребовал проведения очной ставки с оклеветавшими его лицами.

Дело происходило в пятницу, следующее заседание пленума было намечено на понедельник, 7 декабря, и всю субботу и воскресенье. Ежов занимался подготовкой подследственных к очной ставке. Хотя Сталин и сказал — в одной из реплик на выступление Бухарина, что против того имеется тысяча показаний, но в действительности конкретных обвинений было не так уж много, да и те в оставшееся время надо было как следует подработать. В конечном итоге решено было выставить против Бухарина трех обвинителей: Е.Ф. Куликова — бывшего участника правой оппозиции, порвавшего связи с Бухариным в 1929 г. и только раз после этого, в 1931 г., видевшегося с ним во время случайной встречи на улице; Л.С. Сосновского, о котором уже говорилось выше, и, наконец, Ю.Л. Пятакова — главное действующее лицо так называемого «запасного (параллельного) троцкистского центра». Наиболее важным из этих — трех свидетелей был Куликов, от которого в самый последний день — 6 декабря удалось добиться «признания» в том, что при встрече в 1931 году Бухарин дал ему поручение убить Сталина.

Готовился к следующему заседанию пленума и Бухарин. Обобщив по памяти выдвинутые против него обвинения, он написал аргументированное опровержение, которое попросил раздать всем членам и кандидатам в члены ЦК и приобщить к стенограмме пленума.

Днем 7 декабря в присутствии членов Политбюро состоялась очная ставка Бухарина и Рыкова с Куликовым, Сосновским и Пятаковым. Первым пригласили Куликова. Он сообщил, что во время их встречи весной 1931 г. Бухарин будто бы заявил ему: «... Сталин сам не уйдет, его надо убрать»[219]. Однако в последующие годы они не встречались, и данная информация выглядела несколько устаревшей.

Второй свидетель, Л.С. СосновскиЙ, рассказал, что знает, со слов К.Б. Радека, об участии Бухарина в деятельности контрреволюционной организации, что самого его после возвращения в 1934 г. из ссылки Бухарин устроил на работу в редакцию «Известий», всячески поддерживал, направлял и, в частности, рекомендовал, по возможности, вставлять в публикуемые им статьи имя Сталина. «Всеми этими искусственными способами, — заявил Сосновский, — он хотел, чтобы я добился уважения и меня сочли за иного человека. Что это означает, как не фальшивую, искусственную дипломатию, умение влезать в доверие к партии, а за спиной делать другое?»[220]

Допрошенный последним Ю.Л. Пятаков показал, что говорил с Бухариным о якобы полученных в 1932 году в Берлине директивах Троцкого, касающихся необходимости перехода к тактике террора против руководства партии, и что Бухарин не выразил никакого особенного удивления, из чего Пятаков будто бы сделал тогда вывод, что ему это уже известно из других источников. Однако, по словам Пятакова, никаких организационных вопросов контрреволюционного характера он с Бухариным никогда не обсуждал.

Это был если не провал, то что-то близкое к нему, и Сталину, докладывавшему вечером того же дня на пленуме о проведенной очной ставке, пришлось признать, что высказанные на ней обвинения нуждаются в дополнительной проверке и что ни в одном из заявлений подследственных не было указаний на связь Бухарина и Рыкова с какой-либо террористической группой. Чтобы как-то сгладить конфуз, Сталин заявил, что необходимо устроить очную ставку еще с пятью-шестью арестованными, также давшими показания на Бухарина. «Эти трое меньше оговаривали, с которыми мы сегодня разговаривали»[221], — сказал он, оставив присутствующих в недоумении, зачем было устраивать очную ставку с теми, кто «меньше оговаривал», если есть более серьезные свидетели. В заключение Сталин сказал:

> «У нас складывалось такое мнение, что, не доверяя Бухарину и Рыкову в связи с тем, что стряслось в последнее время, может быть, их следовало бы вывести из состава ЦК. Возможно, эта мера окажется недостаточной, возможно и то, что эта мера окажется слишком строгой. Поэтому мнение членов Политбюро сводится к следующему — считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и очную ставку, и отложить дело решением до следующего пленума ЦК»[222].

Декабрьский пленум показал, что с ходу, наскоком, решить проблему Бухарина и Рыкова не удастся. И в этом не было вины Ежова, он делал что мог. Но нужна была более длительная и кропотливая работа с подследственными, которые пока еще не в полной мере осознали неизбежность своего участия в предложенной им процедуре и, кроме того, не очень еще

хорошо освоили свои роли. На все это требовалось время, ну а пока нужно было продолжать заниматься подготовкой процесса запасного, или, как его еще называли, параллельного троцкистского центра.

19. Дело «параллельного антисоветского троцкистского центра»

Как уже говорилось ранее, в своем письме к Сталину от **6** сентября **1936** г. Ежов, рассуждая о судьбе К.Б. Радека и Ю.Л. Пятакова, высказал мнение о нецелесообразности проведения нового публичного процесса, предложив решить вопрос с ними в режиме упрощенного (закрытого) судопроизводства.

Однако у Сталина имелось другое мнение на этот счет. Необходимо было как-то исправить ошибку, допущенную в ходе суда над Каменевым и Зиновьевым. Слишком поздно Сталин осознал, что рассказанная публике история о попытках бывших оппозиционеров захватить власть, не брезгуя при этом даже политическими убийствами, может восприниматься значительной частью населения если и не сочувственно, то, по крайней мере, как нечто, не имеющее прямого отношения к их реальным жизненным проблемам, и, следовательно, внутри страны пропагандистский эффект от только что проведенного процесса мог быть гораздо меньше ожидаемого.

6 сентября **1936** г., то есть через две недели после завершения суда, отдыхающий в Сочи Сталин пишет в Москву Молотову и Кагановичу:

> «Правда» в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском. Ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу — не дала «Правда». Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику.
>
> Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма...»[223]

Новый процесс позволил бы исправить допущенную ошибку, тем более что его основной темой, учитывая работу Пятакова и Сокольникова в хозяйственных наркоматах, могло стать так называемое вредительство. Страна должна была понять, что противники Сталина, не ограничиваясь попытками убить его самого и его ближайших соратников, готовы, совершая акты вредительства на промышленных объектах, пожертвовать для достижения своих целей также и жизнями ни в чем не повинных простых людей.

Каждый советский человек должен был осознать, что враги режима — это и его враги, а заодно уяснить, что присущие форсированной индустриализации многочисленные аварии и катастрофы в действительности есть не что иное, как результат подрывной деятельности противников существующей власти.

Одна из таких аварий произошла **23** сентября **1936** г. в Кузбассе на шахте «Центральная», где в результате взрыва метана погибли десять рабочих и еще четырнадцать человек получили тяжелые ранения. Поскольку за состояние угледобывающей отрасли отвечал в качестве первого заместителя наркома тяжелой промышленности Ю.Л. Пятаков, решено было предать это событие огласке, представив его как пример подрывной работы троцкистов.

Решение начать подготовку к новому публичному процессу было принято Сталиным, по-видимому, в начале октября **1936** г., и свидетельством этого может служить появление в «Правде» **8** октября **1936** г. передовой статьи под заголовком «Докатились». В ней, в частности, говорилось:

> «Раньше буржуазии нужно было создавать свои шайки для вредительства в нашей промышленности и в сельском хозяйстве для подрыва социалистического хозяйства и благосостояния трудящихся*. Можно ли было думать, что и для этого подлого дела найдутся выродки, вчера еще считавшие себя коммунистами?.. Если недавно, на процессе троцкистско-зиновьевской банды, Зиновьев и Каменев с наглым спокойствием подтверждали, что именно они организовали и торопили с осуществлением убийства Кирова, то теперь, припертые фактами, троцкисты сбрасывают с себя маски, под которыми они вели свою вредительскую работу в советской промышленности, на транспорте и в колхозном строительстве с целью

подрыва доверия к нашей партии и к советской власти... Контрреволюционное вредительство троцкистов в нашей промышленности, на заводах и шахтах, на железных дорогах, на стройках и в сельском хозяйстве теперь доказано и уже признано целым рядом виднейших троцкистов».

* Имеются в виду акты вредительства и саботажа, которые работающие на предприятиях специалисты из числа т.н. «бывших» якобы совершали по указке прежних хозяев, лишившихся своей собственности в результате прихода к власти большевиков. Разоблачению этих «преступлений» были посвящены Шахтинский процесс (1928 г.) и процесс по делу Промпартии (1930 г.).

Далее в статье, со ссылкой на этих неназванных «виднейших троцкистов», утверждалось также, что «эти мерзавцы не только за страх, но и за совесть выполняли службу шпионов и диверсантов в Советском Союзе во славу своих империалистических и фашистских хозяев. Став на позицию пораженцев в отношении Советского Союза, троцкистская агентура по шпионажу и диверсиям уже заранее рыла яму для трудящихся СССР, стремясь облегчить победу империалистических и фашистских войск в грядущей войне против нашей страны». «Может ли ждать пощады от пролетарской диктатуры банда троцкистских мерзавцев, — спрашивал в заключение анонимный автор передовицы. И отвечал: «У трудящихся нашей страны и у друзей СССР во всем мире на это может быть только один ответ — революционная расправа».

Под «виднейшими троцкистами», на показания которых ссылалась «Правда», подразумевались, в первую очередь, бывшие участники троцкистской оппозиции — управляющий Салаирским цинковым рудником в Кемеровской области А.А. Шестов и заместитель начальника кемеровского «Химкомбинатстроя» Я.Н. Дробнис, арестованные Управлением НКВД по Западно-Сибирскому краю соответственно в конце июля и начале августа 1936 года. Полученные от них к концу сентября признательные показания давали прямой выход на уже арестованного к этому времени Ю.Л. Пятакова, и соединение этих показаний с реальным фактом — взрывом на шахте «Центральная», создавало необходимые предпосылки для проведения открытого суда над троцкистами-вредителями.

Как «выяснило» следствие, наряду с подготовкой террористических актов против вождей партии, другой, не менее важной своей задачей контрреволюционная организация троцкистов считала проведение вредительских акций на промышленных предприятиях страны с целью дискредитировать проводимую сталинским руководством политику социалистической индустриализации. В соответствии с указаниями, полученными от Пятакова и согласованными им с Троцким, были будто бы разработаны конкретные планы дезорганизации производства на предприятиях тяжелой промышленности Кузнецкого бассейна. Предусматривалось, в частности, осуществление диверсии на электростанции в г. Кемерово, что должно было привести к затоплению ряда угольных шахт; создание препятствий в работе кемеровского коксохимического завода с целью поставить под удар металлургическую промышленность Урала; затягивание вступления в строй новейших предприятий специальной химии и т.д. «Когда мы придем к власти, — якобы говорил Пятаков своим сообщникам, — мы дела в промышленности поправим, и поправим быстро, а сейчас, в борьбе, все средства хороши»[224].

К числу таких «хороших» средств, выявленных следствием, относилось и сотрудничество с агентами немецкой разведки, действовавшими будто бы на предприятиях Кузбасса под видом представителей иностранных фирм и занимавшимися шпионажем и вредительством. Выполняя указания, полученные от проживавшего в Германии сына Троцкого Льва Седова, троцкисты якобы не только передавали немецким агентам сведения о состоянии и планах развития промышленности Кузбасса, но и намечали совместно с ними объекты для проведения диверсий. В показаниях, полученных до 23 сентября 1936 г., шахта «Центральная» среди этих объектов, естественно, не фигурировала, но в дальнейшем это упущение было исправлено, и «оказалось», что успешная диверсия на шахте была обусловлена тем, что именно здесь, согласно показаниям А.А. Шестова, сложилось «наиболее крепкое ядро участников троцкистской организации».

Дело о взрыве на шахте «Центральная», которым занималось Управление НКВД по Западно-Сибирскому краю, решено было сохранить в качестве самостоятельного направления и провести по нему после окончания следствия отдельный процесс в рамках подготовки к большому процессу в Москве. Это давало возможность глубоко и всесторонне рассмотреть механизм «вредительской деятельности» троцкистов на примере конкретного предприятия, не загромождая в то же время будущий московский процесс различными мелкими деталями технического характера.

Открытый суд над участниками «Контрреволюционной троцкистской вредительской группы на Кемеровском руднике» проходил в Новосибирске с 19 по 22 ноября 1936 г. В

своих выступлениях на процессе А.А. Шестов и Я.Н. Дробнис подтвердили данные ими на предварительном следствии показания о руководящей роли Ю.Л. Пятакова в организации диверсионной работы в Кузбассе. Фрагменты стенограммы судебных слушаний публиковались в «Правде», и таким образом население страны и мировая общественность были теперь подготовлены к тому, чтобы увидеть этого известного в прошлом оппозиционера на скамье подсудимых. По итогам процесса шесть человек были приговорены к расстрелу, еще трое — к десяти годам тюремного заключения. Шестов и Дробнис, следствие по делу которых было выделено в отдельное производство, на процессе выступали лишь в качестве свидетелей. После окончания суда их вместе с еще несколькими арестованными западносибирскими троцкистами перевезли в столицу, где они поступили в распоряжение следователей из центрального аппарата НКВД, занятых подготовкой нового московского процесса.

На тот момент, т.е. на конец ноября **1936** г., признательные показания были получены, помимо Г.Я. Сокольникова и западносибирских троцкистов, также от Ю.Л. Пятакова (вступившего на путь сотрудничества со следствием в середине октября **1936** г.), от некоторых его подчиненных из центрального аппарата Наркомтяжпрома, а также от руководителей ряда предприятий, входящих в систему наркомата. Общая схема обвинений в их адрес была прорисована уже в конце ноября **1936** г. в ходе новосибирского процесса, кроме того, как уже упоминалось в предыдущей главе, в начале декабря на пленуме ЦК Ежов также затронул эту тему и познакомил участников собрания с новыми «фактами», добытыми его ведомством.

Рассказывая о подрывной работе «заговорщиков» в оборонной и химической промышленности, Ежов остановился на показаниях начальника кемеровского «Химкомбинатстроя» Б.О. Норкина, который на одном из допросов сообщил об инструкциях по вредительству, полученных им от Пятакова, и, в частности, о требовании последнего не жалеть при этом рабочих, поскольку они, как якобы выразился Пятаков, просто «стадо баранов»*.

* Позднее, в суде. Норкин фактически отказался от этих своих «признаний».

Решив, видимо, что бесстрастный тон изложения в данном случае не вполне уместен, Ежов не стал сдерживать нахлынувшие на него эмоции. «Вот, — воскликнул он, — до чего доходит озлобление этого фашистского агента, этого выродка из коммунистов, черт его знает! Душить бы сволочей. Так спокойно нельзя смотреть на них»[225].

Чтобы у слушателей не оставалось никаких сомнений относительно морального облика человека, когда-то в подпитии коловшего его булавкой, Ежов привел разговор, который будто бы состоялся между ним и Пятаковым по поводу этих показаний Норкина.

> «Я спросил его — неужели такое отношение у него было к рабочим? — Смеется. — «Да, очевидно, что-нибудь в этом роде говорил, для того чтобы подбодрить, а может быть, и не говорил, может быть, неточно передали» [226].

Зал, как и предполагалось, взорвался криками возмущения.

В ходе следственных мероприятий преступные планы, якобы существовавшие у обвиняемых, постепенно обрастали дополнительными подробностями, однако они в основном уточняли уже известные «факты», и в отсутствие новых ярких показаний следствие со временем стало топтаться на месте. Нужен был прорыв за пределы замкнутого круга одних и тех же свидетельств, и **4** декабря **1936** г. это наконец произошло.

В тот день заговорил К.Б. Радек. Больше двух с половиной месяцев подручные Ежова убеждали арестованного в сентябре **1936** года Радека подтвердить полученные от Сокольникова, а затем от Пятакова (а еще раньше — от Каменева) сведения о его участии в деятельности запасного центра контрреволюционной организации бывших оппозиционеров, и наконец их терпение было вознаграждено. Получив, по-видимому, от Ежова какие-то гарантии в отношении своей дальнейшей судьбы, Радек прервал затянувшееся молчание, и показания, полученные от него **4** декабря и в последующие дни, сразу же позволили следствию выйти на качественно новый уровень. Дело в том, что, наряду с признаниями в террористических замыслах троцкистов (что было уже не ново), Радек уделил много места внешнеполитическим аспектам деятельности «заговорщиков», и эта часть его показаний оказалась наиболее ценной.

Справедливости ради следует сказать, что Радек не был первооткрывателем данной темы, поскольку еще раньше международной проблематики касался в своих показаниях и Сокольников. Так, в ходе допроса, состоявшегося **20** октября **1936** г., он заявил, что при

разговорах в **1934** г. с английским журналистом С. Тальботом сообщил последнему о намерениях оппозиции, придя к власти, предоставить английской промышленности большие заказы, английским концессиям — широкие возможности для работы в СССР, а также о согласии признать дореволюционные долги России и полностью отказаться от помощи Коминтерну[227]. Однако внешнеполитические сюжеты Радека были гораздо более выигрышными; поскольку, во-первых, касались контактов не с почтенной, хотя и враждебно настроенной по отношению к СССР, Великобританией, а с фашистской Германией и, во-вторых, выставляли в неприглядном свете главного врага Сталина — Троцкого.

Радек сообщил, что Троцкий, установивший якобы прочные контакты с германскими властями, поставил их в известность о том, что после прихода к власти троцкистско-зиновьевский блок готов пойти на значительные уступки по отношению к Германии. Это выражалось бы в льготных условиях для экспорта немецких товаров в СССР, в снижении цен на советские товары, экспортируемые в Германию, в допущении немецкого капитала к эксплуатации природных богатств страны, а также в некоторых территориальных уступках[228].

В случае войны между Германией и Советским Союзом, на что, по словам Радека, Троцкий возлагал большие надежды, «троцкисты-командиры могли бы даже отдельные проигранные бои использовать как доказательство якобы неправильной политики ЦК ВКП(б), вообще бессмысленности и губительности данной войны. Они, — продолжал фантазировать Радек, — также могли бы, пользуясь такими неудачами и усталостью красноармейцев, призвать их бросить фронт и обратить оружие против правительства. Это дало бы возможность немецкой армии без боев занять оголенные участки и создать реальную угрозу разгрома всего фронта»[229]. В этих условиях заговорщики, опираясь на части, возглавляемые троцкистами-командирами, получили бы реальный шанс осуществить захват власти в стране.

«Признания» Радека стали тем недостающим звеном, из-за отсутствия которого предстоящий суд мог превратиться в простое продолжение новосибирского процесса. Теперь же появилась возможность придать готовящемуся действу необходимые масштабность и остроту. Судя по тому, какое развитие внешнеполитическая тематика получила в последующих показаниях Сокольникова, Пятакова, да и самого Радека, Сталин сразу же оценил перспективность данного направления и поручил Ежову обратить на него особое внимание.

Ежов постарался, и не прошло и трех недель, как в его распоряжении оказался внушительный набор преступных изменнических планов, которые лидеры несуществующей контрреволюционной организации, уступая давлению следователей, приписали и себе, и, особенно, конечно же, Троцкому.

Так, Сокольников в своих показаниях от **12** декабря **1936** года поведал о том, что Троцкий, установив в **1933** году контакт с японскими правительственными кругами, всячески подталкивал их к войне с Советским Союзом, рассчитывая прийти к власти в результате военного поражения СССР. В частности, он будто бы рекомендовал японцам сорвать переговоры с советскими властями по вопросу о КВЖД* и захватить железную дорогу силой, поставив кремлевских вождей перед свершившимся фактом. Не имея возможности воспрепятствовать такому развитию событий, советское руководство вынуждено было бы смириться с этим, что подорвало бы его авторитет и внутри страны, и за рубежом. Попытка же силового ответа на японскую акцию привела бы, ввиду неподготовленности Советского Союза к войне, к его неизбежному поражению, что также пошло бы оппозиции на пользу.

* КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. До **1935** г. находилась в совместном управлении СССР и Японии, затем советский участок дороги был продан японцам.

В **1935** г., сообщал далее Сокольников, Троцкий проинформировал лидеров троцкистско-зиновьевского блока о том, что, поскольку Германия, учитывая перспективы роста ее военного потенциала, могла бы стать в скором времени инициатором нападения на Советский Союз, он счел необходимым установить тесный контакт и с ее руководством. В случае войны с СССР, Троцкий будто бы обещал немцам (как до этого и японцам) оказать содействие всеми имеющимися в распоряжении блока средствами — вредительством в промышленности и прямой изменой командиров-троцкистов на фронте. Чтобы еще больше привлечь обе державы на свою сторону, Троцкий якобы соглашался пойти и на определенные территориальные уступки: Японии — на Дальнем Востоке, Германии — на Украине[230].

Тему сотрудничества Троцкого с германскими властями затронул в своих показаниях от

19-20 декабря 1936 г. и Пятаков, сообщивший, что в декабре 1935 г. во время пребывания в служебной командировке в Берлине он летал в Норвегию на свидание с проживавшим там Троцким, и тот в ходе их беседы будто бы рассказал о своей встрече с заместителем Гитлера по нацистской партии Р. Гессом и о достигнутой договоренности относительно поддержки немцами троцкистско-зиновьевского блока в его борьбе за власть. Взамен Троцкий гарантировал общее благоприятное отношение нового руководства к германскому правительству и сотрудничество с ним в важнейших вопросах международной политики. Кроме того, он якобы согласился на ряд территориальных уступок (в частности, не возражал против отделения Украины от СССР, если тамошние националисты будут на этом настаивать) и пообещал допустить немецкий капитал в форме концессий или в каком-либо другом виде к эксплуатации ресурсов страны, имеющих большое значение для германской экономики (железная руда, марганец, нефть, золото, лес и т.д.)[231].

Окончательное завершение история с распродажей Троцким его бывшей родины обрела в показаниях Радека от 22 декабря 1936 года. «Оказалось», что якобы состоявшаяся встреча Пятакова с Троцким в Норвегии была вызвана необходимостью обсудить полученное накануне от Троцкого письмо, в котором тот излагал свои новые установки по вопросам внешнеполитической деятельности троцкистско-зиновьевского блока.

В этом письме, по словам Радека, указывалось на желательность захвата власти еще до начала надвигающейся войны, а для этого необходимо было активизировать террористическую деятельность против руководителей советского правительства. Для нормализации отношений с Германией признавалось целесообразным согласиться допустить ее к участию в эксплуатации месторождений полезных ископаемых на территории СССР и гарантировать поставки продовольствия и жиров по ценам ниже мировых. Что касается Японии, то ей, говорилось якобы в письме, необходимо будет уступить сахалинскую нефть, обеспечить дополнительные поставки нефти в случае войны с Америкой, а также допустить к эксплуатации советских золоторудных месторождений. Кроме того, следовало не препятствовать захвату Германией придунайских и балканских стран и не мешать захвату Японией Китая.

Если же до войны к власти прийти не удастся, этой цели можно было бы добиться, по мнению Троцкого (в изложении Радека), в результате военного поражения СССР, к чему необходимо энергично готовиться. Активная вредительская деятельность до и во время войны, помимо ослабления оборонного потенциала Советского Союза, должна показать реальную силу троцкистско-зиновьевского блока и облегчить послевоенные переговоры с Германией, что немаловажно, т.к., в случае прихода заговорщиков к власти в результате разгрома СССР, уступками мирного времени обойтись уже не удастся. В этом случае пришлось бы уступить немцам интересующие их промышленные предприятия, принять на длительный срок обязательства по покупке германских товаров, пойти на дополнительные территориальные уступки и т.д.

Для того, чтобы схема, приписываемая профессиональному революционеру Троцкому, не выглядела совсем уж нелепо, Радек снабдил ее аргументами, которыми Троцкий якобы руководствовался, разрабатывая все эти пораженческие планы: После того, как, в результате усиления Германии и Японии (хотя бы и за счет СССР), начнется неминуемая война между империалистическими державами, указывалось будто бы в письме Троцкого, можно будет снова перейти в контрнаступление, так как последствия этой войны будут способствовать возникновению в мире новой революционной ситуации.

Вот такое послание, якобы полученное Радеком в конце 1935 г., и побудило Пятакова отправиться при первой же возможности на встречу с Троцким для консультаций. Подтвердив показания Пятакова об этой встрече, Радек дополнил их новыми деталями, которыми Пятаков будто бы поделился с ним после своего возвращения в Москву. Троцкий, оказывается, пообещал немцам, что во время войны между Германией и СССР находящиеся на фронте троцкисты-командиры будут действовать по непосредственным указаниям германского генерального штаба, а после войны новое правительство компенсирует Германии часть ее военных расходов, расплатившись товарами и передачей в собственность необходимых ей промышленных предприятий.

В то же время, стремясь избежать чрезмерной зависимости от Германии и Японии, Троцкий якобы вел одновременно переговоры также с англичанами и французами. В результате состоявшейся встречи с представителями Германии, Англии и Франции был выработан проект соглашения, предусматривающего, что и Англия с Францией, в случае прихода троцкистов к власти, тоже внакладе не останутся, с чем Германия милостиво согласилась. Французам было обещано благосклонное отношение к их стремлению добиться

возвращения дореволюционных долгов России и притязаниям на металлургическую промышленность Донбасса, а англичанам — учет их интересов на Кавказе.

После войны, в соответствии с приписываемыми Троцкому замыслами, в Советском Союзе должен был быть установлен такой же социально-экономический строй, как и в других странах Европы, и, конечно же, распущен Коминтерн[232].

Выставив Троцкого в самом неприглядном свете и удовлетворив тем самым пожелания вождя, Радек поспешил дистанцироваться от преступных замыслов своего бывшего идейного наставника, а заодно и прикрыть товарищей по несчастью Сокольникова и Пятакова, заявив, что, ознакомившись с этими установками Троцкого, они не сочли возможным просто взять их на вооружение, а решили посоветоваться с единомышленниками на местах. «Ибо создалось положение, за которое мы ответственности нести не можем, оставляя в полной темноте людей, которые за эту политику будут отвечать головой. Совещание мы решили созвать в конце февраля [1936 г.]. Это нам из-за технических трудностей не удалось. В марте начались аресты и провалы, и это решило исход дела. Совещание так и не было созвано»[233].

Конечно, эта уловка Радека несколько обеляла главных фигурантов предстоящего процесса, но, с другой стороны, делала их показания более правдоподобными, а главное — дополнительно подчеркивала всю глубину падения Троцкого, от намерений которого стало не по себе даже таким отъявленным контрреволюционерам, какими следствие собиралось выставить Радека и его подельников. Поэтому Сталин не стал возражать против того, чтобы данный сюжет вошел в окончательный сценарий.

После обстоятельных и аргументированных показаний Радека, Сокольникова и Пятакова картина «преступной деятельности» запасного троцкистского центра приобрела необходимую логическую стройность, оставалось лишь нанести несколько последних мазков, и готовое полотно можно было передавать заказчику.

Поскольку главным действующим лицом будущего процесса должен был стать Пятаков, то и показания о вредительстве, которые подручные Ежова стремились получить от подследственных, касались главным образом предприятий, входящих в систему Наркомата тяжелой промышленности. Однако враги Сталина не могли действовать только в одной, хотя и очень важной отрасли народного хозяйства, и, когда этот перекос стал очевиден и сферу вредительской деятельности приспешников Троцкого решено было расширить, выбор, вполне естественно, пал на железнодорожный транспорт.

По своему стратегическому значению эта отрасль ничуть не уступала Наркомтяжпрому, а разного рода аварии случались там ежедневно, и при желании любую из них можно было изобразить как умышленную.

В середине ноября 1936-го были арестованы несколько железнодорожников во главе с заместителем наркома путей сообщения Я.А. Лившицем (бывшим троцкистом). Месяц спустя один из арестованных — заместитель начальника Центрального управления движения НКПС И.А. Князев, дал развернутые показания о диверсиях на железной дороге, которые он организовывал по поручению Лившица, и о заданиях, полученных им от некоего агента японской разведки и касающихся применения во время войны бактериологических средств для заражения воинских эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск.

В начале января 1937-го заговорил и сам Лившиц, а несколько дней спустя — еще один арестованный, заместитель начальника Свердловской железной дороги И.Д. Турок.

Необходимые условия для успешного проведения нового открытого политического процесса были созданы, пора было начинать.

Суд открылся 23 января 1937 г., и первые два дня казалось, что все идет как задумано. В своем выступлении на вечернем заседании 23 января Пятаков рассказал, как во время служебной командировки в Берлин в декабре 1935 г. доверенный представитель Троцкого, находившийся в тесном контакте с немецкими властями, организовал его перелет в Осло для встречи с Троцким. В ходе состоявшейся двухчасовой беседы Троцкий будто бы рассказывал о своих тесных контактах с нацистами и о тех услугах, которые он собирался им оказать в виде благодарности за поддержку и помощь с их стороны.

Карл Радек в своем выступлении в суде 24 января дополнил сообщение Пятакова рассказом о том, как эта встреча замышлялась, и привел некоторые подробности состоявшегося разговора. На следующее утро факт полета Пятакова в Норвегию подтвердил и допрошенный в качестве свидетеля бывший корреспондент газеты «Известия» в Германии Д.П. Бухарцев, якобы принимавший участие в организации данной встречи.

Однако в то самое время, когда Бухарцев давал свои показания, вокруг всей этой истории разразился скандал, поставивший организаторов процесса в весьма затруднительное положение. В тот день в норвежской печати было опубликовано заявление директора аэропорта Хеллер в Осло ГУлликсена, который сообщил, что в декабре **1935** года на аэродроме не совершал посадки ни один иностранный самолет, а единственный приземлившийся норвежский самолет пассажиров на борту не имел.

Это был прокол похуже эпизода с гостиницей «Бристоль» на предыдущем процессе. Там хотя бы все произошло уже после завершения суда, а здесь в самый его разгар. Кроме того, ошибку одного человека (С.Э. Гольцмана) еще можно было как-то объяснить, но сейчас уже трое подсудимых упомянули о событии, которое, как теперь оказалось, просто не могло иметь места.

О разоблачениях норвежской печати сообщили все основные иностранные средства массовой информации, и совсем никак на это не отреагировать было невозможно. **27** января после окончания допроса подсудимых и свидетелей Вышинский сообщил, что у него есть дополнительные вопросы к Пятакову. Заявив, что хочет проверить достоверность показаний Пятакова о встрече с Троцким, Вышинский попросил его подтвердить свой перелет в Норвегию и факт посадки на аэродроме в Осло.

Пятаков подтвердил, после чего Вышинский попросил суд приобщить к делу справку, полученную от консульского отдела Наркомата иностранных дел, в которой говорилось, что согласно справке, представленной Полномочным представительством СССР в Норвегии, «аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран» и что «прилет и отлет аэропланов возможен и в зимние месяцы» [234].

Конечно, этот аргумент выглядел довольно жалко, тем более, что **29** января **1937** года все тот же Гулликсен в интервью правительственной газете «Арбейдсрбладет» уточнил, что ни один иностранный самолет не приземлялся в аэропорту Хеллер не только в декабре **1935** г., но и вообще в период с **19** сентября **1935** года по **1** мая **1936**-го.

> «Кажинный раз на евтом самом месте!» — так язвительно прокомментировал историю с мнимым перелетом Пятакова главный враг Сталина Троцкий. «Каждый раз, — продолжал он, — когда сталинская юстиция упоминает «факты», относящиеся к загранице, которые поэтому могут быть проверены — дело для нее кончается безнадежным фиаско»[235].

Какова же мера ответственности Ежова за случившийся провал, поставивший под сомнение не только обвинения в адрес Троцкого (которым Сталин придавал очень большое значение), но и процесс в целом. В своей вышедшей в начале **50**-х гг. на Западе книге «Тайная история сталинских преступлений» бывший резидент НКВД в Испании А.М. Орлов, ссылаясь на начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцкого, будто бы сообщившего ему подробности этой истории, утверждал, что идею встречи Пятакова с Троцким в Норвегии навязал чекистам сам Сталин. И он же, после того как выяснилось, что длительное (не менее двух суток, исходя из расписания поездов) отсутствие Пятакова в Берлине легко может быть немцами опровергнуто, предложил использовать в качестве транспортного средства самолет, что давало возможность Пятакову обернуться за одну ночь[236]

Однако версия Орлова вызывает серьезные сомнения. Во-первых, опровержение Германии, если бы таковое последовало, легко было проигнорировать, поскольку на процессе ее собирались изобразить зинтересованной стороной. Но самое главное — невозможно представить, чтобы вождь стал так раскрываться перед подчиненными, побуждая их к прямой фальсификации следствия — это было совершенно не в его стиле.

Остается констатировать, что имеющиеся в распоряжении материалы не дают ответа на вопрос, как это могло случиться. Можно лишь предположить, что произошло какое-то рассогласование в работе Секретно-политического отдела, руководившего следствием, и Иностранного, призванного обеспечивать своих коллег необходимой информацией по зарубежным эпизодам.

Пытаясь реабилитировать себя в глазах вождя, Ежов несколько раз направлял ему подборки материалов заграничной печати, в которых обсуждалась возможность реальной встречи Пятакова и Троцкого в Норвегии, и, судя по дальнейшему развитию их отношений, Сталин в конце концов простил своему верному соратнику допущенную оплошность.

20. Февральско-мартовский пленум

После завершения процесса «параллельного троцкистского центра» пришло время вернуться к вопросу о бывших лидерах «правой оппозиции» — Бухарине и Рыкове. По распоряжению Сталина всем членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), в том числе и Бухарину, начали присылать в качестве материалов к будущему пленуму протоколы допросов находящихся под арестом бывших троцкистов и правых оппозиционеров. Они признавались в разных контрреволюционных замыслах и преступлениях, а заодно сообщали, что вся эта деятельность осуществлялась либо по прямым указаниям Бухарина, Рыкова и покойного Томского (правые), либо в тесном контакте с ними (троцкисты).

Показания, вспоминала впоследствии жена Бухарина, были хорошо срежиссированы, не противоречили одно другому. «Здорово состряпано! — сказал Бухарин, ознакомившись с первыми из них, — если бы был не я, а человек незнакомый, я бы всему поверил»[237]. На это и был расчет. В оставшееся до очередного пленума время члены ЦК должны были окончательно убедиться в справедливости выдвинутых против Бухарина и Рыкова обвинений и без колебаний принять все необходимые решения.

В начале января **1937** года членам ЦК были разосланы показания К.Б. Радека, обвинившего Бухарина, Рыкова и Томского в причастности к убийству Кирова. Ознакомившись с ними, Бухарин **12** января направил в адрес ЦК ВКП(б) заявление, в котором решительно опроверг их как вымысел и клевету. На следующий день, по поручению Сталина, Ежов организовал Бухарину очную ставку с Радеком и В.Н. Астровым, бывшим учеником Бухарина в Институте красной профессуры, осужденным в **1933** г. по делу так называемой «антипартийной группы правых («бухаринская школа»)» и с того же времени являвшегося секретным сотрудником НКВД. Астров был особенно активен, он не только повинился в различных контрреволюции онных преступлениях, но и сообщил, что зимой **1930/31** г., выступая на одном из совещаний своих единомышленников, Бухарин в связи с ожидаемыми (из-за коллективизации) восстаниями в деревне, к которым должно присоединиться и городское население, призывал своих соратников сплотить ряды и стать во главе этих восстаний.

В ноябре **1932** года при встрече с ним, Астровым, Бухарин будто бы попросил его как можно тщательнее законспирироваться и заняться подготовкой убийства Сталина[238]. («Разоблачения» Астрова произвели на Сталина, присутствовавшего вместе с другими членами Политбюро на очной ставке, настолько благоприятное впечатление, что вскоре тот был освобожден, получил в Москве квартиру и работу и, дожив до преклонного возраста, смог поделиться в прессе воспоминаниями о событиях тех лет[239].)

Подтвердил свои показания и Радек, заявивший, что в первые дни после убийства Кирова Бухарин, видя, что всех, причастных к данному преступлению, арестовали, сомневался, стоит ли делать ставку на террор, но, посовещавшись со своими единомышленниками, будто бы заявил, что нельзя отступать перед первой неудачей и что надо от партизанщины переходить к серьезной продуманной борьбе[240].

А тем временем Бухарину продолжали доставлять на дом (на работу в редакцию «Известий» он ходить перестал) очередные протоколы допросов, в которых прежние и новые подследственные обвиняли его во всех возможных грехах. Начитавшись этих обвинений, он однажды чуть было не решился на самоубийство. А.М. Ларина вспоминала, как в один из дней, зайдя в комнату мужа, увидела его сидящим за столом с револьвером в руке. Но Бухарин сказал ей, что не смог застрелиться, представив, как она увидит его, бездыханного, с кровью на виске. «Пусть уж лучше это произойдет не на твоих глазах», — добавил он.

Но если самоубийство отпадает, тогда нужно защищаться, тем более что в своем стремлении убедить членов ЦК в виновности Бухарина и Рыкова Сталин довольно опрометчиво приоткрыл '«кухню» следственной работы. Хотя, как пишет А.М. Ларина, показания и были хорошо срежиссированы, но уже присланные протоколы допросов изменить было невозможно, по мере же развития следственного процесса общая концепция обвинения неизбежно претерпевала какие-то изменения, и не все из ранее полученных и уже разосланных членам ЦК показаний укладывались в эту измененную концепцию. Кроме того, и среди арестованных, дававших под воздействием подручных Ежова те или иные показания, не все одинаково заботились о достоверности и логичности собственных «признаний», им эта роль была навязана, и они отрабатывали ее настолько формально, насколько это было возможно. Следователи, конечно, старались, чтобы добываемые ими сведения выглядели достоверно, однако полностью учесть все возможные подводные камни, особенно при описании событий пяти-семилетней давности, было очень сложно. Ну а руководителям следственного аппарата и самому Ежову, получающим ежедневно множество

протоколов от разных следователей и вынужденных сводить их воедино, при заданном темпе работы и вовсе было невозможно делать это совсем без огрехов.

На прошедших судебных процессах такой проблемы не возникало, поскольку оглашались лишь те сведения, которые не противоречили окончательной схеме, все остальное оставалось в тени. Теперь же, в связи со сталинским распоряжением о рассылке членам ЦК промежуточных протоколов допросов, руководимый Ежовым аппарат оказался в положении, в какое чекисты никогда до того не попадали (и больше уже не попадут). Впервые на публику выносился не беловик, а черновик следствия, причем опровергать его имел возможность не зависимый от следствия арестант, а находящийся на свободе член ЦК, обладающий к тому же необходимыми аналитическими способностями и достаточным временем для подготовки.

Конечно, в рассылку шли не все показания, а только кажущиеся наиболее убедительными, но и там заинтересованный читатель (а Бухарин был именно таким) мог, если покопаться, найти массу погрешностей, незаметных постороннему глазу. Кроме того, стремясь к большей достоверности, следствие старалось, по возможности, отталкиваться от реально происходивших встреч и бесед, наполняя их другим содержанием, но, поскольку в предшествующие годы лидеры правых со своими бывшими единомышленниками практически не встречались (не в последнюю очередь из-за того, что те скитались в это время по лагерям и ссылкам), большинство собираемых «фактов» относилось к периоду до **1932** г., что, конечно, значительно обесценивало выдвинутые обвинения, а иногда делало их просто абсурдными.

После тщательного изучения и сличения присланных ему протоколов допросов Бухарину удалось выявить множество логических противоречий, несовпадений во времени, ошибок и просто элементарных подтасовок, которые он зафиксировал в почти стостраничном письме, направленном **20** февраля **1937** г. в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой размножить и раздать участникам открывающегося через три дня пленума ЦК. Среди отмеченных Бухариным «проколов» следствия было десятка полтора таких, которые ставили под сомнение всю проделанную Ежовым и его помощниками работу, так как свидетельствовали об откровенной фальсификации.

Но Бухарин не только продемонстрировал очевидную сфабрикованность предъявленных ему обвинений и не только показал на конкретных примерах из присланных ему протоколов, как следователи своими вопросами наталкивали арестованных на дачу «нужных» показаний. Он пошел дальше. Хотя и в осторожной, но достаточно прозрачной форме, он дал понять будущим читателям своего письма, кто, по его мнению, является инициатором и дирижером следственного спектакля.

Дело принимало незапланированный оборот. Проигнорировать письмо Бухарина, которое, в соответствии со сложившейся практикой, пришлось раздать участникам пленума, было невозможно. И теперь, прежде чем нанести по Бухарину и Рыкову окончательный удар, необходимо было выиграть оборонительное сражение, в ходе которого предстояло, во-первых, реабилитировать органы НКВД и самого Ежова, чья репутация оказалась изрядно подмоченной, а во-вторых — нейтрализовать намеки Бухарина на какую-то заинтересованность партийного руководства, и в первую очередь Сталина, в определенном, заранее известном исходе следствия.

После недолгих раздумий была избрана простая, но эффективная линия поведения: при обсуждении вопроса «Дело тт. Бухарина и Рыкова» (он шел первым в повестке дня) Ежов и содокладчик от партии, член Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян, разоблачая «преступную деятельность» бывших лидеров правой оппозиции и «измышления», содержащиеся в письме Бухарина, в то же время демонстрируют максимальное миролюбие в определении возможных мер наказания. Основной же удар наносится участниками пленума, выступающими в прениях, и как бы под воздействием этих выступлений принимается то решение, которое и было намечено.

Как задумали, так и сделали. На открывшемся **23** феврали **1937** года пленуме ЦК первому слово было предоставлено Ежову, Напомнив собравшимся о тех обвинениях, которые он выдвинул в адрес Бухарина и Рыкова на предыдущем, декабрьском, пленуме, Ежов заявил, что за прошедший период эти обвинения полностью подтвердились, и, кроме того, к ним добавились еще и новые. Затем в довольно вялом и бесцветном («спокойном и сдержанном», по словам одного из присутствующих) выступлении, из которого пришлось убрать практически все скомпрометированные Бухариным факты и сюжеты, он высказал ряд обвинений в адрес бывших лидеров правой оппозиции, суть которых сводилась к тому, что центр правых, в лице Бухарина, Рыкова и застрелившегося Томского, в целях реставрации в

СССР капиталистического строя встал на путь организации террора в отношении руководителей партии и правительства, на путь вредительства, организации кулацких восстаний в деревне и забастовок на предприятиях. Несмотря на этот тянущий на высшую меру наказания букет преступлений, Ежов тем не менее ограничился лишь предложением исключить Бухарина и Рыкова из членов ЦК и из партии («Этого мало», — возмутился кто-то из присутствующих, не разобравшийся в хитросплетениях сценария и удивленный столь странным великодушием).

Впрямую защищаться от нападок Бухарина Ежов, каклицо заинтересованное, не стал, уступив это право члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояну, на содоклад которого и ложилась основная смысловая нагрузка первой части задуманного действа.

Свое выступление Микоян начал с дифирамбов в адрес обновленного (под руководством Ежова) НКВД.

> «Бухарин, — заявил Микоян, — взял манеру опорочивать все документы и факты. Он в своих документах делает выпады по адресу аппарата Наркомвнудела... всяческими намеками, прямыми выпадами, гнусными, наглыми хочет опорочить весь аппарат, и в особенности обновленный аппарат. Товарищ Ежов по-большевистски всю душу вложил в улучшение работы аппарата. Я должен прямо признать, что ошибки в аппарате были, но сейчас я был поражен точностью между показаниями письменными и теми показаниями, которые давались на очной ставке, во время которой я был. Я потом товарищу Ежову сказал, что я должен признаться, что аппарат, который вел это следствие, выдержал большевистский экзамен правдивости и точности.
>
> И вот Бухарин, — продолжал Микоян, — делает выпад против этого аппарата: «Ах, сами следователи дают показания»... словом, вроде того, что это сочинено против него. Только враждебный человек может относиться так к нашему органу НКВД, который старается, всемерно и успешно старается быть орудием партии, быть орудием защиты нашего советского государства.
>
> Он не щадит при этом и нашу партию, — возмущался Микоян. — Он говорит о политической установке современности, намекает, что следователи наталкивают своими особыми допросами людей, что есть какая-то политическая установка, и получается вроде того, что ЦК организует специально против него обвинение, что ЦК не хочет по-настоящему разобраться во всех материалах, что у него нет желания спасти человека, если есть хоть малейшая возможность его спасти, а наоборот, ЦК собирает против него материал. Это гнуснейший выпад против нашего Центрального комитета. И это говорится после того, как Центральный комитет нянчится с этими людьми черт знает сколько времени. Члены партии начинают заявлять, что нельзя столько времени нянчиться. (Общий шум, возглаоы: «Правильно! Довольно нянчиться!»)
>
> Он к этому прибегает, — предположил Микоян, — потому что бессилен опровергнуть факты и документы... Он хочет доказать, что врут, сочиняют и прочее. Он хочет сказать, что нельзя верить показаниям... Конечно, товарищи врагу нельзя полностью верить... но доказано, что подавляющее большинство сообщенных фактов и фамилий — это правда»[241].

Высказав все это, Микоян во второй части своего выступления вдруг заявил: «...отдельные сомнения, может быть, остаются насчет организации террора, насчет вредительства, может быть, не все доказано.....»[242] и уж совсем неожиданно продолжил: «...что Бухарин подготовлял террористические антисоветские группы, их воспитывал, это тоже доказано, но можно это не предъявлять»[243]. («Как не предъявлять?» — растерянно спросил кто-то из зала).

Закончил свое выступление Микоян, как и Ежов, предложением исключить Бухарина и Рыкова из ЦК и из партии. «Какие же это кандидаты в члены ЦК? — риторически воскликнул он. — Какие же они коммунисты?»[244]

Затем слово было предоставлено Бухарину, который, постоянно сбиваемый репликами и комментариями с мест, повторил основные аргументы своего письма. На этом первый день работы пленума завершился.

На следующем заседании слово было предоставлено Рыкову, который, избегая упреков в адрес следствия, высказал предположение, что арестованные в своих показаниях на него не лгут, а просто за давностью лет допускают вполне естественные ошибки, в то время как следственный аппарат «стремится, конечно, всеми средствами к тому, чтобы сказать Центральному комитету только то, что они по совести нашли»[245].

На этом разминка закончилась, началось основное действие, и первый же выступающий, а им оказался М.Ф. Шкирятов, заместитель Ежова по Комиссии партийного контроля, расставил все по своим местам. В резкой форме Шкирятов высмеял утверждения Бухарина и

Рыкова, что они ничего не знали о контрреволюционных настроениях своих бывших сторонников и не участвовали в их террористических приготовлениях.

> «Этим людям, — сказал он в заключение, — не только не место в ЦК и в партии, их место перед судом, им, государственным преступникам, место только на скамье подсудимых»[246].

В том же духе, кто мягче, кто жестче, высказывались и другие отобранные для участия в прениях выступающие, и почти все, разоблачив и заклеймив, в заключение требовали ни в коем случае не ограничиваться мерами партийного воздействия, а направлять дело в следственные органы или в суд. Лейтмотивом всех выступлений была мысль, что поскольку подследственным нет никакого резона навешивать на себя (а заодно и на Бухарина с Рыковым) расстрельные статьи Уголовного кодекса — значит, они говорят правду.

Наступило **26** февраля — последний день обсуждения данного вопроса. Бухарину и Рыкову была предоставлена возможность выступить с «последним словом». Постоянно перебиваемый выкриками из зала, Бухарин в течение полутора часов защищался от выдвинутых против него обвинений, но в конце не выдержал и, судя по стенограмме, заплакал. «В тюрьму пора», — послышалось из зала.

Выступление Рыкова было более коротким. Выдвинутых против него обвинений было меньше и, соответственно, разного рода накладок в показаниях тоже меньше. Поэтому основной упор Рыков сделал на то, что практически все обвинения в его адрес почему-то заканчиваются **1934** годом, а по последующему периоду, когда, казалось бы, и должна была развернуться основная работа «контрреволюционного центра правых» никаких показаний нет.

После логичных и искренних выступлений Бухарина и Рыкова у части присутствующих могли сохраниться или возникнуть вновь сомнения в достоверности выдвинутых против них обвинений. Теперь многое зависело от Ежова, которому предстояло выступить с заключительным словом. Нельзя было позволить оппонентам опорочить результаты проделанной под его руководством работы и бросить тень на стоящего (как все понимали) за его спиной Сталина. Надо было отыскать, наконец, ответ на вопрос, что же означают все эти противоречия в показаниях, которые выявил Бухарин в своем письме и он же с Рыковым в своих выступлениях на пленуме.

И Ежову удалось найти необходимое объяснение, позволяющее пробить брешь в системе защиты, выстроенной Бухариным.

> «Бухарин, — заявил Ежов, — выискивает отдельные противоречия в показаниях того или другого арестованного и делает отсюда вывод: вот, видите ли, следствие так ведется, что людям подсказывают и подсказывают невпопад. Если [бы] мы хотели подстроить Бухарину все эти показания, — продолжал он, — все это было бы причесано, все это было бы приглажено... противоречия устранены. Каждый говорил [бы] как нужно. Это и говорит за правильное ведение следствия: в разных местах десятки арестованных опрашиваются, не говорится о том, какие имеются на него показания, и эти арестованные дают, каждый по-своему, тот факт, который есть... Я думаю, что если бы все совпадало, то Бухарин кричал бы на весь мир о том, что это подстроено»[247].

Эта спасительная формула была изобретена еще в **1928** году во время Шахтинского процесса. Выступавший тогда в качестве государственного обвинителя Н.В. Крыленко, упомянув о встречающихся нестыковках в показаниях подсудимых, заявил, что, если бы все совпадало на сто процентов, можно было бы предположить наличие предварительной согласованности и что, если расхождения имеются лишь в деталях, это никак не свидетельствует о недостоверности сообщаемых сведений.

Теперь и Ежову, вслед за Крыленко, удалось не только объяснить все противоречия в показаниях арестованных, но и обосновать неизбежность этих противоречий при честном и беспристрастном ведении следствия. Конечно, кому-то могла прийти в голову мысль, что несогласованность показаний свидетельствует лишь об отсутствии предварительного сценария, а вовсе не о подлинности сообщаемых сведений. Но много ли было желающих размышлять на эту тему среди участников данного собрания?

Основной аргумент Рыкова (что все показания против него заканчиваются **1934** годом) Ежов парировал следующим образом: «Я не думаю, что мы до всего докопались. Доберемся и до **1936**, и до **1937** года»[248].

Но Ежов сумел не только нейтрализовать попытки Бухарина и Рыкова поставить под сомнение результаты работы следствия, но и использовал эти попытки для нового обвинения в адрес бывших лидеров правой оппозиции.

«Если они заняли такую линию, — заявил он, — то я думаю, что мы можем с полным правом предъявить им в результате обсуждения еще одно политическое обвинение в том, что они остались не разоружившимися врагами, которые дают сигнал всем враждебным силам, как у нас в СССР, так и за границей. (Голоса с мест: «Правильно!») Они своим единомышленникам дают сигнал: продолжайте работать, конспирируясь больше; попадешь — не сознавайся»[249].

После этого Ежов повторил основные обвинения в адрес Бухарина и Рыкова и закончил свое выступление эффектной концовкой:

«Политического ответа они не дали, ну а ссылались на противоречия следствия. Я думаю, что пленум предоставит возможность Бухарину и Рыкову на деле убедиться в объективности следствия и посмотреть, как следствие ведется». (Голоса с мест: «Правильно!»)[250]

Для решения судьбы своих бывших товарищей пленум образовал комиссию из двадцати человек, в которую вошел и Ежов. Обсудив разные предложения, в числе которых были предание суду военного трибунала с применением высшей меры наказания — расстрела (предложение Ежова), предание суду и заключение в тюрьму на **10** лет, предание суду без предрешения его приговора, комиссия в конце концов остановилась на следующем варианте: исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии, суду не предавать, а направить дело в НКВД.

27 февраля это предложение было пленумом одобрено. В принятой резолюции утверждалось, что на основе следственных материалов, очных ставок и прошедшего на пленуме всестороннего обсуждения установлено, что Бухарин и Рыков, как минимум, знали о преступной, террористической шпионской и диверсионно-вредительокой деятельности троцкистского центра и о террористических группах, созданных их учениками и единомышленниками, и не только не препятствовали этой деятельности, но и поощряли ее.

«Пленум устанавливает, — говорилось далее в резолюции, — что записка т. Бухарина в ЦК, где он пытается опровергнуть показания... троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие опровергнуть показания троцкистов и правых террористов, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнические выпалы против НКВД и допускает недостойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК, ввиду чего записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ»[251].

В тот же день Бухарин и Рыков были арестованы. Ну а пленум перешел к очередным пунктам повестки дня, важнейшим среди которых был вопрос «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения» (докладчики, соответственно, В.М. Молотов и Л.М. Каганович) и то же самое по Наркомату внутренних дел (докладчик Ежов).

И доклады, и выступления в прениях должны были продемонстрировать, как глубоко проникли упомянутые выше враги народа во все сферы жизни общества и какой урон они нанесли и продолжают наносить народному хозяйству страны. Все крупные аварии на заводах и шахтах, крушения на железных дорогах, пожары, эпидемии и т.д. на самом деле оказались результатом деятельности иностранных разведок и вредителей из числа троцкистов и правых. Приводя примеры их подрывной работы, вскрытой органами НКВД в различных отраслях экономики, участники пленума призывали друг друга повысить бдительность, преодолеть беспечность и политическую близорукость, избавиться от обывательского ротозейства, но никто толком не объяснял, что же конкретно следует делать. Выступая в прениях, Ежов специально остановился на этом вопросе.

«Получается довольно странное положение, — сказал он. — Я не знаю ни одного факта — я уже четыре с половиной месяца работаю в Наркомвнуделе — я еще не знаю ни одного факта, когда бы по своей инициативе позвонили и сказали: «Тов. Ежов, что-то подозрителен этот человек, что-то неблагополучно в нем, займитесь этим человеком»[252].

Напомнив собравшимся об этом эффективном способе разоблачения замаскировавшихся шпионов и диверсантов, Ежов в своем докладе о положении в НКВД рассказал о том, что делается для искоренения врагов народа в его собственном ведомстве. Оказалось, что из работавших в НКВД к началу ноября **1936** года **699** бывших членов зиновьевской, троцкистской и прочей оппозиции арестовано уже **138** человек.

«Чтобы вас эта цифра не пугала, — пояснил Ежов, — я должен здесь сказать, что мы подходили к бывшим оппозиционерам, работавшим у нас, с особой, гораздо более строгой меркой. Одного факта было достаточно того, что он скрыл от партии и от органов НКВД свою бывшую принадлежность к троцкистам, чтобы его арестовали. Мы рассматривали это как

предательство, потому что внутренний закон наш требует под страхом уголовной ответственности заполнять все документы правдиво, не утаивая ничего. Поэтому мы на основании наших внутренних законов таких людей арестовывали»[253].

По-видимому, всю эту историю с обманом партии Ежов придумал тут же, поняв по реакции зала, как поразила всех приведенная им цифра. В действительности, как видно из его же выступления на совещании руководящего состава НКВД **19** марта **1937** г., где также упоминались эти подробности, речь шла об аресте чекистов, которые ничего не скрывали, а вполне официально проходили по учетным данным НКВД как бывшие оппозиционеры.

Не успели, однако, слушатели переварить первую порцию откровений Ежова, как последовала вторая. Оказалось, что в недра чекистского аппарата удалось проникнуть даже агентам иностранных разведок. Особенно неблагополучная ситуация, заявил Ежов, сложилась в польском секторе Иностранного отдела, где якобы «в подавляющем большинстве работали поляки, которые были связаны со вторым отделением польского генерального штаба и являлись офицерами этого отделения». Сначала их будто бы направляли в польскую компартию, а уже через нее они проникали в аппарат НКВД.

Но, конечно, самый большой урон органам госбезопасности был нанесен, по мнению Ежова, «предательской» деятельностью бывшего начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.А. Молчанова, который не давал возможности по-настоящему разворачивать работу против троцкистов, зиновьевцев и правых, а когда такая работа по инициативе отдельных чекистов все-таки начиналась, всячески старался свернуть ее, называя предоставляемые ему материалы чепухой, ерундой и т.д.

«Является ли Молчанов одиночкой-предателем? — задал вопрос Ежов и сам же ответил: — Я должен сказать, что мы имеем довольно тревожные факты из этой области, которые объясняются... совершенно не большевистским подходом о спасении чести своего мундира, своего ведомства. Можно ли было раньше вскрыть предателей внутри нашего аппарата? — продолжал он. — Безусловно можно было, если бы мы внимательно относились к людям, к их поведению, к тому, как они ведут дела, их проверяли бы, мы могли бы вскрыть»[254].

Обозначив таким образом важнейшее направление своей будущей деятельности, Ежов закончил выступление выражением уверенности, что при помощи ЦК партии и товарища Сталина, «который изо дня в день руководит нами», удастся поставить советские органы госбезопасности на должную высоту и сделать их лучшими в мире.

По докладу Ежова пленум принял специальную резолюцию, в которой, в частности, говорилось:

«1. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников. Обязать Наркомвнудел СССР довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца, с тем чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности...

...3. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к оздоровлению органов государственной безопасности за счет выдвижения на руководящую работу новых, большевистски проверенных чекистов и удаления из аппарата разложившихся бюрократов, потерявших всякую большевистскую остроту и бдительность в борьбе с классовым врагом и позорящих славное имя чекистов»[255].

Последним пунктом повестки дня пленума был вопрос «О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистскими и другими двурушниками в парторганизациях». С докладом на эту тему выступил Сталин.

«Необходимо, — заявил он, — разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным... Наоборот, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»[256].

Указав, что буржуазные государства «кишат шпионами и диверсантами», которых эти государства засылают друг другу, Сталин высказал убеждение, что «в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства». А в роли этих вредителей, шпионов и т.д. выступают в настоящее время главные враги партии и народа — троцкисты, которые «давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных

на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти»[257].

«В чем же, — вопрошал Сталин, — состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила, — пояснял он, — состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации»[258].

Какой вывод следовал из всего вышесказанного, слушателям предстояло узнать в самое ближайшее время, и не столько от Сталина, сколько от Ежова, так как именно ему отводилась главная роль в тех событиях, которые неотвратимо надвигались на страну.

С того времени, когда в декабре **1934** года началось ужесточение внутриполитического режима, обстановка в мире существенно изменилась. Время большой войны стремительно приближалось, и в этих условиях Сталин, вероятно, пришел к выводу, что активное наращивание усилий в военной области пора уже подкрепить не менее решительными действиями по нейтрализации возможной угрозы изнутри.

А в том, что такая угроза существует, сомневаться не приходилось. В **1917** г., когда большевики только еще захватывали власть, их готовы были поддержать, судя по выборам в Учредительное собрание, лишь **25%** населения. Последовавшие затем Гражданская война, коллективизация и голод **1932-1933** гг. популярности новому режиму добавить не могли, и, хотя за прошедшие двадцать лет выросло целое поколение людей, воспитанных на коммунистических лозунгах, было очевидно, что значительная часть населения относится к существующим в стране порядкам без каких-либо симпатий.

Подтверждением этому служили и получаемые Сталиным донесения НКВД о выявленных контрреволюционных организациях, тем более что с приходом Ежова направляемая в адрес вождя информация утратила последние остатки объективности. Если Ягода, будучи профессионалом, хорошо понимавшим кухню следственной работы, еще мог иногда накладывать на присылаемые ему сообщения такие резолюции, как «Чепуха», «Не может быть» и т.д., то для Ежова понятия «не может быть», похоже, просто не существовало. Стремясь продемонстрировать возросшую активность чекистского ведомства, он всячески поощрял служебное рвение своих подчиненных, те, за неимением других способов оправдать ожидания начальства, изобретали все новые и новые «антисоветские» группы и организации, и вся эта внешне правдоподобная дезинформация изо дня в день ложилась на стол вождя. Будучи, как и большинство диктаторов, человеком весьма подозрительным (можно даже сказать, болезненно подозрительным), Сталин не имел оснований не доверять присылаемым ему донесениям, тем более что проверить их достоверность он все равно был не в состоянии.

В конце концов постоянное чтение так называемых спецсообщений НКВД и протоколов допросов арестованных сформировало у вождя совершенно гипертрофированное представление о масштабах угрозы, якобы исходящей от тысяч и тысяч активных противников режима, готовых при первой же возможности встать на путь шпионажа, вредительства, террора, организации восстаний и т.д. И если в мирное время ситуацию еще удавалось держать под контролем, то в случае войны, когда все ресурсы государства были бы брошены на борьбу с внешним врагом, сил для борьбы с врагом внутренним могло уже и не остаться, как это и произошло с царской Россией в **1917** г. Необходимо было нанести упреждающий удар по потенциальной «пятой колонне», застраховав существующий в стране режим от возможных потрясений в военное время.

Мнение вождя разделяли и его ближайшие соратники. Некоторые из них сумели впоследствии обнародовать свой взгляд на события тех лет, причем В.М. Молотов и Л.М. Каганович даже попытались теоретически обосновать все происходившее. Лучше всего это получилось у Молотова, второго после Сталина человека в тогдашнем партийном руководстве, благополучно дожившего до **1986** г. и успевшего перед смертью поделиться своими воспоминаниями с писателем Ф.И. Чуевым, который издал затем книгу под названием «Сто сорок бесед с Молотовым».

Приведем некоторые из высказываний Молотова, имея в виду, что подобных взглядов вполне мог придерживаться и Ежов. Итак, слово Молотову:

«Я считаю, что мы поступили правильно, пойдя на некоторые неизбежные, хотя и серьезные излишества в репрессиях, но у нас другого выхода в тот период не было... тогда бы у нас во время войны была бы внутренняя такая драка, которая бы отразилась на всей работе, на самом существовании

Советской власти»[259].

«...тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим. Конечно, было бы, может, меньше жертв, если бы действовать более осторожно, но Сталин перестраховал дело — не жалеть никого, но обеспечить надежное положение во время войны и после войны...»[260].

«Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны»[261].

«1937 год был необходим, если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грядущей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны». Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся»[262].

«...пострадали не только ярые какие-то правые или, не говоря уже, троцкисты, но пострадали и многие колебавшиеся, которые нетвердо вели линию и в которых не было уверенности, что в трудную минуту они не выдадут, не пойдут, так сказать, на попятную»[263].

«...конечно, переборщили, но я считаю, что все это допустимо ради основного: только бы удержать власть»[264].

Можно, конечно, предположить, что Молотов, внесший посильную лепту в развязанный в стране террор, ссылками на предвоенную обстановку просто пытается найти хоть какое-нибудь оправдание своим действиям. Но вот мнение человека, которого невозможно заподозрить в стремлении обелить себя. Из тюремной камеры письмо Сталину пишет Н.И. Бухарин, обдумывающий случившееся с ним и пытающийся найти всему происходящему какое-то рациональное объяснение.

«Есть, — пишет Бухарин, — какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, в) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по третьему. Я, — отмечает далее Бухарин, — настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все»[265].

Высказывания таких разных людей, как Молотов и Бухарин, об оправданности террора в связи с предвоенной обстановкой свидетельствуют о том, что эти представления действительно были распространены среди тогдашней партийной верхушки и не зависели от собственной причастности или непричастности к репрессиям.

Однако о каком переходе к демократии упоминает Бухарин как о еще одном событии, оправдывающем идею «генеральной чистки»?

Дело в том, что в соответствии с новой Конституцией, принятой в декабре **1936** года, в стране предстояло провести выборы в новый высший орган власти — Верховный Совет СССР. Прежде выборы в Советы всех уровней были многостепенными, а само голосование — открытым, по спискам, с разными нормами представительства для городского и сельского населения. Кроме того, избирательных прав были лишены **11** категорий граждан: бывшие кулаки, торговцы, офицеры, чиновники, сотрудники полиции, бывшие и нынешние служители религиозных культов и т.д. и т.п.

Новая Конституция, призванная, по замыслу ее создателей, убедить и собственный народ, и мировую общественность в том, что в Советском Союзе построен социализм, не могла, конечно, оставить в неприкосновенности старую избирательную систему. Поэтому выборы в СССР становились теперь прямыми и равными, голосование тайным и не по спискам, а по отдельным кандидатурам, а лишенные избирательных прав (так называемые «лишенцы») превращались в политически полноценных граждан.

Подключение к избирательному процессу такой большой группы бывших «классовых врагов» (при том, что и среди остального населения не на всех можно было положиться, особенно в условиях тайного голосования) представляло для власти определенную опасность. Новых избирателей, да и вообще недовольных режимом, необходимо было нейтрализовать, и по возможности надолго, если не навсегда, чтобы не сталкиваться с этой проблемой каждые четыре года. Конечно, результаты выборов зависели не столько от того, кто и как проголосует, сколько от того, кто будет потом подсчитывать эти голоса, а здесь никаких проблем вроде бы не возникало, но все равно подстраховаться не мешало.

Одним словом, и по внешним и по внутренним причинам пора было заняться радикальной чисткой советского общества от неблагонадежных элементов, и приступать к ней следовало не откладывая.

Судя по всему, к этому времени, т.е. к весне **1937** года, Сталин уже не только принял соответствующие решения, но и продумал основные этапы их реализации. Какими-то наметками своих планов, по мере того как они вызревали, Сталин, вероятно, делился и с ближайшими помощниками, в частности с Ежовым. Как вспоминал позже один из приятелей Ежова, С.С. Шварц, в конце **1935** г., во время одной из вечеринок в компании сослуживцев по аппарату ЦК, Ежов в разговоре упомянул о предстоящем «историческом перераспределении кадров». Когда несколько дней спустя Шварц поинтересовался, что означают эти слова, Ежов ответил, что «все старые кадры пойдут побоку, пройдет один или два тура смены всех людей, чтобы от старых кадров совершенно освободиться»[266].

Однако, когда к началу **1937** года сталинский план приобрел уже законченный вид, вождь, судя по всему, не стал посвящать в свои намерения даже ближайших соратников. Им предстояло знакомиться с его замыслом постепенно, по мере того, как будет возникать потребность в коллективном одобрении тех или иных решений, обеспечивающих достижение намеченной цели. Слишком уж радикальной была идея, чтобы можно было поделиться ею с кем бы то ни было. Ведь речь шла не просто об изоляции реальных или потенциальных противников режима, как это не раз делалось в предыдущие годы, а о физическом уничтожении сотен тысяч людей, причем не только беспартийных, но и членов партии.

Чистка, проведенная в **1935** году под видом проверки партийных документов, позволила освободить партию от явных врагов (выходцев из чуждой социальной среды, бывших оппозиционеров, подозрительных иностранцев и т.д.). Теперь же предстояло избавиться от врагов скрытых, к которым с формальной точки зрения придраться было невозможно. При этом, в отличие от **1935** года, когда внешняя обстановка была более спокойной, сейчас уже одним исключением из партии было уже не обойтись, ведь в случае войны вся эта масса обиженных бывших коммунистов могла стать питательной средой для любых сил, стремящихся подорвать режим изнутри. Нужны были радикальные меры, и чем радикальнее, тем лучше.

Опыт массового репрессирования в мирное время политически неблагонадежного населения в стране уже был и относился он к периоду коллективизации. Теперь нечто еще более радикальное предстояло совершить в условиях действия только что принятой новой Конституции, гарантирующей, пусть и декларативно, определенный набор гражданских прав и свобод. Что касается партии, то ей через такое «чистилище» предстояло пройти впервые, и эта часть задачи была, конечно, наиболее трудной.

Уверенности в том, что все пройдет гладко и без помех, у Сталина не было. Поэтому необходимо было выстроить линию своего поведения таким образом, чтобы его направляющая роль не так сильно бросалась в глаза, чтобы принимаемые им решения выглядели, по возможности, как ответ на чью-либо инициативу, чтобы решения эти имели вид коллегиальных и чтобы, в случае возникновения каких-то осложнений, их можно было объяснить издержками исполнения.

Работа предстояла большая, и начинать ее надо было с тех, чьими руками она должна была быть выполнена — с чекистов.

21. Смена караула

Существует, ставшая уже общепринятой, версия о том, как начиналась чистка старой чекистской гвардии. Ее автором является бывший резидент НКВД в Голландии Вальтер Кривицкий, ставший невозвращенцем в **1937** году. Отсчет событиям, приведшим к разгрому прежнего НКВД, он ведет с выступления Ежова **18** марта **1937** года на совещании, обсуждавшем задачи, стоящие перед Главным управлением госбезопасности в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК. В статье, опубликованной в **1938** году в эмигрантском журнале «Социалистический вестник» и в книге «На сталинской секретной службе», выпущенной в Лондоне год спустя, Кривицкий описал, с какой яростью Ежов в своей речи обрушился на Ягоду и его ближних соратников в центральном аппарате НКВД, обвинив их в шпионаже в пользу Германии, в растрате государственных денег, а Ягоду еще и в сотрудничестве с царской охранкой в дореволюционный период. Руководящие кадры НКВД, заявил будто бы Ежов, потеряли доверие Сталина. На их место придут проверенные преданные люди из Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), которые железной метлой выметут презренных ставленников Ягоды[267].

Эту историю, со ссылкой и без ссылки на Кривицкого, часто пересказывают в публикациях, посвященных репрессиям **30**-х гг., не подозревая, что практически ничего общего с действительностью она не имеет. На самом же деле в своем вполне безобидном

выступлении на данном совещании, проходившем, кстати, не **18**-го, а **19-21** марта **1937** г., Ежов просто пересказал, почти дословно, свой двухнедельной давности доклад на пленуме ЦК: так же, как и в тот раз, посетовал на неумение чекистов противостоять новым изощренным методам борьбы, которые якобы взял на вооружение классовый враг, отметил недостатки в работе с агентурой, указал на неправильную кадровую политику.

> «Людей, — заявил Ежов, — подбирали как хотите, но политических мотивов не было, и ими не руководствовались, а руководствовались при подборе людей другими соображениями, такого порядка, например, сумеет ли вовремя угодить начальству, сумеет ли вовремя крикнуть «ура» и так далее...»[268]

Никого из окружения Ягоды, так же как и его самого, Ежов в шпионаже не обвинял, да и не мог обвинять, поскольку большинство из них, в том числе и Ягода, в это время еще оставались на свободе. Соответственно ничего не говорилось и о связях Ягоды с царской охранкой.

> «Нас называют вооруженным мечом революции, — заявил Ежов в заключение. — Из тех фактов, о которых я говорил, [видно, что] меч маленечко, чуть-чуть притупился. Надо его заострить, наточить этот меч. И я думаю, что... Центральному комитету партии, товарищу Сталину мы можем сказать, что этот меч будет отточен!»[269]

Этими словами намеки Ежова на предстоящие преобразования и ограничились, никакие проверенные люди из Секретариата и Оргбюро ЦК даже не упоминались.

Для чего нужна была чистка главного охранного ведомства страны? По мнению еще одного невозвращенца, бывшего резидента НКВД в Испании А.М. Орлова, избавляясь от чекистов старой формации, Сталин и Ежов заметали следы совершенных ими преступлений, убирая людей, слишком много знавших о том, как были организованы показательные московские процессы[270].

Представляется, однако, что это слишком простое объяснение. Какой смысл менять уже проверенных в работе фальсификаторов, если предстояли новые крупные дела и полученные при подготовке московских процессов навыки и технологии могли понадобиться еще не раз и не два.

Чекистов старой школы следовало заменить не потому, что они слишком много знали (пришедшие им на смену знали уже через месяц ничуть не меньше), а потому, что для тех задач, которые стояли теперь перед НКВД, многие из них были совершенно непригодны. Пока надо было организовывать процессы над «буржуазными» специалистами, подвергать репрессиям кулаков и священнослужителей, преследовать бывших оппозиционеров и т.д., они еще были на своем месте. Но надвигающаяся кардинальная чистка ставила в повестку дня новые задачи, и теперь, не ослабляя борьбы с прежним противником, следовало не меньшие усилия сосредоточить на выявлении врагов в партийном и государственном аппарате. Однако воспитанные совсем в других традициях многие чекисты-ветераны с явным неодобрением относились к попыткам Сталина втянуть их в борьбу с товарищами по партии. Кроме того, наблюдая Сталина и других руководящих работников с близкого расстояния, значительная часть из них давно уже утратила веру в непогрешимость «вождей», и были все основания сомневаться в их готовности беспрекословно выполнять любые идущие сверху указания.

Старую чекистскую гвардию пора было убирать со сцены, и первой крупной жертвой внутренней чистки становится заместитель начальника саратовского краевого управления НКВД, комиссар государственной безопасности **3**-го ранга И.И. Сосновский. В прошлом — резидент польской разведки в России, Сосновский был арестован в **1920** г. и тогда же перевербован, согласившись на сотрудничество при условии возвращения на родину после окончания следствия всех названных им агентов-поляков, что и было сделано. В дальнейшем Сосновский работал в подразделениях Особого и Контрразведывательного отделов ВЧК-ОГПУ в центре и на местах и к **1934** г. дорос уже до уровня заместителя начальника Особого отдела ГУГБ НКВД. В декабре **1934** года в составе бригады московских чекистов он выезжал в Ленинград, где принимал участие в расследовании обстоятельств убийства С.М. Кирова. Вероятно, именно в те дни Сосновский в очередной раз попался на глаза находившемуся там же Сталину, который выразил недовольство тем, что на такой ответственной работе находится бывший польский разведчик. После этого Сосновский в начале января **1935** года был переведен в Саратовский край на должность заместителя начальника местного УНКВД, где с тех пор и находился.

В **1936** году некоторые из проживающих в Москве польских коммунистов, обеспокоенные арестами в их среде, обратились в НКВД с заявлением, в котором высказали предположение, что именно Сосновский направляет органы госбезопасности по ложному следу[271]. Кроме

того, в ходе допросов арестованных поляков были получены «сведения» о шпионской работе Сосновского, так что в ноябре **1936**-го он был арестован. Тогда же за решеткой оказались и многие другие чекисты польского происхождения — внутри НКВД вовсю шла охота на мифических польских агентов.

Следующим представителем чекистской элиты, разделившим судьбу Сосновского, стал бывший начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, комиссар государственной безопасности **2**-го ранга Г.А. Молчанов. Назначенный в конце ноября **1936** г. наркомом внутренних дел Белоруссии, Молчанов пробыл в Минске недолго, затем был отозван в Москву и в начале февраля **1937** г. арестован. Формальным поводом для ареста стало его «неправильное поведение» в истории с агентом Л.Б. Зафраном, о чем уже рассказывалось ранее.

Однако основная чистка началась в НКВД в конце марта **1937** года после ареста бывшего наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды и продолжалась в наиболее интенсивной своей фазе примерно до конца октября того же года. За этот период были арестованы шесть из восьми начальников отделов Главного управления госбезопасности и треть руководителей основных региональных подразделений НКВД, занимавших эти должности на момент прихода Ежова.

К концу апреля **1937** года от Ягоды и арестованных к тому времени его бывших подчиненных удалось с помощью уговоров и избиений получить показания о якобы действующей в НКВД заговорщицкой организации, ставящей целью свержение существующего руководства и захват власти в стране.

С этого времени следствие ведется в режиме особой секретности, чтобы упоминаемые в показаниях имена «заговорщиков» не стали широко известны до того, как руководство НКВД определит, какие из них названы «правильно», а какие нет.

Заявления арестованных записывались сначала начерно, потом их корректировал начальник того отдела ГУГБ, который контролировал данное следствие, вслед за этим очень часто к делу подключался начальник Секретариата НКВД Я.А. Дейч, после чего отредактированный текст поступал на согласование к Фриновскому или Ежову, и уже с учетом их замечаний оформлялся окончательный вариант протокола допроса.

Если же показания, обличающие «заговорщиков», поступали из региональных управлений и исправить их было уже невозможно, приходилось вызывать арестованных в Москву и путем передопросов вынуждать их отказываться от обвинений в адрес тех чекистов, которым Ежов доверял и с которыми собирался работать и дальше.

Новая команда, сменившая ставленников Ягоды, формировалась из разных источников, важнейшим из которых стало Управление НКВД по Северо-Кавказскому краю, на протяжении многих лет возглавлявшееся одним из наиболее авторитетных чекистов старой формации Е.Г. Евдокимовым.

Единственный из чекистов, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени, Евдокимов в конце Гражданской войны работал заместителем начальника Особого отдела Юго-Западного фронта. Сталин в этот период был членом Реввоенсовета того же фронта, и результатом этого знакомства стали достаточно доверительные отношения, сложившиеся у Евдокимова с вождем.

В **1923** году Евдокимов возглавил Полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, и именно он в **1927** году из ряда аварий на угледобывающих предприятиях края создал в соответствии с поручением Сталина так называемое «Шахтинское дело», закончившееся первым в стране фальсифицированным процессом над врагами народа — вредителями. (Четвертый орден Красного Знамени был получен как раз за это.)

В период работы в Особом отделе Юго-Западного фронта, затем во Всеукраинской чрезвычайной комиссии и, наконец, в Северо-Кавказском крае Евдокимов подобрал и сплотил вокруг себя большую команду преданных ему чекистов, которых он продвигал по служебной лестнице, представлял к награждениям, брал, в случае необходимости, под защиту и т.д. Хотя некоторым и не нравилось его нежелание считаться с чьим-либо мнением, кроме своего, но во внеслужебной обстановке он держался подчеркнуто демократично, и это создавало ему дополнительный авторитет.

Сплачивало евдокимовцев не только общее дело, но и поощряемые шефом коллективные формы досуга. Один из северокавказцев, И.Я. Ильин, вспоминал позднее:

> «Как правило, ни одно оперативное совещание, созываемое в Ростове довольно часто, не проходило без того, чтобы в конце совещания, а

зачастую и во время его, не устраивалась грандиозная пьянка с полным разгулом, длившаяся иногда сутки и более. Были случаи, когда отдельных работников разыскивали только на третий или четвертый день где-нибудь в кабаках или у проститутки»[272].

В конце **1929** г. Евдокимов был переведен в Москву и назначен начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ. На этом посту он пробыл полтора года до того момента, пока летом **1931** г. вместе с несколькими своими единомышленниками не предпринял попытку избавиться от тогдашнего первого заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, являвшегося, в связи с болезнью В.Р. Менжинского, фактическим руководителем чекистского ведомства. Поводом для атаки на Ягоду послужила проводившаяся в то время в рамках так называемого дела «Весна» массовая чистка военного ведомства. В ходе ее было арестовано большое число бывших царских офицеров и генералов, служивших в Красной Армии со времен Гражданской войны и якобы являвшихся членами подпольных контрреволюционных организаций.

Заявляя о фальсифицированности дела «Весна» (что соответствовало действительности), Евдокимов и четверо других высокопоставленных работников ОГПУ рассчитывали, опираясь на поддержку некоторых членов Политбюро, убедить в своей правоте также и Сталина. Однако сделать этого не удалось. На заседании Политбюро, рассматривавшем возникший конфликт, Сталин оппозиционеров не поддержал, а лично Евдокимова упрекнул в том, что тот оказался в компании склочников.

Все пятеро были освобождены от занимаемых должностей, трое из них навсегда покинули ОГПУ, а Евдокимов, пострадавший меньше других, был переведен на вполне престижный пост полномочного представителя ОГПУ по Ленинградской области. Однако уже через две недели стараниями Ягоды он был освобожден и от этой должности и направлен руководить полномочным представительством ОГПУ по Средней Азии. Для здоровья Евдокимова тамошний климат был просто губительным, и с того времени его неприязненное отношение к Ягоде сменилось уже ничем не прикрытой враждой.

В конце **1932** года Евдокимов был возвращен на Северный Кавказ, где, в связи с проводившейся в тот период коллективизацией, сложилась очень непростая обстановка. Действуя решительно и жестко, Евдокимов сумел переломить ситуацию, и к весне **1933** г. с крестьянскими волнениями в крае было покончено.

В январе **1934**-го Сталин перебрасывает его на партийную работу и делает первым секретарем Северо-Кавказского крайкома партии. С этого моментаначинают складываться отношения Евдокимова и Ежова, которые становятся особенно тесными после того, как в начале **1935** года Ежова назначают заведующим Отделом руководящих партийных органов. В этом качестве он помогает «молодому» партработнику Евдокимову подбирать кадры для партийного и советского аппарата, дает ценные советы в отношении проводившихся в тот период проверки, а затем и обмена партийных документов.

Как секретарь ЦК, курирующий органы госбезопасности, Ежов в беседах с Евдокимовым неоднократно затрагивал вопросы, касающиеся НКВД, всячески поощряя при этом критические замечания Евдокимова в адрес Ягоды. Во время одной из таких бесед, незадолго до назначения Ежова наркомом внутренних дел, когда вероятность такого назначения стала уже вполне очевидной, Евдокимов обратился к нему с таким предложением: «Бери, Николай Иванович, в НКВД и меня. На пару рванем так, что чертям станет тошно»[273]. Ежов промолчал, но по выражению его лица Евдокимов понял, что идея руководить НКВД с кем-то на пару не показалась ему особенно привлекательной.

В дальнейшем, став наркомом и столкнувшись со сложностью управления громоздкой машиной НКВД, Ежов готов уже был взять Евдокимова себе в помощники, однако на этот раз против оказался Сталин.

На протяжении **1936** года в северокавказской парторганизации, как и во множестве других, были выявлены всевозможные «антипартийные элементы». Обнаружились они и в окружении Евдокимова, и на февральско-мартовском пленуме ЦК ему пришлось каяться в том, что он, «прожженный чекист», не сумел вовремя распознать врага.

Человека с притупившейся политической бдительностью нельзя было ставить на НКВД, поэтому на просьбы Ежова назначить Евдокимова его первым заместителем вождь ответил отказом. А между тем вопрос о первом заместителе стал для Ежова в начале **1937** года весьма актуальным. Выполнявший эти обязанности Я.С. Агранов на том же февральско-мартовском пленуме ЦК подвергся резкой критике за недостаточную решительность в борьбе с врагами народа — троцкистами и зиновьевцами. Это был верный признак того, что его карьера подходит к своему завершению. Для самого Агранова такой поворот, возможно, стал

неожиданностью, но Ежов о претензиях Сталина к его первому заместителю знал, естественно, еще до пленума, и, поскольку кандидатура Евдокимова тоже не проходила, нужно было подыскивать какой-то другой вариант.

После непродолжительных раздумий Ежов сделал выбор в пользу М.П. Фриновского. Свою деятельность в органах госбезопасности Фриновский начинал под руководством Евдокимова в Особом отделе Московской ЧК. Когда в конце **1919** г. Евдокимов был переведен на Украину, он вызвал Фриновского к себе, и на протяжении последующих семи лет они работали вместе. В **1926** году Фриновский, тогда первый заместитель полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, был командирован на курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии РККА им. Фрунзе. После окончания учебы был оставлен в Москве и назначен сначала помощником начальника Особого отдела ОГПУ Московского военного округа, а затем командиром-комиссаром дивизии особого назначения им. Дзержинского при коллегии ОГПУ. В **1930** году во главе войскового отряда был направлен в Дагестан, а затем в Азербайджан, где участвовал в подавлении крестьянских восстаний, происходивших там в период коллективизации. С сентября **1930** г. по апрель **1933** г. выполнял обязанности председателя ГПУ Азербайджана, затем был возвращен в Москву и назначен начальником Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ, переименованного в **1934** г. в Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД.

Несмотря на то, что его бывший патрон Евдокимов имел очень плохие отношения с Ягодой, сам Фриновский числился среди фаворитов наркома. Пользовался он доверием и Сталина, с которым, так же как Евдокимов, был, вероятно, знаком со времени работы в **1920** г. в Особом отделе Юго-Западного фронта.

Ежов познакомился с Фриновским еще до своего назначения в НКВД. Будучи секретарем ЦК, контролирующим органы государственной безопасности, он имел среди руководящих работников наркомата нескольких информаторов, докладывавших ему о ситуации в чекистском ведомстве, о вопросах, обсуждаемых на совещаниях, проводимых Ягодой, и т.д. Одним из таких информаторов был Фриновский.

Летом **1936** г. находившийся в Москве Евдокимов пригласил Ежова и Фриновского к себе в гости. Зашел разговор о чекистских проблемах, и Ежов, рассказав о каких-то делах, высказался в том духе, что если бы он работал в НКВД, то взял бы себе в заместители Фриновского (при этом он дружески похлопал его по плечу), а в аппарат набрал бы людей из северо-кавказского управления[274].

Став наркомом, Ежов обещание назначить Фриновского своим заместителем выполнил, а теперь уже готов был сделать его и первым замом. Он стал приглашать Фриновского на обед к себе на квартиру, советоваться с ним по делам НКВД, приглашал на совещания по оперативным вопросам, тогда как другие заместители на эти совещания приглашались не всегда.

В одной из бесед, состоявшейся в начале **1937** г., Ежов дал понять Фриновскому, что рассматривает его как наиболее подходящую кандидатуру на должность своего первого заместителя и собирается обратиться с соответствующим ходатайством к вождю. Однако Фриновский не только не обрадовался предстоящему служебному росту, но, напротив, стал всячески отказываться от сделанного ему предложения, объясняя, что почти весь период своей службы в органах госбезопасности провел на командно-строевых должностях в войсках и с оперативно-чекистской работой знаком плохо.

Ежов все это выслушал, но от своего намерения отказываться не стал, и при очередной их беседе, происходившей уже после февральско-мартовского пленума, сообщил Фриновскому о своем окончательном решении выдвинуть его кандидатуру на пост первого заместителя.

В середине апреля **1937** г., вызвав Фриновского к себе на квартиру, Ежов завел с ним разговор о предстоящих кадровых перестановках в НКВД. Затем на беседу были приглашены начальник Секретариата НКВД Я.А. Дейч, начальник Секретно-политического отдела В.М. Курский, заместители Ежова М.Д. Берман и Л.Н. Вельский. Ежов объявил собравшимся о своем решении назначить Фриновского первым заместителем. Тот, по обыкновению, стал отнекиваться, предлагал вместо себя Л.Н. Вельского, однако последний сразу же отказался, после чего все присутствовавшие принялись убеждать Фриновского согласиться занять предложенную ему должность.

Общими усилиями Фриновского удалось уговорить, но тут возникла новая заминка. Начальником Отдела охраны вместо К.В. Паукера, арест которого был предрешен, Ежов

предложил присутствующего на встрече В.М. Курского, с одновременным назначением его еще одним своим заместителем. Курский, по примеру Фриновского, стал отказываться, предлагая вместо себя начальника северо-кавказского УНКВД И.Я. Дагина.

Идею назначения Дагина начальником Отдела охраны выдвинул в свое время Евдокимов, поддерживал ее и Фриновский, но Ежов считал, что Дагина в Политбюро еще не знают, а Курский, хорошо зарекомендовавший себя в бытность начальником УНКВД Западно-Сибирского края, партийному руководству известен и, вследствие этого, является более подходящей кандидатурой.

После того, как вопрос о Курском был решен, все остальные кадровые изменения были согласованы достаточно быстро и вступили в силу после их утверждения на ближайшем заседании Политбюро.

Возвышение Фриновского и Курского было всего лишь одним из проявлений начавшейся весной **1937** г. экспансии северокавказского клана чекистов. Сделав ставку на питомцев «гнезда Евдокимова», Ежов стал активно заменять ими прежние ягодинские кадры, в первую очередь на территориальном уровне. Бывший начальник управления НКВД по Северо-Кавказскому краю И.Я. Дагин впоследствии вспоминал:

> «После февральско-мартовского пленума ЦК в 1937 г. я, находясь в приемной, ожидал вызова к Ежову. В это время из кабинета вышел Ежов, а с ним Миронов, Дейч, Курский [все бывшие северокавказцы] и другие. Ежов, поздоровавшись со мной, указал на меня и сказал: «Вот кто не выполняет указания вождя, вот где, как говорят они (Ежов показал рукой на Дейча, Курского и Миронова), застоялись кадры. Сколько можно взять у вас ответственных работников в центральный аппарат и на периферию?»
>
> Все в один голос ему ответили: «Много, много, Николай Иванович!»
>
> Я стал просить Ежова не ослаблять аппарат Северо-Кавказского края, указав цифру — сколько чекистов взято за последнее время в другие края и в центральный аппарат НКВД.
>
> «Нужны люди, а у вас их много», — заявил мне на это Ежов. Дейч и Курский поддержали Ежова, сказав, что человек двадцать северокавказцев можно смело выдвинуть на работу начальниками УНКВД или их заместителями» [275].

Примерно так и получилось. К концу **1937** г. выходцы из северо-кавказского управления оказались во главе **14** краевых, областных и автономнореспубликанских управлений и наркоматов внутренних дел Российской Федерации. Три отдела ГУГБ тоже возглавлялись к этому времени северомкавказцами.

Помимо северо-кавказского управления, важную роль в обновлении руководящего состава играли московское УНКВД, возглавляемое свояком Сталина С.Ф. Реденсом, ленинградское управление, руководимое близким к Ежову Л.М. Заковским, а также возглавлявшееся до апреля **1937** г. Фриновским Главное управление пограничной и внутренней охраны.

Ряд ответственных постов в Главном управлении госбезопасности Ежов доверил своим бывшим соратникам по партийному аппарату, перешедшим вслед за ним на работу в НКВД. Поначалу они использовались на различных вспомогательных участках: Административно-хозяйственном управлении, Секретариате, Отделе кадров, Учетно-регистрационном отделе, но с весны **1937** г. начинается их приобщение и к собственно чекистской работе. В мае М.И. Литвин становится начальником Секретно-политического отдела, в июле И.И. Шапиро и С.Б. Жуковский возглавили, соответственно, Специальный отдел и Отдел оперативной техники. Таким образом, с учетом того, что В.Е. Цесарский продолжал руководить Учетно-регистрационным отделом, под началом партийных сослуживцев Ежова оказались к концу июля **1937** г. четыре из двенадцати отделов Главного управления госбезопасности.

Было бы неправильно, как это иногда делается, рассматривать партийных выдвиженцев Ежова как какую-то особую группу, через которую он проводил свою линию или осуществлял влияние на остальных чекистов. Ежов даже и чисто внешне стремился продемонстрировать, что для него все равны, что он не отдает никакого предпочтения «своим» людям, и в этом стремлении заходил иногда далеко за пределы того, что считается допустимым, с точки зрения служебной этики.

Вспоминает бывший сотрудник НКВД Е. В. Бурынин:

> «Однажды я проходил по коридору Ежова... и был очевидцем, когда Ежов, стоя в коридоре, ругал за что-то Шапиро в резкой форме, не обращая внимания на присутствующих лиц»[276].

А вот свидетельство другого чекиста, Г.Н. Лулова:

> «Как-то в кабинете Ежова находились Коган, я — Лулов, Глебов и еще

человек пять. Вошел Цесарский, что-то доложил Ежову и сразу же ушел. Как только Цесарский удалился, Ежов ни с того ни с сего стал всячески его поносить, так что у присутствующих создалось впечатление, что Цесарский конченный человек. А между тем Цесарский после этого получил второй орден, был назначен начальником Секретно-политического отдела, потом начальником УНКВД Московской области, избран депутатом Верховного Совета РСФСР»[277].

Поскольку многие подразделения НКВД оказались, по мнению Сталина и Ежова, засорены врагами народа, пробравшимися туда в период руководства Ягоды, решено было, наряду с чисткой наркомата, обновить его методом вливания свежей крови. Уже в декабре **1936** г. в распоряжение Ежова начинают прибывать первые группы партработников, направленных в НКВД для усиления там «партийного влияния». Новички стажировались в различных отделах ГУГБ, в основном в Контрразведывательном, Секретно-политическом, Особом и Транспортном, после чего становились уже полноправными чекистами. Так поменяли профессию второй секретарь Воронежского горкома партии А.М. Алемасов, секретарь парткома Сталиногорского химического комбината А.Ф. Боечин и многие другие партийные функционеры среднего звена.

17 апреля **1937** года Политбюро приняло решение дополнительно направить на стажировку в НКВД пятьдесят слушателей высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б), с тем чтобы после овладения необходимыми знаниями и навыками они были использованы на оперативной работе в системе Главного управления государственной безопасности.

Весь **1937** год ГУГБ и управления госбезопасности на местах пополнялись посланцами партии и комсомола, многие из которых были в дальнейшем назначены на руководящие посты в центральном аппарате и региональных подразделениях НКВД. Например, уже упоминавшиеся А.М. Алемасов и А.Ф. Боечин стали, соответственно, наркомом внутренних дел Татарской АССР (июль **1937** г.) и начальником Управления НКВД по Курской области (ноябрь **1937** г.), а пришедший одновременно с ними руководитель политотдела одного их свеклосовхозов в Куйбышевской области А.Д. Баламутов возглавил в **1938** г. Секретно-шифровальный отдел.

Формирование новой команды продолжалось в течение всего **1937** года, однако уже к концу лета в распоряжении Ежова находился вполне боеспособный коллектив единомышленников, готовых выполнять любые его указания и не брезгующих никакими средствами для достижения поставленной цели.

22. Огонь по штабам

Дождавшись, когда маховик чистки в НКВД раскрутится на полные обороты, и убедившись, что все проходит без каких-либо эксцессов, Сталин в конце апреля **1937** г. приступил к укреплению второй главной опоры режима — Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

Как отмечалось в предыдущей главе, в **1930-1931** гг. армию уже перетряхивали, изгоняя из нее бывших царских офицеров и генералов, перешедших после революции на сторону большевиков. Несколько тысяч их было тогда арестовано и многие расстреляны по обвинению в принадлежности к «контрреволюционным офицерским организациям».

С середины **1936** г., в связи с проведением процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра», поиски замаскировавшихся врагов в армейской среде заметно активизировались, но теперь главным объектом преследований стали военнослужащие, примыкавшие в прошлом к тем или иным внутрипартийным оппозиционным группировкам или симпатизировавшие им.

В ходе очередного этапа чистки, начавшегося весной **1937** г., предстояло избавиться и от тех, кто сумел пересидеть предыдущие волны репрессий, и от тех, чье социальное или политическое прошлое ничем запятнано не было, но чья лояльность, тем не менее, вызывала у Сталина определенные сомнения.

Он знал или, по крайней мере, подозревал, что не пользуется авторитетом у многих крупных и не очень крупных военачальников. В еще большей степени это относилось к его старому боевому другу, наркому обороны К.Е. Ворошилову, по отношению к которому сложилась даже вполне оформленная оппозиция во главе с первым заместителем наркома обороны маршалом М.Н. Тухачевским. Ее представители считали Ворошилова человеком недалеким, не способным к восприятию новых идей, тормозящим переход армии на современные рельсы и обрекающим ее на отставание от армий потенциального противника.

Конечно, Ворошилов звезд с неба не хватал, но у него было качество, которое вождь ценил в подчиненных больше всего, — преданность, и это одно перевешивало его вполне очевидные недостатки, о которых Сталину было хорошо известно.

Впрочем, профессиональные способности оппонентов Ворошилова, того же Тухачевского, Сталин, возможно, оценивал не намного выше, и для этого у него имелись определенные основания. Тухачевский, который сам себя считал выдающимся стратегом, в реальной Гражданской войне не всегда проявлял качества, присущие настоящему полководцу. Наиболее известный случай — катастрофа, постигшая возглавляемый им Западный фронт во время войны с Польшей в **1920** г., когда переоценка собственных сил и недооценка противника, пренебрежение данными разведки, недостатки в управлении войсками и т.д. привели к тому, что оторвавшаяся от тылов, ослабленная непрерывными боями группировка советских войск потерпела сокрушительное поражение на подступах к Варшаве.

Некоторый авантюризм, свойственный Тухачевскому в молодости, проявлялся у него и в более поздние годы. В январе **1930** г., будучи командующим войсками Ленинградского военного округа, он подготовил и направил Ворошилову свои соображения по реорганизации вооруженных сил. Красная Армия виделась ему состоящей из **260** стрелковых и кавалерийских дивизий и имеющей на вооружении **50** тысяч танков и **40** тысяч самолетов (для сравнения: в соответствии с утвержденным за полгода до этого пятилетним планом военного строительства к концу **1933** г. предполагалось иметь около **5000** танков и **3500** самолетов).

Предложенный Тухачевским грандиозный план, полностью игнорирующий экономические возможности страны, выглядел довольно нелепо, и у ознакомившегося с ним Сталина ничего, кроме досады, не вызвал. В письме Ворошилову Сталин писал:

> «... Я думаю, что «план» т. Тухачевского является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. Осуществить такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции»[278].

В политическом отношении с Тухачевским тоже было не все благополучно. В **1930** году арестованные преподаватели Военной академии им. Фрунзе Н.Е. Какурин и И.А. Троицкий, близкие к Тухачевскому, в своих показаниях охарактеризовали его как человека, группирующего вокруг себя преданные ему кадры и готового в интересах правой оппозиции осуществить захват власти и установление в стране военной диктатуры.

Сталин, похоже, отнесся к этим показаниям с полным доверием. В своем письме к Г.К. Орджоникидзе он так прокомментировал добытые чекистами сведения:

> «Стало быть, Тух[ачев]ский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан также антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии»[279].

В тот раз Сталина сумели убедить, что показания Какурина и Троицкого являются вымыслом (как оно и было на самом деле), однако вряд ли болезненно подозрительный вождь сумел полностью избавиться от недоверия к Тухачевскому. В свете всего сказанного, нет ничего удивительного в том, что свою кампанию радикальной чистки Красной Армии Сталин решил начать именно с Тухачевского и его окружения.

Все началось **21** апреля **1937** года. В тот день Ежов по согласованию со Сталиным направил на его имя так называемое спецсообщение, в котором говорилось:

> «Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон* над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (трех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить[280].

***** Ранее Тухачевскому было объявлено, что в составе советской делегации ему предстоит отправиться в Лондон для участия в намеченных на **12** мая торжествах по случаю коронации короля Георга **VI**.

Эту придуманную Ежовым историю Сталин направил для ознакомления другим членам

Политбюро, снабдив ее такой припиской: «Как ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову представить другую кандидатуру» [281].

В Лондон, в итоге, поехал заместитель наркома обороны, начальник Морских Сил РККА В.М. Орлов, а вокруг Тухачевского сразу же развернулась активная следственная работа. В течение 22-25 апреля недавно арестованные бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД М.И. Гай и бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев были допрошены об известных им «фактах» контрреволюционной деятельности высшего армейского руководства. Возможно, предполагалось, что в связи с давней взаимной неприязнью чекистов и военных получить такие сведения будет сравнительно нетрудно.

Отчасти этот расчет оправдался. Хотя и не очень конкретные, но все же вполне определенные показания, компрометирующие Тухачевского и некоторых из его приближенных, получить удалось. Так, в ходе допроса 25 апреля Прокофьев сообщил, что бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, якобы подготавливавший государственный переворот, рассчитывал привлечь на свою сторону Тухачевского и использовать его как руководителя военных сил заговорщиков. В связи с этим он, в частности, скрыл от руководства партии полученные в 1933 г. из источников в немецкой разведке сведения о каком-то высокопоставленном военном с фамилией, начинающейся на букву «Т», который установил связь с германским военным командованием. Ягода будто бы сразу догадался, что речь идет о Тухачевском, забрал все материалы по этому делу к себе и никакого хода им не дал. Кроме того, Ягода якобы собирал сведения о лицах из окружения Тухачевского, враждебно настроенных по отношению к маршалу обороны Ворошилову. К ним, в частности, относились командующий войсками Белорусского военного округа И.П. Уборевич, недовольный тем, что при аттестации ему было присвоено звание командарма 1-го ранга, а не маршала; начальник Военной академии им. Фрунзе А.И. Корк, обиженный своим снятием в 1935 г. с поста командующего войсками Московского военного округа, и некоторые другие военачальники, на которых Ягода намеревался опереться при захвате власти в стране.

Кроме названных лиц, в сложившуюся вокруг Тухачевского группировку военных в свое время входили, по словам Прокофьева, также бывший военный атташе СССР в Великобритании В.К. Путна и бывший заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В.М. Примаков. (В ходе следствия по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» на Путну и Примакова были получены показания как на участников военно-троцкистской организации в армии, в связи с чем в августе 1936 г. они оба были арестованы и находились с тех пор в тюрьме, где их время от времени допрашивали о прошлых троцкистских связях.)

26 апреля вынужден был вступить на путь сотрудничества со следствием и Ягода. Допрошенный Ежовым, он сообщил некоторые подробности своей «преступной деятельности», однако попытки склонить его к показаниям о «военном заговоре» успехом не увенчались. Максимум, чего от него удалось добиться в тот раз, это «признания» в том, что он поручил начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД М.И. Гаю связаться с военными и подобрать из их состава людей, которых можно было бы использовать в заговорщицких целях.

Вечером 26 апреля Ежов доложил Сталину о результатах проделанной за последние дни работы и получил дальнейшие инструкции. Возможно, именно тогда в его записной книжке, куда он заносил указания вождя, появляется запись: «Воловича особ[о] допрос[ить]»[282].

Бывший заместитель начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД З.И. Волович упоминался в показаниях Г.Е. Прокофьева как человек, через которого Ягода устанавливал связь с военными заговорщиками Примаковым, Путной и другими. 27 апреля он был «особо допрошен» и дал развернутые показания на Тухачевского как на участника заговора (совместного чекистско-армейского), обеспечивающего поддержку этого заговора войсковыми частями.

Показания арестованных чекистов сыграли, по-видимому, роль своеобразной ракеты, с помощью которой дело «военного заговора» было выведено на политическую орбиту. Ознакомив ближайших соратников с добытыми «сведениями», Сталин убедил их в серьезности ситуации и заручился необходимой поддержкой.

Теперь пора было подключать к делу самих военных, поскольку, по понятным причинам, показания бывших работников НКВД носили достаточно общий характер. Чтобы все выглядело достоверно, нужны были конкретные «факты» преступной деятельности военных заговорщиков, даты, имена «сообщников» и тому подобные сведения, получить которые от

арестованных чекистов было, конечно, затруднительно. Кроме того, сама концепция «заговора» нуждалась в корректировке, т.к. Тухачевский был фигурой не того масштаба, чтобы всерьез изображать его лишь как помощника Ягоды по военным вопросам.

Судя по всему, новые инструкции Ежов получил от Сталина в ходе их очередной встречи, состоявшейся **5** мая **1937** г. Именно тогда вождь, по-видимому, порекомендовал ему сосредоточить внимание на получении материалов, компрометирующих Тухачевского и его группу, от арестованных к этому времени военных, и в первую очередь, от Примакова и Путны как людей, входивших в ближайшее окружение маршала.

На тот момент в руках НКВД находилось уже около двадцати военнослужащих высокого ранга: комкоров, комдивов, комбригов. Арестованы они были за самые разные «преступления»: участие в прошлом в деятельности оппозиции, связь с «врагами народа», принадлежность к «законспирированным антисоветским троцкистским группам» и т.д. Одни из них признали себя виновными, другие — нет, но все это уже не имело значения, поскольку признаваться им предстояло теперь в гораздо более серьезных вещах — заговоре с целью захвата власти, шпионаже и других тяжких государственных преступлениях.

Предстоящее «расследование» относилось к компетенции Особого отдела ГУГБ НКВД. Сомнений в том, что его работники сумеют добыть все необходимые признания, у Ежова не было, однако принуждать их к прямой фальсификации он, по-видимому, не хотел. Стремясь выглядеть в глазах подчиненных честным и бескомпромиссным борцом с контрреволюцией, он предпочитал (по крайней мере в то время), чтобы его поручения воспринимались как настоящая, серьезная и ответственная работа. От этого, кстати, в какой-то степени зависели и «качество», и быстрота следствия, то есть то, что, как понимал Ежов, будут сейчас с него спрашивать в первую очередь.

Поэтому на ранней стадии расследования, в период первоначального накопления показаний, Ежов решил подключить к делу еще и Управление НКВД по Московской области. Правда, московским чекистам были подведомственны только военнослужащие Московского военного округа, да и то не самого высокого ранга, но зато здесь у Ежова имелся человек, с которым он мог позволить себе играть в открытую. Это был заместитель начальника столичного управления НКВД А.П. Радзивиловский. Допустивший грубую политическую ошибку в деле с агентом Л.Б. Зафраном*, он, благодаря покровительству Ежова, сумел избежать ответственности, и Ежов понимал, что Радзивиловский выполнит теперь любое его указание, каким бы сомнительным оно ни было.

Два года спустя Радзивиловский вспоминал:

> «В мае 1937 г. ... в один из выходных дней** я был вызван в кабинет к Ежову, где был Фриновский. Фриновский, обратившись ко мне, заявил, что сейчас я получу личное поручение Ежова и должен его быстро и решительно исполнить... Фриновский поинтересовался, проходят ли у меня по материалам (в Управлении НКВД Московской области) какие-нибудь крупные военные работники. Когда я сообщил Фриновскому о ряде военных из Московского военного округа, содержащихся под стражей в УНКВД [помимо военнослужащих московскими чекистами как раз накануне, 5 мая 1937 г., был арестован начальник строительства одной из железнодорожных больниц комбриг запаса М.Е. Медведев, в прошлом — начальник Управления ПВО Красной Армии, освобожденный в 1934 г. от занимаемой должности и исключенный тогда же из партии за разбазаривание государственных средств, он мне сказал, что первоочередной задачей, в которой, видимо, и мне придется принять участие — это развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии. Из того, что мне тогда говорил Фриновский, я ясно понял, что речь идет о подготовке большого раздутого военного заговора в стране, раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуга Ежова и Фриновского перед лицом ЦК...
>
> Вскоре вошел в кабинет Ежов. Обратившись ко мне, Ежов спросил, объяснил ли мне Фриновский причину вызова, и когда последний ответил отрицательно, то Ежов заявил, что... намерен дать мне лично одно важное поручение...
>
> Поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедля приступить к допросу арестованного Медведева — бывшего начальника ПВО РККА и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе. Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников, а чем их удастся больше записать, тем ближе будет к осуществлению та задача, о которой со мной уже ранее говорил Фриновский.
>
> Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста как уволен из РККА и являлся перед

арестом заместителем начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей не поддерживал. Когда я доложил о показаниях Медведева Ежову и Фриновскому, они предложили «выжать» от него его заговорщицкие связи и снова повторили, чтобы с ним не стесняться.

Для меня было очевидно, что Медведев — человек, давно оторванный от военной среды, и правдивость его заявлений не вызывает сомнений. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем, и в ходе последующих допросов, в особенности после избиения его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников.

По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены, и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому, о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол [допроса] доложил в ЦК»[283].

* Как уже рассказывалось в одной из предыдущих глав, в **1935** г. Радзивиловский не сориентировался в обстановке и вместо того, чтобы поддержать бежавшего из лагеря Зафрана, отправил его в тюрьму.
** Судя по дальнейшим событиям, речь идет о выходном дне **6** мая **1937** г.

Хронологически, выбитые из Медведева показания выглядели так:

6 мая — показания на некоторых работников Управления ПВО РККА, чья преданность советской власти вызывала, по словам Медведева, у него сомнение;

8 мая — показания о своем участии в троцкистской военной организации, возглавляемой заместителем командующего войсками Московского военного округа Б.М. Фельдманом;

10 мая — показания (со ссылкой на заместителя командующего войсками Уральского военного округа М.И. Василенко и начальника Военно-инженерной академии РККА И.И. Смолина) о существовании в РККА «военной контрреволюционной организации», ставящей целью «свержение советской власти, установление военной диктатуры с реставрацией капитализма, чему должна предшествовать вооруженная помощь интервентов». Возглавляют организацию М.Н. Тухачевский (возможный кандидат в диктаторы), командующий войсками Киевского военного округа И.Э. Якир и начальник Военной академии им. Фрунзе А.И. Корк. В руководящую группу заговорщиков входили, по словам Медведева, также В.М. Примаков и В.К. Путна до их ареста в августе **1936** года.

Теперь пора было подключать к расследованию Особый отдел ГУГБ НКВД, и **14** мая его работники приступили к «активному» допросу упомянутых в показаниях Медведева В.М. Примакова и В.К. Путны (последнего взяли прямо с больничной койки Бутырской тюремной больницы и доставили в Лефортовскую тюрьму, где допрашивали в течение всей ночи). В результате сведения о заговоре «подтвердились» и пополнились множеством новых подробностей. В частности, от Примакова удалось получить показания о том, что троцкистская организация, стоящая во главе заговора, считала наиболее подходящей кандидатурой на пост наркома обороны вместо Ворошилова И.Э. Якира, который являлся строго законспирированным агентом Троцкого, выполнявшим наиболее секретные его поручения. Одновременно Примаков назвал **18** других участников заговорщицкой организации из числа представителей высшего и старшего комсостава.

В.К. Путна в свою очередь «признался» в том, что в **1935** году лично передавал Тухачевскому письмо от Троцкого с прямым предложением принять участие в заговоре, прочитав которое, Тухачевский ответил немедленным согласием. Кроме того, Путна сообщил имена еще девятерых «заговорщиков».

О том, как были получены- эти показания, начальник **2**-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД А.А. Авсеевич рассказал в **1962** году.

«На допросе вопросы и ответы формулировал Леплевский [начальник Особого отдела ГУГБ НКВД], причем фамилии в протокол заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось и возводилось в степень заговорщицкой деятельности. Таким образом были сфабрикованы показания Примакова на очень большую группу крупных военных работников»[284].

«Арестованные Примаков и Путна, — продолжал Авсеевич, — морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили, перевод... в Лефортовскую тюрьму и, наконец, вызовы к Ежову их сломили, и они начали давать показания»[285].

На самом деле сломили Примакова и Путну, конечно, не лапти на ногах и не вызовы к Ежову, а методы допросов, примененные к ним А.А. Авсеевичем и его подчиненными, работа

которых в те майские дни получила высокую оценку руководства и ставилась в пример другим следователям.

Направив показания Путны и Примакова Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу, Ежов получил санкцию на арест всех упоминаемых в них лиц, и с этого момента начинается то, ради чего все и затевалось — большая чистка Красной Армии.

Из новых арестованных энергично выбиваются имена очередных «сообщников», и круг «заговорщиков» быстро расширяется. **22** мая был арестован М.Н. Тухачевский, неделю спустя две другие ключевые фигуры «заговора» — И.Э. Якир и И.П. Уборевич. **5** июня, когда под арестом находилось уже свыше ста представителей высшего начсостава, восемь из них во главе с Тухачевским были выделены для участия в псевдосудебной процедуре, и их индивидуальные дела объединили в одно групповое дело.

11 июня **1937** года Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР, образованное из широко известных в стране военачальников, отобранных лично Сталиным, рассмотрело дело о «военном заговоре» и приговорило всех восьмерых обвиняемых к расстрелу.

* * *

Начавшаяся в мае **1937** года армейская чистка продолжалась еще около полутора лет, и за это время военная верхушка страны была почти полностью истреблена. Так, из **81** члена Военного совета при наркоме обороны, входивших в его состав к маю **1937** года, на свободе к концу **1938** года осталось лишь **10** человек. Двое членов Военного совета в преддверии ареста покончили жизнь самоубийством, а остальные **69** были арестованы. Из них **64** человека были в дальнейшем расстреляны, двое погибли в ходе следствия, еще двоих приговорили к длительным срокам заключения, и только один, уже в **1939** году, был оправдан по суду.

Помимо высшего, большие потери понес также старший начсостав, хотя здесь процент репрессированных был уже заметно ниже. К примеру, из более чем **1700** военнослужащих, имевших к **1937** г. воинское звание полковник, арестовано было около **300** человек, т.е. примерно каждый шестой[286].

Занявшие освободившиеся посты военачальники, прошедшие чистилище «большого террора» и чуть ли не под лупой изученные за эти годы особыми отделами всех уровней, вызывали у Сталина гораздо большее доверие, чем их предшественники. Но даже и в их преданности он не был уверен на сто процентов, что и подтвердилось в **1941** году, когда буквально накануне войны армию накрыла еще одна, хотя и не такая сокрушительная, как в **1937-1938** годах, волна репрессий.

23. Искусство выживания

В середине мая **1937** года очередным объектом затеянной Сталиным чистки становится Центральный комитет партии. Указание заняться активной разработкой партийных организаций подчиненные Ежова получили от него еще осенью **1936** г. Обосновывалось это необходимостью ликвидировать якобы имеющиеся в партии контрреволюционные группы. А поскольку отыскать такие группы, вследствие их отсутствия, было делом непростым, Ежов рекомендовал «не стесняться, действовать смелее», не обращая внимания на то, что пострадать могут и невиновные, т.к., при столь масштабном развороте работы и слабости агентурной базы, избежать этого все равно невозможно.

На местах отношение к такого рода инструкциям было неоднозначным. Подтверждением этого может служить, например, ситуация в западно-сибирском краевом управлении НКВД, где как раз в это время произошла смена руководства. Когда новый начальник управления С.Н. Миронов прибыл в начале декабря **1936** г. в Новосибирск и увидел, как его предшественник В.М. Курский вместе со своим заместителем А.И. Успенским претворяли в жизнь новейшие установки Ежова, то, вместо того, чтобы проявлять рекомендованную наркомом «смелость», Миронов, наоборот, стал, говоря словами Ежова, «стесняться». Написав Ежову письмо с рассказом о злоупотреблениях западносибирских чекистов, он попросил отозвать из края доставшегося ему в заместители А.И. Успенского, а когда из этого ничего не вышло, поднял данный вопрос при личной встрече. Два года спустя Миронов вспоминал:

> «Приехав в конце февраля [1937 г.] на февральско-мартовский пленум ЦК и будучи не то в конце февраля, не то в начале марта на докладе у Ежова, я ему дословно... заявил следующее: «Я не оспариваю больших заслуг

Курского и Успенского во вскрытии «Кемеровского дела»*, но я вместе с тем считаю совершенно невозможным скрыть перед вами действительное положение аппарата и состояние следственных дел». Я ему заявил, что, по-моему, Курский и, особенно, Успенский втянули почти весь оперативный аппарат в фабрикацию фиктивных протоколов и создали такое положение, когда действительные дела по серьезной контрреволюции невозможно расширять, т.к. неизвестно, по кому будешь бить, ибо с ними переплетены «липовые» дела на совершенно невинных людей.

* «Кемеровское дело» — дело о взрыве на шахте «Центральная» Кемеровского рудника (см. главу «Дело параллельного антисоветского троцкистского центра»).

Ежов мне на это ответил: «У вас слабые нервы, надо иметь нервы покрепче. Успенский и Курский достаточно себя зарекомендовали, и западносибирский аппарат — самый здоровый. Наоборот, мы у вас заберем много людей, переросших уже рамки начальников отделов, и возьмем их на выдвижение... Если вы с Успенским не можете работать, я его заберу, и соответствующее место мы ему подберем...» Он не скрывал своего недовольства.

Должен сказать, что, еще до приезда в конце февраля в Москву, в течение двух месяцев, которые я пробыл в Западной Сибири, мне ежедневно, начиная с пятого или шестого дня после моего приезда в Западную Сибирь, звонил Дейч [начальник секретариата НКВД СССР] по поручению Ежова с заявлением о том, что все края и области развертывают дела, а Западная Сибирь после отъезда Курского «спит», что Николай Иванович недоволен этим.

На мое заявление, что я всего пять или шесть дней в Западной Сибири, не успел достаточно ознакомиться с делами и что положение здесь не так блестяще, как рисовал Курский, Дейч неизменно отвечал: «Я тебе заявляю о том, что Николай Иванович недоволен, а ты можешь делать себе какие хочешь выводы, передаю тебе это с ведома Николая Ивановича».

К тому же, — продолжает свой рассказ Миронов, — из НКВД ежедневно поступали несколько стоп протоколов допросов, всевозможных показаний, особенно по Ленинграду — Заковского, Северному Кавказу — Люшкова, Уралу — Дмитриева* и из центрального аппарата, о всевозможных вскрытых антисоветских организациях. Преимущественно показания рассылались те, по которым якобы вскрывались антисоветские группировки и организации внутри парторганизаций. Я, сколько ни стремлюсь, не могу вспомнить ни одного разосланного [в то время] протокола по каким-либо белогвардейским или немецким, польским и тому подобным шпионским организациям.

* Л.М. Заковский, Г.С. Люшков и Д.М. Дмитриев — соответственно начальники ленинградского, азово-черноморского и свердловского управлений НКВД.

Обычно Дейч в своих звонках по телефону ссылался, что, мол, у Заковского, Люшкова, Дмитриева, однажды он, я помню, заявил, что и у Дагина* — блестящие дела, развертывают они дела вовсю, и ими Николай Иванович очень доволен, т.е. проводилась как бы своеобразная психологическая диверсия, нацеливавшая все органы НКВД изо дня в день в одном направлении.

Во время моего доклада Фриновскому** я ему так же откровенно рассказал о положении дел в Западной Сибири. Он меня выслушал и заявил: «Что ты занимаешься философией и ревизией дел — это не в почете, и Николай Иванович справедливо недоволен. Ты уже не новый начальник в Западной Сибири, и пора уже показывать товар лицом. Сейчас темпы такие, когда надо показывать результаты работы не через месяцы или годы, а через дни». Он спросил меня, понимаю ли я, что теперь нужно. Я ответил, что понимаю»[287].

* И.Я. Дагин — в тот период начальник Орджоникидзевского краевого УНКВД.
** Миронов считался в НКВД человеком Фриновского и, вероятно, именно по его рекомендации был назначен начальником западно-сибирского УНКВД.

Поняли это и другие начальники территориальных подразделений НКВД (а кто не понял — недолго оставался в своем кресле), и скоро практически во всех регионах страны развернулась настоящая охота на руководителей и членов партийных комитетов всех уровней. Первый удар был нанесен в конце **1936** года по Азово-Черноморской краевой партийной организации, за ней последовали другие. «Показания», полученные от арестованных партработников, выводили чекистов на все более высокие ступени номенклатурной лестницы, и к маю **1937** г. были созданы все предпосылки для атаки на главный штаб партии — ее Центральный комитет.

К этому времени он уже лишился нескольких своих членов. Умерли И.П. Товстуха и А.М. Штейнгарт, был убит С.М. Киров, покончили жизнь самоубийством Г.К. Орджоникидзе и М.П. Томский. Кроме того, в период до февральско-мартовского (**1937** г.) пленума из состава ЦК были исключены, а затем и арестованы А.С. Енукидзе, Г.Я. Сокольников и Ю.Л. Пятаков, на самом пленуме — Н.И. Бухарин и А.И. Рыков, и, наконец, **28** марта **1937** года оказался за решеткой бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, ставший первым членом ЦК, репрессированным после февральско-мартовского пленума.

Через три дня после его ареста Политбюро обратилось к членам ЦК с просьбой подтвердить правильность этой меры.

> «Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягоды, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в Наркомат связи, — говорилось в обращении, подписанном Сталиным, — Политбюро ЦК ВКП(б) считает необходимым исключение его из партии и немедленный его арест*. Политбюро ЦК ВКП(б) доводит до сведения членов ЦК ВКП, что, ввиду опасности оставления Ягоды на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынуждено дать распоряжение о немедленном аресте Ягоды. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягоды из партии и ЦК и его арест»[288].

* Под антигосударственными и уголовными преступлениями подразумевались, вероятно, махинации, которыми некоторые подчиненные Ягоды будто бы занимались при осуществлении проводившихся за границей с санкции правительства торговых операций с бриллиантами.

Согласие членов ЦК было получено, после чего в течение полутора месяцев их подобными просьбами больше не беспокоили. Но это было обманчивое затишье, и с середины мая **1937** года репрессирование партийной верхушки было поставлено на поток. За две недели, с **17** по **30** мая, членам ЦК было предложено дать согласие на арест шести своих коллег, в том числе проходивших по делу о «военном заговоре» М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и И.П. Уборевича, а также заместителя председателя Совнаркома СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутака, первого секретаря Свердловского обкома партии И.Д. Кабакова и наркома легкой промышленности РСФСР К.В. Уханова. Все они обвинялись в принадлежности к контрреволюционной заговорщицкой организации, а Рудзутак, Тухачевский, Якир и Уборевич еще и в шпионаже. Кроме того, в этот же период члены ЦК санкционировали исключение из партии и высылку из Москвы кандидата в члены ЦК Ш.З. Элиавы и члена Центральной ревизионной комиссии М.Д. Орахелашвили, якобы знавших о работе «грузинского троцкистского центра и скрывших это от руководства партии.

Некоторые члены ЦК, не ограничиваясь простым согласием с предлагаемыми в отношении их коллег мерами, считали нужным выразить свою позицию более эмоциональным способом. Например, нарком местной промышленности РСФСР И.П. Жуков на присланном ему бланке запроса по поводу Г.Г. Ягоды сделал такую приписку: «За!!! И особо приветствую, что мерзавца разоблачили»[289]. Инспектор кавалерии РККА С.М. Буденный на запросе по Я.Э. Рудзутаку и М.Н. Тухачевскому надписал: «Безусловно — за. Нужно этих мерзавцев казнить»[290]. А секретарю ВЦСПС Г.Д. Вейнбергу, допустившему досадную оплошность при оформлении своего согласия на репрессирование бывших товарищей по партии, пришлось сочинять даже целое послание с обоснованием своего мнения. В заявлении в адрес ЦК ВКП(б) от **26** мая **1937** года он писал:

> «Сегодня, когда я проголосовал за исключение из партии Рудзутака и Тухачевского, мне вспомнилось, что, голосуя за исключение из ЦК и из партии Кабакова, Уханова. Элиавы и Орахелашвили, я случайно упустил приписать слова «и передачу их дел в НКВД»*. Сообщаю, что я голосую не только за исключение из партии всех этих контрреволюционных предателей и изменников партии, соввласти и Родины, но и за передачу их дел в НКВД, за расправу с этими злейшими врагами народа по всей строгости законов СССР»[291].

* Здесь Г.Д. Вейнберг немного перестарался. Применительно к И.Д. Кабакову и К.В. Уханову речь, действительно, шла об аресте, а в отношении Ш.З. Элиавы и М.Д. Орахелашвили запрашивалось лишь согласие на их исключение из партии и высылку из Москвы (потом их. конечно, тоже арестовали).

Последний раз санкция на арест членов ЦК была запрошена **30** мая, после чего Сталин изменил свою тактику. Слишком многих предстояло арестовать в предстоящие дни и недели, и ограничиваться в каждом таком случае коротенькой справкой о предъявленных обвинениях становилось уже невозможно. Необходимо было дать развернутое, аргументированное объяснение происходящему в верхних эшелонах партии, и сделать это можно было только на очередном пленуме ЦК. Его намечено было созвать **20** июня **1937** г., и, наряду с разными второстепенными вопросами (об улучшении семян зерновых культур, о введении правильных севооборотов, о мерах по улучшению работы машинно-тракторных станций, о подготовке к выборам в Советы по новому избирательному закону), в повестку дня был включен неприметный с виду пункт «Текущие дела». Вероятно, именно здесь Сталин планировал сообщить членам ЦК о том, в каких невиданных количествах враги народа проникли в их ряды, и получить согласие на принятие мер, адекватных сложившейся обстановке. В дальнейшем этот последний пункт повестки дня переместился на первое место, и, когда **19** июня был утвержден окончательный порядок работы пленума (открытие которого было перенесено на **23** июня), никаких расплывчатых «текущих дел» в расписании уже не значилось, а список предложенных к обсуждению вопросов открывало «Сообщение т.

Ежова».

Вечером 23 июня пленум начал свою работу, и из семи отведенных на него дней четыре были посвящены обсуждению первого пункта повестки дня. Ни доклад Ежова, ни последовавшие затем прения не стенографировались, так что о характере состоявшихся дебатов можно судить лишь по принятым в те дни постановлениям пленума.

Первым из них, датированным 25 июня, семь человек были исключены из состава членов и кандидатов в члены ЦК как утратившие политическое доверие. В последующие дни все они были арестованы.

Еще в одном постановлении, принятом в тот же день, «за измену партии и Родине и активную контрреволюционную деятельность» из партии были исключены 19 членов и кандидатов в члены ЦК, дела которых было предписано передать в НКВД. Правда, это указание лишь закрепляло свершившийся факт, поскольку практически все перечисленные в постановлении лица были к этому времени уже арестованы.

26 июня принимается отдельное постановление, касающееся кандидата в члены ЦК Г.Н. Каминского, который, как не заслуживающий доверия, исключается из партии (и в тот же день арестовывается)*.

* Кроме того, 29 июня, в последние минуты работы пленума, Сталин предложил (и получил согласие) исключить из партии еще двух членов и одного кандидата в члены ЦК, «причастных к преступным действиям заговорщиков» и накануне арестованных. Перед тем, как соответствующее постановление пленума было разослано в регионы, в него добавили фамилию еще одного, только что арестованного «заговорщика» из состава кандидатов в члены ЦК.

Исходя из этих результатов и учитывая ход обсуждения на предыдущем пленуме дела Бухарина и Рыкова, можно предположить, что доклад Ежова представлял собой собрание примеров «преступной деятельности» отдельных членов ЦК, а выступавшие в прениях, солидаризируясь с обвинениями в адрес своих бывших соратников, дополняли сообщенные Ежовым «сведения» новыми фактами и именами.

Есть, правда, и другая точка зрения. Согласно ей, на июньском пленуме ЦК «старая партийная гвардия» предприняла попытку остановить запущенный Сталиным и Ежовым маховик террора, однако потерпела поражение. Вот как описывалось это событие в одной из первых публикаций на данную тему — в вышедшей в 1980 г. в Нью-Йорке книге А.В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана»:

«В июне 1937 г. перед очередным пленумом ЦК на квартире... собрались за вечерним чаем несколько старых коммунистов — Пятницкий, Каминский... и Филатов. Разговор шел о Сталине, его методах руководства, нетерпимой обстановке в партии... Сошлись на мнении: Сталина от руководства надо отстранить. На пленуме ЦК добиться осуждения политики террора и замены Сталина на посту генсека.

Об этом совещании, получившем название «Чашка чая», стало известно Хозяину. Донес на товарищей Филатов. Сталин потом уничтожил всех, вместе с доносчиком»[292].

В конце 80-х гг., в период горбачевской перестройки, соответствующие материалы появились и в советской прессе, причем речь уже шла не об одном лишь намерении ветеранов партии противодействовать сталинскому курсу, а о вполне реальных шагах в этом направлении. Вот, например, воспоминания главного врача центральной лечебной комиссии при ЦК компартии Украины И.И. Муковоза, опубликованные в 1991 году в сборнике «Они не молчали».

Приехав в июне 1937 года в Москву для встречи с наркомом здравоохранения СССР Г.Н. Каминским и узнав, что тот находится на пленуме ЦК, Муковоз, по его словам, отправился туда же.

«Я подумал, — писал он, — что могу воспользоваться своим пропуском для прохода в высшие учреждения, и, действительно, мне выдали разовый гостевой билет. Я прошел в боковую ложу, где уже сидели несколько человек.

Председательствовал на заседании Сталин. За трибуной стоял нарком внутренних дел Ежов. Он сообщал, сколько партийцев за последнее время выявлено в качестве врагов народа и арестовано, называл фамилии и должности осужденных органами НКВД. После его выступления все участники пленума подавлено молчали.

— Кто хочет сказать, спросить? — обратился председательствующий к залу.

В ответ — гробовая тишина.

— Может быть, кто-то хочет высказаться? — вторично предложил Сталин.

И опять мертвая тишина.

Вдруг со своего места во втором или третьем ряду поднялся Каминский.

— Разрешите?.. Я хочу сказать, что мне непонятно, почему членов ЦК, членов правительства сотрудники НКВД арестовывают в нарушение Устава

партии. Кроме того, я хочу заявить, что многих из перечисленных здесь «врагов народа» я знаю как честных коммунистов, преданных делу социализма.

Сталин гневно перебил:

— А вы, случайно, не друзья с этими врагами?

— Они мне вовсе не друзья.

— Ну тогда, значит, и вы одного с ними поля ягода!

После еще нескольких реплик Сталин, взвинченный до предела, объявил перерыв.

Не заходя в наркомат, я бросился на вокзал и к вечеру уехал домой. А на следующий день за мной пришли...»[293]

Наверное, можно было бы поверить в этот рассказ, если не знать, что представляло собой выступление Н.Г. Каминского на предыдущем, февральско-мартовском пленуме ЦК. Тогда он клеймил позором благодушие и беспечность партийных работников, чекистов и их бывшего руководителя Г.Г. Ягоду, проглядевших деятельность врагов народа, прославлял Сталина и Ежова, поставивших дело борьбы с врагами на должный уровень, рассказывал о своем участии в разоблачении в **1933** г. замаскировавшихся троцкистов, якобы замышлявших убийство Сталина, переживал, что работники Наркомата здравоохранения еще не научились собственными силами выявлять вредителей и диверсантов, которых, наверняка, немало среди медицинских работников и т.д.[294]

Кроме того, вся история о том, как случайный человек по гостевому билету попал на закрытое заседание пленума ЦК, выглядит совершенно нелепо. Списки присутствовавших на заседании при обсуждении первого пункта повестки дня в архиве сохранились, и излишне говорить, что фамилия И.И. Муковоза в них отсутствует.

И все же Каминский на пленуме выступал, причем сразу же после этого специальным постановлением пленума он был исключен, как не заслуживающий доверия, из партии и в тот же день арестован. Но дело было совсем в другом.

Вспоминает Н.С. Хрущев:

«Он [Каминский] сказал: «Тут все, выступая, говорят обо всем, что они знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы партии это было известно. Когда в 1920 г. я был направлен в Баку и работал там секретарем ЦК компартии Азербайджана и председателем Бакинского Совета, ходили упорные слухи, что присутствующий тут товарищ Берия* во время оккупации Баку** сотрудничал с органами контрразведки мусаватистов*** не то, несколько ранее, английской разведки».

«Никто, — пишет Хрущев, — не выступил с опровержением. Даже Берия не выступил ни с какой справкой по этому поводу. Молчание, и все тут»[295].

* Берия Л.П. — первый секретарь ЦК компартии Грузии.
** Имеется в виду оккупация Баку английскими войсками в **1918- 1919** гг.
*** Мусават — правящая партия в Азербайджане в **1918-1920** гг.

Как можно видеть, Хрущев очень неплохо запомнил выступление Каминского, но о критике им сталинского курса, то есть о том, что должно было произвести на него наибольшее впечатление, ни словом не упоминает.

Информация о работе Л.П. Берии в **1919-1920** гг. в контрразведке азербайджанского буржуазного правительства не являлась каким-то уж очень большим секретом. Сам Берия всегда утверждал, что был направлен туда по заданию местной социал-демократической партии «Гуммет» для работы в ее интересах. В **1920** г. этот вопрос рассматривался на заседании бюро ЦК компартии Азербайджана (Каминский на нем, кстати, тоже присутствовал), и слова Берии были подтверждены несколькими свидетелями. Тем не менее слухи о «темном прошлом» Берии периодически распространялись его недругами, которых во все времена было более чем достаточно.

И вот теперь Каминский, отношения которого с Берией не сложились еще в начале **20**-х гг., когда первый был секретарем ЦК азербайджанской компартии, а второй — заместителем председателя местной ЧК, решил использовать трибуну июньского пленума для компрометации бывшего недруга.

Но это была его большая ошибка. Право решать, кого из членов ЦК следует причислять к «врагам народа», а кого — нет, принадлежало только одному человеку в стране, а он никаких указаний по поводу Берии никому не давал. Да и сам компромат, помимо того, что был не первой свежести, выглядел как простое сведение счетов — ведь все знали, какие отношения были у Каминского с Берией. Неудивительно поэтому, что выступление Каминского было расценено как провокационное, и в тот же день его судьба была решена. Однако к протесту против сталинской политики это не имело никакого отношения.

Одно из главных свидетельств о бунте старой партийной гвардии на июньском пленуме принадлежит бывшему работнику Коминтерна А.Г. Крылову. В своих воспоминаниях он, в частности, писал:

> «В тюрьмах и лагерях мне приходилось встречаться с немногими еще остававшимися в живых участниками июньского пленума ЦК. Бывший сотрудник НКВД Тумбала, сам уже подследственный, рассказывая о выступлении Каминского, называл его не иначе как «провокационным». В одной камере со мной были секретарь Воронежского обкома партии и один из помощников Постышева*. Они говорили, что, кроме Каминского, выступили против сталинской репрессивной политики члены ЦК Пятницкий, Хатаевич, Чудов, Любченко, Шеболдаев, всего человек 12-15.
>
> * Постышев П.П. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).
>
> В перерыве между заседаниями заместитель наркома внутренних дел Фриновский ходил по коридору, курил и папироской указывал: этого взять, вот этого...
>
> На следующий день, — продолжает свой рассказ Крылов, — Ежов доложил, что все выступавшие накануне являются членами разоблаченной контрреволюционной организации. А Сталин добавил, что лично он склонен кое в чем сомневаться, но жизнь сейчас такова, что открываются самые неожиданные и невероятные вещи. И поэтому НКВД поручено в этом деле тщательно разобраться.
>
> Потом всех арестованных, конечно, расстреляли. Шеболдаев будет убит без приговора. А сын Любченко, с которым я был в Норильском лагере, рассказал, что его отец, вернувшись домой, в тот же день застрелил жену и себя.
>
> Своим выступлением эти люди, не будучи поддержанными, подписали себе смертный приговор»[296].

В этом свидетельстве что ни фраза — то объект для опровержений. Из шести «бунтовщиков», фамилии которых указаны, двое вообще не присутствовали на пленуме: М.С. Чудов не был приглашен, вероятно, по причине предстоящего ареста, а Б.П. Шеболдаев был арестован еще за две недели до пленума. М.М. Хатаевич и П.П. Любченко, якобы протестовавшие против сталинской политики, уже после того, как обсуждение первого вопроса завершилось, выступали в прениях по другим пунктам повестки дня: Любченко — по поводу выборов в Верховный Совет СССР (27 июня), Хатаевич — по вопросу об улучшении семян зерновых культур (28 июня). Уже одно это показывает, что ничего лишнего они себе при обсуждении первого вопроса не позволили, иначе их сразу же вычеркнули бы из всех списков на выступление. И если «протестантов» объявили на второй день «членами разоблаченной контрреволюционной организации», то каким же образом Любченко и Хатаевичу удалось избежать этой участи? Кстати, и застрелился Любченко не по возвращении домой после июньского пленума, а два месяца спустя и совсем по другому поводу.

Ну а пассаж насчет Фриновского, разгуливающего по коридору в перерывах между заседаниями пленума и папироской указывающего, кого следует арестовать, можно было бы и не комментировать: так членов ЦК никогда не арестовывали — ни в те времена, ни в какие другие.

Таким образом; из перечисленных А.Г. Крыловым борцов со сталинским политическим курсом, двое (Чудов и Шеболдаев) не могли быть таковыми чисто физически, двое (Хатаевич и Любченко), судя по их участию в обсуждении остальных пунктов повестки дня, ни в чем предосудительном, с точки зрения вождя, замешаны не были, о том, что собой представляло выступление Каминского, уже говорилось выше, остается И.А. Пятницкий.

Основным источником информации о его поведении на июньском пленуме является изложение беседы Л.М. Кагановича с сыном своего бывшего секретаря В.С. Губерманом. Об этой беседе Губерман рассказал сыну Пятницкого. В 1988 г. этот рассказ был опубликован в газете «Московские новости», затем в ряде других изданий и, наконец, в книге В.И. Пятницкого (сына И.А. Пятницкого) «Заговор против Сталина», изданной в 1988 г.*

> * Заголовок книги не вполне отражает ее содержание. Июньскому пленуму посвящена лишь одна глава из шестнадцати (в ней и идет речь о «заговоре»), в остальных же рассказывается в основном о деятельности Коминтерна.

Согласно данному источнику, на пленуме по предложению Сталина рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе лидеров так называемой «правой оппозиции», в частности Н.И. Бухарина. Сталин якобы настаивал на физическом уничтожении всех представителей «правой оппозиции» и на предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с «врагами народа».

С неожиданными возражениями выступил И.А. Пятницкий. Он высказался против

физического уничтожения Бухарина и его соратников, заявив, что.за фракционную деятельность достаточно исключить их из партии, отстранив тем самым от политической деятельности, но в дальнейшем следует использовать их опыти знания в народном хозяйстве. Пятницкий выступал против предоставления Ежову чрезвычайных полномочий. При этом он будто бы сослался на то, что по долгу службы, являясь заведующим Политико-административным отделом ЦК ВКП(б) и курируя в числе прочих вопросов выполнение партийных директив в органах госбезопасности, он сталкивался с методами допросов, культивируемыми Ежовым в своем наркомате, и поэтому против предоставления ему такой полноты власти. Пятницкий предложил, наоборот, усилить контроль за деятельностью НКВД и лично Ежова.

Согласно этой версии, на следующий день заседание пленума началось с выступления Ежова. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными о том, что Пятницкий до революции был осведомителем царской охранки, и на основании этого предложил выразить ему политическое недоверие. Большинством голосов пленум поддержал предложение Ежова. Против голосовали трое — Воропаев, Каминский и Крупская, воздержался один — Стасова. Пленум предоставил Пятницкому двухнедельный срок для возможности защиты и опровержения выдвинутых против него обвинений.

Не ставя под сомнение сам факт беседы Л. М. Кагановича с В.С. Губерманом об июньском пленуме ЦК и выступлении на нем Пятницкого, отметим все же некоторые странности приведенного выше рассказа. Во-первых, якобы прозвучавшее из уст Пятницкого предложение ограничиться исключением Бухарина из партии и в дальнейшем использовать его опыт и знания в народном хозяйстве выглядит по меньшей мере запоздалым. Бухарина уже исключили из партии и арестовали, и такая инициатива была равносильна предложению освободить его из-под стражи. Кстати, исключили и арестовали его отнюдь не за фракционную деятельность, а по обвинению в государственных преступлениях. За прошедшие четыре месяца подручные Ежова добыли много новых «доказательств» контрреволюционной деятельности лидеров пресловутой «правой оппозиции», да и сам Бухарин после трехмесячного молчания начал уже давать признательные показания, о чем Ежов не мог не упомянуть в своем докладе на пленуме. Так что ни о каком использовании в народном хозяйстве не могло быть и речи.

Кроме того, сам вопрос о «физическом уничтожений Бухарина» перед пленумом ставить было незачем. Этот вопрос решался на предыдущем февральско-мартовском пленуме, и из нескольких предложенных мер пресечения, включавших также применение расстрела, был выбран по предложению Сталина вроде бы более гуманный вариант: передача дел Бухарина и Рыкова в НКВД, где оба они е тех пор и находились. Возвращаться снова к этому вопросу не было никакой необходимости. Бухарин и Рыков уже не являлись членами ЦК, и их судьбу должен был решать теперь не ЦК, а суд, который и состоялся восемь месяцев спустя.

Во-вторых, вызывает большие сомнения осведомленность Пятницкого о методах допросов, применяемых в НКВД. Ведь возглавляемый им Политико-административный отдел ЦК проверял, как в правоохранительных органах претворяются в жизнь решения партийных инстанций, контролировал кадровую политику и т.д., а вовсе не методы профессиональной деятельности, которые очень тщательно скрывались от посторонних глаз.

В-третьих, обвинение в работе на царскую охранку, которое Ежов якобы предъявил Пятницкому, никакого отражения в заведенном на него уголовном деле почему-то не нашло. Там фигурируют совершенно другие обвинения, да и в дневнике жены Пятницкого черным по белому написано, что обвинен он был в причастности к троцкизму[297]. В те времена это могло означать все что угодно, но только не сотрудничество с царской полицией.

В-четвертых, из трех человек, якобы голосовавших, по словам Кагановича, против выражения Пятницкому политического недоверия (Воропаев, Каминский и Крупская), только Крупская могла это сделать, так как Воропаев не был членом ЦК и участником данного пленума, а Каминский был накануне арестован. Характерно, что в книге «Заговор против Сталина», вышедшей в **1998** г., то есть десять лет спустя после того как в газете «Московские новости» впервые появилась данная версия и через семь лет после смерти Кагановича, его воспоминания были подредактированы и выглядели теперь так: «Против голосовали только трое, в том числе Крупская и Литвинов, воздержался один, кто именно, Каганович не помнил, но предположительно назвал Стасову»[298]. (Впрочем, Стасова тоже не была участницей данного пленума).

Прошло еще шесть лет, и давно уже ушедший от нас Каганович, видимо, вспомнил того третьего, кто голосовал «против», а вспомнив, сумел каким-то образом сообщить об этом

заинтересованным лицам. Во всяком случае, в вышедшей в **2004** году книге «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории» В.И. Пятницкий дает новую, уже третью по счету редакцию злополучной фразы: «С категорическим нет выступили только трое — Н.К. Крупская, М.М. Литвинов и М.Ф. Владимирский»[299]. Конечно, М.Ф. Владимирский как председатель Центральной ревизионной комиссии на пленуме присутствовал, но только голосовать ни «за», ни «против» все равно не мог, так как не являлся ни членом, ни кандидатом в члены ЦК.

Подобные вольности в обращении с историческим свидетельством, а также некоторые сомнительные моменты самого рассказа о выступлении Пятницкого на июньском пленуме (о которых шла речь выше) не позволяют считать данную версию заслуживающей доверия. Можно лишь предположить, что выступление Пятницкого, если оно вообще имело место, вызвало неодобрение Сталина и послужило причиной последующих событий (7 июля **1937** г. Пятницкий был арестован и год спустя расстрелян). Однако что именно могло вызвать недовольство вождя, остается неясным.

Легенда о «последнем бое» старой партийной гвардии имеет и один довольно экзотический вариант, о котором необходимо упомянуть хотя бы вкратце. В книге В.И. Пятницкого «Заговор против Сталина», со ссылкой на разведывательные сводки «белоэмигрантской разведывательной организации «Крестьянская Россия», приводится сообщение о том, что на состоявшемся в Москве **23-29** июня **1937** г. пленуме ЦК ВКП(б) после доклада Ежова, предложившего предоставить органам госбезопасности чрезвычайные полномочия для того, чтобы они могли «выкорчевать до конца гнездо правотроцкистской оппозиции из партийного и советского аппарата», с резкими возражениями выступили Каминский и Пятницкий. Первый якобы назвал предложение Ежова безумием, а второй потребовал создания специальной комиссии по проверке и ограничению деятельности НКВД.

В книге приведены и ссылки на архивный источник, откуда была позаимствована эта информация — фонд А.А. Аргунова в Государственном архиве Российской Федерации, дела №№ **17** и **18**.

А.А. Аргунов был одним из основателей созданной в Чехословакии организации русских эмигрантов «Крестьянская Россия» (в **1927** г. преобразована в «Трудовую крестьянскую партию»), ставившей своей задачей создание в России буржуазно-демократической республики. В делах №№ **17** и **18** собраны ходившие тогда за границей всевозможные слухи и сплетни о положении в Советском Союзе, не имеющие практически ничего общего с действительностью. Однако сообщений об июньском пленуме среди них не оказалось. В ответ на соответствующий запрос В.И. Пятницкий сообщил, что обнародованные им сведения получены (и опубликованы без проверки) от одного ленинградского историка. Это проясняло ситуацию, поскольку в работах данного историка такие «неточности» встречались довольно часто и стали как бы его своеобразной визитной карточкой.

На самом же деле, сведения о главном вопросе, обсуждавшемся на июньском пленуме, за границу не просочились. Все прежние каналы связи были к этому времени уже перекрыты, так что даже в таких обычно хорошо информированных эмигрантских изданиях, как «Бюллетень оппозиции» и «Социалистический вестник», не появилось на эту тему ни строчки.

Подводя итог, можно сделать вывод, что версия о «заговоре против Сталина» на июньском пленуме является, похоже, такой же мистификацией, как и история с «подтасовкой результатов голосования на **XVII** съезде партии». Не случайно, что ни в закрытом докладе Н.С. Хрущева на **XX** съезде партии (**1956** г.), ни при обсуждении преступлений времен «культа личности» на **XXII** съезде (**1961** г.), ни в советской историографии времен хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки, ни в рассекреченных архивных документах, опубликованных после распада СССР, ни в мемуарах Хрущева, Микояна, Кагановича и других деятелей той эпохи — нигде не упоминается о таком важном, казалось бы, событии, как открытое выступление группы членов Центрального комитета партии против репрессивной сталинской политики. А ведь если бы такой факт имел место, это был бы единственный случай за период **1927-1953** гг., и в силу своей уникальности он не мог бы остаться незамеченным.

Однако факта такого, судя по всему, просто не было. Члены ЦК, не согласные с политикой Сталина, прекрасно понимали, что реальной возможности остановить его у них нет, и единственное, что остается в этих условиях, это попытаться спастись самим: включиться в предложенную вождем игру во «врагов народа», став ее активными участниками, или же затаиться в надежде, что все как-нибудь образуется, и беда,

приключившаяся с другими, их самих обойдет стороной.

24. Приказ № 00447

Успешное начало чистки в верхних эшелонах власти позволило Сталину без промедления приступить к реализации самой масштабной части его плана — к чистке страны в целом.

28 июня 1937 года с подачи Сталина Политбюро, опираясь на сфабрикованные западно-сибирским краевым управлением НКВД данные о существовании среди высланных в край кулаков подпольной контрреволюционной организации, принимает следующее решение:

> «1. Считать необходимым в отношении всех активистов повстанческой организации среди высланных кулаков применить высшую меру наказания.
> 2. Для ускоренного рассмотрения дел создать тройку в составе нач. НКВД по Зап. Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Западной Сибири т. Баркова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхэ»[300].

Четыре дня спустя Сталин проводит через Политбюро решение, распространяющее соответствующую технологию теперь уже на всю страну. По его инициативе и за его подписью в адрес руководителей краевых, областных и республиканских партийных организаций отправляется телеграмма, в которой говорится:

> «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в совхозах и колхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.
> ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.
> ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»[301].

Методы планирования политического террора и установление контрольных цифр на репрессирование впервые были опробированы в период коллективизации. В соответствии с постановлением Политбюро от 30 января 1930 г. «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» зажиточные крестьяне (кулаки) были разделены на три категории. Первую из них, «контрреволюционный кулацкий актив», было предписано в количестве 60 тысяч человек отправить в концентрационные лагеря, за исключением тех, кого будет признано необходимым расстрелять. Менее зажиточных крестьян, отнесенных ко второй и третьей категории (примерно 150 тысяч семейств), намечено было выслать, главным образом в Сибирь и северные районы страны, конфисковав их имущество и оставив лишь минимальное количество орудий труда, необходимых на новом месте.

Для внесудебного рассмотрения дел в отношении «контрреволюционного кулацкого актива» на местах были тогда созданы так называемые «тройки», включавшие представителей от ОПГУ, регионального партийного комитета и прокуратуры и обладавшие правом вынесения приговоров, в том числе и к высшей мере наказания.

Первоначальные указания по репрессированию кулаков впоследствии, по ходатайству местных властей, несколько раз пересматривались в сторону увеличения, в результате чего за период 1930-1933 гг. общее количество высланных крестьянских семейств составило не 150 тысяч, а около полумиллиона, многократно были перекрыты и планы по арестам кулаков, несколько тысяч из которых были тогда расстреляны по приговорам троек.

Никаких контрольных цифр, определявших число людей, подлежащих расстрелу, в тот период не устанавливалось (только количество направляемых в лагеря и в ссылку), но на новом витке репрессий, когда граждан предстояло уничтожать десятками и сотнями тысяч, необходимо было внести элементы планирования также и в этот процесс.

Получив подписанную вождем телеграмму, региональные власти принялись спешно составлять списки кандидатов на выселение и ликвидацию. 9 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приступило к рассмотрению присылаемых заявок, и уже с самого начала состав репрессируемого населения стал расширяться за счет дополнительных категорий «врагов народа». В частности, Азербайджану была предоставлена возможность рассмотреть на судебной тройке дела мифической «контрреволюционной повстанческой организации», 500 членов которой разрешено было расстрелять, а еще 750 — выслать. Руководство Северо-

Казахстанской области получило право провести через тройку дела переселенцев с западных границ СССР*, при этом кого из них следует расстрелять, а кого — выслать, поручено было определить областному управлению НКВД. Была удовлетворена просьба ЦК компартии Туркмении о распространении упрошенной судебной процедуры на отбывших тюремное заключение членов «националистической контрреволюционной организации «Туркмен-Азатлыги» («Свободная Туркмения»), на мусульманское духовенство и т.д. Установление пропорций между расстреливаемыми и высылаемыми было, как и в предыдущем случае, возложено на местных чекистов.

* В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1936 г. в Казахстан под надзор НКВД были переселены 45 тысяч этнических поляков и немцев, проживавших в западных районах Украины.

16-17 июля **1937** года Ежов провел совещание руководящего состава НКВД, на котором были обсуждены задачи, стоящие перед органами внутренних дел в свете запланированной «массовой операции». Документы совещания до сих пор не рассекречены, поэтому представление о том, как оно проходило, можно получить лишь по отдельным сохранившимся воспоминаниям. Вот, например, как описывает это событие бывший начальник западно-сибирского управления НКВД С.Н. Миронов:

«Совещание проводили Ежов и Фриновский. Ежов дал общую оперативно-политическую директиву, а Фриновский уже в развитие ее прорабатывал с каждым начальником управления «оперативный лимит»*.

* Число лиц. подлежащих репрессированию, получило наименование «лимитов», поскольку самостоятельно увеличивать общее количество осужденных местным властям было запрещено, они только могли в пределах выделенного лимита изменять соотношение между I и II категориями (т.е. между расстрелом и другими формами наказания).

Излагаю по смыслу, а не текстуально оперативно-политические указания Ежова, — продолжает Миронов. — Начал он с угроз по адресу некоторых начальников областных управлений, которые до сих пор проявляют оперативную инертность, у которых нет никакого разворота дел, несмотря на то, что многие областные и краевые управления уже взяли полный разбег по вскрытию контрреволюционных формирований внутри партии и вне ее.

Он почти прямо заявил, что эти начальники управлений не только не годятся — их придется снять, но им придется и ответ держать. Фамилий я не помню, но помню, что речь шла о начальниках омского, кажется, средне-волжского, красноярского и других управлений НКВД.

Здесь же Ежов заявил о том, что все должны подготовиться к массовым арестам по Харбинцам*, полякам, немцам, кулацко-белогвардейским группировкам и антисоветским группировкам внутри партии и в советском аппарате.

Через несколько дней, еще тогда, когда все начальники УНКВД находились в Москве, упоминавшиеся в докладе Ежова четыре или шесть начальников УНКВД были арестованы. Это явилось достаточно эффективной формой воздействия на всех присутствующих начальников УНКВД. Я помню, что разошлись мы с этого совещания в очень пониженном настроении...»[302]

Во время совещания, уже после общего заседания, Ежов встретился с некоторыми руководителями региональных управлений НКВД и заслушал их отчеты. Как вспоминает С.Н. Миронов, в ответ на его сомнения относительно правдивости показаний, полученных от некоторых арестованных коммунистов, содержащих обвинения в адрес партийных и советских работников районного и городского звена, Ежов заявил: «А почему вы не арестовываете их? Мы за вас работать не будем, посадите их, а потом разбирайтесь...» При этом, — пишет Миронов, — он мне заявил: «В отдельных случаях, если нужно, то с вашего разрешения начальники отделов могут применять и физические методы воздействия»[303]. А вот как запомнилось совещание другому его участнику — начальнику курского областного управления НКВД П.Ш. Симановскому:

«Ежов давал такие установки, что достаточно иметь учетные материалы, из которых была бы видна кулацкая или другая социально-чуждая принадлежность, и этого достаточно, чтобы человека арестовать, а если он еще ведет какую-либо антисоветскую работу, этого достаточно, чтобы применить к нему высшую меру наказания. В отношении нацменов Ежов давал прямые установки, что достаточно формальных признаков (перебежчик**, связь с заграницей, консульством и т.д.), чтобы человека арестовать, а при наличии подозрительных связей — можно применять высшую меру наказания»[304].

* Харбинцы — бывшие советские служащие Китайско-Восточной железной дороги.
** Имеются в виду беженцы в СССР из сопредельных стран.

Еще одно упоминание об июльском совещании содержится в мемуарах бывшего сотрудника ивановского управления НКВД М.П. Шрейдера, изданных в **1995** году. Со ссылкой на своего начальника В.А. Стырне, который по возвращении из Москвы поделился впечатлениями об увиденном и услышанном, Шрейдер приводит такие подробности

выступления Ежова:

«Свою речь на совещании он начал примерно следующими словами:

— Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие — сталинские. — При этом он протянул обе руки, как бы демонстрируя их сидящим. — У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и прочими террористами, — угрожающе сжал он кулаки. Затем, подозрительно вглядываясь в лица присутствующих, продолжал: — Ив первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских элементов, которые, по имеющимся у меня сведениям, смазывают борьбу с врагами народа на местах.

Сделав выразительную паузу, он с угрозой закончил:

— Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, невзирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

После этого Ежов стал называть приблизительные цифры предполагаемого наличия «врагов народа» по краям и областям, которые подлежат аресту и уничтожению...

Услышав эти цифры, — пишет далее М.П. Шрейдер, — присутствующие так и обмерли. На совещании присутствовали в большинстве старые опытные чекисты, располагавшие прекрасной агентурой и отлично знавшие действительное положение вещей. Они не могли верить в реальность и какую-либо обоснованность названных цифр.

— Вы никогда не должны забывать, — напомнил в конце своего выступления Ежов, — что я не только наркомвнудел, но и секретарь ЦК. Товарищ Сталин оказал мне доверие и предоставил все необходимые полномочия. Так что отсюда и сделайте для себя соответствующие выводы.

Когда Ежов закончил свое выступление, — продолжает Шрейдер, — в зале воцарилась мертвая тишина. Все застыли на своих местах, не зная, как реагировать на подобные предложения и угрозы Ежова.

Вдруг со своего места встал полномочный представитель УНКВД Омской области, старейший контрразведчик, ученик Дзержинского и мужественный большевик Салынь.

— Заявляю со всей ответственностью, — спокойно и решительно сказал Салынь, — что в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще, считаю совершенно недопустимым заранее намечать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу.

— Вот первый враг, который сам себя выявил! — резко оборвав Салыня, крикнул Ежов. И тут же вызвал коменданта, приказав арестовать Салыня.

Остальные участники совещания были совершенно подавлены всем произошедшим, и более никто не посмел возразить Ежову»[305].

Трудно сказать, насколько можно доверять этому рассказу. Во всяком случае, «обмирать», услышав названные Ежовым предварительные лимиты на репрессирование, присутствовавшим на совещании начальникам региональных управлений НКВД было вроде бы не с чего: все они перед приездом в Москву участвовали в составлении соответствующих списков — какие же у них могли быть основания «не верить в реальность и какую-либо обоснованность названных цифр».

Точно такой же лимит по Омской области подготовил и Э.П. Салынь, о котором шла речь выше. **479** человек предложено было расстрелять, **1959** — выслать, так что якобы произнесенные им слова о недопустимости «заранее намечать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу» Салынь с полным обоснованием мог адресовать самому себе. Кроме того, арестован он был не в день совещания, а лишь **10** августа **1937** года, то есть почти через месяц, что также не позволяет относиться к рассказанной истории с излишним доверием.

Свои угрозы в адрес нерадивых чекистов Ежов сдержал. Июль и август **1937** г. стали рекордными по числу арестованных руководителей региональных подразделений НКВД. Но кроме «кнута» в арсенале Ежова имелись еще и «пряники». Для того, чтобы укрепить моральный дух своих подчиненных накануне предстоящей тяжелой работы, Ежов ходатайствовал перед Сталиным о награждении большой группы работников НКВД орденами СССР. Официально награждение производилось за «образцовое выполнение важнейших правительственных заданий», но фактически это был аванс на будущее.

С **25** июня по **22** июля **1937** года было издано **10** постановлений ЦИК СССР, в соответствии с которыми **179** чекистов стали, как тогда говорили, орденоносцами, в том числе **46** человек были удостоены высшей награды страны — ордена Ленина. Свой орден Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий» получил **17** июля **1937** г. и Ежов.

В передовице «Правды», посвященной этому событию, говорилось:

«Величайшая революционная бдительность и железная воля, острый большевистский глаз и организаторский талант, недюжинный ум и тончайшее

пролетарское чутье — эти качества выказал товарищ Ежов... Массы трудящихся знают, что наркомвнудел, возглавляемый тов. Ежовым, — это неустанный страж революции, обнаженный меч рабочего класса. Весь народ держит в своих руках этот меч. Поэтому у НКВД уже есть и будет еще больше миллионов глаз, миллионов ушей, миллионов рук трудящихся... Такая сила непобедима»[306].

Поскольку очищать страну от «врагов народа» чекистам предстояло в тесном взаимодействии с представителями других карательных ведомств, в тот же период высоких наград родины были также удостоены десять прокуроров во главе с А.Я. Вышинским и десять работников Военной коллегии Верховного Суда СССР вместе с ее председателем В.В. Ульрихом.

После совещания **16-17** июля **1937** года и состоявшихся в ходе него встреч Ежова с руководителями региональных подразделений НКВД подготовка к «массовой операции» вступила в завершающую стадию. Присланные с мест и уже утвержденные Политбюро заявки подверглись в ряде случаев существенной корректировке, кроме того, были уточнены категории репрессируемых и применяемые к ним меры воздействия. **30** июля проект соответствующего приказа по НКВД был направлен Ежовым Сталину и на следующий день утвержден решением Политбюро.

В преамбуле этого знаменитого приказа под номером **00447**, положившего начало «большому террору», необходимость намеченных предприятий обосновывалась так:

«Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников — ското-конокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их престуцной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»[307].

В соответствии с этим предписывалось **5** августа **1937** года (в республиках Средней Азии — **10** августа, в Дальневосточном, Красноярском краях и Восточно-Сибирской области — **25** августа) начать операцию по репрессированию бывших кулаков, уголовников и активных антисоветских элементов.

Далее в приказе перечислялись категории населения, на которые распространялось его действие, и, как можно было видеть уже из преамбулы приказа, за месяц, прошедший после обращения Политбюро к региональным парторганизациям с предложением определить количество расстреливаемых и высылаемых бывших кулаков и уголовников, состав подлежащих репрессированию «врагов народа» значительно расширился.

Изменились и предполагаемые меры пресечения. Первая категория, куда следовало зачислять наиболее опасных, с точки зрения местных властей, противников режима, осталась, как и была, расстрельной, а вот вторая вместо высылки стала теперь обозначать **8-10** лет тюремного заключения или принудительных работ в лагерях НКВД.

Утвержденные в начале июля решениями Политбюро первоначальные квоты на репрессирование по каждому отдельному региону были в приказе № **00447** также откорректированы, и порой весьма основательно, а кроме того, для облегчения учета, округлены. Если, скажем, по Куйбышевской области сначала был санкционирован расстрел **1881** человека, то в приказе Ежова их значилось уже только **1000**, а, к примеру, в Чувашии количество «врагов народа», намеченных к расстрелу, напротив, возросло со **140** до **300** чел.

и т.д.

В соответствии с приказом № **00447** на всю операцию отводилось четыре месяца, то есть закончиться она должна была в первой половине декабря **1937** г., как раз к моменту выборов в новый орган власти — Верховный Совет СССР. Всего предполагалось репрессировать **268 950** человек, из которых **75 950** планировалось расстрелять, а **193 000** — отправить в лагеря. Сначала аресту подлежали те, кто был зачислен в первую категорию (расстрел), затем, по получении специального.разрешения, можно было приступать к репрессированию и по второй категории.

Следствие предлагалось проводить «ускоренно и в упрощенном порядке». После его завершения добытые на каждого арестованного сведения и краткое обвинительное заключение должны были передаваться на рассмотрение сформированных в каждом регионе в соответствии с указаниями Сталина судебных троек (начальник управления НКВД, секретарь региональной парторганизации, прокурор). Приговор к расстрелу предписывалось тут же приводить в исполнение, а в Москву, в Учетно-регистрационный отдел ГУГБ НКВД, отсылать соответствующий протокол и следственное дело казненного. Что же касается осужденных по **II** категории, то их следовало направлять в места лишения свободы в соответствии с разнарядками, поступающими из Главного управления лагерей.

Возросшая репрессивная активность государства требовала какого-то официального обоснования, и за два дня до начала операции Сталин отправляет в адрес секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий шифротелеграмму с требованием организовать публичные процессы над врагами народа, действующими в сельском хозяйстве (две трети населения страны проживало тогда в сельской местности).

> «ЦК, — писал Сталин, — считает существенным недостатком... тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.
>
> Считая совершенно необходимым политическую мобилизацию вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, ЦК обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2-3 открытых политических процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы... широко осветив ход судебных процессов в местной печати»[308].

Требовать проведения показательных процессов над городскими «вредителями» вождь не стал, однако горожанам, читающим в августе-сентябре **1937** года в районных, областных и краевых газетах о судах над сельскими вредителями, было, конечно, ясно, что враги народа не ограничивают свою деятельность одним лишь сельским хозяйством и что в городах с ними приходится бороться ничуть не менее решительно.

Как и планировалось, **5** августа **1937** года по всей стране начались аресты людей, намеченных к ликвидации. Чтобы соблюсти все формальности, каждому из них нужно было придумать какую-нибудь легенду, оправдывающую расстрельный приговор. Чаще всего, выспросив у арестованного об известных ему происшествиях по месту работы: авариях, пожарах и т.д., — следователь затем все эти события ему же и приписывал, представляя их как диверсионные акты. Когда подследственный отказывался подписывать протокол с такими «своими» показаниями, ему объясняли, что все это необходимо для разоблачения капиталистических государств и их подрывной деятельности в СССР и что никаких последствий для подписавшего это иметь не будет. В том же направлении работала и внутрикамерная агентура, убеждавшая оказавшихся за решеткой людей, что все они арестованы временно и скоро будут освобождены, что этого требует международная обстановка и т.д.

Кого-то удавалось убедить, кого-то нет, однако массового желания признаваться в антигосударственных преступлениях арестованные не изъявляли, и с первых же дней следствие стало пробуксовывать. Темпы «расследования» совершенно не соответствовали масштабам проводимых мероприятий, и стало ясно, что без кардинального изменения методов работы органы НКВД на местах с поставленными задачами справиться не смогут.

На одном из заседаний Политбюро, состоявшемся, судя по некоторым косвенным признакам, в середине августа **1937** г., Сталин предложил своим соратникам принять решение, разрешающее применять методы физического воздействия в отношении врагов народа, не желающих становиться на путь сотрудничества со следствием*. Члены Политбюро с предложением вождя согласились, и на места была направлена соответствующая телеграмма, текст которой до сих пор не обнародован, но основное содержание известно. В

частности, речь шла, о том, что «физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с советской властью также и в тюрьме»[309].

* В центральном аппарате НКВД и кое-где на периферии методы физического воздействия применялись еще с весны **1937** г., но лишь теперь эта практика получила официальное одобрение верховной власти.

Полученным правом чекисты на местах первое время особенно не злоупотребляли. «Активные методы» допроса считались секретными, санкцию на их применение требовалось получать у начальника соответствующего управления, и использовать их дозволялось лишь в вечерние и ночные часы, когда технический персонал уходил домой и не мог слышать криков истязуемых. Однако в дальнейшем процедура была упрощена, тем более что руководство НКВД открыто поощряло новые формы работы, а приезжающие в регионы эмиссары центра всячески популяризировали и методы физического воздействия, и другие новейшие приемы следственной практики.

Один из таких эмиссаров, заместитель Ежова Л.Н. Вельский, осенью **1937** г. побывал с инспекцией на Украине, в Сибири и среднеазиатских республиках. На расширенном оперативном совещании в НКВД Туркмении, подтвердив правомочность избиения упорствующих арестантов, он объяснил местным чекистам, как теперь следует оформлять протоколы допросов. Взяв несколько протоколов, Вельский так их «откорректировал», что содержащиеся в них показания приобрели совершенно иной смысл[310].

Конечно, фабрикацией следственных материалов чекисты занимались и раньше, но делалось это с известной осторожностью, и предпочтение отдавалось тому, чтобы каким-то образом уговорить самого арестованного признаться в якобы совершенных им преступлениях. Теперь же из инструкций Вельского и других представителей центра стало ясно, что можно сочинять «показания» фактически без участия подследственного, а его подпись под протоколом обеспечивать мерами физического воздействия. И поскольку одними только старыми методами добиться выполнения поставленных масштабных задач было невозможно, новые технологии быстро завоевали широкую популярность и были взяты на вооружение во всех оперативных подразделениях НКВД, задействованных по линии «массовой операции».

Помимо избиений, необходимые признания добывались и другими способами. Арестованным не давали садиться и спать до тех пор, пока они не расскажут о совершенных ими «преступлениях»; в тюремные камеры, рассчитанные на несколько человек, набивали по **50-60** заключенных, а для создания еще более тяжелых условий существования начинали нещадно топить печи, наглухо закрывая при этом окна; по указанию работников НКВД старосты камер из уголовников избивали наиболее строптивых подследственных и т.д.

Не всеми в НКВД новые методы чекистской работы были восприняты как должное. Некоторые из приближенных Ежова пытались раскрыть ему глаза на масштабы творящихся беззаконий, однако ни к каким результатам это не приводило. И.И. Шапиро, назначенный в августе **1937** года новым начальником Секретариата НКВД (вместо Я.А. Дейча) и впервые столкнувшийся со столь явными и массовыми нарушениями «социалистической законности» — сфабрикованными делами, необоснованными арестами и т.д., — вспоминал позднее о своих попытках довести до сведения Ежова ставшие ему известными факты:

> «Полагая, что все это является следствием неправильной работы в отделах и что нарком об этом не знает, я при своих служебных докладах Ежову ставил его в известность и обращал его внимание на те или иные вопиющие упущения в работе. В частности» я обращал его внимание на ряд протоколов допросов арестованных, вызывающих большие сомнения в своей правдивости, обращал внимание на справки на арест, представлявшиеся Ежову на санкцию — на их необоснованность, требующую проверки и уточнения, указывал на вопиющие безобразия (преступления), допускаемые при проведении массовых дел.
>
> Однако, к моему удивлению, Ежов никак не реагировал на мои серьезнейшие сигналы, а, по своему обыкновению, отмалчивался, ничего не говоря. Ряд заявлений и документов, которые я ему докладывал как подтверждение и иллюстрацию моих сигналов, Ежов даже не читал, возвращая их мне.
>
> Как-то при очередном докладе, когда я докладывал о творящихся безобразиях в оперативной работе... Ежов вдруг вскочил взбудораженный и обратился ко мне с гневом: «Я считал вас более разумным, чем вы оказались, далеко вам до Дейча, ни черта вы не понимаете, без году неделя чекист, а лезет со своими разоблачениями. Я лучше вас знаю, что делается в наркомате. Никаких преступлений в НКВД нет, все, что проводится, проводится с моего ведома, по моим директивам, точно по моим

указаниям. Или, может быть, вы и меня считаете преступником?»[311]

Прошло лишь три недели после начала «массовой операции», а из регионов уже стали поступать просьбы о выделении дополнительных лимитов на репрессирование, и постепенно процедура получения очередных лимитов начала приобретать черты социалистического соревнования, хорошо знакомого рабочим и служащим, занятым в отраслях народного хозяйства. Местные чекисты, стремясь засвидетельствовать перед центром свою решимость в деле окончательного искоренения «врагов народа» и боясь показаться в этом вопросе менее энергичными, чем их коллеги, старались как можно быстрее реализовать установленные им квоты на репрессирование и получить новые задания. Руководство в Москве всячески поощряло такую активность своих подчиненных. Свидетельствует бывший сотрудник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Г.Н. Лулов:

> «Вокруг этих лимитов была в наркомате создана такая атмосфера: тот из начальников НКВД, кто скорее, реализовав данный ему лимит в столько-то тысяч человек, получит новый, дополнительный лимит, тот рассматривался как лучший работник, лучше и быстрее других выполняющий и перевыполняющий директивы Н.И. Ежова по разгрому контрреволюции. Я очень хорошо помню, как такие начальники УНКВД, как Радзивиловский (Иваново) и Симановский (Орел), заходя ко мне после того, как их принимал Н.И. Ежов, с гордостью рассказывали, что Николай Иванович похвалил их работу и дал новый, дополнительный лимит»[312].

Начавшаяся 5 августа «массовая операция», вопреки опасениям руководства НКВД, была воспринята обществом довольно спокойно. Ее первые результаты, отмечал впоследствии — Ежов, «не только не создали недовольства карательной политикой советской власти среди населения, а, наоборот, вызвали большой политический подъем, в особенности в деревне. Наблюдались массовые случаи, когда сами колхозники приходили в областные управления и райотделы НКВД с требованием ареста того или иного кулака, [бывшего] белогвардейца, торговца и проч. В городах резко сократилось воровство, поножовщина и хулиганство, от которых особенно страдали рабочие районы»[313].

Поэтому, когда в конце 1937 года в повестку дня встал вопрос о том, что делать дальше, благожелательное отношение населения явилось одним из тех аргументов, с помощью которых Ежов обосновывал возможность и целесообразность продления «массовой операции» за пределы первоначально установленного срока. Особенно долго Сталина убеждать было не нужно, и решением Политбюро от 31 января 1938 года завершение чистки было перенесено на март 1938-го.

25. Судьба «национальных контингентов»

Одной из важнейших составляющих «массовой операции» стали проводившиеся тогда же репрессии в отношении так называемых «национальных контингентов», то есть лиц, контрреволюционная сущность которых определялась не социальным происхождением или прошлой деятельностью, а национальной принадлежностью. По мнению Сталина, проживающие в СССР немцы, поляки, как и представители многих других диаспор, являлись потенциальными шпионами соответствующих государств, а в военный период могли к тому же быть использованы и для подрывной работы в тылу. В условиях приближающейся войны Сталин посчитал такое положение опасным, и поэтому, когда летом 1937 года дубина «большого террора» обрушилась на страну, один из самых сильных ударов был нанесен именно по представителям некоренных национальностей

С них, собственно говоря, все и началось. Еще 20 июля 1937 г., за полторы недели до издания приказа № 00447, положившего начало массовым репрессиям, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло по инициативе Сталина следующее решение:

> «Предложить т. Ежову дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.), и высылке части арестованных за границу... О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»[314].

В изданном Ежовым в развитие этого решения приказе по НКВД № 00439 от 25 июля 1937 г. утверждалось со ссылкой на агентурные и следственные материалы, что германский генеральный штаб и гестапо в широких масштабах проводят на важнейших предприятиях промышленности, в первую очередь оборонных, шпионскую и диверсионную работу, используя для этих целей проживающих в СССР германских подданных. Под последними подразумевались живущие в Советском Союзе по контракту немецкие инженеры и техники, а также все другие проживающие в стране немцы (в том числе и политэмигранты), которые, не желая окончательно порывать связь с родиной, сохранили германское гражданство.

Агентура из числа германских подданных, говорилось в приказе, занимаясь уже и сейчас вредительством, главное внимание уделяет организации подрывной работы в период войны, подготавливая на этот случай кадры обученных диверсантов.

Для пресечения коварных замыслов немецкого генштаба и, почему-то, гестапо, никогда ничем подобным не занимавшегося, Ежов распорядился в трехдневный срок представить ему списки всех германских подданных, работающих или работавших в прошлом на военных заводах, предприятиях, имеющих военные цеха, а также на железнодорожном транспорте и, начиная с **29** июля, приступить к их аресту, завершив данную операцию в трехдневный срок.

Следствие по делам арестованных германских граждан приказано было вести особо тщательно, добиваясь выявления всех остающихся еще на свободе агентов немецкой разведки, коих следовало тут же арестовывать. По окончании следствия дела арестованных предписывалось направлять в НКВД СССР для последующего рассмотрения их Военной коллегией Верховного Суда или Особым совещанием при наркоме внутренних дел.

Не были забыты в приказе и другие категории немецких граждан, а именно: работники предприятий и организаций невоенного профиля; принявшие советское гражданство бывшие германские подданные, работавшие в прошлом на оборонных предприятиях, а также принявшие советское гражданство политэмигранты. На каждого из них предложено было представить подробный меморандум с изложением компрометирующих обстоятельств, дающих основание для принятия решения об аресте.

В начале августа **1937** года германское посольство в Москве, обеспокоенное репрессиями в отношении немецких граждан (которых до этого тоже время от времени арестовывали, но не в таких масштабах), обратилось за разъяснениями в Наркомат иностранных дел. Его руководитель М.М. Литвинов заявил, что поручит разобраться в ситуации своему заместителю В.П. Потемкину, тот пообещал немедленно связаться с Ежовым, однако на этом все и закончилось. К середине августа немецким властям стало ясно, что положение становится критическим, и **16** августа МИД Германии телеграфировал посольству в Москве, что в сложившейся обстановке следует настоятельно рекомендовать всем обратившимся в посольство политически благонадежным немецким гражданам как можно быстрее покинуть территорию СССР[315].

Поскольку подданных Германии в стране проживало не так уж много, а германской агентуры, в соответствии с теориями Сталина, напротив, должно было быть более чем достаточно, по мере развертывания операции вслед за немецкими гражданами в ход пошли и граждане СССР немецкой национальности, среди которых также было немало подозрительных личностей. Одни являлись активистами эмигрантского движения конца **20**-х годов, другие получали в свое время материальную помощь из Германии, третьи посещали немецкое консульство или вели переписку с ним и т.д.

После того как и они были арестованы, дошла очередь до всех прочих немцев, никогда раньше не состоявших на учете в НКВД. В результате, например, в немецких колониях Западно-Сибирского края в **1937-1938** гг. было арестовано большинство взрослых мужчин, обвиненных в принадлежности к фашистским штурмовым отрядам и повстанческим звеньям, созданным по заданию германского консула в Новосибирске для вооруженной борьбы с советской властью и подготовки в случае войны диверсионных актов в тылу. Некоторые немецкие поселки вообще перестали существовать после того, как оставшиеся без кормильцев жены и матери арестованных уехали в другие районы страны.

Следующей жертвой карательной политики Сталина оказались поляки, ведь именно Польша, как предполагалось, должна была стать главным союзником Германии в предстоящей войне. Все началось **9** августа **1937** г., когда решением Политбюро был утвержден проект приказа наркома внутренних дел СССР «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ». «Польска организацья войскова» (ПОВ), о которой шла речь в приказе, появилась в начале Первой мировой войны на входящих в состав Российской империи польских землях как подпольная военизированная организация, объединяющая сторонников восстановления самостоятельного польского государства. После провозглашения в **1918** г. независимости Польши организация не распалась, а повела борьбу теперь уже за возвращение принадлежавших ранее Польше территорий Украины и Белоруссии. В период советско-польской войны (**1920** г.) ПОВ занималась активной диверсионно-подрывной работой в тылу Красной Армии и шпионажем в интересах польской разведки, с которой была тесно связана.

К моменту описываемых событий деятельность ПОВ давно уже прекратилась, однако чекисты продолжали то здесь, то там «обнаруживать» ее подпольные группы и успешно их

ликвидировать. Тем не менее в своем приказе № 00485, изданном 11 августа 1937 г., Ежов дал крайне низкую оценку работе своих подчиненных по пресечению деятельности польской агентуры.

> «Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой... — и террористической деятельности польской разведки в СССР, — указывал Ежов, — а также материалы следствия по делу «ПОВ» вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза. Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.
>
> Даже сейчас, — продолжал Ежов, — работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организаций «ПОВ» полностью не развернута. Темпы и масштабы следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15000 чел., учтено по Союзу только 9000 чел.). В Западной Сибири из находящихся на территории около 5000 перебежчиков учтено не более 1000 чел. Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши»[316].

Теперь пришло время исправлять допущенные ошибки. С 20 августа 1937 г. предписано было начать, а три месяца спустя — завершить широкую операцию по ликвидации региональных подразделений «ПОВ», и в первую очередь ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, в колхозах и совхозах. На тот случай, если органы НКВД на местах никакими сведениями о подпольных польских организациях не располагали, Ежов в своем приказе дал перечень лиц, подлежащих аресту. Он включал оставшихся в СССР со времен советско-польской войны 1920 года бывших военнопленных польской армии, перебежчиков из Польши, независимо от времени их перехода в СССР, польских политэмигрантов, бывших членов «Польской партии социалистов», а также антисоветски и националистически настроенных граждан в районах компактного проживания польского населения.

Из перечисленных категорий в первую очередь предлагалось арестовать тех, кто работает в органах НКВД, в Красной Армии, на военном производстве, транспорте, нефте-газоперерабатывающих предприятиях, в энергетике, а кроме того, всех шпионов, вредителей и диверсантов, о которых станет известно в ходе следствия.

В отличие от приказа по немцам, приказ по полякам, как и последовавшие вслед за ним аналогичные решения по некоторым другим национальным группам, касался уже исключительно советских граждан (советских немцев тоже, кстати, репрессировали именно по данной схеме). Многое объединяло его с приказом № 00447, в соответствии с которым 5 августа 1937 г. в стране началась массовая операция по очистке советского общества от неблагонадежных, с точки зрения Сталина, элементов, но имелись и существенные отличия.

Если судьбу граждан с неблагополучным социальным или уголовным прошлым решали на местах три человека (начальник управления НКВД, прокурор и партийный секретарь), то для репрессирования лиц с «плохой» национальностью хватало, по мнению Сталина, и первых двух. Так в дополнение к пресловутым «тройкам» появились и гораздо менее известные «двойки». Это была вполне уместная предосторожность — при том размахе беззакония, который можно было ожидать от операций по национальным линиям, лишние участники и свидетели были совершенно ни к чему.

Из-за столь узкого состава «двойки», в отличие от «троек», не имели судебных функций и могли лишь рекомендовать ту или иную меру пресечения, а окончательное решение должно было приниматься в Москве Комиссией наркома внутренних дел и Прокурора СССР, а проще говоря, Ежовым и Вышинским. Сами они, конечно, не имели возможности разбираться с присылаемыми из регионов материалами. Этим занимались работники центрального аппарата НКВД, а Ежов с Вышинским или их заместители лишь подписывали итоговые протоколы.

Еще одно отличие от операции в рамках приказа N° 00447 заключалось в отсутствии определенных квот на репрессирование. Право решать, сколько людей следует расстрелять, а сколько отправить в лагеря и тюрьмы, было в этом случае предоставлено чекистам на местах, которые, понимая, чего от них хотят, и стремясь оправдать ожидания руководства, стали, естественно, действовать по принципу «чем больше, тем лучше». Это касалось как общей численности репрессируемых, так и доли осужденных по первой категории. (Если на «тройках», рассматривавших дела арестованных по приказу № 00447, к расстрелу было

приговорено **49,3%** всех подследственных, то на «двойках» этот показатель был доведен уже до **73,7%**[317]).

Разобравшись с немецкими и польскими шпионами, Сталин обратил свой взор на Дальний Восток, где тоже было не все благополучно. В связи с начавшейся в июле **1937** года японской интервенцией в Китае, военно-политическая обстановка в регионе становилась все более напряженной, и пора было принимать меры, гарантирующие режим от разного рода неожиданностей. Наряду с укреплением советских позиций в Монголии (о чем пойдет речь в одной из следующих глав), Сталин решил нанести удар по потенциальной японской агентуре в СССР, к которой, по его мнению, относились проживающие на Дальнем Востоке корейцы и так называемые «харбинцы», то есть бывшие служащие принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороги, которые после ее продажи в **1935** г. Японии переехали в СССР*.

* До возвращения на историческую родину большинство из них проживало в г. Харбине, где размещалась администрация дороги и ее основные службы, отсюда и название — «харбинцы».

Что касается корейцев, то в стране их насчитывалось около двухсот тысяч человек, и проживали они в основном на территории Дальневосточного края (ДВК), граничащего с находящимися под японской оккупацией Кореей и Маньчжурией. Компактное их размещение в районе потенциального военного конфликта и навело, вероятно, на мысль использовать в данном случае такую своеобразную форму репрессий, как массовое выселение по национальному признаку.

21 августа **1937** г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР принимают совместное постановление «О корейцах», в котором «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» региональному управлению НКВД предписывалось немедленно приступить к выселению из пограничных районов корейского населения, которое предлагалось перевезти в малонаселенные районы Казахстана и Узбекистана. Операцию приказано было начать немедленно и завершить не позднее **1** января следующего года.

Понимая, что разместить на новом месте такое огромное количество людей будет нелегко, Сталин дал указание не чинить препятствий тем корейцам, которые, не желая переезжать, захотят перейти границу и попасть в Корею или Маньчжурию. Управлению НКВД по ДВК было предложено допустить упрощенный переход границы соответствующими лицами, правда, на местах такие намерения зачастую рассматривались как враждебные, и для многих корейцев их попытка покинуть СССР закончилась ГУЛАГом.

Немедленное начало эвакуации, о котором шла речь в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, местным властям удалось немного оттянуть, иначе погиб бы весь урожай риса на обширных плантациях, так что первые эшелоны с корейцами отправились в путь лишь **9** сентября, когда основная часть урожая была уже собрана и сдана на заготовительные пункты.

23 сентября **1937** г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает еще одно решение, теперь уже о поголовном выселении корейцев со всех без исключения территорий Дальневосточного края, включая и глубинные, не пограничные районы.

Спустя несколько дней Ежов направил начальнику Управления НКВД по ДВК Г.С. Люшкову телеграмму, в которой указал, что по оперативным соображениям выселение корейцев желательно завершить не к концу октября, как это предписывалось последним решением Политбюро, а к середине месяца. Люшков обещал управиться, и, хотя сделать это к середине октября не удалось, к концу месяца работа была завершена. **29** октября Ежов доложил Сталину и Молотову, что ответственное правительственное задание выполнено и что к **25** октября выселение корейцев практически завершено: **36 442** семьи, или **171 781** человек, уже вывезены, и до **1** ноября к новому месту жительства будут отправлены последние **700** человек[318].

Одновременно с решением корейского вопроса решалась и судьба «харбинцев». Большинство переехавших в СССР бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) жили в Маньчжурии еще с дореволюционных времен или вообще родились там. Работая на принадлежавшей сначала России, а затем СССР дороге, они получили советское гражданство, их дети учились в советских школах, созданных при КВЖД, и, когда в **1935** году дорога была продана японцам, решение переехать в СССР было для них вполне естественным.

Хотя «харбинцы» принадлежали к коренной нации, они долго жили за границей, к тому же на территории, находящейся в последние годы под японским контролем, поэтому решено было применить к ним ту же упрощенную процедуру репрессирования, которая была

разработана для «национальных контингентов». В своем приказе по НКВД № 00593, изданном 20 сентября 1937 г., Ежов утверждал, что среди приехавших в СССР «харбинцев» подавляющее большинство составляют бывшие белые офицеры, бывшие царские полицейские и жандармы, участники различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.д., направленные в Советский Союз японской разведкой для террористической, диверсионной и разведывательной деятельности. 1 октября приказано было начать широкую операцию по обезвреживанию всех этих японских агентов, завершив ее не позднее 25 декабря 1937 года.

Аресту подлежали «харбинцы», изобличенные или подозреваемые в терроризме, шпионаже и вредительстве, а также еще двенадцать категорий, пока еще не изобличенных и даже не подозреваемых, но все равно явных врагов советской власти. Сюда относились, в частности, те, кто имел в прошлом китайское гражданство, служил в иностранных кампаниях, владельцы или совладельцы каких-либо предприятий (ресторанов, гаражей и т.п.), участники «контрреволюционных сектантских группировок», а кроме того, члены эмигрантских фашистских организаций, бывшие служащие китайской полиции и армии, контрабандисты, торговцы опиумом и др.

Поскольку фашистам, торговцам опиумом и им подобным гражданам не было никакого резона переезжать на жительство в СССР, данный перечень можно рассматривать скорее как указание следственным органам, какие обвинения целесообразно использовать при работе с этой категорией «врагов народа». Ну а во всем остальном приказ по «харбинцам» ничем не отличался от аналогичного приказа по полякам, о котором уже шла речь выше.

Готовясь к войне, Сталин не мог, конечно, обойти вниманием таких представителей потенциальной «пятой колонны», как перебежчики. Многие граждане сопредельных стран, наслушавшись историй о первом в мире государстве рабочих и крестьян, стремились попасть в это царство социальной справедливости, ища спасения от разных бед, подстерегавших их у себя на родине. Перейдя государственную границу, они обращались к советским властям с просьбой предоставить им убежище по политическим или экономическим мотивам. Пришельцев более или менее радушно встречали, и, если по линии чекистского ведомства никаких претензий к ним не возникало, беглецы могли рассчитывать на условия существования по крайней мере не худшие, чем те, которые были у граждан СССР.

В прежние годы сталинская пропаганда активно использовала ситуацию с перебежчиками как доказательство преимуществ советского общественного строя и показатель доверия к СССР со стороны трудящихся всего мира. Однако времена изменились. В условиях предвоенной обстановки проникающие в страну в больших количествах перебежчики-иностранцы стали представлять, по мнению Сталина, серьезную опасность для режима, и эту порочную практику следовало пресечь самым решительным образом.

Заслон перебежчикам был поставлен 23 октября 1937 года. В изданном в тот день приказе по НКВД № 00643 Ежов, ссылаясь на результаты проведенных операций по полякам, немцам, корейцам и харбинцам, заявил, что перебежчики широко используются иностранными разведками для создания на территории СССР шпионско-диверсионной сети и организации повстанческих ячеек. Для исправления создавшегося положения органам НКВД на местах было предложено:

> 1. Всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода границы, немедленно арестовывать и подвергать самой тщательной и всесторонней проработке.
> 2. Перебежчиков, разоблаченных как агентов иностранных разведок, предавать суду Военной коллегии или военных трибуналов.
> 3. Всех остальных перебежчиков, подозреваемых в шпионаже, даже если разоблачить их и не удалось, через Особое совещание при НКВД отправлять в тюрьмы Главного управления государственной безопасности или в лагеря и в период нахождения в заключении подвергать самой тщательной агентурной разработке с целью выявления их принадлежности к иностранным разведкам.

Три месяца спустя решением Политбюро от 31 января 1938 г. мера наказания перебежчикам была уточнена. Проникших на территорию СССР со шпионскими, диверсионными или иными антисоветскими целями, даже если это будет определено лишь по косвенным признакам, предписывалось предавать суду военных трибуналов с обязательным применением расстрела. Более мягкое наказание — 10 лет тюремного заключения было предусмотрено для тех, кто перейдет границу «не злонамеренно»[319].

Вопрос о перебежчиках обсуждался в числе других на совещании руководящего состава НКВД 24 января 1938 года. В частности, своими предложениями о том, как улучшить работу по этой линии, поделился с присутствующими нарком внутренних дел Белоруссии Б.Д.

Берман, после чего между ним и Ежовым состоялся такой диалог (цитируется по стенограмме совещания):

«*Вопрос тов. Ежова*. Перебежчик перешел нашу границу — что вы с ним делаете?

Ответ тов. Бермана. Если мы его ловим — мы его сажаем. Наиболее серьезных агентов мы берем к себе в контрразведывательный отдел в Минск.

Вопрос тов. Ежова. А вот маленький шпик перешел границу — что вы с ним делаете дальше?

Ответ тов. Бермана. Проводим следствие, посылаем [в Москву] справку по его делу и ждем ваше решение.

Вопрос тов. Ежова. Я думаю насчет упрощения этого дела: как перешел — тут же расстреливать.

Ответ тов. Бермана. Нет, Николай Иванович, это будет неправильно, этого нельзя делать, этим на границе мы приучим бойцов, что они начнут бить направо и налево...

Вопрос тов. Ежова. А на той территории он [т.е. пограничник] не может бить?

Ответ тов. Бермана. С вашего разрешения может.

Вопрос тов. Ежова. Боя винтовки хватит?

Ответ тов. Бермана. Боя винтовки хватит, но возникает конфликт — убит на чужой территории»[320].

На этом данное обсуждение закончилось, и вопрос о том, когда лучше убивать перебежчиков — до или после пересечения ими государственной границы СССР, так и остался нерешенным. Проблема перебежчиков продолжала Ежова беспокоить, и в своем заключительном слове на совещании он вновь обратился к этой теме. Сославшись на приведенные в выступлении Б.Д. Бермана сведения о том, что за период с **1921**-го по **1936** год из Польши в СССР перешли, по данным пограничной охраны, **58** тысяч человек, Ежов заявил:

«Разительный пример — 58 тысяч перебросили через белорусскую границу — это то, что учтено, но я думаю, что тысяч полтораста перебежчиков есть неучтенных, да еще нам политэмиграция подкидывала и иные буржуазные деятели левого толка, которые сюда приезжали. Засорили нас... поляки, насадили свою сеть, не сделаешь хода никуда. А как мы к этому отнеслись? Мы отнеслись к этому так же, как простой обыватель. Вот такой факт — перебежчик на границе, его поймали: «Ты чего?» — «Не могу, — говорит, — бегу от гнета польских дворян или панов». «А, — ну ладно, ежели так — валяй, езжай». На работу его устроят как-нибудь, он приезжает на работу на завод, там его встречают, через некоторое время он на митинге выступит с речью, будут... говорить, что революционер приехал, вырвавшись из-под гнета панской Польши и т.д. Понятно это чувство интернациональной солидарности, интернациональной связи простому рядовому рабочему, колхознику, партийному работнику, но чекисту, который знает, что такое маскировка, — ему-то как это простить? Как можно было, чтобы 58 тысяч через белорусскую границу прошли и чтобы они расселились на Урале — в Свердловской области, в Казахстане, в Западной Сибири — где только их нет! — ведь пачками сейчас берем. И как мы вот десятки лет жили и не додумались до элементарной вещи, что это представляет собой шпионскую базу польской разведки...

Границы у нас нет, какая к черту граница, если 58 тысяч за короткий отрезок времени прошли. Это не граница, а решето. А ну, попробуйте в эту самую, извините за выражение, засранную Польшу, которая гроша не стоит, губернии нашей не стоит, ну-ка попробуйте перебросить 58 тысяч — она вам покажет кузькину мать, она вам из 58 тысяч никого не пустит, всех перестреляет...

Этот урок мы должны учесть в нашей работе и запереть свою границу, а если уж кто перешел эту границу, то пусть он живым никак не останется... если пришел сюда в качестве разведчика... Надо создать такое настроение у всех этих польских панов, латышских баронов и румынских сволочей, чтобы они боялись нос ткнуть на нашу сторону»[321].

После того, как Политбюро послушно проштамповало сталинские указания о репрессировании национальных контингентов, представляющих опасность в случае военного столкновения с Германией, Польшей или Японией, можно было браться и за все прочие диаспоры, контрреволюционная сущность которых также не вызывала у вождя никаких сомнений. Но здесь уже требовался какой-то, хотя бы формальный, повод, иначе обосновать необходимость продолжения чисток по национальному признаку было бы затруднительно даже для Сталина.

Помог случай. В октябре **1937** года новым руководителем смоленского областного УНКВД был назначен А.А. Наседкин, возглавлявший до этого контрразведывательный отдел московского управления НКВД. Не сработавшись со своим начальником С.Ф. Реденсом, который не поощрял его чрезмерную активность и выражал сомнения в достоверности

показаний, добываемых его подчиненными, Наседкин давно уже добивался перевода в другое управление. И вот, наконец, его желание исполнилось и даже перевыполнилось, поскольку к перемене места работы добавилось еще и повышение в должности. Накануне нового назначения Наседкин был принят Ежовым и получил от него ряд руководящих указаний.

> «Ежов, — вспоминал Наседкин, — объявил мне о моем назначении в Смоленск и сказал: «Действуйте в арестах смелее, ошибетесь — поправим, тяжело будет — поможем». Предложил шире развернуть операцию по кулакам, полякам, немцам и др. линиям. После этих указаний Ежов, обращаясь к Фриновскому, спросил его: «Я думаю, что он справится с возложенными на него задачами?» Фриновский ответил положительно, и на этом прием у Ежова закончился»[322].

Окрыленный новым назначением, Наседкин поехал в Смоленск с твердым намерением оправдать оказанное ему доверие. По приезде, разбираясь с делами, которое вело местное управление НКВД, он натолкнулся на имеющиеся в контрразведывательном отделе показания нескольких арестованных латышей о якобы существующем в Москве контрреволюционном националистическом центре, действующем под прикрытием латышского культурно-просветительного общества «Прометей» и латышской секции Коминтерна.

Обнаруженные сведения показались Наседкину весьма интересными и перспективными, и, захватив с собой соответствующие документы, он отправился в Москву к Ежову.

> «Ознакомившись с материалами, — рассказывал потом Наседкин, — Ежов оживился... и сразу же спросил меня, много ли в Смоленской области латышей и сколько я могу арестовать. Я ему ответил, что всего по учету значится около 5000 человек, из них примерно 50% взрослые, из которых можно арестовать как националистически настроенных 450-500 человек. На это мне Ежов заявил: «Чепуха, я согласую с ЦК ВКП (б), и надо будет пустить кровь латышам — арестуйте не менее 1500-2000 человек, они все националисты»[323].

23 ноября **1937** г. Наседкин был приглашен на совещание в Кремле, где доложил Сталину и другим членам Политбюро о вскрытой им контрреволюционной латышской организации. По итогам состоявшегося обсуждения было принято решение об аресте ряда лиц, упомянутых в привезенных Наседкиным показаниях. В течение последующих нескольких дней были взяты под стражу такие видные латыши, как заместитель наркома обороны СССР, начальник Военно-воздушных сил РККА Я.И. Алкснис, начальник Разведуправления РККА Я.К. Берзин, известные в прошлом чекисты Я.**Х.** Петерс и М.Я. Лацис, бывший главнокомандующий вооруженными силами РСФСР в годы Гражданской войны И.И. Вацетис и др.

Спустя несколько дней после совещания в Кремле Ежов сообщил Наседкину, что операция по латышам согласована со Сталиным, что готовится соответствующий приказ по НКВД, но дожидаться этого не нужно, а по возвращении в Смоленск следует сразу же приступить к арестам руководителей латышских сельсоветов и колхозов, членов местных отделений общества «Прометей» и общества латышских стрелков, политэмигрантов из Латвии и т.д. На вопрос Наседкина, можно ли арестовывать при отсутствии компрометирующих материалов, Ежов ответил: «Материал добудете в ходе следствия»[324].

30 ноября **1937** года, после издания соответствующего приказа по НКВД, латышская операция началась уже по всей стране. Поскольку отличиться на этом поприще хотелось многим, повсеместно стали «раскрываться» общесоюзные латышские заговорщицкие центры, каждый с разным составом участников, но с одной и той же руководящей верхушкой в лице Я.И. Алксниса и бывшего заместителя Председателя Совнаркома СССР Я.Э. Рудзутака, арестованного еще в мае **1937** г. В конце концов это обилие «всесоюзных латышских центров» стало выглядеть просто нелепо, и чекисты на местах получили от своих руководителей указание записывать в протоколах допросов более или менее стабильный состав контрреволюционной латышской организации, ориентируясь при этом на тот список фамилий, которого придерживались в центральном аппарате НКВД, — Я.Э. Рудзутак, Я.И. Алкснис, Я.Х. Петерс, М.Я. Лацис, К.Х. Данишевский и некоторые другие.

После того, как был решен вопрос с латышами, «выяснилось», что и остальные диаспоры ничуть не лучше и что среди них органы НКВД тоже сумели отыскать множество контрреволюционных заговорщицких организаций. Так что вслед за латышами в работу были взяты греки, румыны, финны, эстонцы, иранцы и китайцы.

Проводимые в СССР массовые репрессии по национальному признаку не остались незамеченными за границей. С осуждением подобных действий выступили власти Германии, Польши, Финляндии, Греции и Ирана. Особенно непримиримую позицию заняли иранцы. Они

даже предлагали другим государствам выступить с коллективным протестом против творящихся в Советском Союзе беззаконий. В Иране было создано специальное общество, собиравшее деньги в пользу репрессированных соотечественников. Кроме того, Иран предпринял ряд ответных действий против граждан СССР, проживающих на его территории.

Когда в европейской печати появились статьи, рассказывающие о проводимых в Советском Союзе национальных чистках, некоторые видные общественные деятели Запада, считающие себя друзьями СССР, обратились к советскому руководству с просьбой разъяснить создавшуюся ситуацию. В частности, такой запрос направил в Москву известный французский писатель Ромен Роллан, просивший сообщить, действительно ли в СССР подвергаются преследованиям люди, вся вина которых заключается в том, что они являются иностранцами или гражданами некоренных национальностей. Как к другу Советского Союза, писал Ромен Роллан, к нему по этому вопросу обращаются многие общественные деятели Европы, а он не знает, что им отвечать.

Однако смягчить позицию Сталина никому не удалось. Операция по национальным контингентам продолжалась столько времени, сколько, по его мнению, было необходимо, и закончилась лишь тогда, когда все поставленные перед ней задачи были выполнены.

26. Кандидат в члены Политбюро

В неопубликованном очерке «Николай Иванович Ежов — сын нужды и борьбы», о котором уже не раз упоминалось ранее, А.А. Фадеев со свойственной настоящему писателю проницательностью сумел очень точно охарактеризовать суть взаимоотношений Сталина и Ежова:

> «Существует фотография: Сталин, чуть склонив голову, улыбаясь, и Ежов, с выражением лица по-детски серьезным и доверчивым, разговаривают о чем-то, должно быть, очень хорошем. В фигурах обоих, столь различных, и в разных выражениях лиц есть общее: необыкновенная естественность, спокойная и мужественная простота.
>
> Это полный взаимного доверия разговор старшего товарища с младшим, учителя с учеником, орла с орленком.
>
> Не кто иной, как Сталин, со своим острым глазом сумел разглядеть в этом предельно скромном человеке, ненавидящем фразу и никогда не выпячивающем своей личности, выдающегося пламенного революционера... до последней капли крови преданного партии и народу и беспощадного к врагам народа.
>
> И Сталин выращивал его любовно, как садовник выращивает облюбованное им дерево»[325].

К осени **1937** года процесс «выращивания» достиг той стадии, когда возникла необходимость узаконить отличие Ежова от рядовых членов ЦК, путем присвоения ему очередного партийного звания — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Сделано это было на пленуме ЦК, состоявшемся **11-12** октября **1937** г.

На второй день работы пленума перед собравшимися выступил Сталин, сообщивший об очередных успехах в борьбе с врагами народа, проникшими в главный штаб партии — ее Центральный комитет.

> «*Сталин.* За период после июньского пленума у нас выбыло и арестовано несколько членов ЦК: Зеленский оказался царским охранником, Лебедь, Носов, Пятницкий; Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис — 8 человек. По рассмотрении всех материалов, по проверке материалов, оказалось, что эти люди, они — враги народа. Если вопросов нет, я бы предложил принять это сообщение к сведению.
>
> *Голоса.* Правильно. Принять к сведению.
>
> *Сталин.* Из кандидатов в члены ЦК за этот же период выбыло, арестовано — 16 человек: Гринько, Любченко — застрелился, Еремин, Дерибас — японским шпионом оказался, Демченко, Калыгина, Семенов, Серебровский — шпионом оказался, Шубриков, Грядинский, Саркисов, Быкин, Розенгольц — немецким, английским и японским шпионом оказался...
>
> *Голоса.* Ого!
>
> *Сталин.* ... Лепа, Гикало и Птуха — 16 человек. Тоже после разбора всех материалов и проверки оказалось, что эти люди являются врагами народа. Если нет вопросов или возражений, я бы просил и этот вопрос принять к сведению.
>
> *Голоса.* Одобрить»[326].

После того как остающиеся на свободе члены ЦК узнали, какая большая работа была проделана Ежовым в промежутке между двумя пленумами, ни у кого уже не поднялась рука проголосовать против его избрания кандидатом в члены Политбюро.

Теперь лишь одна ступенька отделяла Ежова от высшего номенклатурного звания — член

Политбюро ЦК ВКП(б). Но это, если оценивать ситуацию с формальных позиций. Фактически же к моменту описываемых событий Ежов занимал такое место во властной иерархии, на которое могли претендовать лишь самые приближенные к Сталину члены правящей верхушки.

Первым свидетельством этого стало принятое полгода назад (14 апреля 1937 г.) решение Политбюро «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)», в котором, в частности, говорилось:

> «1. В целях подготовки для Политбюро, а в случаях особой срочности — и для разрешения вопросов секретного характера, в т.ч. и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова»[327].

Таким образом, Ежов, не будучи даже кандидатом в члены Политбюро, вошел на равных с наиболее влиятельными фигурами из сталинского окружения в узкую группу лиц, уполномоченных готовить и принимать решения по наиболее конфиденциальным вопросам.

Но тогда об этом постановлении Политбюро мало кто узнал, а кроме того, могло создаться впечатление, что речь идет об участии в решении вопросов сравнительно узкой проблематики, тем более что, например, в образованном две недели спустя Комитете обороны СССР Ежову досталось лишь скромное четвертое, т.е. последнее, место в списке даже не членов, а кандидатов в члены этого весьма важного органа.

Однако прошло несколько месяцев, и стало ясно, что появление Ежова в одной компании с тремя самыми близкими сталинскими соратниками было неслучайными. 29 октября 1937 г. в «Правде» стали публиковаться сводки постановлений общих собраний трудовых коллективов, выдвинувших руководителей партии и правительства кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР, в связи с намеченными на декабрь 1937 года выборами в этот новый орган власти. Сначала печатались сводки только по Сталину, а со 2 ноября к нему присоединились четверо его ближайших соратников. Вслед за Сталиным публиковалась сводка по Молотову, затем шли Ворошилов, Каганович и, наконец, Ежов. Очередность фамилий не зависела от числа трудовых коллективов, выдвинувших того или иного кандидата, а отражала фактическую расстановку сил на кремлевской сцене и степень близости к вождю.

С 4 ноября 1937 года стали публиковаться сводки еще по четырем членам Политбюро — Калинину (формальному главе государства), Андрееву, Микояну и Чубарю, при этом их фамилии всегда шли после Ежова.

Чем же руководствовался Сталин, пойдя на столь явное нарушение партийного этикета и фактически объявив на всю страну о принадлежности Ежова к руководящей группе в Политбюро, на что тот по формальным признакам никак не мог претендовать? По-видимому, необходимость обозначить реальное место Ежова во. властной структуре была обусловлена стремлением создать ему такие условия работы, при которых любые его указания и распоряжения воспринимались бы как идущие с самого верха и, следовательно, подлежащие исполнению без каких-либо согласований с кем бы то ни было.

Другим свидетельством возросшего влияния Ежова в это время может служить частота, с какой его приглашают на заседания, проходящие в рабочем кабинете Сталина в Кремле. Если в первые полгода своей деятельности в должности наркома внутренних дел (то есть с октября 1936 года по март 1937-го) Ежов посетил лишь 33 заседания из 80, то с апреля 1937 года его присутствие при обсуждении самых разных вопросов партийной и государственной жизни становится почти обязательным. В апреле-октябре 1937 года Ежов принимает участие уже в 129 заседаниях из 152, уступив по этому показателю лишь Молотову (присутствовавшему на 140 заседаниях), но зато намного опередив Ворошилова (83) и Кагановича (75), не говоря уже о других членах Политбюро.

Периодически отвлекаясь на разного рода совещания и заседания, Ежов не забывал, однако, и об основных своих обязанностях. Всего полмесяца прошло с момента избрания его кандидатом в члены Политбюро, а он уже сумел оправдать оказанное ему доверие. В конце октября 1937 года после завершения необходимых следственных мероприятий Ежов представил на утверждение «инстанции» (как тогда говорили, имея в виду Сталина) очередные списки лиц, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Главной особенностью этих списков стало наличие в них большой группы бывших членов и кандидатов в члены ЦК.

К этому времени из 139 человек, избранных на XVII съезде в состав Центрального комитета ВКП(б), больше половины было арестовано, и семь человек уже расстреляны. Теперь же в представленных Ежовым списках на ликвидацию значились фамилии сразу 23

его бывших коллег. Пятерых решено было расстрелять попозже, а остальных Военная коллегия быстро провела через несложную процедуру своего «суда», после чего все они были казнены.

Прошел месяц, и в конце ноября **1937** года Ежов направил на утверждение вождя новый, еще более внушительный список подлежащих расстрелу бывших партийных и государственных деятелей, включавший на этот раз почти всех находящихся к этому времени под арестом членов и кандидатов в члены ЦК — **45** человек. Однако Сталин не дал согласия на уничтожение такого большого количества вчерашних соратников. Возможно, он считал, что некоторые из них, особенно из числа арестованных сравнительно недавно, еще не все рассказали о своих «преступлениях» и «сообщниках», другие могли понадобиться в качестве фигурантов или свидетелей на предстоящем процессе над Бухариным и Рыковым. Так или иначе из **45** членов и кандидатов в члены ЦК, включенных Ежовым в список, Сталин половину вычеркнул, но и среди оставшихся большинство по неясным пока причинам были расстреляны с большой задержкой: пять человек — спустя два с половиной месяца, трое — через пять месяцев, четверо — через восемь и один — через девять месяцев.

Но девятерых членов и кандидатов в члены ЦК расстреляют почти сразу, причем в этот раз Ежов выступил не только в роли организатора, но и непосредственного исполнителя приговора, собственноручно застрелив единственную женщину среди подвергшихся репрессиям членов ЦК, бывшего секретаря Калининского обкома партии А.С. Калыгину.

Вообще, в разговоре с подчиненными Ежов, особенно подвыпив, любил рассказывать о том, как присутствовал при расстрелах тех или иных осужденных и даже сам принимал в этом участие. Насколько эти разговоры соответствовали действительности, неизвестно, однако можно предположить, что вряд ли в качестве своей первой жертвы Ежов решился бы выбрать женщину, вероятно, к этому времени кое-какой опыт участия в подобного рода процедурах у него и в самом деле имелся.

Среди других работников партийного и государственного аппарата, расстрелянных в те же ноябрьские дни **1937** года, был и бывший начальник Ежова по Организационно-распределительному отделу ЦК ВКП(б) И.М. Москвин, обвиненный в принадлежности к подпольной масонской организации «Единое трудовое братство»*.

* Арестованная вместе с ним его жена Софья Александровна, в свое время подкармливавшая Ежова домашними обедами, переживет мужа лишь на четыре месяца. **28** марта **1938** г. она будет включена в очередной список на ликвидацию и десять дней спустя расстреляна.

На протяжении всей осени **1937** года Ежов, не покладая рук, борется с врагами Сталина в партии и стране, и такая активность несомненно заслуживала очередного поощрения. **3** декабря в «Правде» появилось большое стихотворение казахского поэта Джамбула Джабаева «Нарком Ежов» (отрывки из которого использовались в качестве эпиграфа к некоторым главам данной книги).

Девяностодвухлетний неграмотный поэт прославился до революции у себя на родине как автор множества лирических, бытовых, социальных и сатирических песен, поэм и сказок, которые он, как и другие акыны (т.е. поэты-импровизаторы), сочинял под аккомпанемент домбры.

В советский период о нем почти ничего не было слышно до тех лор, пока вместе с участниками первой декады литературы и искусства Казахстана он не побывал в мае **1936** года в Москве, где его наградили орденом Трудового Красного Знамени. С этого времени Джамбула точно подменили, и на читателя обрушилась лавина его (точнее якобы его) поэм и стихов, прославляющих счастливую жизнь советской страны, ее вождя Сталина и его верных соратников. Одно из таких стихотворений (в переводе на русский) и было опубликовано в «Правде».

Пересказав в яркой и образной форме основные этапы биографии Ежова, автор в заключительных строках стихотворения остановился на его многотрудной деятельности в должности наркома внутренних дел СССР. Вот как он это себе представлял:

«Враги нашей жизни, враги миллионов, —
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.

Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа.
Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова — руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.
Ты — меч, обнаженный спокойно и грозно,
Огонь, опаливший змеиные гнезда,
Ты пуля для всех скорпионов и змей,
Ты — око страны, что алмаза ясней.

* * *

Мильонноголосое звонкое слово
Летит от народа к батыру Ежову:*
Спасибо, Ежов, что, тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вождя!»

* Батыр (казах.) — богатырь.

Ежов, конечно, понимал, что появление в главной газете страны персонально ему посвященного стихотворения, и не в юбилей, а в обычный день, свидетельствовало о том, что Хозяин им доволен и полностью ему доверяет. При таком отношении со стороны Сталина любая работа, даже такая, какой приходилось заниматься в НКВД, уже не казалась тяжелой и обременительной. Выступая **9** декабря **1937** года на предвыборном собрании в Горьком, Ежов так прямо и заявил:

«Я пытаюсь честно и по-большевистски выполнять те задачи, которые на меня возложила партия и наше советское правительство. А наша партия отражает интересы всего советского общества. Стало быть, выполнять эти задачи для большевика легко, почетно и приятно»[328].

Однако почетные и приятные моменты соседствовали в этой работе с не совсем приятными, а иногда и вовсе неприятными. После того как **27** ноября **1937** года Ежов собственноручно привел в исполнение приговор по А.С. Калыгиной, ее образ, жаловался он начальнику своей охраны, везде и всюду его преследует, и она ему все время мерещится[329].

Не принимать близко к сердцу эти и им подобные «издержки производства» можно было лишь при уверенности, что дело, которым приходится заниматься, действительно необходимо партии и государству. На основании всего того, что известно, можно предположить, что Ежов и в самом деле верил в существование многочисленных врагов народа, стремящихся любой ценой навредить «первому в мире государству рабочих и крестьян». Думать иначе — значило бы подвергнуть сомнению сталинские теории об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма и о полчищах шпионов, вредителей и диверсантов, наводнивших страну, то есть усомниться во всех тех идеях, которые вождь уже несколько лет настойчиво внедрял в сознание своих подручных и которые в наиболее законченном виде были представлены в его выступлении в начале года на февральско-мартовском пленуме ЦК.

При том безграничном доверии, какое Ежов испытывал к Сталину, сомнений относительно мудрости и непогрешимости вождя возникнуть у него не могло. Поэтому, когда то одни, то другие арестованные признавались на допросах в заговоре с целью свержения существующего в стране строя, во вредительстве/терроризме, связях с иностранными разведками, это служило для него лишним подтверждением верности сталинского предвидения, независимо от того, какими методами были получены такого рода признания.

В конце концов, даже среди следователей, собственноручно выбивавших из арестованных эти и им подобные показания, многие, если не большинство, были убеждены в том, что добытые таким путем сведения являются вполне достоверными. И только если они сами волею обстоятельств оказывались в положении своих жертв, наступало прозрение, да и то не полное. Характерно в этом смысле заявление одного из самых свирепых ежовских следователей, З.М. Ушакова, арестованного в сентябре **1938** года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной сионистской организации. В своей жалобе на применяемые к нему методы воздействия Ушаков, в частности, писал:

«Невозможно передать, что со мной в то время происходило. Я был скорее похож на затравленное животное, чем на замученного человека. Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и

советской власти, но у меня никогда не было представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах. Правда, мы били не так зверски, к тому же допрашивали и били во необходимости, и то — действительных врагов (не считая нескольких отдельных случаев, когда мы арестовывали ошибочно, но быстро, благодаря Николаю Ивановичу, исправляли ошибки)... Можно смело сказать, что при таких избиениях волевые качества человека, как бы они ни были велики, не могут служить иммунитетом от физического бессилия, за исключением, может быть, отдельных редких экземпляров людей... Мне казалось ранее, что ни при каких обстоятельствах я бы не дал ложных показаний, а вот вынудили меня...»[330]

Конечно, Ежов понимал, что многие заключенные, от которых следователи и сами, и по его указаниям добивались признаний в шпионаже, вредительстве, терроризме и т.д., на самом деле не имеют к этим преступлениям никакого отношения, и что единственная их вина заключается в недостаточной лояльности по отношению к вождю. Но Сталин лучше знал, что делать, и если он решил, что в условиях надвигающейся войны эти люди или даже целые категории населения представляют опасность для страны, значит, так оно и есть, и его, Ежова, задача заключается' лишь в том, чтобы быстро и четко выполнить все формальные процедуры, предшествующие их ликвидации.

Естественно, при такой масштабной работе под удар часто попадали люди, не виновные вообще ни в чем. Кого-то из них приходилось освобождать, но заниматься разбором всех жалоб, которыми были завалены НКВД, советские и партийные органы, Ежов был не в состоянии, да особенно и не стремился, понимая, что без издержек выполнить поставленную перед ним задачу все равно невозможно.

27. Не останавливаясь на достигнутом

К концу **1937** года стало ясно, что начавшаяся в августе «массовая операция» продлится дольше, чем предполагалось вначале. Откликаясь на постоянно раздающиеся сверху призывы усилить борьбу с врагами народа, местные партийные комитеты и управления НКВД бомбардировали центр все новыми и новыми заявками на репрессирование, которые после их утверждения решениями Политбюро возвращались назад в виде дополнительных «лимитов». В то же время продление операции за пределы первоначально установленного срока ставило в повестку дня вопрос о какой-то реакции властей на происходящее, поскольку слишком долго делать вид, что ничего особенного не происходит, становилось все труднее.

28 декабря официальный глава государства, председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, направил Ежову подборку поступивших в адрес ЦИК жалоб на произвол территориальных органов госбезопасности. В сопроводительной записке он писал:

«Посылаю Вам жалобы на следственные органы Наркомвнудела. Число их растет. Характерно, что совершенно нет ни жалоб с подписями, ни анонимок из центральных мест, с Украины. Много с восточных областей, Белоруссии, но тоже главным образом из районов. Хорошо, если бы Вы взяли два места [то есть два адреса] и послали своего доверительного человека, минуя ведомственные инстанции. Нельзя поручиться, что в таких местах не орудуют враги. Конечно, с целью дискредитации [органов НКВД] враги могут писать и такие письма. Во всяком случае их нельзя оставлять без внимания. С ком. приветом М.Калинин»[331].

Трудно, конечно, поверить, что из центральных районов России и с Украины, где творилось то же, что и везде, жалобы совсем не поступали. Но если предположить, что так и было, то скорее всего поставленные под жесткий чекистский контроль почтовые службы в этих регионах просто не отправляли в Москву без перлюстрации письма, адресованные в высокие партийно-правительственные инстанции, и, если в них обнаруживалась критика органов госбезопасности, передавали их в НКВД.

Записка Калинина является свидетельством того беспокойства, которое верховная власть начала испытывать в связи с лавиной жалоб, заявлений и просьб о помощи, которые обрушились на нее в последние месяцы **1937** года. Конечно, открытых форм протеста никто не опасался, однако затянувшееся молчание могло быть воспринято как свидетельство причастности кремлевского руководства к творящимся в стране беззакониям. Пока же, судя по письмам, значительная часть населения возлагала вину за происходящее на местные органы власти, которые, в своем стремлении отличиться на поприще борьбы с врагами народа, стали уже бросать за решетку и ни в чем не повинных людей.

Такого рода представления необходимо было всячески поддерживать и укреплять, но делать это следовало крайне осторожно. Сталин помнил, к чему привела его статья в

«Правде» от 2 марта 1930 г., объяснявшая массовые злоупотребления в период сплошной коллективизации «головокружением от успехов» местных руководителей: наспех сколоченные колхозы большей частью развалились, работники, проводившие коллективизацию, были дезориентированы, и потребовалось немало времени, чтобы восстановить утраченные позиции.

Сейчас все нужно было сделать гораздо тоньше. 19 января 1938 года в «Правде» появилось сообщение о состоявшемся накануне очередном пленуме ЦК ВКП(б), рассмотревшем вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из партии и о мерах по устранению этих недостатков». В опубликованном в газете постановлении пленума, в частности, говорилось:

> «Пленум считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии».

Вина за эти нарушения была возложена на коммунистов-карьеристов, старающихся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии или стремящихся застраховать себя от возможных обвинений в недостаточной бдительности. Еще одним виновником были названы замаскировавшиеся враги, заинтересованные в том, чтобы перебить подлинно большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в партийных рядах, и пытающиеся за криками о бдительности скрыть свою враждебную работу.

Местным организациям предписано было покончить с практикой массового огульного исключения из партии и указано на необходимость разоблачения коммунистов-карьеристов и замаскировавшихся врагов.

О массовых арестах не было сказано ни слова, что властями на местах было воспринято как указание на неизменность проводимого курса и отсутствие каких-либо претензий к ним в этом вопросе. Население же, замордованное непрестанными призывами к бдительности и беспощадности и вдруг впервые за последние годы услышавшее нечто прямо противоположное (пусть даже речь шла только о внутрипартийных делах), имело все основания сделать вывод об озабоченности вождя самоуправством местных чиновников и, следовательно, о его непричастности как к гонениям на коммунистов, так, вероятно, и к репрессиям в отношении всех остальных граждан. Каждый услышал то, что ему предназначалось, и теперь, когда все разъяснения были даны, Сталин мог спокойно завершать начатое дело, не опасаясь за свою репутацию мудрого и справедливого отца народов.

31 января 1938 г. Политбюро утвердило дополнительное количество подлежащих репрессированию «бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента». В двадцати двух регионах страны было разрешено расстрелять еще в общей сложности 48 тысяч человек, кроме того, 9200 человек, в соответствии с присвоенной им II категорией, подлежали отправке в лагеря.

Вся эта работа должна была быть завершена к 15 марта, а по Дальневосточному краю — к 1 апреля 1938 г. Во всех остальных регионах страны операцию в рамках приказа № 00447 предписывалось завершить не позднее 15 февраля.

Что касается операции по национальным линиям, то ее разрешено было продлить до 15 апреля 1938 г., причем к этому времени НКВД предложено было разобраться и с проживающими в стране болгарами и македонцами, на которых проводившиеся репрессии пока не распространялись.

Примерно в те же сроки «в целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и Монгольской народной республикой, а также установления строгого режима на территории СССР, прилегающей к указанной границе» намечено было окончательно очистить дальневосточные лагеря от лиц, осужденных по «тяжелым» статьям — за шпионаж, терроризм, диверсию, измену Родине, повстанчество, а также бандитизм и другую профессиональную уголовную деятельность. Оставлять такую горючую смесь в зоне потенциального театра военных действий было небезопасно, и НКВД было поручено в срок до 1 апреля 1938 года пропустить через «тройки» и расстрелять 12 тысяч заключенных, осужденных по соответствующим статьям, а впредь данный контингент, а также осужденных по национальным линиям в дальневосточные лагеря не направлять[332].

Таким образом, в соответствии с принятыми решениями **1** апреля **1938** года предстояло закончить операцию по кулакам, уголовникам и другим так называемым антисоветским элементам, а **15** апреля, с завершением национальных операций, должны были прекратиться и массовые репрессии в целом. Однако планы эти так и остались на бумаге. По отдельным регионам новые лимиты на репрессирование выделялись и после **1** апреля, не так просто оказалось завершить операцию по национальным контингентам (там плюс ко всему имелись и чисто технические сложности, о чем пойдет речь в одной из следующих глав), так что окончательно маховик «большого террора» остановился лишь в конце **1938** года.

* * *

24 января **1938** года в Москве состоялось совещание руководящего состава НКВД СССР, на котором были подведены первые итоги длящейся уже почти полгода «массовой операции». После вступительных слов Ежова и Фриновского слово было предоставлено руководителям региональных наркоматов и управлений НКВД, рассказавшим, как проходит операция в их республиках, краях и областях.

Начальник Управления НКВД по Оренбургской области А.И. Успенский поведал о раскрытой его подчиненными контрреволюционной организации, якобы планировавшей нападение на размещенные в области части Красной Армии с целью захвата принадлежащего им оружия.

Руководитель новосибирских чекистов Г.Ф. Горбач сообщил, что арестовано уже около **20** тысяч участников белогварейско-монархической организации, связанной с японской разведкой и эмигрантскими кругами в Харбине и готовившей вооруженное восстание в Сибири, приуроченное к моменту нападения Японии на СССР.

Бывший начальник ленинградского управления НКВД Л.М. Заковский (накануне он был переведен в Москву и назначен заместителем Ежова, а также начальником московского управления НКВД) поделился с присутствующими технологией, которую руководимые им чекисты использовали для достижения высоких показателей в работе: после окончания следствия по делу какой-нибудь контрреволюционной организации некоторых из ее участников «оставляли в живых, чтобы они могли изобличить новых арестантов. «Отсюда, — заявил Заковский, — быстрый ход следствия и быстрый разгром организаций. Поэтому у нас был большой процент сознавшихся»[333].

Отметив, что общее число расстрелянных по Ленинградской области достигло **25** тысяч человек, Заковский сообщил, что в Ленинграде не осталось ни одного крупного завода, где бы не были выявлены немецкие, польские и латвийские диверсионные или шпионские группы, как работающие, так и законсервированные на случай войны, причем руководителями этих групп очень часто оказывались директора соответствующих предприятий.

Прозвучали на совещании и голоса, несколько выбивающиеся из общей тональности. Так, предшественник Ваковского С.Ф. Реденс, освобожденный за несколько дней до совещания от обязанностей начальника московского управления НКВД и назначенный наркомом внутренних дел Казахстана, в завуалированной форме и старательно избегая конкретики, посетовал на чрезмерную ретивость некоторых своих подчиненных:

> «Я должен сказать... что я иногда многого недосматриваю. Почему? Получилось так, что люди в следствии делали то, что не надо, искривляли нашу советскую линию и, главное, — это не вызывалось никакими оперативными нуждами. Есть случаи, когда люди записывают то, что не надо, и приходится поправлять и т.д. и т.п.»[334].

Другой выступающий, нарком внутренних дел Белоруссии Б.Д. Берман, призвал коллег не слишком уповать на те методы работы, которые были приняты на вооружение НКВД с начала «массовой операции»:

> «Я бы считал, что если и сохранять тройки, то на очень непродолжительный период времени, максимум на месяц... Во-первых, сам по себе фронт операций стал значительно уже, чем был в самый разгар операции в 1937 году. Во-вторых, надо большую часть нашего аппарата немедля переключить на агентурную работу. Работа с тройками — легкая, несложная работа, она приучает людей быстро и решительно расправляться с врагами, но жить долго с тройками — опасно. Почему? Потому, что в этих условиях... люди рассчитывают на минимальные улики и отвлекаются от основного — от агентурной работы»[335].

Однако такие высказывания были все же редкостью, и общий настрой, как уже говорилось, был иным.

С особым интересом ожидали участники совещания выступления начальника Управления НКВД по Орджоникидзевскому краю П.Ф. Булаха. К этому времени слухи о творящихся в орджоникидзевском управлении беззакониях, выделяющихся даже на общем, далеко не безгрешном фоне, широко распространились по наркомату, и было интересно послушать, как оценит свою работу сам Булах и как отреагирует на это начальство.

Когда Булах, рассказывая о проделанной в крае работе по обезвреживанию контрреволюционного подполья, упомянул в довольно мягкой форме о допущенных при этом «ошибках», Ежов, как вспоминал позднее один из участников совещания, громко бросил ему реплику ободряющего характера, из чего присутствующим стало ясно, что методы Булаха достойны скорее подражания, нежели осуждения.

В конце совещания с заключительной речью выступил Ежов, который сначала остановился на некоторых вопросах, затронутых предыдущими ораторами. Отвечая на прозвучавшие предложения сохранить практику упрощенного судопроизводства и продлить сроки работы судебных» троек, Ежов заявил:

> «Создание троек — это мера чрезвычайная, и узаконивать тройки... как постоянную форму нашей чекистской репрессивной деятельности вряд ли можно будет... Эта мера крайне облегчает нашу работу по репрессиям, но она имеет свой ряд отрицательных сторон... Я считаю, что нужно подойти дифференцированно к каждому краю, республике, области в отдельности. И если товарищи сумеют доказать, что вот нам нужно столько-то еще очистить и на такой срок сохранить тройки, чтобы это количество людей подчистить, я думаю, что мы войдем в Центральный комитет нашей партии, скажем: вот нам на такое-то количество времени тройки нужны. Нам Центральный комитет скажет: по такой-то области — такой лимит, на столько-то сохранить тройки. Что касается моего мнения, то, видимо, нам не обойтись без того, чтобы кое-где сохранить (тройки] и дать возможность почистить»[336].

В основной части своего доклада Ежов прежде всего счел необходимым просветить присутствующих относительно причин появления в партии такого количества врагов народа. Этот вопрос до сих пор беспокоил многих чекистов, мешая им добросовестно выполнять возложенные на них обязанности. Оказалось, что все очень просто. Поскольку коммунистическая партия, представляющая интересы рабочего класса, является в стране единственной, в ней неизбежно проявляется то же расслоение, которое есть в рабочем классе, где мелкобуржуазные слои, представленные недавними выходцами из деревни, противостоят кадровым рабочим, отражающим коренные интересы рабочего класса. Все это приводит к появлению внутри партии тех или иных политических течений, антипартийных по своей сути, с которыми необходимо вести решительную борьбу, в том числе и по линии НКВД.

Затем Ежов остановился на недостатках в работе чекистов, главным из которых было отсутствие стратегии борьбы с врагами народа. Такое внимание к данному вопросу было неслучайным: на первых порах, делая скидку на неопытность Ежова, Сталин еще готов был мириться с указанным недостатком, но сейчас, когда прошло уже много времени, пора было начинать работать по всем правилам чекистской науки, то есть глубоко и всесторонне анализировать получаемые от арестантов сведения, складывать из разрозненных, казалось бы, фактов целостную картину преступной антигосударственной деятельности противников режима, искать и находить их слабые места и наносить по ним сокрушительные удары. Иначе, несмотря на проводимую «массовую операцию», какая-то часть потенциальной «пятой колонны» все равно имела шансы уцелеть. Пока еще оставалось время, необходимо было срочно выправлять положение, и Ежов получил, по-видимому, совершенно недвусмысленные указания на этот счет. Во всяком случае, в его словах, обращенных к подчиненным, сквозила явная обеспокоенность создавшейся ситуацией:

> «Если бы мы были настоящими большевиками, [мы] проанализировали бы каждый факт, мы бы поняли и формы и методы контрреволюции, проследили бы все каналы... Мы проглядели самые элементарные вещи для чекистского аппарата, которые простительны, может быть, для аппаратчиков партийных, советских, хозяйственных и других, но чекистскому аппарату, который призван быть органом бдительности в стране, для этого специально и организован, вот этому органу — непростительно.
>
> Сейчас есть масса показаний, протоколов [допросов] всех этих шпионов, которых мы разоблачили, но разве кто-нибудь из нас обобщает эти дела, каналы, пути проникновения, чтобы знать все это, обдумать и нацелить новый удар. Никто над этим не думает из нас, в том числе и я.
>
> Вот вам такой факт. Мы в этом году, в 1937 году, взяли примерно 21 тысячу эсеров. Мы вскрыли в подавляющем большинстве краев и областей центры эсеров, мы вскрыли центральный комитет левых и правых эсеров. Проведя следствие, мы вышли на бывших эсеров, которые пришли в партию, но выводов из этого никаких не сделали... Мы считали, что вот троцкисты,

правые, зиновьевцы — это сволочь, а эсеры — это же не оппозиция. А на деле, товарищи, сейчас вскрывается, после того как нас в этом деле ткнул носом товарищ Сталин, что еще в 1918 г.... основные массы эсеров по поручению [своего] ЦК вошли в состав коммунистической партии для подрывной работы изнутри.

Я думаю, что если мы хотим быть настоящими чекистами и большевиками, мы должны зарубить себе на носу, что мы не чиновники, которые вот взяли протокол, записали, и все... Мы должны взять протокол, как следует его продумать, изучить человека — что он представляет, откуда идут корни. А у нас получается так, что арестованный — это просто статистическая единица. Арестовали, прикрепили к следователю, у которого имеется 40-50 человек арестованных, и следователь начинает его колоть. Перед ним сидит арестованный, какой-то сотый человек, он по головам их считает, всех их надо расколоть — и вся задача, а как расколоть, в каком направлении снять показания — он не знает...

Вот Белов*. Мы его арестовали как правого, как одного из руководителей центра правых в армии, и за жабры его брали как правого. Он немного поартачился, а потом давай нам сыпать, что он был руководителем центра правых и т.д.... Товарищ Сталин меня вызвал и говорит: «Ты допроси его по линии эсеров, это старый эсер, у него есть грязные делишки по Средней Азии». И когда мы начали по этой линии нажимать, он жался, жался, а потом начал давать — оказалось, что он является руководителем настоящей эсеровской организации в армии. А все следствие было направлено к его правым связям. По правым он рассказал кое-что, все-таки для него это легче, а когда мы его зацепили по линии эсеров, то оказалось, что еще в 1918 году он с англичанами договор заключил, и все эти восстания [в Туркестане в 1918 г.] были организованы по поручению англичан и ЦК левых эсеров. А если бы шли [только] по линии правых, мы бы ничего не знали, и он скрывал бы дальше эсеровские связи, которые остались бы в армии и продолжали существовать.

Так что частенько у нас арестованный — это статистическая единица, и к нему индивидуально не подходят, не изучают, кто он, что он в прошлом, берут его и колют. Я уже не говорю о тех курьезах, свидетелем которых был я сам. Я все-таки хожу по следователям, в тюрьме бываю, зайдешь, спросишь: «Ну, что у вас?» — «Колю», — говорит. — «А что у вас?» — «Да не знаю, на что выйдет». (В этом месте присутствующие дружно рассмеялись: такие недостатки они знали и за собой.)

***** Белов И.П. — командующий войсками Белорусского военного округа. До **1919** г. — член партии левых эсеров. В **1918-1921** гг. — на командных должностях в Красной Армии в Туркестане. Арестован **7** января **1938** г.

Затронув также некоторые другие темы, Ежов в заключительной части своего выступления коснулся еще одного весьма важного вопроса. С конца **1936** года любые происшествия в народном хозяйстве (аварии, пожары, падеж скота и т.д.) чекисты старались, по возможности, представлять как контрреволюционные акции. В том же духе трактовались покушения на убийство и сами убийства, если их жертвами становились члены партийных комитетов, депутаты Советов любого уровня, ударники социалистического соревнования и т.д. За каждым из таких событий очень скоро обнаруживался конкретный враг народа — и чаще всего не один, а целая организация. Происшествий в стране случалось множество, преступлений тоже хватало, так что на стол высшего партийного руководства ежедневно ложились донесения, напоминающие сводки с театра военных действий. Когда Сталин намечал свою грандиозную чистку, это было ему на руку, так как давало дополнительные аргументы, с помощью которых можно было убеждать соратников по партии в необходимости предпринимать решительные действия против озверевшего классового врага. Однако шло время, «массовая операция» разворачивалась в ширь и в глубь, сотни тысяч реальных и потенциальных противников режима были уже ликвидированы или надежно изолированы, а количество политических преступлений нисколько не уменьшалось. В результате, борьба с «врагами народа» начинала походить на битву с драконом, у которого вместо одной отрубленной головы вырастало две новых. Конца этому не было видно, но и до бесконечности растягивать такое чрезвычайное мероприятие, как «массовая операция», было невозможно. Со временем эта нелепая ситуация начала Сталина, по-видимому, раздражать, и Ежов почувствовал, что пора менять правила игры.

В своем выступлении на совещании он ясно дал понять подчиненным, что старые подходы себя исчерпали и что результаты их работы будут оцениваться теперь совсем по другим критериям:

«То, что у нас было вредительство... это совершенно бесспорный факт... [но незачем] изо дня в день кричать о вредительстве, которое уже разгромлено нами, а нам пора поставить крест на вредительстве и сказать, что же положительного мы сделали...

Нам много прощалось недостатков, но сейчас... когда требования к нам растут изо дня в день, нам нужно действовать... Нам нужно в относительно короткий срок наверстать все упущенное, и нам уже многое не будут

прощать. Я вам прямо говорю — и меня в ЦК будут тянуть, и я вас, в свою очередь, буду тянуть, меня будут крыть и предупреждать, и я не буду сидеть паинькой — буду спрашивать с людей. Если мы, действительно, хотим стать и, действительно, являемся органом, бдительности, значит, мы должны не фиксировать то, что случилось, а предупреждать — в этом наше назначение. Если мы не будем с этим справляться, то грош нам цена.

Не останавливаясь на достигнутому нас поставлено дело так в аппарате: когда что-нибудь произойдет, то приходят и начинают констатировать факт — кто убил, каким оружием, спереди или сзади; или, например, произойдет взрыв на заводе или крушение какое-нибудь — приходит работник и заявляет: мы раскрыли такую-то организацию, которая совершила диверсию. А где вы были до этого времени, что вы раньше не раскрыли?.. Вот, например, в Саратове был взрыв на рынке, убило 44 человека, двести с лишним ранено — диверсионный акт... Взрыв произведен как раз 12 января [1938 г.], к моменту открытия сессии Верховного Совета, а товарищи с радостью сообщают из Саратова, что взрыв на рынке, видимо, произошел в результате диверсии. На другой день сообщают, что взрыв, действительно, является актом диверсии такой-то группы, вскрыли то-то и то-то. А по существу, за такие вещи, по совести сказать, случись такая штука, предположим, в любой капиталистической стране, начальника полиции сейчас же сместили бы, то есть он сам бы подал в отставку, так как это было бы минусом в его послужном списке. А у нас товарищи думают, что если совершилась диверсия и я ее вскрыл, то за это дело меня похвалят».

Можно не сомневаться, что высказанные Ежовым замечания поубавили у чекистов желание за каждой аварией видеть акт вредительства. Однако главный вывод, который они сделали из состоявшегося обсуждения, заключался в другом: никаких претензий в связи с массовой фабрикацией следственных дел никто им предъявлять не намерен, наоборот, гораздо больше в этом случае шансов получить от начальства одобрение и поддержку. О том же говорило и отсутствие сколько-нибудь значимых упоминаний о прошедшем накануне пленуме ЦК, на котором прозвучала, хотя и формальная, критика в адрес руководителей, стремящихся отличиться и выдвинуться на репрессиях против членов партии. Как отмечал позднее один из участников совещания, присутствующие поняли это так, что «у партии свои дела, а НКВД — это особая статья, для которой указания ЦК ВКП (б) вовсе не обязательны» [337].

* * *

Поскольку производство «врагов народа» было поставлено на плановые рельсы, одним из важнейших показателей эффективности работы чекистов становится количество признательных показаний.

19 марта **1938** года заместитель начальника Московского управления НКВД Г.М. Якубович пишет записку своему подчиненному — начальнику **3**-го (контрразведывательного) отдела И.Г. Сорокину:

«Тов. Сорокин. Количество признаний у вас сильно снизилось: за 16-е марта было 34, за 17-е марта — 33. В пятом же отделе за 17-е было 51 признание. Прошу нажать»[338].

Такого рода соревнования между различными оперативными подразделениями НКВД были не редкостью. На заводах состязались в выпуске станков и машин, в НКВД — в поиске и уничтожении врагов народа. Каждый помогал стране чем мог.

Из приказа наркома внутренних дел Киргизской ССР «О результатах социалистического соревнования третьего и четвертого отделов УГБ НКВД КирССР за февраль месяц **1938** года»:

«Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к.-р. [контрреволюционных] организаций на 13 человек больше, чем 3-й отдел... Однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на Спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел. Зато 4-й отдел превысил число законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных тройкой, почти на 100 человек... По результатам работы за февраль месяц впереди идет 4-й отдел»[339].

Способы достижения всех этих результатов были довольно разнообразными, но если в самом начале «массовой операции» основным был все-таки метод индивидуальной работы с каждым подследственным, то в дальнейшем чекисты начинают уже осваивать гораздо более эффективные технологии.

Например, в Белозерском райотделе НКВД (Вологодская область) подписи под «признательными показаниями» получали следующим образом. Несколько работников НКВД изображали комиссию, отбирающую заключенных для перевода в другие тюрьмы. Вызвав подследственного из камеры якобы на медосмотр и производя над ним некие

псевдомедицинокие манипуляции, один из чекистов кричал «Годен!», подводил заключенного к столу и, не читая ему лежащую перед ним бумагу, говорил: «Подписывай акт медицинского осмотра». Таким образом за несколько дней удалось получить подписи от двухсот человек[340].

В НКВД Белорусской ССР арестованных затягивали в смирительные рубашки, обливали водой и выставляли на мороз, вливали в нос нашатырный спирт («капли искренности») и т.д.

В Туркмении во время облав на городских рынках или просто на улице арестовывали прохожих, внешность которых казалась подозрительной (документы при этом не проверялись), приводили в заранее подготовленное помещение и ставили несколько десятков человек лицом к стене. Специальный дежурный не давал арестованным спать и ложиться до тех пор, пока они не соглашались давать показания, устраивающие следователей. Срок пребывания у стены доходил до **30**, **40** и даже **45** суток, при этом арестованные периодически подвергались избиению пьяными сотрудниками НКВД. Последние также требовали, чтобы арестованные сами избивали друг друга, а чтобы заглушить крики истязуемых, громко пели хоровые песни. Людей заставляли танцевать, а тех, кто плохо это делал, подбадривали уколами раскаленного шила.

Снисхождения не было ни к кому. На «конвейере» в контрразведывательном отделе туркменского НКВД стояли и женщины с грудными детьми, и даже арестованные без санкции Москвы официальные представители иранского и афганского консульств.

Если же арестованный, несмотря на все применяемые к нему меры воздействия, не соглашался признаться в несуществующих преступлениях, его вывозили в группе приговоренных к расстрелу на место приведения приговора в исполнение и там, расстреливая в его присутствии осужденных и угрожая ему тем же (так называемый «допрос на яме»), почти всегда получали нужный результат[341].

Описанные выше методы не являлись универсальными, технология получения признательных показаний была везде своя. Общей была лишь тенденция. После январского совещания, продемонстрировавшего отсутствие у руководства НКВД намерения хоть как-то ограничивать практику массовой фальсификации следственных дел, предоставленные сами себе чекисты побили даже те рекорды беззакония, которые были установлены ими в предшествующий период.

* * *

12 февраля **1938** года Ежов отправился в служебную командировку на Украину. В это время был подготовлен новый «лимит» по Украине на **30** тысяч человек (**17** февраля он был утвержден решением Политбюро) — самый крупный из всех, когда-либо выделявшихся отдельному региону, и надо было мобилизовать местных работников на успешное выполнение поставленной задачи.

По случаю приезда Ежова, в Киеве было организовано собрание руководящего состава НКВД Украины. Четверть века спустя один из участников этой встречи, начальник Особого отдела НКВД Молдавской АССР* М.Ф. Жабокрицкий, так описал ее в своих мемуарах:

> «На столь ответственном совещании и в такой обстановке я был впервые и, естественно, всему изумлялся. Но больше всего меня поразил сам Ежов — невысокого, даже карликового роста, худенький, щуплый. Когда он присел в кресле, то из-за стола еле была видна только его голова. Черты лица мелкие, лба почти не видно, глаза невыразительные. Вдоль правой щеки и поперек шеи — глубокие, сросшиеся узлами шрамы. На нем были хромовые сапоги, брюки галифе темно-синего цвета, защитная гимнастерка под поясом без наплечного ремня, ворот которой был расстегнут. Петлицы на гимнастерке были чистые: знаками различия генерального комиссара государственной безопасности он, видимо, пренебрегал. Во рту мял зажженную папиросу даже во время речи**. Самоуверенная поза, независимый тон речи не гармонировали с его внешностью, и выглядело это смешновато» [342].

* Молдавия в этот период входила в состав Украины.
** По свидетельству очевидцев, на данное совещание Ежов явился не вполне трезвым, что, видимо, и объясняет некоторую вольность в одежде и манерах.

В своем выступлении Ежов подверг критике ошибки, допущенные украинскими чекистами в ходе так называемых «массовых операций».

> «Хотя общий размах оперативного удара, судя по количеству репрессированных, был весьма значительным, — заявил он, — однако конечный политический эффект операцией достигнут не был вследствие того, что вся работа по массовым операциям проводилась на низком оперативно-политическом уровне...

Отсутствовала целеустремленность чекистских действий, не было нацеленного удара по наиболее опасным руководящим, организаторским, активно действующим кулацко-националистическим, белогвардейским и шпионским кадрам. Отсюда неизбежно рождалась и процветала вредная погоня за голыми количественными показателями выполнения и перевыполнения «лимитов», арестовывали распыленную антисоветскую низовку, а руководящие вражеские кадры и возглавляемые ими антисоветские организации из-под удара выходили...

Другим важным недостатком работы по массовым операциям на Украине, — продолжал Ежов, — было проведение их в некотором отрыве от местных условий, без достаточного учета специфики тех или иных областей, особенностей периода Гражданской войны и последующих лет классовой борьбы, вне конкретной связи с политическим и хозяйственным значением данного района.

В результате этого осталась не разгромленной и не полностью ликвидированной значительная антисоветская и шпионская база в пограничных районах, особенно в Каменец-Подольской области, где оперативный удар был совершенно недостаточным; очень слабо очищены областные центры и города, промышленность и транспорт.

В деревнях же, где удар был более основательным, он пришелся, прежде всего, по районам, находящимся в непосредственной близости к пунктам оперативных групп; в более удаленных от опергрупп районах выявление антисоветских элементов было крайне слабым и репрессирование их явно недостаточным...

Наконец, третьим крупнейшим недочетом работы по массовым операциям на Украине было совершенно недостаточное развертывание следственной проработки арестованных контингентов, низкий уровень следствия даже в том объеме, в каком оно велось в одних местах, и почти полное его отсутствие во многих случаях — в других.

В итоге, репрессированные кулаки, националисты, шпионы либо осуждались несознавшимися (по отдельным областям количество сознавшихся едва достигает 20-30-40%), либо, в лучшем случае, показывали только о своей личной подрывной деятельности, утаивая свои организационные связи и руководителей антисоветской работы»[343].

Указав на эти и другие имеющиеся недостатки, Ежов потребовал от местных чекистов повысить эффективность проводимых операций и добиться полного искоренения антисоветско-шпионских сил на Украине.

Не все из участников совещания восприняли указания Ежова как руководство к действию. Были и такие, кто отнесся к его призывам весьма скептически. Вот, например, как описывает выступление наркома и реакцию на него присутствующих М.Ф. Жабокрицкий, отрывок из воспоминаний которого уже приводился выше:

«Ежов... говорил в духе известного чекистам приказа по НКВД за его подписью, положившего начало массовым репрессиям, приказа, которым вводились тройки и арестованные сортировались по категориям... Требуя еще больше усилить борьбу с врагами народа, Ежов сказал: «Мне известно, что работников, показывающих образцы в борьбе с врагами народа, некоторые называют фармазонами, марафетчиками и тому подобными словами из одесского жаргона (*обозначающими разного рода махинаторов. — А.П.*). Так имейте же в виду, что мы до этих «некоторых» доберемся и свернем им голову...»

Не обойдя своим вниманием и колхозное село, — продолжает М.Ф. Жабокрицкий, — Ежов договорился до того, что рассматривал наличие враждебных сил чуть ли не в каждом колхозе и утверждал, что по конскому поголовью следует определять количество всадников, могущих во главе с председателем колхоза проявить себя в антисоветских целях...

Совещание закончилось. Его по сути не было, а было собрание, чтобы выслушать назидательную накачку Ежова. Стали расходиться. Я присматривался к тем, кто принадлежал к старой плеяде чекистов, прославивших ЧК своим верным служением народу и великими делами на пользу революции, и которых сейчас тужился совратить этот урод. Их опечаленные лица выражали гнетущий осадок, оставшийся от этого совещания, такой же, какой испытывал я сам. По их лицам было видно, что курс на «ежовые рукавицы» они не одобряли...

Выйдя из зала заседаний, я столкнулся в дверях со своим бывшим корпусным начальником и кратковременным наркомвнуделом Молдавии Сапиром*. Он обычно был скуп на слова и не расположен к откровениям, тем не менее у него вырвалось: «Вы когда-нибудь слышали бред сивой кобылы? Так вот...» Он с горечью произнес эти слова и не докончил фразы»[344].

* Сапир А.В. — на тот момент помощник начальника Контрразведывательного отдела НКВД Украины.

Однако людей с подобными взглядами оставалось в НКВД все меньше. Кстати, и сам автор воспоминаний, и его собеседник были арестованы считанные дни спустя после описанной встречи.

Свое пребывание на Украине Ежов использовал не только для того, чтобы разъяснить тамошним чекистам, как следует бороться с врагами народа, но и чтобы помочь им в этом деле чисто конкретно. Приехавшие вместе с ним сотрудники центрального аппарата НКВД получили задание подобрать материалы для ареста местных руководящих работников. По мере того, как эти материалы собирались, их тут же фальсифицировали и давали на подпись Ежову, который в полупьяном состоянии (а трезвым в период пребывания на Украине он почти не бывал), практически не читая представляемые ему краткие справки, давал санкцию на аресты. Особенно бурную деятельность развил М.А. Листенгурт, назначенный новым начальником Особого отдела НКВД Украины. Он приносил Ежову огромные списки командиров и политработников Киевского и Харьковского военных округов, и тот подписывал их, иногда даже не отдавая себе отчета, на сколько человек выдает санкцию (по некоторым данным, за время пребывания Ежова в Киеве им был санкционирован арест почти **500** человек начальствующего состава обоих округов)[345].

Вырвавшись из-под надзора Хозяина, Ежов позволил себе хорошенько расслабиться в компании украинских чекистов. На прощальном банкете, организованном накануне его отъезда, он напился до такого состояния, что охранникам пришлось при всех выводить его из зала под руки. Так что в Москву Ежов вернулся совершенно разбитым. Ну а пока он отсутствовал, здесь произошло событие, которое сразу же привлекло внимание чекистской общественности, вызвав к жизни разного рода слухи и кривотолки.

28. Смерть Слуцкого

17 февраля **1938** года на своем, как тогда говорили, боевом посту в здании Наркомата внутренних дел на площади Дзержинского скончался начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД, комиссар государственной безопасности **2**-го ранга А.А. Слуцкий. Согласно официальной версии, вызванный для доклада к первому заместителю Ежова М.П. Фриновскому, он внезапно почувствовал себя плохо, потерял сознание, и прибывший вскоре врач вынужден был констатировать смерть.

В Иностранном отделе (или, сокращенно, ИНО) Слуцкий работал с **1930** года сначала помощником, затем заместителем начальника отдела, а после того, как в **1935** г. его предшественника А.Х. Артузова перевели в военную разведку, он был назначен на освободившуюся должность.

К лету **1937** года Слуцкий остался единственным начальником отдела Главного управления государственной безопасности, которому удалось сохранить свой пост после смещения Ягоды и прихода в НКВД Ежова. Сам Ежов в делах внешней разведки разбирался не очень хорошо, и, конечно, наличие под рукой такого опытного работника, как Слуцкий, существенно облегчало ему жизнь.

С политической и с профессиональной точки зрения Слуцкий Ежова, судя по всему, вполне устраивал, не имел к нему претензий и Сталин, поэтому, когда в показаниях арестованных чекистов фамилия Слуцкого как участника «заговора Ягоды» время от времени всплывала, Ежов приказывал такие показания не документировать.

Внешне, по своему поведению на собраниях и других официальных мероприятиях, Слуцкий мало чем отличался от остальных соратников Ежова. Так же, как и другие, призывал он коллег отдать все силы борьбе с врагами народа, заверял Сталина и Ежова в своей безграничной преданности, занимался, когда было нужно, самокритикой и т.д. Вот, например, фрагмент его выступления на совещании руководящего состава НКВД **19** марта **1937** г.:

> «Ошибки у Иностранного отдела имеются, их много, надо о них сказать, как бы больно нам об этом говорить ни было, ибо это делается не в целях самобичевания, не для того, чтобы лишний раз растеребить раны, а это делается для того, чтобы эти ошибки не повторялись.
>
> Иностранный отдел, как и другие отделы, на протяжении многих лет, главным образом последних лет, допускал ту же самую ошибку, грубую политическую, партийную ошибку, которая была допущена другими отделами, которые были призваны бороться с врагами партии. Мы на протяжении многих лет дезориентировали нашу периферию [т.е. зарубежные резидентуры], мы в борьбе с врагом проявили в достаточной степени политическую близорукость, которая... выразилась в том, что мы ориентировали наш удар не по основному врагу.
>
> Я считаю, что упреки всех товарищей, главным образом Николая Ивановича, по нашему адресу, что у нас на протяжении последних лет за кордоном совершенно не было агентуры, которая могла бы вскрывать нам деятельность главных врагов нашей партии — троцкистов, эти упреки нужно целиком

принять на себя. Слабые попытки, которые мы делали в этом направлении, не могут быть оправданием, потому что делалось это не в силу того, что этот враг на протяжении этих лет признавался основным, а это делалось самотеком, потому что троцкисты являлись одним из объектов закордонной эмиграции, и ими как таким объектом самотеком занимались. Серьезной агентурной работы в стане злейших наших врагов на протяжении многих лет в результате нашей политической слепоты, в результате того, что мы наш боевой аппарат на периферии политически дезориентировали, — такой серьезной агентурной работы в этом стане наших врагов мы не имели»[346].

В заключение своего выступления на совещании Слуцкий заявил:

«Наш чекистский партийный организм в массе здоровый. Мы, чекисты, готовы и способны драться с врагом до последней капли крови. Не может быть, чтобы наша чекистская организация стоящую перед ней задачу борьбы с врагами партии не выполнила с честью. Мы должны заявить Николаю Ивановичу, что вексель, который он выдал ЦК от нашего имени, мы в ближайшее время, сомкнувшись в ряды, выполним с честью»[347].

Однако если в устах кого-то другого эти слова могли быть вполне искренними, то для Слуцкого, судя по тому, что о нем известно, они являлись скорее ширмой, призванной скрыть его подлинные взгляды, далеко не всегда и во всем совпадающие с официальными. Конечно, скрывать свое отношение к окружающей действительности приходилось в то время многим, однако мало кому удавалось делать это с таким мастерством, как Слуцкому. Вот что писал об этой его особенности бывший резидент НКВД в Испании А.М. Орлов:

«По своей природе мягкий и трусоватый, Слуцкий был в то же время неплохим психологом, умел ладить с людьми. Наделенный богатым воображением, он был талантливым притворщиком и, как хороший артист, мог сыграть любую роль. Его глаза, излучающие тепло и дружелюбие, создавали ощущение такой неподдельной искренности и чистосердечности, что даже те, кто хорошо знали Слуцкого, нередко попадались на эту удочку»[348].

18 февраля **1938** года в «Правде» за подписью «Товарищи по работе» был опубликован некролог Слуцкого.

«Его имя, — говорилось в некрологе, — знают чекисты во всех концах нашей необъятной родины. Враги боялись этого имени... До последней минуты он беспощадно боролся со злейшими врагами нашей родины. Образ Абрама Слуцкого, верного сталинца, навсегда останется в памяти товарищей, знавших его. Прощай, верный друг и товарищ! Дело, которому ты отдал всю свою жизнь, находится в верных руках».

Вечером **18** февраля в Центральном клубе НКВД прошла церемония прощания. Затем гроб с телом Слуцкого был перевезен в крематорий, где состоялся траурный митинг, на котором с прочувственной речью выступил М.П. Фриновский.

На первый взгляд, внезапная смерть Слуцкого выглядела вполне правдоподобно. Он долго и тяжело болел, и было известно, что сердечные приступы случались у него и раньше. Однако в Москве **1937-1938** годов скоропостижная смерть партийного или государственного чиновника такого ранга всегда вызывала определенные подозрения, и поэтому на церемонии прощания многие коллеги Слуцкого пристально вглядывались в лицо своего умершего товарища, пытаясь отыскать в нем ответ на мучавший их вопрос: что же все-таки случилось на самом деле? И, как утверждал позднее А.М. Орлов, чекисты, знакомые с основами судебной медицины, якобы сумели разглядеть на лице Слуцкого пятна, характерные для отравления синильной кислотой[349].

Что в действительности могли увидеть чекисты, непонятно — внешние признаки отравления синильной кислотой или другими цианистыми соединениями те же, что и при любой смерти от удушья. Однако сама по себе догадка насчет насильственной смерти оказалась верной.

Первым звеном в цепи событий, приведших в конечном итоге к смерти Слуцкого, стало появление в Иностранном отделе некоего А.И. Баранова — одного из тех посланцев партии, которые в течение всего **1937** года в соответствии с решением ЦК ВКП(б) направлялись в НКВД для усиления там партийного влияния и восполнения убыли в личном составе. В начале февраля **1937** г. Баранов был зачислен в штаты Главного управления государственной безопасности и прикомандирован к Контрразведывательному отделу. Позднее он был переведен в Иностранный отдел, где и остался после окончания стажировки. В марте **1937** года его избрали заместителем секретаря партийной организации отдела, а в конце апреля, получив звание старшего лейтенанта госбезопасности, он был назначен помощником начальника одного из отделений.

То, что приход в отдел Баранова не сулит им ничег хорошего, работники ИНО поняли довольно скоро. Пообвыкнув и осмотревшись, Баранов зорким глазом новичка подметил

много разного рода упущений и недостатков, главным образом политического свойства, и как принципиальный коммунист не стал о своих открытиях молчать, а, дождавшись очередного партийного собрания, заявил о них во всеуслышание. В отделе, сообщил он своим коллегам, отсутствует критика, процветает семейственность, все разговоры о бдительности так разговорами и заканчиваются, нет той большевистской принципиальности, которая сейчас необходима, и т.д.

Прошло еще немного времени, и на заседании партийного комитета отдела Баранов заявил, что, по его мнению, в ИНО скопилось слишком много сомнительных в политическом отношении людей, от которых необходимо как можно скорее избавиться. К их числу он отнес начальников отделений Ф.А. Гурского, С.А. Саулова, Б.И. Куренкова, помощника начальника отдела К.И. Сили и некоторых других чекистов. Слуцкий и секретарь парткома отдела Н.Е. Долматов постарались поставить новичка на место. «Побольше бы таких Гурских, Сауловых и Сили в отделе, — заявил Слуцкий. — Вы еще профан в нашей работе»[350]. Долматов в свою очередь предложил привлечь Баранова к партийной ответственности за клевету. После столкновения на парткоме Слуцкий провел с Барановым «воспитательную беседу» и предупредил, что если тот будет продолжать вести себя подобным образом, то будет уволен из отдела.

Обо всей этой истории Слуцкий, по-видимому, рассказал заместителю начальника Секретариата НКВД (и по совместительству секретарю парткома Главного управления госбезопасности) И.И. Шапиро, который, вызвав Баранова к себе, также предостерег его от продолжения избранной им линии поведения. После этого Баранов на время изменил тактику и, не устраивая публичных скандалов, стал писать в Контрразведывательный отдел и на имя Ежова заявления, в которых рассказывал о «безобразиях», творящихся в Иностранном отделе, и о его засоренности политически неблагонадежными элементами.

Однако эти усилия никакого результата не принесли, и Баранов вернулся на прежний путь. На очередном заседании парткома отдела он заявил, что его новый начальник Ш.М. Партин (после предыдущего скандала Баранов был переведен в другое отделение) — скрытый троцкист, и потребовал его исключения из партии и увольнения из органов.

На этот раз сдержать натиск Баранова уже не удалось. Хотя, благодаря заступничеству Слуцкого, доказывавшего, что Партин — отличный работник, ему был объявлен лишь выговор, это была уже явная сдача позиций. А на состоявшемся после заседания парткома общем партийном собрании отдела Баранову удалось развить свой успех и добиться, пусть и незначительным перевесом голосов, чтобы Партин был исключен из партии и снят с работы.

На заседании парткома, так же как и на общем собрании, Баранов, не ограничиваясь обвинениями в адрес Партина, подверг резкой критике и самого Слуцкого, а также секретаря парторганизации Долматова, которые, по его словам, вместо того, чтобы возглавить борьбу с врагами народа в собственных рядах, всячески препятствуют очищению отдела от разного рода «политической сволочи».

А тем временем во всех остальных структурных подразделениях ГУГБ НКВД чистка, к которой призывал своих коллег Баранов, шла полным ходом. **20** июля **1937** года был арестован Я.С. Агранов — самая крупная после Ягоды фигура в доежовском НКВД. В апреле **1937** года он был по распоряжению Сталина отстранен от обязанностей начальника Главного управления госбезопасности и возглавил Секретно-политический отдел. Однако, пробыв здесь всего лишь месяц, был отправлен в Саратов руководить местным УНКВД, и вот теперь закономерным результатом этого скольжения вниз стал его арест.

Ежов, находившийся с Аграновым в дружеских отношениях, похоже, не собирался заниматься им всерьез. Об этом свидетельствует хотя бы то, что следствие по его делу он поручил вести начальнику Тюремного отдела ГУГБ НКВД Я.М. Вейнштоку. Последний уже с середины двадцатых годов не работал на оперативных должностях, и выставить его против такого «зубра», как Агранов, значило заранее согласиться с весьма скромными результатами расследования.

Но тут к Ежову с неожиданной просьбой обратился Слуцкий, попросивший передать следствие по делу Агранова в его руки. Свою просьбу он мотивировал тем, что все остальные отделы ГУГБ уже вовлечены в работу по разоблачению заговорщиков внутри НКВД и только Иностранный отдел остается в стороне, что может быть воспринято как выражение недоверия к нему, Слуцкому, и его людям. (Агранов был давним приятелем Слуцкого, и можно предположить, что последний, настаивая на своем участии в следствии, возможно, стремился предотвратить разглашение какой-то нежелательной для себя информации.)

Немного поколебавшись, Ежов согласился. Начав работать с Аграновым, Слуцкий

подключил к следствию также и Баранова, рассчитывая, видимо, отвлечь его этим посторонним занятием от внутриотдельских интриг. Первое время Баранову поручили допрашивать жену Агранова, затем он был привлечен к допросам самого Агранова. И вот однажды, когда Баранов оказался с Аграновым наедине, тот вдруг «активизировался», то есть выразил желание дать показания по собственной инициативе. К этому времени Агранов, обозленный, видимо, тем, что под него «копает» старый товарищ, ждал, вероятно, лишь случая, чтобы поквитаться с ним. Выразившись в том духе, что прежде, когда его допрашивала «разная сволочь, которой еще очень много в отделе Слуцкого», он не был готов к излишней откровенности, Агранов заявил, что Баранову он доверяет и хочет сообщить все, что знает о враждебной деятельности самого Слуцкого в органах НКВД.

Выслушав Агранова и взяв у него письменное обязательство дать на следующий день развернутые показания по этому вопросу, Баранов отправил его обратно в камеру, а сам поспешил к Ежову. Придя в секретариат, он заявил И.И. Шапиро, что имеет сообщение особой важности для наркома и просит, чтобы Ежов срочно его принял. Узнав, о чем идет речь, Шапиро доложил Ежову, но тот уклонился от встречи с Барановым, сославшись на необходимость ехать по делам в ЦК; под каким-то предлогом отказался с ним встретиться и присутствовавший при разговоре М.П. Фриновский. Однако уже на следующий день они вызвали Агранова к себе и допросили его. Затем Фриновский встретился с Барановым и выслушал его рассказ. Результатом этих разбирательств стало отстранение Баранова от следствия под предлогом необходимости готовиться к командировке за границу (куда он так и не поехал). Вместо него в следственную группу по указанию Ежова был включен другой посланец партии — бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) И.В. Курмашев, пришедший на работу в Иностранный отдел в мае **1937** года.

Однако Курмашев, с которым Баранов поделился всем, что успел узнать от Агранова, оказался ничуть не лучше своего предшественника. После нескольких проведенных им допросов Агранов снова начал давать показания на своего бывшего товарища, после чего Баранов с Курмашевым отправились к Фриновскому с предложением арестовать, наконец, Слуцкого и «расколоть» его.

Фриновский с этой идеей не согласился, не нашла она поддержки и у Ежова. Следствие по делу Агранова он распорядился из Иностранного отдела забрать и передать в Секретно-политический, обосновав это необходимостью сосредоточить все дела о чекистах — врагах народа в одном месте. Такое решение в какой-то мере снижало остроту возникшей проблемы, однако Ежов не мог не отдавать себе отчета в том, что ситуация фактически вышла из-под контроля. Не в меру активные Баранов и Курмашев, не успевшие за сравнительно короткий период своей работы в органах усвоить чекистские корпоративные традиции, могли решиться «вынести сор из избы» (слухи о показаниях Агранова начали уже расползаться по НКВД), и тогда было бы очень трудно объяснить Хозяину, по какой причине от него в течение долгого времени скрывались материалы, изобличающие руководителя одного из важнейших чекистских подразделений.

Размышляя над создавшейся ситуацией, Ежов в конце концов пришел к выводу, что Слуцкого придется «сдать», и, утвердившись в неизбежности этого шага, отправился на доклад к Сталину. Ознакомив вождя с обвинениями в адрес Слуцкого, Ежов в то же время высказал мнение о нецелесообразности его ареста, поскольку сотрудники зарубежных резидентур, в большинстве своем подобранные лично Слуцким, восприняли бы это как сигнал опасности, что, в свою очередь, могло спровоцировать массовый отказ от возвращения на родину. В последнее время резиденты и без того крайне неохотно приезжали в охваченную чисткой страну, под разными предлогами уклоняясь от встречи с начальством.

В результате обсуждения решено было избавиться от Слуцкого более аккуратным способом, страхующим от проявления нелояльности со стороны работающих за границей чекистов. Технические детали предстоящего спецмероприятия Сталин оставил на усмотрение Ежова.

Чтобы избежать возможных подозрений в причастности к смерти Слуцкого, Ежов решил приурочить его ликвидацию к моменту своего отсутствия в Москве, благо как раз вскоре нужно было совершить инспекционную поездку на Украину. Разбираться со Слуцким он поручил Фриновскому, разрешив при необходимости привлекать к участию в данной акции любых помощников, разъяснив им предварительно причины, побуждающие устранять Слуцкого таким необычным способом.

17 февраля **1938** года, спустя несколько дней после отъезда Ежова на Украину, Фриновский вызвал Слуцкого к себе в кабинет для доклада о текущей работе отдела. Кроме

Фриновского в кабинете находился также бывший начальник ленинградского управления НКВД Л.М. Заковский, незадолго до этого переведенный из Ленинграда в Москву и назначенный еще одним заместителем Ежова. Во время доклада Слуцкого Заковский, как было заранее условлено, подошел к нему сзади и накинул на голову затяжную маску, пропитанную быстродействующим снотворным веществом[351]. Уснувшего Слуцкого перенесли на диван в смежную комнату, и к делу подключился еще один участник — бывший подчиненный Заковского, а ныне исполняющий обязанности начальника Отдела оперативной техники ГУГБ НКВД М.С. Алехин.

Для того чтобы участие Алехина в этом мероприятии стало более понятным, необходимо сделать некоторое отступление. В составе Отдела оперативной техники имелась небольшая химическая лаборатория, в задачу которой входила разработка методов тайнописи, новых технических средств диверсионной борьбы, а также снотворных и ядов.

В частности, изучалась возможность создания ядов моментального и замедленного действия, не имеющих вкуса и запаха и не оставляющих в организме человека следов их применения. Действие ядов проверяли сначала на животных, а затем, с разрешения Ежова, их стали испытывать на приговоренных к расстрелу заключенных. Яды в разной дозировке давались им в виде лекарства или подмешивались в пищу, и прикрепленный к лаборатории врач тщательно фиксировал полученные результаты. Под видом врача к принявшим яд заключенным регулярно наведывался и сам Алехин, лично убеждаясь в эффективности используемых препаратов.

Неудивительно поэтому, что именно ему, как специалисту, и было доверено сделать инъекцию яда спящему Слуцкому.

После того, как все было кончено, вызвали лечащего врача Слуцкого, который зафиксировал факт смерти и заявил, что, учитывая состояние здоровья его пациента, такого исхода можно было ожидать в любую минуту. Затем Фриновский позвонил в Киев Ежову и сообщил ему официальную версию случившегося. В момент звонка Ежов находился в кабинете наркома внутренних дел Украины А.И. Успенского, который стал свидетелем состоявшейся беседы. Полтора года спустя Успенский вспоминал:

> «Из их разговора я понял, а затем это мне рассказал и Ежов, что Слуцкий неудачно сделал какую-то работу за кордоном, имел по этому поводу крупный разговор с Фриновским и неприятность для себя, что он затянулся папиросой и умер якобы от разрыва сердца. Я еще тогда сказал Ежову, что я сомневаюсь, что Слуцкий помер естественной смертью, и думаю, что папироса у него была не простая, а с какой-либо начинкой... Ежов замялся и ответил: «Все возможно»[352].

После смерти Слуцкого временно исполнять обязанности начальника отдела стал его заместитель С.М. Шпигельглаз. Это создавало видимость преемственности в руководстве отдела и усыпляло бдительность зарубежных резидентур. Однако делать Шпигельглаза полноценным начальником ИНО никто не собирался. Настороженное отношение к нему сформировалось у Ежова вскоре после прихода в НКВД. Тогда в конце **1936** года Шпигельглаз руководил закупкой за границей оружия для республиканской Испании, и в связи с этой операцией к нему имелись серьезные претензии. Вопрос стоял даже об аресте, и лишь заступничество Слуцкого, доказывавшего, что его заместитель не так уж и виноват и что пресловутое вредительство сознательно раздувается конкурентами из военной разведки, позволило Шпигельглазу остаться на плаву. Однако прежнего доверия он уже не внушал, и по согласованию со Сталиным Ежов решил использовать его только в так называемых активных мероприятиях, таких, как убийство ставшего невозвращенцем резидента НКВД во Франции И.С. Рейсса, похищение председателя эмигрантского «Русского общевоинского союза» Е.К. Миллера и тому подобных операциях, а за это время присмотреться к нему повнимательней. С поставленными перед ним задачами Шпигельглаз справлялся более или менее успешно, однако полностью реабилитировать себя ему все же не удалось, так что в преемники Слуцкому нужно было подыскивать кого-то другого.

Еще накануне убийства Слуцкого, когда оно было уже предрешено, при обсуждении кандидатуры будущего руководителя ИНО Фриновский предложил Ежову обратить внимание на заместителя начальника Контрразведыоатель-ного отдела (КРО) З.И. Пассова. До осени **1937** г. Пассов работал начальником польского отделения КРО, хорошо, с точки зрения Ежова, в этом качестве себя проявил и в сентябре **1937** года был повышен до заместителя начальника отдела. Поскольку в Иностранном отделе предстояло провести тщательную проверку личного состава (при Слуцком Ежов этого делать не хотел, не желая обострять

отношения), профессиональный контрразведчик был бы здесь не лишним, и, возможно, такими соображениями Ежов отчасти и руководствовался, когда, переговорив несколько раз с Пассовым, остановил на нем свой окончательный выбор,

В середине апреля **1938** года, пригласив Пассова в свой кабинет, Ежов поинтересовался, как он смотрит на то, чтобы, в связи с предстоящей реорганизацией центрального аппарата, возглавить один из отделов ГУГБ. Поблагодарив за оказанное доверие, Пассов заявил, что вряд ли сможет соответствовать новой должности, так как даже обязанности заместителя начальника Контрразведывательного отдела не успел еще толком освоить, поскольку практически все служебное время приходится посвящать следственной работе.

Такое неверие в собственные силы Ежова, однако, не смутило, и несколько дней спустя он сообщил Пассову, что в самое ближайшее время тот будет назначен начальником Иностранного отдела и что, не дожидаясь этого, следует уже сейчас приступить к работе и начать знакомиться с местной спецификой.

Придя в отдел, Пассов первым делом стал разбираться с кадровым составом ИНО и был немало удивлен «ужасающей засоренности отдела вражескими элементами». Вот с чем, по его словам, ему пришлось тогда столкнуться:

> «Базаров — бывший белый офицер, служил начальником штаба полка в деникинской и врангелевской армиях, из Крыма эвакуировался после разгрома белых и был в эмиграции, в частности в Константинополе, где, как известно, английская и французская разведки прибрали тогда к рукам большинство белого офицерства. Там же, в эмиграции, проник в закордонный аппарат ИНО [т.е. предложил свои услуги чекистам], все следующие годы провел почти целиком за границей, вернулся в Союз только в 1937 года и уселся начальником отделения.
>
> Рейф — выходец из Польши, в годы Гражданской войны, перейдя границу, очутился на советской территории, служил в Красной Армии, затем опять вернулся в Польшу, потом очутился в Германии, пробрался там на работу в торгпредство, связался через какого-то шпика с аппаратом ИНО, стал «кадровым» работником ИНО и к моменту моего прихода уже был начальником отделения.
>
> Должности помощника начальника отделения занимали такие, как Мнацаканов, проникший на работу в ИНО за границей — явный, по ряду признаков, шпион, имевший за границей одного брата — шпиона, троцкиста, бежавшего из СССР, и протащивший другого своего брата, тоже явного шпиона, на закордонную работу.
>
> На разных оперативных должностях работали такие, как Шанина — бывшая жена ягодинского заговорщика Шанина; Мациевский — поляк, не умевший даже разговаривать по-русски; Лебединский — явный латышский националист, имевший связи со многими арестованными крупными латышами; Козловский — харбинец, связанный со своими родственниками-эмигрантами в Харбине; Фортунатов — сын расстрелянного шпиона; Графпен, имевший троцкистские связи и кучу родственников за границей; Приходько, путавшийся с эсерами и служивший в колчаковской армии; Соболь, муж которой разрабатывался и был арестован как шпион; Белкин — выходец из мелкобуржуазной партии, долго живший в разных заграничных странах и еще в 1926-1928 годах разрабатывавшийся по подозрению в шпионаже; Марков — явный итальянский шпион; Аксельрод — выходец из антисоветской партии, связывавшийся со своими родственниками за границей, и целый ряд других не менее подозрительных типов»[353].

Разобравшись с доставшимся ему наследством, Пассов проинформировал о своих открытиях Ежова и получил от него задание подвергнуть Иностранный отдел основательной чистке. Применительно к работе центрального аппарата, следовало прежде всего добиться, чтобы по крайней мере должности начальников отделений занимали люди, ничем себя не скомпрометировавшие. В отношении зарубежной сети указания Ежова сводились к тому, чтобы резидентуры, деятельность которых хорошо известна Сталину, по мере возможности сохранить, а работу остальных постепенно свернуть, поскольку большая часть их сотрудников наверняка уже перевербована местными спецслужбами.

Начинался новый этап в жизни Иностранного отдела, и теперь его старожилы имели все основания принять на свой счет слова, сказанные Ежовым на совещании руководящего состава НКВД **24** января **1938** года. Ежов тогда заявил:

> «Кое-где очистились, поарестовали и успокоились: решили, что у нас теперь все чисто-гладко, все хорошо... что уже наш аппарат стал подлинно большевистским аппаратом... Нет, товарищи, нам далеко до того, чтобы стать партийным аппаратом, и нам надо почистить свои ряды, не успокаиваясь на достигнутом.
>
> Почему нам надо почистить свои ряды? Товарищи, забываем об элементарном правиле разведки: ...для того, чтобы знать замыслы другой разведки, самое лучшее — влезть к ней в печенки, и мы ставим перед собой задачу,

чтобы влезть в печенки польской, германской, японской разведкам. Но, товарищи, поймите, разве при том режиме, при тех отношениях, которые существовали у нас раньше, трудно было иностранной разведке впереться к нам? Конечно, легче всего. Что же иностранная разведка такая святоша, что к нам не будет внедряться? Безусловно, будет, и в этом смысле нам надо за своим аппаратом смотреть больше, чем за чьим-либо другим...

Возьмите даже такой простой пример — историю формирования нашего аппарата. Наряду с основным костяком чекистов из рабочих и крестьян, кое-кто к нашему аппарату совершенно сознательно был привлечен из чуждых людей — из бывших офицеров, в общем, из всяких бывших людей, которые заработали себе вхождение в наш аппарат тем, что они по-честному в те времена перешли на нашу сторону. Но... прошло 15-20 лет. Что с этими людьми стало, какие они, нужны ли они нам или нет? Надо приглядеться к каждому конкретно»[354].

«К каждому конкретно» в остальных подразделениях Главного управления государственной безопасности уже пригляделись и продолжали приглядываться, и лишь Иностранный отдел оставался островком относительной стабильности в окружающем его беспокойном море. Слуцкий как мог оберегал своих людей и «сдавал» их только в случае крайней необходимости, когда этого уже нельзя было избежать. Теперь работникам ИНО предстояло испить ту же чашу, что и их коллегам из других отделов. Основное отличие заключалось в том, что чистку в ИНО, учитывая специфику его работы, нужно было проводить намного деликатней, чтобы потенциальные жертвы из числа сотрудников зарубежных резидентур не смогли раньше времени догадаться о том, что их ожидает. Поэтому Пассову пришлось изрядно потрудиться, изобретая разнообразные и внешне достоверные причины отзыва работающих за границей чекистов. Так, сотрудники парижской резидентуры «Демиль» и «Длинный» получили приглашение приехать в Москву под предлогом предоставления им отпуска; резидентам в Бухаресте и Варшаве «Яну» и «Эрику» было указано, что они уже слишком долго работают за границей; представителей венской резидентуры отозвали со ссылкой на необходимость сокращения персонала советских учреждений в Австрии и т.д.

Поскольку вернувшиеся работники никем, как правило, не заменялись и никакие задания по новым вербовкам резидентуры не получали, работа заграничных разведывательных центров начала угасать. К концу лета **1938** года была фактически брошена на произвол судьбы или законсервирована агентура Иностранного отдела в Германии, Италии, Польше, Прибалтике и Скандинавии, в значительной степени свернута деятельность во Франции, Англии, США, Иране, Турции и ряде других стран[355]. Прямым следствием такого положения стало, например, то, что в момент острейшего кризиса, связанного с подготовкой захвата немцами Чехословакии, Иностранный отдел не получил из Германии ни одного донесения, и сам, в свою очередь, на протяжении четырех месяцев не направлял руководству страны никаких информационных материалов[356]. И хотя в дальнейшем отдел оправился от удара, нанесенного в **1938** г., последствия этого события сказались самым непосредственным образом на эффективности работы советской разведки накануне Великой Отечественной войны, до которой оставалось всего три года.

29. Террор на экспорт

Волна репрессий, захлестнувшая страну в **1937** году, не остановилась у границ СССР. Враги имелись у Сталина не только внутри Советского Союза, но и за его пределами, хотя нейтрализовать их там было, конечно, труднее. К тому же на международной арене советское руководство старательно демонстрировало цивилизованный облик своего режима, поэтому круг намеченных к ликвидации политических противников приходилось здесь жестко ограничивать. Но все равно шумных скандалов избежать не удалось. Наиболее известные из них были связаны с похищением и убийством лидера испанской Рабочей партии марксистского единства А. Нина (июнь **1937** г.) и похищением в сентябре **1937** года в Париже председателя эмигрантского Русского общевоинского союза Е.К. Миллера.

Однако существовала страна, правда не в Европе, а в Азии, где сталинский режим мог, не оглядываясь на общественное мнение, чувствовать себя почти так же уверенно, как дома. Это была граничащая с СССР Монголия. Входившее до **1912** года в состав Китая, а затем объявившее, опираясь на поддержку России, о своей независимости, это не признанное никем в мире государство после окончания Гражданской войны в России оказалось в полной зависимости от ее новых правителей.

В июле **1921** года советские войска вошли на территорию Монголии и помогли местным прокоммунистически настроенным революционерам изгнать из страны отряды

белогвардейского генерала барона Унгерна. Было сформировано Народное правительство, к которому перешла фактическая власть в стране, хотя формально Монголия оставалась конституционной монархией, возглавляемой верховным иерархом местной ламаистской церкви Богдо-ханом. После смерти последнего в **1924** года бразды правления теперь уже и де-юре перешли в руки новых властей, которые провозгласили Монголию республикой.

Можно, конечно, было по примеру Советского Союза сразу же приступить к строительству социализма, однако при отсутствии в стране пролетариата это выглядело бы как явное неуважение к марксистской теории. Поэтому правящая Монгольская народно-революционная партия (МНРП) объявила о своем намерении вести страну не по социалистическому, а по некапиталистическому пути развития.

Монголия была необычной страной: из примерно **750** тысяч ее жителей свыше **90** тысяч, то есть треть взрослого мужского населения, являлись ламами (монахами). В республике насчитывалось почти **800** монастырей, являвшихся, с одной стороны, очагами и хранителями монгольской культуры, а с другой — важным элементом хозяйственного уклада страны*.

* Ламаистский институт монашества был своеобразным. Многие ламы, получив в юности первую степень монашеского посвящения, возвращались затем домой и жили обычной жизнью мирян, участвуя только в наиболее важных религиозных мероприятиях, хотя и продолжали при этом числиться в монастырских списках.

Поначалу кремлевские власти, под бдительным контролем которых Монгольская народная республика (МНР) находилась с первых дней своего существования, смотрели на ситуацию с ламством сквозь пальцы. Однако с начала **30**-х гг., когда, после захвата японцами Маньчжурии, значение Монголии как военно-политического союзника резко возросло, Сталин начинает все активнее подталкивать местных руководителей на путь борьбы с «реакционным духовенством». При ежегодных встречах с премьер-министром Монголии П. Гендуном Сталин убеждал его, что ламство представляет собой главную опасность для страны, настаивал на увеличении налогообложения монастырей, поощрении выхода из них и т.п.

Но тогдашние монгольские власти были настроены не столь решительно. Еще свежи были воспоминания о предпринятой в **1929-1932** гг. попытке ускоренного продвижения к социализму, закончившейся крестьянским восстанием, после которого пришлось распускать принудительно созданные коллективные хозяйства, восстанавливать частную торговлю и кустарные промыслы, ослаблять налогообложение индивидуальных хозяйств и т.д. Монгольская народно-революционная партия вынуждена была заявить тогда об отказе от руководства государственной властью, после чего партия сократилась в течение последующих двух лет в пять раз.

В этих условиях обострять обстановку в стране новым руководителям Монголии, пришедшим к власти в **1932** г., явно не хотелось, и хотя уклониться от выполнения полученных в Москве распоряжений было невозможно, но и чрезмерного рвения никто проявлять не спешил. Это вызывало растущее недовольство в Кремле, и когда в декабре **1935** года в Москву в очередной раз прибыла правительственная делегация МНР, ей была устроена здесь форменная выволочка.

Для начала Сталин выразил недовольство тем, что Монголия тратит на военные нужды не **50-60%** бюджета, как следовало бы, а только **25**. Затем к разговору подключился присутствовавший на встрече В.М. Молотов. «Вы, Гендун, — заявил он премьер-министру Монголии, — в пьяном виде все время говорили антисоветскую провокацию. Мы знаем, что вы перед отъездом сюда говорили, что «наверное, мне через Кремлевскую больницу предложат долгосрочный отпуск и отдых в Крыму «по состоянию здоровья». Мы не собираемся делать такую махинацию и заниматься такой игрушкой»[357].

После того, как монгольским товарищам дали понять, что церемониться с ними никто не собирается, Сталин перешел к главному вопросу:

> «В отношении лам вы ничего не делаете. Ламы вас жрут, они растут и укрепляются. Если вы создадите крепкую армию и не ликвидируете лам, то это... плохо, потому что ламы могут разложить хорошую армию и ее тыл... Вы в отношении борьбы с ламством делаете правый загиб. Раньше у вас был левый загиб. Левый загиб плох, но сейчас теперешний правый загиб еще хуже левого загиба...
>
> Вы, Гендун, хотите, не обижая ламства, защищать национальную независимость. Они несовместимы. Нельзя, не нарушая интересов ламства, защищать национальные интересы. Надо стоять на одной позиции, а не на двух позициях: или за ламство, или за национальные интересы... У вас нет аппетита борьбы с ламством. Когда кушаешь, надо кушать с аппетитом. Необходимо проводить жесткую борьбу с ламством путем увеличения разного налогового обложения и другими методами. Если вы не будете проводить

борьбу и не будете трогать ламство, то они скоро вас сожрут совсем»[358].

В ходе заключительной встречи, состоявшейся неделю спустя, П. Гендун вынужден был признать свои ошибки и заявить:

«В отношении ламства я постараюсь усилить борьбу. Постараюсь сделать так, чтобы при следующей встрече с Вами Вы были бы довольны моей работой»[359].

Но было уже поздно. Вскоре после возвращения делегации из Москвы на очередном пленуме ЦК Монгольской народно-революционной партии Гендун был выведен из состава ЦК и снят с должности премьер-министра. Тогда же Государственная внутренняя охрана, выполнявшая функции политической полиции, была в соответствии с указаниями из Москвы преобразована в полноценное Министерство внутренних дел, которое возглавил протеже Сталина Х. Чойбалсан.

С этого времени работа по обезвреживанию «контрреволюционных элементов» пошла гораздо успешнее. В апреле **1936** года в Улан-Баторе состоялся открытый судебный процесс над Чжамьянтиб-ламой — настоятелем одного из крупных монастырей в Восточной Монголии. Он обвинялся в том, что в **1932** года установил связь с монгольскими эмигрантами, якобы сотрудничавшими с японской разведкой, и по их поручению занимался контрреволюционной и шпионской деятельностью. Первая заключалась в том, что в целях поднятия авторитета религии он периодически устраивал молебны, на которые собиралось значительное количество верующих, а шпионаж заключался в посылке Чжамьянтиб-ламой писем своим знакомым за пределами страны, в которых приводились различные сведения о положении на востоке МНР. Кроме того, в этих письмах настоятель монастыря якобы обещал японцам, что, в случае ввода их войск на территорию Восточной Монголии, местные контрреволюционеры окажут им всяческую помощь.

По приговору Верховного суда МНР Чжамьянтиб-лама и несколько его «сообщников» были расстреляны.

Следующим был процесс в октябре **1936** года над высшими ламами из монастыря Улэгэй-Хид, обвиненными в том, что, будучи недовольны политикой партии и правительства по ограничению их прав, они собирались «с помощью одной империалистической державы» свергнуть существующий в МНР строй и восстановить власть феодалов. С этой целью ими будто бы была создана контрреволюционная организация, охватившая своим влиянием ряд монастырей, расположенных вдоль южной и восточной границ Монголии, установлены связи с эмиграцией, собирались деньги для закупки оружия и т.д. Из более чем ста арестованных лам для открытого судебного процесса были отобраны **17** человек, Шесть из которых были приговорены к расстрелу, а остальные — к различным срокам лишения свободы.

После этого прошло еще несколько аналогичных процессов, имевших целью продемонстрировать монгольскому народу, как низко пали его духовные наставники. В мае **1937** года министр внутренних дел МНР Х. Чойбалсан доложил Ежову о результатах проделанной работы:

«Мы провели пять крупных судебных процессов, связанных с изменой Родине, ведением разведки и подготовкой к вооруженному восстанию со стороны высших лам и тем самым выполнили советы товарища Сталина»[360].

Однако это было только начало работы. Теперь, когда духовенство было скомпрометировано и деморализовано, пора было приступать к окончательному решению дамского вопроса, тем более что обстановка на Дальнем Востоке летом **1937** года серьезно осложнилась и принятых мер было явно недостаточно.

В ночь с **7** на **8** июля в районе моста Лугоуцяо неподалеку от Пекина во время учений одного из подразделений японской армии* произошла перестрелка между японскими и китайскими солдатами, переросшая в затяжной бой. По прошествии нескольких дней после этого столкновения, в Москве (и не только там) стало ясно, что Япония решила использовать данный инцидент как предлог для широкомасштабной военной интервенции.

* В соответствии с навязанными Китаю соглашениями Япония получила возможность разместить в ряде городов северного Китая свои воинские подразделения.

Это существенно меняло стратегическую ситуацию в регионе. Разгромив китайскую армию (а такую вероятность нельзя было исключать), японские войска получили бы удобный плацдарм, позволяющий в случае войны с СССР выйти через территорию Монголии в Забайкалье и, перерезав в районе Улан-Удэ транссибирскую магистраль, отсечь дальневосточную группировку советских войск от остальной части страны. Рассчитывать на то, что небольшая по численности монгольская армия могла бы воспрепятствовать

осуществлению этих планов, не приходилось, и поэтому следовало, не откладывая, заняться превращением Монголии в неприступный бастион, что, наряду с мерами военного характера, предполагало также и ликвидацию здесь потенциальной «пятой колонны», точно так же, как это делалось в СССР.

Оставалось лишь найти предлог, позволяющий выполнить эти задачи в стране, которая, хотя и находилась в зависимости от СССР, являлась все же самостоятельным государством.

5 августа **1937** года был арестован полномочный представитель (посол) СССР в Монголии В.Х. Таиров. В Монголию он попал с поста начальника Политуправления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, и на него имелись показания как на участника военного заговора в РККА. Опытным следователям удалось в кратчайший срок выбить из него показания о связях с японской разведкой, о помощи японцам в якобы намеченном захвате Монголии и последующем нападении на СССР, о созданной им разветвленной заговорщицкой организации, которая включала высокопоставленных сотрудников партийно-правительственного аппарата Монголии и руководящих армейских работников, действующих по плану и в интересах японского военного командования. В числе заговорщиков Таиров назвал бывшего премьер-министра Монголии П. Гендуна (руководителя организации) и многих других видных представителей монгольской правящей верхушки.

Бывший премьер-министр Гендун после своей отставки в марте **1936** г. получил приглашение приехать в СССР и проживал с семьей в доме отдыха «Форос» в Крыму под бдительным наблюдением НКВД. А в Монголии в отношении него, по-видимому, накапливался какой-то компрометирующий материал, во всяком случае известно о его письме к Сталину, написанному как раз в это время, в котором он отстаивает свою невиновность и утверждает, что не совершал никаких преступлений. Однако это ему не помогло. Чтобы не привлекать излишнего внимания, Гендуна под благовидным предлогом перевезли из Крыма в Сочи, и здесь в июле **1937** г. он был арестован.

Первое время им занимались, по-видимому, не очень активно, но после того, как были получены «признательные показания» Таирова, за него взялись всерьез, и в конце концов Гендуну пришлось подтвердить факт своего участия в деятельности монгольской заговорщицкой организации и назвать имена «сообщников».

13 и **14** августа **1937** года ситуация на Дальнем Востоке была рассмотрена на совещаниях у Сталина, проходивших с участием Молотова, Ворошилова, Ежова и других заинтересованных лиц. К этому времени война между Японией и Китаем шла уже полным ходом. Захватив Бэйпин, Тяньцзинь и ряд других крупных городов, японские войска продвигались к Калгану — важному стратегическому пункту, откуда открывался кратчайший путь в глубь монгольской территории и далее в советское Забайкалье.

Заслушав сообщение Ежова о якобы готовящемся в МНР государственном перевороте, участники совещания пришли к выводу о необходимости принять срочные меры, обеспечивающие защиту интересов СССР в этом регионе. Для разъяснения советской позиции и наблюдения за ходом выполнения намеченных мероприятий в Монголию решено было направить правительственную делегацию во главе с первым заместителем Ежова М.П. Фриновским и начальником Политуправления Красной Армии П.А. Смирновым. Помогать в решении возникающих вопросов должна была специальная группа чекистов во главе с начальником западно-сибирского краевого управления НКВД С.Н. Мироновым, который был назначен новым полномочным представителем СССР в Монголии взамен арестованного В.Х. Таирова.

Однако, прежде чем встречаться с монгольскими товарищами, нужно было решить одну проблему, и проблема эта называлась маршал Демид. Военный министр Монголии и главком Монгольской народно-революционной армии рассматривался Москвой как человек вполне лояльный. Хотя некоторая его независимость и раздражала порой советских военных советников, но все это было в допустимых пределах, и никакой озабоченности в Кремле, по-видимому, не вызывало. Однако теперь, когда Монголию в целом и ее вооруженные силы в частности предстояло подвергнуть основательной чистке, проблема маршала Демида выходила на первый план. Нетрудно было представить, как он, человек вспыльчивый и решительный, стал бы реагировать на предложение советских друзей раскрыть какой-нибудь «японско-фашистский заговор» во вверенной ему армии и арестовать его ближайших соратников, которые им же и были в свое время расставлены на ключевых постах. Да и сам он в сложившейся ситуации уже не мог рассматриваться как человек, на которого стоило делать ставку. То, что вполне устраивало в мирное время, не подходило для предвоенной обстановки. В новых условиях на посту главкома монгольской армии гораздо лучше смотрелся бы другой маршал, в свое время (в **1924-1928** гг.) уже занимавший этот пост, —

нынешний министр внутренних дел Х. Чойбалсан.

Оставалось только найти политически корректный способ решения данной проблемы. Нейтрализовать Демида в Монголии было технически сложно, но в этом и не было необходимости, благо как раз в конце августа маршал по приглашению наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова должен был приехать в Советский Союз, чтобы присутствовать в качестве наблюдателя на военных учениях. Было ли данное приглашение заранее подстроенной ловушкой (отправлено оно было еще в июле) или так все совпало, но в любом случае это был реальный шанс, и им следовало воспользоваться.

Решить вопрос с Демидом поручено было М.П. Фриновскому, направлявшемуся в Монголию во главе советской делегации. По пути в Улан-Батор Фриновский сделал остановку в Иркутске, где нужно было разобраться с жалобами на местных чекистов, а кроме того, как он впоследствии вскользь упоминал, «выполнить отдельные правительственные задания в связи с предполагавшимся приездом в СССР военного министра Монголии»[361].

Вечером 20 августа 1937 года поезд, на котором Г. Демид ехал в Москву, прибыл в Иркутск и после получасовой стоянки отправился дальше. Жить маршалу осталось меньше двух суток. 22 августа в районе станции Тайга (не доезжая Новосибирска) он скончался, как было потом объявлено, отравившись консервами. Для большей достоверности пришлось отравить и нескольких сопровождавших его монголов, находившихся в том же вагоне. Один из них умер, троих врачам удалось спасти.

Вместо того чтобы вернуть труп Демида на родину, его повезли через полстраны в Москву. На Казанском вокзале столицы, увешанном советскими и монгольскими траурными флагами, гроб с телом маршала, встреченный почетным караулом, был установлен на артиллерийском лафете, и в сопровождении кавалерийского и артиллерийского эскорта похоронная процессия отправилась к крематорию, где состоялся траурный митинг с участием заместителя наркома обороны СССР маршала А.И. Егорова, заместителя наркома иностранных дел Б.В. Стомонякова и других советских официальных лиц.

А тем временем делегация во главе с М.П. Фриновским и П.А. Смирновым, прибывшая 24 августа в монгольскую столицу, приступила к работе. Местным руководителям было сообщено, что над их страной нависла смертельная опасность, о чем правительству СССР стало известно благодаря бдительности советских чекистов. Оказывается, враги Монголии (внешние и внутренние) разработали коварный план ее порабощения, который собираются претворить в жизнь не позднее сентября 1937 года. Суть плана заключалась якобы в следующем. После того, как отступающие китайские части в поисках убежища перейдут границу Монголии, вслед за ними на территорию Монголии вступят и преследующие их японские войска. В этот момент заговорщики из организации, возглавляемой до недавнего времени бывшим премьер-министром МНР П. Гендуном, совместно с ламскими контрреволюционными организациями поднимают антиправительственный мятеж. Руководимые командирами-изменниками части захватывают Улан-Батор, свергают существующую власть, после чего бразды правления передаются японцам, и Монголия превращается в плацдарм для нанесения ударов в спину китайскому народу и для нападения на СССР.

В этих условиях, объяснил Фриновский монгольским товарищам, необходимо как можно скорее обратиться к советскому руководству с просьбой направить в Монголию части Красной Армии.

27 августа В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов телеграфировали в Улан-Батор, что правительство СССР «решило удовлетворить просьбу правительства МНР и распорядилось о немедленном вводе войск на территорию Монгольской народной республики для охраны границ МНР»[362]. Началась переброска в страну частей и подразделений Забайкальского военного округа, сведенных на месте в 57-й особый корпус.

Теперь можно было приступать к решению второй не менее важной задачи. 30 августа Фриновский передал Х. Чойбалсану копию показаний П. Гендуна, а также список на 115 человек, подозреваемых в заговорщицкой деятельности и шпионаже в пользу японцев (об аресте В.Х. Таирова и о том, что в основе концепции заговора лежат именно его «признания», монголам решено было не сообщать). 2 сентября по рекомендации советских гостей Чойбалсан, сохраняя должность министра внутренних дел, был по совместительству назначен также военным министром и главнокомандующим монгольской армией.

Премьер-министр Монголии А. Амор полностью доверился посланцам Сталина, и под руководством М.П. Фриновского, а также выполнявшего все его указания Х. Чойбалсана 10 сентября 1937 г. в стране началась масштабная политическая чистка, затронувшая все слои

монгольского общества. Накануне Чойбалсан на встрече с сотрудниками министерства внутренних дел и военного министерства сообщил, что, согласно имеющимся данным, скончавшийся недавно маршал Демид являлся японским агентом, вместе с бывшим премьер-министром П. Гендуном, готовившим захват власти в стране. Так что теперь, наряду с другими контрреволюционерами, нужно будет арестовать также и всех его сообщников, занимающих ведущие посты в руководстве вооруженных сил.

О ходе операции по обезвреживанию монгольской «пятой колонны» Фриновский регулярно докладывал руководству в Москве. Вот, например, что он сообщал Ежову в послании, датированном **13** сентября **1937** г.:

«7 сентября с.г. Чойбалсаном был согласован с Амором вопрос об аресте Энзона и Дамдина*. Амор согласие дал быстро, даже по телефону.

После ареста в тот же день оба были допрошены и сознались. Энзон показал, что, будучи в Тибете** в 1923 г., был завербован там английским резидентом... и послан в Монголию для шпионской, диверсионной и антиправительственной деятельности, которой и занимался до дня ареста. Назвал 26 человек, привлеченных им на эту работу — преимущественно влиятельные ламы, из них 14 тибетцев. Он же показал, что по заданию из Тибета являлся организатором и руководителем вооруженного восстания в Монголии в 1932 году. Также подтвердил ранее имевшиеся в МВД данные о существовании в МНР всемонгольской контрреволюционной ламской организации, руководителем которой является лично он. Помимо этого, сознался в том, что был перевербован японцами и работал в их пользу...

Дамдин сознался, что являлся помощником Энзона во всей его контрреволюционной, шпионской работе.

Распоряжение об аресте 26 указанных Энзоном и Дамдином лам сделано.

Даю указания:

1) В процессе следствия выяснить связь ламской контрреволюционной организации Энзона и Дамдина с организацией Гендуна и других.

2) Выяснить все связи и членов организации по Бурят-Монголии***, а также по бурятским и монгольским колониям в разных местах Союза.

3) Наиболее полно выявить участников ламской организации на территории МНР.

4) Выявить практическую линию связи с Тибетом, англичанами и японцами...

По делу Энзона и Дамдина следствие закончим в 10 дней и за это время подготовим все политически и общественно для проведения показательного процесса. Всех дополнительно выявляемых будем арестовывать и судить, не связывая с этим делом...»[363]

* Энзон — настоятель монастырей Гандан и Цзун-Хурэ. Дамдин — высший лама из монастыря Цзун-Хурэ.
** Центр ламаизма Тибет был в этот период самостоятельным теократическим государством, находившимся под сильным английским влиянием.
*** Бурят-Монгольская АССР — автономная республика в составе Российской Федерации (в **1958** г. переименована в Бурятскую АССР).

Процесс, о котором упоминает Фриновский, состоялся **4-7** октября **1937** года. **23** отобранных представителя высшего духовенства были обвинены в подготовке по заданию японцев вооруженного восстания, вредительстве, шпионаже, а также в связях с другой контрреволюционной организацией, которую возглавляли бывший премьер-министр П. Гендун и маршал Г. Демид. По приговору суда **19** из **23** обвиняемых были приговорены к расстрелу.

Вслед за этим, полторы недели спустя, начался еще один процесс, на этот раз над представителями «организации Гендуна — Демида». Сам Гендун оставался в Москве (его без всякой огласки расстреляют по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в конце ноября **1937** г.), Г. Демид, как уже говорилось, скончался за два месяца до этого по дороге в Москву, так что на скамье подсудимых оказались только их «сообщники»: заместитель премьер-министра, заместитель главкома Монгольской народно-революционной армии, начальник Генерального штаба, прокурор республики, министр просвещения и другие уважаемые в прошлом люди. Наряду со ставшими уже стандартными обвинениями в подготовке вооруженного восстания, шпионаже и вредительстве, подсудимым было предъявлено также обвинение в подготовке убийства руководителей партии и правительства. Из **14** человек, представших перед судом, один был приговорен к десяти годам заключения, а остальные расстреляны.

Нельзя сказать, что премьер-министр Монголии А. Амор не понимал, что происходит в его стране на самом деле. Однако никаких реальных возможностей помешать воцарившемуся произволу у него не было. Вот характерная ситуация того времени, описанная в телеграмме, которую полномочный представитель СССР в Монголии С.Н. Миронов направил **18** октября **1937** г. возвратившемуся в Москву М.П. Фриновскому:

«9 октября Борху* пошел к Амору и заявил, что МВД арестовало много невинных людей, что там применяют насильственные методы при допросах и что он сам боится ареста. Амор испугался этого заявления и сказал Борху, чтобы он никому об этом больше не говорил, т.к. русские его посадят и расстреляют. Борху после Амора пошел к Лупсан-Шарапу** и сказал ему то же самое. После ухода Борху к Лупсан-Шарапу пришел Амор и спросил его, был ли у него Борху. После подтверждения Амор просил Лупсан-Шарапа не говорить об этом Чойбалсану и «на востоке» (*т.е. в советском полпредстве. — А.П.*), так как погибнет человек «с чистой монгольской душой».

Лупсан-Шарап пришел ко мне и передал весь разговор Борху и Амора. Я предложил ему ориентировать Чойбалсана, но не принимать никаких мер без моего ведома.

Вечером ко мне заехали Чойбалсан и Лупсан-Шарап. Я объяснил, что это обычное явление: видимо, Борху является членом какой-то организации, связанной с делом заговора, и боится разоблачения. Предложил немедленно передопросить группу арестованных, с которой он работал.

На следующий день, 10 октября, Чойбалсан пришел и сообщил мне о косвенных показаниях [на Борху] Намсарая***, а 14 октября дал развернутые показания Аюши****. Я предложил Чойбалсану пока воздержаться от ареста Борху и не показывать вида Амору о том, что ему (*т.е. Чойбалсану. — А.П.*) известно о заявлении Борху. Когда будут записаны показания на Борху, послать их Амору для ознакомления и поставить вопрос о его аресте. Он согласится»[364].

* Борху — прокурор республики.
** Лупсан-Шарап — секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии.
*** Намсарай — бывший начальник Государственной внутренней охраны.
**** Аюши — бывший начальник Управления милиции.

В конце октября **1937** года состоялся **III** пленум ЦК Монгольской народно-революционной партии (аналог февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)), который подвел теоретическую базу под начавшиеся в стране репрессии, после чего маховик террора заработал на полные обороты. В апреле **1938** г. первые итоги продолжающейся уже полгода чистки подвел в своем очередном послании в Москву полпред СССР в Монголии С.Н. Миронов. Он сообщил, что по состоянию на **30** марта арестовано **10 728** человек, в том числе **7814** лам, **322** бывших феодала, **300** ответственных чиновников различных министерств, **180** человек высшего и старшего начсостава монгольской армии, а также **1555** бурят и **408** китайцев*. Дела на **7171** человека были к этому времени уже рассмотрены, и по результатам этого рассмотрения **6311** человек приговорены к расстрелу. Кроме того, сообщил далее Миронов, в соответствии с агентурными и следственными материалами аресту подлежат еще около шести тысяч лам, **86** чиновников, а также примерно **900** бурят и **200** китайцев[365].

* В Монголии, как и в Советском Союзе, обнаружились свои контрреволюционные нации. Ими оказались буряты и китайцы, среди которых, как выяснили с помощью советских коллег монгольские чекисты, было очень много замаскировавшихся врагов народа, главным образом агентов японской разведки.

«Большой террор» по-монгольски продолжался до апреля **1939** года. За это время Чрезвычайная комиссия («специальная тройка») во главе с Чойбалсаном, созданная **20** октября **1937** года в соответствии с указаниями из Москвы, согласно официальным данным, осудила по обвинению в измене Родине и контрреволюционной деятельности **25 588** человек, из которых **20 099** человек были приговорены к расстрелу[366]. Репрессиям в тот же период подверглись две трети членов ЦК и **8** из **10** членов Президиума ЦК Монгольской народно-революционной партии. После смещения в марте **1939** года премьер-министра А. Амора новым руководителем страны стал Х. Чойбалсан, остававшийся на этом посту вплоть до своей смерти в **1952** году. Что касается ламского вопроса, то за **1937-1939** годы он, как и предполагалось, был решен окончательно. Оставшиеся в живых ламы были разогнаны, монастыри закрыты, а их имущество и богатства перешли в собственность государства.

30. Процесс «Антисоветского правотроцкистского блока»

Начало **1938** года ознаменовалось важным событием в жизни страны — **2** марта в Октябрьском зале Дома Союзов начался судебный процесс по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока». Это был последний в серии из трех открытых политических процессов, проведенных в Москве в **1936-1938** годах и призванных наглядно подтвердить факт существования в стране многочисленных «врагов народа», в борьбе с которыми допустимы и оправданы любые средства.

Из **21** обвиняемого **9** являлись членами и кандидатами в члены ЦК ВКП(б). Наиболее видными деятелями среди них были Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и Г.Г. Ягода. На другом полюсе находились гораздо менее известные широкой публике лица — лечившие кремлевскую

верхушку врачи Д.Д. Плетнев, А.Г. Левин и И.Н. Казаков, бывший секретарь умершего в **1935** г. члена Политбюро ЦК ВКП(б) Куйбышева В.А. Максимов-Диковский, бывший секретарь Горького П.П. Крючков и бывший секретарь НКВД П.П. Буланов.

Все эти стоящие на разных ступенях иерархической лестницы люди, многие из которых не были даже знакомы, оказались по воле Ежова и Сталина объединены теперь в одну заговорщицкую организацию, в активе которой, по версии следствия, имелись такие серьезные преступления, как соучастие в убийстве Кирова, умерщвление скончавшихся в **1934-1936** годах Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова, покушение на жизнь Ежова, шпионаж в пользу Германии, Японии, Польши и Англии, саботаж и вредительство в народном хозяйстве, организация кулацких восстаний, подготовка вооруженного выступления в тылу Красной Армии в случае войны и т.д.

Хотя блок и именовался правотроцкистским, однако среди представших перед судом видных партийных и государственных деятелей многие ни к троцкистской, ни к правой оппозиции никогда не примыкали. Поэтому некоторых из них следствию пришлось изобразить как участников законспирированной организации правых, других — как членов «буржуазно-националистических» и «национал-фашистских» организаций Украины, Белоруссии и Узбекистана, действовавших по указке Бухарина и Рыкова.

Сами Бухарин и Рыков к этому времени уже год как находились в заключении. Первые три месяца после ареста они еще пытались противодействовать попыткам приписать им участие в контрреволюционной деятельности, и тогда к ним были применены так называемые активные методы допроса. В записной книжке Ежова, куда он заносил получаемые от Сталина указания, можно встретить такую, например, запись, относящуюся, судя по контексту, к концу июля **1937** г.:

> «Рыкова [допросить] о людях. Кто где расставлен в областях. Как использовал Желтова* и по Белоруссии. Рыкова бить»[367].

> * Желтов И.С. — бывший начальник Ярославского областного управления связи. Арестован **8** июля **1937** г. по обвинению в создании на территории Ярославской области контрреволюционной повстанческой организации, действовавшей по указаниям А.И. Рыкова.

Месяц или два спустя в блокноте появляется такая запись:

> «Допросить с пристрастием о членах антисоветской организации правых и троцкистов из Узбекистана и Таджикистана арестованных а) Рудзутака, б) К... (*неразборчиво. — А.П.*), в) Сулимова, г) Уханова, д) Антипова, е) Полонского, ж) Зеленского, з) Бухарина»[368].

В конце концов допросы «с пристрастием» сломили и Рыкова, и Бухарина, однако методы физического воздействия применялись к ним, вероятно, все же реже, чем к остальным подследственным, во всяком случае полностью парализовать волю Бухарина к сопротивлению не удалось, и это сказалось потом в суде.

По одной из предварительных наметок Сталина и Ежова подсудимых на процессе должно было быть **24** человека. Помимо тех, кто вошел в окончательный список, предать суду предполагалось еще пятерых бывших функционеров: председателя Комиссии советского контроля Н.К. Антипова, заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП (б) Я.А. Яковлева, первого секретаря Дальневосточного крайкома партии И.М. Варейкиса, первого секретаря Воронежского обкома М.Е. Михайлова и наркома внутренней торговли СССР И.Я. Вейцера. Несколько позже рассматривалась также кандидатура бывшего первого секретаря Крымского обкома партии Л.И. Лаврентьева. Однако, судя по тому, что приговор им был вынесен лишь несколько месяцев спустя, к моменту принятия окончательного решения о составе участников процесса их готовность сотрудничать со следствием вызывала определенные сомнения. Вместо них в список фигурантов будущего процесса включили бывшего советника полпредства СССР в Германии С.А. Бессонова, который должен был играть роль связника Троцкого, и доктора И.Н. Казакова, якобы умертвившего своего пациента — председателя ОГПУ В.Р. Менжинского.

Из отобранных для суда партийных и государственных деятелей, шестеро, по версии следствия, являлись шпионами иностранных разведок, а еще трое — бывшими агентами царской охранки (или, как их еще называли, провокаторами). Однако каким же образом на самые верхние этажи государственной власти удалось проникнуть такому количеству шпионов и провокаторов? Этот закономерный вопрос мог возникнуть не только у рядовых граждан, но и у многих чекистов, поэтому в преддверии процесса Ежов посчитал необходимым помочь товарищам по работе разобраться в сущности данного явления. Выступая **24** января **1938** года на совещании руководящего состава НКВД, он специально остановился на этом вопросе и дал такие разъяснения:

> «Царская охранка, как известно... помимо открытой борьбы с

революционным движением, занималась и внутренним освещением этого движения и насаждала свою агентуру среди всех оппозиционных партий тогдашнего времени, то есть и среди меньшевиков, и среди эсеров, и среди большевиков... И вот случилась революция... Кое-кого, знаете, в 1917 году из провокаторов разоблачили, которых нашли в списках, а потом все это дело заглохло, замолкло, и мы совершенно в стороне оставили всю эту работу, считая ее мелочной работой. Подумаешь, какой класс чекистской работы — выявить двух-трех провокаторов. Больше того, когда я пытался найти хотя бы списки провокаторов, никто толком не мог мне сказать — есть ли у нас эти списки, сохранились ли они в архиве или нет, и где. Никто не знал.

А на деле, что получилось? Получилось на деле то, что на прошлом пленуме ЦК (не на последнем, а на предыдущем)* товарищ Сталин говорил, что из членов ЦК мы имеем 13 разоблаченных провокаторов. Скоро будет процесс. Перед вами пройдет такой матерый провокатор, как Антипов, который оказался старым царским провокатором»; такой провокатор, как Яковлев; такой провокатор, как Лаврентьев**.

Фриновский: Как Ягода!

Ежов: Да, такой провокатор, как Ягода. И там еще многие есть.

Голоса: Иванов, Зеленский***.

Ежов: Да, и все это бывшие члены ЦК. Как видите; это оппозиция из провокаторов. Как она должна была относиться к нашему строю, сочувственно или нет? Естественно, для того, чтобы легализовать свое положение в нашей стране (а над ними все-таки висел дамоклов меч, в любую минуту их могли разоблачить — и все это над ними тяготело), они должны были мечтать о свержении существующего строя, то есть строя диктатуры пролетариата, и замене его другим строем — капиталистическим. Тогда они, конечно, могли бы кричать: «Позвольте, я имею 25 лет стажа провокаторской работы, я на вас работал 25 лет». Да, они были бы, конечно, самыми почетными людьми.

Все эти Зеленские, Яковлевы, Варейкисы, Антиповы и многие, многие другие, они, конечно, должны были добиваться легализации своей преступной деятельности, а ее можно было добиться только при условии замены существующего строя капиталистическим строем. Они думали: «Ежели буржуазия учтет мои бывшие заслуги, может быть, она мне лакомый кусочек какой-нибудь отрежет от управления государством».

* Имеется в виду октябрьский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б).
** Как уже говорилось, никто из перечисленных лиц в окончательный список участников процесса включен не был.
*** Иванов В.И. — бывший нарком лесной промышленности СССР, Зеленский И.А. — бывший председатель правления Центрального союза потребительских обществ СССР.

Разобравшись с провокаторами, Ежов перешел к вопросу о шпионах:

«Мне часто толковал в частных беседах товарищ Сталин — просвещал мозги. Существовало много политических партий при царизме: меньшевики, эсеры, сионисты... часть их ушла в эмиграцию. Ну а все государства, товарищи, нет такого капиталистического государства вообще, которое, имея какие-то свои расчеты во взаимоотношениях с той или другой страной, чтобы оно не пыталось вербовать когда-нибудь свою агентуру. И самой благоприятной средой... для вербовки агентуры является среда эмиграции...

Начиналось с очень простого: вы, дескать, боретесь против царизма — мы тоже против царизма. Какой вы хотите строй — демократический? — У нас тоже демократический.

Часто там люди и жили бедновато, надо было подкармливаться. Подкармливали их, а потом просили: вы нам освещайте, что там у вас в стране. Сначала всегда так подходят — с маленького. И никто не считал зазорным освещать кое-что о стране, имея в виду, что он работает против царизма...

Кого-то втягивали в эти дела, [и], допустим, через определенный период времени, через десяток-полтора лет, эта партия пришла к власти, и там имеется один из таких осведомителей, который это освещал, то, как вы думаете, что они — оставят его в покое? Ни за что, товарищи, не оставят в покое, а будут, конечно, теребить из него сведения. Тем более в такой обстановке обостренных отношений... вроде тех, которые существуют между странами капитализма, которые нас окружают, и нашей советской страной.

Разве могла английская буржуазия оставить в покое Раковского*, который являлся агентом Англии чуть ли не с 1907-го или 1911 года? Вот эта самая его оппозиционность теперь во многих отношениях объясняется. Раньше думали — откуда такие заскоки: то тут он неправильно говорит, то тут неправильно, а что «неправильно», когда его подчас поджигает английская разведка и говорит: ты тут так поверни, тут так»[369].

* Раковский Х.Г. — бывший начальник одного из управлений Наркомата здравоохранения РСФСР, в 20-е гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР.

После всех этих разъяснений чекисты, работающие со «старыми большевиками», могли больше не терзаться сомнениями. Любого попавшего в их руки партийца с дореволюционным стажем следовало рассматривать как хорошо замаскированного врага, и задача заключалась

лишь в том, чтобы как можно быстрее вывести его на чистую воду.

* * *

Процесс «Антисоветского правотроцкистского блока», с точки зрения его подготовки и проведения, следует признать как наименее удавшийся. Уже в первый день работы суда один из обвиняемых, бывший первый заместитель наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинский, отказался от показаний, данных им на предварительном следствии. Заявив, что никогда не был участником «правотроцкистского блока», не знал о его существовании и не совершал ни одного из тех преступлений, которые ему инкриминируются, Крестинский упорно стоял на своем, отбивая все попытки Вышинского доказать обратное. Только на следующий день, после ночи, проведенной наедине со следователями, Крестинский согласился признать себя виновным по всем пунктам, объяснив свое поведение накануне «минутным острым чувством ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта».

Не лучше Крестинского, с точки зрения организаторов процесса, вел себя и Г.Г. Ягода. Периодически подтверждая свое участие в деятельности «правотроцкистского блока», он время от времени вдруг начинал отказываться от своих «признаний», сделанных на предварительном следствии, и мало того — обвинял в лжесвидетельстве других подсудимых. Когда же его спрашивали, почему он раньше давал неверные показания, отделывался стандартной фразой: «Разрешите на этот вопрос не отвечать».

Вот, для иллюстрации, фрагмент его диалога с Вышинским, посвященный участию в деятельности «заговорщицкой организации» секретаря Горького П.П. Крючкова и обстоятельствам смерти сына Горького Максима Пешкова. Последнего по указанию Ягоды сначала будто бы простудили, а затем залечили до смерти.

«*Вышинский*: Обвиняемый Ягода, вы говорили с Крючковым о заговоре?

Ягода: Нет. С Крючковым о заговоре я никогда не говорил.

Вышинский: На политические темы говорили с ним?

Ягода: Нет, я ему никогда не доверял.

Вышинский: Так что все, что говорит Крючков...

Ягода: Все ложь.

Вышинский: Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

Ягода: Я заявляю, гражданин прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

Вышинский: Так что, Левин врет?

Ягода: Врет.

Вышинский: Казаков говорит ложь?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючков?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

Ягода: Лгал.

Вышинский: А сейчас?

Ягода: Говорю правду.

Вышинский: Почему вы врали на предварительном следствии?

Ягода: Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не отвечать»[370].

Но, конечно, главной проблемой стал для Вышинского Н.И. Бухарин. Соглашаясь в принципе со своей ответственностью за деятельность организации «заговорщиков», Бухарин при попытках получить от него показания, подтверждающие его конкретную контрреволюционную работу, не проявлял никакого желания идти навстречу государственному обвинителю, не соглашался с его выводами, оспаривал обвинения в свой адрес со стороны других подсудимых и т.д. Верность избранной тактике Бухарин сохранил до конца процесса и в своем последнем слове не только отверг приписываемые ему преступления, но поставил под сомнение сам факт существования «правотроцкистского блока», одним из руководителей которого он якобы являлся.

При подготовке к изданию в том же **1938** году стенографического отчета о процессе последнее слово Бухарина подверглось существенной правке, сократившись в результате более чем на четверть, однако и то, что осталось, не могло скрыть явную сфабрикованность обвинений, предъяви ленных на суде Бухарину и его «сообщникам». Несмотря на это, Военная коллегия Верховного Суда под председательством В.В. Ульриха признала эти обвинения вполне доказанными и в соответствии с полученными инструкциями приговорила всех подсудимых к высшей мере наказания — расстрелу.

* * *

Как уже упоминалось, одним из преступлений, приписываемых «правотроцкистскому блоку», была организация покушения на жизнь Ежова. По версии следствия, которую озвучил один из обвиняемых, бывший секретарь НКВД П.П. Буланов, после назначения Ежова наркомом внутренних дел Ягода, опасаясь разоблачения заговорщиков-контрреволюционеров, действовавших в системе НКВД, поручил Буланову, тоже участнику заговора, организовать отравление нового наркома путем опрыскивания его рабочего кабинета и смежных комнат растворенной в кислоте ртутью. Такой раствор был якобы изготовлен, и порученец Ягоды, И.М. Саволайнен, опрыскал им в кабинете Ежова дорожки, ковры, портьеры и т.д. Поскольку Буланов с Саволайненом продолжали работать в НКВД также и после ухода Ягоды, они эту процедуру будто бы повторили еще пять или шесть раз в течение октября-декабря **1936** г.

Допрошенный вслед за Булановым Ягода заявил, что, за исключением отдельных моментов, подтверждает показания своего бывшего подчиненного. Кроме этих признаний, к делу были также приобщены ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем. Эксперты заявили, что «на основании предъявленных материалов химического анализа ковра, гардин, обивки мебели и воздуха рабочего кабинета товарища Н.И. Ежова, а равно и анализа его мочи и характера возникших у него болезненных проявлений, следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление товарища Н.И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления».

По мнению экспертов, «в результате применения обвиняемыми Ягодой Г.Г. и Булановым П.П. способа постепенного отравления товарища Н.И. Ежова, его здоровью был причинен значительный ущерб, и если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни товарища Н.И. Ежова угрожала бы непосредственная опасность»[371].

Вся эта странная история началась зимой **1937** года Ежов, который и раньше не отличался особым здоровьем, почувствовал себя хуже обычного — начали шататься и выпадать зубы, пропал аппетит, болели суставы рук и ног, кружилась голова, ухудшился сон и т.д. Врачи связывали это с переутомлением, настаивали на длительном отдыхе. Однако время было горячее, и об отпуске нечего было и думать.

Как-то раз, в ответ на жалобы Ежова на плохое самочувствие, один из его подчиненных, начальник Главного управления шоссейных дорог Г.И. Благонравов, посоветовал ему отказаться от услуг столовой НКВД, предположив, что оставшиеся еще не разоблаченными враги народа среди чекистов могли подложить ему в пищу какую-нибудь отраву. В дальнейшем Благонравов несколько раз возвращался к этой теме, и в конце концов Ежов стал думать, что его и в самом деле могли отравить.

В первых числах апреля **1937** года он в очередной раз сидел на бюллетене и на работу не выходил. В те дни в Москву по делам приехал один из наиболее приближенных к нему людей, — начальник ленинградского управления НКВД Л.М. Заковский, который, узнав, что нарком болен, попросил принять его на квартире. «Тебя, наверное, отравили, — сказал он, выслушав сетования Ежова на здоровье, — у тебя очень паршивый вид»[372]. Узнав о предостережениях Благонравова, Заковский посоветовал отнестись к ним со всей серьезностью и провести по этому поводу специальное расследование.

Слова Заковского окончательно убедили Ежова, и, когда в тот же вечер его навестил М.П. Фриновский, он, рассказав о своих подозрениях, поручил допросить арестованных несколько дней назад бывшего наркома внутренних дел Г.Г. Ягоду и бывшего секретаря НКВД П.П. Буланова, выяснив, не по их ли указанию произведено его отравление.

Фриновский не стал скрывать своего скептического отношения к этой затее, но переубедить Ежова не удалось — пришлось выполнять его поручение.

Кроме Фриновского Ежов подключил к расследованию еще и начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД Н.Г. Николаева-Журида. Вызвав его к себе и объяснив ситуацию, Ежов приказал провести тщательное обследование своего служебного кабинета и установить, не подвергались ли находящиеся в нем предметы обработке каким-либо отравляющим веществом, ведь столовой НКВД он давно уже перестал пользоваться, а здоровье все не улучшалось.

Два или три дня спустя Фриновский и Николаев-Журид доложили Ежову о результатах проведенного расследования: Ягода и Буланов ни в чем не признались, а в кабинете, при

всем старании, никаких признаков отравляющих веществ обнаружить не удалось. Однако поколебать уверенность Ежова в своей правоте было уже невозможно. Фриновский получил задание продолжить работу с Ягодой и Булановым и добиться необходимых показаний, а Николаеву-Журидy было рекомендовано проконсультироваться со специалистами-химиками о возможных методах отравления помещений.

В Военно-химической академии РККА, куда работники Оперативного отдела обратились за помощью, им посоветовали принести для экспертизы какие-нибудь предметы, находившиеся в обследуемых кабинетах. Тщательно осмотрев и обнюхав присланные вещи (ковер, гардины, кожаное кресло, ящик от письменного стола, телефонные аппараты и ворс от кресла), военные химики установили, что, по крайней мере, такие хорошо им знакомые отравляющие вещества, как иприт и люизит, в данном случае не применялись. На нижних концах гардин и на ковре были обнаружены какие-то пятна, однако определить их химический состав, не зная, хотя бы примерно, в каком направлении следует вести поиск, было очень сложно.

Встретившись с Николаевым-Журидом, начальник Военно-химической академии Я.Л. Авиновицкий попросил его указать симптомы заболевания, вызванного предполагаемым отравлением, и, получив ответ, пришел к выводу, что названные признаки напоминают отравление свинцом или ртутью. Свинец в присланных предметах обнаружить не удалось, а вот проба на ртуть дала положительный результат. Правда, речь шла о ничтожных количествах данного вещества, и это диктовало необходимость повторных анализов.

Получив **10** апреля **1937** года акт проведенной экспертизы, содержащий ключевое слово «ртуть», работники Оперативного отдела сразу, видимо, вспомнили еще об одном происшествии со ртутью, которое за несколько дней до этого оказалось в поле их зрения. **2** апреля в вахтерской комнате дома номер **9** по улице Мархлевского, где проживали руководящие работники НКВД, был обнаружен пузырек с ртутью. В объяснительной записке вахтер П.А. Чикин сообщил, что указанный пузырек, а кроме того, еще и чей-то паспорт, ему передал личный порученец Ягоды И.М. Саволайнен, просивший отдать их тому, кто за ними придет. Так он обычно поступал и раньше, поэтому никакого значения этому эпизоду вахтер не придал. Поначалу не придали ему значения и в Оперативном отделе, однако теперь все связанные с ртутью события приобретали совершенно иной смысл, выстраиваясь в определенную и весьма перспективную следственную схему.

Саволайнена, арестованного несколькими днями раньше, подвергли допросу с пристрастием, однако силой ничего от него добиться не удалось. Пришлось пойти на хитрость. Были изготовлены фальшивые протоколы допросов его непосредственных начальников Ягоды и Буланова, содержащие их признания в отравлении Ежова при участии Саволайнена, и, благодаря этой уловке, работать с ним стало гораздо легче. Кроме того, в нужный момент было организовано появление в следственном кабинете М.П. Фриновского, который, поинтересовавшись, как идут дела, сказал Саволайнену: «Нужно сознаваться, а потом поговорим о твоей судьбе»[373].

В конце концов с помощью этих ухищрений, подкрепляемых непрекращающимися избиениями, Саволайнен был сломлен и написал продиктованные ему Николаевым-Журидом и его помощником С.Г. Жупахиным так называемые «собственноручные признания».

Показания Саволайнена были использованы при допросах Буланова и Ягоды (последнего допрашивал сам Ежов), в результате чего к концу апреля **1937** года признательные показания удалось получить и от них*.

* Впоследствии, как уже говорилось, Буланов и Ягода были выведены на открытый судебный процесс, а Саволайнена расстреляли в августе **1937** г.

Тем временем военные химики продолжали изучать присланные им из НКВД предметы служебной обстановки кабинета Ежова, а также пробы воздуха, взятые в самом кабинете и в примыкающих к нему помещениях. В воздухе ртуть также была обнаружена, правда в очень небольших количествах. Сообщая в Оперативный отдел о сделанном открытии, начальник Военно-химической академии Я.Л. Авиновицкий признал обследуемое помещение непригодным для проживания (о том, что речь идет о служебном кабинете, тем более Ежова, ему из конспирации не сообщали).

Кабинет наркома был переведен на другой этаж, но на этом работа химиков не закончилась, так как Ежову пришло в голову проверить наличие ртутных паров в его старой квартире в Большом Кисельном переулке и в новой — в Кремле, куда он только что переехал. Как ни странно, следы ртути были обнаружены в обеих квартирах. Проверили дачу — ртуть была выявлена и там.

На этот раз Ежов никуда уже переезжать не стал, а ограничился заменой обслуживающего персонала и дегазацией помещения по рекомендованной Авиновицким схеме. Проведенные несколько дней спустя повторные анализы воздуха подтвердили действенность этих мер — ртуть из воздуха исчезла. Остался, однако, вопрос — откуда, вообще, она там взялась. Если в служебный кабинет наркома подручные Ягоды еще могли, хотя бы гипотетически, проникнуть, то в кремлевскую квартиру Ежова, где он проживал всего несколько недель и где за это время успели побывать лишь самые приближенные к нему люди, доступа у них не было уж точно. Однако это противоречие никого особенно не смутило, и версия об отравителях-ягодинцах продолжала разрабатываться с тем же усердием, что и прежде.

Помимо анализов на ртуть, один из предметов домашнего обихода Ежова, наиболее часто контактирующий с его телом, был на всякий случай обследован на предмет возможного заражения высокотоксичными ядами или патогенными бактериями. Объектом изучения стали бритвенные принадлежности: лезвия и ремень для их правки. Сначала были сделаны смывы с трех лезвий, затем приготовлен водно-спиртово-ацетоновый экстракт из массы, соскобленной с рейня для правки, и наконец получена вытяжка из этой массы в **10%**-ной соляной кислоте. Все эти составы ввели подкожно подопытным кроликам, однако никакого токсического действия обнаружить не удалось.

Вслед за этим смывы с лезвий и масса, соскобленная с ремня для правки, были посеяны на питательный бульон. После суток пребывания в термостате бульонные культуры были перенесены на агар, и выросшие на нем культуры микроорганизмов опять же ввели кроликам, что, как и в прошлый раз, не причинило им никакого вреда.

Этим можно было бы ограничиться, но служебное рвение военных химиков было столь велико, что в дополнение к экспериментам с животными они решили провести испытания еще и на себе. Лезвиями, которыми пользовался Ежов, четверо исследователей выбрили себе предплечья, и их начальник Я.Л. Авиновицкий пообещал при появлении признаков поражения кожи или какого-нибудь общего заболевания немедленно сообщить о случившемся в Оперативный отдел.

Изучением воздуха в жилых и служебных помещениях, связанных с пребыванием Ежова, Военно-химическая академия занималась около полутора месяцев, а затем к этой работе подключилась химическая лаборатория Института по изучению профессиональных заболеваний им. В.А. Обуха. Судя по сохранившимся отчетам, исследования продолжались по крайней мере до марта **1938** года, и периодически в пробах воздуха, взятых уже в новом рабочем кабинете Ежова, а также на его квартире и даче, обнаруживались следы ртути. Более того, когда в октябре **1937** года решили посмотреть, как обстоит дело в других помещениях, и проверили кабинеты М.П. Фриновского и начальника Секретариата НКВД И.И. Шапиро, выяснилось, что следы ртути в воздухе присутствуют и там[374].

С мая **1937** года еще одним объектом пристального внимания чекистов стала моча Ежова. Каждые несколько дней на протяжении полутора лет бутылки с мочой наркома передавались в химическую лабораторию Института профессиональных заболеваний им. В.А. Обуха или в биохимическую лабораторию Всесоюзного института экспериментальной медицины, и время от времени обе организации сообщали об обнаружении злополучного химического элемента.

Поскольку, как разъяснили специалисты, выделение ртути организмом происходит в основном в первые **3-4** недели после состоявшегося контакта, регулярное появление ее в моче могло свидетельствовать о продолжающихся попытках отравления Ежова. Поэтому, когда становилось известно о «плохих» анализах, Ежов начинал нервничать, в помещениях менялась мебель, ковры, портьеры, делались анализы воздуха и производилась дегазация. Снова и снова проверялся обслуживающий персонал.

Отчаявшись понять, что происходит, начальник Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагин, на которого с лета **1937** г. была возложена обязанность обеспечивать безопасность наркома, обратился к лечащим врачам Ежова с просьбой объяснить, каким образом ртуть может периодически **пр**оявляться в моче человека, который никак с ней не контактирует.

Как рассказывал потом Дагин, профессор В.Н. Виноградов и доктор В.Д. Зипалов высказали мнение, что наличие ртути, возможно, связано с употреблением в прошлом ртутьсодержащих препаратов, применяемых при лечении ряда заболеваний, в частности сифилиса, и что та часть ртути, которая в организме осталась, может впоследствии выделяться в каких-то количествах в случае приема больших доз спиртного[375].

На медицинские препараты, используемые при лечении сифилиса, Виноградов намекал и

начальнику Оперативного отдела Николаеву-Журиду, который, как уже говорилось, занимался на первых порах историей с «ртутным отравлением». Но ни Дагин, ни Николаев-Журид так и не решались поговорить с Ежовым на эту тему.

Конечно, на фоне существовавшей в то время версии об отравлении, предположения придворных докторов выглядят несколько странно, но, по-видимому, у ближайшего окружения Ежова официальное объяснение причин его недомогания не вызывало большого доверия, и в кругу «своих» высказываться на эту тему можно было более или менее безбоязненно.

Лечился ли Ежов от сифилиса или нет — неизвестно. В мае **1934** года, когда он в очередной раз попал в Кремлевскую больницу, какие-то из симптомов, по-видимому, показались врачам подозрительными, и было проведено соответствующее исследование крови (реакция Вассермана). В тот раз сифилис у Ежова обнаружен не был, но ничто, конечно, не мешало ему переболеть им в предшествующие годы.

Однако если по поводу ртути в моче Ежова имеется хоть какая-то версия, то появление данного вещества в служебном кабинете Наркома, в его квартире и на даче, а также в кабинетах его ближайших соратников объяснить уже гораздо труднее. Не исключено, правда, что какие-то содержащие ртуть препараты, например сулема, могли время от времени использоваться для санитарной обработки служебных и жилых помещений, и это приводило к появлению в воздухе незначительного количества ртути. Но разобраться сейчас в этом вопросе уже очень сложно, и единственное, что можно утверждать со всей определенностью, это то, что никаких достоверных фактов, свидетельствующих об умышленных действиях, имеющих целью нанести ущерб здоровью Ежова, ни тогда, ни впоследствии обнаружено не было.

Эпизод с «отравлением» Ежова занял не так уж много места на процессе «правотроцкистского блока». Правда, Вышинский, обрадованный тем, что хоть одно из приписываемых подсудимым преступлений может быть подтверждено какими-то вещественными доказательствами (экспертным заключением по поводу обнаруженных в рабочем кабинете Ежова следов ртути, анализами его мочи и т.д.), готов был сделать данный сюжет чуть ли не центральным пунктом процесса. Но Ежов, понимая, что излишнее внимание к его персоне может выглядеть как проявление нескромности с его стороны, убедил Вышинского не делать этого. Однако и то, что осталось, возможно, не очень понравилось вождю. Хотя проявившееся вскоре после процесса охлаждение Сталина к Ежову имело в своей основе совершенно другие причины, не исключено, что некоторое выпячивание роли Ежова в ходе процесса «правотроцкистского блока» также могло наложить определенный отпечаток на отношение Сталина к своему верному оруженосцу.

Часть V.
ФИНАЛЬНЫЕ АКТЫ ДРАМЫ

Глава 31. Неожиданное назначение
Глава 32. Бегство Люшкова
Глава 33. Проблемы с кадрами
Глава 34. Явление Берии
Глава 35. Мавр сделал свое дело…
Глава 36. Беда не приходит одна
Глава 37. Петля затягивается
Глава 38. В застенках Сухановки
Глава 39. «Прошу расстрелять меня спокойно, без мучений»
Глава 40. Вместо эпилога

31. Неожиданное назначение

Радикальная чистка советского общества постепенно приближалась к своему завершению, и в связи с этим Сталин не мог не задумываться над тем, что же делать дальше с Ежовым. Из поступающих со всех сторон писем и заявлений граждан вождь знал, что нахлынувшая на страну волна террора воспринимается многими как самодеятельность органов НКВД, и в этих условиях оставлять в своем ближайшем окружении Ежова — значило бы признать, что никакой самодеятельности в действительности не было, а все происходившее делалось с ведома и по поручению верховной власти.

Следовательно, с Ежовым необходимо было расстаться. Но как? Можно было, конечно, пойти обычным путем и после того, как массовая операция закончится, отстранить его от занимаемой должности, объявив стране, что он был замаскированным врагом, проводившим по заданию иностранных разведок необоснованные репрессии против советского народа.

Однако этот вариант был совершенно неприемлем по нескольким причинам. Во-первых, сразу же возникал вопрос, куда смотрел сам Сталин, как мог он так ошибиться в своем «верном ученике», почему оставил его без какого-либо контроля, позволив в считанные месяцы репрессировать сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Во-вторых, если признать, что проводившиеся в стране репрессии были необоснованными, то необходимо будет пересматривать все судебные и следственные дела, объявлять пострадавших невиновными и освобождать из тюрем и лагерей тех, кто сумел уцелеть.

В-третьих, ближайшее окружение Сталина прекрасно знало, чьи указания Ежов так усердно выполнял все это время, и попытаться теперь свалить ответственность на него — значило бы предстать перед соратниками не мудрым правителем, каким все привыкли его считать, а человеком трусливым, коварным, способным в следующий раз точно так же поступить и с любым из них.

Таким образом, вариант, предполагающий публичные обвинения в адрес Ежова, не подходил, нужно было придумать что-то другое.

В конце концов Сталин остановился на схеме, предусматривающей мягкий, постепенный вывод Ежова из игры без каких-либо официальных обвинений в его адрес. В то же время сам факт удаления Ежова с политической сцены свидетельствовал бы о том, что оказанного ему высокого доверия он не оправдал и что в важной и ответственной работе по искоренению врагов народа им были допущены какие-то серьезные просчеты и ошибки.

Сталин не мог, конечно, рассчитывать на то, что его репутация в этом случае совсем не пострадает. В конце концов именно он вознес Ежова на политический пьедестал, он поручил ему бороться с врагами, и он же должен был присматривать за его деятельностью. Однако выйти из данной ситуации совсем без потерь было все равно невозможно, а при таком варианте они оказывались все же меньше, чем при каком-то другом.

Решив в общем виде, что делать с Ежовым, надо было придумать теперь, как все это осуществить чисто практически. В качестве первого шага можно было подыскать ему какую-нибудь дополнительную должность. Когда после окончания периода массовых репрессий нужно будет, не привлекая особого внимания, убрать его с поста наркома внутренних дел, чрезмерная загруженность работой должна будет стать убедительным аргументом в пользу того, чтобы уменьшить бремя возложенных на него обязанностей за счет НКВД. Кроме того, перегруженность делами станет хорошим предлогом для назначения в помощь Ежову опытного заместителя, который впоследствии мог бы возглавить наркомат.

Предложенная Ежову новая должность должна была, конечно, соответствовать его рангу, то есть быть не ниже наркомовской. Однако новый состав Совета Народных Комиссаров был сформирован сравнительно недавно — в январе **1938** года, поэтому первые наркомовские вакансии появились только в начале апреля, когда от своих обязанностей были освобождены наркомы путей сообщения и водного транспорта А.В. Бакулин и Н.И. Пахомов. Наркомат путей сообщения был слишком ответственным учреждением, чтобы поручать его Ежову, а вот Наркомвод, или, сокращенно, НКВТ, подходил как нельзя лучше, и **8** апреля **1938** г. новое назначение Ежова было санкционировано соответствующим решением Политбюро. Какими аргументами Сталин обосновал этот свой выбор, неизвестно, но, по-видимому, речь шла о том, что время массовых операций подходит к концу, и в этих условиях следует подумать и о других участках работы, где тоже нужны хорошие организаторы и непримиримые борцы с замаскированной контрреволюцией.

В принципе, совмещение нескольких наркомовских должностей не было чем-то необычным в советской практике, однако применялось оно сравнительно редко. Но в этот раз, словно специально, чтобы подчеркнуть, что ничего особенного не происходит, второе освободившееся наркомовское кресло было отдано, тоже по совместительству, наркому тяжелой промышленности Л.М. Кагановичу. Правда, в таком назначении была все-таки определенная логика, поскольку Каганович уже руководил данным наркоматом в **1935-1937** гг., кроме того, проблемы, возникающие на стыке двух взаимосвязанных звеньев производственного процесса (изготовления продукции и ее транспортировки), легче было решать, когда за них отвечал один и тот же человек.

Но между НКВД и НКВТ ничего общего, за исключением созвучных аббревиатур, не было, сам же Ежов никакого отношения к водному транспорту никогда не имел. Поэтому поручение ему возглавить еще одно ведомство было лишено какого-либо функционального смысла, а лишь чисто механически увеличивало объем его служебных обязанностей.

Как воспринял расширение круга своих полномочий сам Ежов — неизвестно, однако в обществе некоторая странность нового назначения не осталась незамеченной. И действительно, в то время, когда все силы НКВД должны, казалось бы, быть направлены на завершение разгрома врагов народа, его руководителю вдруг дополнительно поручают какой-то второстепенный участок работы, отвлекая от выполнения основной задачи. К тому же, как «выяснилось» на только что закончившемся процессе «правотроцкистского блока», врагам удалось серьезно подпортить здоровье главного чекиста страны, и в этих условиях возложенная на него дополнительная нагрузка выглядела еще более неуместной. «Ответственность за два таких больших дела, какими ведает сейчас Николай Иванович, — писала в Президиум Верховного Совета СССР одна женщина-врач, — не может не ухудшить его и без того надорванного здоровья. Не медицинским работникам, может быть, это не так ясно, а когда я прочитала сообщение в газете, в душе появилась тревога за одного из лучших людей в стране»[376].

Впрочем, особенно тревожиться не стоило. Не имея возможности реально руководить обоими наркоматами одновременно, Ежов переложил значительную часть обязанностей по НКВД на своего первого заместителя М.П. Фриновского, а сам с головой ушел в наведение порядка на водном транспорте.

Хозяйство досталось ему весьма запущенное. Уже два года наркомат не выполнял государственный план перевозок. За **1937** г. задание по морскому транспорту было выполнено на **77%**, по речному — на **75%**. Серьезную проблему представляла аварийность: в **1937** г. произошло свыше **13** тысяч аварий (на **11%** больше, чем в предыдущем году). Полностью был провален план зимнего судоремонта — к началу навигации **1938** года лишь около **40%** судов смогли приступить к работе, при этом многие из них вскоре были вынуждены стать на повторный ремонт.

Такого рода проблемы были характерны не только для водного транспорта, но и для большинства отраслей советской экономики, однако от этого стоящая перед Ежовым задача легче не становилась.

Наведение порядка в новом для себя ведомстве Ежов начал с кадрового вопроса, и одним из своих первых приказов дал понять руководящим работникам наркомата, что их ожидает в случае, если положение дел на водном транспорте в кратчайший срок не изменится к лучшему.

> «Ввиду того, — говорилось в приказе Ежова по НКВТ от 23 апреля 1938 г., — что начальник Цустройвода* Лаписов вредительски довел работу до полного развала, систематически не выполнял возложенных на него плановых заданий по капитальному строительству, сорвал строительство ряда крупных объектов, чем нанес государству большой материальный ущерб, — снять Лаписова с работы начальника Цустройвода, немедленно арестовать и предать суду.
>
> Настоящий приказ объявить всем начальникам управлений, отделов и секторов Наркомвода СССР и всем начальникам пароходств»[377].

* Цустройвод — Центральное управление строительства НКВТ.

«Приказ наркома, — отмечалось в передовице отраслевой газеты «Водный транспорт», — призывает строителей и всех водников к бдительности, к дальнейшему разоблачению вредительских элементов, которые еще кое-где на водном транспорте притаились. Приказ тов. Ежова является в то же время грозным предупреждением для всех тех, кто своей расхлябанностью, недисциплинированностью и политической беспечностью вольно или невольно играет на руку врагам социалистической родины»[378].

Таких «играющих на руку» оказалось, по-видимому, довольно много, потому что не прошло и нескольких дней, как в наркомате началась масштабная перетряска кадров на всех этажах управленческой вертикали. Но на одни только местные кадры Ежов опираться не захотел. С собой из НКВД он привел группу чекистов, которых расставил на ключевые посты в центральном аппарате и региональных управлениях Наркомвода. Так, начальника Тюремного отдела ГУГБ НКВД Я.М. Вейнштока Ежов назначил своим заместителем, начальник челябинского областного управления НКВД Д.М. Соколинский возглавил Центральное управление морского нефтеналивного флота, начальник одного из отделений Отдела охраны ГУГБ НКВД В.М. Лазебный стал руководителем Центрального управления морских перевозок,

заместитель начальника горьковского областного УНКВД Р.А. Листенгурт оказался во главе Верхневолжского речного пароходства и т.д. Кроме того, Ежов поручил начальнику центрального финансово-планового отдела НКВД Л.И. Берензону возглавить заодно и центральный финансовый отдел НКВТ, а временно — также его плановый отдел.

Свой вклад в решение кадровых вопросов наркомата внес и Сталин. По его инициативе первым заместителем Ежова в Наркомводе был назначен отец-основатель «северокавказской школы» чекистов Е.Г. Евдокимов, работавший на тот момент первым секретарем Ростовского обкома партии.

К этому времени звезда Евдокимова уже закатилась. Серьезные проблемы возникли у него еще осенью **1937** г., в связи с заявлениями, поступившими в ЦК ВКП(б), Комиссию партийного контроля, редакцию «Правды», в которых рассказывалось о его связях с репрессированными «врагами народа» — бывшим заместителем наркома путей сообщения Я.А. Лившицем, бывшим председателем Северо-Кавказского крайисполкома И.Н. Пивоваровым и другими, в результате чего политическая репутация Евдокимова была основательно подпорчена.

В начале ноября **1937** г. Сталин направил в Ростов на должность второго секретаря обкома партии своего давнего помощника, заместителя заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б) Б.А. Двинского. Евдокимов по-прежнему оставался первым секретарем обкома, однако всем вскоре стало ясно, что хозяином положения он уже не является.

Сам Евдокимов, вероятно, наиболее отчетливо осознал этот факт, когда назначенный незадолго до этого начальником местного УНКВД Я.А. Дейч (сам, кстати, бывший северокавказец) стал собирать материалы на лиц из его ближайшего окружения, а затем и арестовывать некоторых из них.

Евдокимов пожаловался Ежову и Фриновскому. На первых порах они ничего не предпринимали, сами, вероятно, не зная, как себя вести в создавшейся ситуации. Но определяться все же пришлось. Произошло это после того, как Дейч получил от кого-то из арестованных показания на Евдокимова, как на участника антисоветского подполья, и прислал их Ежову. Бывший нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский вспоминал позднее:

> «Ежов и Фриновский... так озлились за это на Дейча, что Фриновский заявил мне лично, что он Дейча расстреляет»[379].

В конце января **1938** г. Дейч был отстранен от занимаемой должности, и на его место назначен начальник иркутского УНКВД Г.А. Лупекин.

Однако и при новом руководителе ростовских чекистов ситуация лучше не стала. До начальства в Москве было далеко, а посланец Сталина Двинский — рядом, и, решая, кому из них опаснее не угодить, Лупекин сделал тот же выбор, что и Дейч.

К этому времени все ближайшие соратники Евдокимова были уже арестованы, и из них начинают целенаправленно выбивать показания, изобличающие их патрона.

В результате Евдокимов был окончательно скомпрометирован, и Сталин, вероятно, рассудил, что поблизости от заканчивающего свой политический век Ежова ему будет как раз самое подходящее место.

Конечно, Ежов предпочел бы в качестве первого заместителя в НКВТ иметь человека, разбирающегося в проблемах водного транспорта, однако переубедить Сталина ему не удалось, и **3** мая **1938** года назначение Евдокимова было утверждено решением Политбюро.

Приехав в Москву, Евдокимов первым делом попросил Ежова помочь реабилитировать себя в глазах Хозяина. Рассказав о том, как ростовские чекисты арестовывают невинных людей и создают душе дела, он предложил Ежову передопросить подследственных, давших на него показания, и убедиться, что все их обвинения в его адрес являются вымыслом.

Собственно говоря, долго убеждать Ежова не требовалось, он и сам был заинтересован в том, чтобы не дать Евдокимову утонуть окончательно. Ведь в таком случае оказалась бы скомпрометирована вся северокавказская группа чекистов, занявшая к этому времени важнейшие посты и в центральном аппарате Наркомата внутренних дел, и в его региональных подразделениях. Это, в свою очередь, означало бы, что Ежов, сделав основную ставку на северокавказцев, допустил в своей кадровой политике серьезную ошибку, ставящую под сомнение и его собственную политическую репутацию.

Евдокимова нужно было выручать, и с этой целью Ежов посылает в Ростов для проверки деятельности местного УНКВД бригаду чекистов во главе со своим верным соратником М.И. Литвиным, незадолго до этого назначенного начальником ленинградского управления.

Задача, стоящая перед Литвиным, была не очень сложной. Г.А. Лупекин был известен в НКВД как закоренелый «липач», так что профессионалам, хорошо знакомым с технологией следственной работы, не составило труда доказать, что и в данном случае речь идет об откровенной фальсификации.

С порученным делом Литвин успешно справился. При передопросе все арестованные отказались от своих показаний на Евдокимова, и таким образом от него удалось отвести наиболее опасные обвинения. Конечно, то, что в его ближайшем окружении оказалось столько «врагов народа», нанесло авторитету Евдокимова непоправимый ущерб, но это все же было лучше, чем самому быть причисленным к данной категории, а такая перспектива, похоже, была в тот период вполне реальной.

* * *

После того как первоочередные кадровые проблемы Наркомвода были в основном решены, перед Ежовым с неизбежностью встал вопрос, что же делать дальше, как преодолеть хроническое отставание отрасли, ведь одного только подтягивания производственной дисциплины и сурового наказания нерадивых работников было явно недостаточно. Нужно было при том же уровне финансирования, качества рабочей силы, изношенности оборудования и т.д. найти способ в кратчайший срок резко повысить эффективность труда водников.

В принципе, такой способ в Советском Союзе был к этому времени уже изобретен, и назывался он стахановским движением по имени донецкого шахтера А.Г. Стаханова, перекрывшего в одну из смен в августе **1935** года норму добычи угля отбойным молотком в **14** раз. Уже в ноябре того же года состоялось всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта, на котором почин Стаханова получил высокую оценку Сталина, заявившего, что именно на этом пути страна сможет достигнуть такого уровня производительности труда, который необходим для перехода от социализма к коммунизму.

С тех пор стахановцы появились во всех отраслях народного хозяйства. Были они и в Наркомводе, правда, такой всесоюзной известности, как у самого А.Г. Стаханова или у его последователей — железнодорожника П.Ф. Кривоноса, ткачих сестер Виноградовых и некоторых других, они не имели. А между тем отрасль явно нуждалась в лидере, способном возглавить стахановское движение на водном транспорте, подняв его на качественно новый уровень.

И такой человек нашелся. **20** мая **1938** года в газете «Водный транспорт» было опубликовано открытое письмо Ежову от слушателя Академии водного транспорта А.Ф. Блидмана, который уже долгое время занимался совершенствованием работы погрузочных транспортеров и в данный момент проверял в Днепропетровском порту одну из своих идей. В письме говорилось:

> «В ночь с 16 на 17 мая при погрузке угля на баржу №86 мною с бригадой стахановцев Днепропетровского порта достигнута производительность транспортера «Макензен» в 504 тонны, что составляет против существующей нормы (32 тонны) 1575 процентов».

Далее в письме указывалось, что эти успехи — результат огромного внимания, которое уделяет партия и правительство водному транспорту. «Назначение Вас народным комиссаром, — продолжал Блидман, — воодушевило всех водников, подняло нас на большие деда, на борьбу за превращение водного транспорта в передовую отрасль (народного хозяйства)». Заканчивалось письмо обещанием драться за еще более высокую производительность транспортеров, приложить все силы, все умение, чтобы передать новые методы работы широким массам водников.

Суть метода заключалась в следующем. В соответствии со сложившейся практикой груз на транспортеры доставлялся грузчиками вручную, и от того, как быстро они это делали, зависела скорость погрузки. Блидман заменил грузчиков тремя дополнительными транспортерами, расположенными так, что в процессе работы уголь из уложенных на берегу высоких конусообразных куч ссыпался на них самотеком за счет угла естественного откоса. Поскольку на основной транспортер поступало теперь гораздо больше угля, Блидман увеличил мощность его мотора, в результате чего скорость движения ленты возросла в **4** раза. Были внесены и другие изменения в организацию труда, заранее созданы все условия, необходимые для ударной работы, что и позволило добиться такого высокого результата.

Значение предложенного Блидманом метода определялось тем, что из-за слабой механизации погрузочно-разгрузочных работ пристани и порты фактически представляли собой пункты простоя судов, которые находились здесь в ожидании погрузки и выгрузки от

50 до 70 процентов всего времени.

20 мая 1938 года заместитель Ежова З.А. Шашков в ответной телеграмме поздравил Блидмана с рекордом и выразил надежду, что его стахановская работа послужит примером для всех водников. Блидман был вызван в Москву, и 2 июня 1938 года с ним встретился Ежов и другие руководители наркомата. В газетном отчете о встрече говорилось:

> «Тов. Блидман рассказал народному комиссару о том, как он в течение трех лет боролся за внедрение своего метода работы. Враги, орудовавшие в Днепропетровском порту, мешали тов. Блидману, дискредитировали его смелые начинания, дважды увольняли и грозили даже исключить из комсомола за нарушение правил эксплуатации.
>
> Тов. Ежов подробно расспрашивал т. Блидмана, какие грузы можно перерабатывать с помощью его метода, можно ли его метод применять на погрузке морских судов и прочее.
>
> Народный комиссар предложил организовать в Наркомводе специальную оперативную группу по внедрению метода Блидмана на всем водном транспорте»[380].

15 июня 1938 г. Ежов издал приказ «Об организации оперативной группы по внедрению стахановских методов на перегрузочных работах». Во вступительной части говорилось:

> «Важнейшие решения партии и правительства по вопросам механизации перегрузочных работ упорно игнорировались врагами народа, орудовавшими на водном транспорте. Враги народа и их пособники успешно культивировали антимеханизаторские настроения, внедряли в практику недоиспользование механизмов, создавали разрыв между производительностью машин и количеством грузчиков, их обслуживающих. В результате этой вредительской деятельности часть оборудования оказалась в запущенном состоянии и недоиспользуемой. Ценная инициатива энтузиастов механизаторов и грузчиков упорно глушилась»[381].

Далее в девяти пунктах намечался план работ по внедрению метода Блидмана в практику. В частности, создавалась оперативная группа при наркоме в количестве 17 человек (одним из которых был сам Блидман), организовывались шестидневные курсы по изучению данного метода, куда следовало направлять лучших грузчиков и механизаторов. Политуправлению наркомата было поручено широко развернуть разъяснительную работу и т.д. и т.п.

* * *

Уже два месяца Ежов занимался проблемами водного транспорта, не имея возможности столько времени, сколько раньше, уделять своей основной работе. Однако система не была рассчитана на его отсутствие, поскольку не обладавший подвижническим усердием Ежова Фриновский самостоятельно управлять громоздкой машиной НКВД был явно не в состоянии.

К весне 1938 года численность наркомата достигла 1 млн. 53 тыс. человек, и еще 44 тысячи штатных единиц находились на утверждении в правительстве. В системе ГУГБ НКВД и в региональных управлениях госбезопасности работало около 54 тысяч сотрудников, 259 тысяч человек служили в пограничных и внутренних войсках, 195 тысяч — в милиции, 132 тысячи — в подразделениях ГУЛАГа, 125 тысяч — в системе Главного управления шоссейных дорог и т.д.[382] В лагерях, колониях и тюрьмах находилось свыше 2 миллионов заключенных, немалую часть среди которых составляли лица, обвиняемые в так называемых контрреволюционных преступлениях.

Все это сложное хозяйство требовало повседневного внимания, однако Фриновский, хотя и остался за Ежова, в первую очередь занимался все-таки делами подведомственного ему Главного управления государственной безопасности. Но даже и здесь периодическое отсутствие Ежова начинало уже сказываться, и первым стало пробуксовывать следствие. Сотни видных партийных, советских, хозяйственных и военных руководителей месяцами находились под арестом, однако перегруженным работой следователям никак не удавалось закончить их дела. После назначения Ежова наркомом водного транспорта ситуация еще больше осложнилась, поскольку оставшиеся без каждодневной опеки чекисты могли позволить себе немного расслабиться, что они и сделали.

Обнаружив, что следствие сбавляет обороты, Сталин не замедлил высказать Ежову свои претензии. Конечно, Ежову и раньше приходилось выслушивать от Хозяина замечания в адрес своих подчиненных, однако в этот раз он впервые почувствовал, что Сталин недоволен не теми или иными недостатками в работе органов госбезопасности, как это бывало раньше, а им самим, как руководителем НКВД, не справляющимся со своими прямыми обязанностями.

Потрясенный необъяснимой переменой в поведении вождя, Ежов заметался в поисках

выхода из создавшегося положения. Проще всего недостаточную активность подчиненных можно было объяснить саботажем не разоблаченных еще врагов народа, пытающихся таким способом дезорганизовать работу органов государственной безопасности. Как поступать с саботажниками, Ежов знал, но сначала их нужно было выявить, однако Фриновский, которому Ежов приказал в очередной раз заняться чисткой аппарата, под различными предлогами от этого поручения уклонялся. В конце концов во время одного из своих приходов в наркомат раздраженный Ежов заявил, что сам будет проводить чистку, и потребовал принести ему на просмотр личные дела сотрудников Секретно-политического отдела. Однако ничего путного из этой затеи не вышло, в текучке дел ни до какой серьезной проверки руки так и не дошли, и все осталось как было.

А Сталин тем временем находил новые поводы для недовольства своим вчерашним любимцем. В одной из бесед, состоявшейся, судя по всему, в конце мая или начале июня **1938** г., он вдруг припомнил Ежову его прошлую дружбу с Ф.М. Конаром, расстрелянным в **1933** г. по обвинению в шпионаже и вредительстве, и это напоминание сразу же лишило Ежова остатков душевного равновесия.

В свое время Конар был одним из самых близких его Друзей. Их знакомство состоялось в **1928** г. Ежов был тогда заместителе заведующего Орграспредотделом ЦК, а Конар — председателем правления Всесоюзного синдиката бумажной промышленности. Знакомство быстро переросло в тесную дружбу. Они были одногодками, и, помимо этого, их сближению способствовали, вероятно, общие взгляды на жизнь и на способы проведения свободного времени, поскольку Конар, как и Ежов, был большой любитель выпить и «погулять».

Перейдя в Наркомат земледелия, Ежов перевел туда же и Конара, устроив его заведующим планово-финансовым сектором наркомата. Спустя некоторое время после того как в конце **1930** года Ежов вернулся на работу в аппарат ЦК, Конар был назначен заместителем наркома земледелия и оставался на этом посту до начала **1933** года. Их отношения в этот период секретарь Ежова С.А. Рыжова характеризовала впоследствии так:

> «Ежов... не только все свободное время, но и служебное в значительной своей части посвящал Конару. Последний мог беспрепятственно приходить к Ежову в любое время дня, сидеть у него часами, уединившись, рассчитывая на полную его поддержку во всех делах»[383].

А между тем с Конаром было не все благополучно. В ОГПУ имелся на него компромат, в соответствии с которым он подозревался в том, что является членом одной из контрреволюционных организаций, а, кроме того, еще и польским шпионом. До поры до времени этим материалам не давали хода, но в начале **1933**-го они оказались востребованы: в это время как раз шел активный поиск тех, на кого можно было свалить вину за провал политики коллективизации и массовый голод, разразившийся во многих районах страны.

9 января **1933** года Конар был арестован, а два месяца спустя в газетах появилось сообщение Коллегии ОГПУ о приговоре, вынесенном группе работников Наркомата земледелия и Наркомата совхозов — «выходцев из буржуазных и помещичьих классов». «За организацию контрреволюционного вредительства в машинно-тракторных станциях и совхозах ряда районов Украины, Северного Кавказа, Белоруссии, нанесшего ущерб крестьянству и государству и выразившегося в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, поджоге машинно-тракторных станций, машинно-тракторных мастерских и льнозаводов, дезорганизации сева, уборки и обмолота с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода»[384], **35** наиболее активных, с точки зрения ОГПУ, участников «контрреволюционной организации» были приговорены к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу, еще **40** человек — к различным срокам тюремного заключения*.

* После смерти Сталина все они были реабилитированы.

Конар считался руководителем разоблаченной организации, и его имя открывало список осужденных к расстрелу.

Арест своего друга, не говоря уже о его расстреле, Ежов воспринял крайне болезненно еще и потому, что сам некоторым образом пострадал от всей этой истории. То ли у Конара при обыске были обнаружены какие-то компрометирующие Ежова материалы, то ли на допросах в какой-то связи упоминалось его имя, но так или иначе пришлось вести весьма неприятные разговоры на эту тему с тогдашним первым заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой, а возможно, даже и объясняться по этому поводу со Сталиным.

Позднее за разными громкими событиями история с Конаром вроде бы подзабылась, во всяком случае, Ежов на это надеялся, и вот теперь из разговора со Сталиным стало ясно, что

тот ничего не забыл и не собирается забывать, хотя за прошедшие годы Ежов сделал, казалось бы, все возможное, чтобы реабилитировать себя в его глазах.

Нетрудно понять, какие чувства испытал Ежов, сделав это открытие. Наверное, нечто подобное ощущает игрок, поставивший на кон все свое состояние и в какой-то момент вдруг понимающий, что, хотя игра еще продолжается, шансов на победу практически не остается.

Вот в такой момент, когда почва и так уже уходила у Ежова из-под ног, произошло событие, нанесшее окончательный удар по его надеждам вернуть себе расположение вождя.

32. Бегство Люшкова

Ранним утром **13** июня **1938** года двое патрульных маньчжурской пограничной охраны, несшие службу на участке советско-маньчжурской границы в районе г. Хуньчунь, заметили в предрассветном тумане силуэт приближающегося к ним человека. Пограничники окликнули его, в ответ на что незнакомец поднял вверх руки, выказывая готовность сдаться.

На допросе задержанный сообщил, что является начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшковым и что решение перейти границу и попросить политического убежища он принял из опасений за свою жизнь.

Свою чекистскую деятельность **38**-летний комиссар государственной безопасности **3**-го ранга Генрих Самойлович Люшков начинал на Украине в **1920** году. В служебной характеристике того времени упоминалось как особое достоинство его стремление во что бы то ни стало добиваться намеченной цели и вместе с тем отмечалось, что препятствием для служебного роста является чересчур мальчишеский вид, из-за которого ему было бы трудно выполнять роль руководителя.

Отмеченный недостаток Люшков впоследствии довольно быстро изжил и вполне успешно продвигался по ступенькам карьерной лестницы, достигнув к **1931** году должности начальника Секретно-политического отдела ГПУ Украины, после чего был переведен на работу в центральный аппарат в Москву.

В декабре **1934** года, будучи заместителем начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, он принимал активное участие в проходившем в Ленинграде расследовании обстоятельств убийства С.М. Кирова. И хотя Люшков был тогда одним из тех, кто пытался противодействовать попыткам Ежова и Косарева контролировать следствие, Ежов впоследствии не питал к нему вражды: в конце концов нужный результат был достигнут, а все остальное не имело принципиального значения.

После возвращения из Ленинграда Люшков оказывается среди лиц, особо приближенных к тогдашнему наркому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде, и используется последним для контроля за обстановкой в Секретно-политическом отделе. Люшков готовит важнейшие приказы Ягоды по НКВД, а также наиболее значимые докладные записки за его подписью в адрес ЦК ВКП(б).

В **1935-1936** гг. он участвует, помимо прочего, в таких громких расследованиях, как «кремлевское дело» и дело «троцкистско-зиновьевского объединенноготеррористического центра». По завершении процесса «троцкистско-зиновьевского центра» назначается в конце августа **1936** г. начальником азово-черноморского краевого управления НКВД (в зоне ответственности которого находилась, в частности, и дача Сталина в Сочи).

Когда уже при Ежове в НКВД началась кадровая чистка, Люшков активно включился в нее, посылая в Москву компрометирующие материалы на своих коллег[385].

В начале июля **1937** года, в период массового награждения работников НКВД, его награждают орденом Ленина, а в конце того же месяца он получает новое назначение. В то время, в связи с начавшейся японской интервенцией в Китае, ситуация в данном регионе становится предметом особого внимания советского руководства, и опытному чекисту Люшкову дается задание возглавить дальневосточное краевое управление НКВД. **28** июля **1937** г. он был приглашен в кремлевский кабинет Сталина и в ходе пятнадцатиминутной аудиенции получил от вождя краткий инструктаж относительно своих будущих обязанностей.

Его приезд в Хабаровск в первых числах августа **1937** г. совпал с началом массовой операции по репрессированию бывших уголовников, кулаков и других так называемых антисоветских элементов. Люшков энергично взялся за эту работу, а заодно провел чистку местного УНКВД, арестовав прежнего начальника управления Т.Д. Дерибаса, двух его заместителей и еще почти два десятка чекистов (к концу года за решеткой находилось уже более **40** работников УНКВД, в том числе почти все руководители оперативных

подразделений). Им было предъявлено обвинение в принадлежности к правотроцкистской организации, якобы существовавшей в системе органов НКВД Дальнего Востока[386].

В январе 1938 года Люшков приехал в Москву для участия в работе первой сессии Верховного Совета СССР (на прошедших в декабре 1937 г. выборах он был избран депутатом от Дальневосточного края). Как вспоминал позже М.П. Фриновский, в один из тех дней Люшков пришел к нему в кабинет крайне взволнованный и сказал, что при выходе из гостиницы заметил за собой слежку. Из этого Люшков сделал вывод, что ему не доверяют, и был очень удручен тем, что ни Ежов, ни Фриновский не сочли нужным поговорить с ним напрямую.

Фриновский заверил Люшкова, что наружного наблюдения за ним никто не устанавливал и недоверия к нему ни он, ни Ежов не испытывают, наоборот, принимают все меры для того, чтобы защитить его от необоснованных обвинений, если таковые появляются.

Дело в том, что развернувшаяся в НКВД кампания по разоблачению «заговора Ягоды» не могла, конечно, не затронуть Люшкова, как одного из наиболее приближенных к Ягоде людей. В показаниях арестованных чекистов, наряду с другими «заговорщиками», называлась и его фамилия, и приходилось затрачивать определенные усилия, чтобы избавиться от этих нежелательных свидетельств.

Наиболее опасное из них было получено еще в июле 1937 г. накануне назначения Люшкова начальником дальневосточного управления. Из НКВД Грузии прислали показания бывшего наркома внутренних дел Закавказской федерации Т.И. Лордкипанидзе, в которых Люшков и некоторые другие видные чекисты обвинялись в принадлежности к контрреволюционной организации, созданной Ягодой.

О материалах, полученных из Грузии, Ежов Сталину докладывать не стал, а распорядился, чтобы Фриновский допросил в соответствующем ключе Ягоду и добился опровержения показаний Лордкипанидзе. Допрашивая Ягоду, Фриновский дал понять, что от него требуется, и тот заявил о непричастности Люшкова к заговору (так же как и других упоминаемых Лордкипанидзе лиц).

Примерно в это же время дал показания на Люшкова и бывший заместитель Ягоды Г.Е. Прокофьев, но при корректировке протокола его допроса соответствующий фрагмент был из текста исключен.

Рассказав Ежову о беседе с Люшковым и о беспокойстве последнего по поводу предполагаемой слежки, Фриновский выразил сомнение, стоит ли так усердно оберегать этого ставленника Ягоды, тем более что об имеющихся на него показаниях многим уже известно, и кое-кто даже в открытую возмущается тем, что он до сих пор еще не арестован.

Однако Ежов заявил, что Люшкову он доверяет, кроме того, вопрос об аресте необходимо было бы согласовывать со Сталиным, которому пришлось бы объяснять, почему в свое время ему не были доложены соответствующие следственные материалы. Поэтому защищать Люшкова необходимо и впредь, подчеркнул Ежов[387].

Уже после того, как Люшков, поучаствовав в работе сессии Верховного Совета, вернулся на Дальний Восток, были получены показания на него от бывшего начальника Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД Л.Г. Миронова и от арестованного во Владивостоке брата заместителя начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции Н.М. Быстрых. С Мироновым Ежов разбирался сам, и в ходе передопроса тот от своих показаний отказался, а что касается Быстрых, то следователям, ведущим данное дело, было поручено представить его аморальным и социально вредным элементом и судить через милицейскую «тройку»* как уголовника.

* Милицейские тройки с правами Особого совещания при НКВД были созданы в 1935 г. для упрощенного (внесудебного) репрессирования уголовников. В состав тройки входили начальник регионального управления НКВД или его заместитель, начальник управления милиций к начальник отдела, представляющего материал на рассмотрение. Милицейская тройка обладала правом осуждения преступника на срок не свыше 5 лет.

Однако если компромат, рожденный в недрах НКВД, Ежов еще мог нейтрализовать, то от доносов, поступающих Сталину напрямую, защитить Люшкова было невозможно. А именно эта угроза вышла на первый план весной 1938 года. Маршал В.К. Блюхер, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией и с 1929 года бессменно находящийся на Дальнем Востоке, где он пересидел уже всех других начальников, чувствовал себя здесь полноправным хозяином и ни с кем не собирался делиться властью. Понаблюдав несколько месяцев за работой нового руководителя Дальневосточного УНКВД, Блюхер во время своего пребывания в Москве в начале 1938 г. поставил вопрос о политическом недоверии Люшкову[388].

Не пошла Люшкову на пользу и история, приключившаяся с его заместителем М.А. Каганом. Они работали вместе уже много лет и были так неразрывно спаяны, что представляли собой, по словам одного из чекистов, как бы не двух, а одного человека. Так же, как и Люшков, Каган беспощадно боролся с «врагами народа», однако, когда дело коснулось его самого, дал слабину — укрыл у себя на квартире бежавшего из тюрьмы брата-троцкиста[389]. Об этом, стало известно Сталину, и по его приказу Каган был арестован.

Лично Люшков в этой истории замешан не был, но такое происшествие с его ближайшим помощником, несомненно, бросало тень и на него самого. В конце концов вождь пришел к выводу, что Люшков не заслуживает больше его доверия, и распорядился отозвать его в Москву и арестовать.

26 мая **1938** года решением Политбюро Люшков был освобожден от обязанностей начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю якобы в связи с переводом на работу в центральный аппарат НКВД. **1** июня в развитие данного решения принимается еще одно, теперь уже касающееся судьбы подчиненных Люшкова. В соответствии с ним был назначен новый заместитель начальника краевого УНКВД, новые начальники управлений НКВД всех восьми областей, входящих в состав Дальневосточного края, а также новые начальники Особых отделов Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. Кроме одного человека, все назначенцы были не из Дальневосточного управления, а со стороны, и такое выраженное недоверие к подчиненным Люшкова достаточно ясно свидетельствовало о том, какая «работа в центральном аппарате НКВД» ожидает его в Москве на самом деле.

Понимая, что такой всплеск кадровых перестановок по Дальневосточному управлению неизбежно Люшкова насторожит (доведись ему узнать об этом), Ежов не спешил закреплять распоряжение Политбюро своим приказом по наркомату, хотя обычно такие приказы издавались им в течение нескольких дней после принятия соответствующих решений Политбюро.

Поскольку излишне подозрительный Люшков, узнав о своем отзыве в Москву, мог почувствовать неладное и, поняв, что терять уже нечего, начать играть не по правилам, Ежов решил подготовить его к этому событию исподволь. В телеграмме, отправленной в Хабаровск **26** мая **1938** г., Ежов писал:

> «Учтите, что в ближайшее время, в связи с реорганизацией ГУГБ НКВД*, предполагаем вас использовать [в] центральном аппарате. Подбираем вам замену. Сообщите ваше отношение к этому делу»[390].

* Реорганизация Главного управления государственной безопасности в это время действительно проводилась.

Полученный два дня спустя ответ гласил:

> «Считаю за честь работать [под] Вашим непосредственным большевистским руководством. Благодарю за оказанное доверие. Жду приказаний. 28 мая 1938 г. Люшков»[391].

Ответ Люшкова по своей форме ничем не выдавал тех мучительных раздумий, которые охватили его после получения послания Ежова. А раздумывать было над чем. Прежде всего, подозрительно выглядела сама телеграмма. Если новое место работы ему определено и даже подбирается замена, то спрашивать его согласия уже поздно. К тому же естественнее было бы выяснить желание работать не вообще в центральном аппарате, а на какой-то конкретной должности, однако она указана не была. Довольно странным казалось и упоминание о преемнике, как будто и так не было ясно, что перевод на работу в Москву потребует подбора преемника.

Кроме того, как опытный чекист, Люшков, несомненно, чувствовал, что отношение к нему в Москве постепенно ухудшается, и в этих условиях назначение на новую ответственную должность, тем более в центральном аппарате, выглядело совершенно неправдоподобным. Неизвестно было, и какие показания дает в тюрьме его заместитель М.А. Каган. При тех методах допросов, которые применялись теперь в НКВД, нельзя было поручиться, что он не оговорил не только себя, но и своего друга-начальника.

Взвесив все обстоятельства, Люшков пришел к однозначному выводу: перед ним ловушка, одна из тех, в которую угодило уже большинство старых чекистов. К концу мая **1938** г. из **41** комиссара государственной безопасности, имевших это высшее чекистское звание на момент прихода в НКВД Ежова, на свободе оставалось (включая самого Люшкова) лишь **10** человек. Один (А.А. Слуцкий) скончался при неясных обстоятельствах, трое других — застрелились (начальники горьковского, харьковского и московского областных управлений НКВД М.С. Погребинский, С.С. Мазо и В.А. Каруцкий), а остальные были арестованы, и многие из них к этому времени уже расстреляны.

Теперь, понял Люшков, очередь дошла и до него, и, если не принять каких-то экстраординарных мер, ему ничего не останется, как только разделить судьбу своих бывших коллег. После двухнедельных тяжелых раздумий Люшков пришел к выводу, что выход у него только один — бежать.

9 июня он сообщил своему заместителю Г.М. Осинину-Винницкому о необходимости срочно выехать в район пограничного города Посьет, где у него якобы должна состояться встреча с особо важным агентом, имеющим доступ в высшие круги маньчжурской администрации и командования оккупационных войск.

Прибыв на поезде в г. Ворошилов и проведя короткое совещание в местном УНКВД, Люшков на автомобиле отправился в Посьет. Посьетский участок границы был наиболее удобен для задуманного: здесь не было естественных преград, а на сопредельной стороне, поблизости от границы, располагались штаб одного из подразделений Квантунской армии и пограничный разведывательный пункт японской военной миссии в Харбине.

В Посьете Люшков заслушал доклад начальника **59**-го погранотряда К.Е. Гребенника об обстановке на охраняемом участке, после чего в сопровождении одного из чекистов выехал к месту предполагаемой встречи с агентом, которая якобы должна была произойти в непосредственной близости от границы. Оставив своего спутника в засаде неподалеку от «места встречи» (подразумевалось, что в случае опасности тот должен будет прийти ему на помощь), Люшков направился в сторону границы и несколько мгновений спустя растворился в ночной темноте.

* * *

Узнав об исчезновении Люшкова, Ежов испытал сильнейший стресс. Стало ясно, что все его надежды улучшить отношения со Сталиным потерпели крах. Независимо от того, бежал ли Люшков сам или его каким-то образом ухитрились захватить японцы, виноватым станут, конечно, считать его, не сумевшего создать условия, исключающие такой вариант развития событий.

На всякий случай Ежов послал Фриновского на телеграф запросить Хабаровск, не оставил ли Люшков каких-нибудь писем или записок. Однако Фриновский вернулся ни с чем.

Полгода спустя в письме к Сталину Ежов так описывал свое тогдашнее состояние:

> «Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского и предложил вместе поехать докладывать Вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: «Ну, теперь нас крепко накажут». Это был настолько очевидный и большой провал разведки*, что за такие дела, естественно, по головке не гладят» [392].

* Под разведкой в те годы часто подразумевали органы госбезопасности в целом.

По свидетельству бывшего начальника Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагина, рассказывая о бегстве Люшкова, Ежов стал плакать и говорить: «Теперь я пропал»[393].

Первые сведения о Люшковс появились в иностранной прессе **24** июня **1938** г., и из них следовало, что он перешел на территорию Маньчжурии и сдался местным властям. Так это было в действительности или нет, в Москве не знали, и Фриновский получил от Сталина распоряжение отправиться в Хабаровск и разобраться во всей этой истории на месте.

Перед отъездом Ежов и Фриновский обсудили основные направления предстоящего расследования. Было решено, что, если речь идет о похищении Люшкова японцами, нужно будет разобраться, не было ли предательства со стороны пограничников и не содействовали ли они уводу Люшкова в Маньчжурию. Если же выяснится, что Люшков сбежал, следует сосредоточиться на поиске местных причин, приведших к случившемуся, для чего необходимо, в частности, изъять из материалов следствия телеграмму, уведомляющую Люшкова о предстоящем отзыве в Москву, поскольку в нынешних условиях она может уже рассматриваться как обстоятельство, спровоцировавшее побег. В качестве его основной причины было бы желательно выставить распускаемые Блюхером слухи об утрате Люшковым политического доверия, и в любом случае должны быть приняты все меры, чтобы информация о ходе расследования к Блюхеру не просочилась[394].

Забегая вперед, можно отметить, что все эти «домашние заготовки» фактически не пригодились. Получение телеграммы скрыть оказалось невозможно, о ней многим было известно. И пограничники все к этому времени были уже допрошены, и ничего предосудительного в их поведении обнаружить не удалось. Кроме того, пока поезд с Фриновским преодолевал восемь с половиной тысяч километров, отделяющих Москву от

Хабаровска, почти все вопросы утратили свою актуальность, так как ситуация вокруг Люшкова прояснилась сама собой.

1 июля **1938** года отдел информации военного министерства Японии распространил сообщение для прессы, в котором говорилось:

> «13 июня в 5 часов 30 минут комиссар государственной безопасности 3-го ранга начальник Дальневосточного управления НКВД Люшков, чувствуя опасность в обстановке развернувшейся в СССР жестокой чистки и с целью получить защиту у нашего государства, перешел маньчжуро-советскую границу в р-не г. Консюн. Люшков арестован пограничной охраной Маньчжоу-Го»[395].

Прошло еще два дня, и страницы японской и мировой прессы стали трибуной для откровений и разоблачений Люшкова.

Упомянув о причинах своего бегства (появившиеся признаки недовольства им в Москве, недавний арест его заместителя, извещение о предстоящем отзыве на работу в центральный аппарат НКВД, что для многих его соратников закончилось арестом и казнью), Люшков рассказал затем о царящей в Советском Союзе атмосфере политического террора. В СССР, заявил он, под видом раскрытия всевозможных заговоров осуществляется уничтожение сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Используя благоприятные возможности, создавшиеся в результате убийства Кирова, Сталин всеми методами стремится избавиться от политических оппонентов или тех, кто может стать ими в будущем.

Указав, что принимал участие в подготовке основных политических процессов периода **1934-1936** гг., Люшков сообщил, что все они были сфабрикованы Сталиным. Убийца Кирова Николаев никогда не принадлежал к зиновьевской оппозиции, а был психически больным человеком, страдавшим манией величия и решившим погибнуть, чтобы стать историческим героем. Точно так же, по словам Люшкова, не имеют ничего общего с действительностью и прозвучавшие на процессе «троцкистско-зиновьевского центра» в августе **1936** г. обвинения троцкистов в сотрудничестве с германским гестапо, а Каменева и Зиновьева — в шпионаже и связях с «правыми заговорщиками» в лице Томского, Рыкова и Бухарина. На самом деле, все они были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике.

Говоря о тех фантастических самообвинениях, с которыми выступили на состоявшихся в Москве открытых судебных процессах видные деятели большевистской партии, Люшков заявил, что все эти «признания» были получены путем жестоких пыток, которым арестованные подвергались до тех пор, пока не соглашались давать показания, угодные следствию. Подтверждением этого служило захваченное Люшковым с собой и опубликованное в газетах предсмертное письмо в адрес ЦК ВКП(б) бывшего помощника командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией по ВВС А.Я. Лапина, покончившего жизнь самоубийством в хабаровской тюрьме в сентябре **1937** г. В этом письме Лапин сообщал, что все показания на себя и на других лиц, которые ему пришлось дать на допросах в Москве, являются вымышленными и были получены после продолжительных избиений, а затем под угрозой новых истязаний.

Во внешнеполитической части своих разоблачений Люшков отметил, что Советский Союз сосредоточил на Дальнем Востоке и в Забайкалье мощную военную группировку, насчитывающую около **400** тысяч человек, сведенных в **25** дивизий, и имеющую на вооружении до **2000** самолетов. Сталин, по словам Люшкова, намеренно способствует затягиванию конфликта между Китаем и Японией, будучи заинтересован в том, чтобы максимально ослабить обе страны. Изнуренная войной Япония уже не представляла бы опасности для СССР, а оказавшийся в таком же положении Китай проще было бы большевизировать, что также входит в сталинские планы.

Помимо сведений, переданных в прессу, Люшков уже без излишней огласки поделился с японцами и кое-какой более конфиденциальной информацией, известной ему в силу служебного положения. Правда, в вопросе о характере и, главное, значимости этих сведений ясности нет до сих пор, и не исключено, что некоторые важные секреты Люшков от японцев все-таки утаил.

Москва прилагала большие усилия, чтобы выяснить местонахождение Люшкова, а если повезет, то и добраться до него. Однако ни один из разрабатывавшихся планов реализовать не удалось, и Люшков благополучно дожил до **1945** г., консультируя японцев по различным интересующим их вопросам.

В июле **1945** года, накануне вступления СССР в войну с Японией, он из Токио, где находился все эти годы, был переведен в распоряжение японской военной миссии в Дайрене (Китай), для работы в интересах Квантунской армии. **9** августа началась советско-японская

война, а уже семь дней спустя командование Квантунской армии объявило о капитуляции. Советские войска стремительно приближались к Дайрену. 19 августа 1945 года, за три дня до взятия города, Люшков был приглашен к начальнику Дайренской военной миссии, который предложил ему покончить жизнь самоубийством, дабы избежать пленения. Такая предупредительность объяснялась, по-видимому, стремлением сохранить в тайне те или иные сведения о деятельности японской разведки, которые стали известны Люшкову за семь лет сотрудничества с ней. Однако Люшков, вероятно на что-то еще надеявшийся, отказался это сделать, и тогда его просто застрелили.

В Советском Союзе информация о бегстве Люшкова оставалась под запретом свыше полувека, и только в 1989 году, в период горбачевской перестройки, общественность страны впервые узнала о событии, о котором весь остальной мир давно уже успел забыть.

33. Проблемы с кадрами

Быстрое ухудшение на протяжении мая-июня 1938 года отношений со Сталиным стало для Ежова настоящей катастрофой. В отсутствие доверия со стороны вождя становилась бессмысленной та тяжелая, изнурительная работа по уничтожению врагов режима, которой он посвятил всего себя и единственной наградой за которую была похвала Хозяина, которой тот время от времени удостаивал своего усердного помощника.

После бегства Люшкова, оставив Наркомат водного транспорта на попечение своего первого заместителя Е.Г. Евдокимова, Ежов возвращается в НКВД, где за прошедшие два месяца ему удавалось бывать гораздо реже, чем того требовали обстоятельства. Однако полноценно работать он был уже не в состоянии и с охватившей его тоской пытается справиться проверенным способом — пьянством.

Этому занятию он предавался и раньше, но преимущественно во внеслужебное время или уезжая из Москвы. Теперь же возлияния все чаще устраиваются и в рабочие часы, в те дни, когда не нужно было встречаться со Сталиным. В обед Ежов отправлялся домой и пил там, а если обедал на службе, то требовал от подчиненных принести ему коньяк, выпивал и тут же в кабинете ложился спать, после чего, не до конца еще протрезвев, принимал сотрудников или ездил на допросы.

Свою конспиративную квартиру на Гоголевском бульваре, предназначенную для встреч с особо важной агентурой, Ежов также приспособил к делу, поскольку это было одно из немногих мест в Москве, где он мог «расслабляться» в рабочее время, не опасаясь огласки.

После окончания работы Ежов часто вез кого-то из приближенных к себе на квартиру или дачу, и попойка продолжалась уже там, затягиваясь иной раз до утра. После такой ночи Ежов являлся на работу часа в 3-4 дня совершенно разбитым, просил принести ему крепкого кофе и боржоми, делами не занимался, а лежал на диване и приходил в себя.

Казалось невероятным, что еще недавно, всего несколько месяцев назад, он сам, пусть и формально, но все же боролся с пьянством среди подчиненных. Когда осенью 1937 г. в ЦК ВКП(б) поступили соответствующие заявления на начальника Управления НКВД по Смоленской области В.К. Каруцкого, Ежов, узнав об этом, решил Каруцкого от занимаемой должности отстранить, а заодно проучить, и, когда тот приехал в Москву, велел Фриновскому арестовать его.

> «Для большего морального воздействия, — вспоминал Фриновский, — Ежов предложил мне выписать ордер на арест Каруцкого и посадить его в тюрьму, как преступника, что мною и было выполнено. Примерно через пять-семь суток Ежов в моем присутствии вызвал к себе Каруцкого и с серьезным видом предложил ему начать давать показания о своей заговорщицкой работе. Каруцкий, растерявшись от неожиданности, обращаясь к Ежову, сказал: «Николай Иванович, Вы же всё знаете, о чем же мне писать?» После этого Ежов рассмеялся и, указывая на меня, сказал Каруцкому, что виновником его ареста являюсь я — Фриновский, и что его арест произведен для того, чтобы Каруцкий прекратил пьянствовать.
>
> Каруцкий здесь же был освобожден, и мы все трое поехали ужинать к Ежову»[396].

Теперь, в отличие от осени 1937 года, пришло время воспитывать самого Ежова. Однако на уговоры подчиненных, убеждавших его бросить пить, он никак не реагировал, и им оставалось лишь с нарастающей тревогой наблюдать за тем, как их руководитель катится все дальше и дальше вниз.

* * *

Масштабная чистка, проводившаяся в НКВД с весны 1937 года, к концу его в основном

завершилась. Представители старой чекистской гвардии, от которых Ежов посчитал необходимым избавиться, были к этому времени уже арестованы, а из остальных сформировалась команда, с которой он собирался работать и дальше. Но, чтобы спокойно работать, нужно было оградить своих людей от всевозможных компроматов, которые в изобилии плодились как в самом НКВД, так и за его пределами. Характерен в этом смысле случай с наркомом внутренних дел Азербайджана М.Г. Раевым, рассказанный бывшим начальником Секретариата НКВД И.И. Шапиро:

> «Два работника из Баку специально приехали в Москву и подали Ежову обширное заявление на Раева о его предательской, подрывной работе в Баку. Ежов их принял, на словах обласкал и обещал тщательно расследовать поданное ими заявление. Расследование ограничилось тем, что Раев был вызван в Москву, и ему было передано заявление, его же изобличающее. Совершенно понятно, какие условия создал Раев для своих разоблачителей, вернувшись в Баку. Они мне звонили и просили доложить Ежову о переводе их из Баку, ссылаясь на невозможные условия работы, созданные для них, и что Раев просто расправляется с ними. Когда я доложил об этом Ежову, он мне ответил: «Ничего, пусть поработают, впредь будут знать, как склочничать»[397].

Бегство Люшкова отчетливо высветило ту сложную кадровую проблему, с которой Ежов столкнулся уже зимой **1938** года и которая с каждым месяцем становилась все более и более актуальной. Подобрав себе команду и получив согласие Сталина на соответствующие назначения, он нес теперь ответственность за своих выдвиженцев, за их политические и деловые качества, и если вдруг его кадры оказывались чем-то скомпрометированы, под удар попадал уже он сам.

Одним из первых таких случаев стала история с начальником Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцким, о чем уже рассказывалось в главе «*Смерть Слуцкого*». Примерно в это же время начинает раскручиваться еще одна неприятная история, связанная на этот раз с начальником Управления НКВД по Орджоникидзевскому краю П.Ф. Булахом.

Массовые фальсификации следственных дел и злоупотребления властью имели место во всех региональных подразделениях, но были здесь и свои лидеры: наркоматы внутренних дел Украины, Белоруссии, Туркмении, управления НКВД по Ленинградской и Свердловской областям, Орджоникидзевскому краю. Сведения об «оперативных перегибах» в орджоникидзевском управлении стали просачиваться в Москву осенью **1937** г., и тогда же для их проверки Ежов направил в край группу чекистов во главе с начальником Секретно-политического отдела М.И. Литвиным. Прибыв в Ворошиловск (административный центр Орджоникидзевского края), Литвин пообщался с местными работниками, с некоторыми из подследственных и по возвращении доложил руководству о своих впечатлениях, Вспоминает бывший начальник Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагин:

> «Я застал Литвина, возвратившегося из командировки, в кабинете Фриновского. Они были вдвоем. Литвин, смеясь, встретил мое появление словами: «Вот еще один член организации», и тут же, перебивая друг друга, Фриновский и Литвин стали мне рассказывать, что Булах от арестованного бывшего секретаря крайкома Рябоконя получил показания об участии в антисоветской организации Горбача [начальник новосибирского УНКВД] и Михельсона [нарком внутренних дел Крымской АССР], а от арестованного бывшего заведующего промышленным отделом крайкома Часовникова получил показания об участии в антисоветской организации Лаврушина [начальник горьковского УНКВД] и Дементьева [начальник архангельского УНКВД)... Помню, Литвин в этом же разговоре мне передал, что Часовников в своем заявлении назвал и меня, но от него этого заявления не приняли: Булах не поверил Часовникову*. Литвин далее рассказал мне, что он проверил на месте следственные материалы, а Рябоконя и Часовникова привез в Москву для передопросов. В последующем Литвин при встрече со мной сообщил, что Рябоконь и Часовников от своих показаний, на чекистов отказались, заявив, что якобы от них этих показаний требовали следователи»[398].

* Автор этого рассказа И.Я. Дагин, как и упоминаемые им чекисты Г.Ф. Горбач, А.И. Ммхельсон, И.Я. Лаврушини В.Ф. Дементьев, до весны-лета **1937** г. работали в Орджоникидзевском крае (так с марта **1937** г. стал называться Северо-Кавказский край), т.е. являлись в прошлом коллегами П.Ф. Булаха, а И.Я. Дагин — его непосредственным начальником.

Конечно, в Ворошиловске М.И. Литвин обнаружил не только те «смешные» вещи, о которых, вернувшись, рассказал товарищам по работе. Наряду с фальсификациями, перешагнувшими все мыслимые пределы, нельзя было не обратить внимание и на масштабы творящихся беззаконий. В поисках мифического «краевого центра» контрреволюционной правотроцкистской организации и ее районных отделений, Булах на подконтрольной ему территории методично перемалывал весь руководящий состав партийных, советских и хозяйственных организаций, в результате чего в некоторых районах было арестовано от **20**

до **50** процентов всех коммунистов. Среди чекистов, знакомых с положением дел в Орджоникидзевском крае, ходила невеселая шутка, что в случае интервенции оккупантам не придется уничтожать местный актив, так как всё за них сделано руками Булаха.

Поставленная на поток фабрикация следственных дел требовала и соответствующего организационно-технического обеспечения, поэтому краевое управление и районные отделы НКВД превратились в настоящие пыточные застенки. Свидетельствует бывший начальник ессентукского горотдела НКВД Г.М. Добыкин:

> «Это было ужасное зрелище, когда нельзя было пройти по коридору третьего, четвертого и других отделов краевого управления. Били в каждом кабинете и кого попало. Приезжающие работники с периферии проходили курс обучения, были такие случаи, когда одного человека избивали по 7-8 человек, и в результате уносили его полуживого»[399].

В тот раз Булах отделался лишь легким испугом. Хотя Фриновский и предложил проинформировать Сталина о ситуации в Орджоникидзевском крае, Ежов на это не пошел. Более того, на состоявшемся в январе **1938** года совещании руководящего состава НКВД он, к удивлению многих присутствующих, фактически поддержал Булаха. Не вполне ясно, чем объяснялось такое его покровительственное отношение к руководителю орджоникидзевских чекистов, которого один из сослуживцев охарактеризовал так: «настоящий, бандит с большой дороги, бродяга и разбойник, типичная фигура таежной России **XIX** века»[400]. Вероятно, Ежову нравилось, с каким рвением Булах борется с «врагами народа», возможно, существовали какие-то другие причины, но, как бы там ни было, прошло совсем немного времени, и с Булахом пришлось все же расстаться. Слишком уж вопиющими оказались результаты его деятельности, и замалчивать их становилось уже опасно.

Булах переусердствовал. Возглавляемое им управление вышло за пределы установленного для Орджоникидзевского края лимита на расстрел, а он не видел в этом ничего особенного, считая утвержденные в Москве количественные параметры простой формальностью. Формальностью считал он, видимо, и то, что многие арестованные не доживали до суда. Так, вследствие жестоких избиений со стороны работников одного из районных отделений НКВД, погибли в ходе допросов семь подследственных, причем одного из них Булах распорядился провести через судебную «тройку» как живого и оформить затем как расстрелянного. Имел также место случай, когда Военная коллегия Верховного Суда, рассмотрев одно из групповых дел, переданных орджоникидзевским управлением, и не найдя оснований для вынесения смертного приговора, направила его на доследование, однако, вместо этого, дело по указанию Булаха было рассмотрено во внесудебном порядке на «тройке», по решению которой все обвиняемые были осуждены к высшей мере наказания.

Опасаясь, что информация о «художествах» Булаха дойдет до Сталина в обход НКВД, Фриновский в конце концов уговорил Ежова «сдать» своего фаворита. Правда, сам Ежов обсуждать с вождем такую скользкую тему не захотел и поручил Фриновскому сделать это в его отсутствие, пока он будет находиться в командировке на Украине. Однако сомнения у него все равно оставались, и когда Фриновский, позвонив в Киев, сообщил о своей беседе со Сталиным, то услышал в ответ: «А стоило ли?» «Я не пойму, — жаловался Фриновский Дагину, — ведь договорились точно, что я пойду в ЦК доложить материалы, а теперь он недоволен. Не пойму я этого»[401].

Решением Политбюро от **21** февраля **1938** года Булах был освобожден от занимаемой должности и отозван в Москву. А тем временем сведения о творящихся в крае бесчинствах получили дополнительную огласку: группе арестованных удалось переслать на имя Сталина заявление, в котором они жаловались на фальсификацию их дел и провокационные методы ведения следствия.

В конце апреля **1938** года Сталин поручил заместителю Ежова по Комиссии партийного контроля (КПК) М.Ф. Шкирятову съездить в Ворошиловск и разобраться в создавшейся ситуации.

С формальной точки зрения Шкирятов был подчиненным Ежова, но, поскольку после перехода в НКВД Ежов делами КПК практически не занимался, Шкирятов обрел достаточную самостоятельность, имел прямой выход на Сталина, так что необходимо было присматривать за ним, чтобы ставшая ему известной информация не ушла наверх бесконтрольно.

В качестве соглядатая Ежов приставил к Шкирятову В.Е. Цесарского, возглавлявшего в то время Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД. Полученные Цесарским инструкции сводились к тому, чтобы ни в коем случае не раздувать данное дело, а, наоборот, свести его, по возможности, на нет, а также постараться, чтобы Шкирятов во всей этой истории

особенно не копался.

Однако выполнить инструкции Ежова Цесарскому не удалось. Шкирятов был опытным аппаратчиком, и провести его было непросто. Вместе с Цесарским он побывал в ново-александровском районном отделении НКВД, откуда поступила жалоба, ознакомился со следственными делами находящихся там заключенных, принял участие в передопросе трех десятков арестованных и в опросе ряда сотрудников НКВД. Поэтому, когда, вернувшись, Цесарский отчитался о проделанной работе, Ежов не мог скрыть своего раздражения.Шкирятов узнал гораздо больше, чем следовало, и не было никакой возможности помешать ему сообщить обо всем увиденном Сталину. Единственное, что можно было сделать, это пригладить, насколько возможно, отчет о результатах проведенной проверки, и по указанию Ежова Цесарский несколько раз переделывал его, убирая наиболее острые моменты и представляя дело таким образом, что речь идет о случайных ошибках, допущенных отдельными работниками.

Но и то, что осталось, выставляло работу местных чекистов в самом неприглядном виде.

> «Краевой и районные аппараты НКВД, — говорилось в отчете, — производили аресты по случайным непроверенным сведениям, на основании заведомо ложных показаний арестованных. Наряду с действительными врагами, арестовывались ни в чем не повинные честные советские люди, лучшие колхозники, честные партийцы... При проведении следствия работники краевого аппарата и районных отделений НКВД подвергали арестованных жестоким избиениям и издевательствам, применяя при этом самые ухищренные способы. Избитых арестованных водворяли затем в общие камеры, где за ставляли их демонстрировать следы побоев, с тем чтобь угрозой избиения повлиять на других арестованных»[402].

Что касается самого возмутителя спокойствия — П.Ф. Булаха, то его в конце апреля **1938** года арестовали. На допросах он неоднократно пытался объяснить, что действовал в соответствии с указаниями Ежова, однако эти заявления следователи у него не принимали, квалифицируя их как провокационные. В конце концов Булах был обвинен в принадлежности к антисоветской организации, созданной в органах НКВД бывшим наркомом Г.Г. Ягодой, и **28** июля **1938** года приговорен к расстрелу.

История с Булахом была в самом разгаре, когда возникли проблемы с одним из наиболее приближенных к Ежову людей — его заместителем и по совместительству начальником московского управления НКВД Л.М. Заковским.

Заковский представлял собой весьма колоритную фигуру. Латыш по национальности (настоящее его имя — Штубис Генрих Эрнестович), в юности он был моряком, побывал во многих странах, а вернувшись в Либаву, примкнул к анархистской организации, занимавшейся распространением нелегальной литературы, а заодно подготавливавшей ограбление одного из либавских банков. Будучи арестован, был приговорен к ссылке в Олонецкую губернию сроком на три года, по окончании которой переехал вначале **1917** года в Петроград. После революции поступил на службу в ВЧК и быстро там себя проявил. Наибольшую известность принесло ему участие в разгроме казанского отделения антибольшевистского «Союза защиты родины и свободы» в августе **1918** г., когда он под видом белогвардейского офицера проник в штаб заговорщиков и арестовал их.

После окончания Гражданской войны работал на руководящих должностях в органах госбезопасности на Украине, в Сибири и Белоруссии. Когда в декабре **1934** г., в связи с убийством С.М. Кирова, начальник ленинградского УНКВД Ф.Д. Медведь был отстранен от занимаемой должности, Заковского назначили на его место.

Именно тогда, в Ленинграде, Ежов близко с ним познакомился, а познакомившись, подружился, чему в немалой степени, вероятно, способствовала их обоюдная любовь к крепким напиткам. И хотя Заковский, занимая ответственные должности в структурах НКВД, сохранил присущие ему в молодости наклонности, за что Ежов чуть ли не в глаза называл его уголовником, это не мешало их отношениям. Ежов был с Заковским на ты, называл его «Ленечкой» и периодически без особой служебной необходимости вызывал на несколько дней в Москву погостить у себя дома.

В конце **1937** года в небе над Заковским появились небольшие тучки — Сталин начал выражать недовольство в связи с доходившими до него сведениями о так называемом бытовом разложении Заковского — пьянках, в том числе и с участием женщин сомнительного поведения.

В этих условиях Ежов счел нецелесообразным оставлять Заковского и дальше в Ленинграде, где у него было слишком много недоброжелателей, не упускающих случая сообщить о его оплошностях наверх. В январе **1938** года удалось добиться согласия Сталина

на перевод Заковского в Москву и назначение заместителем наркома, а по совместительству также и начальником московского управления НКВД. Вероятно, Ежов сумел доказать, что богатый чекистский опыт Заковского принесет пользу при работе в центральном аппарате НКВД, а его вредные привычки легче будет изжить в условиях жесткого контроля, под который он попадет, оказавшись в Москве.

Заковский, ломимо того, что о нем уже говорилось, был известен еще и как один из самых беззастенчивых фальсификаторов*. Приехав в Москву, он от своих методов отказываться не стал, и вскоре местные чекисты (сами по части фальсификаций отнюдь не новички) с удивлением обнаружили, что им есть чему поучиться у других. Так, например, Заковским были введены лимиты на аресты по национальным линиям. Никаких решений Политбюро или приказов НКВД о квотах на репрессирование «национальных контингентов» не существовало, однако Заковского это не смущало. Он успешно использовал данную методику в Ленинграде и не видел причин отказываться от нее в Москве, так что вскоре оперативные подразделения московского управления НКВД получили плановые помесячные задания на арест представителей некоренных национальностей. Установка Заковского «бить морды при первом же допросе» позволила в кратчайшие сроки «выявить» десятки контрреволюционных организаций и групп, якобы созданных на заводах, в учреждениях и воинских частях, и число их росло день ото дня.

* Характерный эпизод такой его деятельности был даже использован Н.С. Хрущевым в качестве примера в знаменитом докладе на XX съезде КПСС в 1956 г. (См — Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С.142-143.)

Возросшая активность московского управления (а она проявлялась не только в отношении «национальных контингентов») высоко оценивалась Ежовым, радовался успехам Заковского на новом месте и Сталин. Получив в феврале 1938 г. сообщение Ежова о том, что в ходе ликвидации «контрреволюционного эсеровского подполья» московским управлением НКВД арестовано 156 человек, в том числе 11 членов партии, Сталин писал:

> «т. Заковский — не т. Реденс*. Видно, что т. Заковский напал на жилу, как говорят золотопромышленники. Реденс как чекист не стоит левой ноги Заковского. Желаю успеха т. Заковскому. Нужно продолжать корчевку эсеров. Эсеры — большая опасность»[403].

* Реденс С.Ф. — предшественник Заковского на посту начальника московского управления НКВД. В январе 1938 г. назначен наркомом внутренних дел Казахской ССР.

Тем не менее, несмотря на впечатляющие успехи в работе, с Заковским, как и с Булахом, пришлось расстаться. В бумагах Ежова в качестве примера прегрешений Заковского встречается без расшифровки упоминание о его «разговорах о Сталине»[404]. По-видимому, речь идет о каких-то дошедших до вождя нелицеприятных высказываниях в его адрес, которые Заковский позволил себе, вероятно, на не вполне трезвую голову, и, если дело обстояло действительно так, это могло стать главной причиной резкого поворота в его судьбе.

Официальная мотивировка была, конечно, другой. На заседании Политбюро 14 апреля 1938 г., где рассматривался вопрос о Заковском, речь шла об упущениях в его служебной деятельности, относящихся к периоду, когда он возглавлял ленинградское управление НКВД. В решении говорилось:

> «1. Ввиду того, что в работе по Ленинградскому УНКВД выяснился ряд серьезных недостатков за период работы т. Заковского, как-то: переписка заключенных с волей... создание ряда дутых дел, засоренность аппарата УНКВД шпионскими элементами, которые работали до последнего времени, несмотря на имеющиеся на них компрометирующие материалы, — ЦК ВКП(б) считает, что т. Заковский не может сейчас пользоваться полностью политическим доверием как руководитель чекистской работы.
>
> 2. ЦК постановляет: освободить т. Заковского от обязанностей заместителя наркома внутренних дел СССР и назначить его начальником строительства Куйбышевского гидроузла, где он должен своей работой восстановить полное к себе доверие»[405].

Однако ни полностью, ни частично восстановить к себе доверие Заковский не успел, так как две недели спустя в соответствии с распоряжением Сталина его арестовали.

В том же апреле 1938 года Ежову пришлось расстаться с другим своим выдвиженцем — бывшим наркомом внутренних дел Украины, а в дальнейшем — начальником Транспортного отдела ГУГБ НКВД И.М. Леплевским. В конце мая, как уже говорилось, настала очередь Г.С. Люшкова, а также еще одного ежовского фаворита — начальника Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева.

Ежов близко познакомился с ним в декабре 1934 года в Ленинграде. Являвшийся в то время помощником начальника Экономического отдела ГУГБ НКВД, Дмитриев входил в состав

бригады чекистов, прибывших для расследования обстоятельств гибели С.М. Кирова, причем лично ему поручено было добиться признаний от убийцы Кирова Леонида Николаева, с каковой задачей он вполне успешно справился. Столь же эффективной была и его работа по так называемому «московскому центру» (декабрь **1934** года — январь **1935**-го), когда, благодаря показаниям, полученным им от одного из арестованных (И.П. Бакаева), удалось ослабить сопротивление других подследственных, и в результате появилась возможность организовать судебный процесс над ними. В **1936** г., еще при Ягоде, Дмитриев был назначен начальником свердловского областного УНКВД, где с тех пор и работал, усердно выявляя и уничтожая «врагов народа», имевших несчастье проживать на подведомственной ему территории.

Дмитриеву был присущ свой собственный стиль, заметно отличающий его от многих других начальников региональных управлений НКВД. Он и его подчиненные старались воздействовать на арестованных не столько битьем, сколько убеждением, усиленно внушая подследственным, что показания, которых они добиваются, нужны партии и стране как документы для изобличения капиталистического окружения, для предъявления претензий к тем или иным иностранным государствам. Арестованным обещали, что после того, как все закончится, они вместе с семьями уедут в другую область, получат там работу, а затем, спустя два-три года, снова смогут вернуться на Урал.

Поскольку партия всегда жила по принципу «цель оправдывает средства», многие заключенные верили в даваемые им объяснения и с большей или меньшей охотой шли навстречу следователям, сочиняя фантастические истории о своей и своих знакомых шпионской, террористической и тому подобной деятельности. В тюрьмах свердловского УНКВД были даже созданы так называемые «коммунистические камеры», где сидели члены партии, выполнявшие, как они думали, задание особой важности и зорко следившие, чтобы к ним в камеру случайно не попал какой-нибудь социально чуждый элемент, например бывший белый офицер или, скажем, священнослужитель.

Избранная Дмитриевым тактика давала хорошие результаты, позволяя регулярно отправлять в Москву все новые и новые телеграммы с ходатайствами на арест выявленных контрреволюционеров — большей частью секретарей районных партийных и комсомольских комитетов, председателей райисполкомов и т.д. Со временем, однако, такая результативность начала многих смущать. По НКВД поползли слухи, что Дмитриев арестовывает кого попало, что не может быть, чтобы почти все деревенские партийные и комсомольские секретари являлись участниками заговора. Но у Ежова подобных сомнений не возникало, и он легко давал санкции на арест заявленных Дмитриевым лиц.

Еще одной особенностью Дмитриева было его бесцеремонное обращение со статистической отчетностью. Когда количество законченных свердловским управлением дел превысило установленные для области лимиты на репрессирование бывших кулаков, уголовников и других так называемых антисоветских элементов, он стал «лишних» подследственных оформлять в бумагах как проходящих по национальным линиям, где лимитов не существовало. В итоге, присылаемые в Москву на утверждение вынесенных приговоров списки осужденных «националов» состояли почти исключительно из русских, украинских и белорусских фамилий. И, как ни поверхностно рассматривались эти списки в Москве, столь явное несоответствие не могло не обратить на себя внимание. Утверждение свердловских заявок стало затягиваться, и в феврале **1938** г. Дмитриев обратился к Ежову с жалобой на то, что его активная работа по национальным контингентам тормозится медленным рассмотрением отправленных в Москву «альбомов»*.

* Так называемые «альбомы» представляли собой амбарные книги, содержащие списки арестованных с указанием фамилии, имени, отчества и других установочных данных, плюс краткое изложение выдвинутых обвинений и предлагаемый приговор.

В ответ Фриновский приказал внимательно обсчитать свердловские заявки, после чего обвинил Дмитриева в том, что под видом национальных операций тот проводит операцию, предусмотренную приказом № **00447**. Так, из **4218** арестованных свердловским УНКВД по польской линии настоящих поляков было только **390** человек, в то время как бывшими кулаками, репрессирование которых должно было проводиться в рамках приказа № **00447**, являлись **3798** человек. Из арестованных по латышской линии все **237** человек оказались бывшими кулаками, латышей же среди них было лишь **12** человек и т.д.[406]. Кроме того, подавляющее число бывших кулаков на момент ареста являлись рабочими, что ставило под сомнение оправданность их репрессирования даже и в рамках приказа № **00447**.

Работники НКВД, сталкивавшиеся по делам службы с результатами деятельности Дмитриева и его подчиненных, не раз обращали внимание Ежова на непорядки в свердловском УНКВД, однако он, по обыкновению, лишь отмалчивался и никаких мер не

принимал.

Из-за чего Дмитриев впал в немилость, неясно. Возможно, до Сталина дошли слухи о чрезмерных злоупотреблениях, допускаемых свердловскими чекистами, возможно, какую-то роль сыграли показания бывшего руководителя Дмитриева Л.Г. Миронова, но так или иначе в конце мая **1938** г. его судьба была решена. **22** мая он отзывается из Свердловска и назначается начальником Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР. И хотя положение дел весной **1938** года, казалось бы, не давало чекистам старой формации оснований для самоуспокоенности, Дмитриев, возможно, так и не понял, что скрывается за новым назначением. Во всяком случае, в конце июня **1938** года он публикует в одной из местных, газет свой новый адрес в Москве, чтобы избиратели, чьи интересы он, как депутат, представлял в Верховном Совете СССР, знали, куда им обращаться со своими запросами после его отъезда из области. Прошло, однако, всего несколько дней, и посылать письма стало уже некуда.

Новому начальнику свердловского УНКВД М.П. Викторову первые месяцы работы пришлось потратить на то, чтобы разобраться с доставшимся ему наследством. В ходе проведенной проверки Викторов освободил из-под стражи большое количество заключенных, а в Москву направил докладную записку, в которой обрисовал методы работы своего предшественника и привел конкретные факты следственных подтасовок и фальсификаций. «При докладе записки Викторова о крупнейших перегибах в Свердловской области, — вспоминал начальник Секретариата НКВД И.И. Шапиро, — Ежов зло заявил мне, что Викторов слишком увлекается в своих обобщениях, все это чепуха, не может такого быть»[407]. Однако предложение Шапиро послать в Свердловск специальную комиссию, которая разобралась бы со всем на месте, Ежов не поддержал.

Поняв, что подобранные им кадры являются одним из его наиболее уязвимых мест, Ежов стал проявлять повышенную заботу о том, чтобы никакая компрометирующая его подчиненных информация не выходила за пределы наркомата. Одним из свидетельств этого может служить история, рассказанная бывшим исполняющим обязанности начальника отдела кадров НКВД СССР С.Б. Балаяном. Действующие лица: сам Балаян, его помощник К.Г. Михайленко, начальник Секретариата НКВД И.И. Шапиро, Ежов, заведующий Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), или, сокращенно, ОРПО, Г.М. Маленков и его заместитель В.А. Донской.

Свидетельствует С.Б. Балаян:

> «В июле 1938 г., в мое отсутствие, из ОРПО ЦК ВКП(б) попросили прислать для просмотра личные дела всех начальников управлений НКВД. Мой помощник Михайленко сообщил об этом Шапиро, который дал указание личных дел не посылать.
>
> Когда я вернулся на работу, мне позвонил заместитель заведующего ОРПО ЦК ВКП(б) Донской и попросил прислать ему указанные дела. Я, не зная о том, что Шапиро запретил Михайленко выполнять требование ЦК, ответил Донскому, что сейчас пришлю личные дела начальников УНКВД.
>
> В это время ко мне зашел Михайленко и сказал о том, что Шапиро ему запретил посылать эти дела. Тогда я обратился к Шапиро, и он подтвердил свое распоряжение, сославшись на указание Ежова.
>
> В скором времени мне позвонил Маленков и категорически предложил выполнить его требование. Я опять пошел к Шапиро. Он в моем присутствии звонил на квартиру Ежова, и Ежов приказал дела не давать, а Маленкову сказать, что дела могут быть даны только по личному распоряжению наркома.
>
> Вскоре мне снова позвонил Маленков и сказал, что вопрос согласован с Ежовым, и я снова стал собирать дела для отправки. Когда дела уже находились в машине, мне позвонил Шапиро и спросил, продолжают ли мне звонить из ЦК. Я ему сказал, что дела уже отправляются и что об этом я сообщил Маленкову.
>
> Тогда Шапиро вызвал меня к себе и снова позвонил Ежову. Ежов меня выругал, еще раз подтвердил свое распоряжение и предложил передать Маленкову, что все дела якобы находятся у него в кабинете и поэтому их взять сейчас нельзя.
>
> В конечном итоге личных дел начальников УНКВД я Маленкову не дал, и он обещал поставить вопрос о моем снятии в ЦК ВКП(б)»[408].

В том, с каким рвением Ежов оберегал личные дела ответственных работников НКВД, не было ничего удивительного. Рекомендуя ближайших соратников на те или иные руководящие посты, он не всегда знакомил Сталина с отдельными фактами из биографий своих выдвиженцев, опасаясь, что это может помешать их утверждению в должности. Кроме того, за последние годы чуть ли не на всех высокопоставленных чекистов были получены разного рода компрометирующие материалы (заявления, доносы и т.д.), поступавшие

непосредственно в НКВД или пересылаемые из партийных и других инстанций. Часть из них попадала в личные дела работников, так что теперь, при желании, многих подчиненных Ежова можно было обвинить в неблагонадежности, а его самого — в укрывательстве политически сомнительных элементов.

Вся эта потенциально взрывоопасная ситуация с кадрами доставляла Ежову немалое беспокойство, осложняя его и без того непростые отношения со Сталиным. Однако, как оказалось, главная кадровая проблема подстерегала его там, где он ее совсем не ждал.

34. Явление Берии

После того как в конце июня **1938** года Фриновский по распоряжению Сталина отправился на Дальний Восток разбираться с обстоятельствами исчезновения Люшкова, Ежов остался без первого заместителя. Возможно, основной смысл инспекционной поездки Фриновского в этом и заключался, поскольку создавшаяся в результате его отъезда ситуация как нельзя лучше способствовала реализации сталинского замысла — подбору нового заместителя наркома, который в дальнейшем, после ухода Ежова, принял бы на себя его обязанности по руководству НКВД.

Вообще-то кандидатура на пост первого замнаркома была и у самого Ежова. Разговоры о возможном переходе Фриновского в Наркомат обороны шли еще с осени **1937** г., и, на случай, если бы такое решение действительно состоялось, Ежов наметил в качестве возможной замены сначала Л.М. Заковского, а когда, в связи с арестом последнего, этот вариант отпал — своего давнего помощника М.И. Литвина. К лету **1938** г. Литвин, возглавлявший в то время ленинградское управление, рассматривался в НКВД как наиболее реальный кандидат на должность первого заместителя наркома. Ежов уже обсуждал данный вопрос со Сталиным, в ожидании вызова к вождю Литвин несколько раз специально приезжал в Москву, однако аудиенция так и не состоялась.

У Сталина имелись свои соображения на этот счет, и Литвин был, конечно, не тем человеком, которого он хотел бы видеть в качестве преемника Ежова.

В одной из бесед с заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым, состоявшейся, по-видимому, в конце июля **1938** г., Сталин дал ему поручение подобрать кандидата на пост первого заместителя наркома внутренних дел, который имел бы опыт работы в партийных органах и органах госбезопасности и которому он, Сталин, мог бы лично доверять[409].

К тому времени в составе высшей номенклатуры выдвинутым условиям соответствовали только два человека: первый секретарь ЦК компартии Грузии Л.П. Берия и первый секретарь ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багиров, и, чтобы выбрать из них более достойного, Сталину совершенно не требовалось прибегать к помощи Отдела руководящих партийных органов. Однако использованная технология позволяла сделать вид, что речь идет об обычном кадровом решении, не преследующем каких-то далеко идущих целей. Ежову еще предстояло завершать начатую работу, и расхолаживать его раньше времени не было никакого смысла. Расчет строился, вероятно, на том, что через свои связи в Отделе руководящих партийных органов, который он возглавлял в **1935-1936** гг., Ежов наверняка узнает о полученном отделом задании, и это, с одной стороны, подготовит его к предстоящему событию, а с другой — ослабит возможные подозрения, поскольку, если бы речь шла о подборе будущего руководителя НКВД, Сталин вполне мог обойтись без чьих-либо подсказок, ввиду крайне узкого круга возможных кандидатов.

Маленков и его сотрудники остановили свой выбор на Л.П. Берии. Чекистский стаж у него был весьма солидный: с **1921**-го по **1931** г. Берия работал в органах ЧК — ГПУ Закавказья, при этом с **1926**-го по **1931** г. являлся председателем ГПУ Грузии, а с апреля по ноябрь **1931** г. возглавлял ГПУ всей Закавказской федерации. В конце **1931** г. он становится первым секретарем ЦК компартии Грузии, а в **1932** г. по инициативе Сталина, высоко оценивавшего его деловые и все прочие качества, Берия, не являвшийся тогда не только членом, но даже и кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был назначен по совместительству еще и первым секретарем Закавказского крайкома, объединявшего компартии трех закавказских республик — Армении, Грузии и Азербайджана, и на этом посту он оставался вплоть до упразднения Закавказской федерации в **1937** году. Так что опыт партийной работы у него тоже был немалый.

Пользовался Берия и доверием вождя, о чем свидетельствовало хотя бы то, что он до сих пор оставался на свободе — среди первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий, занимавших соответствующие должности к началу «большого

террора», это удалось очень немногим. Несомненным преимуществом Берии была также его относительная молодость (39 лет) и то, что, как и Сталин, он был грузином.

Правда, в 1937 г. одно время казалось, что Берия может пополнить собой ряды региональных руководителей, утративших доверие вождя. Сталину не нравилось, как в Грузии и в целом в Закавказской федерации возвеличивают Берию, приписывая ему все мыслимые и немыслимые заслуги в деле социалистического строительства. Однако Берия сделал правильные выводы, пригасил, насколько это было возможно, славословие в свой адрес, и вес обошлось.

На всякий случай Маленков поручил своему заместителю В.А. Донскому подобрать еще несколько кандидатур, чтобы у Сталина была возможность выбора. Шесть дополнительных претендентов не соответствовали условиям, выдвинутым вождем, но в Отделе руководящих партийных органов они считались перспективными кадрами, и, видимо, не исключалось, что кто-то из них может Сталина заинтересовать. Это были третий секретарь Свердловского обкома партии Н.И. Гусаров, ответственные организаторы ОРПО С.Н. Круглов и Н.М. Пегов и еще трое функционеров из номенклатуры Отдела руководящих партийных органов.

По-видимому, Ежову действительно стало известно о той неожиданной кадровой проблеме, с которой он мог столкнуться в самое ближайшее время. Возможно, его бурная деятельность в конце июля 1938 г. (о чем пойдет речь ниже) как раз и имела целью доказать, что со своими служебными обязанностями он справляется не хуже, чем раньше, и что никакие помощники со стороны ему совершенно не требуются.

26 июля 1938 года Ежов направил Сталину список из 139 человек, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Вычеркнув одну фамилию — маршала А.И. Егорова, которому тем самым были дарованы еще семь месяцев следственных застенков, — Сталин и Молотов наложили резолюцию: «За расстрел всех 138 человек»[410], после чего список был передан в Военную коллегию Верховного Суда.

Последний раз санкцию на уничтожение стольких представителей верхнего эшелона власти Ежов запрашивал в ноябре 1937 года. В списке значились 17 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), среди них — бывший кандидат в члены Политбюро, заместитель председателя Совнаркома СССР Я.Э. Рудзутак, заведующие Политико-административным и Сельскохозяйственным отделами ЦК И.А. Пятницкий и Я.А. Яковлев, заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК А.И. Стецкий. Расстрелять предстояло также известных военных деятелей — заместителя наркома обороны СССР, начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса, командующего войсками Белорусского военного округа И.П. Белова, начальника Разведуправления РККА Я.К. Берзина, видных чекистов — заместителя наркома внутренних дел Я.С. Агранова, начальников дальневосточного и орджоникидзевского управлений НКВД Т.Д. Дерибаса и П.Ф. Булаха, наркома внутренних дел Украины И.М. Леплевского и многих других функционеров высокого ранга, еще недавно составлявших цвет советской партийно-государственной элиты.

В связи с важностью и срочностью данной акции, призванной подтвердить неослабевающую работоспособность чекистского ведомства, Ежову пришлось поломать весь отлаженный механизм такого рода процедур. По заведенному порядку законченные центральным аппаратом следственные дела сначала докладывались специальной комиссии, куда входили первый заместитель наркома внутренних дел, заместитель Прокурора СССР и председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР. После того, как комиссия определяла, где должно рассматриваться то или иное дело, список лиц, подлежащих суду Военной коллегии, отправлялся Ежовым на подпись Сталину, а затем санкционированный вождем приговор утверждался Военной коллегией в ходе ее псевдосудебных заседаний.

На этот раз Ежов решил все взять в свои руки. Запросив в Тюремном отделе НКВД списки арестованных руководящих работников, он пометил тех, чьи дела, по его мнению, следовало передать Военной коллегии, и составленный на основе этих пометок список отправил на утверждение Сталину. Как уже говорилось, Сталин и Молотов все кандидатуры, кроме маршала А.И. Егорова, одобрили, и теперь дело было за Военной коллегией. Тут-то и выяснилось, что в составленный по указанию Ежова и одобренный высшим руководством страны перечень кандидатов на уничтожение попало множество людей, по которым следствие не было к тому времени завершено, а по некоторым из них фактически еще и не начиналось.

Вспоминает бывший начальник Секретариата НКВД И. И. Шапиро:

> «Военная коллегия требовала передать ей следственные дела для рассмотрения на судебном заседании, Ежов в свою очередь требовал быстрейшего окончания следствия. Буквально в течение 2-3 дней

заканчивали следствием отдельные дела, лишь бы как-нибудь оформить дело и сплавить его. Передавались дела, арестованные по которым крайне нужны были для следствия по другим сложным делам. А ряд дел вообще нельзя было передавать в Военную коллегию, так как они, по существу, не были ей подсудны и в лучшем случае должны были быть рассмотрены Особым совещанием»[411]. (Последнее, как известно, не имело полномочий выносить расстрельные приговоры.)

Однако раз начальству нужно, подчиненные постарались не подвести. Ударными темпами следствие по неоконченным делам было завершено. Военная коллегия тоже выполнила свою работу без задержки, и считанные дни спустя все было кончено.

Теперь, когда Ежову в полной мере удалось продемонстрировать свои организаторские способности, ему оставалось лишь сидеть и ждать дальнейшего развития событий.

А тем временем по НКВД поползли слухи о грядущих переменах. Как свидетельствует бывший нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский, когда в начале августа **1938** г., приехав в Москву на вторую сессию Верховного Совета СССР, он зашел к начальнику Секретариата НКВД И.И. Шапиро, тот выглядел очень встревоженным.

«Шапиро мне сказал, — вспоминал Успенский, — что у Ежова большие неприятности, так как в ЦК ему не доверяют. Дальше Шапиро мне сообщил, что ходят слухи, что замом к Ежову придет человек (фамилию он не назвал), которого нужно опасаться»[412].

По-видимому, Ежов знал, что опасаться ему следует именно Берии. Тот тоже находился в те дни в Москве, принимая участие в работе сессии Верховного Совета СССР, и за всеми его контактами со Сталиным Ежов следил с неослабевающим вниманием, выходящим даже иногда за рамки приличия.

«Ежов, — рассказывал позднее начальник Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагин, — проявлял большую нервозность в связи с вызовом Берии на приём к Сталину на загородную квартиру. В тот день Ежов мне беспрестанно звонил, а один раз, позвонив, стал спрашивать: «Вы не знаете, о чем они говорят?» Я ответил: «Что Вы, Николай Иванович!» — [и] Ежов тогда прекратил разговор на эту тему»[413].

Отношения Ежова и Берии были до последнего времени вполне дружескими. Еще в **1931-1932** гг., когда Ежов поправлял свое здоровье в ведомственном санатории ГПУ Грузии в Абастумани, Берия окружил московского гостя повышенной заботой, требуя того же от своих подчиненных — чекистов. В свою очередь и сам Берия, приезжая в Москву, мог рассчитывать на радушный прием со стороны Ежова. Уже став наркомом внутренних дел, Ежов неоднократно звонил руководителю грузинских чекистов С.А. Гоглидзе, предупреждая последнего о необходимости усиления личной охраны Берия, о чем последнему наверняка становилось известно.

Первым событием, омрачившим их отношения, стало, по-видимому, дело заместителя председателя Совнаркома Грузии Б.Г. Мдивани, одного из отцов-основателей грузинской компартии. Осенью **1936** года он был арестован в Тбилиси по обвинению в троцкистской деятельности, которой якобы занимался в предшествующие годы. Ничего более серьезного ему инкриминировать не предполагалось, и дело уже собирались передать на Особое совещание, однако в это время в Москве от находящихся под следствием Ю.Л. Пятакова и Г.Я. Серебрякова были получены показания, согласно которым в **1934** году ими был будто бы утвержден состав созданного Мдивани грузинского троцкистского центра, которому была дана установка на развертывание диверсионно-вредительской и террористической работы в Грузии.

В январе **1937** году Мдивани по указанию Ежова был этапирован в Москву. Здесь во внутренней тюрьме НКВД он уже через неделю «признался» в том, что до последнего времени являлся одним из руководителей закавказского троцкистского центра и вел активную борьбу против руководства партии. В ходе дальнейшего «расследования» список преступлений Мдивани пополнился обвинениями в подготовке террористических актов против Сталина, Ежова и Берии, подготовке вооруженного восстания в Грузии с целью отделения ее от СССР, шпионаже и тому подобных преступлениях.

После окончания следствия дело Мдивани и шестерых его «сообщников» было в июле **1937** года передано в Верховный суд Грузии, которому ничего не оставалось, как только приговорить всех обвиняемых к расстрелу.

Берия, считавший себя полноправным хозяином Грузии, крайне болезненно воспринял вмешательство центрального аппарата НКВД и самого Ежова в чисто грузинские, как он считал, дела и проявленное при этом недоверие к возможностям местных чекистов самим разобраться в данной истории. Сам он, похоже, был против казни Мдивани, и то, что это

пришлось все-таки сделать, не могло не сказаться на его отношениях с Ежовым.

А вскоре у него появился еще один повод для серьезного недовольства, связанный на этот раз с действиями НКВД в Армении — республике, которой Берия после упразднения в апреле **1937** года. Закавказского крайкома партии формально уже не руководил, но куратором которой продолжал себя считать.

19 августа **1937** года в Ереване покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна четвертого этажа здания НКВД Армении, бывший председатель Совнаркома Армянской ССР С.М. Тер-Габриелян. Вообще, такие способы ухода из жизни в процессе допросов с пристрастием время от времени имели место, в частности, незадолго до этого, **21** июня **1937** г., в Минске из окна здания НКВД Белоруссии выбросился и разбился насмерть бывший председатель Совнаркома Белорусской ССР Н.М. Гололед. Сталин и Ежов были, конечно, недовольны такими неумелыми действиями своих подчиненных, но если никаких других претензий к ним не имелось, то и наказание бывало не слишком строгим. Например, в связи с самоубийством Н.М. Голодеда, двух младших лейтенантов, непосредственных виновников случившегося, арестовали, а их руководитель — зам. начальника Контрразведывательного отдела белорусского НКВД — отделался всего лишь строгим выговором.

В Армении все вышло по-другому. У Сталина уже давно имелись претензии к местным руководителям в связи с их недостаточной, по его мнению, активностью в деле борьбы с «врагами народа», и самоубийством Тер-Габриеляна решено было воспользоваться для того, чтобы провести в республике жесткую зачистку.

8 сентября **1937** года Сталин направил в адрес ЦК КП(б) Армении письмо, в котором отмечалось, что в Армении очень плохо обстоят дела с хозяйственным и культурным строительством, что сельское хозяйство разваливается, а строящиеся предприятия консервируются, что троцкисты и прочие антипартийные элементы не получают должного отпора, напротив, руководство Армении фактически им покровительствует. По мнению Сталина, С.М. Тер-Габриелян был убит врагами народа, чтобы «заткнуть ему глотку» и избежать тем самым возможности разоблачения оставшихся на воле сообщников.

В письме сообщалось, что принято решение об аресте наркома внутренних дел Армении Х.Х. Мугдуси, председателя Совнаркома республики А.А. Гулояна, «которые не могут не нести ответственности за все вскрывшиеся безобразия», и, кроме того, ставился вопрос об ответственности первого секретаря ЦК компартии Армении А.С. Аматуни[414].

Для расследования на месте всех обстоятельств случившегося в Армению был направлен заведующий Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков вместе с бригадой чекистов во главе с тогдашним начальником Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД М.И. Литвиным. По прибытии в Ереван Маленков отдал распоряжение об аресте А.А. Гулояна, Х.Х. Мугдуси и его заместителя И.А. Геворкова, которые сразу же подверглись интенсивным допросам. Свидетельствует бывший Начальник погранвойск Армении Г.А. Петров:

> «... Маленков и работники НКВД СССР Литвин, Альтман и Гейман стали допрашивать арестованного наркома внутренних дел Армении Мугдуси... Чтобы получить от Мугдуси признание, Маленков, Литвин и другие работники бригады НКВД СССР стали его избивать и били до тех пор, пока Мугдуси на заявил, что он согласен подробно рассказать о совершенных им преступлениях»[415].

Такой же обработке подверглись и другие арестованные армянские работники, в результате чего список выявленных «врагов народа» стал быстро расти. **15** сентября **1937** г. Маленков собрал пленум ЦК компартии Армении, продолжавшийся с перерывом до **23** сентября. Его итогом стало исключение из партии большого числа армянских функционеров, часть из которых была к этому времени уже арестована, а остальные разделили их участь сразу по окончании пленума.

Вслед за этим, в дополнение к уже проводимой в Армении в рамках приказа № **00447** операции в отношении бывших кулаков, уголовников и других «антисоветских элементов», по республике прокатилась волна арестов ответственных партийных и государственных работников. В период существования Закавказской федерации многие из них успели поработать на руководящих должностях в соседних с Арменией Грузии и Азербайджане, и теперь на основе их показаний аресты начались также в этих республиках.

Поскольку инициатива карательного рейда в Армению исходила от Сталина, Берии оставалось лишь мириться с этим, но то, как осуществлялась данная акция, вызывало у него вполне объяснимое недовольство. Руководящие кадры закавказских республик в большинстве своем были назначены с его благословения, и хотя после упразднения

Закавказского крайкома партии они уже не находились в его подчинении, Берия вправе был рассчитывать на то, что вопрос о репрессиях в отношении конкретных лиц будет в той или иной форме с ним согласован. Однако, как уже говорилось, положение Берии в тот период было не особенно прочным, вследствие чего посланные Ежовым чекисты, вероятно, не сочли для себя необходимым слишком уж внимательно прислушиваться к его мнению, и такая бесцеремонность, по-видимому, нанесла весьма болезненный удар по его самолюбию.

В дальнейшем конфликтные ситуации возникали в связи с арестом М.Е. Горячева* и некоторых других руководящих грузинских работников, так что к лету **1938** г. отношения Ежова и Берии были уже далеко не такими безоблачными, как прежде.

* Горячев М.Е. — до **1935** г. работал в органах ГПУ Грузии, Азербайджана и Закавказской федерации, в дальнейшем — на партийной работе. Член ЦК компартии Грузии.

Решение об освобождении Фриновского от обязанностей заместителя наркома внутренних дел (в связи с предстоящим утверждением его в должности наркома Военно-Морского Флота СССР) и назначении на освободившееся место Берии было принято Политбюро **21** августа **1938** г., однако официально о нем нигде не объявлялось. В грузинских газетах сообщение об освобождении Берии от обязанностей первого секретаря ЦК компартии Грузии, конечно, появилось, но причины такого решения были сформулированы весьма туманно — «в связи с переходом на работу в Москву». И в последующие месяцы никаких упоминаний о том, что Берия является первым заместителем наркома внутренних дел СССР, ни разу не появилось. Возможно, Сталин хотел сохранить его имя незапятнанным и представить широкой публике лишь после того, как чистка в стране закончится и придет время «исправлять ошибки, допущенные вышедшими из-под контроля партии чекистами».

Сам Берия был отнюдь не рад своему новому назначению. Его вполне устраивала прежняя должность, и хотя перевод на работу в Москву он для себя, конечно, не исключал, но рассчитывал, вероятно, что это будет какой-нибудь крупный хозяйственный наркомат, где он мог бы применить те знания и способности, которые приобрел за время работы руководителем Закавказской федерации и Грузии. Чекистскую работу Берия, похоже, рассматривал как пройденный этап своей жизни и никакого желания снова к ней возвращаться не испытывал. Однако выбора у него не было — пришлось подчиниться.

Что может означать появление в НКВД такой крупной фигуры, как Берия, Ежов, будучи опытным аппаратчиком, понял, конечно, сразу, отреагировав на это событие полуторанедельным запоем. Укрывшись на своей даче в поселке Мещерино, он вызвал врача и, пожаловавшись на головную боль, бессонницу, неприятные ощущения в области сердца и отсутствие аппетита, получил предписание — отдых в течение как минимум пяти дней. Шесть дней спустя при очередном осмотре данная рекомендация была повторена, так что до конца августа Ежов мог на работу не выходить, и ничто не мешало ему в те дни глушить тоску по полной программе.

25 августа **1938** года в Москву после двухмесячного пребывания на Дальнем Востоке возвратился М.П. Фриновский. О последних новостях его проинформировал подсевший к нему в поезд недалеко от столицы начальник Управления транспорта и связи НКВД Б.Д. Берман.

> «Я сказал Фриновскому, — вспоминал потом Берман, — что он теперь наркомвоенморфлот и что ему теперь нужно только сдать дела и проститься с НКВД. Он ответил, что знает и сдает дела Литвину. Я ответил, что не Литвину, а Берия. «Как Берия? — воскликнул Фриновский. — Ведь Литвин назначен...» Я ответил, что в аппарате давно ходят слухи, что Ежов у себя на даче вместе с Литвиным выпили уже за его, Литвина, здоровье, но что эта трапеза преждевременна, так как назначен не Литвин, а Берия.
>
> Я ясно видел, — продолжал Берман, — что Фриновский удручен, и настроение его сразу упало. Он сразу стал неразговорчив»[416].

Прямо с вокзала Фриновский по просьбе Ежова отправился к нему на дачу. Ежов выглядел очень взволнованным, он даже прослезился, расцеловал Фриновского, чего никогда раньше не делал, и принялся рассказывать о последних событиях в НКВД.

Обсудив ситуацию, собеседники пришли к выводу, что Ежова ждет трудная жизнь. Сработаться с Берия, учитывая его властный, независимый характер, будет очень сложно, придется приложить немало усилий, чтобы в НКВД не образовалось два центра власти. Наверняка не простивший ни случая с Мдивани, ни истории с Арменией, ни другие конфликтные эпизоды его взаимоотношений с НКВД, Берия попытается скомпрометировать прежнюю деятельность руководства наркомата, а кроме того, будет необъективно информировать Сталина о текущих событиях, возводя в ранг системы отдельные обнаруженные им недостатки.

Фриновский посоветовал Ежову бросить хандрить, взять «вожжи» в руки и воспрепятствовать проникновению людей Берии в центральный аппарат НКВД, а также не допустить, чтобы аппарат перекинулся на его сторону[417].

Ссылаясь на свое плохое самочувствие и необходимость продолжения лечения, Ежов поручил Фриновскому до возвращения Берии из Грузии (куда тот отправился сдавать дела своему преемнику) разобраться с материалами, которые не должны попасть на глаза новому первому заместителю наркома, и в первую очередь закрыть тем или иным способом дело о так называемой «террористической группе в Управлении коменданта Московского Кремля».

В начале **1938** года от арестованных коменданта Кремля П.П. Ткалуна и его заместителя С.И. Кондратьева были получены показания о группе их подчиненных, которых они якобы вовлекли в свою заговорщицкую организацию. Речь, в частности, шла о начальнике части боевой подготовки Управления коменданта Кремля Н.Н. Таболине, начальнике финансового управления А.И. Колмакове и коменданте здания правительства П.П. Брюханове. Последнего будто бы даже специально женили на обслуживающей кремлевскую квартиру Сталина официантке А.Виноградовой, чтобы через нее осуществить задуманное убийство вождя[418].

Ежов, которому сообщили об этих «признаниях», посчитал их недостоверными, никто из упомянутых лиц арестован не был, и теперь, в связи с предстоящим появлением в НКВД Берии, нужно было срочно решать, как с ними следует поступить*.

* Что касается самих П.П. Ткалуна и С.И. Кондратьева, то первого из них расстреляли в июле **1938** г., а второго — в последних числах августа, когда накануне прихода Берии спешно заканчивали следственные дела, которые не должны были попасть ему на глаза.

Выполняя указания Ежова, Фриновский собрал у себя небольшое совещание с участием коменданта Кремля Ф.В. Рогова, начальника Отдела охраны НКВД И.Я. Дагина и начальника Управления особых отделов НКВД Н.Н. Федорова. Дагин доложил о том, какие показания имеются на каждого из кремлевских «террористов», после чего некоторых из них решено было арестовать или уволить, а кого-то перевести в другие подразделения НКВД.

Теперь оставалось решить, что делать с самими показаниями Ткалуна и Кондратьева. Рассказывает И.Я. Дагин:

> «В первых числах сентября 1938 года я зашел в кабинет к Фриновскому. Его в тот момент в кабинете не было, он ушел к Ежову. Вернулся Фриновский от Ежова в крайне возбужденном состоянии. Он резким движением бросил свои бумаги на стол, сказав: «Так передрейфил, что с ума сошел человек. Знаешь, что он сейчас предложил мне? — Протокол Ткалуна, в котором речь идет о Шуре Виноградовой, а вместе с ней о Брюханове, он предложил уничтожить»[419].

Забегая вперед, следует сказать, что поручение Ежова об уничтожении данного протокола Фриновский выполнить не решился, так что впоследствии о нем стало известно Берии, а через него и Сталину.

Но Ежов не только отдавал такого рода распоряжения, но и сам действовал аналогичным образом. Свидетельствует все тот же Дагин:

> «...Ежов вызвал меня к себе в кабинет. В кабинете на его столе была картотека и большое количество папок, на каждой из которых значилась определенная фамилия. Я стоял молча несколько минут, во время которых Ежов бегло читал какие-то документы, которые он тут же рвал и бросал в корзинку. Затем Ежов поднялся и протянул мне папку с материалами, сказав: «Возьмите, здесь материалы на Гулько*. Сумеете их расследовать?»
>
> Я попросил дать мне эти материалы, сказав, что, ознакомившись с ними, доложу ему.
>
> После разговора с Ежовым я понял, что все материалы, которые находились у него в кабинете, представляют компрометирующие данные на сотрудников, которые он тут же уничтожал. Я пришел в ужас после того, что увидел у Ежова, глазам не верил. Мне стало ясно, что идет расчистка материалов, припрятанных в свое время в секретариате, — расчистка и уничтожение. Рвал бумаги Ежов и тогда, когда я второй, третий и следующие дни заходил к нему в кабинет»420.

*Заместитель Дагина Б.Я. Гулько был заместителем и предыдущего начальника Отдела охраны ГУГБ НКВД К.В. Паукера, арестованного в апреле **1937** г. Вследствие своей близости к Паукеру, Гулько являлся объектом многочисленных показаний и заявлений, обвинявших его в принадлежности к заговорщицкой организации, якобы существовавшей в органах Н КВД. В свое время Дагин обращался к Ежову с просьбой удалить Гулько из Отдела охраны, однако Ежов и Фриновский, ценившие Гулько как профессионала, запретили тогда его трогать.

Помимо уничтожения нежелательных документов, Ежов активно занимался в те дни и чисткой личного состава, увольняя «пачками» работников, даже если имеющийся на них материал был не слишком серьезным. Кого-то пришлось и арестовать.

Наряду с этими мерами, подготовка Ежова к появлению Берии включала также

разработку плана перестройки системы управления в НКВД, с целью ослабить влияние нового первого заместителя на принимаемые в наркомате решения. Этого можно было добиться, реализовав, наконец, принятое Политбюро **5** апреля **1938** г. решение о создании коллегии НКВД. В силу каких-то причин это решение так и осталось тогда на бумаге, однако в новых условиях идея коллективного руководящего органа при наркоме заслуживала того, чтобы претворить ее в жизнь. Включив в состав коллегии надежных и преданных людей, можно было создать такую обстановку, при которой оказавшийся в заведомом меньшинстве Берия был бы существенно ограничен в своих властных полномочиях.

Одним из членов коллегии, а заодно и своим вторым заместителем Ежов предполагал сделать наркома внутренних дел Казахстана свояка Сталина С.Ф. Реденса. В **1928-1931** гг. Реденс являлся председателем ГПУ Закавказской федерации, и, по некоторым данным, именно в результате интриг Берии был в начале **1931** г. отозван со своего поста, после чего Берия, являвшийся его заместителем, был назначен на освободившуюся должность. Если все было действительно так, то на Реденса, вероятно, и в самом деле можно было рассчитывать как на противовес Берии.

Помимо Реденса Ежов также собирался включить в состав Коллегии НКВД своего бывшего второго заместителя Л.Н. Вельского, переведенного в апреле **1938** г. в Наркомат путей сообщения, и своего заместителя по Наркомату водного транспорта Е.Г. Евдокимова, давно и безуспешно пытающегося получить хоть какую-нибудь руководящую должность в НКВД. Их возвращение в органы госбезопасности предполагалось мотивировать тем, что в НКВД (после проведенной чистки) уже почти не осталось крупных работников, имеющих большой чекистский опыт.

Из «молодежи» кандидатами в состав коллегии Ежов наметил начальника Управления особых отделов НКВД Н.Н. Федорова, а также начальников Секретно-политического и Иностранного отделов А.С. Журбенко и З.И. Пассова[421].

Однако осуществить этот план так и не удалось. Причины внезапной заинтересованности в органе коллективного руководства были слишком уж очевидными, и, несмотря на неоднократные ходатайства Ежова, идею воссоздания Коллегии НКВД Сталин не поддержал.

В начале сентября **1938** г., завершив свои дела в Грузии, Берия прибыл в Москву. С собою он на первых порах привез трех человек, в прежние времена работавших вместе с ним на чекистском поприще: заведующего Особым сектором ЦК компартии Грузии А.П. Капанадзе, заведующего Промышленно-транспортным отделом грузинского ЦК В.Н. Меркулова и заместителя наркома внутренних дел Грузии Б.З. Кобулова. Капанадзе был назначен заместителем начальника секретариата Берии, Меркулов стал заместителем Берии, а Кобулов возглавил Секретно-политический отдел.

Чтобы удовлетворить желание Берии иметь своего человека во главе Секретно-политического отдела, Ежов вынужден был переместить двух своих выдвиженцев. Прежний начальник отдела А.С. Журбенко стал руководителем московского управления НКВД (это была равноценная замена), а вот бывшему главе московских чекистов В.Е. Цесарскому с оперативной работой пришлось проститься.

Цесарский, работавший вместе с Ежовым в течение последних шести лет, пал жертвой доносов, о содержании которых стало известно Сталину. Речь, в частности, шла о его дружеских отношениях с бывшим начальником Политуправления РККА Я.Б. Гамарником, застрелившимся в мае **1937** г. накануне своего ареста. Кроме того, Цесарскому ставились в вину сомнения, которые он якобы испытывал в **1919** г., принимая решение покинуть украинскую партию левых эсеров и перейти в РКП(б).

К сентябрю **1938** года возможности Ежова защищать своих соратников приблизились к нулю. Отстоять Цесарского он не сумел (а скорее всего и не пытался), и пришлось отправить его в «ссылку», назначив начальником Управления Ухто-Ижемского лагеря НКВД.

Что касается Берии, то, в дополнение к своей должности первого заместителя наркома внутренних дел, он был **8** сентября **1938** года назначен начальником Управления государственной безопасности НКВД* и несколько дней спустя, приняв дела у Фриновского, приступил к исполнению возложенных на него обязанностей.

* В связи с проводившейся в НКВД структурной реформой, в период мая — сентября **1938** г. Главное управление государственной безопасности именовалось Управлением государственной безопасности. В дальнейшем прежнее название было восстановлено.

35. Мавр сделал свое дело...

Приход Берии в НКВД ознаменовался принятием практических мер, направленных на

завершение длящейся уже более года «массовой операции». К этому времени задачи по репрессированию бывших кулаков и других так называемых антисоветских элементов в рамках приказа № 00447 были в основном уже выполнены, однако с «национальным контингентом» дело обстояло иначе.

Как уже отмечалось, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. операции по национальным линиям предполагалось завершить к 15 апреля. Но сделать этого не удалось, поскольку центральный аппарат НКВД оказался не в состоянии переработать сотни тысяч заявок на репрессирование, поступивших из региональных управлений. До весны 1938 года присылаемые справки по «националам» изучались по поручению Ежова «двойкой» в составе начальников Контрразведывательного и Учетно-регистрационного отделов ГУГБ НКВД А.М. Минаева-Цикановского и В.Е. Цесарского. Рассмотренные ими дела вместе с судебными определениями оформлялись в виде протоколов, которые Ежов и Вышинский или их заместители подписывали без всякой проверки и даже не читая. Поскольку количество нерассмотренных справок постоянно росло (к весне 1938 г. их скопилось около ста тысяч), к делу были подключены также начальники других отделов Главного управления госбезопасности, которые, считая данное поручение излишней для себя нагрузкой, старались рассмотреть за вечер несколько десятков, а то и сотен справок или же передоверяли эту работу своим подчиненным. Но и при такой системе разбираться вовремя с присылаемыми заявками никак не получалось. Лето 1938 г. выдалось жарким, и в переполненных камерах следственных изоляторов многие заключенные умирали, не дождавшись приговора.

В конце мая 1938 года по ходатайству Ежова упрощенный порядок рассмотрения дел на лиц польской, немецкой и других контрреволюционных национальностей был продлен до 1 августа, однако и к указанному времени завершить работу не удалось: к сентябрю в центральном аппарате НКВД оставалось не рассмотренными 126 тысяч заявок на репрессирование по национальным линиям[422].

Выход из создавшейся ситуации был найден простой — освободить центральный аппарат НКВД от несвойственных ему функций и пропустить оставшихся «националов» через региональные судебные «тройки», аналогичные тем, которые обеспечивали проведение «массовой операции» в рамках приказа № 00447. К осени 1938 года они почти уже повсеместно прекратили свою деятельность, и вот теперь решено было их воссоздать и в короткий срок завершить с их помощью оставшуюся работу.

Соответствующее решение было принято Политбюро 15 сентября 1938 г. Образуемым «особым тройкам» предписано было рассмотреть дела на всех лиц из состава «контрреволюционных национальных контингентов», арестованных до 1 августа 1938 г. (арестованных позднее следовало судить обычным порядком), и закончить свою работу в двухмесячный срок.

Таким образом, все должно было завершиться к середине ноября 1938 года. Забегая вперед, можно отметить, что так и получилось. Большую часть, а именно 108 тысяч переданных им из Москвы следственных справок «особые тройки» сумели за это время рассмотреть, приговорив 72 тысячи человек к расстрелу, а остальных — к заключению в лагеря и тюрьмы[423].

* * *

Придя в НКВД, Берия начал знакомиться с руководящим составом наркомата, и первые же его шаги показали многим чекистам, что их опасения были не напрасны. Свидетельствует заместитель Ежова С.Б. Жуковский:

> «После назначения первым заместителем Л.П. Берия в один из дней, когда заместитель наркома проводил ознакомление с людьми и штатами ГУГБ, ко мне явился взволнованный Николаев* и сообщил следующее: во время ознакомления с работниками 3-го отдела зам.наркома задал прямой вопрос одному из них, не завербован ли он? Не могу... точно сказать, был ли этот вопрос задан в присутствии Николаева или нет, но Николаев об этом факте знал и мне рассказал, как об очень тревожном обстоятельстве»[424].

* Николаев-Журид Н.Г. — начальник 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД.

Та же сценка повторилась и при утверждении нового начальника Ростовского областного УНКВД Д.Д. Гречухина, который рассказывал коллегам, что пережил очень тяжелый момент, когда в ходе беседы с Ежовым и Берия последний поинтересовался, вербовал ли кто-нибудь его, Гречухина, в какую-либо антисоветскую организацию[425].

Подобные вопросы вызывали тем больший страх, что одними только беседами Берия не

ограничивался. Уже в первые дни его пребывания в новой должности были арестованы такие известные чекисты, как начальник Отдела оперативной техники М.С. Алехин и начальник одного из отделов Транспортного управления НКВД А.П. Радзивиловский. Неделю спустя аресту подвергся начальник Главного управления пожарной охраны НКВД М.Е. Хряпенков (назначенный на эту должность еще при Ягоде), затем начальник Транспортного управления НКВД Б.Д. Берман, начальник сталинградского УНКВД Н.Д. Шаров, нарком внутренних дел Молдавии И.Т. Широкий и ряд других руководящих работников НКВД. Обнаружив имевшиеся на них компрометирующие материалы, Берия настоял на аресте, и у Ежова уже не было возможности защитить своих подчиненных.

В те дни, по словам очевидцев, он буквально не находил себе места, ничем не занимался, нервно ходил по кабинету, ничего не предпринимая и болезненно переживая каждое мероприятие, проводимое Берией.

Именно тогда Ежов распорядился уничтожить так называемый спецархив, где по его указанию, начиная с июля **1938** г., хранились документы, компрометирующие руководящих работников НКВД и партийно-государственную верхушку. При этом материалы, касающиеся Берии, Вышинского, Фриновского, Маленкова, Хрущева, Поскребышева и некоторых других видных деятелей, Ежов поместил в свой личный сейф, ключ от которого имелся только у него.

Пока Ежов в смятении наблюдал, как власть в НКВД постепенно ускользает из его рук, у него появился еще один влиятельный противник. Поняв, в какую сторону подул ветер, в оппозицию к нему перешел заведующий Отделом руководящих партийных органов Г.М. Маленков. Они познакомились в **1927** г., когда вместе работали в Организационно-распределительном отделе ЦК, Маленков — инструктором, а Ежов — заместителем заведующего. Затем их пути на время разошлись. Ежов продолжал работать в ЦК, а Маленков был назначен заведующим Организационно-инструкторским отделом Московского комитета партии. Осенью **1934** года он был возвращен в аппарат ЦК на должность заместителя заведующего Отделом руководящих партийных органов, и когда руководить отделом стал Ежов, Маленков оказался его заместителем. После того как в феврале **1936** года Ежов из отдела ушел, а Маленков его возглавил, они остались приятелями. Маленков часто бывал у Ежова на квартире и даче, и, если бы все продолжалось как раньше, возможно, ничто не омрачило бы их вполне товарищеские отношения.

Однако летом **1938** года появились признаки того, что Ежов утрачивает расположение вождя, а последовавшее в конце августа назначение Берии первым заместителем наркома внутренних дел показало, что время Ежова подходит к концу и что ему, возможно, уготована роль очередного козла отпущения, на которого будет возложена основная ответственность за творящиеся в стране беззакония. В этих условиях Маленков принимает решение резко отмежеваться от своего впавшего в немилость товарища и заявить о себе как о решительном противнике тех «искривлений линии партии», которые были допущены Ежовым и его людьми.

Подготовив докладную записку с изложением своих новых воззрений, Маленков передал ее в секретариат Сталина. Впоследствии он так рассказывал сыну об этом событии:

> «Я передал записку Сталину через Поскребышева*, несмотря на то, что Поскребышев был очень близок с Ежовым. Я был уверен, что Поскребышев не посмеет вскрыть конверт, на котором было написано — «лично Сталину». В записке о перегибах в работе органов НКВД утверждалось, что Ежов и его ведомство виновны в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов. Сталин вызвал меня через 40 минут. Вхожу в кабинет. Сталин ходит по кабинету и молчит. Потом спрашивает: «Это вы сами писали записку?» — «Да, это я писал». Сталин молча продолжает ходить. Потом еще раз спрашивает: «Это вы сами так думаете?» — «Да, я так думаю». Далее Сталин подходит к столу и пишет на записке: «Членам Политбюро на голосование. Я согласен»[426].

* Поскребышев А. Н. — руководитель секретариата Сталина.

Возможно, все примерно так и было, за исключением концовки. На самом деле никакого голосования по записке Маленкова проводиться не могло, поскольку на голосование выносились не тексты, пусть даже вполне правильные, а проекты решений по конкретным вопросам. К тому же, если бы такое голосование и состоялось, то результат его мог быть только один — отставка Ежова, а до этого было еще далеко.

По словам сына Маленкова, именно в ходе данной встречи, состоявшейся якобы в августе **1938** г., Сталин поручил подобрать кандидатуру на пост первого заместителя наркома внутренних дел, и, таким образом, с этого момента будто бы и началось падение

Ежова. Есть, однако, сомнение в том, что описанная встреча могла произойти ранее **11** октября **1938** г. Судя по данному рассказу, при беседе Маленкова с вождем никого, кроме них, в кабинете не было (да и тема беседы к тому не располагала), однако, как следует из журнала регистрации посетителей рабочего кабинета Сталина в Кремле, на протяжении четырех месяцев, предшествующих **11** октября **1938** г., они наедине не встречались. Это означает, что свой демарш Маленков мог предпринять лишь спустя полтора с лишним месяца после назначения Берии, когда перспективы Ежова были уже вполне очевидны.

На судьбу Ежова данная акция, если она, конечно, имела место, существенно повлиять не могла (то, что сообщил Маленков, Сталин и так хорошо знал, кроме того, будущее Ежова было им к тому времени уже определено), но сам Маленков, вовремя «сдав» своего бывшего руководителя, сумел не только остаться на плаву, но и построить в дальнейшем более чем удачную партийно-государственную карьеру.

* * *

Очередная волна арестов руководящих работников НКВД пришлась на конец октября **1938** года. На этот раз в руки Берии попали такие видные чекисты, как начальник Иностранного отдела З.И. Пассов, начальник Контрразведывательного отдела Н.Г. Николаев-Журид, Тюремного — Н.И. Антонов-Грицюк, начальник Отдела оборонной промышленности Главного экономического управления Л.И. Рейхман, бывший заместитель Ежова С.Б. Жуковский, и некоторые другие.

Жуковский был одним из четырех соратников Ежова, перешедших вслед за ним из партийного аппарата в НКВД в конце **1936** года. Тучи над его головой сгущались уже давно, но Ежову, пока он был в силе, удавалось прикрывать своего заместителя. Дело в том, что в биографии Жуковского имелось «темное пятно», связанное с его политическими колебаниями в начале **20**-х гг., когда в период внутрипартийной дискуссии **1923** года он придерживался взглядов троцкистской оппозиции и голосовал за резолюцию троцкистов. Этого обстоятельства Жуковский не скрывал, упоминал о нем в заполняемых им служебных анкетах, а также в ходе партийных чисток. Однако в **1937-1938** гг. сам факт приверженности кого-то, пусть даже в прошлом, троцкистским идеям, выглядел почти как настоящее преступление. Недовольство тем, что в окружении Ежова в НКВД работают такие сомнительные в политическом отношении люди, как Жуковский, Цесарский, и некоторые другие, высказывал в последнее время и Сталин. В конце концов с появлением в НКВД Берии невозможность защищать своих ближайших помощников стала для Ежова вполне очевидной, и он принял решение перевести Жуковского, так же как и Цесарского, из Москвы, где они были все время на виду, куда-нибудь на периферийную работу. Цесарский, как уже говорилось, был в середине сентября назначен начальником Ухто-Ижемского лагеря НКВД, а Жуковский, по предложению Ежова, получил в конце сентября **1938** г. должность начальника Риддерского полиметаллического комбината в Казахстане. Из-за необходимости передать дела своему преемнику, Жуковский к новому месту работы сразу выехать не смог, а когда наконец освободился, был уже выписан ордер на его арест.

В начале ноября настала очередь Отдела охраны. За месяц до этого Берия санкционировал арест заместителя начальника отдела Б.Я. Гулько. После непродолжительного запирательства тот «признался», что является участником антисоветской организации, созданной бывшим наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой, и назвал работников Отдела охраны также якобы вовлеченных в заговор. Об этих показаниях в отделе не знали, но изменение, отношения к себе почувствовали сразу. Начальник отдела И.Я. Дагин жаловался коллегам, что замечает резкое изменение отношения к нему, что Берия не вызывает его для доклада и что его подчиненных арестовывают без согласования с ним. При таких условиях, заявлял Дагин, он работать не может и будет настаивать, чтобы была назначена комиссия для проверки работы отдела, чтобы все убедились, каких результатов он как начальник отдела сумел достичь за сравнительно короткий срок.

Особое беспокойство вызывало у Дагина то, что составленный им план охранных мероприятий, в связи с празднованием **21**-й годовщины Октябрьской революции, Берия изменил, отклонив заодно предложения Дагина по персональному составу ответственных за охрану Красной площади в дни предстоящих торжеств. Это было расценено им как выражение политического недоверия и свидетельство предстоящего вскоре ареста. Ежов, к которому Дагин обратился за разъяснениями, подтвердил, что вопрос об аресте руководства Отдела охраны уже поднимался Берией, но пока его удалось от этой идеи отговорить. Сам Берия, вызвав Дагина к себе, заявил, что вполне ему доверяет и вообще никаких претензий к работе отдела не имеет. Тем не менее, когда в ночь с **4** на **5** ноября **1938** г. Ежов и Берия

находились на докладе у Сталина, Берия вновь поднял вопрос об аресте «заговорщиков» из Отдела охраны. Попытка Ежова доказать, что это затруднит обеспечение порядка в дни предстоящего праздника, успехом не увенчалась, и, получив согласие вождя, Берия в ту же ночь арестовал всех, кого хотел.

По всей видимости, на том же совещании у Сталина Берия получил санкцию на арест и некоторых других руководящих работников НКВД, в частности начальника Оперативного отдела И.П. Попашенко, арестованного в тот же день, начальника Управления НКВД по Ленинградской области М.И. Литвина и других.

Своему ближайшему соратнику М.И. Литвину Ежов позвонил **10** ноября, предложив приехать в Москву с материалами для утверждения в должности начальников районных отделов НКВД. Причина вызова показалась Литвину странной, и он поинтересовался, нельзя ли повременить с отъездом три или четыре дня. Ежов ответил, что нельзя, и дал понять, что от него это не зависит. На следующий день Литвин позвонил и снова стал выяснять, нельзя ли ему задержаться. Ежов ответил отказом, и тогда Литвин как бы в шутку спросил: «Так что же мне собираться с манатками?». Ежов, который в это время уже был уверен в том, что его телефон прослушивается, ничего не ответил, и Литвин понял все сам. Вечером **12** ноября, за несколько часов до намеченного выезда в Москву, он застрелился у себя на квартире, оставив две записки, содержание которых до сих пор не известно[427].

Это было второе за неделю самоубийство руководящего работника НКВД: **6** ноября, получив приказ явиться к Берии и предвидя, что будет арестован, застрелился начальник Управления комендатуры Кремля Ф.В. Рогов.

Иначе повел себя нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский. Еще в сентябре, почувствовав, как изменилась обстановка в НКВД с приходом Берии, он дал указание подчиненным предоставить ему несколько фиктивных удостоверений личности, которые якобы необходимо было отправить в Москву. Одно из них, больше подходящее ему по возрасту, Успенский оставил у себя, а остальные уничтожил.

14 ноября Ежов сообщил Успенскому по телефону, что того вызывают в Москву, и из этого разговора Успенский понял, что пришла его очередь. Написав записку о том, что кончает жизнь самоубийством и что искать его труп следует на дне Днепра, Успенский поручил жене купить ему билет до Воронежа и в ту же ночь уехал из Киева. Не доезжая Воронежа, он сошел в Курске, несколько дней прожил в семье какого-то паровозного машиниста, затем поехал в Архангельск, рассчитывая завербоваться на лесозаготовки. Но так как внешне он мало напоминал рабочего, каковым числился по документам, к нему отнеслись с подозрением и на работу не взяли. Успенский перебрался в Калугу, затем в Москву, обратно в Калугу, потом были Муром, Казань, Арзамас, Свердловск и, наконец, Миасс, где он собирался наняться на золотые прииски. Однако этому помешал его арест на вокзале Миасса **16** апреля **1939** г., положивший конец пятимесячным странствиям Успенского по стране.

В отличие от Успенского, Литвина, Рогова или Люшкова, большинство высокопоставленных наркомвнудельцев отдавало себя в руки Берии без сопротивления. В те же ноябрьские дни **1938** г. были арестованы такие известные чекисты, как начальник **1**-го спецотдела НКВД (до октября **1938** г. — начальник Секретариата НКВД) И.И. Шапиро, начальник Главного управления лагерей И.И. Плинер, нарком внутренних дел Азербайджана М.Г. Раев, и другие, а также отец-основатель северокавказской школы чекистов, заместитель Ежова по Наркомату водного транспорта Е.Г. Евдокимов.

Авторитет Ежова в НКВД упал к тому времени до самой низкой отметки. С ним уже мало кто считался, большинство руководителей подразделений предпочитали докладывать о делах не ему, а Берии, а самые прозорливые начальники региональных управлений и наркоматов внутренних дел в направляемые на имя Берии сводки агентурных донесений о настроениях среди населения стали включать высказывания граждан о том, что Ежова, по-видимому, скоро снимут за перегибы.

* * *

Исчерпав поставленные задачи, массовый террор постепенно сходил на нет, и пора было уже подумать о том, как политически и юридически оформить возвращение к практике обычного, то есть умеренного, репрессирования.

8 октября **1938** года решением Политбюро создается комиссия во главе с Ежовым при участии Берии, Вышинского, Маленкова и наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова, которой поручается в десятидневный срок подготовить проект постановления ЦК, Совнаркома и НКВД

о новой установке в отношении арестов, прокурорского надзора и ведения следствия.

Почему комиссия была создана именно **8** октября и почему на ее деятельность было отведено всего десять дней — неясно. До окончания работы региональных судебных «троек», созданных в соответствии с решением Политбюро от **15** сентября **1938** г. (о чем говорилось выше), оставалось больше месяца, и раньше этого срока никаких новшеств в технологию репрессий вносить не имело смысла. Их и не вносили. Десять дней истекли, затем еще десять и еще, но никаких новых установок так и не появилось.

15 ноября **1938** г. в своем рабочем кабинете в Кремле вождь проводил очередную встречу с соратниками. Заседание началось в шесть часов вечера и продолжалось три с половиной часа. Помимо Сталина в нем принимали участие сначала только Молотов и Ежов, затем были приглашены и некоторые другие лица. О характере состоявшегося обсуждения можно судить по тем решениям, которые методом опроса принимало в тот день Политбюро. Всего за **15** ноября Политбюро рассмотрело **15** вопросов, первый из которых, поскольку нумерация была сквозной, шел под номером **97**, последний — под номером **111**.

Под пунктом **99** значилось утверждение состава особых судебных «троек» по Хабаровскому и Приморскому краям. Оба они были образованы месяц назад взамен упраздненного Дальневосточного края, и теперь в каждом из них нужно было создать орган, рассматривающий следственные дела по национальным контингентом в рамках заканчивающейся «массовой операции».

В **18** часов **25** минут в кабинет Сталина был приглашен бывший начальник Отдела водного транспорта, шоссейных дорог и связи ГУГБ НКВД В.В. Ярцев. Направленный весной **1938** г. в качестве правительственного комиссара в Сахалинскую область, он попал там в авиакатастрофу, долго лечился и теперь, выздоровев, получил аудиенцию у вождя по случаю нового назначения. В кабинете у Сталина Ярцев пробыл полчаса, и результатом этого визита стало решение Политбюро под номером **104** о назначении Ярцева первым заместителем наркома связи СССР.

В **19** часов **30** минут прибыл Берия, после чего на свет появляется решение Политбюро номер **108**, упрощающее применение пограничниками оружия при обнаружении нарушителей границы.

Наконец, в **19** часов **55** минут порог кабинета Сталина переступает Прокурор СССР А.Я. Вышинский, и происходит главное событие не только этого дня, но и всего **1938** года. Итогом **55**-минутного общения Вышинского со Сталиным, происходившего в присутствии находящихся в кабинете вождя Молотова, Ежова, Берии и Маленкова, становится решение Политбюро под номером **110**, гласящее:

> «Утвердить следующий проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам областных, краевых управлений НКВД, прокурорам храев, областей, автономных и союзных республик, прокурорам военных округов, железнодорожного и водного транспорта, председателям Верховного Суда СССР, верховных судов союзных и автономных республик, Военной коллегии Верховного Суда СССР, председателям трибуналов военных округов. Секретарям ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов.
>
> «Строжайше приказывается:
>
> 1. Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином упрощенном порядке.
>
> 2. Обязать прокуроров военных округов, краев и областей, автономных и союзных республик проследить за точным и немедленным исполнением. Об исполнении донести НКВД СССР и Прокурору Союза ССР.
>
> Пред. СНК СССР
>
> *В. Молотов*
>
> Секр. ЦК ВКП(б)
> *И. Сталин*» [428].

На первый взгляд, принятое Сталиным решение производит впечатление спонтанного. Несмотря на то, что именно **15** ноября истекал двухмесячный срок, отведенный для завершения операции по национальным линиям (о чем уже говорилось выше), утверждение в тот день персонального состава особых судебных «троек» по Хабаровскому и Приморскому краям, казалось бы, свидетельствовало о намерении продолжать эту работу и дальше. Во всяком случае, трудно было ожидать, что спустя каких-нибудь три часа деятельность всех «троек» в стране приказано будет приостановить.

Основанием для такого решения могли стать только какие-то серьезные факты

злоупотребления властью при проведении «массовой операции», о которых главный прокурор страны сообщил в ходе состоявшейся встречи. Однако трудно представить, чтобы Вышинский отважился беседовать со Сталиным на такие щекотливые темы в присутствии третьих лиц, не согласовав с ним предварительно хотя бы основные положения своего доклада. Да и сам Сталин не был человеком, готовым, поддавшись эмоциям, принимать решения по принципиальным вопросам, которые не входили в его первоначальные планы. Скорее всего, вождь был в курсе того, о чем прокурор намеревался ему доложить, но предпочел, чтобы в глазах присутствующих на заседании Молотова, Ежова, Берии и Маленкова принятое им решение выглядело как естественная реакция на те неприглядные факты, о которых поведал Вышинский.

17 ноября **1938** года в развитие своей директивы от **15** ноября Политбюро утвердило Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое, по-видимому, явилось обобщением всего того, что рассказал Вышинский на аудиенции у Сталина два дня назад и что стало тогда формальным поводом для приостановки «большого террора».

В преамбуле констатировалось, что за **1937-1938** гг. органы НКВД провели большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионов, террористов, вредителей и диверсантов как собственного происхождения, так и засланных из-за границы. Это сыграло большую роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства, и задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, вести ее с помощью более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, отмечалось в постановлении, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные в **1937-1938** гг., при упрощенном ведении следствия и суда — не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. Основными недостатками, «выявленными за последнее время», постановление назвало слабую агентурно-осведомительную работу среди населения и упрощенный порядок ведения следствия. Добившись от обвиняемого признания своей вины, говорилось в постановлении, следователи совершенно не заботятся о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными; иногда арестованный не допрашивается после ареста в течение месяца и более; протоколы допроса часто не составляются до тех пор, пока не удается получить признания в совершении преступления, а показания, опровергающие выдвинутые обвинения, в протокол не заносятся; следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний; помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы; включаются не подписанные и не утвержденные обвинительные заключения и т.д.

Органы прокуратуры, утверждалось в постановлении, необходимых мер к устранению этих недостатков не принимают, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов, фактически узаконивая допущенные нарушения.

Всем этим, говорилось далее, умело пользовались враги народа, пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры. «Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности...»[429]

Эти отмеченные в работе органов НКВД и прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки, следовал вывод из сказанного, стали возможны только потому, что пробравшиеся в эти органы враги народа всячески пытались оторвать их работу от партийного контроля и руководства, тем самым облегчив себе и своим сообщникам возможность продолжения подрывной деятельности.

Для исправления создавшегося положения был намечен комплекс мер, включавший:
— запрет органам НКВД и прокуратуры на проведение массовых операций по арестам и выселениям;
— ликвидацию судебных троек и передачу законченных следственных дел на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР;
— распоряжение органам НКВД и прокуратуры о производстве арестов и ведении следствия

в строгом соответствии с действующим законодательством;
— утверждение в должности всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием, проводимым в органах НКВД, Центральным Комитетом партии по представлению региональных парторганизаций и Прокурора СССР.

> «За малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства, — говорилось в постановлении, — каждый работник НКВД и прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»[430].

Конечно, перечисленные в постановлении Совнаркома и ЦК «недостатки» в работе органов НКВД и прокуратуры были Сталину хорошо известны и раньше, однако, пока шла «массовая операция», обращать на них внимание не имело смысла. Теперь же, когда поставленные задачи были успешно решены, самое время было отмежеваться от тех методов, с помощью которых были достигнуты полученные результаты, и переложить ответственность за царивший в стране произвол на нерадивых или преступных исполнителей.

Ну а руководителя этих исполнителей пора уже было отправлять в политическое небытие. Претензий к органам НКВД, которые содержались в совместном постановлении Совнаркома и ЦК от **17** ноября, для этого вполне хватило бы, но тогда какую-то часть вины за случившееся должны были также принять на себя прокуратура, бесстрастно наблюдавшая за происходящим, и партийное руководство, плохо контролировавшее и тех и других. Поэтому в качестве формального предлога для снятия Ежова Сталин избрал повод, не имеющий отношения к теме массовых репрессий.

В середине ноября **1938** г. в Политбюро поступило заявление от начальника ивановского областного УНКВД В.П. Журавлева, в котором тот сообщал о серьезных, с его точки зрения, недостатках в работе органов госбезопасности, о подозрительном поведении ряда руководящих работников НКВД и о том, что Ежов, которому он в свое время обо всем этом сигнализировал, никак на его сигналы не реагирует.

Возможно, своим доносом Журавлев лишь пытался отвести от себя удар, под который попадали все новые и новые чекисты, выдвинувшиеся при Ежове, однако результат наверняка превзошел все его ожидания. В виде поощрения за проявленную так вовремя инициативу Сталин распорядился перевести его в Москву и назначить начальником столичного управления НКВД.

Конечно, писать письмо вождю через голову непосредственного начальства — это нестандартный ход, но Журавлев и в своей профессиональной деятельности привык действовать нестандартными методами. Так, еще в доежовские времена, будучи начальником секретно-политического отделения томского горотдела НКВД, он, в связи с отсутствием на подведомственной территории сколько-нибудь серьезных контрреволюционных группировок, решил сам создать соответствующую структуру. Для того, чтобы внедрить своего агента в среду ничего не подозревающих крестьян одного из местных колхозов, Журавлев уговорил его жениться на дочери председателя колхоза, выдав фиктивную справку о разводе с настоящей женой, и велел вести пропагандистскую обработку колхозников, склоняя их на путь создания антисоветской организации. В результате всех этих ухищрений было арестовано свыше **30** человек, приговоренных в сентябре **1936** года к различным срокам заключения. Ну а самому агенту, чтобы вывести его из игры, Журавлев велел поехать к матери, сфотографироваться на ее фоне лежащим в гробу и послать фотографию в новую семью[431].

Кадровая революция, устроенная Ежовым в НКВД, создала все условия для стремительного продвижения по службе, и в сентябре **1937** года Журавлева назначают уже начальником куйбышевского областного управления НКВД. Здесь он активно помогает тогдашнему первому секретарю обкома партии П.П. Постышеву искоренять всевозможных врагов народа, которых тот усердно искал и находил повсюду в области. После того как в феврале **1938** года Постышев был арестован, Журавлев не пострадал, а лишь был переведен в другую (Ивановскую) область на ту же должность. Здесь он тоже проявил себя как энергичный, инициативный работник, сторонник нестандартных следственных приемов. Обитателям внутренней тюрьмы ивановского УНКВД наверняка запомнился его метод допроса под названием «утка»: двое охранников опрокидывали заключенного на спину, связывали руки и ноги, разжимали зубы, после чего Журавлев мочился ему в рот[432].

Для обсуждения «ошибок», допущенных Ежовым в деле с заявлениями Журавлева, Сталин созвал весьма представительное собрание с участием почти всех членов Политбюро, к которым присоединились заместитель Ежова по Комиссии партийного контроля М.Ф.

Шкирятов, заведующий Отделом руководящих партийных органов Г.М. Маленков, а кроме того, Л.П. Берия и М.П. Фриновский.

Обсуждение, начавшееся в **11** часов вечера **19** ноября, продолжалось свыше пяти часов, и о том, как оно проходило, можно судить по письму, которое Ежов **23** ноября написал на имя Сталина. В письме говорилось:

«Прошу ЦК ВКП(б) освободить меня от работы Наркома Внутренних Дел СССР по следующим мотивам:

1. При обсуждении на Политбюро 19-го ноября 1938 г. заявления начальника УНКВД Ивановской области т. Журавлева целиком подтвердились изложенные в нем факты. Главное, за что я несу ответственность — это то, что т. Журавлев, как это видно из заявления, сигнализировал мне о подозрительном поведении Литвина, Радзивиловского и других ответственных работников НКВД, которые пытались замять дела некоторых врагов народа, будучи сами связаны с ними по заговорщической антисоветской деятельности.

В частности, особо серьезной была записка т. Журавлева о подозрительном поведении Литвина; всячески тормозившего разоблачение Постышева, с которым он сам был связан по заговорщической работе.

Ясно, что, если бы я проявил должное большевистское внимание и остроту к сигналам т. Журавлева, враг народа Литвин и другие мерзавцы были бы разоблачены давным-давно и не занимали бы ответственнейших постов в НКВД.

2. В связи с обсуждением записки т. Журавлева на заседании Политбюро, были вскрыты и другие, совершенно нетерпимые недостатки в оперативной работе органов НКВД.

Главный рычаг разведки — агентурно-осведомительная работа оказалась поставленной из рук вон плохо. Иностранную разведку- по существу придется создавать заново, так как ИНО было засорено шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленной иностранными резидентами агентурой.

Следственная работа также страдает рядом крупнейших недостатков. Главное же здесь в том, что следствие с наиболее важными арестованными во многих случаях вели не разоблаченные еще заговорщики из НКВД, которым удавалось, таким образом, не давать разворота делу вообще, тушить его в самом начале и, что важнее всего, — скрывать своих соучастников по заговору из работников ЧК.

Наиболее запущенным участком в НКВД оказались кадры. Вместо того, чтобы учитывать, что заговорщикам из НКВД и связанным с ними иностранным разведкам за десяток лет минимум удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников, я успокоился на том, что разгромил верхушку и часть наиболее скомпрометированных работников среднего звена. Многие из вновь выдвинутых, как теперь выясняется, также являются шпиками и заговорщиками.

Ясно, что за все это я должен нести ответственность.

3. Наиболее серьезным упущением с моей стороны является выяснившаяся обстановка в отделе охраны членов ЦК и Политбюро.

Во-первых, там осталось значительное количество неразоблаченных заговорщиков и просто грязных людей от Паукера.

Во-вторых, заменивший Паукера застрелившийся впоследствии Курский и сейчас арестованный Дагин также оказались заговорщиками и насадили в охрану немалое количество своих людей. Последним двум начальникам охраны я верил как честным людям. Ошибся и за это должен нести ответственность.

Не касаясь целого ряда других недостатков — таково общее состояние оперативно-чекистской работы в Наркомате.

Не касаясь ряда объективных фактов, которые в лучшем случае могут кое-чем объяснить плохую работу, я хочу остановиться только на моей персональной вине как руководителя Наркомата.

Во-первых. Совершенно очевидно, что я не справился с работой такого огромного и ответственного Наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы.

Вина моя в том, что я вовремя не поставил этот вопрос во всей остроте, по-большевистски, перед ЦК ВКП(б).

Во-вторых. Вина моя в том, что, видя ряд крупнейших недостатков в работе, больше тог, даже критикуя эти недостатки у себя в Наркомате, я одновременно не ставил этих вопросов перед ЦК ВКП(б). Довольствуясь отдельными успехами, замазывая недостатки, барахтался один, пытаясь выправить дело. Выправлялось туго, — тогда нервничал.

В-третьих. Вина моя в том, что я часто делячески подходил к расстановке кадров. Во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут другого. По этим же деляческим мотивам во многих работниках ошибся, рекомендовал на ответственные посты, и они разоблачены сейчас как шпионы.

В-четвертых. Вина моя в том, что я проявил совершенно недопустимую для чекиста беспечность в деле решительной очистки отдела охраны членов ЦК и

Политбюро. В особенности эта беспечность непростительна в деле затяжки ареста заговорщиков по Кремлю (Брюханов и др.).

В-пятых. Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший нач. УНКВД ДВК предатель Люшков и последнее время Наркомвнудел Украинской ССР предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японию и Успенскому пока неизвестно куда, и розыски которого продолжаются.

Все это вместе взятое делает совершенно невозможным мою дальнейшую работу в НКВД.

Еще раз прошу освободить меня от работы Наркома Внутренних Дел СССР.

Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК — НКВД погромил врагов здорово.

Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК сочтет необходимым меня использовать, — оправдать доверие ЦК»[433].

Прочитав письмо, Сталин вечером в тот же день вызвал Ежова к себе. Кроме вождя в кабинете находились еще В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов. Беседа продолжалась больше трех часов, и в ходе нее Ежов постарался объяснить причины своих служебных прегрешений. Связаны они, по его словам, были с тем, что из-за служебной перегруженности делами ему не удалось в полной мере проконтролировать работу своих подчиненных, среди которых оказалось много явных и тайных врагов, всячески мешавших ему выполнять возложенные на него обязанности.

Однако эти объяснения не встретили понимания у собеседников, и, вернувшись домой, Ежов решил изложить переполнявшие его чувства в более доходчивой, письменной форме, о чем свидетельствует сохранившийся черновик его письма к Сталину.

«Дорогой товарищ Сталин, — писал Ежов. — 23 ноября после разговора с Вами и тт. Молотовым и Ворошиловым я ушел еще более расстроенным. Мне не удалось в сколько-нибудь связной форме изложить и мои настроения, и мои грехи перед ЦК, перед Вами. Получилось нескладно. Вместо облегчения — еще более тяжелый осадок недовысказанного, недоговоренного. Чувство, что недоверие, которое совершенно законно возникло у Вас против меня, не рассеялось, а, может быть, стало даже большим.

Решил поэтому написать. Когда пишешь, получается продуманней и систематичней»[434].

Далее Ежов рассказал о том, как после его назначения наркомом водного транспорта он вынужден был почти все время посвящать наведению порядка в новом ведомстве и уже не мог уделять должного внимания НКВД, что сразу же сказалось на результатах работы последнего.

«Все это перегружало и без того перегруженную нервную систему. Стал нервничать, хвататься за все и ничего не доводил до конца. Чувствовал, что Вы недовольны работой наркомата. Это еще больше ухудшало настроение. Казалось [бы], что надо идти в ЦК и просить помощи. У меня не хватило большевистского мужества это сделать. Думал, выкручусь сам»[435].

Затем произошло бегство Люшкова.

«Это... говорило и о том, что в аппарате НКВД продолжают сидеть предатели. Я понимал, что у Вас должно создаться настороженное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал все время. Естественно, что это еще больше ухудшало настроение. Иногда я стал выпивать... Вместо того, чтобы пойти к Вам и по-честному рассказать все, по-большевистски поставить вопрос, что работать не в состоянии, что нужна помощь, я опять отмалчивался, и дело от этого страдало»[436].

Далее Ежов коснулся своего кадрового окружения, среди которого оказалось так много врагов и предателей.

«Мне всегда казалось, что я знаю, чувствую людей. Это самый; пожалуй, тяжелый для меня вывод, что я их знал плохо. Я никогда не предполагал глубины подлости, до которой могут дойти все эти люди»[437].

Во второй части письма Ежов остановился на своих переживаниях в связи с появлением в НКВД Берии.

«Видел в этом элемент недоверия к себе... думал, что его назначение — подготовка моего освобождения»[438].

Считая, видимо, что основная угроза для него исходит сейчас от Берии и той информации, которой тот снабжает Сталина, Ежов попытался скомпрометировать, насколько это возможно, своего первого заместителя и предостеречь вождя от излишнего доверия к

нему. Делать это напрямую Ежов, вероятно, не решился и облек свою критику в форму пересказа бесед с Фриновским на данную тему.

«Еще задолго до назначения т. Берия у некоторых людей в аппарате, и главным образом у Фриновского, были предубежденные отношения к грузинским делам по линии ЧК... Фриновский, например, мне очень часто говорил: «Ну все чекисты, кто работал когда-то в Закавказье, обязательно пройдут по каким-либо показаниям в Грузии — «липуют» там дела»[439].

Свое ближайшее окружение, пересказывал Ежов слова Фриновского, Берия перестрелял, и подозрительно, что он хочет уничтожитьтакже всех чекистов, когда-либо работавших в Грузии.

После перевода Берии в Москву Фриновский, по словам Ежова, убеждал его в следующем: с Берией они не сработаются, будет два центра управления, необъективно будет информироваться ЦК и товарищ Сталин, недостатки будут возводиться в систему, Берия не побрезгует никакими средствами для того, чтобы прибрать всю власть к рукам.

«Я, — пишет Ежов, — не только слушал, но во многом соглашался... В результате всего этого сволочного своего поведения я наделал массу совершенно непростительных глупостей. Они выражались в следующем: а) всякое справедливое критическое замечание т. Берия о работе аппарата я считал необъективным; б) мне казалось, что т. Берия недоучитывает обстановку, в которой мне пришлось вести работу, и недоучитывает, что работа все же была проделана большая; в) мне казалось, что т. Берия оттирает меня от работы ГУГБ; г) мне казалось, что т. Берия недостаточно объективен в информации ЦК и, наконец, д) что все это направлено персонально против меня»[440].

На этих словах черновик обрывается, и было ли письмо дописано и передано адресату, понять невозможно.

Вечером **24** ноября, как раз тогда, когда Ежов заканчивал свое послание вождю, Сталин ставил свою подпись под решением Политбюро о его отставке.

«Рассмотрев заявление тов. Ежова с просьбой об освобождении его от обязанностей наркома внутренних дел, — говорилось в решении, — и принимая во внимание как мотивы, изложенные в этом заявлении, так и его болезненное состояние, не дающее ему возможности руководить одновременно двумя большими наркоматами, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Удовлетворить просьбу тов. Ежова об освобождении его от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР.

2. Сохранить за тов. Ежовым должность секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта»[441].

Следующим решением, датированным уже **25** ноября, Политбюро постановило назначить народным комиссаром внутренних дел СССР Л.П. Берию.

Официальная информация о переменах в руководстве НКВД появилась на страницах печати лишь две недели спустя, и за это время просачивающиеся сверху слухи успели обрасти массой самых невероятных подробностей. Начальник Главного управления фотопромышленности А.Г. Соловьев записал **2** декабря в дневнике рассказ своего приятеля С.И. Жбанкова, директора Центрального кинофотофоноархива:

«Жбанков... с большим волнением сообщил об аресте Ежова. Событие кажется невероятным. Секретарь ЦК, председатель КПК, НКВД и вдруг сам арестован. Жбанков уверяет, что он в чем-то не поладил с грузинским секретарем ЦК Берия*, который помешал уполномоченному НКВД по Грузии кого-то арестовать в Тифлисе. Рассвирепевший Ежов сам помчался в Тифлис, чтобы арестовать уполномоченного и подозреваемого самого Берия. А когда прибыл в Тифлис, Берия ждал его, сразу арестовал, заключил под стражу и доставил в Москву к т. Сталину с компрометирующими документами. Теперь Ежов под стражей, а Берия назначен в НКВД вместо Ежова»[442].

* Как уже говорилось, о назначении Берии заместителем Ежова три с лишним месяца назад нигде официально не сообщалось.

Наконец, **8** декабря в центральных газетах на последней странице в разделе «Хроника» появилось короткое сообщение:

«Тов. Ежов Н.И. освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел, с оставлением его народным комиссаром водного транспорта. Народным комиссаром внутренних дел СССР утвержден тов. Л.П. Берия»[443].

На следующий день после своего назначения Берия отменил все приказы, циркуляры и распоряжения Ежова, на основании которых проводилась «массовая операция», и потребовал от подчиненных неукоснительного соблюдения норм действующего законодательства.

Эпоха Ежова завершилась. Ее жертвами за период с октября **1936** года по ноябрь **1938**-го стали примерно **1** миллион **400** тысяч человек, осужденных за так называемые контрреволюционные преступления или скончавшихся в ходе следствия. Почти **700** тысяч человек были расстреляны (в **30** раз больше, чем за предыдущие два года), а из приговоренных к различным срокам заключения многие погибли от голода, болезней и изнурительных работ в исправительно-трудовых лагерях.

36. Беда не приходит одна

19 ноября **1938** года, за несколько часов до того как Ежов отправился на совещание в Кремле, решившее его судьбу, находившаяся на лечении в санатории им. В.В. Воровского его жена Е.С. Хаютина-Ежова приняла смертельную дозу снотворного.

Последний раз о семейной жизни Ежова речь шла в главе, посвященной его работе в Организационно-распределительном отделе ЦК, и говорилось, что, в результате переезда в столицу для учебы на курсах марксизма, он смог после двух с половиной лет разлуки воссоединиться наконец с законной супругой, А.А. Титовой. Однако в Москве жизнь четы Ежовых не заладилась. Ежов, не отличавшийся супружеской верностью, частенько «глядел на сторону», и в конце концов семья распалась, хотя официально развод был оформлен только в **1930** году.

Новой избранницей Ежова стала Е.С. Хаютина-Гладун — жена его знакомого А.Ф. Гладуна. Евгения Соломоновна Фейгенберг (Хаютина — по первому муже, Гладун — по второму) родилась в Гомеле в **1904** г., то есть была на девять лет моложе Ежова. В **1923** г. вместе с первым мужем она переехала в Москву, где работала сначала делопроизводителем в газете «Экономическая жизнь», затем корректором в типографии «Красный маяк» и в рекламном отделе «Крестьянской газеты». В **1925**-м или **1926**-м развелась, вышла замуж за директора издательства «Экономическая жизнь» А.Ф. Гладуна и, когда он вскоре был направлен на работу в Полномочное представительство СССР в Лондоне, уехала вместе с ним. После разрыва в **1927** года дипломатических отношений между СССР и Великобританией супруги вернулись в Москву. А.Ф. Гладун был назначен заведующим отделом культуры профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, а Евгения Соломоновна, окончив курсы по повышению квалификации корректоров, устроилась на работу в издательство «Книгосоюз».

Супруги любили принимать гостей, и в их доме часто бывали такие известные люди, как заместитель председателя правления Госбанка СССР Ю.Л. Пятаков, литературный критик А.К. Воронский, писатель И.Э. Бабель, и др. Стал захаживать «на огонек» и Ежов, знавший А.Ф. Гладуна по работе. Евгения Соломоновна проявляла большой интерес к новостям внутриполитической жизни, ко всякого рода назначениям и перемещениям, и Ежов, как работник Орграспредотдела ЦК, являлся, конечно, весьма ценным источником такой информации, что выгодно отличало его от многих других гостей.

Внешне привлекательная и общительная хозяйка дома пользовалась повышенным вниманием мужчин. Подался общему настроению и Ежов, и в конце концов ему удалось оттеснить всех своих конкурентов. Произошло это весной **1929** года, когда А.Ф. Гладун в соответствии с тогдашней практикой был отправлен наблюдать за посевной кампанией в одну из губерний. По возвращении выяснилось, что за время отсутствия ему нашли замену. Правда, Евгения Соломоновна уговорила мужа не подавать пока на развод и, не препятствуя ее роману с Ежовым, дождаться, пока они будут готовы придать своим отношениям официальный характер.

В **1930** году Ежов оформил, наконец, свой развод с А.А. Титовой и вступил в новый брак. Первое время, не сумев еще избавиться от холостяцких привычек, он частенько возвращался домой лишь под утро, предпочитая обществу жены дружеские пирушки в компании своих приятелей Ю.Л. Пятакова, Ф.М. Конара, Л.Е. Марьясина и других. Как отмечал Исаак Бабель, близко знавший Евгению Соломоновну, «супружеская жизнь Ежовых первого периода была полна трений и уладилась не скоро»[444]. Возможно, это произошло с появлением в семье приемной дочери Натальи. В отсутствие своих детей, супруги решили взять на воспитание ребенка из дома младенца. Маленькая Наташа сразу стала главным человеком в семье, и, конечно, совместные заботы о ней сильно сблизили приемных родителей...

Пока Ежов выстраивал свою партийную карьеру, Евгения Соломоновна тоже не тратила времени зря. В **1935** году она стала заместителем ответственного редактора иллюстрированного журнала «СССР на стройке», издававшегося, кроме русского, также на немецком, английском и французском языках и распространявшегося главным образом за

границей. Созданный в **1930** году по инициативе А.М. Горького журнал призван был информировать зарубежных читателей об успехах Советского Союза в деле строительства нового общества. Помещенные в нем фотографии, статьи и очерки рассказывали о преимуществах советской экономической системы, о достижениях в области науки, техники, искусства и спорта, о счастливой зажиточной жизни трудящихся, об успехах в решении национального вопроса и тд.

Ответственным редактором журнала считался Ю.Л. Пятаков, однако, ввиду его занятости по основной работе (сначала в Госбанке, а затем в Наркомате тяжелой промышленности), фактическим руководителем издания являлась именно Евгения Соломоновна. Поэтому арест Пятакова в конце **1936** года никаких проблем для редакционного коллектива не создал. Новым официальным редактором журнала сначала был назначен (по совместительству) заместитель председателя Совнаркома СССР В.И. Межлаук, затем его сменил первый секретарь ЦК комсомола А.В. Косарев, непосредственной же работой продолжала, как и раньше, заниматься Евгения Соломоновна.

Свободное время супруги Ежовы предпочитали проводить в компании друзей и знакомых. Усилиями Евгении Соломоновны их квартира превратилась в своего рода светский салон, где, помимо подчиненных Ежова — работников аппарата ЦК, а в дальнейшем — чекистов, можно было встретить видных партийных функционеров — П.А. Поскребышева, А.В. Косарева, Р.И. Эйхе, журналистов, писателей, деятелей искусства. Гостей всегда ждал богатый стол, обильная выпивка и непринужденная обстановка, позволяющая приятно провести время, попеть и потанцевать.

Однако в конце мая или начале июня **1938** года вся эта идиллия внезапно закончилась, поскольку хозяевам дома стало совсем не до веселья. Как уже отмечалось ранее, в одной из бесед с Ежовым Сталин вдруг упомянул об его отношениях с репрессированным пять лет назад Ф.М. Конаром, и этот разговор поверг Ежова в состояние, близкое к паническому. Дело было так. Речь зашла о подозрительных, по мнению Сталина, связях жены Ежова с расстрелянным в **1936** году бывшим троцкистом Г.М. Аркусом. Что послужило поводом для этого разговора, не совсем ясно, тем более что никаких особенно близких контактов с Аркусом у Евгении Соломоновны не было. Познакомилась она с ним в **1927** году, когда, возвращаясь из Лондона в Москву, задержалась на два месяца в Берлине (в то время Аркус работал там в качестве представителя Госбанка СССР). Потом в Москве несколько раз виделась с его женой и один или два раза с ним самим.

Однако вряд ли Сталина интересовало действительное положение вещей. Чтобы начать отдалять от себя Ежова, ему нужны были чисто формальные поводы, и вариант с женой был ничуть не хуже других.

Под конец беседа с вождем приобрела для Ежова совсем уж скверный оборот. Поинтересовавшись вдруг, не мог ли такую запятнанную связями с троцкистами жену подсунуть ему его бывший приятель Ф.М. Конар или кто-то другой из разоблаченных впоследствии шпионов, Сталин порекомендовал Ежову как следует подумать и решить для себя вопрос о целесообразности развода.

Придя домой, Ежов рассказал о случившемся жене, высказав предположение, что состоявшийся разговор и особенно то внимание, которое Сталин уделил его прошлым связям с Конаром, ставят под сомнение всю его политическую карьеру. Несколько раз затем супруги возвращались к этой теме, и в конце концов Ежов спросил, не стоит ли им и в самом деле развестись.

Однако Евгения Соломоновна с этим категорически не согласилась. Выразив убеждение, что ничего страшного не произошло и что все обойдется, она посоветовала Ежову при случае напомнить Сталину их разговор и заявить о своем полном доверии жене и нежелании развода[445].

Неизвестно, последовал он этому совету или нет, но с того времени спокойной жизни супругов Ежовых пришел конец. Хотя Евгения Соломоновна и убеждала мужа, что все обойдется, сама она в этом уверена, по-видимому, не была, и охватившее ее беспокойство стало проявляться даже и внешне. Ей все время нужно было о чем-то говорить, чем-то заниматься — только так можно было отвлечься и забыться, хотя бы на какое-то время.

Возможно, одним из способов уйти от тягостных мыслей стал приключившийся как раз в это время ее роман с М.А. Шолоховым, еще больше осложнивший отношения в семье.

Как уже говорилось, у ЕвгенийСоломоновны, особенно в прежние годы, было довольно много поклонников, и некоторым из них удавалось добиться взаимности. Известно, например, о ее близких отношениях с писателем И.Э. Бабелем, исследователем Арктики О.Ю.

Шмидтом, да и сам Ежов сумел расположить к себе будущую супругу задолго до официального оформления их союза. Правда, выйдя в третий раз замуж, Евгения Соломоновна, похоже, остепенилась и уже не позволяла себе прежних вольностей. В противоположность этому, Ежов и в этом браке вел себя довольно свободно, не упуская возможности приударить за любой мало-мальски привлекательной женщиной, оказавшейся в поле его зрения. Зинаида Глихина, близкая подруга Евгении Соломоновны, вспоминала позднее:

> «Он готов был установить интимную связь с любой, хотя бы случайно подвернувшейся женщиной, не считаясь ни со временем, ни с местом, ни с обстоятельствами. От Хаютиной-Ежовой мне известно, что Н.И. Ежов в разное время в безобразно пьяном состоянии приставал, пытаясь склонить к сожительству, ко всем женщинам из обслуживающего его квартиру персонала» [446].

> «Знаю со слов Хаютиной-Ежовой, — продолжала Гликина, — что он использовал свою конспиративную квартиру по линии НКВД на Гоголевском бульваре как наиболее удобное место для свиданий и интимных связей с женщинами»[447].

Подобными наблюдениями делились впоследствии и многие другие лица из ближайшего окружения Ежова.

Евгения Соломоновна как могла боролась с супружеской неверностью мужа и ее последствиями. Когда в **1936** году одна из знакомых Ежова забеременела от него, Евгения Соломоновна с помощью своих связей в Наркомате здравоохранения помогла ей сделать аборт (в то время они уже были запрещены). В конце концов она, видимо, смирилась с легкомысленным поведением мужа и уже не так болезненно реагировала на него, как в начале их совместной жизни, особенно если не видела в этом опасности для их брака.

Однако летом **1938** года супруги словно поменялись ролями, и уже не Ежов, а сама Евгения Соломоновна предстала в образе разрушительницы семьи. Она познакомилась с М.А. Шолоховым, по-видимому, в феврале **1938** года, когда тот приезжал в Москву жаловаться на бесчинства чекистов в его родном Вешенском районе. После беседы в наркомате Ежов пригласил Шолохова к себе на дачу, где и произошла встреча знаменитого писателя с женой не менее знаменитого сталинского наркома. Евгения Соломоновна понравилась Шолохову, и когда в июне **1938** года писатель снова побывал в столице, он посетил ее в редакции журнала «СССР на стройке» под предлогом своего участия в выпуске номера, посвященного красному казачеству.

В середине августа **1938** г. Шолохов в очередной раз оказался в Москве и вместе с писателем А.А. Фадеевым заехал в редакцию к Евгении Соломоновне, после чего они втроем отправились обедать к Шолохову в гостиницу «Националь».

Домой Евгения Соломоновна приехала в тот день поздно вечером. Ежов уже вернулся с работы и был очень недоволен, когда узнал, как она проводила время, тем более что из поведения жены ясно следовало, что ухаживания Шолохова не оставили ее равнодушной.

На следующий день Шолохов снова был в редакции, опять они, теперь уже вдвоем, отправились в «Националь», но на этот раз одним только обедом в гостиничном номере дело не ограничилось.

Прослушиванием номеров в гостиницах, в том числе в гостинице «Националь», занималось **1**-е отделение Отдела оперативной техники. Порядок был установлен следующий. Номера, где проживали представляющие интерес постояльцы, прослушивались по специальным указаниям, поступающим от тех или иных оперативных подразделений НКВД (такое задание было получено, в частности, и на прослушивание номера Шолохова во время его предыдущего пребывания в Москве в июне **1938** г.). Контролеры (стенографистки), не имеющие на данный рабочий день конкретного задания, должны были периодически, методом свободной охоты, — подключаться к различным гостиничным номерам и, если услышанный ими разговор оказывался интересным, — записывать его.

Накануне того дня, когда Евгения Соломоновна пришла в гости к Шолохову, одна из стенографисток, подсоединившись к гостиничному номеру писателя и узнав его по голосу, запросила у руководства санкцию на дальнейшее прослушивание. Начальник Отдела оперативной техники М.С. Алехин связался с начальником Секретно-политического отдела А.С. Журбенко и, получив от него подтверждение целесообразности контроля, распорядился продолжать прослушивание. Поэтому, когда на следующий день ничего не подозревающие Евгения Соломоновна и Шолохов оказались в номере писателя, их свидание было добросовестно запротоколировано, причем фиксировались не только произносимые слова, но и то, что, по мнению стенографистки, в этот момент происходило («*идут в ванную*»,

«*ложатся в постель*» и т.д.).

Ознакомившись на следующий день с представленной ему записью, М.С. Алехин сразу же направился на доклад к Ежову. По возвращении он вызвал помощника начальника 1-го отделения Н.П. Кузьмина и приказал никому о случившемся не рассказывать, даже начальнику отделения В.В. Юшину, находившемуся в тот момент в командировке, а в дальнейшем все материалы (стенограммы и тетради стенографических записей) в запечатанном виде, и ни в коем случае не читая, передавать лично ему.

Свидетелем реакции Ежова на случившееся стала подруга Евгении Соломоновны З.Ф. Гликина. Вот что она потом рассказывала об этом:

«На другой день [после свидания с Шолоховым] поздно ночью Хаютина-Ежова и я, будучи у них на даче, собирались уж было лечь спать. В это время приехал Н.И. Ежов. Он задержал нас и пригласил поужинать с ним. Все сели за стол. Ежов ужинал и много пил, а мы только присутствовали как бы в качестве собеседников.

Далее события разворачивались следующим образом. После ужина Ежов в состоянии заметного опьянения и нервозности встал из-за стола, вынул из портфеля какой-то документ на нескольких листах и, обратившись к Хаютиной-Ежовой, спросил: «Ты с Шолоховым жила?»

После отрицательного ее ответа Ежов с озлоблением бросил его [т.е. документ) в лицо Хаютиной-Ежовой, сказав при этом: «На, читай!»

Как только Хаютина-Ежова начала читать этот документ, она сразу же изменилась в лице, побледнела и стала сильно волноваться. Я поняла, что происходит что-то неладное, и решила удалиться, оставив их наедине. Но в это время Ежов подскочил к Хаютиной-Ежовой, вырвал из ее рук документ и, обращаясь ко мне, сказал: «Не уходите, и вы почитайте!» При этом Ежов бросил мне на стол этот документ, указывая, какие места читать.

Взяв в руки этот документ и частично ознакомившись с его содержанием... я поняла, что он является стенографической записью всего того, что произошло между Хаютиной-Ежовой и Шолоховым у него в номере.

После этого Ежов окончательно вышел из себя, подскочил к стоявшей в то время у дивана Хаютиной-Ежовой и начал избивать ее кулаками в лицо, грудь и другие части тела. Лишь при моем вмешательстве Ежов прекратил побои, и я увела Хаютину-Ежову в другую комнату.

Через несколько дней Хаютина-Ежова рассказала мне, что Ежов уничтожил указанную стенограмму»[448].

А жизнь тем временем наносила новые удары. Не успел Ежов прийти в себя после измены жены, как стало известно о назначении Л.П. Берии. Только он вышел из десятидневного запоя, которым отметил это событие, как приключилась новая беда, и опять с Евгенией Соломоновной.

Что точно произошло, неизвестно, но секретарь Ежова С.А. Рыжова упоминала позднее, ссылаясь на домработницу Ежовых, что в ЦК ВКП(б) на имя Сталина поступило будто бы заявление о троцкистском прошлом Евгении Соломоновны[449]. Вероятно, именно в связи с этим Сталин вновь поставил перед Ежовым вопрос о разводе и на этот раз, судя по всему, в более категоричной форме. Во всяком случае, Ежов уже вполне серьезно предложил жене развестись, и это предложение привело ее в состояние глубочайшей депрессии. Не имеет смысла жить, сказала она своей подруге Зинаиде Орджоникидзе, если ей политически не доверяют.

В середине сентября 1938 года, в связи с сильным душевным расстройством жены, Ежов отправил ее на лечение в один из крымских санаториев. Спустя некоторое время Евгения Соломоновна прислала ему оттуда письмо-исповедь, в котором подводила итог всей прожитой жизни, а заодно опровергала обвинения, выдвинутые в ее адрес.

«Колюшенька, — писала она, — в Москве я была в таком безумном состоянии, что не могла даже поговорить с тобой. А поговорить очень хочется. Хочется подвести итог нашей совместной, и не только совместной, а своей жизни, потому что чувствую, что жизнь моя окончена. Не знаю, хватит ли сил все пережить.

Очень тебя прошу, и не только прошу, а настаиваю, проверить всю мою жизнь, всю меня. Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то несодеянных преступлениях. Очень это незаслуженно, и так меня подкосило, что чувствую себя живым трупом»[450].

Далее Евгения Соломоновна напомнила Ежову основные этапы своего жизненного пути, рассказала о встречах с бывшими троцкистами Г.М. Аркусом, Ю.Л. Пятаковым, Л.П. Серебряковым, А.К. Воронским и другими, пояснив, что ничего об их антисоветской деятельности не знала и никаких политических разговоров никогда с ними не вела.

«Я не чувствую себя абсолютно ни в чем виноватой перед страной и

партией, — писала она в заключение. — Я честно работала, тратя все силы и энергию на работу. За что же, Коленька, я обречена на такие страдания, которые человеку и придумать трудно... Сильно, очень сильно любя тебя, — потерять тебя и остаться одной, запятнанной, опозоренной, живым трупом. Все время голову сверлит одна мысль: зачем жить? Какую свою вину я должна искупить такими нечеловеческими страданиями... Прошу тебя, умоляю — проверь все. Ведь ты можешь и обязан это сделать. Ради меня, ради Натуси, ради себя самого, наконец. Ведь ты как-то за меня отвечаешь. Ведь при тебе только я начала сознательно относиться к политической жизни, начала читать, разбираться. Как, какими словами передать тебе всю боль мою, мою обиду? Одиночество беспросветное, мрак кругом. Может ли один человек столько вытерпеть? Оказывается, может, к сожалению. Лучше бы умерла от жесточайших мук физических.

Не пойми меня плохо, родной. Я считаю, что ты поступил бы правильно, если бы сначала проверил меня. Мне бы легче было. Ведь недоверие людей, за которых я жизнь готова отдать, не задумавшись, меня сжигает. А потерять тебя, тебя, которого я выходила во время болезни как маленького, которому отдала все лучшее, что имела, а в результате принесла страдания... А как мне хотелось хоть чем-нибудь сделать тебе хорошее... Если еще живу, то только потому, что не хочу тебе причинять неприятности, хватит с тебя.

Понимаю тебя, не сержусь и люблю так, как никогда не любила, хоть и всегда молилась на тебя за твою скромность, преданность партии и тов. Сталину. Если бы можно было хоть пять минут поговорить с этим дорогим мне до глубины души человеком. Я видела, как чутко он заботился о тебе, я слышала, как нежно он говорил о женщинах. Он поймет меня, я уверена. Он почувствует. Он не может ошибиться в человеке и дать ему потонуть...

Так тяжело, что нет сил писать. Как я одинока и как незаслуженно глубоко несчастна. А дальше что? Страшно подумать. Мечусь по комнатам, хочется кричать, бежать. Куда? К кому? Кто поверит? Ты должен проверить все, молю тебя.

Женя»[451].

Получив это письмо, Ежов вызвал жену в Москву, решив, видимо, что в том состоянии, в каком она находится, опасно оставлять ее надолго без присмотра. Как рассказывал позже начальник группы охраны Ежова В.Н. Ефимов, по возвращении Евгения Соломоновна попросила его никому не говорить о том, что она находится в Москве, поскольку она очень плохо себя чувствует, и, кроме того, чтобы ей ничего не рассказывали о муже и его проблемах. Но, видимо, какие-то сведения до нее все же доходили, поскольку некоторое время спустя она, по воспоминаниям Ефимова, упрекала его в том, что он не предупредил Ежова о необходимости снятия с работы Б.Я. Гулько и других арестованных к этому времени «заговорщиков» из Отдела охраны.

29 октября **1938** года Ежов поместил жену в расположенный на окраине Москвы санаторий им. Воровского, специализирующийся на лечении заболеваний нервной системы. Как рассказала врачам Евгения Соломоновна, больной она считает себя с лета этого года. Вначале преобладало состояние возбуждения, это продолжалось месяца три. В сентябре потеряла ко всему интерес, появилась гнетущая тоска, целыми днями плакала, возникли проблемы с памятью, стало трудно мыслить и говорить.

В период пребывания в санатории врачам не удалось добиться улучшения состояния ее здоровья. Напротив, болезнь прогрессировала. Появились галлюцинаций, навязчивые идеи, в связи с чем было принято решение, в случае дальнейшего ухудшения, перевести больную в психиатрическую больницу.

19 ноября **1938** года около шести часов вечера лечащий врач зашла к Евгении Соломоновне и обнаружила ее спящей. Это показалось странным, так как в это время она обычно не спала. При попытке разбудить ее, выяснилось, что сделать это невозможно. Зрачки были сужены, вяло реагировали на свет, отсутствовала реакция на укол. Ввиду подозрения на отравление, сделали промывание желудка, и в промывных водах было обнаружено вещество, напоминающее по своим свойствам люминал.

В принципе, врачи выписывали Евгении Соломоновне люминал для улучшения сна, но, естественно, в лечебных дозах. Однако, по свидетельству знакомого Ежова И.Н. Дементьева, примерно за неделю до случившегося З.Ф. Гликина, в связи с жалобами Евгении Соломоновны на бессонницу, привезла ей из дома какое-то сильнодействующее снотворное, по-видимому, это как раз и был люминал.

В течение двух дней врачи боролись за жизнь пациентки, однако их усилия успехом не увенчались, и **21** ноября **1938** года, в **19** часов **55** минут, Евгения Соломоновна, не приходя в сознание, скончалась. Как определило вскрытие, смерть наступила от двустороннего воспаления легких, возникшего в связи с отравлением люминалом.

37. Петля затягивается

Узнав из газет об освобождении своего шефа от обязанностей наркома внутренних дел, заместитель Ежова по Наркомату водного транспорта З.А. Шашков пришел к выводу, что настала пора действовать. Оставшись после ареста Я.М. Войнштока и Е.Г. Евдокимова единственным заместителем Ежова в НКВТ, он понимал, что очередь может дойти и до него. Хотя на занимаемую им должность Шашков, в отличие от своих арестованных коллег, был назначен еще при старом руководстве Наркомвода, за полтора месяца до прихода сюда Ежова, но все же большую часть времени он проработал на этом посту под началом «главного чекиста страны» и вполне уже мог рассматриваться наверху как его человек. А судя по тому, что происходило вокруг Ежова и с ним самим в последние недели, ничего хорошего от такой близости ждать не приходилось. Аресты ближайших помощников Ежова, а теперь и его смещение с поста наркома внутренних дел ясно показывали, что звездный час «верного соратника Сталина» прошел, и теперь с ним может произойти все что угодно. Необходимо было дистанцироваться от падающего в политическую бездну Ежова, и сделать это следовало как можно скорее.

9 декабря **1938** года Шашков направил на имя Сталина и Молотова письмо с анализом ситуации в Наркомводе, в котором, в частности, писал:

> «Решением СНК СССР от 27 марта [1938 г.] перед водным транспортом были поставлены крупные принципиальные вопросы. Бывшее руководство в лице Пахомова* после постановления не приняло мер к его реализации. Назначение наркомом Ежова Н.И. всколыхнуло массы водников, и, несомненно, несмотря на невыполнение годового плана перевозок, водный транспорт имеет чувствительное улучшение в работе. Результаты работы водного транспорта могли быть значительно лучшими, если бы приход наркомом т. Ежова Н.И. был подкреплен его действительно активной работой по руководству наркоматом. В течение всего лета, не руководя по существу наркоматом, т. Ежов передоверил все дело Евдокимову. За это время т. Ежов бывал в стенах наркомата не более 8-10 раз, по 2-3 часа, причем разрешая по преимуществу текущие вопросы. Евдокимов же, подготовляя основные вопросы, также затягивал их разрешение, мотивируя отсутствием санкции наркома. В результате, на сегодня постановление СНК СССР от 27 марта сорвано»[452].

* Пахомов Н.И. — предшественник Ежова на посту наркома водного транспорта.

Перечислив далее ряд вопросов принципиального характера, ждущих своего решения, Шашков продолжал:

> «Ряд руководящих работников, подобранных за последнее время из числа кадров НКВД, оказались врагами народа: начальник Центрального управления снабжения Курин, начальник Верхне-Волжского пароходства Листенгурт, начальник Московско-Окского пароходства Михельсон. Есть основания предполагать, что будет изъята группа тоже руководящих работников, пришедших за последнее время. Это все посеяло нездоровые настроения в центральном аппарате и на линии (*т.е. в региональных подразделениях. — А.П.*) по отношению к новому руководству. Водники ждут живого слова наркома о задачах водного транспорта, и до сего времени, кроме кратких резюме на проходящих узких заседаниях в кабинете, выступлений Ежова не было. Тов. Ежов до сего времени... не взялся за руководство наркоматом. С 8 ноября, т.е. с момента изъятия Евдокимова, т. Ежов заезжал в Наркомвод три раза, не разрешая всей суммы накопившихся вопросов, и то это происходило после неоднократных обещаний и долгих ожиданий...
>
> Я учитываю загрузку т. Ежова и не требую повседневного пребывания его в стенах наркомата, но дальше мириться с таким положением дел также нельзя. Я как замнаркома несу полную ответственность за руководство наркоматом и принимаю все зависящие меры к улучшению работы наркомата и в целом водного транспорта.
>
> По затронутым вопросам прошу ваших указаний»[453].

Несколько раз Молотов звонил Ежову, интересовался, почему тот не выходит на работу. Однако Ежов не исправился, а скорее всего и не мог этого сделать по причине беспробудного пьянства, которым он пытался заглушить охватившее его в те дни чувство отчаяния и безысходности. Пришлось вразумлять его официально. **10** января **1939** г. принимается постановление Совнаркома СССР «О наложении взыскания на наркома водного транспорта тов. Ежова Н.И. за систематическую неявку вовремя на работу». В постановлении говорилось:

> «Ввиду того, что народный комиссар водного транспорта тов. Ежов систематически не является вовремя на работу и, несмотря на неоднократные предупреждения председателя СНК, продолжает приходить в Наркомвод в 3, 4 и 6 часов вечера, манкируя работой и исполнением

обязанностей наркома, Совнарком СССР постановляет:

1. Объявить наркому тов. Ежову выговор за манкирование работой в наркомате и предупредить о недопустимости этого впредь.

2. Обязать тов. Ежова вовремя являться в наркомат и нормально осуществлять руководство наркоматом»[454].

На первый взгляд реакция руководства на поведение Ежова выглядит вполне естественной: плохо относишься к работе — получи выговор. Но не стоит забывать, о каком времени идет речь. В те годы одно лишь подозрение в «манкировании» служебными обязанностями функционера такого ранга, не говоря уже о систематической неявке вовремя на работу, тем более после неоднократных предупреждений, предполагало немедленное отстранение от занимаемой должности с последующим арестом. Кстати, всего за две недели до этого, **28** декабря **1938** г., было принято совместное постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС, в соответствии с которым рабочие и служащие, без уважительных причин опоздавшие на работу более чем на **20** минут, считались прогульщиками и подлежали увольнению.

Однако в случае с Ежовым ничего такого не произошло. Сталин старательно демонстрировал ближайшему окружению, что, несмотря на столь глубокое падение своего вчерашнего фаворита, он не потерял еще надежды, что тот одумается и исправится. Ни у кого не должно было возникнуть подозрения, что его судьба давно уже решена и все происходящее есть не что иное, как подготовка к принятию окончательного решения.

А тем временем обнаруживались все новые и новые прегрешения Ежова. В начале января **1939** г. Комиссия советского контроля (КСК), которая раньше и близко не осмелилась бы подойти к Ежову и возглавляемым им учреждениям, вдруг решает проверить ход ремонта выделенного Наркомводу в апреле **1938** г. здания на углу Театрального проезда и Рождественки, куда предполагалось перевести центральные службы НКВТ. **8** января **1939** г. исполняющий обязанности руководителя группы водного транспорта КСК А.С. Леонтьев в докладной записке на имя заместителя председателя Комиссии советского контроля З.М. Беленького сообщил, что, вместо выделенных Совнаркомом **750** тыс. рублей, занимающаяся ремонтом здания строительная контора НКВД по согласованию с аппаратом Наркомвода собирается израсходовать на эти цели **2** млн. **123** тыс. рублей, и, исходя из этой незаконной и официально не утвержденной цифры, ремонт фактически и ведется. При этом в ходе переоборудования шестого этажа, где предполагалось разместить руководство наркомата, допущены совершенно нетерпимые излишества.

«Этот этаж, — писал Леонтьев, — имеет полезной площади 1100 кв. метров, разбит на 23 комнаты и полностью предназначен для размещения наркома, трех заместителей и их секретариата. Кабинет наркома, свыше 100 кв. метров, имеет очень дорогую отделку. При кабинете имеется комната отдыха, ванная комната, уборная и 4 комнаты для секретариата и для приема [посетителей]. Кабинеты заместителей наркома тоже очень большие, отделаны попроще, но тоже дорого, и при каждом имеется комната отдыха, уборная и умывальная, комната для приема и комната для секретариата. Кроме того, имеется несколько комнат для общего обслуживания руководства наркомата (особая кухня, буфет и пр.).

Такое использование полезной площади является совершенно недопустимой расточительностью, а главное, не вызывается никакой необходимостью. Более половины этой площади без всякого ущерба для руководства наркомата могло быть использовано под общие нужды наркомата...»[455]

Разумеется, подобные излишества были характерны не только для Наркомвода. Комфортные условия существования стремились создать себе руководящие работники всех уровней, однако до тех пор, пока они оставались в фаворе, такого рода проверок можно было не опасаться.

Переслав Молотову письмо своего подчиненного, заместитель председателя Комиссии советского контроля З.М. Беленький приписал от себя: «Я лично осмотрел помещение **6**-го этажа этого дома, и сообщение т. Леонтьева считаю абсолютно правильным. Тов. Ежов должен нести ответственность за безобразия, которые допустил аппарат НКВД и Наркомвода при ремонте этого дома»[456].

В тот же день записку Леонтьева Молотов направил членам Политбюро Л.М. Кагановичу и А.И. Микояну, своему заместителю Н.А. Булганину и самому Ежову, сопроводив их следующим указанием:

«Прошу ознакомиться, а т. Ежова — дать объяснения. Надо обсудить это дело»[457].

Чем закончилось обсуждение, неизвестно, но, в любом случае, это была пока еще только пристрелка, а орудия главного калибра ударили по Ежову лишь в конце января **1939** г., когда

была наконец завершена передача дел по НКВД новому руководству Наркомата.

Первоначально предполагалось, видимо, что дела будут сданы в течение нескольких дней после освобождения Ежова от обязанностей наркома внутренних дел. Однако из-за не вполне адекватного состояния Ежова эта процедура все откладывалась, и 5 декабря 1938 г. Политбюро пришлось даже принимать специальное решение «О приеме-сдаче дел по НКВД», в котором говорилось:

> «Обязать т. Ежова, бывшего наркома внутренних дел, сдать дела по НКВД, а т. Берия, наркома внутренних дел, принять дела.
>
> Сдачу и приемку дел произвести при участии секретаря ЦК ВКП(б) т. Андреева и зав. ОРПО ЦК т. Маленкова.
>
> Сдачу и приемку дел начать 7 декабря и закончить в недельный срок»[458].

Однако ни в неделю, ни в месяц уложиться не удалось. Ежов под разными предлогами уклонялся от посещения НКВД, процесс передачи дел затянулся, и, в результате, когда 29 января 1939 г. приемный акт был, наконец, подписан, в него вошло множество самых разных обвинений в адрес Ежова, которые подручные Берии сумели получить к этому времени от арестованных чекистов.

Сам акт приемки до сих пор не рассекречен, однако некоторое представление о содержащихся в нем претензиях к бывшему руководителю НКВД можно получить из сохранившихся в архиве черновых записей Ежова на эту тему[459] и нескольких опубликованных фрагментов.

Судя по ним, приемный акт представлял собой подборку свидетельств и документов, фиксирующих недостатки в работе НКВД и указывающих на допущенные Ежовым многочисленные ошибки, которые либо граничили с должностными преступлениями, либо таковыми и являлись.

Одним из наиболее часто встречающихся было обвинение в утаивании от ЦК партии (то есть от Сталина) компрометирующих материалов на руководящих работников НКВД. В вину Ежову ставилось также сокрытие информации о так называемых оперативных перегибах на местах и сведений о якобы существовавшей в комендатуре Кремля подпольной группе заговорщиков-террористов, узнав о которой еще в апреле 1938 г. он никаких действий не предпринял, в результате чего «заговорщики» были разоблачены только с приходом Берии.

Почти все подразделения НКВД, по мнению составителей приемного акта, из-за преступной халатности Ежова работали не в полную силу. В Отделе охраны, например, штаты были недоукомплектованы, порядок работы и инструкции не утверждены, допускалось «провокационное ухудшение материального положения сотрудников» в части обеспечения их жильем, обмундированием, зарплатой. В Специальном отделе оказался запутанным учет шифров, отсутствовало необходимое число переводчиков, была сорвана подготовка молодых кадров и тд.

Но имелись и исключения. Повышенным вниманием окружил Ежов созданную при нем специальную группу под руководством Я.И. Серебрянского, предназначенную для выполнения особо секретных операций за границей — терактов, похищений, диверсий. Такая забота о группе террористов и диверсантов, выполняющих прямые указания наркома, выглядела, по мнению составителей акта, весьма подозрительно.

Самоустранившись от контроля за положением дел в регионах и передоверившись местным чекистам, утверждалось в акте, Ежов в то же время не снабдил их четкими инструкциями, касающимися проведения массовых операций вообще и операций по так называемым национальным контингентам в особенности, что стало причиной многочисленных злоупотреблений.

Высказывались претензии и к практиковавшимся при Ежове методам ведения следствия. В разделе «Об извращениях органами НКВД карательной политики советской власти» отмечалось, что «в ряде случаев протоколы [допросов] фабриковались, составлялись фиктивные показания и давались на подпись арестованным. В погоне за большим количеством «признаний» прибегали к обману арестованных, заявляя им, что показания условны и их нужно подписать для того, чтобы помочь партии и правительству в осуществлении решения о закрытии иностранных консульств и в деле компрометации сотрудников этих консульств»[460].

Приводились показания бывшего заместителя наркома внутренних дел Украины А.А. Яролянца о том, как по заранее разработанным схемам составлялись несуществующие запасные, параллельные, областные и всякие иные «центры». Рассказывалось, как в Житомирской области по единоличному распоряжению начальника местного УНВД Г.М.

Вяткина в **1937-1938** гг. было расстреляно свыше четырех тысяч арестованных, среди которых были беременные женщины и несовершеннолетние дети. В момент расследования этого факта выяснилось, что более чем на две тысячи расстрелянных протоколы членами «тройки» подписаны не были, и на многих расстрелянных не оказалось следственных дел[461].

В принципе, выдвинутых против Ежова обвинений было уже достаточно для того, чтобы применить к нему любые меры воздействия, вплоть до самых суровых, и это выглядело бы вполне оправданно. Однако поступать так было пока преждевременно. Его исчезновение накануне намеченного на март **1939** года очередного съезда партии могло спровоцировать на съезде нежелательные разговоры среди делегатов, тем более что тема необоснованных репрессий и так уже достаточно активно обсуждалась в партийной среде. После смещения Ежова с поста наркома внутренних дел и ареста большинства его региональных представителей в адрес Сталина поступали многочисленные послания от партийных работников разного уровня, в которых высказывалась озабоченность по поводу применяемых в НКВД методов ведения следствия и ставились под сомнение достигнутые с их помощью результаты. Чтобы пригасить неуместную активность партийцев на местах, Сталин даже вынужден был приоткрыть карты и принять на себя часть ответственности за происходившее. В телеграмме, разосланной им **10** января **1939** г. во все обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий, а также во все региональные управления НКВД, говорилось:

> «ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии, на практике, метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что и понесли должную кару*. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку (*т.е. «если». — А.П.*) он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»[462].

* Приведенный в качестве примера перечень тех, кто «загадил» методы физического воздействия и «понес должную кару», выглядит довольно странно. Л.М. Заковский действительно был осужден, правда, не за применение методов физического воздействия, а по обвинению в шпионаже и антисоветской троцкистской деятельности. Что касается М.И. Литвина, то его никто ни за что не покарал, так как он, не дожидаясь этого, покончил жизнь самоубийством, а А.И. Успенского при всем желании невозможно было покарать, поскольку в январе **1939** г. он находился еще в бегах и будет пойман только спустя три месяца.

Это разъяснение было тем более необходимо, что из прежних руководителей, знакомившихся в **1937** г. с соответствующим решением Политбюро, на свободе никого почти уже не осталось, а пришедшие им на смену могли предположить, что вместе с Ежовым и его людьми в опалу попадают и их методы работы. На самом же деле методы, как оказалось, были вполне правильными, только применять их надо было не ко всем без разбора, а к «заядлым агентам» и «заклятым врагам», и если кто опять ошибется и неправильно определит степень заядлости и заклятости, то сам и виноват будет.

А тем временем Ежов подводил неутешительные итоги своего пребывания на посту наркома водного транспорта. Задание по перевозкам на **1938** г., как и в предыдущие годы, оказалось невыполненным. Не помог и метод Блидмана. Как отмечалось в газете «Водный транспорт», из-за пассивности портовых служб он применялся лишь от случая к случаю. Выступая **14** января **1939** г. на совещании работников водного транспорта, Ежов вынужден был признать, что план навигации прошлого года оказался сорван, поскольку работает наркомат все еще плохо и подлинно большевистского порядка на водном транспорте нет.

Стремясь хоть как-то смягчить выдвигаемые в его адрес обвинения в недостатке служебного рвения, Ежов распорядился периодически публиковать в отраслевой газете «Водный транспорт» свои приказы по наркомату. Издаваемые, естественно, и раньше, они

доводились до заинтересованных лиц и подразделений по обычным каналам, а широкая воднотранспортная общественность, если и знакомилась с некоторыми из них, то, как правило, в изложении. Теперь же целые газетные полосы стали регулярно отводиться под пространные ежовские распоряжения, касающиеся самых разных сторон жизни и деятельности возглавляемого им учреждения: хода зимнего судоремонта, подготовки к очередной навигации, награждения лучших стахановцев и т.д. Почти месяц работники водного транспорта могли следить за бурной деятельностью своего наркома, однако в конце концов Ежов, вероятно, осознал тщетность своих попыток реабилитировать себя таким способом, и в середине февраля его публикаторская активность прервалась так же внезапно, как и началась.

* * *

XVIII съезд партии открылся **10** марта **1939** года. Накануне (с **23** февраля по **10** марта) были расстреляны почти все находившиеся еще под следствием члены и кандидаты в члены ЦК, избранные на предыдущем съезде, — А.И. Егоров, А.В. Косарев, С.В. Косиор, М.М. Кульков, Л.И. Мирзоян, П.П. Постышев, П.И. Смородин, А.И. Угаров, Н.А. Филатов и В.Я. Чубарь. Теперь из подвергшихся репрессиям членов ЦК в живых оставались лишь трое: Е.Г. Евдокимов и Р.И. Эйхе, следствие по делу которых еще не было завершено, и один из главных фигурантов процесса «антисоветского троцкистского центра», Г.Я. Сокольников, отбывающий десятилетний срок по приговору Военной коллегии Верховного Суда, Первых двух расстреляют в начале **1940** года, а Сокольников, как и его одноделец К.Б. Радек, в мае **1939**-го по приказу Сталина будет убит в тюрьме*.

* Оказавшись в местах лишения свободы, Сокольников и Радек стали вести разговоры о своей невиновности, рассказывать о фальсификации судебного процесса по их делу, о причастности Сталина к этой фальсификации и т.д. Доложили Сталину, и последовало указание уничтожить излишне разговорчивых свидетелей. Из числа находящихся в заключении бывших работников НКВД была сформирована ликвидационная группа, которая и привела в исполнение приговор вождя.

Таким образом из **139** членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на **XVII** съезде партии, до следующего съезда более или менее благополучно сумели дожить лишь **32** человека (включая Ежова), или **23%** от первоначального состава. К остальным судьба оказалась менее благосклонна. Пятеро умерли естественной смертью, один (С.М. Киров) был убит, четверо покончили жизнь самоубийством и **97** человек были арестованы, при этом трое из них погибли в ходе следствия, **91** человек был расстрелян, и еще троим, как уже говорилось выше, предстояло расстаться с жизнью в ближайшие месяцы.

Никогда еще за всю историю своего существования партия не несла таких потерь. Однако было бы несправедливо обвинять в этом одного лишь Сталина. Фактически Центральный комитет ВКП(б) уничтожил сам себя. Каждый раз члены ЦК отдавали в руки Ежова относительно меньшую часть своих коллег, однако в результате многократного повторения этой процедуры относительное меньшинство превратилось в конце концов в подавляющее большинство.

Делегатом съезда Ежов избран не был. Правда, предварительная мандатная комиссия сначала включила его в список делегатов с совещательным голосом, но затем чей-то безжалостный красный карандаш вычеркнул его из этого списка.

Свое неизбрание делегатом высшего партийного форума Ежов воспринял крайне болезненно. Однако как секретарь ЦК он все равно мог присутствовать на съезде, что он и делал первые два или три дня. Ежов даже рассчитывал получить возможность выступить перед съездом, но в этом ему было отказано, после чего он практически перестал посещать заседания.

Основными вопросами, обсуждавшимися на съезде, были отчет ЦК о проделанной за истекший период работе, план развития народного хозяйства страны на третью пятилетку (**1938-1942** гг.) и запланированные изменения в Уставе партии. Тема репрессий отдельно не обсуждалась, но и совсем обойти ее было невозможно. Мнение партийного руководства по этому вопросу было поручено довести до сведения делегатов, а заодно и всего населения, А.А. Жданову. В своем докладе, посвященном изменениям в уставе партии, Жданов в разделе «Об отмене массовых чисток»* заявил, намекая на события **1937-1938** гг., о существовании замаскировавшихся врагов внутри партии, стремившихся путем широкого применения мер репрессий перебить честных коммунистов и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах. Затем Жданов на многочисленных примерах показал, как «враги народа» на местах исключали людей из партии и даже добивались их ареста[463].

* Имеются в виду массовые партийные чистки типа проводившихся в **1921** г., **1929-1930** гг., **1933-1934** гг., а также под видом проверки партийных документов в **1935** г.

Таким образом, страна имела теперь два ответа на традиционный российский вопрос — «кто виноват?» Удаление Ежова с поста наркома внутренних дел наводило на мысль о вышедших из-под контроля партии чекистах, выступление Жданова указывало на врагов, затесавшихся в местные парторганизации, — ответственность должны были нести кто угодно, но только не верховная власть.

Вечером **19** марта состоялось совещание представителей делегаций съезда, так называемый сеньорен-конвент, на котором в предварительном порядке были обсуждены кандидатуры в члены нового ЦК. Зашел разговор и о Ежове. Существуют две версии того, как это происходило. Автором первой из них является Р.А. Медведев, который в своей книге «О Сталине и сталинизме» привел со ссылкой на бывшего первого секретаря Одесского обкома партии Э.Г. Фельдмана такие подробности состоявшегося обсуждения:

> «Когда съезд кончался, в Кремле, где он проходил, в одном из залов собрался сеньорен-конвент. Перед ним за длинным столом, как на сцене, сели: А.А. Андреев, В.М. Молотов и Г.М. Маленков. В глубине, за их спинами в углу слева... уселся, попыхивая трубкой, Сталин. Андреев сказал, что съезд заканчивает работу, а потому надо предложить кандидатуры в подлежащий избранию ЦК. В первую очередь в список стали включать членов прежнего состава ЦК, естественно, кроме тех, кто выбыл. Дошла очередь до Ежова. «Какие мнения будут?» — спросил Андреев. После небольшого молчания кто-то сказал, что Ежов — сталинский нарком, его все знают, и его надо оставить. «Возражений нет?» Все молчали. Тогда слово попросил Сталин. Он поднялся, подошел к столу и, все еще попыхивая трубкой, позвал:
>
> — Ежов! Где ты там? А ну, подойди сюда!
>
> Из задних рядов вышел и подошел к столу Ежов.
>
> — Ну! Как ты о себе думаешь? — спросил его Сталин. — Можешь ты быть членом ЦК?
>
> Ежов побелел и срывающимся голосом ответил, что вся его жизнь отдана партии и Сталину, что он любит Сталина больше своей жизни и не знает за собой ничего, что могло быть причиной такого вопроса.
>
> — Да? — иронически спросил Сталин. — А кто такой был Фриновский? Ты Фриновского знал?
>
> — Да, конечно, знал, — ответил Ежов. — Фриновский был моим заместителем. Он...
>
> Сталин прервал Ежова и начал спрашивать, кто был Шапиро, кем была Рыжова, кто такой Федоров* и еще кто-то (к этому времени все эти люди были уже арестованы).
>
> — Иосиф Виссарионович! Да ведь это я — я сам! — вскрыл их заговор, я пришел к вам и доложил о том... Сталин не дал ему продолжать.
>
> — Да, да, да! Когда ты почувствовал, что тебя схватили за руку, так ты пришел, поспешил. А что до того? Заговор составлял? Сталина хотел убить? Руководящие работники НКВД готовили заговор, а ты будто бы в стороне! Ты думаешь, я ничего не вижу?! — продолжал Сталин. — А ну-ка вспомни, кого ты такого-то числа послал к Сталину дежурить? Кого? С револьверами! Зачем возле Сталина револьверы? Сталина убить? А если бы я не заметил? А?!
>
> Затем Сталин обвинил Ежова, что он развил слишком кипучую деятельность и арестовал много невиновных, а кого надо — скрывал.
>
> — Ну? Иди! Не знаю, товарищи, можно его оставлять членом ЦК? Я сомневаюсь. Конечно, подумайте... Как хотите... Но я сомневаюсь!
>
> Ежова, конечно, единогласно из подготавливаемого списка вычеркнули, и он после перерыва в зал не вернулся и не был больше на съезде»[464].

* Шапиро И.И. — начальник Секретариата НКВД СССР и начальник **1**-го спецотдела НКВД СССР; Рыжова С.А. — секретарь Ежова; Федоров Н.Н. — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР.

Сцена, конечно, очень яркая, но именно излишняя яркость и рождает недоверие. Во-первых, Ежову нечего было бледнеть и удивляться сомнениям Сталина относительно целесообразности его включения в состав будущего ЦК. Вель он даже не был избран делегатом съезда, и уже одно это не оставляло ему практически никаких шансов вновь оказаться членом высшего руководящего органа партии. Знал он и о множестве претензий, которые имелись к нему по его прежней работе в НКВД, по текущей работе в Наркомате водного транспорта, а также в связи со всем известной его «слабостью».

Во-вторых, приведенный диалог очень мало напоминает манеру Сталина вести разговор на публике. Это касается и формы и содержания, которые слишком скандальны, чтобы можно было считать их правдоподобными.

Ну и, наконец, совсем уж нелепо выглядит упоминание в числе арестованных заговорщиков бывшего первого заместителя Ежова М.П. Фриновского, который не только не был к этому времени арестован, но, будучи наркомом Военно-Морского Флота СССР, сам

являлся делегатом данного съезда.

Более достоверно о заседании сеньорен-конвента рассказывает в своих мемуарах Н.Г. Кузнецов, в то время командующий Тихоокеанским флотом. Говоря об участии в работе XVIII съезда партии, он упоминает о присутствии в качестве гостя на заседании, которое ошибочно называет пленумом ЦК старого состава. Однако, как видно из текста, речь идет именно о сеньорен-конвенте, тем более что с момента открытия съезда никакой пленум старого состава собираться уже не мог.

> «Стоял вопрос о новом составе ЦК. Сначала отводили тех бывших членов ЦК, которых считали не справившимися со своими делами или опорочившими себя чем-либо. Сейчас я уже забыл фамилии многих, о которых шла речь. Помнится, как выступал Сталин против Ежова и, указав на плохую работу, больше акцентировал внимание на его пьянстве, чем на превышении власти и необоснованных арестах. Потом выступил Ежов и, признавая свои ошибки, просил назначить его на менее самостоятельную работу, с которой он может справиться»[465].

Однако никакой новой работы ему предоставлять не собирались. 29 марта 1939 года. Политбюро образовало комиссию во главе с Г.М. Маленковым, которой поручили в пятидневный срок принять от Ежова все дела по Секретариату ЦК ВКП(б). Теперь оставалось лишь забрать у него последнюю должность. 2 апреля 1939 года в «Правде» появилась передовая статья под заголовком «Преодолеть отставание водного транспорта». В ней, в частности, говорилось:

> «В 1937 г. водный транспорт простаивал чуть ли не половину своего рабочего времени. Но и после разгрома шпионского гнезда на водном транспорте руководители Наркомвода не сумели в 1938 г. улучшить дело, и объем перевозок снизился, даже в сравнении с 1937 годом... Многочисленные факты свидетельствуют о том, что подготовка к навигации ведется неудовлетворительно... Месяцами в наркомате не разрешаются важнейшие оперативные вопросы, от которых зависит вся работа водного транспорта. В затонах, на пристанях, на судоремонтных заводах, где решается успех навигации, руководящие работники наркомата — редкие гости. Они предпочитают издавать многочисленные и многословные приказы и распоряжения, выполнение которых в конце концов никем не контролируется. Все это не может/не вызывать серьезных опасений за работу водного транспорта в навигацию 1938 года».

После таких слов указ об отстранении Ежова от обязанностей наркома водного транспорта выглядел бы вполне уместно, тем более что пользы там от него все равно никакой уже не было. Вспоминает бывший заместитель начальника Центрального управления морского сухогрузного флота Т.С. Хозяинов:

> «3 апреля я был у Ежова с докладом о результатах командировки, но он меня совсем не слушал, делал голубей из бумаги и бросал их в корзину»[466].

Однако Сталин решил никаких специальных указов не издавать. В соответствии с замыслом вождя Ежов должен был просто исчезнуть, бесследно раствориться без какого-либо упоминания его фамилии.

Начало 1939 г. ознаменовалось кампанией по разукрупнению наркоматов. В январе-феврале этого года пять общесоюзных наркоматов разделились каждый на 2, 3, 4 и даже 6 самостоятельных комиссариатов. Вероятно, под впечатлением этих событий многие работники водного транспорта стали присылать Сталину и Молотову письма с предложением разделить Наркомвод на два отдельных наркомата — морского и речного транспорта. Определенный резон в этом был, поскольку оба вида транспорта имели свою выраженную специфику, и объединение их под одной крышей по признаку «водности» было достаточно формальным. Предложения и аргументы моряков были сочтены заслуживающими внимания, и 8 апреля 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) Народный комиссариат водного транспорта был разделен на наркоматы морского и речного транспорта. На следующий день это решение было продублировано Указом Президиума Верховного Совета СССР. Сообщение о разукрупнении НКВТ, а также имена новых наркомов появились в газетах, о судьбе же прежнего руководителя Наркомвода не было сказано ни слова.

Ну а чем занимался в эти дни сам Ежов? Рассказывает его племянник Виктор Бабулин, в то время студент Московской промышленной академии им. Кагановича:

> «8 апреля я был дома один, мне позвонили по телефону, я подошел к трубке — звонил Ежов. Он сказал мне, что Анатолий [другой племянник Ежова, проживавший вместе с ним] приходит домой теперь поздно, а он плохо себя чувствует. Попросил приехать к нему, одновременно захватить водки. Я купил четвертинку водки и поехал к Ежову. Пообедав с Ежовым, я поехал заниматься, а он остался дома. После занятий я приехал домой, было около часу ночи. Через несколько минут ко мне позвонил Ежов, [сказал], что он

один дома — Анатолий еще не возвратился с работы. За мной он послал машину и просил меня, чтобы я приехал к нему. Я приехал к Ежову около двух часов ночи. Он был сильно пьян. Я спросил его, чего он так напился. Ежов ответил мне, что захотел выпить и выпил. Перед ним стояло выпитых 8 бутылок пива. Больше Ежов не разговаривал со мной, а бросил в меня рыбой, потом облил пивом и начал всячески ругать. Я спросил у Ежова, что я ему сделал плохого, за что он так ругается. Вместо ответа он подошел ко мне и ударил два раза кулаком по лицу. После того, как он немного успокоился, я ушел спать. Ежов пришел в спальню, стащил с меня одеяло и снова ударил еще несколько раз по голове, упрекая меня в том, что я не имею никаких принципов и воли. Я соскочил с дивана и собирался тут же уйти домой, но Ежов закрыл дверь и не пустил меня. Через некоторое время Ежов успокоился и перешел к высказыванию своих обид против руководителей партии и советского правительства»[467].

Можно предположить, что начавшийся в пьяном угаре день 9 апреля примерно так же и закончился. А 10 апреля Ежова арестовали. В своей книге «Оп Stalin and Stalinism*, изданной за границей в 1979 г., Р.А. Медведев так описывает это событие:

«Арестован Ежов был прямо на заседании коллегии Наркомата водного транспорта... Увидев входивших в зал коллегии сотрудников НКВД, Ежов встал и почти с просветленным лицом произнес: «Как давно я этого ждал!» Он положил на стол оружие, и его увели»[468].

Другая версия ареста Ежова появилась в 1991 году. Ее автор, сын Г.М. Маленкова, в своих воспоминаниях об отце приводит со ссылкой на него и его помощника Д.Н. Суханова, в разное время и независимо друг от друга рассказавших ему эту историю, такие подробности взятия Ежова под стражу:

«В конце января 1939 г. Ежов добился... приема у Сталина. Тот принял его, но в присутствии Маленкова. Ежов обвинил Маленкова в попустительстве врагам народа и белогвардейщине, намекая на дворянское происхождение отца Маленкова. Маленков, со своей стороны, повторил обвинение Ежову и его ведомству в уничтожении преданных партии коммунистов*. Ежов потребовал созыва Политбюро. Сталин сказал: «Пройдите в кабинет Маленкова, поговорите еще, я сообщу свое решение». Они прошли в кабинет Маленкова на Старой площади. Через некоторое время туда вошел Берия. При выходе из кабинета Ежов был арестован»[469].

* Имеется в виду повторение тех обвинений, которые Маленков изложил в своей докладной записке Сталину осенью 1938 г.

Помимо странной датировки события — январь 1939 года, обращает на себя внимание и наивное представление о том, что кто-то из соратников Сталина (а уж тем более впавший в немилость Ежов) мог требовать (!) созыва заседания Политбюро. Кроме того, нет никаких свидетельств встречи Ежова с вождем накануне ареста. Судя по журналу регистрации посетителей кабинета Сталина, последня кая встреча состоялась 23 ноября 1938 г.

Что же касается самого факта ареста Ежова в кабинете Маленкова, то, возможно, все так и было, тем более что те же сведения со ссылкой на заместителя Берии Б.З. Кобулова приводит в своих мемуарах один из ветеранов советской внешней разведки П.А. Судоплатов[470].

После ареста Ежова на его кремлевской квартире был, как и положено, произведен обыск. Из многочисленных документов и материалов, изъятых в ходе обыска, стоит упомянуть папку, содержащую переписку Тифлисского губернского жандармского управления по поводу розыска «Кобы» [партийная кличка Сталина] и других членов закавказской организации РСДРП. О содержании переписки ничего не известно, но нельзя исключить, что причиной, по которой Ежов, вместо того чтобы передать эти материалы в партийный архив, хранил их даже не в служебном кабинете, а у себя дома, могли быть какие-то компрометирующие Сталина сведения из его революционного прошлого. Знакомить вождя с такими документами Ежов, по-видимому, побоялся, но и уничтожить их тоже, вероятно, не решился.

События вокруг Ежова на протяжении нескольких месяцев, предшествующих аресту, складывались таким образом, что предвидеть, во что это все в конечном итоге выльется, было, казалось бы, не так уж и сложно. Возможно, Сталин даже рассчитывал на то, что его вчерашний фаворит все правильно поймет и сам примет решение, которое снимет многие проблемы и, главное, избавит от необходимости прибегать к крайним мерам. Однако даже застрелиться Ежов на самом деле не мог, поскольку прекрасно понимал, какая участь ждет в этом случае его приемную дочь, престарелую мать и племянников. Ведь Сталин еще в конце 1936 г. на декабрьском пленуме ЦК разъяснил партийной верхушке, что самоубийство коммуниста есть не что иное, как способ борьбы с партией, попытка уйти от ответственности за свои преступления перед ней. Ну а как поступают с родственниками политических

преступников, Ежов знал лучше, чем кто-либо другой. Поэтому, хотя мысли о самоубийстве, наверно, посещали его не раз и не два, решиться на это он так и не смог. Ведь пока он был жив, оставалась хоть какая-то надежда, что все обойдется и что Сталин в память о былых заслугах поступит с ним как-нибудь иначе, чем с другими своими вышедшими из доверия соратниками...

38. В застенках Сухановки

23 ноября **1938** года Л.П. Берия, формально еще заместитель Ежова, а фактически уже руководитель НКВД, направил письмо на имя Председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова.

> «В связи с возникшей необходимостью оборудовать до 1 января 1939 года особо изолированную тюрьму специального назначения при ГУГБ НКВД СССР, — писал Берия, — нами намечено использование для этой цели территории и зданий бывшего Сухановского монастыря (вблизи станции Расторгуево Московско-Донбасской железной дороги), переустройство которых под тюрьму может быть произведено в месячный срок»[471].

Свое название закрытый в **1931** году Сухановский монастырь получил из-за близости бывшего имения князей Волконских — Суханово. С **1935** г. там размещался дом отдыха Архитектурного фонда СССР, а территория монастыря использовалась для нужд его подсобного животноводческого хозяйства.

29 ноября **1938** года заместитель председателя Совнаркома СССР Н.А. Булганин дал указание в трехдневный срок передать в распоряжение НКВД постройки бывшего монастыря, а также стометровую зону вокруг него (об этом Берия также просил в приложении к своему письму). В начале **1939** года работы по переоборудованию были завершены, и самая таинственная из советских тюрем — Сухановская вступила в строй действующих.

В Сухановку попадали не только высокопоставленные функционеры, которых хотели оградить от контактов с другими заключенными. Оказывались здесь и арестанты гораздо более низкого ранга, чьи показания в силу тех или иных причин представляли интерес для руководства НКВД. Повышенные меры изоляции — в крошечных камерах могло находиться не более двух человек (один из которых очень часто оказывался осведомителем НКВД), отсутствие каких бы то ни было правил внутреннего распорядка, имевшихся в любой другой тюрьме, назойливый надзор (дверной глазок открывался чуть ли не ежеминутно), отсутствие прогулок, ну и, само собой, широкое применение методов физического воздействия — все это должно было быстрее подталкивать заключенного к мысли о необходимости активного сотрудничества со следствием.

Вот в такую тюрьму и был после своего ареста **10** апреля **1939** года доставлен Ежов. К этому времени о нем и его деятельности на посту наркома внутренних дел было собрано уже довольно много самых разных сведений. Первые из них, еще до ухода Ежова из НКВД, были получены от бывшего руководителя Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагина, арестованного в начале ноября **1938** г. После десятидневного пребывания под следствием, которое уже полностью находилось в руках Берии, Дагин **15** ноября **1938** года написал признательные показания, в которых уделил много места Ежову и разным неприглядным сторонам его деятельности на посту наркома внутренних дел. Речь шла о пьянстве Ежова в свободное и рабочее время, которое в случае необходимости выдавалось им за болезнь; об утаивании от ЦК ВКП(б), то есть от Сталина, сведений компрометирующего характера, касающихся руководящих работников НКВД, и об уничтожении накануне прихода Берии некоторых из этих материалов, в том числе по группе «заговорщиков» из Управления коменданта Кремля (Брюханов и др.); о безответственности при проведении массовых операций; о сокрытии от руководства страны сведений о перегибах и извращениях в ходе этих операций; о бесконтрольности при вынесении приговоров по делам, представленным на утверждение «троек» и «двоек»[472].

Дальнейшее развитие все эти темы получили в показаниях бывшего начальника Секретариата НКВД СССР И.И. Шапиро, который на допросе **29** ноября **1938** года особенно подробно остановился на неправильном (в политическом смысле) подборе кадров при Ежове и извращениях в ходе проведения массовых операций.

В течение двух последующих месяцев ничего существенно нового или важного к этим показаниям добавлено не было. Не было и попыток дать им какое-то иное толкование. Однако в середине января **1939** года ситуация начинает меняться, и действительные факты служебных упущений и злоупотреблений Ежова следствие начинает уже интерпретировать как проявление с его стороны контрреволюционного умысла. Начало этому было положено показаниями секретаря Ежова С.А. Рыжовой. В ходе допроса **14** января **1939** года ее

вынудили подписаться под признаниями в том, что, начиная с **1931** года, она являлась участницей контрреволюционной заговорщицкой организации, в которую была вовлечена своим бывшим начальником. Правда, никаких подробностей о деятельности этой организации Рыжова привести не смогла, и все ограничилось утверждением, что наиболее важным направлением враждебной деятельности Ежова была расстановка им контрреволюционных кадров на руководящих партийных и государственных постах[473].

Если «признаниями» Рыжовой следствие еще только намечало контуры политических обвинений в адрес Ежова, то показания, полученные в двадцатых числах января **1939** года, ставили уже почти все точки над i. **20** января от Б.Д. Бермана, бывшего начальника Транспортного управления НКВД, а до этого — наркома внутренних дел Белоруссии, удалось получить заявление о том, что необоснованные массовые репрессии, в результате которых гибли ни в чем не повинные люди, в то время как настоящие шпионы, диверсанты и террористы оставались на свободе, проводились Ежовым и Фриновским по заданию иностранных разведок. Берман к этому времени уже «признался» в связях с немецкой разведкой, так что такая осведомленность по поводу Ежова скомпрометировать его самого никак не могла.

> «И Ежову и Фриновскому, — утверждал Берман, — важно было принести партии и стране как можно больше вреда и постараться своей вражеской работой по линии НКВД сколько возможно подорвать в широких слоях населения авторитет партии, авторитет ЦК ВКП(б). Это было главной задачей Ежова и Фриновского, и они действовали в этом направлении, втягивая, разлагая аппарат НКВД как периферии, так и центра особенно. Делалось это по директиве иностранных разведок стран агрессоров... с которыми были связаны и агентами которых являлись Ежов и Фриновский»[474].

Неделю спустя еще одним важным свидетелем обвинения против Ежова стал бывший начальник западно-сибирского УНКВД и бывший посол СССР в Монголии С.Н. Миронов. **26** января **1939** года он был допрошен Л.П. Берией и на следующий день написал на его имя заявление, в котором объявил о своей готовности с полной откровенностью изложить известные ему факты враждебной деятельности, проводившейся в органах НКВД под руководством Ежова, Фриновского и других. (Не исключено, кстати, что и процитированные выше показания С.А. Рыжовой и Б.Д. Бермана также являлись результатом их личного общения с новым наркомом внутренних дел.) По словам Миронова, в июле **1937** года в одной из бесед Фриновский будто бы рассказал ему, что Ежов недоволен проводимым курсом внутренней политики и рассчитывает с помощью своих соратников в НКВД свергнуть существующее руководство страны и самому стать во главе государства, что проводимая им линия сводится к тому, чтобы весь аппарат НКВД поставить на службу этой цели, что наилучшим способом создания атмосферы всеобщего недовольства и недоверия к власти является разгром партийного и непартийного актива, что очень удобно сделать, прикрываясь массовыми операциями[473].

Как отмечалось в предыдущей главе, к концу января **1939** г., то есть к моменту подписания акта приема-передачи дел по НКВД, деятельность Ежова на посту наркома внутренних дел подвергалась уже весьма и весьма жесткой критике. Однако все это еще укладывалось в рамки обвинений в халатности и злоупотреблении властью, т.е. должностных преступлений неполитического характера. Но в то же самое время, как видно из приведенных выше фрагментов показаний, подручные Берии начинают уже сплетать вокруг ничего не подозревающего Ежова паутину из совсем других — расстрельных статей Уголовного кодекса.

В конце февраля **1939** года общую схему обвинений в адрес Ежова удалось подкрепить вполне конкретными деталями. На допросе **27** февраля старый знакомый Ежова С.С. Шварц, уже признавшийся к этому времени в шпионаже в пользу Германии, сообщил, что Ежов тоже был агентом немецкой разведки. Через работавшего в советском полпредстве в Берлине уполномоченного Комиссии советского контроля И.А. Петруничева он будто бы передавал немцам материалы оборонного характера, в том числе статистические данные по заводам химической промышленности. Кроме того, шпионские поручения Ежова в начале **30**-х гг. выполнял якобы и С.Б. Жуковский, специально направленный для этих целей в Берлин в качестве заместителя торгового представителя СССР в Германии. Неслучайной, по словам Шварца, была и дружба Ежова с бывшим заместителем наркома земледелия Ф.М. Конаром, который в **1933** г. был разоблачен как польский шпион, и с бывшим торговым представителем СССР в Японии В.Н. Кочетовым, оказавшимся на поверку японским шпионом[476].

Таковы были главные политические обвинения в адрес Ежова, собранные к моменту его

ареста. Кроме того, на следующий день после того, как это произошло, развернутые показания о Ежове и о своей преступной деятельности в НКВД дал бывший первый заместитель Ежова, а затем нарком Военно-Морского Флота СССР М.П. Фриновский. В пространном заявлении на имя Л.П. Берии, написанном **11** апреля **1939** г. (то есть на пятый день своего пребывания под стражей), Фриновский утверждал, что после того, как в **1937** г. была арестована руководящая верхушка «центра правых», функции такого центра фактически стали выполнять Ежов, он — Фриновский и Евдокимов, взявшие на себя заботу о сохранении, по мере возможности, уцелевших кадров правых заговорщиков. Одновременно проводилось репрессирование преданных партии коммунистов, готовились террористические акты против руководителей государства, и все это, по словам Фриновского, делалось с целью создания условий для прихода к власти в стране правых во главе с Ежовым[477].

Теперь для полноты картины оставалось добиться аналогичных признаний от Е.Г. Евдокимова, и можно было бы приступать к работе с самим Ежовым.

Евдокимов был арестован в начале ноября **1938** г., однако на протяжении пяти месяцев, несмотря на все старания следователей, добиться от него признательных показаиий никак не удавалось. Но всему наступает предел, и **13** апреля **1939** г. Евдокимов наконец заговорил. Из его слов выходило, что в конце лета **1938** г. он получил предложение примкнуть к возглавляемой Ежовым и Фриновским заговорщицкой организации, ставящей целью насильственное устранение существующего руководства и захват власти в стране. После этого Ежов должен был якобы стать во главе партии, Фриновский — возглавить вооруженные силы, а он, Евдокимов, — НКВД. Условием для успеха переворота являлось всеобщее недовольство населения, вызванное специально проводимыми необоснованными массовыми репрессиями. После того как, в результате задуманного террористического акта против Сталина, произойдет замешательство в партии и правительстве, заговорщицкая организация должна была выйти из подполья и взять власть в свои руки[478].

Позднее, в суде, Евдокимов откажется от своих показаний, данных на предварительном следствии, заявив, что вынужден был лгать, а лгать стал потому, что его сильно били по пяткам. Но это будет потом, а сейчас все необходимые условия для продуктивного общения с Ежовым были созданы, пора было начинать.

О первых днях предварительного следствия Ежов позднее вспоминал так:

> «Я говорил, что я не шпион, что я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения»[479].

А поскольку, по словам Ежова, он никогда не мог выносить над собой насилия, а кроме того, сильная изнуренность работой, переживания по поводу смерти жены и нездоровье, вызванное отравлением, совершенно ослабили его силу воли, то никакого сопротивления органам следствия он оказать не мог и стал выдумывать все то, что от него требовали[480].

Первые показания Ежова, где он отвергал предъявленные ему обвинения, в следственном деле отсутствуют. Самый ранний из имеющихся протоколов датирован **18-20** апреля **1939** г. (то есть неделю спустя после ареста) и не содержит никаких следов предшествующих попыток оказать противодействие диктату следователей. Начинается он вполне традиционно:

> «*Вопрос*: Вы арестованы как изменник партии и враг народа. Следствие располагает достаточными данными, чтобы изобличить вас до конца при первой же попытке скрыть свои преступления. Предлагаем вам, не ожидая изобличения, приступить к показаниям о своей черной предательской работе против партии и советской власти.
>
> *Ответ*: Нелегко такому, как я, пользовавшемуся еще недавно доверием партии, признаваться в предательстве и измене. Но сейчас, когда за свои преступления я держу ответ перед следствием, мне хочется быть исчерпывающе откровенным и правдивым.
>
> Я не тот, за кого принимала меня партия. Прикрываясь личиной партийности, я многие годы обманывал и двурушничал, вел ожесточенную, скрытую борьбу против партии и советского государства»[481].

Не обязательно, конечно, что такой диалог имел место в действительности. Техника оформления протоколов допросов была самой разной, и не исключено, что, после того как Ежов написал, наконец, свои «признания», в их текст в подходящих местах вставили наводящие вопросы, на которые якобы давался ответ, затем все было набело перепечатано, и получилось как бы подобие живой беседы заключенного со следователем.

Историю своего «грехопадения» Ежов начал с **1921** г., когда, работая в Татарии, под влиянием анархо-синдикалистских идей якобы примкнул к местной группе «рабочей оппозиции»*. В последующие годы, в период внутрипартийных дискуссий **20**-х гг., он также

будто бы расходился в своих политических воззрениях с генеральной линией партии. Однако такое глубокое погружение в исторические дебри следователей не заинтересовало, и Ежову не позволили надолго уклониться от основной темы.

«*Вопрос*: К чему этот пространный рассказ о каких-то ваших «политических колебаниях»? Вам, давнишнему агенту иностранных разведок, надлежит показывать о своей прямой шпионской работе. Говорите об этом!

Ответ: Хорошо, перехожу непосредственно к моменту завязывания моих шпионских связей»[482].

* На, самом деле, хотя в начале **20**-х гг. Ежов и разделял некоторые взгляды «рабочей оппозиции», никакого участия в деятельности этой внутрипартийной группы он не принимал.

В период работы в НКВД через руки Ежова прошли тысячи историй о вовлечении в шпионскую деятельность, сочиненных подследственными и их следователями, так что придумать что-нибудь, что могло бы удовлетворить невзыскательный вкус его мучителей, для него не составляло особого труда. Он и придумал.

В шпионскую работу, сообщил Ежов, он был вовлечен своим приятелем Ф.М. Конаром, оказавшимся давним польским агентом. Узнавая от Ежова разные политические новости, он передавал их своим хозяевам в Польшу и однажды рассказал об этом Ежову, предложив начать работать на поляков добровольно. Поскольку Ежов фактически уже стал информатором польской разведки, выдав через Конара много важных партийных и государственных тайн, ему ничего будто бы не оставалось, как согласиться на это предложение.

Частью полученных от Ежова сведений поляки якобы делились со своим союзниками немцами, так что некоторое время спустя со стороны последних также поступило предложение о сотрудничестве.

В роли посредника выступил, по словам Ежова, первый заместитель наркома обороны СССР маршал А.И. Егоров. Летом **1937** г., встретившись с Ежовым, он сообщил, что знает о его связях с поляками, что сам является немецким шпионом, организовавшим по заданию немецких властей группу заговорщиков в Красной Армии, и что им получено указание установить тесный рабочий контакт между его группой и Ежовым.

Ежов с этим предложением согласился и пообещал оберегать людей Егорова от ареста.

Таковы были первые показания Ежова. Пока в разных высоких инстанциях их осмысливали, Ежов решил не терять времени зря. **23** апреля **1939** года он пишет заявление в Следственную часть НКВД СССР — самое удивительное признание из сделанных им за весь период предварительного следствия.

«Считаю необходимым довести до следственных органов, — писал Ежов, — ряд новых фактов, характеризующих мое бытовое разложение. Речь идет о моем давнем пороке — педерастии»[483].

Далее на десяти страницах рассказывалось об его гомосексуальных контактах, начиная со времени ученичества у портного и заканчивая периодом, предшествовавшим аресту. В числе шести названных им партнеров были его сослуживцы по царской и Красной Армии, а также по дальнейшей работе, том числе и известный в прошлом партийный работник, на момент описываемых событий — руководитель одного из структурных подразделений Совнаркома СССР.

«Даю эти сведения следственным органам, — закончил Ежов свое повествование, — как дополнительный штрих, характеризующий мое морально-бытовое разложение»[484].

Загадочность этого заявления заключается в том, что нет никаких признаков, свидетельствующих о принуждении Ежова к такого рода откровениям. В ходе дальнейшего следствия эта тема дважды возникала в связи с допросами лиц, упоминаемых в заявлении. Один из них категорически отверг утверждения Ежова, тот не очень активно на них настаивал, следователи же, судя по протоколу допроса, особого интереса к данной теме не проявляли. Другой «партнер» в ходе допроса сам начал было рассказывать о своей связи с Ежовым, однако следователь прервал его излияния, предложив сосредоточиться на более серьезных обвинениях.

Но если саморазоблачение Ежова не являлось результатом внешнего давления, то непонятно, почему, вместо того чтобы продолжать так всех интересующую тему его преступной антигосударственной деятельности, он начал вдруг рассказывать то, о чем его никто вроде бы и не спрашивал.

Следующая запротоколированная встреча Ежова со следователями состоялась **26** апреля **1939** года. О том, какое значение ей придавалось, свидетельствует присутствие на допросе

самого Л.П. Берии, а также начальника Следственной части НКВД СССР Б.З. Кобулова. Для начала Ежову были высказаны претензии в недостаточной искренности:

«*Вопрос*: На предыдущем допросе вы показали, что в течение десяти лет вели шпионскую работу в пользу Польши, Однако вы скрыли ряд своих шпионских связей. Следствие требует от вас правдивых и исчерпывающих показаний по данному вопросу.

Ответ: Должен признать, что, дав правдивые показания о своей шпионской работе в пользу Польши, я, действительно, скрыл от следствия свою шпионскую связь с немцами.

Вопрос: В каких целях вы пытались отвести следствие от своей шпионской связи с немцами?

Ответ: Мне не хотелось показывать на следствии о своей прямой шпионской связи с немцами, тем более что сотрудничество с немецкой разведкой не ограничивалось лишь шпионской работой. По заданию германской разведки я организовал антисоветский заговор и готовил государственный переворот путем террористических актов против руководителей партии и правительства»[485].

После этого то ли реального, то ли вымышленного диалога последовал рассказ о том, как летом **1934** г., в период пребывания Ежова на лечении в венской клинике профессора Ноордена, он якобы соблазнил одну из медсестер, и однажды, во время их свидания, в комнату, где оно происходило, неожиданно вошел старший ассистент профессора Ноордена д-р Энглер, который устроил скандал и намекнул, что вся эта история может просочиться в прессу. Не взяв предложенные деньги, д-р Энглер заявил, что хорошо представляет, какое положение Ежов занимает в СССР, и что либо он даст согласие на сотрудничество с немцами, либо будет дискредитирован в печати. Ежову будто бы пришлось согласиться на эти условия и дать письменное обязательство работать на немецкую разведку.

Впоследствии, рассказал далее Ежов, немцы, не довольствуясь получаемой информацией, стали подталкивать его к созданию в НКВД такой же заговорщицкой организации, какая была создана в армии во главе с маршалом А.И. Егоровым, с тем чтобы к началу войны между СССР и Германией обе организации могли, объединившись, осуществить успешный захват власти в стране.

Организация в НКВД была, по словам Ежова, им создана, однако, чем она занималась, он не сообщил, а сразу перешел к событиям осени **1938** г., когда после появления в НКВД Берии заговорщики пришли к выводу, что во избежание провала необходимо организовать убийство руководителей партии и правительства. Приурочить данную акцию решено было к **7** ноября **1938** г., то есть ко дню празднования **21**-й годовщины Октябрьской революции. Вот как это предполагалось сделать:

«Фриновский, Евдокимов, Дагин и я договорились 7 ноября 1938 г. по окончании парада, во время демонстрации... путем соответствующего построения колонн создать на Красной площади пробку. Воспользовавшись паникой и замешательством в колонне демонстрантов, мы намеревались разбросать бомбы и убить кого-либо из членов правительства»[486].

Реализация этого замысла была будто бы возложена на И.Я. Дагина и его людей из Отдела охраны ГУГБ НКВД, однако **5** ноября **1938** г. все они были арестованы, и осуществить задуманное не удалось. Позднее, уже после отставки с поста наркома внутренних дел, Ежов, по его словам, пытался подбить на осуществление террора против Сталина некоторых своих знакомых, но из этой затеи тоже ничего не вышло.

Заключительная часть допроса **26** апреля **1938** года была посвящена связям Ежова с английской разведкой. Ежов заявил, что, после того как весной **1938** г. Сталин начал вдруг интересоваться его прошлыми отношениями с Ф.М. Конаром, он понял, что его проверяют, стал много пить и в ответ на расспросы жены решился раскрыться перед ней, признавшись в своей антисоветской работе и связях с польской и немецкой разведками. Нисколько не растерявшись от таких откровений, Евгения Соломоновна будто бы призналась в ответ, что и сама является английской шпионкой с многолетним стажем, завербованной своим мужем А.Ф. Гладуном еще в период их работы в Лондоне в середине **20**-х гг.

«Жена мне рассказала, — продолжал Ежов, — что она связана с разведывательной службой министерства иностранных дел Англии и освещает положение в СССР, политические настроения русской интеллигенции. В своих шпионских целях Ежова использовала и меня, так как я свободно делился с ней всеми имеющимися у меня секретными материалами»[487].

Однако следователям не понравилось, что начало своих отношений с английской разведкой Ежов относит к середине **1938** г., то есть когда у него оставалось уже слишком мало времени для плодотворного сотрудничества с ней.

«Вы лжете, — было заявлено ему. — О связях вашей жены с английской

разведкой вам было известно задолго до 1938 года, и вы не только знали, но и активно сотрудничали вместе с вашей женой в пользу англичан. По этому поводу вам придется держать ответ перед следствием»[488].

Держать по этому поводу ответ Ежов почему-то не стал, а принялся рассказывать о своем участии в отравлении жены. Когда она попросила прислать ей в санаторий большое количество люминала, он, по его словам, не стал препятствовать ее вполне очевидному намерению покончить жизнь самоубийством, а значит, должен быть признан главным виновником этой смерти. А не препятствовал он якобы потому, что, предвидя возможность ее ареста, опасался, что на следствии ей придется рассказать не только о своей, но и его антисоветской и шпионской работе.

Выслушав все эти истории, следователи пришли к выводу, что Ежов «продолжает стоять на вражеских позициях и ведет себя неискренне», а именно: не договаривает о своей шпионской работе в пользу Германии; в качестве лиц, причастных к заговорщицкой деятельности, называет либо тех, кто уже арестован, либо официальных представителей иностранных дипломатических учреждений; скрывает тех, кто руководил вместе с ним предательской работой по организации контрреволюционного переворота в СССР, и т.д. «Учтите, что по всем этим вопросам вы будете завтра же допрошены, и вам придется дать исчерпывающие показания», — этими словами закончилась вторая запротоколированная встреча Ежова со следователями, среди которых, напомним, был в этот раз и сам Л.П. Берия.

Завершился первый этап следствия **30** апреля **1939** года В ходе состоявшегося в тот день допроса Ежов рассказал о технологии вовлечения в антисоветскийзаговор своих подчиненных — чекистов и об основных направлениях вредительской работы, проводившейся в НКВД. Вредительство это заключалось в массовых необоснованных арестах, фальсификации материалов следствия, подлогах и расправах с неугодными элементами.

«Все это проводилось в расчете на то, чтобы вызвать известное недовольство среди населения в отношении руководства ВКП(б) и советского правительства и таким образом создать наиболее благоприятную базу для осуществления наших заговорщицких замыслов»[489].

В ходе допросов, проведенных в период с **18** по **30** апреля **1939** г., были обозначены основные направления «преступной деятельности» Ежова, а кроме того, названо большое количество лиц, причастных к ней: **18-20** апреля — **3** человека, **26** апреля — **36**, **30** апреля — **66**, всего — **105** человек. Большинство из них было к этому времени арестовано, многих успели уже расстрелять, но встречались и те, кого репрессии до сих пор не коснулись. Например, среди известных ему «военных заговорщиков» Ежов назвал фамилии заместителя наркома обороны СССР С.М. Буденного и начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова. Однако они не только не были арестованы, но сохранили и свои посты, и личное расположение вождя. Показаниям, полученным в застенках НКВД, Сталин, конечно, доверял, но только если они не противоречили его собственным представлениям о том или ином человеке.

После того, как общая схема обвинений в адрес Ежова была составлена, началось уточнение отдельных деталей. Так, на допросе **5** мая **1939** года Ежов рассказал о работе «заговорщиков» в Наркомате иностранных дел. Здесь как раз начиналась в это время масштабная чистка (после смещения руководителя внешнеполитического ведомства М.М. Литвинова), поэтому тема подрывной деятельности в Наркоминделе была в те дни особенно актуальной.

Ежов сообщил, что целью этой деятельности являлось создание условий для победы Германии и Японии в грядущей войне с СССР. В частности, предпринимались попытки поссорить главу китайского правительства Чан Кайши с советскими властями, что в конечном итоге должно было облегчить захват Японией советского Дальнего Востока.

В начале мая **1939** года от нескольких арестованных работников НКВД были получены показания о фабрикации по распоряжению Ежова истории с его так называемым ртутным отравлением. Допрошенный на эту тему Ежов подтвердил факт фальсификации и пояснил, что предпринятая акция преследовала цель еще больше поднять его авторитет в глазах руководства страны.

Допрос **17** мая **1939** г. был посвящен обстоятельствам смерти бывшего начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцкого. Ежов сообщил, что убийство Слуцкого было организовано по его указанию, и сделано это было из опасения, что Слуцкий, арест которого становился неизбежным, может на допросе выдать известные ему факты преступной деятельности заговорщиков.

К началу лета **1939** г. следствие пришло к выводу, что располагает уже достаточными данными для предъявления Ежову официального обвинения, и **10** июня старший следователь Следственной части НКВД СССР В.Т. Сергиенко подписал постановление о привлечении его к уголовной ответственности. В постановлении были обобщены результаты двухмесячной работы по изобличению Ежова и перечислены все его основные «преступления»: *измена Родине в форме шпионажа* (статья **58-1** «а» Уголовного кодекса РСФСР), *склонение иностранных государств к войне с СССР* (**58-5**), *подготовка к вооруженному восстанию и террористическому акту* (**19-58**, пункты **2** и **8**), *вредительство* (**58-7**), *умышленное убийство с целью скрыть другое преступление* (**136** «г») и *гомосексуализм* (**154** «а»).

В оставшиеся восемь месяцев следствия Ежову приходилось в основном давать показания на тех или иных лиц, якобы причастных к его заговорщицкой деятельности, или уточнять отдельные детали собственных «преступлений». Например, в ходе допроса **21** июня **1939** г. он «признался», что был завербован германской разведкой не в **1934** г., как утверждал ранее, а в **1930** г., когда в составе советской делегации ездил на сельскохозяйственную выставку в Кенигсберг. В ответ на вопрос, каким же образом немцы ухитрились его дважды завербовать (в **1930** г. и в **1934** г.), Ежов пояснил, что в **1930** г. он был завербован обычной (политической) разведкой, а в **1934** г. — военной, которая в дальнейшем нацеливала его на подготовку военного переворота в стране.

Что же касается показаний персонального характера, то для получения некоторых из них следствию, вероятно, пришлось возобновить практику допросов с пристрастием, иначе трудно понять, как, например, удалось добиться от Ежова признаний, компрометирующих его ближайших родственников. В частности, в ходе допроса **19** июня **1939** г. Ежов рассказал о беседах контрреволюционного содержания, которые он будто бы вел с племянниками Виктором и Анатолием, а также с мужем своей племянницы Михаилом Блиновым. Они якобы полностью соглашались с его антисоветскими взглядами, а Виктор разделял, по словам Ежова, даже и его террористические намерения, хотя никаких поручений такого рода он ему не давал.

Но в основном следствие интересовалось, конечно, не родственниками и друзьями Ежова, а его сослуживцами по аппарату ЦК и НКВД. Многие из них уже во всем признались, и тогда в ходе очных ставок оба «заговорщика» уточняли между собой отдельные детали совместной «контрреволюционной деятельности», уличая иногда друг друга в мелких неточностях.

Были, однако, и те, кто продолжал сопротивляться. Так, в ходе состоявшейся **20** сентября **1939** года очной ставки Ежова со своим бывшим сослуживцем по аппарату ЦК Д.А. Булатовым последний отверг все обвинения в свой адрес и ушел с допроса несломленным. Но гораздо чаще упорствующий собеседник Ежова в конце концов сдавался, и тогда в протоколе появлялась стандартная фраза типа:

> «Прошу прекратить очную ставку. Теперь я вижу, что целиком, и полностью разоблачен, и хочу сам рассказать следствию о всей проводимой мной антисоветской заговорщицкой работе».

Иногда во время очных ставок Ежова с другими заключенными вспыхивали яростные споры, например, когда кто-то из подследственных давал показания о связях Ежова с тем или иным лицом, а Ежов, уже на первых допросах назвавший всех своих «сообщников» и не желавший выглядеть в глазах следствия человеком, утаившим какую-то информацию, категорически это отрицал. Так, в ходе его очной ставки с бывшим торгпредом СССР в Великобритании Н.А. Богомоловым разгорелась словесная баталия вокруг фигуры военно-воздушного атташе СССР в Великобритании И.И. Черния. Богомолов утверждал, что знал, со слов Ежова, об участии Черния в заговоре, а Ежов стоял на том», что слышит эту фамилию впервые. После безуспешных попыток следователя разобраться, кто из собеседников лжет, очную ставку пришлось закончить, так ничего и не прояснив.

Приходилось Ежову отбиваться и от попыток приписать ему те или иные преступления в дополнение к тем, которые он уже взял на себя. К примеру, при проведении очной ставки с бывшим начальником штатного управления Наркомата финансов СССР М.Б. Гришиным, последний обвинил Ежова в том, что тот давал ему вредительские задания по линии Наркомфина. На фоне всего того, в чем Ежов уже признался, это было сравнительно безобидное обвинение, но важен был принцип, и Ежов принялся старательно разоблачать все утверждения Гришина, подлавливая его на противоречиях. Полуторачасовое препирательство, как и в предыдущем случае, завершилось тем, что терпение следователя лопнуло, и он распорядился прекратить очную ставку.

К началу нового **1940** года следствие, получив ответы почти на все интересовавшие его вопросы, вело уже дело к завершению. Однако **8** января **1940** года, когда оставалось

провести несколько последних допросов, после чего можно было передавать дело в суд, Ежов, словно предчувствуя приближающийся финал и желая хотя бы ненадолго его отсрочить, неожиданно заболел. Медицинское освидетельствование обнаружило у него крупозное воспаление легких, и после нескольких дней безуспешных попыток справиться с болезнью на месте высокопоставленный узник был переведен для лечения в санитарную часть Бутырской тюрьмы.

Врачи сделали все от них зависящее и в конце января вернули Ежова в распоряжение чекистов. **31** января состоялся последний допрос, и уже на следующий день заместитель начальника Следственной части НКВД СССР А.А. Эсаулов составил протокол об окончании следствия. Ежову были предъявлены для ознакомления **12** томов его уголовного дела, просмотрев которые он заявил, что подтверждает все показания, данные им на предварительном следствии, и никаких добавлений к ним не имеет.

Направленное **1** февраля **1940** года в Прокуратуру ССОР обвинительное заключение было там в тот же день рассмотрено и передано в Военную коллегию Верховного Суда СССР. **2** февраля состоялось предварительное заседание Военной коллегии, которая постановила согласиться с обвинительным заключением и принять дело к производству, рассмотрев его в соответствии с тогдашней практикой в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

В тот же день Ежова, помещенного в преддверии суда в Лефортовскую тюрьму, посетил Л.П. Берия, решивший, видимо, проверить готовность своего предшественника вести себя — «правильно» теперь уже и в суде. Однако его ждал неприятный сюрприз. Ежов, на протяжении десяти месяцев послушно исполнявший навязанную ему роль, увидев Берию, принялся вдруг объяснять, что не является и никогда не являлся контрреволюционером, шпионом, террористом и т.д. и что все признания, сделанные им на предварительном следствии, — стопроцентный вымысел.

По-видимому, понимая, что после формальной процедуры суда шансов остаться в живых у него уже не будет, Ежов решил отсрочить судебное заседание, рассчитывая, что человека, отказавшегося от своих показаний, не решатся вывести на суд. А любая задержка по такому крупному делу могла бы привлечь внимание Сталина, который, узнав, что происходит, возможно, прислал бы какого-то своего представителя, чтобы разобраться в создавшейся ситуации. И тогда появилась бы, наконец, возможность донести до вождя правду о том, как и почему его верный ученик и соратник вынужден был оклеветать себя.

Однако планам Ежова, если таковые существовали, не суждено было сбыться. Берия не счел нужным откладывать судебное заседание. Он лишь попытался успокоить Ежова, заявив, что, если тот подтвердит свои признания, сделанные на предварительном следствии, то жизнь ему будет сохранена. Ежов, и сам не раз дававший в прошлом подобные обещания, хорошо знал им цену. Однако он сделал вид, что слова Берии его убедили и что он готов отказаться от своих попыток играть не по правилам. Шансов выкарабкаться теперь почти не оставалось, но Ежов решил бороться до конца, и раз уж жизнь спасти не удается, то использовать предстоящее выступление в суде хотя бы для того, чтобы сохранить в глазах Сталина и всей партии свое честное имя.

39. «Прошу расстрелять меня спокойно, без мучений»

Заседание Военной коллегии **3** февраля **1940** года, посвященное рассмотрению дела Н.И. Ежова, началось, как и положено, с рутинных процедур. Выяснив, что подсудимый получил копию обвинительного заключения, ознакомился с ним, не имеет по этому поводу никаких вопросов и не заявляет отвода составу суда, председательствующий В.В. Ульрих спросил Ежова, признает ли он себя виновным. В ответ на это Ежов, как следует из протокола судебного заседания, заявил, что в тех преступлениях, которые перечислены в обвинительном заключении, он признать себя виновным не может, так как это будет против его совести и обманом партии.

Тогда был оглашен протокол об окончании следствия, в котором Ежов собственноручной подписью подтверждал достоверность своих показаний. Ежов заявил, что на тот момент он от этих показаний не отказывался, а сейчас отказывается. Ни с какими разведками он связи не имел, никакого теракта на Красной площади **7** ноября **1938** г. не готовил и никакой заговорщицкой деятельностью никогда не занимался.

Пришлось суду, отступив от своего первоначального намерения обойтись без свидетелей, вызвать в зал заседания одного из них — бывшего заместителя Ежова М.П. Фриновского. В тот день он тоже должен был предстать перед судом и находился, вероятно, где-то

поблизости*.

* Два других главных свидетеля — начальник Отдела охраны ГУГБ НКВД И.Я. Дагин и заместитель Ежова по Наркомату водного транспорта Е.Г. Евдокимов были к этому времени уже расстреляны.

Фриновский заявил, что вскоре после назначения на должность наркома внутренних дел Ежов втянул его в созданную им в НКВД заговорщицкую Организацию. Сначала они сколько могли укрывали от разоблачения участников «правотроцкистского блока», а в конце **1937** г. приступили к созданию внутри НКВД террористической группы. Кроме того, Фриновский упомянул о фальсификации, в соответствии с указаниями Ежова, так называемого ртутного отравления, об убийстве по приказу Ежова начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД А.А. Слуцкого и об отравлении Ежовым своей жены.

В ответ на вопросы председательствующего В.В. Ульриха Ежов назвал все сказанное Фриновским злостной клеветой. Жену свою он не отравлял и люминал ей не посылал, а в отношении Слуцкого имел от «директивных органов» указание не арестовывать его, а устранить другим путем, «так как иначе бы вся наша зарубежная разведка разбежалась». Устранение Слуцкого диктовалось, по словам Ежова, тем, что на него имелись очень веские показания бывшего заместителя наркома внутренних дел Я.С. Агранова.

В антисоветском заговоре вместе с Фриновским, продолжал Ежов, он не состоял. Евдокимов, Дагин и другие лица, которых он назвал в своих показаниях как участников заговора, на самом деле таковыми не являлись, во всяком случае ему об этом ничего не известно.

Вслед за тем Ежов опроверг и остальные «факты» своей преступной деятельности, которые, по его словам, он вынужден был под угрозой избиений придумывать в ходе допросов.

На этом председательствующий объявил судебное заседание законченным и предоставил подсудимому последнее слово. В своем выступлении Ежов, в частности, сказал:

> «Я долго думал, как я пойду на суд, как должен буду вести себя на суде, и пришел к убеждению, что единственная возможность и зацепка за жизнь — это рассказать все правдиво и по-честному.
>
> Вчера еще в беседе с Берия он мне сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена». После этого разговора с Берия я решил, лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом только действительную правду...
>
> Я в течение 25 лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я о них скажу после [этого своего обещания Ежов так и не выполнил], но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал, и я в них не повинен»[490].

Затем Ежов продолжил на конкретных примерах опровергать свои показания, данные на предварительном следствии. Конечно, большая часть этих опровержений носила голословный характер, но были и такие, которые при желании можно было проверить с помощью объективных данных. Так, отрицая свою связь с военным атташе Германии в Москве генералом Э. Кёстрингом*, Ежов сообщил, что по его поручению за всеми немцами и их машинами было установлено наблюдение, и если бы он встречался с Кёстрингом, то слежку за ним пришлось бы на это время приостанавливать, а этого не делалось, что может быть подтверждено документами, хранящимися в Отделе охраны ГУГБ НКВД.

* По версии Ежова, высказанной на предварительном следствии, генерал Кёстринг был одним из его связников при работе на немецкую разведку.

Никакого чиновника министерства хозяйства Германии по фамилии Артнау, который будто бы завербовал его во время пребывания советской делегации на сельскохозяйственной выставке в Кенигсберге в **1930** г., в природе не существует, продолжал Ежов. В этом легко убедиться по соответствующим справочникам.

> «Никакого заговора против партии и правительства я не организовывал, — заявил Ежов, — а, наоборот, все зависящее от меня я принимал к раскрытию заговора. В 1934 году, когда я начал вести дело о кировских событиях*, я не побоялся доложить в Центральном комитете о Ягоде и других предателях ЧК**. Эти враги, сидевшие в ЧК, как Агранов и др., нас обводили и ссылались на то, что это дело рук латвийской разведки. Мы этим чекистам не поверили и заставили их открыть нам правду и участие в этом деле правотроцкистской организации***. Будучи в Ленинграде в момент расследования дела об убийстве Кирова, я видел, как чекисты хотели замазать это дело. По приезде в Москву я написал обстоятельный доклад по этому вопросу на имя Сталина, который немедленно после этого собрал

совещание.

При проверке партдокументов по линии КПК и ЦК ВКП(б)**** мы много выявили врагов и шпиков разных мастей и разведок. Об этом мы сообщали в ЧК, но там почему-то не производили арестов. Тогда я доложил Сталину, который, вызвав к себе Ягоду, приказал ему немедленно заняться этими делами. Ягода этим был очень недоволен, но был вынужден производить аресты лиц, на которых мы дали материалы.

Спрашивается, для чего бы я ставил неоднократно вопрос перед Сталиным о плохой работе ЧК, если бы я был участником антисоветского заговора...

Придя в органы НКВД, я первоначально был один. Помощника у меня не было. Я вначале присматривался к работе, а затем уже начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК. В их руках была советская разведка. Таким образом я, «польский шпион», начал свою работу с разгрома польских шпионов. После разгрома польских шпионов я сразу же взялся за чистку контингента перебежчиков. Вот так я начал свою работу в органах НКВД...

Я почистил 14000 чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: «Ты сегодня допрашивай его, а завтра я арестую тебя». Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа...

Меня обвиняют в морально-бытовом разложении. Но где же факты? Я 25 лет на виду в партии. В течение этих 25 лет все меня видели, любили за скромность, за честность. Я не отрицаю, что я пьянствовал, но я работал как вол. Где же мое разложение?»[491]

***** Имеется в виду убийство С.М. Кирова в декабре **1934** г.
****** В **30**-е гг. название ЧК (Чрезвычайная комиссия) иногда еще, по привычке, употреблялось для обозначения органов государственной безопасности.
******* Здесь Ежов, конечно, оговорился. Убийство Кирова было приписано зиновьевской организации, правотроцкистская организация была изобретена только в **1937** г.
******** Имеется в виду проверка партийных документов, проводившаяся в **1935** г.

В конце своей речи Ежов сказал:

«Я понимаю... что единственным поводом для сохранения своей жизни — это признать себя виновным в предъявленных обвинениях, раскаяться перед партией и попросить ее сохранить мне жизнь. Партия может, учтя мои заслуги, сохранить мне жизнь.

Но партии никогда не нужна была ложь, и я снова заявляю вам, что польским шпионом я не был и в этом не хочу признавать себя виновным, ибо это мое признание принесло бы подарок польским панам, как равно и мое признание в шпионской деятельности в пользу Англии и Японии принесло бы подарок английским лордам и японским самураям.

Таких подарков этим господам я преподносить не хочу.

Когда на предварительном следствии я писал о своей якобы террористической деятельности, у меня сердце обливалось кровью. Я утверждаю, что я не был террористом. Кроме того, если бы я захотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело.

Все то, что я говорил и сам писал о терроре на предварительном следствии, — «липа».

Я кончаю свое последнее слово. Я прошу Военную коллегию удовлетворить следующие мои просьбы:

1. Судьба моя очевидна. Жизнь мне, конечно, не сохранят, так как я и сам способствовал этому на предварительном следствии.

Прошу одно — расстреляйте меня спокойно, без мучений.

2. Ни суд, ни ЦК мне не поверят о том, что я не виновен. Я прошу, если жива моя мать, обеспечить ее старость и воспитать мою дочь.

3. Прошу не репрессировать моих родственников — племянников, т.к. они совершенно ни в чем не повинны.

4. Прошу суд тщательно разобраться с делом Журбенко*, которого я считал и считаю честным человеком и преданным делу Ленина-Сталина.

5. Я прошу передать Сталину, что все то, что случилось со мною, является просто стечением обстоятельств, и не исключена возможность, что и враги приложили свои руки, которых я проглядел.

Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах»[492].

***** Журбенко А.С. — выдвиженец Ежова. С мая по сентябрь **1938** г. — начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, с сентября по ноябрь **1938** г. — начальник московского управления НКВД. Арестован **15** ноября **1938** г. Расстрелян **15** февраля **1940** г. На очной ставке с Журбенко, состоявшейся **14** июня **1939** г., Ежов дал показания о его участии вдеятельности заговорщицкой организации, созданной в НКВД.

Выслушав все это, судьи удалились на совещание, но отсутствовали недолго, поскольку результат судебного разбирательства был известен заранее. По возвращении председатель Военной коллегии В.В. Ульрих зачитал приговор. В нем были перечислены все обвинения в

адрес Ежова, содержавшиеся в обвинительном заключении, и в конце определялась мера наказания — расстрел с конфискацией имущества.

4 февраля **1940** года комендант НКВД В.М. Блохин получил за подписью Ульриха предписание немедленно привести в исполнение приговоры к высшей мере наказания, которые Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла накануне тринадцати подсудимым. Помимо Ежова, в списке значились фамилии еще нескольких известных чекистов, в том числе заместителя Ежова М.П. Фриновского, начальника Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД Н.Г. Николаева-Журида и начальника Особого отдела ГУГБ НКВД Н.Н. Федорова. Среди других осужденных были, в частности, командующий Северным флотом К.И. Душенов, бывший первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, а затем нарком земледелия СССР Р.И. Эйхе, несколько функционеров среднего звена и совсем уж никому не известный М.В. Дьячук, родом с Украины, работавший сельскохозяйственным рабочим в Германии и являвшийся членом компартии Германии и, одновременно, ВКП(б). В июне **1939** года он непонятно зачем перешел государственную границу СССР, был арестован и вот теперь по обвинению в шпионаже приговорен к расстрелу.

Как и предписывалось, приговор был немедленно приведен в исполнение, однако лишь в отношении десяти человек из тринадцати. Ежов, Фриновский и Николаев-Журид в этот день казнены не были. Ежова и Николаева-Журида расстреляют **6** февраля, а Фриновского еще два дня спустя. Почему исполнение приговора по ним было задержано и что происходило с самими осужденными в эти дни и часы до расстрела — неизвестно.

40. Вместо эпилога

Арест Ежова самым непосредственным образом отразился и на судьбе его ближайших родственников. В день ареста под стражу были взяты также трое его племянников: Анатолий — инженер-механик Центрального научно-исследовательского института авиамоторостроения, Виктор — студент Московской промышленной академии им. Кагановича и Сергей, работавший утюжельщиком в одной из швейных мастерских.

Как уже упоминалось ранее, в ходе допроса **19** июня **1939** года из Ежова были выбиты показания, согласно которым Анатолий и Виктор разделяли его антисоветские взгляды и даже сочувствовали его террористическим настроениям. После этого за племянников взялись всерьез. Первым удалось сломить Анатолия. Он не только «признался» в том, что знал о террористических намерениях Ежова, но и сообщил, что готов был вместе с братом Виктором оказывать всяческое содействие в осуществлении этих преступных замыслов.

После очной ставки с Анатолием вынужден был сдаться и Виктор. В конце января **1940** года оба они предстали перед Военной коллегией Верховного Суда СССР и были приговорены к расстрелу. Так что, когда Ежов в своем последнем слове на суде просил пощадить его ни в чем не повинных племянников, двоих из них уже не было в живых.

Что касается Сергея, то он не был особенно близок к Ежову и потому пострадал меньше своих братьев. Постановлением Особого совещания при НКВД от **23** октября **1939** г. его как социально-опасного элемента приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. **22** мая **1946** г., по истечении срока заключения, он был освобожден, однако **26** января **1952** г. на тех же, что и прежде, основаниях постановлением Особого совещания при МГБ СССР отправлен в ссылку сроком на пять лет. В конце мая **1953** г. в соответствии с объявленной в то время амнистией, его освободили уже окончательно, а три года спустя реабилитировали.

Еще одной жертвой своего родства с Ежовым стал его младший брат Иван. До **1906** года они жили вместе в Мариамполе, затем Ежов переехал в Петербург, а в **1913** году туда перебрался и Иван. Однако в северной столице отношения между братьями не сложились. Иван, связавшийся с известной петербургской шайкой хулиганов «Порт-Артур», не упускал случая поколотить при редких встречах и своего более слабого брата. Однажды в компании собутыльников он избил его на улице, в другой раз, встретив Ежова на квартире сестры Евдокии, снова избил, использовав оказавшуюся под рукой мандолину. Этих случаев Ежов так и не смог ему простить, и в дальнейшем ни о каких родственных отношениях между ними уже не могло быть и речи.

Впервые после долгого перерыва они снова встретились лишь в **1930** году, когда Иван переехал в Москву и, навещая время от времени мать, жившую с Ежовым, виделся также и с братом.

Окончательный разрыв произошел в **1933** году, когда Иван, встретив на квартире Ежова его приятеля, заместителя председателя правления Госбанка СССР Л.Е. Марьясина,

поругался и подрался с ним, обвинив в задержках выплаты зарплаты рабочим.

Став наркомом внутренних дел, Ежов начал получать сообщения о том, что, попадая в милицию после пьяных скандалов, Иван сразу же представлялся братом наркома, в результате чего его обычно тут же отпускали. Не в меру словоохотливого родственника необходимо было как-то приструнить, и Ежов поручает заместителю начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД З.И. Воловичу заняться этим вопросом. Волович вызвал Ивана к себе, отругал за компрометацию наркома и распорядился устроить его на хозяйственную работу в отдел, чтобы он все время был на виду. В должности коменданта некоторых принадлежащих НКВД зданий Иван проработал до октября **1938** г., после чего был уволен за пьянство.

Взяли его спустя две недели после ареста Ежова. В ходе продолжавшегося десять месяцев следствия Иван был обвинен в шпионаже и подготовке теракта против Сталина и расстрелян в один день с племянниками Ежова — **21** января **1940** года.

Самой младшей из пострадавших родственников Ежова была его приемная дочь Наталья, которой шел в ту пору седьмой год. После ареста отца она была отправлена в детский дом, где ее громкую фамилию заменили на фамилию приемной матери — Хаютина, оставив прежнее отчество — Николаевна.

В дальнейшем, по окончании средней школы и ремесленного училища, она проработала около четырех лет на часовом заводе в Пензе, после чего поступила в музыкальное училище. В **1958** году окончила его, получив диплом культпросветработника, и была по распределению направлена в Магаданскую область, где с тех пор и проживала.

О том, что Ежова репрессировали, ей было, конечно, известно, но в чем он провинился, оставалось тайной.

До конца **50**-х гг. возможности узнать что-либо о Ежове не было не только у Натальи Хаютиной, но и у всех остальных советских граждан. После **10** апреля **1939** года его фамилия исчезла со страниц прессы, хотя и к этому времени ее можно было встретить лишь в ведомственной газете «Водный транспорт». В центральных газетах Ежов последний раз был упомянут **22** января **1939** года, когда перечислялись руководители партии и правительства, присутствовавшие на траурном заседании, посвященном **15**-й годовщине со дня смерти Ленина.

Начиная с апреля **1939** года имя Ежова постепенно изымается из названий предприятий, организаций и населенных пунктов, которым оно в свое время было присвоено*, и несколько месяцев спустя уже ничто не напоминало о человеке, который до недавнего времени был известен как один из самых близких и верных соратников Сталина.

* Именем Ежова были названы: административный центр Черкесской автономной области (г. Ежово-Черкесск), районы в Архангельской, Омской, ЧкаловскоЙ и некоторых других областях, Рубежанский химкомбинат, стадион «Динамо» в Киеве, Школа усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД и т.д.

Впервые после длительного перерыва имя Ежова прозвучало в знаменитом докладе Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», с которым он выступил в феврале **1956** года на закрытом заседании **XX** съезда КПСС. Однако прошло еще несколько лет, прежде чем тема сталинских репрессий проникла на страницы печати, и информация о деяниях Ежова стала достоянием широкой общественности.

Вот тогда-то Наталья Хаютина и узнала, наконец, что нежный и заботливый отец, каким остался Ежов в ее детских воспоминаниях, в своей служебной деятельности проявлял совсем другие качества, благодаря которым вошел в историю страны как человек, виновный в гибели огромного числа ни в чем не повинных соотечественников.

В конце **60**-х гг., в период брежневского «застоя», тема репрессий становится запретной, имя Ежова исчезает из общественного сознания на очередные два десятка лет и вновь появляется на страницах печати только в **1987** году, в разгар горбачевской перестройки. С этого времени история сталинских преступлений начинает изучаться более углубленно, публикуется множество ранее не известных документов из партийных и государственных архивов, в том числе и некоторые материалы следствия и суда над Ежовым.

Как уже говорилось, Ежову инкриминировались измена Родине в форме шпионажа, создание заговорщицкой контрреволюционной организации в НКВД, вредительство, подготовка терактов против руководителей партии и правительства и т.д. Полвека спустя несостоятельность такого рода обвинений была вполне очевидной, поэтому в **1995** году один из историков, указав в письме к Н.Н. Хаютиной на это обстоятельство, посоветовал обратиться в прокуратуру с ходатайством о реабилитации ее приемного отца.

Решилась она на это не сразу. Пугала возможность огласки, ведь окружающие не знали, что она дочь Ежова, а в Магаданской области, где многие жители являлись детьми и внуками репрессированных, отношение к Ежову, как, впрочем, и к любым другим работникам карательных органов, было вполне определенным. Однако в конце концов Н.Н. Хаютина решила последовать данному ей совету, тем более что провозглашенная в стране ориентация на нормы и ценности правового государства давала, казалось бы, надежду на благоприятный исход дела.

В конце **1995** года она направляет в Генеральную Прокуратуру РФ заявление, в котором, в частности, говорится:

> «В соответствии со статьей 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»* прошу вашего указания о реабилитации моего приемного отца Николая Ивановича Ежова. 2 февраля 1940 г.** Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха приговорила моего отца к расстрелу... Анализ публикаций за последние годы позволяет утверждать, что мой приемный отец был осужден за преступления, им не совершенные»[493].

***** Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» был принят **18** октября **1991** г.
****** В действительности — **3** февраля **1940** г.

Перечислив далее все пункты обвинения, Н.Н. Хаютина заявила, что они не соответствуют действительности и не подтверждаются никакими фактами.

> «Никакой предательской работы, — писала она, — Н.И. Ежов не вел. Он был исполнителем воли Сталина... В своем последнем слове [на суде] мой отец заявил, что все его «признания» в шпионаже и других преступлениях были «выбиты». Он также заявил: «Тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением, я не совершал, и я в них не повинен». Таким образом, обвинительное заключение базировалось не на фактах, а было фиктивным.
>
> Отец был вначале использован как исполнитель воли Сталина, поставившего задачу уничтожить всех единомышленников и соратников Троцкого, а затем, выполнив ее, был уничтожен, как слишком много знавший.
>
> Н.И. Ежов не шпион, не террорист, не заговорщик, а продукт господствовавшей тогда системы кровавого диктаторства. Вина Н.И. Ежова перед советским народом ничуть не больше, чем вина И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А.Я. Вышинского, В.В. Ульриха, К.Е. Ворошилова и многих других руководителей партии и правительства того периода. Но они не враги народа по суду! Их родственники живут под своей фамилией и являются полноправными членами общества. А мой добрый, внимательный приемный отец до сих пор рисуется как палач своего народа.
>
> М.Н. Тухачевский, расстрелявший тысячи матросов и крестьян во время кронштадтского и тамбовского «мятежей», реабилитирован полностью и в настоящее время не является врагом народа. Реабилитированы ближайшие помощники Н.И. Ежова — М.Д. Берман, С.Б. Жуковский и многие другие.
>
> В связи с изложенным, прошу вашего указания на основании статьи 3 закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитировать моего приемного отца Николая Ивановича Ежова»[494].

Главная военная прокуратура (ГВП), которой было поручено изучить возможность реабилитации Ежова*, запросила в Федеральной службе безопасности его уголовное дело и, ознакомившись с представленными материалами, пришла к выводу, что имеющихся документов недостаточно для принятия того или иного решения. В связи с этим, **14** марта **1996** года в Следственное управление ФСБ было направлено письмо с просьбой представить дополнительные сведения, которые позволили бы внести ясность в рассматриваемый вопрос. В частности, были запрошены документы НКВД СССР за подписью Ежова, в соответствии с которыми проводились так называемые «массовые операции»; статистические данные о масштабах репрессий в **1937-1938** годах; протоколы оперативных совещаний руководящего состава НКВД за те же годы; уголовные дела на некоторых бывших работников НКВД и т.д.

***** Поскольку Ежов был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР, заниматься его реабилитацией должна была по закону Главная военная прокуратура.

К концу сентября **1996** года запрошенные материалы были собраны и направлены в ГВП. Среди переданных документов была, в частности, и справка Центрального архива ФСБ, согласно которой никаких сведений о принадлежности Ежова к агентуре польской, немецкой, английской или японской разведок в архиве обнаружено не было.

Теперь ничто, вроде бы, не мешало Главной военной прокуратуре глубоко и всесторонне разобраться в ситуации и вынести справедливое и беспристрастное решение. Но это только на первый взгляд. На самом же деле, уже по одному только перечню запрошенных дополнительных сведений было видно, что всерьез заниматься реабилитацией никто не

намерен, поскольку ни приказы Ежова по НКВД, ни его выступления на совещаниях, ни статистические данные о масштабах репрессий и т.д. не имели никакого отношения к тем обвинениям, на основании которых он был осужден в **1940** году.

То, что Ежов не будет реабилитирован ни при каких обстоятельствах, сотрудникам Военной прокуратуры было ясно с самого начала, и вся предстоящая работа заключалась лишь в том, чтобы придать этому заранее известному результату видимость хоть какой-то законности.

В принципе, прокурорским работникам, много лет занимавшимся по долгу службы реабилитацией жертв сталинских репрессий, одного только взгляда на вмененный Ежову состав преступлений было бы достаточно, чтобы понять, что перед ними обычная, давно и хорошо знакомая «липа». Подобные обвинения предъявлялись большинству арестованных в те годы соратников Сталина, и ни одно из них ни разу не подтверждалось. Всё в таких делах основывалось на личном признании подследственного, на таких же голословных утверждениях мнимых соучастников, при полном отсутствии каких-либо объективных доказательств вины. Прекрасно известен был и механизм получения признательных показаний, к тому же Ежов и сам заявил на суде, что к нему были применены «сильнейшие избиения».

Таким образом, перелистав следственное дело Ежова и убедившись, что все признаки фальсификации налицо, прокуратура могла со спокойной совестью сделать вывод о необоснованности вынесенного полвека назад приговора.

Но это значило бы подойти к делу с чисто юридических позиций. Между тем реабилитация Ежова была мероприятием не только юридическим, но еще и политическим. Поскольку в российском общественном мнении реабилитация воспринимается не просто как признание необоснованности осуждения человека по конкретным статьям обвинения, а как свидетельство его невиновности вообще, реакцию на отмену приговора такой одиозной личности, как Ежов, нетрудно было спрогнозировать.

Попытки родственников восстановить «доброе имя» некоторых других руководящих работников органов госбезопасности сталинского периода предпринимались и раньше. Практически все они прокуратурой успешно отбивались, и делать исключение для Ежова не было никаких оснований, тем более что после этого отказывать всем остальным было бы уже невозможно.

С учетом указанных обстоятельств, изучение возможности реабилитации Ежова свелось в итоге к обоснованию законности вынесенного ему приговора. Сделать это можно было, лишь доказав, что хотя бы одно из приписываемых ему государственных преступлений, карающихся расстрелом, Ежов и в самом деле совершил, и, следовательно, пересматривать приговор **1940** года никакой необходимости нет.

Именно этим Главная военная прокуратура и занималась на протяжении последующих полутора лет. **25** февраля **1998** года данная работа была наконец завершена, и подготовленное прокуратурой заключение по уголовному делу Ежова отправлено в Военную коллегию Верховного Суда, которая в соответствии с законом должна была вынести окончательное решение.

Признав шпионаж и причастность к убийству жены недоказанными и проигнорировав предъявленные в свое время Ежову обвинения в подготовке терактов против руководителей страны и в создании заговорщицкой организации внутри НКВД, Главная военная прокуратура в своем заключении сосредоточила основное внимание только на одном из вмененных ему преступлений — вредительстве (статья **58-7** Уголовного кодекса РСФСР). На момент осуждения Ежова данная статья действовала в следующей редакции:

> «Вредительство — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности...»[495]

Примерно так выглядели и обвинения, предъявленные Ежову на суде:

> «Не имея сочувствия и опоры в массах советского народа, Ежов и его ближайшие сообщники Евдокимов, Фриновский и др. для практического осуществления своих предательских замыслов создавали и насаждали шпионские и заговорщицкие кадры в различных партийных, советских, военных и прочих организациях СССР, широко проводя вредительскую работу на важнейших участках партийной, советской и, особенно, наркомвнудельской работы как в центре, так и на местах, истребляя преданные партии кадры, ослабляя военную мощь Советского Союза и

провоцируя недовольство трудящихся»[496].

В **1998** году повторять эти пятидесятилетней давности формулировки обвинительного заключения было невозможно, поэтому в итоговом документе Главной военной прокуратуры ни о каких «предательских замыслах» Ежова ничего уже не говорилось, а сами преступления были конкретизированы следующим образом:

> «Собранными по делу доказательствами подтверждается виновность Ежова Н.И. в организации в стране политических репрессий в отношении невиновных граждан, незаконных арестах и применении физического насилия к подследственным, фальсификации материалов уголовных дел, что повлекло за собой необратимые последствия, которые реально способствовали ослаблению государственной власти, — т.е. в совершении действий, направленных к подрыву и ослаблению государства в ущерб его экономической и военной мощи»[497].

Получалось, что именно Ежов, неизвестно, правда, с какой целью, организовал в стране массовые политические репрессии и все, что с ними связано. Данный вывод должны были подкрепить приводимые в заключений прокуратуры статистические данные о масштабах репрессий в **1937-1938** гг., а также оперативные приказы наркома внутренних дел за номерами **00447** (о начале массовой операции), **00485** (о поляках), **00486** (о женах «врагов народа») и **00693** (о перебежчиках). Начавшийся после издания этих приказов массовый террор удалось, по мнению прокуратуры, остановить лишь благодаря вмешательству руководства страны (имеется в виду совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от **17** ноября **1938** г.).

> «Таким образом, — делала Прокуратура окончательный вывод, — бесспорно установлено, что Ежов Н.И. в 1936 — 1938 гг., будучи народным комиссаром внутренних дел СССР, грубо попирая основной закон государства — Конституцию СССР и законы, фактически узаконил массовые репрессии. При этом он, злоупотребляя властью и превышая предоставленные ему полномочия, путем издания заведомо преступных приказов и директив, повсеместно насаждал произвол и беззаконие в виде умышленного уничтожения сотен тысяч безвинных советских граждан, военных, ученых, государственных и общественных деятелей, что причинило непоправимый ущерб международному авторитету советского государства, его обороноспособности и национальной безопасности, способствовало подрыву государственной промышленности и транспорта, противодействовало нормальной деятельности учреждений и организаций, чем совершил ряд особо опасных для государства преступлений, за которые обоснованно привлечен к уголовной ответственности. Назначенная ему по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР мера наказания соответствует тяжести содеянного, и он реабилитации не подлежит»[498].

Конечно, деятельность Ежова была преступной, однако не с точки зрения тогдашних законов, а с позиций сегодняшнего дня. А в те далекие времена всё, что нынешней Прокуратурой ставилось Ежову в вину, было лишь усердным выполнением приказов политического руководства страны. Не случайно, нигде в заключении Прокуратуры не упоминается о мотивах преступных действий Ежова, хотя это первый вопрос, который выясняется при расследовании любого преступления. У обвинения образца **1940** г., как бы к нему сейчас ни относиться, была все-таки своя логика: Ежов — замаскировавшийся контрреволюционер и иностранный шпион, поставивший целью свержение существующего в стране социалистического строя, чем и обусловлены все его преступления. В отсутствие же данной цели действия Ежова превращаются в бессмысленный набор чисто садистских акций.

Более того, без этой цели всё им совершенное уже не имеет отношения и к статье **58-7** (вредительство), поскольку под нее подпадают лишь действия, совершенные с контрреволюционным умыслом. В постановление пленума Верховного Суда СССР от **31** декабря **1938** г. специально подчеркивалось, что статья **58-7** может применяться лишь в тех случаях, когда обстоятельствами дела установлено, что обвиняемый действовал с контрреволюционной целью[499]. Ну а поскольку с позиций сегодняшнего дня никаких оснований считать Ежова контрреволюционером нет, то и статья **58-7** на него распространяться не может.

Данная статья, так же как и все другие, была использована чисто утилитарно — как способ узаконить убийство человека, который, выполнив волю Сталина, должен был уйти из жизни, приняв на себя всю ответственность за то, что творилось в стране в **1937-1938** гг. На самом деле ни под одну из расстрельных статей тогдашнего уголовного кодекса реальные, а не вымышленные (типа шпионажа или убийства жены) действия Ежова не подпадали и не могли подпасть, поскольку ответственность за усердное выполнение преступных приказов руководителей государства советским уголовным кодексом, естественно, не предусматривалась.

Действия Ежова по отношению к существующей тогда государственной власти не были преступными, потому и пришлось придумывать разные фантастические обвинения типа шпионажа. Преступной была деятельность самой этой власти по отношению к собственному народу, и именно таким, по идее, мог бы быть главный вывод проводившегося прокуратурой разбирательства. Но это вело в конечном итоге к реабилитации Ежова, что было недопустимо, поэтому ГВП пошла традиционным путем.

Еще с конца **50**-х гг., занимаясь по жалобам родственников проверкой обоснованности обвинений, предъявленных в суде работникам НКВД сталинского периода, Прокуратура в своих постановлениях, содержащих отказ в реабилитации, разъясняла, что хотя многие из обвинений и не могут считаться доказанными, но, ввиду причастности осужденного к проведению массовых репрессий и применению недозволенных методов следствия*, то есть действий, подпадающих (по мнению Прокуратуры) под признаки преступления, предусмотренного статьей **58-7** Уголовного кодекса РСФСР, реабилитация проведена быть не может.

* На самом деле, методы, как известно, были вполне дозволенными, и официальный запрет на них был введен лишь в апреле **1953** г.

В случае с Ежовым Прокуратура также сосредоточилась на доказательстве его причастности к преступлениям, которые, при расширительном толковании статьи **58-7**, можно было подвести под ее формулировки, если, конечно, не принимать во внимание то, что, при отсутствии у обвиняемого контрреволюционного умысла, данная статья не может применяться по определению.

В то же время, учитывая, что дочь Ежова в своем обращении в ГВП апеллировала к принятому в **1991** году Закону «О реабилитации жертв политических репрессий», необходимо было отказать в ее просьбе также и на основании данного закона. Одна из его статей содержит перечень лиц, не подлежащих реабилитации: обоснованно осужденные за шпионаж, выдачу военной или государственной тайны, переход военнослужащего на сторону врага, а также за террористический акт или диверсию. На данную статью Закона как на еще один аргумент, подтверждающий невозможность реабилитации, Прокуратура и сослалась, проигнорировав тот факт, что обвинение Ежова в шпионаже ею самой было признано недоказанным, террористический акт Ежову не инкриминировался (только подготовка), а все остальные пункты не имеют к нему даже и формального отношения.

Возможно, поэтому, когда в начале марта **1998** года в Военной коллегии Верховного Суда РФ получили заключение Прокуратуры по делу Ежова и ознакомились с ним, предложенная схема отказа от реабилитации была сочтена недостаточно надежной. Военные судьи решили идти в этом вопросе своим путем, и, хотя вариант Прокуратуры полностью отвергнут не был, на первый план вышли уже совершенно другие аргументы.

С решением, которое Военная коллегия приняла по данному делу, широкая общественность ознакомилась в ходе открытого судебного заседания, состоявшегося **4** июня **1998** года и проходившего в присутствии многочисленных представителей средств массовой информации. Повторив все основные доводы Прокуратуры и подтвердив, что осуждение Ежова в **1940** году было вполне правомерным, Военная коллегия своему решению отказать ему в реабилитации дала тем не менее совсем иное обоснование.

> «Целью Закона [«О реабилитации жертв политических репрессий»], — гласило заключение Военной коллегии, — является реабилитация жертв репрессий, подвергнутых таковым в результате террора государства... По смыслу закона жертвами репрессий должны признаваться граждане, невинно пострадавшие от преследования государства, носителями политики которого являлись соответствующие должностные лица, и в первую очередь, занимавшие высшие должностные посты. К ним, безусловно, относился Ежов, являвшийся руководителем органов внутренних дел государства. И именно при нем и под его руководством, как это усматривается из материалов дополнительной проверки, репрессии стали носить организованный характер и получили массовое распространение... Ежов лично являлся одним из тех руководителей государства, кто организовывал, а также лично проводил массовые незаконные преследования невиновных граждан... Поэтому Ежов, являясь прямым виновником репрессий, не может быть признан жертвой им же организованного террора и, следовательно, лицом, подпадающим под действие материальной части Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»[500]*.

* Предложение Прокуратуры исключить из обвинения Ежова за недоказанностью пункты о шпионаже и причастности к смерти жены Военная коллегия оставила без рассмотрения, указав, что Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» частичная реабилитация не предусмотрена, и посоветовав Прокуратуре заниматься этими вопросами в общем порядке, определяемом уголовно-процессуальным законодательством.

Предложенное Военной коллегией теоретическое обоснование отказа в реабилитации

превращало вопрос из юридического (виновен — не виновен) в разновидность философского — может или нет считаться жертвой репрессии человек, причастный к их организации. Такая постановка вопроса позволяла обойтись без тех уязвимых для критики аргументов, которыми Военной коллегии пришлось бы обосновывать свою позицию, согласись она с мнением Прокуратуры. Теперь же все претензии к ее решению могли предъявляться лишь на логическом уровне, и, кстати, основания для таких претензий, безусловно, имелись.

В самом деле, ничто ведь не мешало Ежову, побыв некоторое время орудием террора, стать затем его жертвой, но только жертвой не «им же организованного террора», как это утверждается в определении Военной коллегии, а террора, организованного Сталиным. Статья 3 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» гласит:

> «Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были осуждены за государственные и иные преступления»[501].

Ежов как раз и был по политическим мотивам осужден за государственные и иные преступления. В Законе ничего не говорится о том, что прошлая жизнь жертвы должна быть безукоризненной в политическом, нравственном или каком-то ином отношении. В 30-е годы многие региональные партийные руководители, перед тем как оказаться в застенках НКВД, сумели изрядно преуспеть на ниве репрессий, но это обстоятельство нисколько не помешало их реабилитации.

Однако разбираться во всех этих коллизиях у суда, так же как до этого у Прокуратуры, особого желания не было, и поскольку найденное решение позволяло закрыть дело наименее хлопотным образом, на нем и остановились.

Таким образом, итогом трехлетней работы российской правоохранительной системы стало оставление Ежова в списках «врагов народа». И хотя этот результат юридически корректным не назовешь, в чисто человеческом плане с ним, конечно, трудно не согласиться.

Враг народа (без кавычек) — это, наверное, наиболее точное определение Ежова и как личности, и как общественного явления. В своей книге «Номенклатура» М.С. Восленский так охарактеризовал эту его сущность:

> «Ежов... был обычным высокопоставленным бюрократом и выделялся лишь тем, что особенно старательно выполнял любые указания руководства. В Промышленном отделе [ЦК] было указание организовать строительство заводов — он организовал. В НКВД было указание пытать и убивать — он пытал и убивал... Ежов был исполнителем. Любой сталинский номенклатурный чин делал бы на его месте то же самое. Это не значит, что Ежова незаслуженно считают... самым кровавым палачом в истории России. Это значит только, что любой сталинский назначенец потенциально являлся таким палачом. Ежов был не исчадием ада, он был исчадием номенклатуры»[502].

Соглашаясь с характеристикой, которую М.С. Восленский дал сталинской номенклатуре, отметим все же, что Ежов был не просто более старательным исполнителем, чем другие. Он был исполнителем не только по приказу, но и, как говорится, по зову сердца. Не случайно, именно его Сталин выбрал себе в помощники, когда накануне войны задумал провести в стране масштабную политическую чистку. И справедливо, что именно так, рядом, они и останутся в отечественной истории как олицетворение тех бед, которые принесла стране эпоха коммунистической диктатуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 320.

[2] Скрябина Е.А. Страницы жизни. М., 1994. С. 90.

[3] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 14.

[4] Там же.

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 671. Оп. 1. Д. 270. Л. 69.

[6] Центральный государственный архив Республики Татарстан. Ф.732.0п. 1. Д.88. Л.431.

[7] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 7 об.

[8] Там же Л. 14.

[9] Там же.

[10] Минц И.И. Великая социалистическая революция в СССР. М., 1937. С. 52.

[11] Российский государственный военно-исторический (РГВИА). Ф. 4858. Оп. 2. Д. 1. Л. 512.

[12] РГВИА Ф. 7808. Оп. 1. Д. 27. Л. 668.

[13] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 11 об.

[14] РГВИА Ф. 4858. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.
[15] РГВИА Ф. 4858. Оп. 2. Д. 22. Л. 62.
[16] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 11 об.
[17] Витебский листок. 1917.18 марта.
[18] Красная быль. Большевики в Витебске. Витебск. 1923. С. 36.
[19] Центральный государственный архив Республики Татарстан. Ф.732.0п. 1. Д. 88. Л. 431 об.
[20] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 270. Л. 33.
[21] Красная быль. Большевики в Витебске. Витебск. 1923. С. 122-123.
[22] Там же. С. 143.
[23] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. I. Д. 270. Л. 10.
[24] Там же. Л. 57.
[25] Минц И.И. Великая социалистическая революция в СССР. М., 1937. С. 52.
[26] Красная быль. Большевики в Витебске. Витебск. 1923. С.36.
[27] Разгон Л.Э. Непридуманное. Мм 1988. С. 30.
[28] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 8.
[29] Красномайский стекольщик (Вышний Волочек). 1937. 27 октября.
[30] Правда. 1936. 27 сентября.
[31] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 270. Лл. 73-74.
[32] Там же.
[33] Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Следственное дело № Н-15302. Т. 8. Л. 188.
[34] РГАСПИ. Ф. 671. Оп.1. Д. 268. Л. 4.
[35] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 14387. Оп. 1. Д. 7. Протокол от 11.06.19.
[36] Там же. Протокол № 25.
[37] Известия. 1918. 6 апреля.
[38] Брюханов Б., Шошков Н. Нарком «Воробушек» // Родина. 1996. №4. С. 62.
[39] Известия (Казань). 1921.11 июня.
[40] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 266. Л. 90 об.
[41] Там же. Л. 90.
[42] РГВА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 178. Л. 23.
[43] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д1048. Л. 73.
[44] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 10790. Л. 20.
[45] Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1. С. 53.
[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 433. Л. 46.
[47] РГАСПИ. Ф.17. 0п.67. Д 118. Л. 146.
[48] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 433. Л. 13.
[49] Там же. Л. 12.
[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 434. Л. 161.
[51] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 117. Лл. 133,135, 137-139.
[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д 434. Л. 104.
[53] Молодой коммунист (Йошкар-Ола). 1988.29 июня.
[54] РГАСПИ. Ф. 671. Оп: Т. Д.267. Лл. 12-12об.
[55] РГАСПИ. Ф. 17. Оп: П. Д. 235. Л. 21.
[56] Степная правда (Семипалатинск). 1923.21 авг.
[57] Коммунист (Семипалатинск). 1923. № 6. С. 5.
[58] Там же. С. 14.
[59] Молодой коммунист (Йошкар-Ола). 1988. 29 июня.
[60] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 87. Л. 233.
[61] Там же. Л. 224.
[62] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 429. Л. 6.
[63] РГАСПИ. Ф. 17.0п. 11. Д234. Л.21.
[64] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д 24. Лл. 22-23.
[65] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 326. Лл. 195-196.
[66] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 211.
[67] Там же. Л. 233.
[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Лл. 36-37.
[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 235. Л. 83.
[70] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 270. Л. 77.

[71] Огонек 1990. № 50. С. 25.

[72] Разгон Л.Э. Непридуманное. М., 1988. С. 30.

[73] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 496. Л. 224.

[74] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 411. Л. 36.

[75] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 716. Л. 42.

[76] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 74. Д. 2. Л. 103 об.

[77] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М.3 1984. С. 8.

[78] Там же. С. 10.

[79] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 6. Л. 250.

[80] История крестьянства в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 155, 166.

[81] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 19. Д. 24. Л. 2, 2 об.

[82] Там же. Л. 8 об.

[83] Там же. Л. 9.

[84] Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. №9-10. С. 1-12.

[85] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 гг. М., 1995. С.194.

[86] Там же. С. 217.

[87] Там же. С. 220.

[88] Там же. С. 222.

[89] Разгон Л.Э. Непридуманное. М., 1988. С. 27.

[90] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 298. Л. 1-5; Д. 300. Лл. 8-11.

[91] Архив автора.

[92] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

[93] Социалистический вестник (Берлин). 1933. № 23. С. 8-9.

[94] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С.114.

[95] Medvedev R. Let History Judge. New York. 1973. P. 156.

[96] Антонов-Овсеенко А.В. Портрет тирана. Нью-Йорк. 1980. СПб.

[97] Известия ЦК КПСС. 1989. №7. С. 115-120.

[98] Шатуновская О.Г. Фальсификация // Аргументы и факты. 1990. №22. С. 7; Она же. Вокруг трагедии в Смольном // Сельская жизнь. 1990. 23 сент.

[99] РГАСПИ. Ф. 58. Оп. 2. Д. 46. Л. 9.

[100] РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

[101] Викторов Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 139.

[102] РГАСПИ. Ф. 17.0п.45. Д. 120. Лл. 19-19 об.

[103] Там же. Л. 55.

[104] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 12. Л. 69.

[105] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 951. Л. 2.

[106] Реабилитация. Как это было. Т. 3. М. 2004. С. 465.

[107] Кирилина А.А. Выстрелы в Смольном // Родина. 1989. №1. С. 72.

[108] Социалистическая законность. 1991. №2. С. 70.

[109] Там же. С.71.

[110] Кирилина А.А. Неизвестный Киров. М. 2001. С. 262.

[111] Аргументы и факты. 1989. №6. С. 5

[112] Реабилитация. Как это было. Т. 3. М. 2004. С. 482.

[113] Там же. С. 474.

[114] Там же. С. 465.

[115] Труд. 1990. 25 ноября.

[116] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 114. Лл. 8-9.

[117] Там же. Л. 11.

[118] Там же.

[119] Там же. Л. 65.

[120] Вопросы истории. 1995. №2. С.16-17.

[121] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Лл. 182-184.

[122] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 114. Лл. 177-178, 214.

[123] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 120. Лл. 90-91.

[124] Реабилитация. Как это было. Т. 3. М. 2004. С. 465.

[125] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.

[126] Там же.

[127] Реабилитация. Как это было. Т. 3. М. 2004. С. 461.

[128] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 128. Л. 12.

[129] Там же. Л. 35.

[130] Там же. Л. 77.

[131] Там же. Лл. 153, 155-157.

[132] Там же. Л. 204.

[133] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 43.

[134] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. М. 2003. С. 601.

[135] РГАСПИ. Ф. 671. Оп.1. Д. 107. Лл.43-44.

[136] Там же. Л. 60.

[137] Труд. 1991, 15 августа.

[138] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 107. Лл. 145-146.

[139] Там же. Лл. 181, 182, 183.

[140] РГАСПИ. Ф. 17.0п. 3. Д.959. Л. 16.

[141] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.

[142] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 547. Л. 70.

[143] Там же. Л. 55.

[144] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.

[145] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 996. Л. 22.

[146] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

[147] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 177. Лл. 94-95.

[148] Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918-й — начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. №2. С. 16-19.

[149] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д.32. Лл.20-21.

[150] Там же. Л. 127.

[151] Там же. Л. 23.

[152] Там же. Л. 133.

[153] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 242. Л. 12.

[154] Там же. Л. 53.

[155] Совершенно секретно. 1992. №4. С. 7.

[156] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 28. Л. 184.

[157] Там же. Л. 181.

[158] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 179. Лл. 262-264.

[159] Там же. Л. 267.

[160] Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С.203.

[161] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 561. Л. 130.

[162] Там же. Л. 133.

[163] Неизвестная Россия. XX век. Вып. 4. М., 1993. С. 174-175, 177-178, 181-182, 185-186.

[164] РГАСПИ. Ф. 17.0п. 120. Д. 179. Лл.34-35.

[165] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 28. Л. 177.

[166] Там же. Л. 178.

[167] Вопросы истории. 1994. №12. С. 16-17.

[168] Там же. С. 9.

[169] Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 86.

[170] Там же.

[171] Там же. С. 106-107; РГАСПИ. Ф. 671. Оп. I. Д. 275. Л. 169.

[172] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 164. Л. 83.

[173] Там же. С. 84.

[174] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 167. Л. 129.

[175] Там же. Л. 138.

[176] Там же. Л. 123.

[177] Вопросы истории. 1994. №12. С. 17; 1995. №2. С. 9,18.

[178] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. I. Д. 167. Л. 257.

[179] Там же. Л. 260.

[180] Там же. Л. 265.

[181] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д 168. Л. 75.

[182] Там же. Л. 78.

[183] Там же. Л. 174.

[184] Там же. Л. 200.

185 Там же. Л. 202.
186 Крыленко Н.В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М., 1937. С. 343-344.
187 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 257. Л. 158.
188 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 170. Л. 276.
189 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 168. Л.250.
190 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 170. Лл. 206,208.
191 Бюллетень оппозиции (Париж). 1936. № 52-53. С. 10.
192 Родина. 1996. № 2, С. 92-93.
193 РГАСПИ. Ф. 671.0п.1. Д.5г Л.191.
194 Там же. Лл. 191-192.
195 РГАСПИ. Ф. 671.0Л.1. Д.174. Л.81.
196 Там же. Лл. 83, 84.
197 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д 52. Л. 192.
198 Там же. Л. 193.
199 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 271. Лл. 429-432.
200 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 194.
201 ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 8. Лл. 87-88.
202 Архив автора.
203 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д.94. Лл. 124-127.
204 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 93. Лл. 12-13.
205 Вопросы истории. 1994. № 12. С. 29.
206 Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995 С. 37.
207 Там же. С. 37-38.
208 Российские вести. 1992. 16 июля.
209 Бобринцев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М. 1993 С. 374.
210 Там же. С. 371-372.
211 Правда. 1936. 30 ноября.
212 Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 87.
213 Там же.
214 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 59.
215 Ларина А.М. Незабываемое. М., 1989 С 229
216 Там же. С. 270.
217 Там же. С. 248.
218 Там же. С. 315.
219 Вопросы истории. 2002. № 3. С.6
220 Там же. С. 26-27.
221 Вопросы истории. 1995. № 1. С. 18.
222 Там же. С. 18-19
223 РГАСПИ. Ф. 558. Оп.11. Д.94. Л. 31
224 РГАСПИ. Ф. 671. 0п. 1. Д.275. Л. 339.
225 РГАСПИ. Ф. 17. Оп.2. Д.575. Л. 44.
226 Там же.
227 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 284. Л. 22
228 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 275. Л. 293.
229 Там же. Лл. 277-278
230 РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 284. Лл. 215-221.
231 Там же. Лл. 242-243.
232 Там же. Лл. 190-199.
233 Там же. Л. 201.
234 Правда. 1937. 28 января.
235 Бюллетень оппозиции (Париж). 1937. № 54-55. С. 27-28.
236 Orlov, A. The Secret History of Stalin's Crimes. London. 1954. P. 192.
237 Ларина А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 318.
238 Родина. 2001. № 2. С. 94. 103.
239 Астров В. С меня следователи требовали показаний. Известия. 1993. 27 февраля.
240 Родина. 1995. № 10. С. 63.
241 Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 17-18.

[242] Там же. С. 22.
[243] Там же.
[244] Там же. С. 24.
[245] Там же. № 6-7. С. 4.
[246] Там же. С. 23.
[247] Вопросы истории. 1993. № 2. С. 27.
[248] Там же. С. 29.
[249] Там же. С. 26.
[250] Там же. С. 33.
[251] Вопросы истории. 1993. № 5. С. 23-24.
[252] Вопросы истории. 1994. № 2. С. 21.
[253] Там же. № 10. С. 21.
[254] Там же. С. 27.
[255] Вопросы истории. 1995. № 2. С. 25.
[256] Там же. № 3. С. 11.
[257] Там же. С. 7.
[258] Там же. С. 8.
[259] Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 407.
[260] Там же. С. 416.
[261] Там же.
[262] Там же. С. 390.
[263] Там же. С. 391.
[264] Там же. С. 402.
[265] Источник. 1993. № 0. С. 23.
[266] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 6. Л. 23.
[267] Социалистический вестник (Париж). 1938. № 6. С. 7-9; Krivitsky, W.G. In Stalin's Secret Service. London. 1939. Pp. 167-168.
[268] ЦА ФСБ РФ. Стенограмма выступления Н.И. Ежова на совешании руководящего состава НКВД СССР 19.03.1937.
[269] Там же.
[270] Orlov, A. The Secret History of Stalin's Crimes. London. 1954. P. 220.
[271] Служба безопасности. 1993. № 1. С. 37.
[272] Вопросы истории. 1993. № 6. С. 190.
[273] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 9. Л. 46.
[274] Там же. Л. 8.
[275] Там же. Т. 7. Л. 166.
[276] Там же. Т. 3. Л. 111.
[277] Там же. Л. 59.
[278] Военные архивы России. 1993. Вып. I. С. 78-79.
[279] Там же. С. 104.
[280] Там же. С. 33.
[281] Там же.
[282] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 271.
[283] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Лл. 325-328; Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 65.
[284] Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 38.
[285] Там же.
[286] Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998. С. 306.
[287] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Лл. 78-83.
[288] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Л. 132.
[289] Там же. Л. 103.
[290] Там же. Л. 8.
[291] Там же. Л. 377.
[292] Антонов-Овсеенко А.В. Портрет тирана. Нью-Йорк. 1980. С. 164.
[293] Жаворонков Г.Н., Парийский В.И. Сказавший будет услышан // Они не молчали. М., 1991. С. 208-209.
[294] См.: Вопросы истории. 1994. № 10. С. 22-26.
[295] Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 253-254.
[296] Жаворонков Г.Н., Парийский В.И. Сказавший будет услышан // Они не молчали. М., 1991. С. 209-210.
[297] Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 362.
[298] Там же. С. 65.

[299] Пятницкий В.И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004. С. 428.

[300] РГАСПИ. Ф. 17.0п. 162. Д. 21. Л. 88.

[301] Там же. Л. 89.

[302] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15301-Х 7. Лл. 84-85.

[303] Там же. Лл. 86-87.

[304] Там же. Т.8. Л. 191.

[305] Шрейдер М.П. НКВД изнутри (записки чекиста). М., 1995. С. 41-42.

[306] Правда. 1937. 18 июля.

[307] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. М., 2004. С. 273.

[308] ЦХСД. Ф. 89. Оп. 48: Д. 12. Л. Z

[309] Служба безопасности. 1993. № 6. С. 2.

[310] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 145. Л. 53.

[311] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 1. Лл. 170-171.

[312] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 108.

[313] Там же. Т. 5. Л. 226.

[314] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 107.

[315] См.: Documents on German foreign policy (19Д8-1945). Serie C (1933-1937). Vol. VI. Washington. 1983. Pp. 1003,1013.

[316] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. Iv2004. С.301.

[317] См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-38 гг.// Репрессии против поляков и польских граждан. М, 1997. С. 32-33.

[318] Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Кн. 1, М., 1992. С. 86,114.

[319] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 114.

[320] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Лл. 129-130.

[321] Тамже. Лл. 142-144.

[322] ГА РФ Ф. 8131. Оп. 37. Д. 86. Л. 138.

[323] Там же. Л. 147.

[324] Там же. Л. 148.

[325] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 270. Л. 80-81.

[326] РГАСПИ. Ф. 671. Ш.±Ш628. Л. 115.

[327] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д986. Л. 16.

[328] Правда. 1937.11 декабря.

[329] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 229

[330] Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». М., 1990. С. 229; Красная звезда. 1991. 17 апреля.

[331] РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 652. Л. 116.

[332] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Лл. 113-114,123.

[333] ЦАФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Л. 136.

[334] Там же. Л. 118.

[335] Там же. Л. 125.

[336] Здесь и далее: ЦА ФСБ РФ. Стенограмма выступления Н.И. Ежова на совещании руководящего состава НКВД 24 января 1938 г.

[337] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 51.

[338] Воля. 1994. №2-3. С. 77.

[339] Реабилитация. Как это было. Т. 2. М., 2003 — С. 162.

[340] ГА РФ Ф. 8131. Оп. 37. Д. 118. Лл. 57-58.

[341] Там же. Д. 145. Лл. 33-62.

[342] РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д 10. Л. 38..

[343] Архив автора.

[344] РГАСПИ. Ф. 560. Оп. I. Д. 10. Лл. 39-43.

[345] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 11. Л. 237.

[346] Там же. Т. 13. Лл-103-104.

[347] Там же Л. 111.

[348] Orlov, A. The Secret History of Stalin's Crimes. London. 1954. Pp. 111-112.

[349] Там же. Р. 238.

[350] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 1. Л. 303.

[351] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 3. Л. 100.

[352] Там же. Т.11. Л.293.

[353] Там же. Л. 10-12.

[354] ЦА ФСБ РФ. Стенограмма выступления Н.И. Ежова на совещании руководящего состава НКВД 24 января 1938 г.

[355] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 11. Л. 184.

[356] Известия. 1990.5 мая.
[357] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 63. Д. 17. Л. 2.
[358] Там же. Лл. 3,7-8.
[359] Там же. Лл. 8-9.
[360] УНЭН (Улан-Батор). 5.VIII. 1990.
[361] ЦА ФСБ РФ. Следственное, дело № Н-15302. Т. 10. Л. 285.
[362] РГАНИ. Ф. 89. 0п. 63. Д. 26. Л. 1.
[363] РГАНИ. Ф. 89. 0л. 29. Д. 1. Лл. 1-3.
[364] Там же. Д. 2. Лл. 1-2.
[365] Там же. Д. 5. Л. 1.
[366] АрдынЭрх (Улан-Батор). 10. IX. 1990.
[367] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 271. Записная книжка Ежова № 3.
[368] Там же.
[369] ЦАФСБ РФ. Стенограмма выступления Н.И. Ежова на совещании руководящего состава НКВД СССР 24 января 1938 г
[370] Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». М., 1938. С. 468-469.
[371] Там же. С. 547.
[372] ЦАФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. I. Л. 184.
[373] Там же. Т. 8. Л. 23.
[374] Там же. Т. 12. Лл. 189-190.
[375] Там же. Т. 7. Лл. 154-155.
[376] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 450. Л. 3.
[377] Водный транспорт. 1938. 24 апреля.
[378] Там же. 26 апреля.
[379] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 11. Л. 289.
[380] Водный транспорт. 1938.4 июня.
[381] Там же. 1938. 18 июня.
[382] См.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 271. Л. 708.
[383] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 121.
[384] Правда. 1933. 12 марта.
[385] См.: Тумшис М.А. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 190.
[386] См.: Николаев С. Цена истины //Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1989. 27,28 сент.
[387] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 10. Л. 169.
[388] Там же. Л. 175.
[389] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 47.
[390] ЦА ФСБ РФ. Архивная справка № 10/А-42 от 10.01.1999.
[391] Там же.
[392] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 265. Л. 19.
[393] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 162.
[394] Там же. Т. 10. Лл. 174-175.
[395] Совершенно секретно. 1992. №5. С. 19.
[396] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 8. Лл. 33-34.
[397] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 1. Лл. 182-183.
[398] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Лл. 170-171.
[399] Там же. Л. 67.
[400] Там же. Л. 44.
[491] Там же. Л. 188.
[402] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. М., 2004. С. 658.
[403] Реабилитация. Как это было. М., 2003. Т. 2. С. 578-579.
[404] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 265. Л. 13.
[405] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 34.
[406] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. М., 2004. С. 659.
[407] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 1. Лл. 67-68.
[408] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Лл. 204- 205.
[409] Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 34.
[410] Известия ЦК КПСС. 1989. N° 4. С. 59.
[411] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 2. Л. 17.
[412] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 10. Л. 163.

[413] Там же. Т. 7. Л. 180.
[414] Очерки истории Коммунистической партии Армении. Ереван. 1967. С. 387; Реабилитация. Как это было. М., 2003. Т. 2. С. 586.
[415] Реабилитация. Как это было. М., 2003. Т. 2. С. 587.
[416] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 10. Л. 59.
[417] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 265. Л. 24.
[418] Военно-исторический архив. 2001. № 9. С. 43-44.
[419] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 157.
[420] Там же. Лл. 163-164.
[421] Там же. Т. 4. Л. 63; Т. 5. Л. 129.
[422] Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории немецкой операции НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 61
[423] Там же. С. 62.
[424] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-24334. Т. 1. Л. 35.
[425] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 220
[426] Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992 С. 33.
[427] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 2. Лл. 132- 133; Лунин Е. Палачи. Ленинградская правда. 1989. 5 августа
[428] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 61
[429] Исторический архив. 1992. № 1. С. 127.
[430] Там же. С. 128.
[431] Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было. Томск, 1995. С. 187, 194.
[432] Шрейдер М.П. НКВД изнутри (записки чекиста). М., 1995. С. 141.
[433] Исторический архив. 1992. № 1. С 129-130.
[434] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 265. Лл. 16,16 об.
[435] Там же. Лл.18об., 19.
[436] Там же. Лл. 19об., 20.
[437] Там же. Л. 22.
[438] Там же. Лл. 22 об., 22 а.
[439] Там же. Лл. 22 б. об., 23 об.
[440] Там же. Лл. 25 об., 26.
[441] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1003. Лл. 34-35.
[442] Неизвестная Россия. XX век. Вып. 4. М., 1993. С. 199-200.
[443] Правда. 1938. 8 декабря.
[444] Поварцов С. Причина смерти — расстрел. М,, 1996. С. 151.
[445] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 2. Лл. 245-246.
[446] Там же. Т. 7. Л. 252.
[447] Там же. Л. 257.
[448] Там же. Лл. 263-264.
[449] Там же. Л. 123.
[450] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 1. Л. 26
[451] Там же: Лл. 32-33.
[452] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 609. Л. 131.
[453] Там же. Л. 133.
[454] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 151. Л. 39.
[455] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 609. Лл. 135-136.
[456] Там же. Л. 134.
[457] Там же.
[458] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 11.
[459] РГАСПИ. Ф. 671. 0п. 1. Д. 271. Лл. 1-93.
[460] Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 31.
[461] Реабилитация. Как это было. М., 2003. Т. 2. С. 612-613.
[462] Служба безопасности. 1993. № 6. С. 2.
[463] Правда. 1939. 20 марта.
[464] Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 408-409; Medvedev R. On Stalin and Stalinism. Oxford. 1979. Pp. 109-110.
[465] Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 50.
[466] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело №-15302. Т. 8. Л. 117.
[467] Там же. Лл. 256-257.
[468] Medvedev R. On Stalin and Stalinism. Oxford. 1979. Pp. 110-111; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 409.
[469] Журналист. 1991. № 2. С. 61.

[470] Судоплатов П.Л. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950-е годы. М., 1997. С. 100.

[471] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 125. Л. 5.

[472] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Лл. 151-164.

[473] Там же. Л. 120.

[474] Там же. Лл. 51-52.

[475] Там же. Лл. 89-90.

[476] Там же. Лл.2-5.

[477] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Лл. 279-322

[478] Там же. Т. 9. Лл. 13-14,50,53.

[479] Там же. Т. 1. Л. 177.

[480] Там же. Л. 176.

[481] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 2. Лл. 1-2.

[482] Там же: Л. 4.

[483] Там же. Т. 1. Л. 104.

[484] Там же. Л. ПО.

[485] Там же. Т. 2. Лл. 49-50.

[486] Там же. Л. 96.

[487] Там же. Л. 102.

[488] Там же. Лл. 102-103.

[489] Там же. Л. 125.

[490] Там же. Т. 1. Лл. 176-177.

[491] Там же. Лл. 180-184.

[492] Там же. Лл. 184-186. (Выдержки из последнего слова Н.И. Ежова в суде впервые были опубликованы в газете «Совершенно секретно» в №4 за 1992 г.).

[493] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Л. 6.

[494] Там же. Лл. 6-7.

[495] Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий; М., 1941. С. 69.

[496] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Л. 162.

[497] Там же. Л. 378.

[498] Там же. Лл. 394-395.

[499] См.: Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. М., 1940. С. 8.

[500] ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 13. Лл. 398-400.

[501] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 15.

[502] Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991. С. 96-97